

Boxoft Image To PDF Demo. Purchase from
www.Boxoft.com to remove the watermark

на платформе

ИЗДАТЕЛЬСКИЕ
ТЕХНОЛОГИИ

letmeprint.ru

Евгений Торчинов

Пути обретения бессмертия

Даосизм в исследованиях и переводах

П А Л Ь М И Р А

Санкт-Петербург

2017

УДК 299.513
ББК 86.33
Т59

Торчинов Е.

Т59 Пути обретения бессмертия: Даосизм в исследованиях и переводах / Евгений Торчинов. — СПб. : ООО «Издательство «Пальмира» ; ООО «Книга по Требованию», 2017. — 602 с.

ISBN 978-5-521-00293-1

В это издание помимо известного труда Е. А. Торчинова «Даосизм» вошли его даологические переводы «Дао-Дэ цзина» («Канона Пути» и «Канона Благой силы») и сочинения «Баопу цзы» Гэ Хуна (284–363 или 283–343), посвященного путям обретения бессмертия.

УДК 299.513
ББК 86.33

ISBN 978-5-521-00293-1

© Торчинов Е. А., наследники, 2017
© Оформление.
ООО «Издательство «Пальмира»,
АО «Т8 Издательские
Технологии», 2017

СОДЕРЖАНИЕ

ДАОСИЗМ

Часть I. ИСТОРИЯ

Путь, который можно пройти, не есть постоянный Путь.	
<i>Происхождение даосизма</i>	7
Распадение «великих сил Поднебесной». <i>Сокровищница Дао и алхимическая мистерия Высшей Чистоты</i>	29
Завершение пути. <i>Даосизм от эпохи великих империй Средневековья до наших дней</i>	48

Часть II. ЛЮДИ И КНИГИ

Престарелый Старец, или Старец-Дитя. <i>Кто написал «Дао-Дэ цзин»?</i>	66
Чжуан-цзы и «Чжуан-цзы»	72
Ле Юй-коу и Чжан Чжань. <i>Текст утраченный и текст восстановленный</i>	77
Мятежный удельный царь и хуайнаньские мудрецы	80
«Канон Великого Равновесия» и «Желтой повязки»	83
Мудрец, который объял первозданную простоту. <i>Магия и наука Гэ Хуна</i>	89
«Сокровищница Дао», или как создавался «Даосский Канон»	94
Тао Хун-цзин, его жизнь, смерть и бессмертие	97
Ли Цюань и «Канон единения сокрытого»	99
Тот, кто стоял в начале письмен, или стражник Инь с пограничной заставы	102
Восточное море мудрости, или кто такой даос Ду Гуан-тин	104
Патриарх Люй, даос с трехногой жабой и совершенный человек пурпурной силы Ян	106
Восемь бессмертных. <i>Ба Сянь</i>	111

Часть III. УЧЕНИЕ

Космогония и космология	114
Недеяние и самоестественность, простота и единство	123
Бессмертные и бессмертие в даосизме, или как сами даосы доказывали, что все это возможно	127
Заключение	136
Рекомендуемая литература	137

ДАО-ДЭ ЦЗИН

ДАО ЦЗИН. Канон пути	139
ДЭ ЦЗИН. Канон Благой силы	156

Гэ Хун. БАОПУ-ЦЗЫ

Предисловие	176
Глава 1. Всепроникающее Сокровенное	194
Глава 2. Рассуждения о бессмертных	201
Глава 3. Ответы на вопросы заурядных людей	232
Глава 4. О золоте и киновари	250
Глава 5. Высший принцип	286
Глава 6. Тонкая суть	302
Глава 7. Нагромождение затруднений	322
Глава 8. Избавление от препятствий	336
Глава 9. Смысл Дао-Пути	361
Глава 10. Прояснение основы	379
Глава 11. Снадобье бессмертных	393
Глава 12. Хитроумные вопросы	428
Глава 13. Предельные речи	445
Глава 14. Усердные поиски	462
Глава 15. Ответы на вопросы о разном	483
Глава 16. О желтом и белом	510
Глава 17. О восхождении в горы и переправе через реки	533
Глава 18. Земная истина	559
Глава 19. Обозрение удаленного	569
Глава 20. Отсечение сомнений	586

ДАОСИЗМ

ЧАСТЬ I ИСТОРИЯ

Путь, который можно пройти,
не есть постоянный Путь

Происхождение даосизма

В середине второго тысячелетия до нашей эры Китай вступил в кровавую и мрачную эпоху своей истории, о характере которой красноречиво говорит уже само ее название — эпоха Борющихся Царств (Чжань-го). Сохранявшееся до середины V в. до н. э. относительное равновесие разнородных политических сил и интересов удельных правителей царства Чжоу (с XI в. до н. э.) рухнуло после того, как мощное княжество Цзинь распалось на три владения — княжества Чжао, Вэй и Хань. Это крушение княжества Цзинь подвело черту под прославленной Конфуцием эпохой «Весен и Осеней» (название знаменитой летописи этого мудреца) и положило начало новому периоду войн и сражений, переворотов и клятвопреступлений, злодейств и жестокостей.

Но, как известно, сова Минервы, богини мудрости, летает только в сумерках. И вот в сумерках кровавой эпохи Чжань-го расцвела классическая китайская философия, распустилось множество цветов и разгорелась борьба «шашек». Первым оформилось конфуцианство, младенческие дни которого прошли еще до начала периода Борющихся Царств. Потом появились моисты, учившие о всеобщей любви и мире, легисты, ратующие за всевластие государя, опирающееся на незыблемость драконовских законов, натурфилософы, проповедующие доктрину положительных и отрицательных сил (*инь—ян*) и пяти первоэлементов, и

другие школы. Одной из них, причем весьма влиятельной, был и даосизм (*дао цзя*).

Первым из многих парадоксов истории даосизма стал тот факт, что эта национальная китайская религия предстала перед прожектором истории в облике философской школы. Но на самом деле здесь нет ничего удивительного: ведь философия доступна для всех людей с достаточно развитым интеллектом, тогда как эзотерическая практика даосской религии была доступна только для посвященных и поэтому должна была до поры оставаться скрытой.

Кроме того, следует отметить, что даосская философия возникла позднее, чем это обычно считается: «Дао-Дэ цзин», важнейший из раннедаосских текстов, был написан не во времена Конфуция, а гораздо позднее, в IV или, скорее всего, в начале III в. до н. э. (об этом мы специально скажем ниже). Следовательно, даосизм — дитя именно эпохи Чжань-го, а не предшествовавшего периода «Весен и Осеней».

Несколько слов о самом слове «даосизм». Оно соответствует китайскому «дао цзяо», что означает «Учение Пути». Надо сказать, что Путь (Дао) — одна из важнейших категорий китайской культуры вообще, а не только даосизма. Более того, в книге «Мо-цзы» словами «дао цзяо» названо конфуцианство, понимавшее под «Дао» Путь нравственного совершенствования и принципы правления древних совершенномудрых государей. Кроме того, слово «даосизм» не употребляется в качестве самоназвания ни в одном из древних даосских текстов и появляется впервые у древнекитайских историков Сыма Тян, Сыма Цян и Бань Гу как обозначение библиографической рубрики в их исторических сочинениях. Позднее (II—III вв.) это обозначение используют буддисты (трактат «Моу-цзы») и только в IV—V вв. сочетание «дао цзяо» становится общепринятым и основным обозначением (и самоназванием) последователей религии, которую мы называем «даосизмом».

От китайского «дао цзяо» происходят и европейские названия этого учения — Taoism (*англ.*), le taoisme (*фр.*), Taoismus (*нем.*). Интересно, однако, что русское название этой религии — даосизм, а не даоизм. Возможно, что это

обстоятельство не является просто следствием неприятия фонетикой русского языка трех гласных подряд, а имеет другую причину. Так, академик В. М. Алексеев считает, что русское «даосизм» происходит от китайского «дао ши» («Муж Дао», то есть даосский священнослужитель) в южном произношении этого слова (*дао сы*). В таком случае русское название имеет преимущество перед западными, ибо «учение даосских священнослужителей» есть нечто более определенное, чем просто «Учение Пути». Но вернемся в эпоху Чжань-го.

Говоря о китайской культуре, мы привыкли рассматривать ее как некий монолит, нечто единое и цельное. Однако это совершенно неверно применительно к китайской древности. В условиях существования на территории государства Чжоу многих отдельных враждующих между собой царств его культура также являла собой картину значительного многообразия; существовало несколько типов культур, только позднее сплавленных в великом общекитайском синтезе эпохи империи Хань (206 г. до н. э. — 220 г. н. э.).

В наибольшей степени отличались друг от друга культуры севера и юга Китая. Если для севера, давшего начало конфуцианству, характерно внимание к этической проблематике и ритуалу, рассудочное стремление к рациональному переосмыслению архаических основ цивилизации, то на юге (огромное царство Чу в бассейне реки Янцзы) господствовала стихия мифопоэтического мышления, процветала экстатичность шаманских культов. И даосизм, созревший, видимо, в лоне южной традиции, тем не менее соединил в себе экзальтированную архаику юга и рациональность севера. Первая дала ему содержание, вторая наделила формой, предоставив созданный ею философский способ освоения действительности для выражения смутных и неосознанных творческих потенций. Без южной традиции даосизм не стал бы даосизмом, без северной — не смог бы сказать о себе языком великой культуры и книжной образованности.

Так в IV—III вв. до н. э. из стихии архаических культов и неупорядоченных религиозных и космологических пред-

ставлений появляется даосизм, сразу же заговоривший о себе на языке философии, но философии, не чуждавшейся притчи, переосмысленного в духе новой эпохи мифологического образа и странного парадокса.

Очень долго мы могли судить о культуре царства Чу и о религиозных корнях даосизма в чуской архаической религии только по разрозненным и достаточно бедным данным из исторических древнекитайских текстов или же по интересному, но недостаточному материалу ритуальной поэзии чуского поэта III в. до н. э. Цюй Юаня (первый представитель индивидуального поэтического творчества в Китае). Только в начале 70-х гг. XX в. благодаря трудам китайских археологов наука получила новый и чрезвычайно богатый материал. Это произошло в результате раскопок в местечке Мавандуй близ города Чанша, столицы провинции Хунань. Среди мавандуйских текстов оказалось достаточно много содержащих ценную информацию о самой сердцевине даосской религиозной доктрины — учении о продлении жизни и обретении бессмертия.

Здесь не место характеризовать мавандуйские раскопки, что уже неоднократно предпринималось; поэтому ограничимся материалами, непосредственно имеющими отношение к происхождению даосизма.

Обратимся к одному из текстов на бамбуковых планках из мавандуйских погребений. Это «Десять вопросов» («Ши вэнь»). Следует сказать, что к названному тексту примыкают также «Речи о высшем Дао-Пути Поднебесной» («Тянься чжи дао тань») и «Трактат о единении инь и ян» («Хэ инь ян»), однако их содержание в значительной мере дублирует текст «Десяти вопросов». Все эти трактаты посвящены вопросам медицины и диетологии в связи с сексологической, или, точнее, эротологической проблематикой. Но для нас они интересны в первую очередь тем, что в них описываются практические методы даосизма, которые ранее были хорошо знакомы исследователю исключительно по средневековым текстам.

Прежде всего, это разнообразные методы сексуальной практики — «искусства внутренних покоев» (*фан чжун чжи шу*), дыхательные упражнения «регуляции пневмы»

(*син цзи*), гимнастические упражнения *дао инь* и некоторые приемы концентрации сознания и созерцания. При этом разработанность и сложность описанных в текстах методов свидетельствует о том, что мавандуйским трактатам уже предшествовала многовековая практика овладения искусством «пестования жизни». Отметим попутно, что гимнастике *дао инь* также специально посвящены некоторые из мавандуйских шелков, а именно «Схема гимнастики» («Дао инь ту»), представляющая собой рисунки различных гимнастических поз. Что касается датировки текстов, то они, видимо, относятся (насколько можно судить по косвенным данным) к IV—III вв. до н. э., то есть современны ранним памятникам даосской философской мысли и должны рассматриваться системно, в тесной взаимосвязи и, так сказать, взаимоконтекстно (сами же найденные рукописи относятся к концу III — первой половине II в. до н. э.).

Во-вторых, данные тексты содержат ясное указание на существование в предымперский (эпоха Чжань-го) период вполне разработанной концепции бессмертия, обретаемого в процессе практики пестования жизни, а также бессмертных (*сяней*).

Конечно, и ранее (например из легистского текста «Ханьфэй-цзы») было известно о том, что на излете эпохи Чжань-го были люди, искавшие способы обретения бессмертия (*бу сы чжи фа*) и верившие в «снадобья бессмертия» (*бу сы чжи яо*), однако только мавандуйские тексты показали как масштаб этой веры, так и степень разработанности и изощренности методов ее реализации, к которой на самом деле средневековый даосизм добавил не так уж много.

Здесь встает естественный вопрос о том, почему же эти тексты оставались неизвестными до мавандуйских раскопок, что создавало иллюзию появления текстов, описывающих даосский путь к бессмертию только в раннее Средневековье. Думается, что как минимум одна из причин этого обстоятельства заключалась в том, что тексты, посвященные даосской практике, рассматривались как сугубо эзотерические и недоступные профанам, тогда как

«мировоззренческие» даосские философские тексты предназначались для достаточно широкого круга интеллектуальной элиты того времени и их «эзотеризм» ограничивался лишь сложностью их содержания. Во всяком случае изучение «Дао-Дэ цзина» или «Чжуан-цзы» не требовало никаких посвящений или клятв, скрепленных кровью жертвенных животных, которые были совершенно необходимы для приобщения к эзотерическому даосскому знанию «практического» характера даже во времена великого даосского алхимика Гэ Хуна (284–363 или 283–343). Тем не менее в процессе развития даосизма и умножения методов и приемов его практики происходила постепенная «дегерметизация», «профанизация» или «экзотеризация» даосизма, в результате которой тексты, считавшиеся ранее сокровенными по своему характеру, начинают широко распространяться как среди даосов, так и среди мирян. Предельное выражение этого процесса «дегерметизации», «открытия сокрытого» — современная мода на *ци гун* и *гун фу*, приводящая к тому, что о методах и приемах, которым раньше учитель тайно и лично обучал ученика, прямо пишется в руководствах, издаваемых массовыми тиражами. Отметим, что подобный процесс протекал и в других религиозных традициях — например, в тантрическом буддизме (Ваджраяна), да и в буддизме вообще.

Приведем в качестве примера несколько фрагментов из «Десяти вопросов»:

I

Умеющий правильно упорядочивать пневму-*ци* и овладевший семенем-энергией (*цзин*) достигает в себе концентрации непредсказуемого, его семя-энергия и дух переполняются жизненной силой, как источник водой; он контролирует сладкую росу (*гань лу*), дабы она собиралась в его теле; он пьет из яшмового источника и поглощает в себя одухотворенное вино бессмертных, дабы обрести постоянство; уходит от зла и превращает добро в свою привычку, и поэтому его дух обретает должную форму. Практикуя путь контроля над пневмой обязательно следует направлять ее в конечности,

тогда семя-энергия не будет иметь никакого ущерба. И в верхней, и в нижней частях тела — везде циркулирует семя-энергия.

II

Приспосаблившиеся жизнью люди вверху постигают принципы Неба, внизу созерцают нормы Земли. Наделенные способностями непременно станут одухотворяться, совершенствуясь в искусстве продления жизни. Поэтому они смогут достичь освобождения от своей телесной формы.

Прозревающие Великое Дао-Путь взмывают в заоблачные выси, наверху достигают Яшмового Града бессмертных, подобно воде, растекаются в дальние дали, подобно дракону, они возносятся вверх, они молниеносно-мгновенны, но силы их неистощимы. <...> У Чэн-цзы¹ <...> как раз и был таким бессмертным; У Чэн-цзы в своей жизни полностью соответствовал четырем сезонам, Небо и Земля в их постоянстве служили ему мерилom, У Чэн цзы существовал, слив воедино свою жизнь и превращения сил *инь—ян*.

Бессмертие *инь—ян* познав, У Чэн-цзы таким же вечным стал, и все познавшие *Дао* мужи тоже таковы.

III

Если утром заниматься дыхательными упражнениями, то и пневма и тело укрепятся, семя и пневма станут подобны <...> воде, которая превращается в лед, укрепившись таким образом, и годы жизни надолго продлятся. Дух будет находится во внутренней гармонии с телом, разумные и животные души *хунь* и *по* царственно воссияют <...> пять вместилищ станут крепкими и здоровыми, лик станет подобным нефриту и светозарным, долголетие станет таким же, как у солнца и луны, и человек окажется наделенным наиболее совершенной пневмой Неба и Земли.

Здесь мы встречаемся с описанием гимнастических и дыхательных методов и характерной даосской терминологией, также обычно соотносимой со средневековыми текстами. В качестве примера можно привести термин «сладкая роса», обозначающий или продукт соединения небес-

ных и земных пневм, или просто слюну, которой даосы (в том числе и авторы мавандуйских текстов) придавали весьма большое значение. Любопытно также, что этот термин восходит к тексту «Дао-Дэ цзина»:

Когда Небо и Земля в гармонии друг с другом, тогда вниз стекает сладкая роса (Дао-Дэ цзин. Гл. 32).

В приведенных фрагментах из «Десяти вопросов» отчетливо прослеживается также связь между даосскими медицинскими и гигиеническими (или диетологическими) предписаниями и даосской теорией обретения долголетия и даже бессмертия через становление сянем, бессмертным гением. Более того, во втором фрагменте присутствует даже намек на существование в древности аналога более поздней даосской идеи обретения бессмертия через смерть и воскресение, так называемого «освобождения от трупа» (*ши цзе*). В тексте употреблено выражение «син цзе» — «освобождение от телесной оболочки», вполне аналогичное термину «ши цзе», поскольку он предполагает сброс не подвергшихся трансформации кожных покровов, подобно тому как сбрасывают свою кожу змеи и цикады. В таком случае не будет слишком смелым и предположение, что сохранение при помощи уникальной «мумификации» тела княгини Дай из мавандуйских захоронений преследовало в качестве цели не только сохранение связи с телом души усопшей княгини, но и ее последующее воскресение благодаря совершению тех или иных даосских ритуалов, ведущих к новому и окончательному воссоединению души и преобразившегося тела обретшей бессмертия княгини.

Теперь обратимся к другому мавандуйскому тексту, а именно к «Речам о высшем Дао-Пути Поднебесной». Этот текст посвящен в значительной степени даосской сексуальной практике, вполне совпадающей как по своему характеру, так и по описанию с аналогичными средневековыми текстами, сохранившимися в японской (X в.) медицинской антологии «И синь фан» и опубликованными в начале XX в. китайским ученым Е Дэ-хуэем. Приведем два примера, связанных с проблемой даосского бессмертия.

I

Если постоянно восполнять таким образом жизненную силу, то пневмы трех гармоний станут совершенными, крепость и сила организма возрастут. Тот, кто хочет таким образом упорядочивать свое тело, должен сосредоточенно и внимательно готовиться к этому. Умеющий совершать «запирание нефрита» сразу же становится бессмертным.

II

Тот, кто способен следовать этому пути, может быть назван мужем, постигшим Небесное².

Таким образом, теперь мы знаем, что в эпоху Чжань-го существовали и иные даосские (или протодаосские) тексты помимо произведений даосской философской классики («Дао-Дэ цзин», «Чжуан-цзы»). Тем не менее именно философские тексты стали первым свидетельством того, что начался процесс трансформации древних верований и форм «техники экстаза», характерных для юга Китая, и постепенного превращения их в новую религию.

Конечно, даосизм генетически восходит к шаманистическим верованиям и формам практики юга Китая (бассейна Янцзы), однако между этими верованиями и даосизмом существует принципиальная разница: то, что в древности не требовало никакого осмысления и концептуализации, теперь приобрело форму теоретически осмысленной доктрины.

Вряд ли вызревание даосизма из стихии архаической религиозности было простым и бесконфликтным. Можно предположить, что процесс возникновения даосизма был, с одной стороны, следствием острого кризиса архаического миросозерцания, а с другой — попыткой преодоления этого кризиса. Можно с уверенностью сказать, что этот кризис имел универсальный общекитайский характер. Собственно, он как бы знаменовал завершение архаического этапа становления китайской культуры и начало формирования собственно древнекитайской культуры (этот процесс можно также назвать переходом от протокитайской к древнеки-

тайской культуре) и охватывал всю территорию Чжоуского государства.

На севере, в «срединных царствах» колыбели чжоуской цивилизации, Конфуций рационализировал продукты древнего мифологического мышления, переводя архаическую магию ритуала на язык истории и этики и вливая в старые мехи магического мировосприятия новое вино морально переосмысленного ритуала (*ли*); на юге, в «полуварварских», с точки зрения северян, землях Чу и близлежащих Сун, У и Юэ формировалась другая всекитайская традиция — даосская, заставившая говорить на философском языке людей транса и экстаза, шаманов и анахоретов. Повидимому, кризис архаики сопровождался стремлением образованных носителей традиции подвергнуть их осмыслению и пропустить через призму философской, теоретической рефлексии. Это стремление, скорее всего, и послужило толчком к началу формирования даосизма.

Здесь мы не будем говорить об учении даосских философских текстов — приписываемом Лао-цзы «Дао-Дэ цзин» и написанном (по крайней мере частично) мыслителем Чжуан Чжоу «Чжуан-цзы»; о них речь пойдет во второй части книги, посвященной даосским текстам. Пока же лишь очень кратко охарактеризуем основные идеи этих памятников.

Во-первых, даосские философские тексты провозглашают Дао, Путь, предельной первоосновой и высшей закономерностью Вселенной. Что такое Дао? На этот вопрос лучше всего было бы ответить словами самого автора «Дао-Дэ цзина»: «Знающий не говорит, говорящий не знает». Более того, сам автор этого трактата (будем по традиции называть его Лао-цзы) утверждает, что это первоначало назвать вообще никак нельзя и он, лишь «прилагая усилие», называет его Дао, то есть Путем. Эта таинственная (*сюань*, *мяо*) первооснова мира одновременно является и принципом, или закономерностью, как всего мирового целого, так и каждого его элемента в отдельности. Само Дао следует лишь своей собственной природе, оно «само по себе таково» (*цзы жань*), то есть самоестественно и спонтанно.

Человечество отступило от Дао и, утратив простоту и самоестественность истинного Пути, увлеклось ложными ухищрениями и псевдоученым многознанием. Совершенный мудрец следует принципу «недеяния», то есть ненарушения естественного порядка сущего и невмешательства в природу вещей. Он, как и Дао, самоестествен и следует собственной природе, а не внешним и ложным условностям. Уподобившись младенцу, он возвращается в лоно Дао — Великой Матери Поднебесной — и обретает совершенство и бессмертие.

Истинное правление основывается на простоте и безыскусности. Следует отказаться от хитроумия лжемудрецов и вернуться к единству с природой, отбросив все ухищрения цивилизации, включая письменность, и сложности государственного устройства. Совершенный мудрец управляет посредством «недеяния», и подданные лишь знают о его существовании, но не более того.

Добро и зло, прекрасное и безобразное, сон и бодрствование, жизнь и смерть — лишь условные и относительные понятия. Истинная реальность едина, целостна и «голографична»: в ней все присутствует во всем, в каждой части содержится все целое и все переходит во все. Святой стремится к полному единению, «единотелесности» с этим целым и становится божественным и одухотворенным: весь мир — его тело, все силы Вселенной — его колесницы, он не погибнет ни тогда, когда расплавится весь мир, ни тогда, когда волны всемирного потопа поглотят всю землю. Такой мудрец стоит одной ногой в мире отсутствия и безмолвия сверхсущего Дао, а другой — в мире перемен и превращений.

Однако Южный Китай — не единственный регион, внесший свой вклад в формирование даосизма в первый период его истории. Большую роль в этом процессе сыграли и верования восточного приморского царства Ци, где активно развивалась идея обретения бессмертия и превращения в святого-бессмертного, *сяня*. Кто же такие *сяни*?

Во-первых, отметим, что само слово «бессмертный» (*сянь*) графически восходит к графеме, изображающей некое пернатое существо, по-видимому шамана, способного

к магическому полету в состоянии транса. Даже в текстах рубежа нашей эры слово «сянь» могло употребляться в глагольном значении «возноситься ввысь». Следовательно, этимологически это слово выражает не столько идею бессмертия, сколько некую таинственную способность возноситься в вышние сакральные миры. Но позднее акценты были смещены и идея бессмертия стала доминировать над идеей мистического вознесения. Тем не менее всегда предполагалась причастность *сяня* к божественному и его наделенность сверхъестественными силами и способностями.

При обретении бессмертия (*чан шэн бу сы*), во-первых, меняется сама внешность человека: у него заостряются или перемещаются на макушку уши (ср. описания эльфов в кельтском фольклоре), становятся квадратными или двойными зрачки, тело покрывается чешуей, шерстью или перьями и т. д.; во-вторых, он приобретает ряд сверхъестественных способностей (от левитации до умения одновременно пребывать в нескольких местах и становиться невидимым); в-третьих, он становится столь же долговечным, «как Небо и Земля».

В средневековых текстах выделяется несколько типов бессмертных (до девяти), хотя самой распространенной является трехчленная классификация. Это небесные бессмертные (*тянь сянь*), земные бессмертные (*ди сянь*) и бессмертные, освободившиеся от трупа (*ши цзе сянь*).

Первый тип бессмертных считается наивысшим. Это бессмертные, вознесшиеся в небесные, или астральные, миры (Большая Медведица, Полярная звезда) и занявшие определенный пост в иерархии небесных божеств. Впрочем, отнюдь не все даосы стремились к этому вознесению, ведь, во-первых, бессмертные, по определению, никогда не умирают и все хорошие должности на небесах уже давно заняты и никогда не освободятся (типично китайский прагматизм), а во-вторых, многим даосам, следовавшим принципам недеяния и естественности, идиллическая жизнь среди гор и вод казалась предпочтительнее суесть небесного двора (характерный представитель такого подхода — некий Господин Белого Камня — Бай Ши сяньшэн, которому букволические радости были милее пышности обитателей бессмертных небесных миров).

Что касается земных бессмертных, то они относятся к средней категории и остаются жить на земле — или в так называемых «славных горах» (*мин шань*), то есть на одной из 37 перечисленных даосским алхимиком Гэ Хуном гор, подходящих для даосского совершенствования, или в так называемых «пещерных небесах» (*дун тянь*), то есть своего рода параллельных мирах, проходом в которые служат пещеры в «знаменитых горах» (отметим мимоходом, что мир Персикового источника, *тао хуа юань*, воспетый великим поэтом Тао Юань-мином, Тао Цянем, IV–V вв. н. э., также может быть отнесен к категории «пещерных небес»). В традиции даосской школы Учения Совершенной Истины (*цзянь чжэнь цзяо*), возникшей в XII в. и являющейся в настоящее время ведущей, особенно в Северном Китае, до сих пор бытует верование в возможность встречи с бессмертными в даосских храмах в дни определенных праздников.

Категория «бессмертных, освободившихся от тупа», относится к низшей (в частности, традиция причисляет к ней и упомянутого выше Гэ Хуна). Она предполагает незавершенность процесса трансформации тела практикующего в бессмертное тело адепта, который заканчивается после его смерти и знаменуется воскресением. Иногда к этому способу прибегали даосы, оказавшиеся в смертельной опасности (для этого существовали определенные ритуалы), как, например, это сделал знаменитый даосский маг Цзо Цы, которого повелел казнить знаменитый полководец и диктатор Цао Цао (нач. III в.). В таком случае в целостности и сохранности должны были остаться пять базовых внутренних органов (*у цзан*), то есть печень, сердце, селезенка, легкие и почки, служащие как бы основой наращивания новой бессмертной плоти; к обязательным условиям относятся и сохранение скелета, и особенно позвоночного столба. Любопытно, что вера в *ши цзе сянь* препятствует даосам принимать христианство, поскольку для них воскресение Иисуса не является чудом или каким-то экстраординарным событием.

Таким образом, можно констатировать тесную связь даосского учения о бессмертии с общими принципами ки-

тайского мировосприятия, сакрализующего чувственный космос и видящего в жизни высшую ценность.

В царстве Ци вера в бессмертных соединилась с порожденным, видимо, морскими миражами представлением о существовании неких островов бессмертных, находящихся далеко в океане. Это Фанчжан, Инчжоу и Пэнлай (последний был особенно знаменит). Считалось, что на этих островах растут особые растения, употребление которых в пищу может сделать человека бессмертным. Позднее эта вера привела даже к снаряжению императором Цинь Ши-хуан-ди морской экспедиции на эти острова.

Ци было также знаменито своими магами, «мужами магических методов» (*фан ши*), верования и практика которых также внесли свой вклад в формирование даосизма. Не были чужды ученым мужам Ци и занятия философией, которая во многом была, видимо, рационализацией учения магов. Классическим примером циской философской мысли стали слившиеся воедино школы «пяти первоэлементов» и «сил *инь*—*ян*», у истоков которых стоит фигура философа III в. до н. э. Цзоу Яня. Идеи этих мыслителей-натурфилософов нашли свое развитие в последующий период и были усвоены в полной мере как даосами, так и конфуцианцами (Дун Чжуншу, «Конфуций эпохи Хань»).

В своем окончательно сложившемся к началу нашей эры виде доктрина натурфилософов предполагала признание единой энергетической и квазиматериальной субстанции — *ци* («эфир», «пневма»). Это *ци* первоначально абсолютно аморфно и просто, однако в процессе развития *ци* как бы поляризуется на положительно заряженное (мужское, горячее, светлое, подвижное, активное) — *ян* и отрицательно заряженное (женское, холодное, темное, покоящееся, пассивное) — *инь*. *Инь* и *ян* начинают постоянно циклически переходить друг в друга («То *инь*, то *ян* — это и есть Дао-Путь»). Пять фаз этого циклического процесса получают название «пяти первоэлементов» (*у син*): дерево (зарождающееся *ян* — восток, весна, зеленый цвет), огонь (зрелое *ян* — юг, лето, красный цвет), земля (равновесие *инь* и *ян* — центр, середина года, желтый цвет), металл (зарождающееся *инь* — запад, осень, белый цвет) и вода

(зрелое *инь* — север, зима, черный цвет); затем цикл повторяется. Силы *инь*—*ян* и пять первоэлементов формируют все сущее (космическую триаду Небо—Земля—Человек, все вещи и существа). Учение о силах *инь*—*ян* и пяти первоэлементах в соединении с идеями древней мантрической книги «Канон Перемен» («И цзин») вошло и в даосизм, и в конфуцианство. В даосизме оно легло в основу методологии и алхимии, и традиционной медицины (которой обычно занимались даосы), и астрологии, а такие символы первоэлементов «дерево» и «металл», как зеленый дракон и белый тигр, стали постоянными аллегориями противоположных, но взаимодополняющих начал даосской практики обретения бессмертия.

Но философская мысль Ци не исчерпывалась натурфилософскими спекуляциями Цзоу Яня и его последователей. В этом государстве существовала еще «академия» Цзися, названная так по западным воротам Ци в столице царства Ци, около которых эта «академия» располагалась. При этом не исключено, что сама интеллектуальная атмосфера «академии» подготовила условия для написания «Дао-Дэ цзин» и «Чжуан-цзы», перед которыми, возможно, мыслители Цзися имели хронологический приоритет.

К философии *Дао* и *Дэ* непосредственно примыкают такие философы этой «академии», как Инь Вэнь-цзы, Сун Цзянь и Шэнь Дао, сочинения которых до нас, к сожалению, не дошли. Имеющийся ныне текст «Вэнь-цзы», приписываемый ученику Лао-цзы, также, видимо, не является подлинным. Поэтому главным «цзисяским» памятником может служить текст трактата «Гуань-цзы». Хотя он и приписывается сановнику Гуань Чжуну (ум. 645 г. до н. э.), в действительности он был написан значительно позднее, в IV—III вв. до н. э. Ряд глав этого произведения — «Искусство сердца», «Внутренний труд» и другие — явно написаны в духе зарождающейся даосской мысли. В остальном мировоззрение авторов из Цзися близко взглядам школы натурфилософов, о которых говорилось выше.

Царство Ци (и академия Цзися) также непосредственно связано с формированием политической субтрадиции

даосизма — учения Хуан—Лао, проповедовавшего идею управления государством на основе недеяния и следования самоестественности. Вместе с тем доктрина Хуан—Лао соприкасалась с учением о бессмертных, с одной стороны, и натурфилософией Цзоу Яня — с другой. Что касается названия этого учения, то Хуан — это Хуан-ди, мифический Желтый Император, основатель китайской цивилизации, которого даосы считали великим магом и мудрецом, знатоком тайн алхимии, обретшим бессмертие и восшедшим на небеса. Ну а Лао — это, конечно же, Лао-цзы — автор «Дао-Дэ цзина» и основатель даосизма. При этом Лао-цзы выступал как источник доктрины Дао, а Хуан-ди считался не только авторитетом в делах правления, но и адептом и покровителем таких «искусств», как астрология, медицина, гадание, сексуальная практика — словом, всего того, что входило в сферу компетенции магов и теоретиков натурфилософии.

После объединения всего Китая под властью циньского царя, теперь провозгласившего себя императором Цинь Ши-хуан-ди (Первым Циньским Августейшим Государем), на сцене впервые появляется так называемый придворный даосизм. Тиран-император ненавидел и даже физически уничтожал конфуцианцев с их доктриной правственного правления, но благоволил к даосам, интересуясь оккультными тайнами и особенно перспективой обретения бессмертия.

Поиски бессмертия царями начались еще в эпоху Чжань-го, и не исключено, что многочисленные маги и прежде обслуживали соответствующие запросы своих монархов, находясь на придворной службе. После объединения страны у них остался один клиент — император, а не множество правителей, как прежде. В 219 г. до н. э., через два года после создания империи, маги из Ци прибыли ко двору с предложением организовать поиски эликсира бессмертия на морских островах. Множество магов устремилось в Сяньян, столицу империи, рекламируя свои оккультные познания. В это же время сам император стал говорить о себе как о даосском «совершенном человеке» и запретил даже упоминать слово «смерть» в своем присут-

ствии. Маги советовали императору жить в уединении, храня в тайне место своего пребывания.

Рассказывая об увлечении даосизмом Цинь Ши-хуан-ди и ханьского императора У-ди (140–87 до н. э.), автор «Истории династии Хань» древнекитайский историк Бань Гу говорит:

Когда Цинь Ши-хуан-ди впервые объединил империю, он предался культу бессмертных. Тогда он послал таких людей, как Сюй Фу и Хань Чжун, в море с непорочными юношами и девами на поиски бессмертных и их снадобий. Но они сбежали и никогда не вернулись³. Такие попытки вызвали негодование и ропот в Поднебесной.

С возвышением династии Хань Синьюань Пин из Чжао, Шао-вэн, Гунсунь Цинь, Луань Да и другие из Ци — все они получали почести и награды от императора У-ди по причине их знакомства с бессмертными, знания алхимии, умения совершать жертвоприношения, служить духам и управлять ими и походов за море за бессмертными и их снадобьями. Дары, пожалованные им, составляли тысячи мер золота. Луань Да был в особом фаворе и даже женился на принцессе. Титулы и награды посыпались на него в таком количестве, что все в пределах четырех морей были потрясены. Поэтому в правления под девизами Юань-ди (116–111 г. до н. э.) и Юань-фэн (80–75 г. до н. э.) в Янь и Ци были тысячи магов, таращивших глаза и потиравших руки, говорящих, что они знают искусство обретения бессмертия, совершения жертвоприношений и получения небесных благословений (гл. 256).

Следует отметить, что если при Цинь Ши-хуан-ди и до него стремление государей обрести бессмертие не оказывало непосредственного влияния на государственные дела, то при ханьском У-ди положение дел резко изменилось. Не исключено даже, что одним из побудительных мотивов завоевательных походов У-ди в западном направлении (Фергана, Давань) было стремление заполучить знаменитых «небесных коней», существ «того же рода», что и драконы, на которых можно добраться до Западного царства

богини Матери-Царицы Запада (Сиван-му) и ее эликсиров бессмертия. Не исключено, что рассказы дипломата Чжан Цяня о Западном крае укрепили готовность императора, разочаровавшегося в морских экспедициях на восток, искать бессмертия на западе, на вершине мифической мировой горы Куньлунь.

К акциям, направленным на обретение бессмертия, предпринятым ханьским У-ди, следует отнести поощрение занятий алхимией для создания эликсира бессмертия (главный придворный алхимик — Ли Шао-цзюнь), поощрение поклонения духам, строительство двух залов для встречи с бессмертными и совершение великих жертвоприношений *фэн* и *шань*, которым придавался не конфуцианский, а даосско-магический смысл. Нельзя не упомянуть здесь и знаменитого юродивого мудреца Дунфан Шо, ставшего первым даосским отшельником, живущим при «золотых воротах» государевых палат.

При этом У-ди (в отличие от своих предшественников Вэнь-ди и Цзин-ди, почти сделавших даосизм доктриной Хуан—Лао государственной идеологией) на уровне государственной власти благоволил к конфуцианцам, впервые фактически придав этому «учению совершенномудрых» статус официальной доктрины.

Покровительство даосам и магам процветало и при дворах удельных князей. Достаточно назвать Лю Аня, удельного царя Хуайнани, собравшего при своем дворе даосов и магов, плодом деятельности которых стал трактат «Хуайнань-цзы» («Мудрец из Хуайнани»), и стяжавшего себе репутацию казненного мятежника (получил приказ покончить с собой в 122 г. до н. э. после раскрытия его заговора против императора с целью узурпации власти), с одной стороны, и мудреца, обретшего бессмертие и вознесшегося со всей своей семьей и домашними животными на небо, — с другой.

Поиски бессмертия императорами Хань отнюдь не ушли вместе с императором У-ди. Так, император Хуань-ди (73—49 до н. э.) повелел знаменитому филологу Лю Сяню проверить действенность алхимических рецептов Лю Аня. Позднее веру в бессмертие обнаруживали узурпатор Ван Ман и император Хуань-ди (147—167 н. э.), поклонявшийся Лао-

цзы и Будде и искавший физического бессмертия. Он организовал жертвоприношение Лао-цзы в его родном уезде Кусяньи и сам совершил аналогичное действие во дворце.

Поздниханьские удельные владельцы зачастую продолжали традиции хуайнаньского Лю Аня. Так, в 70 г. н.э. чуский царь Ин был обвинен в связи с магами Ван Пином и Янь Чжуном для подготовки к мятежу. Братья царя также занимались магией и разделяли его религиозные взгляды. В 147 г. цинхэский удельный царь Суань получил поддержку лидера «мятежа колдунов» (*яо цзэй*) Лю Ю в своей попытке сесть на императорский престол. Перед самым крушением империи Хань в 173 г. чэньский царь Лун был обвинен в совершении жертвоприношений (совместно со своим канцлером Вэй Инем) небесному богу Хуан Лао-цзюню (Желтому Престарелому Государю, то есть обожественному Лао-цзы). Возможно, что царь Лун был близок к одной из мятежных сект, родственных секте «Пути Великого Равновесия-Благоденствия» (*Тай тун дао*), подготовившей восстание Желтых повязок (184), которое нанесло смертельный удар Ханьской империи. Подобные секты культивировали почитание Лао-цзюня как мессии-избавителя, устанавливающего царство Великого Равновесия-Благоденствия (*тай тун*).

Обожествление Лао-цзы — важный итог развития даосизма на рубеже нашей эры. Почитаемый традицией автор «Дао-Дэ цзина» превращается в великого бога, воплощение, или персонификацию, самого Дао-Пути, из божественного тела которого возникла вся Вселенная. Этот бог периодически воплощается на земле как мудрец и наставник государей (одним из таких воплощений и был «исторический» Лао-цзы).

Учение о теофаниях, богоявлениях Лао-цзы, стало важным основанием для новой трансформации даосизма, трансформации, с которой, по существу, начинается история даосизма как организованной (институционализированной) религии.

Предание повествует, что в 142 или 145 г. божественный Государь Лао (Лао-цзюнь) явился на горе Крика Аиста (Хэминшань; Юго-Западный Китай, провинция Сычу-

ань) отшельнику Чжан Дао-лину, дал ему новое и окончательное откровение о природе миропорядка и объявил, что более он уже не будет являться людям, поскольку с новым откровением его миссия завершена. Своим же наместником на земле Лао-цзюнь провозгласил самого Чжан Дао-лина и его потомков, даровав им титул Небесного Наставника (*тянь ши*), впервые упомянутый еще в «Чжуан-цзы». Это «событие» весьма значимо для истории даосизма: во-первых, появилось организованное направление даосизма, претендующее на ортодоксальность и отвергающее идею продолжающегося откровения, служившую основанием для появления новых школ и направлений; во-вторых, была установлена новая иерархия с наследственным Небесным Наставником во главе.

Новое направление получило название «Тянь ши дао» («Путь Небесных Наставников»), под которым оно было известно несколько столетий. Позднее оно приняло новое официальное название — «Чжэн и дао» («Путь истинного, или ортодоксального, единства»), закрепленное за школой указами сунских императоров в XII—XIII вв. В ханьское время учение «Небесных Наставников» называли также «У доу ми дао» («Путь пяти мер риса»), поскольку неопиты должны были сделать ритуальный взнос в размере пяти мер (ковшей) риса: этот взнос соотносился с образом ковша созвездия Большой Медведицы — одной из важнейших обителей бессмертных.

Сторонники новых иерархов становились все более многочисленными и при третьем Небесном Наставнике, внуке Чжан Дао-лина по имени Чжан Лу (ум. ок. 220), ими была предпринята попытка создания в Юго-Западном Китае (земли провинции Сычуань и части Шэньси — г. Ханьчжун и его окрестности) самостоятельного даосского теократического государства, что оказалось совсем не сложным, ввиду начавшегося на востоке страны восстания Желтых повязок (184) и общей географической удаленности и изолированности Сычуани. Это даосское государство просуществовало до 215 г., когда Чжан Лу капитулировал перед войсками военного диктатора генерала Цао Цао и признал его власть над своими владениями.

Государство Небесных Наставников было разделено на 24 округа (*чжи*), во главе каждого из которых стояли «виночерпий» (*цзи цзю*) и 24 чиновника. В число 24 чиновников входили 12 мужчин и 12 женщин.

Дети вступали в общину в возрасте семи лет. По этому случаю составлялся документ (реестр), содержащий имена и атрибуты одного или нескольких божественных покровителей («генералов») и его подчиненных и солдат. Эти генералы и их армии вызывались заклинаниями и визуализацией их образов, причем они рассматривались как своего рода проекция сил повелевающей ими личности. Детей после данного посвящения называли «новичками реестра» (*лу шэн*), и они должны были выполнять 5 заповедей: не убивать, не воровать, не прелюбодействовать, не пить вина и не лгать. Они также должны были использовать свои духовные силы для помощи Небесному Наставнику в лечении людей. Им запрещалось поклоняться предкам и домашним богам (за исключением специально отведенных для этого дней) или частным образом молиться каким-либо другим божествам кроме самого Великого Дао и его персонифицированных эманаций и аспектов.

Следующая ступень посвящения (также для детей) связана с получением «Реестра десяти генералов», знаменующего возрастание возможностей создания покровителей из энергий собственного тела и предполагающего увеличение числа соблюдаемых заповедей.

Взрослые проходят третье посвящение, приобретая реестры с именами 75 генералов, причем мужские реестры отличаются от женских. При вступлении в брак оба реестра комбинируются, образуя силы 150 духов, что является наивысшим посвящением для мирян. Женатые миряне следовали 72 заповедям, текст которых утерян, однако так называемая «Желтая книга спасения» («Хуан шу го ду и») позволяет восстановить ритуал соединения реестров, возможно предполагавший ритуальное соитие, что приводило в ужас буддийских монахов IV–VI вв. Другое название обряда — «соединение пневм» (*хэ ци*); совершался он, видимо, до X в.

Если человек желал стать духовным лицом (*дао ши*), то он проходил еще одно посвящение и принимал 180 обетов, часть которых предполагала заботу об окружающей среде.

В целом практика символических общинных литургий (*цзяо*), воспроизводящих средствами обряда процесс обретения бессмертия, создание разного рода «реестров» (*лу*) и талисманов (*фу*), составляла суть религиозного служения школы Небесных Наставников и в более поздние времена, вплоть до современности.

Четвертый Небесный Наставник Чжан Шэн после 220 г. покинул юго-запад и вернулся на родину Чжан Дао-лина, в провинцию Цзянси (юго-восток центральной части Китая), где поселился в горах Дракона и Тигра (Лунхушань; современный уезд Гуйцисянь); эти горы уже были известны как место первоначального отшельничества Чжан Дао-лина, а их название имело ярко выраженный алхимический смысл, поскольку дракон и тигр составляли распространенный даосский символ единения противоположностей: *инь* и *ян*.

Так, горы Лунхушань превратились в постоянную резиденцию Небесных Наставников, поселившихся в роскошной резиденции Шанцинчжэнь (Селение Высшей Чистоты) у подножия этих живописных гор. В правление династии Южная Сун (1125–1279) Небесные Наставники получили горы Лунхушань и прилегающие земли в свой удел, восстановив таким образом частично традиции даосской теократии в этом своеобразном китайском Ватикане. Императоры династий Мин (1368–1644) и Цин (1644–1911) официально назначили Небесного Наставника главой всех даосских общин и предстоятелем даосизма в империи, хотя другие даосские школы сами по себе прежде не признавали главенства и особых прерогатив лунхушаньского иерарха.

Небесные Наставники из рода Чжан проживали до 1947 г., когда в Цзянси окончательно установился коммунистический режим, сразу же начавший притеснять иерархов из рода Чжан, что вынудило 63-го Небесного Наставника Чжан Энь-пу уехать вначале в Сингапур, а после

1949 г. — на Тайвань, где школа «Небесных Наставников» процветает и в настоящее время (сейчас ее первоиерархом стал 64-й Небесный Наставник, племянник Чжан Энь-пу). Однако представители рода Чжанов остались и в КНР: в лунхушаньской резиденции, ставшей чем-то средним между храмом и музеем, живет внук Чжан Энь-пу по имени Чжан Цзинь-тао, а в Пекине — его старший брат Чжан Цзи-юй, известный даосский ученый и автор ряда книг по истории Небесных Наставников и их движения.

Формирование первого организованного направления даосизма, даосской «церкви» Чжанов кладет конец периоду зарождения даосизма и первому этапу его становления. Начиная со II в. н.э. мы имеем дело уже не с аморфным религиозно-философским течением интеллектуалов и анахоретов, а с развитой национальной религией Китая, не только вобравшей в себя все традиционные китайские представления о мире и человеке, но и воплотившей в себе многие обычаи, привычки, традиции, предания и особенности мышления китайского (ханьского) этноса и черпавшей свою силу не только в рафинированной философии верхов, но и в народных верованиях низов.

Распадение «великих сил Поднебесной»

Сокровищница Дао и алхимическая мистерия Высшей Чистоты

После падения Ханьской империи (формально 220 г.) Китай вступает в смутный и тревожный период «распадения великих сил Поднебесной». Вначале это эпоха Троецарствия, когда на территории бывшей империи существовали и боролись друг с другом три царства: Вэй, Шу и У. Затем последовало кратковременное объединение страны под эгидой династии Цзинь. Но уже в начале IV в. взбунтовались зависимые от империи сюнну (гунны) и другие кочевые племена. Они вторглись в Северный Китай, взяли столицу империи Чанъань (современный Си-

ань) и захватили всю северную часть страны до берегов Янцзы, создав на завоеванной территории множество эфемерных государств-«империй». На юге же сохранилась власть национальных китайских династий. Так начался период Южных и Северных династий, продолжавшийся до конца VI в., когда страна вновь была объединена вначале правившей недолго династией Сун, а затем — великой Тан (618—907), при которой Китай достиг вершин блеска, могущества и процветания.

Смута, начавшаяся вслед за падением Хань, ослабила государственное конфуцианство и укрепила позиции даосизма, привлекавшего как аристократию (философия Сокровенного, *сюань-сюэ*, Ван Би и Го Сяна), так и простой народ. Одновременно в Китае началось триумфальное шествие буддизма, религии индийского происхождения, впервые проникшей в Срединную империю еще в I в. н. э., но ставшей реальной духовной силой только с III в. Перед лицом этой иноземной религии началась консолидация разрозненных до того групп отшельников-даосов, что привело как к появлению в IV—V вв. новых школ и направлений даосизма, так и к созданию общего свода даосской религиозной и философской литературы — «Дао цзана» («Даосский Канон», или «Сокровищница Дао»). К этим процессам мы теперь и обратимся.

В основном все новые явления в истории даосизма связаны с югом. Истерзанному бесконечными войнами между кочевниками северу было не до духовных поисков. На юге же сложилась своеобразная аристократическая культура с оттенком утонченного декаданса, в которой и даосскому культу природы и бессмертия нашлось свое место. Однако этим аристократическим даосизмом «славных мужей ветра и потока» (*фэн лю мин ши*) отнюдь не ограничивалась традиция поисков Великого Пути в рассматриваемую нами эпоху.

Прежде всего отметим, что на юге Китая в эту эпоху расцвела даосская алхимия вкупе с магией, астрологией и другими оккультными науками, которые продолжали и развивали традиции поиска бессмертия еще ранней ханьской эпохи. Этот оккультный даосизм получил от своих

адептов название — учение «Письмен Трех Августейших» (*сань хуан вэнь*), то есть мифических совершенномудрых императоров древности. Крупнейшим представителем этого направления был знаменитый Гэ Хун, автор фундаментального трактата «Баопу-цзы» («Мудрец, Объемлющий Первоизданную Простоту»). В связи с этим настало время подробнее охарактеризовать даосскую алхимию как важнейшее, с точки зрения даосов, средство обретения бессмертия.

Алхимию можно отнести к так называемым неофициальным формам традиционной науки, поскольку она не входила в число официально одобряемых и высоко ценимых господствующим в Китае конфуцианством наук, что, впрочем, не мешало заниматься ею в том числе и высокопоставленным людям. Кроме того, алхимия была весьма важной частью традиционного китайского природознания. Алхимия может быть определена как наука о бессмертии, близкая макробиотике (раздел медицины, занимающийся проблемами долголетия и продления жизни) и разделяющаяся на внешнюю и внутреннюю.

Первая предполагала создание эликсиров бессмертия в лабораторных условиях благодаря тому, что алхимик в своих тиглях и ретортах как бы создает действующую модель вселенной и сжимает по времени протекание естественных природных процессов. Поскольку даосы смотрели на человеческое тело как на микрокосм, то есть точное подобие и уменьшенную копию мира, то они также считали возможной и внутреннюю алхимию — создание эликсира в самом теле адепта из его соков и сил посредством разнообразных приемов созерцания, дыхательных упражнений и визуализаций тонких энергетических структур тела-микрокосма. Другими словами, китайские алхимики стремились создать теоретически осмысленную химическую модель космического процесса, с одной стороны, при условии ее ориентации на создание эликсира бессмертия — с другой.

Китайскую алхимию можно также рассматривать как часть медицины, поскольку она, собственно, была натрохимией, то есть медицинской химией, хотя и выходившей

по своим задачам за пределы поля собственно медицины. С другой стороны, она всегда была тесно связана с философией, религией и этической мыслью.

Как уже говорилось, даосская внешняя алхимия (*вай дань*) основана на лабораторной деятельности, в ходе которой алхимик из ряда веществ (прежде всего киновари, а также — свинца и ртути) создает некое вещество, которое рассматривается как эликсир бессмертия. Иногда в этой роли может выступать и трансмутированное («превращенное», то есть полученное в результате алхимического превращения неблагородного металла в благородный) золото. В основе внешней алхимии лежит представление, широко известное и за пределами Китая: все металлы суть незрелое золото, постепенно созревающее в недрах земли. Алхимик создает в своей реторте модель Вселенной и искусственно, при помощи нагревания, ускоряет процесс созревания. Так, даосы считали, что в природе для созревания золота требуется 4320 лет, а алхимик получает его за год — 365 дней, причем каждый год как бы оказывается равен одному двухчасовому промежутку времени — китайской страже (1/12 суток). С другой стороны, золото как металл, не подверженный коррозии, в своей алхимической ипостаси наделяется возможностью делать столь же нерушимым и нетленным и тело принимающего его адепта. Так, алхимический текст «Трактат о единении триады» («Цань тунци») гласит:

Попадая в рот, перегнанная киноварь чрезвычайно продлевает жизнь, но золото, по своей природе не гибнущее и не ржавеющее, считается по этой причине драгоценнейшим из всего сущего. Когда маги принимают его, то их жизнь становится вековой.

Символизм киновари имеет другое происхождение. Впервые, алхимикам в процессе перегонки киновари было хорошо известно, что при нагревании из нее выделяется ртуть (формула киновари — HgS), а при дальнейшем нагревании происходит новое соединение серы и ртути и восстановление киновари. Сочетание красного и белого в одном веществе вызывало ассоциацию с зародышем, обра-

зующимся, по китайским представлениям, из соединения спермы отца и менструальной крови матери. Киноварь таким образом оказывалась не только андрогинным, мужеженским, веществом, но и своего рода зародышем бессмертия. А следовательно, в киновари гармонически сочетаются *инь* и *ян*, причем семя *ян* (ртуть) как бы содержится в утробе *инь*.

Позднее роль киновари в алхимии несколько снизилась, уступив место другой паре металлов: свинцу (*инь*) и ртути (*ян*), символика которых была усвоена и внутренней алхимией.

Надо сказать, что даосские алхимики прекрасно понимали, что многие составляющие их эликсиров весьма ядовиты и поэтому предлагали принимать их крошечными, практически гомеопатическими дозами. При этом отравление не переходило в опасные для жизни стадии, останавливаясь на начальном этапе, описывавшемся в алхимических сочинениях: его симптомы служили показателем, что эликсир сделан правильно и что он действует. Отметим также, что наиболее крупными алхимиками были самые выдающиеся врачи Древнего Китая: Гэ Хун, Тао Хун-цзин, Сунь Сы-мо (его даже стали называть Царем Медицины — Яо-ваном).

Между тем жаждавшие бессмертия монархи, как правило, обращались к услугам проходимцев и шарлатанов, начинавших кормить своих августейших патронов киноварью, которую они поглощали ложками. В результате несколько императоров династии Тан (IX в.) друг за другом умерли в страшных мучениях от отравления тяжелыми металлами. Новый император казнил алхимиков своего покойного предшественника и немедленно набирал точно таких же, после чего все повторялось.

Это привело в конечном итоге к определенной дискредитации внешней алхимии и ее постепенной деградации и упадку. Ей на смену пришла внутренняя алхимия, так называемая «даосская йога», составляющая и сейчас сущность даосской религиозной практики, а в светском варианте — положившая начало чрезвычайно популярной и в Китае, и за его пределами «гимнастике» *ци гун*, что бук-

важно означает «работа с пневмой-ци». В рассматриваемую нами эпоху раннего Средневековья внутренняя алхимия еще не сложилась, и даосы практиковали лишь ее прародительские методы — так называемое «Хранение Единого» (*шоу и*), да и само словосочетание «внутренняя алхимия» (*нэй дань*) впервые употребил увлекавшийся даосизмом буддийский монах Хуэй-сы только в VI в. Но тем не менее для полноты описания алхимии имеет смысл поговорить о «даосской йоге» именно теперь.

Внутренняя алхимия, по существу, является алхимией только по названию и по используемой ею терминологии. В действительности она представляет собой форму своеобразного йогического психофизического тренинга, направленного на полную трансформацию психических и телесных характеристик практикующего или, говоря ее собственными словами, на создание бессмертного тела и соответствующего ему просветленного сознания. Последний момент играл большую роль, и постепенно (не без влияния буддизма) психотехнический (преобразующий психику) аспект внутренней алхимии стал ведущим.

Исходя из принципа подобия мира и человеческого тела, сторонники внутренней алхимии сделали вывод о ненужности алхимического моделирования Вселенной, поскольку алхимическая модель мира может быть с успехом заменена собственным телом даоса, энергии и соки которого и являются аналогами (или соответствиями) металлов и минералов внешнего мира. При этом сами приемы внутренней алхимии (дыхательные упражнения, техника созерцания и т. п.) были разработаны в ходе предшествовавшего развития религиозной практики даосизма, причем по своему происхождению они зачастую были значительно древнее алхимических операций внешней алхимии. Но внешняя алхимия дала им принцип объединения, интегрировала их на основе своей теории и систематизировала, предоставив ей также свою терминологию и образность. Таким образом, из конгломерата разрозненных методов медитации и психофизического контроля образовалась стройная система своеобразного духовного делания.

Эта традиция постепенно вытеснила внешнюю алхимию и объявила ее профанической и экзотерической (общедоступной в отличие от эзотерической — предназначенной только для посвященных — внутренней алхимии). Однако исторически подобная оценка внешней алхимии совершенно неверна, поскольку первоначально внешняя алхимия считалась столь же эзотеричной, как и ее йогический аналог. К тому же в раннее Средневековье оба типа практики обретения бессмертия зачастую сочетались в деятельности одного и того же алхимика. Но в целом эпоха «распадения великих сил Поднебесной» — время расцвета внешней алхимии и лишь зарождения форм и приемов алхимии внутренней.

IV—V вв. стали временем активного формирования новых даосских школ и направлений. Все они существовали как совершенно независимые течения в рамках даосизма, признавая духовный авторитет Небесных Наставников, но отказываясь признать за ними право на главенство и административное руководство. Наиболее важной из новых даосских школ стала школа «Шанцин», или «Маошань». Ее первое название означает «Высшая Чистота» и имеет космологическое происхождение. Даосы считали, что над нашим миром простирается три слоя небес: Шэньцин — Небеса Божественной Чистоты, Шанцин — Небеса Высшей Чистоты и Юйцин — Небеса Нефритовой Чистоты. Все эти небеса населены бессмертными разных рангов. С точки зрения школы «Шанцин», алхимики и оккультисты традиции «Письмен Трех Августейших» достигали только уровня Божественной Чистоты, тогда как адепты школы Шанцин достигают состояния «совершенных людей» (*чжэнь жэнь*) и поднимаются на Небеса Высшей Чистоты. Второе название этой школы («Маошань») связано с одноименными горами близ города Нанкина (тогда — Цзянькана), бывшего столицей южнокитайской империи Восточная Цзинь (317—419), в которых занимались поисками Дао основатели этого направления. Интересно, что горы Маошань, в свою очередь, получили свое название в память трех братьев по фамилии Мао, которые, как утверждает предание, подвижничили и обрели бессмертие в этих горах в период правления династии Хань.

История возникновения этой школы такова. В 364—370 гг. в горах Маошань занимался созерцанием молодой человек из аристократической семьи по имени Ян Си. И вот его начали посещать видения, в которых ему являлись бессмертные «совершенные люди» Небес Высшей Чистоты и давали ему откровения различного содержания: рассказывали о небесах Шанцин, открывали новые методы обретения бессмертия и т. п. Не исключено, что эти видения были спровоцированы созерцанием при вдыхании галлюциногенных испарений алхимического треножника. Ян Си рассказал о полученных им откровениях придворному чиновнику из местной аристократии по имени Сюй Ми (его племянник был женат на внучке знаменитого алхимика Гэ Хуна) и его младшему сыну Сюй Хуэю. Они вместе создали скит в горах Маошань, ставших позднее центром данного направления. Целью его последователей было обретение бессмертия и вознесение на Небеса Высшей Чистоты. Ян Си продолжал впадать в различные трансы и в бессознательном состоянии медиумически записывать палочкой на песке откровения, сообщаемые ему бессмертными. Постепенно уединение в Маошаньских горах становилось модным среди южнокитайской аристократии, что привело к разрастанию скита и повышению престижа нахождения в нем.

Пик влияния и роли школы «Шанцин» связан с именем знаменитого философа, алхимика, медика и кодификатора маошаньской литературы Тао Хун-цзина (456—536), также южнокитайского аристократа, удалившегося в 492 г. на гору Маошань и впоследствии благодаря своей известности в качестве даосского святого и блестящего врача еще более увеличившего свое влияние при дворе, сохранившееся даже при гонениях на даосизм, предпринятых знаменитым покровителем буддизма, «императором-бодхисаттвой» У-ди из династии Южная Лян.

Тао Хун-цзин создал антологию маошаньских откровений «совершенных людей» под названием «Речи совершенных» («Чжэнь гао»). Она представляла собой собрание текстов, содержащих беседы Ян Си, Сюй Ми и Сюй Хуэя с бессмертными Небес Высшей Чистоты, ведшиеся через медиумическое посредничество Ян Си.

Тао Хун-цзин умер загадочной смертью. Не исключено, что он принял сильнодействующий яд, вызвавший обширный инфаркт и быструю смерть. Разумеется, это не было обычным самоубийством: Тао Хун-цзин считал принятый им яд эликсиром бессмертия, обеспечивающим обретение бессмертия через «освобождение от труп».

Религиозная практика маошаньской традиции представляла собой сложные методы психотехники, связанной с перенесением на уровень «внутреннего делания» (созерцания, медитации) как литургического символизма Небесных Наставников, так и лабораторной алхимии южных оккультистов. Собственно, школа «Шанцин» во многом и была результатом синтеза учения и практики Небесных Наставников и южнокитайской алхимической традиции. Разработанные методы шанцинских медитаций включали в себя визуализацию и актуализацию (наглядное представление, *цунь сяи*) божеств как внутреннего мира и тела, так и Вселенной (особую роль играли воспроизводимые в воображении образы божеств звезд и планет), использование галлюциногенов из набора алхимических ингредиентов (так называемые «созерцания в чистой комнате») и созерцание ступеней алхимического процесса вместо совершения реальных рукотворных алхимических процедур и манипуляций. Все они были направлены на индивидуальную практику в отличие от общинного ритуального действия Небесных Наставников.

Медитативная психотехника традиции «Шанцин» таким образом соединяла в себе иатрохимию, фармакопею (создание различных лекарственных препаратов) и теургию (различные формы общения с божественными мирами) южного оккультизма с небесной иерархией и богослужебными ритуалами северян, магические талисманы и реторты с литаниями, молебствиями и ритуальными курьезностями.

Именно в рамках школы «Шанцин» впервые в даосизме проявилась навеянная буддизмом тенденция к возникновению монашества. Первоначально даосы очень отрицательно отнеслись к буддийской проповеди целомудрия как противоестественному идеалу, противоречащему нор-

мам миропорядка, основывающегося на иерогамии («священном браке») сил *инь*—*ян*, Неба и Земли и других парных сил космоса. Однако постепенно буддийский подход стал воздействовать на даосов, и вот уже благочестивая тетка Тао Хун-цзина отказывается от вступления в земной брак ради уединенной созерцательной жизни и в надежде на брак небесный — на заключение брачных уз с одним из бессмертных небожителей (мотив безбрачия, конечно, неизвестный буддийским монахам).

Характерно, что среди лидеров школы «Маошань», равно как и среди лидеров других направлений южного даосизма, мы видим представителей одних и тех же аристократических родов юга Китая (Гэ, Тао, Сюй, Гу, Лу, Сунь), зачастую связанных между собой брачными и кровнородственными узами. Их родственные связи сближают их не меньше, чем их идеология, восходящая к мистике чисел «Канона Перемен», пророчествам и апокрифам эпохи Хань (*чань вэй*) и учению о бессмертных той же эпохи. Духовная карьера заменяла им утраченное влияние при дворе, где первые роли играли пришлые аристократы-северяне, бежавшие на юг во время завоевания севера кочевниками, равно как и светскую карьеру, открывая вместе с тем возможность восстановить свое влияние «с заднего хода», при помощи ореола даосской святости, медицинских знаний и молвы, гласящей об их оккультном всемогуществе. При этом вновь обретенное влияние порой намного превосходило то положение, на которое южане могли рассчитывать в случае стандартной чиновничьей карьеры.

Около 384 г. на юге появляется еще одно направление даосизма, получившее название «Линбао», что означает «Духовная Драгоценность». Создателем его стал внук уже упоминавшегося алхимика Гэ Хуна по имени Гэ Чао-фу. Однако сам Гэ Чао-фу возводил его к другому своему предку — двоюродному деду Гэ Хуна, известному как Гэ Сюань, или Гэ Сяо-сянь (Гэ Сыновнепочтительный Бессмертный), или Гэ Сянь-гун (Господин Бессмертный Гэ). Гэ Сюань жил в III в. и пользовался славой мага, чудотворца и бессмертного. Гэ Хун часто упоминает его в своем знаменитом трактате «Баопу-цзы», рассказывая о совершенных им чу-

десах и его сверхъестественных способностях (например, благодаря овладению техникой дыхательных упражнений, Гэ Сюань мог-де, выпив в жаркий летний день, погрузиться до вечера в воду и наслаждаться прохладой, лежа на дне реки). Однако Гэ Хун ни словом не упоминает никакие произведения, написанные его великим дедом. Во времена Гэ Чао-фу такие тексты вдруг находятся и Гэ Сюань оказывается не просто веселым бессмертным и магом, но и глубоким мыслителем, созерцающим тайны мироздания и происхождения космоса из глубин Дао — Матери Поднебесной.

В целом учение «Линбао» близко маошаньской традиции, хотя в нем не было маошаньского медиумизма и увлечения странными снадобьями и галлюциногенами. Вместо этого линбаоские даосы активно занимались медитацией и литургическим творчеством, создавая более простые и прозрачные, нежели у Небесных Наставников, богослужения. Велик был у линбаосцев и интерес к проблемам космологии и космогонии. Если школа «Маошань» после ее бурного расцвета ушла в неизвестность в IX—X вв., то школа «Линбао» играла важную роль в развитии даосизма еще в XII в. Но главным вкладом этого направления в историю даосизма было создание ее последователями «Дао цзана» — «Даосского Канона», первого общего свода всей даосской литературы. К истории создания «Дао цзана» мы теперь и обратимся.

Первая попытка описать все существовавшие в его время даосские тексты принадлежала Гэ Хуну, который в 19-й главе «Баопу-цзы» перечислил более 250 даосских сочинений в разных жанрах. Но собственно «Дао цзан» появился позднее трудами линбаоского даоса Лу Сю-цзина (406—477), который не только собрал все известные ему даосские тексты, но и классифицировал их, разделив на так называемые Три Грота, или Три Вместилища: «Вместилище Истинного» («Дун чжэнь»), «Вместилище Сокровенного» («Дун сюань») и «Вместилище Божественного» («Дун шэнь»). Каждый из этих трех разделов он разбил на 12 рубрик: «Основные письма», «Духовные амулеты», «Нефритовые наставления», «Одухотворенные чертежи»,

«Генеалогии и описания», «Заповеди и предписания», «Правила этикета», «Практические методы», «Искусства и технические приемы», «Сказания и предания», «Оды и гимны» и «Доклады и петиции».

Согласно даосскому учению, Трем Вместилищам соответствуют Три Первоначала (*сань юань*), тайна которых была открыта самим Лао-цзюнем еще Чжан Дао-лину. Это пневы (*ци*) Трех Первонебес (уже известные нам Небеса Нефритовой, Высшей и Божественной Чистоты) с управляющими ими божествами — как бы три уровня, или три состояния самораскрытия бытия.

В историческом аспекте первоначальным ядром Трех Вместилищ была литература трех основных направлений даосизма Южного Китая IV–V вв.: «Шанцин» («Мао-шань»), «Линбао» и «Письмен Трех Августейших».

Почему возникла необходимость в формировании «Дао цзана»? Очевидно, главную роль тут сыграло возникшее и окрепшее у адептов различных автохтонных религиозных течений осознание единства друг с другом и их самоопределение в качестве представителей единой традиции — даосизма. До этого времени различные направления даосизма существовали вполне обособленно и отнюдь не стремились к какому-либо объединению или к составлению единого общего свода своей литературы. Лишь перед лицом распространявшегося и укреплявшегося в Китае иноземного учения — буддизма — у даосов появилось стремление к консолидации и к осознанию себя как представителей одной и той же религии. В это время и появился Лу Сю-цзин, создавший «Дао цзан» по образцу буддийского «Канона» — «Трипитаки», в китайское название которой также входит слово «цзан» — «сокровищница» («Сань цзан» или «Да цзан цзин»). Буддийскими соответствиями Вместилищам Лу Сю-цзина служат, однако, не разделы «Трипитаки» (виная — монашеская дисциплина, сутры — проповеди Будды и абхидхарма — философия), а так называемые Три Колесницы (*сань чэн; сань шэн*) — низшая (Колесница учеников — шраваков), средняя (Колесница будд-для-себя — пратека-будд) и высшая (Колесница бодхисаттв, то есть святых, давших обет спасти все живые

существа). В «Дао цзане» также первое Вместилище считается высшим, а последнее — низшим.

Привилегированное положение маошаньских (а не линбаоских!) текстов в «Дао цзане» можно объяснить как важную ролью, сыгранной этой школой в процессе синтеза ею различных даосских направлений (учения «Небесных Наставников» и оккультно-алхимического даосизма), так и аристократическим происхождением ее лидеров. Однако не исключено, что в маошаньских кругах еще до Лу Сюцзина существовал неизвестный нам вариант Канона, что и обеспечило первенствующую позицию текстам этого направления в более позднем варианте «Дао цзана». Однако следует оговориться, что с учениями названных направлений связано только раннее ядро «Дао цзана». Более поздние тексты зачастую трудно связать с этими школами.

В VI в. к Трем Вместилищам были добавлены еще четыре Приложения — по одному к каждому Вместилищу и одно общее для всего «Дао цзана» (это «Раздел Истинного Единства», «Чжэн и бу», содержащий литературу школы Пути Небесных Наставников как наиболее древней и почетной). Остальные три — это «Раздел Великого Сокровенного» («Тай пин бу»), содержащий «Тай пин цзин» и сопутствующую ему литературу, и «Раздел Великой Чистоты» («Тай цин бу»), включающий в себя различные оккультно-алхимические тексты (сюда входит и «Баопуцзы» Гэ Хуна). Так «Дао цзан» обрел свою окончательную семичастную структуру (три Вместилища и четыре Приложения).

Позднее, в течение столетий, состав «Дао цзана» неоднократно менялся, а иногда все его немногочисленные экземпляры гибли в исторических катаклизмах (так, «Дао цзан» почти полностью был уничтожен во время смуты последних десятилетий правления династии Тан и последующего периода, предшествовавшего воцарению династии Сун — 960 г.). При этой династии был составлен новый вариант «Дао цзана» (1012–1019), широко распространившийся по храмам и монастырям, а ученый Чжан Цзюньфан составил компендиум сунского «Дао цзана» — антологию «Семь грамот из облачного книгохранилища»

(«Юнь цзи ци цянь»), являющуюся очень ценным источником для изучения даосизма.

При правившей на севере чжурчжэньской (чжурчжэни — предки маньчжуров) династии Цзинь «Дао цзан» был впервые отпечатан с досок ксилографическим способом (1191). Однако при следующей, монгольской династии Юань (1279—1368) «Дао цзан» снова сильно пострадал, и поэтому изгнавшая из Китая монголов национальная династия Мин (1368—1644) предприняла новую попытку воссоздания «Сокровищницы Дао». В результате этого в 1447—1449 гг. появился так называемый «Чжэн-тун Дао цзан»⁴. В 1607 г. комиссия под руководством 50-го Небесного Наставника Чжан Го-сяна добавила в этот вариант текста еще 56 сочинений, после чего «Дао цзан» приобрел свой окончательный и современный вид, не претерпев больше никаких изменений. В него входит 1488 произведений объемом в 5486 цзюаней⁵ и 512 томов (папок).

Во время восстания ихэтуаней (антииностранное и антиколониальное движение) в 1900 г. сгорели доски, с которых печатался «Дао цзан», в результате чего в Китае (и мире) остался только один полный вариант «Канона», хранившийся в монастыре Байюньгуань в Пекине. Его утрата привела бы к невосполнимым потерям целого пласта китайской культуры. Однако в 1923—1926 гг. по инициативе известных китайских деятелей науки и культуры (ученых и политиков Кан Ю-вэя и Лян Ци-чао, экс-президента Китайской Республики Сюй Ши-чана и др.) этот экземпляр «Дао цзана» был размножен большим тиражом фототипическим способом, а позднее предпринимались и другие издания «Канона».

В настоящее время помимо байюньгуаньского полного экземпляра «Дао цзана» известно и несколько почти полных старых изданий. Один из таких уникальных экземпляров «Канона» хранится в Москве, в Российской государственной библиотеке (бывшая Библиотека им. Ленина).

С созданием «Дао цзана» в V—VI вв. даосизм фактически обрел относительное единство в рамках многообразия своих традиций, и это единство основывалось на

единстве скриптуральной, письменной, базы даосского учения.

Выше развитие даосизма в раннее Средневековье рассматривалось исключительно на примере южнокитайского материала, что вполне оправданно, ибо именно на юге, в условиях хрупкой стабильности и относительного процветания под властью национальных династий, происходили основные события, определявшие историю даосского учения. Однако теперь настало время посмотреть, что же происходило с даосизмом на захваченном кочевниками и разоренном уособицами севере Китая.

Одним из государств, созданных кочевыми племенами на покоренном севере, была империя Северная Вэй, основанная племенем сяньбийцев, которым правил род Тоба. Это государство, просуществовавшее с 386 по 534 г., длительное время доминировало на севере, будучи наиболее мощным и экономически развитым. Его правители, усвоившие во многом принципы китайской государственности и основы китайской культуры, особенно покровительствовали буддизму, бывшему в Северной Вэй государственной религией. Именно здесь на рубеже IV–V вв. жил знаменитый монах Кумараджива, разработавший филологически обоснованные методы перевода санскритских буддийских текстов на китайский язык; эти принципы вскоре стали общепринятыми среди миссионеров-переводчиков как на севере, так и на юге.

Вместе с тем определенное распространение здесь имел и даосизм, который как национальная китайская религия особенно поддерживался китайскими сановниками при сяньбийском дворе. Особенно выделялся министр Цуй Хао, надеявшийся через введение при дворе даосизма постепенно восстановить китайское правление на севере. С другой стороны, и сяньбийцы проявляли интерес к даосизму, поскольку даосская магия напоминала им родные шаманские культы с их экстатическими камланиями и демонстрацией сверхъестественных сил шаманов. Поэтому при дворе северовэйских императоров существовали определенные условия для проникновения туда даосизма. И это произошло около 424 г., когда при

дворе появился даосский маг и священнослужитель Коу Цянь-чжи.

В это время на престоле Северной Вэй находился император, известный под посмертным (храмовым) именем-титолом Тай У-ди (Государь Великой Воинственности); его же личное имя — Тоба Тао (на престоле с 423 по 452). Это был способный правитель, значительно на первых порах укрепивший свое государство.

Коу Цянь-чжи появился при дворе, видимо, с помощью министра Цуй Хао. До этого он длительное время жил в горном уединении и предавался там медитации и занятиям алхимией. Оказавшись при дворе, он заявил, что ему явился божественный Лао-цзы (Лао-цзюнь) и поведал, что он изменил свое решение относительно рода Чжанов, представители которого, погрязшие в недостойных даосизма сексуальных ритуалах и почитании ложных божеств, более не достойны носить титул Небесных Наставников, который Лао-цзюнь теперь передал самому Коу Цянь-чжи. Одновременно Коу Цянь-чжи объявил Тоба Тао истинно даосским монархом, на котором лежит мессианская задача установления на земле, во всей Поднебесной, обещанного Лао-цзюнем царства всеобщего процветания, благоденствия и равновесия (*тай пин*).

Тоба Тао поддался на эти заявления Коу Цянь-чжи и приступил к религиозной реформе. Во-первых, даосизм был объявлен государственным учением, а деятельность буддийских монастырей была ограничена. Во-вторых, император во время совершения имевшего официальный статус даосского ритуала наделения монарха мандатом Неба изменил девиз своего правления: прежде это был девиз «Великое Продление» (*Тай-янь*), теперь (с 440) он изменился на «Истинный Государь Великого Равновесия-Благоденствия» (*Тай-пин чжэнь-цзюнь*). В-третьих, император признал Коу Цянь-чжи истинным Небесным Наставником, отверг главенство рода Чжан над даосами севера и потребовал, чтобы они отказались от обрядов и культов, осужденных Коу Цянь-чжи. В-четвертых, суровым преследованиям подверглись полуеретические даосские группы, проповедовавшие мессианские идеи явления истинного

даосского совершенномудрого государя из рода Ли (род Лао-цзы), который должен будет преобразить все и вся в духе даосской социальной утопии всеобщего равенства, опрошения жизни и единения с природой: эти идеи стали совершенно нетерпимыми в духе новой идеологии: ведь теперь сам царствующий император был провозглашен «даосским мессией» и монархом Равновесия и Прорастания.

Между тем надеждам императора и министра Цуй Хао не суждено было сбыться. Почитавшийся бессмертным «Небесный Наставник Севера», как стали величать Коу Цянь-чжи, скончался в 448 г.⁶ Войска Северной Вэй в 450 г. потерпели крупное поражение от армии южнокитайской империи Лю-Сун. Наконец политические амбиции Цуй Хао и его интриги в пользу восстановления национального правления стали известны императору, что привело в 450 г. к казни не только самого министра, но и всех его родственников. Великое Равновесие-Благоденствие не наступало, и тогда разочарованный император в 451 г. вновь изменил девиз правления. Теперь им стало сочетание «Истинное Равновесие-Благоденствие» (*Чжэн-пин*): идея осталась прежней, но указание на мессианскую избранность самого Тоба Тао исчезло. Вся даосская эпопея завершилась в Северной Вэй в 452 г., когда в результате дворцового переворота Тоба Тао был убит, а его преемники постепенно вернулись к покровительству буддизму.

И тем не менее усилия Коу Цянь-чжи не пропали даром. Даосизм сохранил свой высокий официальный статус и после Тоба Тао, несмотря на пробуддийские симпатии последующих монархов. Его критика архаических ритуалов Небесных Наставников оказалась в русле нарождающихся идей даосского монашества и была воспринята последующими поколениями даосов. И наконец, именно на севере после воцарения там национальных китайских династий (с 557) сложились условия для объединения всей страны, что и осуществила династия Суй (581–618). Более того, когда в 618 г. шаньсийский герцог (*гун*) Ли Юань, вдохновляемый своим сыном Ли Ши-минем, поднял мятеж против ослабевшей, но стремившейся править

жесткими методами Суй, провозгласив империю Тан (618—907), правление которой отметило пик китайской цивилизации и государственности, он использовал мессианские ожидания народа, объявив свой род потомками Лао-цзы (на основании тождества фамильного знака — Ли), а себя — совершенномудрым монархом, возведенным даосскимиProvidцами.

Теперь необходимо сказать еще несколько слов о расцвете даосской утопической мысли в раннее Средневековье.

Выше уже говорилось, что для даосизма характерна утопия опрощения, единения с природой и равенства. Впрочем, никто из даосских утопистов не покусился на один принцип — священной монархии и государя — совершенного мудреца. Никто, за исключением одного. Этот один — загадочный мыслитель IV в. Бао Цзин-янь, о котором ничего не известно, за исключением того, что он полемизировал с Гэ Хуном, который и сохранил в своем «Баопу-цзы» фрагменты из сочинения Бао Цзин-яня «О безвластии» («У цзюнь лунь»). Приведем один из сохранившихся отрывков из этого трактата, повествующий об идеальном состоянии общества древности:

Прежде, в древние времена, не было ни государей, ни подданных. Люди рыли колодцы и пили из них, возделывали поля и тем питались; солнце вставало — и они шли работать, солнце садилось — и они отдыхали. Ничто их не сковывало, все доставали они сами, не приходилось им терпеть насилия и не знали они оружия. Не ведали они ни славы, ни позора. В горах не было троп, на реках не было лодок. Потоки и долины были не изведаны, и люди не объединялись, войска не собирались, и военных походов не было.

Гнезда на деревьях не разорялись, глубокие водоемы не иссякали. Фениксы гнездились прямо во дворах людских жилищ. Цилины-единороги стаями бродили в садах, чудесные драконы во множестве обитали в водоемах. На голодного тигра можно было наступить, ядовитых змей можно было держать в руках. Когда люди переходили вброд реки, то чайки даже не взлетали, а когда они входили в леса, то лисы и зайцы даже не пугались.

Сила и выгода не зарождались, беды и смуты были неведомы, копья и секиры не применялись, а городские рвы не строились. Мириады существ и вещей покоились в сокровенном единении, и все пребывало в Дао-Пути.

Моры и поветрия не распространялись, народ добывал все необходимое, и люди доживали до преклонных лет. Они были чисты, и хитрость не зарождалась в их сердцах. Они находили себе пропитание и жили в мире, насыщались и странствовали. Их речи не были цветисты, их поступки не были порочны. Разве мог кто-нибудь тогда отнять у народа его богатства? Разве можно было тогда бесчинствовать, расставляя капканы и ловушки?

Когда эта эпоха пришла в упадок, появились знания и мудрость, использующие искусные уловки. Дао-Путь и Благо-Дэ оказались отброшены прочь. Почтение и презрение обрели свой порядок. Живущие в изобилии и роскоши стали возвышаться еще больше, и неимущие потеряли и последнюю выгоду свою — такова сущность «ритуала» конфуцианцев.

И этот даосский утопический радикализм неоднократно питал то одно, то другое крестьянское восстание, подготовленное какой-нибудь мессианской даосской сектой, как это было в случае восстания Желтых повязок, сокрушившего ханскую империю. При этом организованные школы даосизма отмежевывались от подобных крайностей, сохраняя, однако, верность духу даосского уравниательства.

Таким образом, итогом развития даосизма в период «распадения великих сил Поднебесной» стало появление новых даосских школ и направлений, создание «Даосского Канона» («Дао цзана») как письменной основы общедаосского единства, а также укрепление организованности (институционализированности) даосских движений. Это был бурный период формирования и рождения нового. Следующий период — время стабилизации, подведения итогов и обобщения достигнутого, время не столько бурных движений, сколько обращения к философским размышлениям и теоретическим медитациям.

Завершение пути

Даосизм от эпохи великих империй Средневековья до наших дней

Период правления династии Тан (618–907) был временем максимального развития даосизма, как и китайской культуры в целом. Важно, что в это время предпринимаются довольно активные попытки распространения даосизма за пределы Китая — в Корею и Японию, причем этому способствовали танские императоры, считавшие себя потомками Лао-цзы. Так, в 624 г. император направил в корейское государство Когурё посла с изображением своего обожествленного предка для проповеди там даосизма. В 625 г. король Когурё в свою очередь направил в Китай посла для изучения даосизма и буддизма. Вскоре по совету министра Ён Кэсомуна король Поджан начал поддерживать идею «трех учений», считая, что в Когурё должны быть не только конфуцианцы и буддисты, но и даосы. В результате в Когурё прибыли 8 даосских священнослужителей, которые начали проповедовать даосизм. Это привело к протестам со стороны буддистов, заявлявших, что проповедь даосизма является результатом происков китайских приспешников в Когурё и поэтому она вредна для интересов государства. Это утверждение, впрочем, никак не соответствовало действительности, поскольку политика Ён Кэсомуна была, по существу, антикитайской.

В других корейских государствах (Пэкче и Силла) проповедь даосизма не велась. Нам только известно, что в 738 г. китайский посол преподнес королю «Дао-Дэ цзин» и другие даосские тексты.

Несмотря на эти попытки и существование в средневековой Корее даосских храмов и духовенства, даосизм там никогда не имел такого влияния, как буддизм и конфуцианство, а постепенно он и вообще пришел в упадок и практически исчез.

В Японии даосизм имел еще меньший успех, чем в Корее, поскольку национальная японская религия *синто* (синтоизм, то есть «путь богов») вполне успешно выпол-

няла в этой стране функции даосизма. Тем не менее все образованные японцы хорошо знали и любили такие классические даосские тексты, как «Дао-Дэ цзин» и «Чжуан-цзы», даосские идеи простоты и естественности оказали влияние на традиционную японскую эстетику, а даосские медицинские методы были основательно усвоены японскими врачами, тщательно хранившими даже те тексты (например, по сексуальной практике «искусства внутренних покоев»), которые в самом Китае были утрачены.

Кроме того, известно, что для японского императора Нинмё (823–850) изготавливались эликсиры бессмертия, а элементами даосской религиозной практики активно занимались загадочные *ямабуси* («отшельники», «сокрывшиеся в горах»). Даосская магия в Японии издавна запрещалась, но многие приемы даосской психопрактики (из арсенала внутренней алхимии) использовались в медицине и упражнениях буддийских монахов, а элементы культа бессмертных сохранились в Стране восходящего солнца (правильнее — Солнечного Корня) вплоть до эпохи сёгун-нов из рода Токугава (XVII–XIX вв.).

Однако в Японии не было ни даосских направлений, ни духовенства, а предложение танского императора Сюань-цзуна в 754 г. прислать даосских священнослужителей было отклонено.

Тем не менее не исключено сильное влияние даосизма на символику синтоизма и атрибутов японской императорской власти.

Сам титул японского императора *тэнно* (ит. *тяньхуан* — Небесный Император) не употреблялся в Китае, однако в VI в. в даосизме было популярно божество Тяньхуан да-ди (Небесный Августейший Великий Император) — правитель Полярной звезды, окруженной дворцами бессмертных «совершенных людей». Характерно, что члены семьи японского императора (*тэнно* — *тяньхуан*) титуловались *махито* (те же иероглифы, что и в словах *чжэнь жэнь* — «совершенные люди»). Император Японии таким образом — как бы земное божество центра, подобно тому как на небе истинным центром является Полярная звезда, а его родственники — земное соответствие небесным бес-

смертным божественного двора. Эта титулатура впервые была введена императором Тэнму (673—686), который, видимо, не хотел просто копировать китайские титулы, предпочтя им титулы божественные как более подходящие божественному государю Японии — потомку богини солнца Аматэрасу Оми-ками, согласно синтоистской традиции. Даосское влияние, возможно, прослеживается и в символике таких почитаемых реликвий синтоизма и освященной им монархии, как священные зеркало и меч (в даосизме — средства изобличения и изгнания нечисти).

В самом Китае даосизм претерпевал новые трансформации. Во-первых, в это время происходит активное взаимодействие существовавших доселе порознь школ и направлений севера и юга страны, а во-вторых, даосизм испытывает сильнейшее буддийское влияние. Оно проявилось во всем — в усвоении даосами многих идей буддийской философии и религиозной мысли (от учения о пустоте сущего до веры в перерождения), в иконографии и храмовой символике, во включении в даосский пантеон божеств буддизма — будд и бодхисаттв. Но самое главное — в это время даосизм частично усваивает монашеский идеал буддизма, что приводит к появлению даосского монашества.

Добуддийский даосизм, как уже говорилось, отрицал монашество как противоестественное. Так, «Тай пин цзин» («Канон Великого Равновесия-Благоденствия») гласит:

Целомудренный мужчина — это тот, кто не распростирает свое семя, а целомудренная женщина — это та, что не превращает его в новую жизнь. Если бы мужское и женское не вступали бы в союз, то все роды живых существ исчезли бы. Так, соблазненные ложным и обманчивым названием «целомудрие», два человека нарушают нормы Неба и Земли и страдают, будучи лишены потомства. Это, безусловно, великое зло для мира.

Но уже в школе «Маошань», как мы видели, появляются женщины, отказывающиеся от вступления в брак во имя духовного супружества с небесным бессмертным. В период Тан в даосизме обозначился решительный перелом

по отношению к идее монашества, и идея «ухода из семьи» для совершенствования начинает постепенно преобладать над идеей совершенствования в кругу семьи. Позднее, в XII в., школы «реформированного даосизма» (о нем — ниже) сделают принятие монашества обязательным для всех своих священнослужителей.

Но вместе с тем монашество так и не стало институтом, признанным всеми даосскими школами и направлениями. Практически не признали его Небесные Наставники, в традиции которых даже любой духовный сан передавался, как правило, по наследству. Да и в других старых школах («Маошань», «Линбао») помимо монахов было много семейных священнослужителей.

Появление даосского монашества способствовало дальнейшему организационному оформлению даосизма. Одновременно и законодательство закрепило также структуру буддийских и даосских религиозных организаций и узаконило нормы минимума буддийской и даосской грамотности.

Период VII—XII вв. характеризуется также ростом покровительства даосизму со стороны императорского двора, причем это было характерно для государей как династии Тан, так и сменившей ее династии Сун (960—1279).

При Тан императоры поощряли собирание даосской литературы и ее обработку, а некоторые императоры (в частности блестящий Сюань-цзун, 711—755) занимались даже комментированием даосских классических текстов. О роковом для танских монархов увлечении алхимией и эликсирами бессмертия уже говорилось выше.

Весьма важную роль при танском дворе играли отдельные представители даосизма. Особым покровительством двора пользовалась школа «Маошань», разработавшая доктрину мессианизма семьи Лао-цзы рода Ли, членами которого считали себя танские государи. Здесь прежде всего следует назвать маошаньского патриарха и потомка императоров династии Цзинь даоса Сыма Чэн-чжэня (645—735) и его ученика Ли Хань-гуана (683—769). Они не только совершали при дворе богослужения, но и активно влияли на государственные дела. Еще ранее маошаньский даос Ван Юн-чжи (528—635) утвердил первого танского

императора Тай-цзу (Ли Юаня) в статусе обладателя «небесного мандата» на царствование.

Политическая активность даосов проявилась и в последние годы существования танской империи: даос Люй Юн-чжи был инициатором ряда акций, предпринятых военным диктатором Гао Пянем, подавившим восстание Хуан Чао в конце IX в.

Императоры следующей династии, Сун, не только покровительствовали даосам, но и сыграли особую роль в оформлении «Даосского Канона», приказав подготовить таковой. Сунская редакция легла и в основу существующего ныне «Дао цзана».

В самом конце правления Южной Сун (1275) 36-й Небесный Наставник Чжан Цзун-янь был провозглашен главой всех даосов Южного Китая (Северный был завоеван чжурчжэнями), а его школа получила официальное название «Пути истинного ортодоксального единства» («Чжэн и дао»). В это же время область гор Лунхушань окончательно закрепляется за Небесными Наставниками в качестве их удельного владения — автономного центра даосизма под юрисдикцией самого даосского первосвященника (до 1947 г.).

Однако пик политического влияния даосизма приходится на более ранний период — время правления императора Хуэй-цзуна (первая четверть XII в.). «Ветроотекучий» император Хуэй-цзун был личностью колоритной. Он был прекрасным художником, каллиграфом, комментатором даосских текстов и автором литургических песнопений, эстетом и ценителем искусства. Но он был очень плохим государем, что и навлекло на него резко негативную оценку конфуцианской историографии, видевшей в нем и его экстравагантностях причину потери китайского суверенитета на всей северной части страны в результате ее завоевания в 1125—1127 гг. чжурчжэнями.

В 1116 г. при дворе Хуэй-цзуна появился некий даос Линь Лин-су. Он был уроженцем Вэньчжоу и в молодости, вероятно, был какое-то время буддийским монахом. При дворе тогда было уже много даосов, но Линь Лин-су быстро оказался на первом месте по степени влияния на им-

ператора. Вначале он скромно занимался изданием различных даосских текстов и участвовал в подготовке утраченной ныне «Всеобщей истории даосизма» («Дао ши»), однако вскоре занялся богослужебной и проповеднической деятельностью среди придворной аристократии и высшего чиновничества и стал благодаря императорскому фавору первым человеком в империи. Он проповедовал веру в высшее и срединное небо Шэньсяо и его могущественных божеств. При этом сам император Хуэй-цзун был провозглашен им воплотившимся на земле для установления даосского правления во всем мире старшим сыном Верховного Нефритового Императора, Государем Вечной Жизни, правителем небес Шэньсяо. Под этим титулом Хуэй-цзун был известен до конца своей жизни, хотя употреблялся он только в религиозных текстах.

Линь Лин-су оставался при дворе до 1119 г. В это время он отождествил и других членов императорской фамилии и сановников с божествами небес Шэньсяо; себя же он называл небесным чиновником Чу Хуэем. Тогда же он представил ко двору молодого даоса Вань Вэнь-цина, имя которого совпадало с именем одного из божеств китайского календарного цикла. В 1119 г. Линь Лин-су вернулся в Вэньчжоу, а Вань Вэнь-цин продолжил его деятельность при дворе.

В те же годы император активно занимается реформой даосского богослужения и пишет ряд религиозных текстов, используемых в даосской литургии и в настоящее время. Начинается работа по составлению нового варианта «Дао цзана» (до нас не дошел). В него вошли и сочинения самого императора, включая его комментарии к философским даосским текстам. Одновременно начинаются и активные гонения на буддизм, целью которых было полное уничтожение буддизма как самостоятельной религии и превращение его в одно из направлений даосизма. Однако принятые антибуддийские законы не смогли осуществиться в полной мере: буддизм был достаточно мощной религией, давно и глубоко утвердившейся в китайском обществе, и никакие гонения уже не могли уничтожить его. Будучи признаны бесплодными, антибуддийские законы начинают отменять-

ся в 1120 г., и лишь некоторые меры экономического характера продолжают действовать до середины 20-х гг. XII в.

Несмотря на ослабление антибуддийской политики, Хуэй-цзун не отказался от доктрины Шэньсяо и собственной даосской теократии. После национальной катастрофы 1125—1127 гг., положившей конец и правлению самого Хуэй-цзуна, плененного чжурчжэнями, и установления правления Южной Сун (до 1279 г.) была предпринята попытка запретить новое даосское учение, поскольку на Хуэй-цзуна и его даосских советников возлагалась большая часть вины за падение Северной Сун и утрату империей севера страны, однако влияние доктрины Шэньсяо окрепло настолько, что осуществить это не удалось.

В целом учение Шэньсяо возникло как обоснование божественности правящей династии и самого царствующего императора — божественного воплощения, первосвященника, основателя даосской школы и светского государя. Однако даосское самодержавие не имело шансов в империи, управляемой мощным сословием конфуцианской бюрократии, что и предопределило крах даосской теократии вместе с уходом с политической сцены монарха-покровителя этой идеи.

Однако рассматриваемый период был не только временем придворного даосизма. В это же время вновь расцвела даосская философия и появились важные тексты теоретического характера («Иньфу цзин», «Гуань Инь-цзы» и др.), но об этом речь пойдет в другой главе. Значительные перемены произошли в это время и в даосской религиозной практике.

В это время начинается постепенный упадок внешней, лабораторной алхимии и постепенная замена ее внутренней, созерцательной алхимией. С XIII в. внешняя алхимия практически исчезает полностью, уступив место «даосской йоге».

Тем не менее еще в VII в. внешняя алхимия процветает и продолжает сближаться с медициной: крупнейший ее представитель Сунь Сы-мо (Сунь Сы-мяо) был также и великим медиком, «царем медицины». С VIII в. начинается эпоха торжества внутренней алхимии, заслуга в кото-

ром во многом принадлежит даосу Люй Дун-биню, одному из наиболее почитаемых в позднем даосизме персонажей. Преемником патриарха Люя (Люй-цзу) стал не менее знаменитый Лю Хай-чань (Лю Морская Жаба), превратившийся в народной религии в отрока Лю Хая (Лю Хара) из свиты бога богатства Цай-шэня; он обычно изображается в виде мальчика, держащего связку монет, с которыми играет трехногая жаба (*чань*).

Биографии этих наставников окутаны легендами, и достоверных сведений о них крайне мало, но третий лидер внутренней алхимии Чжан Бо-дуань (983—1082) известен достаточно хорошо. Ему бесспорно принадлежит знаменитый стихотворный трактат по внутренней алхимии под названием «Главы о прозрении истины» («У чжэнь пянь»), ставший основополагающим сочинением по теории внутренней алхимии.

После завоевания Северного Китая чжурчжэнями и установления на юге власти китайской династии Южная Сун традиция чистой внутренней алхимии оказалась связанной с югом Китая, тогда как в даосизме на севере в XII—XIII вв. происходит бурное движение, так называемая даосская реформация, приведшая к образованию новых школ, определивших облик даосизма вплоть до настоящего времени (о ней — ниже).

Эти новые школы тоже уделяли значительное внимание внутренней алхимии и возводили себя к Люй Дун-бину. Главная разница между ними и южной школой (ее название — «Цзинь дань дао» — «Путь золота и киновари») заключалась в том, что они проповедовали монастырский общежитийный даосизм, тогда как южане были отвержены индивидуальной практике и индивидуальному отшельничеству. После завоевания Китая монголами в конце XIII в., а затем после воцарения национальной всекитайской династии Мин (1368) реформированные северные школы (точнее, единственная сохранившаяся из них и весьма влиятельная школа «Пути Совершенной Истины» — «Цюань чжэнь цзяо») и южная школа «Пути золота и киновари» сблизились и стали даже рассматриваться как северная (*бэй цзун*) и южная (*нань цзун*) школы единого

направления. Как таковые они противопоставлялись старым школам, прежде всего традиции «Небесных Наставников», тоже процветавшей на юге и поэтому иногда (хотя и неправильно) называемой «южной школой».

Таким образом, к XI–XII вв. в даосизме наметилось принципиально новое направление его развития, которое вело, с одной стороны, к подчеркиванию индивидуального совершенствования (а не общинных форм культа) и нравственного развития, сопровождаемого медитативной практикой при соблюдении монашеских обетов, а с другой — к созданию предпосылок для появления народных форм даосизма в XIV–XVI вв. Этот народный даосизм коренился во многом в «благих книгах» (*шань шу*). Первая из них появилась в сунский период и стала активно распространяться в народе по указу южносунского императора Ли-цзуна (1230). Ее название — «Главы высочайшего Лао-цзюня о воздействии и отклике» («Тай шан гань ин пянь»). По существу, она лишь на даосский манер переосмысливала буддийское учение о карме и возмездии за совершенные проступки и прегрешения. Вместе с тем ее морализирующий характер и обращенность к самому широкому читателю свидетельствовали о появлении нового даосизма — народного и общедоступного.

Другой подобный пример — знаменитая «Гун го гэ» («Таблица заслуг и проступков»), приписываемая тому же Люй Дун-бину. «Гун го гэ» представляет собой список всевозможных поступков с их оценкой. Например: «Хорошее поведение и работа, чтобы доставить удовольствие родителям, — одна заслуга каждый день... отъезд из дома, где покинуты престарелые родители, — десять грехов». Перечисленные поступки могли действительно записываться в виде таблицы, благодаря которой благочестивый мирянин мог каждый день сводить «дебет и кредит» своих заслуг и прегрешений, следуя примеру купцов и торговцев, столь процветавших в танский и сунский периоды.

К XII в. завершается также формирование даосского пантеона, главной персонификацией Дао в котором навсегда стал Юй-хуан Шанди — Нефритовый Августейший Верховный Император, впервые упомянутый в конце IX в.

Люй Юн-чжи, невежественным даосским наставником суеверного генерала Гао Пяня, а в XI в. провозглашенный верховным божеством императорами сунской династии, свято верившими откровениям своих даосских советников.

И наконец в XI–XII вв. происходит расцвет новой редакции конфуцианства, так называемого неоконфуцианства, раз и навсегда в последующий период (XIII–XIV вв.) оттеснившего буддизм и даосизм на второй план в сфере духовной и интеллектуальной жизни. Вместе с тем даосизм оказал сильное влияние на неоконфуцианство, многие идеи которого имели даосские истоки. Но в любом случае в XI–XII вв. и даосизм, и конфуцианство развивались во многом в одном и том же направлении.

Между тем в XII в. на севере Китая начинается мощное даосское движение, приведшее к обновлению даосизма и образованию новых школ, завершивших в основном многовековую эволюцию даосизма и определивших его современный облик.

Северная часть Китая в это время находилась в основном под властью чжурчжэньской династии Цзинь (1115–1234). Основанная чжурчжэньским правителем Агудой (цзиньский император Тай-цзу), она быстро подчинила себе большую часть Северного Китая, пленив императора Хуэй-цзуна и заставив сунский двор бежать на юг от Янцзы.

В этой новой империи чжурчжэней и появились новые даосские направления, обращенные не к интеллектуальной элите, а к народу (особенно к горожанам) и проповедующие не алхимию и магию, а нормы нравственного поведения и практику самоуглубленного созерцания. Это были «Учение Великого Единого» («Тай и цзяо»), «Учение Истинного Великого Дао-Пути» («Чжэнь да дао цзяо») и «Учение Совершенной Истины» («Цюань чжэнь цзяо»). Из них лишь последнее не только не исчезло через несколько десятилетий, но, напротив, укрепилось, усилилось, став со временем наиболее распространенным даосским направлением в Китае (включая Гонконг–Сянган), особенно на севере страны. О нем и пойдет теперь речь.

Школе «Цюань чжэнь» удалось создать такой вариант даосизма, который был одновременно предназначен как для

монахов, так и для мирян. Доктрина этой школы потребовала принятия монашеских обетов всеми духовными лицами, но не создала единого административного центра для всех общин, оставив каждый монастырь совершенно независимым и самостоятельным центром религиозной практики. Но вместе с тем именно ее образование завершает процесс организационно-административного оформления (институционализации) даосизма.

Кроме того, «Учение Совершенной Истины» провозгласило принцип единства и единосущности всех трех учений Китая — даосизма, конфуцианства и буддизма, что также диктовалось этой эпохой быстрого становления религиозного синкретизма в Китае.

Таким образом, окончательно уступив неоконфуцианству сферу философии и место официальной идеологии, даосизм победил в религиозном синкретизме, еще раз подтвердив свое право на титул «национальной религии Китая».

Основатель «Учения Совершенной Истины» Ван Чун-ян (мирское имя Ван Чжэ, 1113—1170) родился в деревне Давэйцунь уезда Сяньян провинции Шэньси. Легенда рассказывает, что в 1159 г. он встретился в харчевне с неким необычным человеком, который оказался бессмертным Люй Дун-бином. Под влиянием беседы с ним Ван Чун-ян стал даосским монахом. Впоследствии на месте этой легендарной встречи был воздвигнут Монастырь Встречи с Бессмертным (Юйсяньгун), ставший одним из центров новой школы.

В 1167 г. Ван Чун-ян покинул свою родину и отправился на восток, в Шаньдун. Там он начал вести активную проповедь своего учения и там же у него появились первые ученики и преемник — второй патриарх Ма Тун (Ма Дань-ян, 1123—1183). К моменту смерти Ван Чун-яна ему удалось создать прочную и быстрорастущую религиозную организацию, охватившую своим влиянием весь Шаньдунский полуостров.

Вскоре сложилась и иерархия школы, а первые семь учеников Ван Чун-яна получили титул «семи совершенных людей» (*ци чжэнь жэнь*). Это были: Ма Дань-ян, Тан Чан-

чжэнь, Лю Чан-шэн, Цю Чан-чунь, Ван Юй-ян, Хао Гуаннин и Сунь Цин-цзин. Из них наиболее знаменитым стал Цю Чан-чунь, приглашенный в свою ставку возжаждавшим бессмертия Чингисханом и объяснявший великому завоевателю принципы даосской морали и основы китайской космологии. После этого облаканный разочаровавшимся в перспективах стать бессмертным, но просвещенным Чингисханом, Цю Чан-чунь вернулся в Пекин, где основал монастырь, называющийся ныне Байюньгуань (центр современного даосизма в КНР).

К началу XIII в. «Учение Совершенной Истины» распространилось по всему северу Китая. Основные его принципы были изложены Ван Чун-яном в его сочинении «Пятнадцать статей, устанавливающих сущность учения» («Ли цзяо ши у лунь»). Они таковы:

1. Соблюдение принципов монашества всеми священнослужителями.

2. «Облачные странствия», то есть периодическое странствование монахов по стране.

3. Изучение священных текстов. К ним помимо даосских сочинений относились также некоторые буддийские и конфуцианские тексты.

4. Приготовление лекарств. Занятия традиционной китайской медициной для оказания помощи нуждающимся.

5. Отшельническая жизнь. Периодическая жизнь в затворничестве для занятий созерцанием и достижения бесстрастия.

6. Единение с Дао. Достижение отношения к другим как к самому себе и просветление ума для единения с Дао.

7. Занятия созерцанием и медитацией. При этом часто использовались методы буддийской школы *чань* (*дзэн*), почему «Учение Совершенной Истины» часто называли «даосским чань».

8. «Нисхождение сердца» — достижение максимальной концентрации внимания для уничтожения противопоставления «внешнее—внутреннее».

9. «Плавка природной сущности» — постижение высшего нравственного принципа (*ли*) человеческой природы.

10. Гармонизация пяти видов энергии-*ци* — занятия внутренней алхимией для укрепления жизненной силы тела.

11. Гармонизация и единение природы человека и его энергетики (жизненности).

12. Следование пути совершенных мудрецов — забота обо всех живых существах и реализация нравственных принципов конфуцианства.

13. Преодоление «трех миров» (буддийский термин, обозначающий три уровня сансары — мира перерождений, где господствуют страдания) — освобождение от уз и оков этого мира, выход из круга перерождений и обретение освобождения через единение с Дао и обретение высшего просветления.

14. «Пестование Тела Закона» — превращение Дао в свое собственное «тело», полная интеграция даоса-верующего и Дао, последний плод единения с Дао (термин «Тело Закона» заимствован из буддизма, где так называется абсолютная Природа Будды — Дхармакая).

15. «Покидание суетного мира» — обретение нового бессмертного физического тела и одновременное пребывание и в этом мире (тело — корень, растущий из земли), и за его пределами (сознание — цветок, пребывающий в небесной пустоте).

Таким образом, основными столпами «Учения Совершенной Истины» стали: 1) первостепенное значение нравственного самосовершенствования, следования моральным принципам и нормам; 2) принятие монашеских обетов всем духовенством; 3) моральная и практическая (медицина) помощь не только монахам, но и всем нуждающимся; 3) усиленные занятия созерцанием, медитацией и внутренней алхимией; 4) установка на религиозный синкретизм и стремление объединить в себе принципы и практику даосизма, буддизма и конфуцианства.

«Учению Совершенной Истины» покровительствовали как чжурчженьские правители империи Цзинь, так и сменившие их монголы, чему во многом способствовали беседы Цю Чан-чуня с Чингисханом. Это покровительство продолжалось до 1255 г., когда даосы первый раз проиграли диспут с буддистами по вопросу о подлинности «Канона о

том, как Лао-цзы просвещал варваров» («Лао-цзы хуа ху цзин»), утверждавшего, что истинным родоначальником буддизма является пришедший в Индию Лао-цзы. Буддисты без особого труда доказали, что этот текст — даосская подделка, лишив тем самым даосов школы «Учения Совершенной Истины» благорасположения монгольских патронов. Но окончательный крах ожидал даосов после третьего неудачного диспута — в 1281 г., когда юаньский (монгольская династия Юань правила в 1279–1368 гг.) император Хубилай приказал сжечь «Канон о просвещении варваров» и все даосские тексты, кроме «Дао-Дэ цзина». К счастью, этот указ практически не исполнялся, и подавляющее большинство даосских текстов сохранилось. В это же время монголы, дискриминировавшие южных китайцев, тем не менее оказывали множество почестей Небесным Наставникам из рода Чжан, одаривая их званиями и титулами.

В это время начинается взаимодействие «Учения Совершенной Истины» с южнокитайскими практиками внутренней алхимии («Путь золота и киновари»), о котором уже говорилось выше, в результате чего южная внутренняя алхимия стала рассматриваться как южная школа (*нань цзун*) «Учения Совершенной Истины».

Позднее «Учение Совершенной Истины» превратилось в ведущую даосскую школу (особенно в Северном Китае), каковой она остается и в настоящее время.

В XIV–XVI вв. даосизм играл чрезвычайно важную роль в формировании религиозного синкретизма и синкретических религиозных направлений и сект, провозглашая принцип «Три религии — одна сущность» (имеются в виду конфуцианство, даосизм и буддизм). Даосская школа «Единства трех религий» («Сань цзяо гуй и») разделялась на два направления: «восточное» (*дун пай*), называвшееся также «учение бессмертных-будд» и «три пика» (*сань фэн*), названное так по имени выдающегося даоса XIV–XV вв. Чжан Сань-фэна, которому молва приписывала изобретение знаменитой гимнастики «кулачный метод Великого Предела» (*тай-цзи цюань*).

Школа «бессмертных-будд» оформилась между 1570 и 1620 гг., когда даос У Чун-суй стал проповедовать внут-

ренную алхимию, используя как даосскую, так и буддийскую терминологию. С ее учением и практикой в Европе познакомились уже около семидесяти лет назад, когда немецкий ученый Р. Вильгельм перевел и издал под названием «Тайна золотого цветка» один из текстов этого направления, принадлежавший даосу XVIII в. Лю Хуа-яну. К этой же традиции принадлежит и хорошо известный российскому читателю трактат даоса XIX в. Чжао Би-чэня, опубликованный гонконгским популяризатором буддизма и даосизма Лу Куань-юем под названием «Даосская йога».

Что касается Чжан Сань-фэна, то имеющиеся о нем сведения в основном носят легендарный характер. Он жил отшельником на горе Уданшань и, видимо, не принадлежал ни к одному из организованных даосских направлений. Название горы (*у* — «военный») и нахождение на ней храма бога-покровителя севера Чжэнь-у, или Сюань-у (Истинный, или Сокровенный Воин), оказалось решающей причиной для того, чтобы молва связала имя Чжан Сань-фэна с гимнастикой *тай-цзи цюань* и вообще с воинскими искусствами *у-шу*, что не соответствовало действительности.

Говоря о синкретизме, нельзя также не упомянуть имени Линь Чжао-эня (1517—1598), сочинения которого были позднее запрещены как еретические (что для Китая большая редкость). Видимо, это объяснялось тем, что Линь Чжао-энь, по существу, претендовал на статус совершенно мудрого, что было недопустимо для традиции. Тем не менее «церковь» Линь Чжао-эня существует и в наши дни (в Сингапуре). Он был истинным преемником даосских реформаторов XII в., утверждая возможность обретения просветления и высшей мудрости не только для ученого-конфуцианца, буддийского монаха или даоса-отшельника, но и для любого простого человека-мирянина, в том числе и для представителя «низких» профессий. Однако реформация не повторилась, и нового подъема даосского движения не произошло: в Китае начинался культурный застой, усиленный консервативным правлением маньчжурской династии Цин, воцарившейся на престоле Сынов Неба в 1644 г.

Еще одним важным явлением религиозной жизни позднесредневекового Китая стало религиозное сектантство. Секты и тайные общества («Белый Лотос», «Общество Неба и Земли», «Общество Восьми Триграмм» и другие) также склонялись к религиозному синкретизму с преобладанием даосских представлений и форм практики. Многие из них имели политические устремления и интересы (например, стремление свергнуть маньчжурскую династию Цин и восстановить китайскую Мин), но многие были чисто религиозными организациями. Главным их отличием от собственно даосских школ было то, что каждая секта претендовала на исключительное владение истиной и высшим мудрецом считала своего собственного основателя, одаривавшего членов сообщества тайным знанием и тайными методами обретения магических сил и достижения спасения. Сектанты в значительной степени впитали и еретические мессианские чаяния даосизма, иногда окрашенные в буддийские тона (пришествие будды Майтрейи и установление на земле царства равенства, изобилия и процветания). Секты активно преследовались правительством. Особенно прославился борьбой с сектами цинский чиновник Хуан Юйпьянь, действовавший в конце XVIII в. В его записках поиски сектантов приобретают уже черты самой настоящей «охоты на ведьм». Тем не менее секты продолжали существовать, играя важную роль в организации проявлений народного недовольства.

В XX в. даосизм вступил сугубо традиционной религией, пребывающей в состоянии значительного упадка. Синьхайская революция, свергнувшая монархию в 1911 г., способствовала оживлению деятельности даосов и появлению различных даосских религиозных и общественных организаций. Однако отрицательное отношение к даосизму гоминьдановских властей, смотревших на него как на отжившее суеверие, значительно ослабило его позиции. В отличие от буддизма, пережившего в новом Китае процессы обновления и возрождения, даосизм оставался во власти традиций и отказывался приспосабливаться к новым условиям.

После прихода к власти коммунистов и образования в 1949 г. Китайской Народной Республики в стране развер-

нулась борьба с былыми союзниками коммунистов — сектами и тайными обществами (особенно громким был процесс 1953 г. по поводу деятельности секты «Всепроникающего Единого Пути» — «И гуань дао»). Поскольку даосский элемент играл в сектах ведущую роль, тень подозрения пала на даосизм, и только в 1957 г. было создано Даосское общество Китая (Чжунго даоцзяо сехуэй), призванное объединить всех даосов для организации религиозного образования, культовой практики, научно-исследовательской работы и прочего (к этому времени аналогичные организации других конфессий были уже давно созданы).

Во время «Великой пролетарской культурной революции» (1966—1976) все даосские храмы и монастыри (как и храмы других конфессий) были закрыты и порой разгромлены, а деятельность Общества прекращена. После начала реформ Дэн Сяо-пина в 1978 г. положение постепенно начало меняться к лучшему, и в 1980 г. Даосское общество Китая было восстановлено. В настоящее время им ведется огромная работа по организации даосского образования, издаются журнал «Китайский даосизм» и многочисленная религиозная и научная литература по даосизму, проводятся конференции и симпозиумы. За последние годы открылось большое число храмов и монастырей, при многих из них действуют семинарии, готовящие кадры даосского духовенства.

Определенное возрождение даосизма связано и с ростом популярности *у-шу* и *ци гун* (последний непосредственно восходит к даосской внутренней алхимии). Интерес к *ци гун* стимулирует даологические исследования в КНР и публикацию многих редких даосских текстов, посвященных внутренней алхимии. По существу, можно сказать, что в феномене *ци гун* мы встречаемся с новым, мирским и светским даосизмом. Не начало ли это нового этапа его истории?

Одновременно даосизм продолжает процветать на Тайване, где его позиции весьма прочны. Любой человек, бывавший на этом острове, может засвидетельствовать огромное количество даосских храмов, монастырей, кумирен и святилищ. Особенным влиянием пользуется школа «Пути

Небесных Наставников», резиденция которых в настоящее время находится на Тайване. Продолжают существовать даосские общины и в китайской диаспоре за пределами Китая (от Юго-Восточной Азии до США).

Наш краткий очерк истории даосизма завершен. Посмотрим теперь, чему учат даосские тексты, создававшиеся на протяжении столетий, как они создавались и передавались из поколения в поколение и кем были их авторы и создатели.

Примечания

¹ Чэнь-цзы — мифический бессмертный китайской древности.

² Досл.: *тянь ши* — «небесным мужем».

³ Согласно преданию, Сюй Фу в поисках острова Пэнлай прибыл в Японию, где и сейчас показывают его могилу.

⁴ Чжэнь-тун — обозначение годов правления минского императора Ин-цзуна.

⁵ Цзюань — «свиток», условная старокитайская мера объема текста.

⁶ В даосизме того времени Коу Цянь-чжи считался «бессмертным, освободившимся от трупа». Его последователи утверждали, что после смерти его тело вытянулось, и когда ученики измерили его, оно оказалось длиной восемь футов и три дюйма (то есть около двух с половиной метров), но спустя три дня оно начало сжиматься, и когда его клали в гроб, оно было не более шести дюймов длиной (то есть не более полутора метров).

ЧАСТЬ II ЛЮДИ И КНИГИ

Престарелый Старец,
или Старец-Дитя

Кто написал «Дао-Дэ цзин»?

Кем был Лао-цзы, который обычно считается основателем даосизма и автором «Дао-Дэ цзина»? Уже жившему во II в. до н. э. великому китайскому историку Сыма Цяню это было далеко не ясно, и он пустился в гадания, отождествляя Лао-цзы то с одним, то с другим персонажем древности (то ли это некий Лао Дань, то ли Лао Лай-цзы, то ли Ли Бо-ян). Собственно положительные сведения о великом даосе, сообщаемые Сыма Цянем, первым его биографом, более чем скудны: Лао-цзы (собственное имя — Ли Эр) родился в царстве Чу на юге Китая (уезд Кусянь), служил хранителем царской библиотеки и архивов в государстве Чжоу, где встречался с Конфуцием. В преклонном возрасте отправился куда-то на запад, написав для начальника пограничной заставы Инь Си краткое изложение своего учения — трактат в пять тысяч знаков, более известный как «Канон Пути и его Благой Силы» («Дао-Дэ цзин»).

Образ Лао-цзы, почти лишенный груза биографической конкретики и поэтому загадочный и таинственный, привлекал даосов, постепенно начавших процесс его обожествления. В результате уже к первым векам нашей эры Лао-цзы превратился в бога, вечного и всемогущего. Вот как выглядел в общих чертах миф о Лао-цзы по текстам II–V вв. н. э.

Великое Дао, первоначало Вселенной и ее превечный Путь, как бы разворачивается, порождая все сущее. Этот процесс миропорождения проходит ряд стадий. На одной из них Дао обретает форму трех великих богов, Трех Чистых, или Небесных Достопочтенных (*тянь цзунь*), одним

из которых и является бог Лао-цзы (точнее, Лао-цзюнь, Государь Лао) под именем Дао-дэ Тянь-цзунь (Небесный Достопочтенный Пути и Благой Силы). Он величается «корнем Дао», «корнем Неба и Земли», «владыкой всех божеств», «праотцем *инь* и *ян*», «душой (*хунь-по*) всего сущего» и т. п. Этот бог Лао-цзюнь совершает творение мира, который возникает из его собственного тела, подобно тому как в древнем мифе он возникал из тела умершего первочеловека-исполина Пань-гу.

После порождения им мира Лао-цзюнь начинает периодически рождаться, или воплощаться на земле, неизменно выступая в образе советника и наставника правителей (со времен мифического Желтого Императора Хуан-ди, когда Лао-цзюнь воплотился в образе его учителя Гуанчэн-цзы), направляющего их на истинный путь благого правления и совершенствования. Одно из таких воплощений произошло в чжоускую эпоху, когда Лао-цзюнь родился в царстве Чу под именем Ли Эр (то есть как «исторический Лао-цзы»).

Для этого Лао-цзюнь из самого себя создал тело своей матери — госпожи Ли — и вошел в ее утробу. В ней он пробыл 81 год (вспомним 81-ю главу «Дао-Дэ цзина»), проходя через многочисленные превращения и трансформации. Родился он уже седым старцем, почему и получил прозвище Лао-цзы, что означает «Престарелый Мудрец» или «Престарелый Младенец» (даосы предпочитали второй вариант). Родившись, он сразу же показал на сливовое дерево и сказал: «Моя фамилия будет „Ли“» — («ли» по-китайски — «слива») и получил имя Ли Эр.

Дальнейшее содержание мифа совпадает с жизнеописанием Лао-цзы Сыма Цянем, хотя сама история ухода Лао-цзы на запад обрастает цветистыми подробностями.

Так, сообщается, что прибытию Лао-цзы на пограничную заставу предшествовало появление чудесных пятицветных облаков, после появления которых Инь Си оказал Лао-цзы торжественную встречу. Лао-цзы в его странствии сопровождал слуга Сюй Цзя, который служил ему уже несколько сотен лет благодаря магическому талисману, положенному ему под язык. На заставе Сюй Цзя, воспользовавшись присутствием начальства, стал требовать от

Лао-цзы плату за службу за все эти столетия, после чего Лао-цзы вынул из-под языка слуги талисман. Слуга тотчас же рассыпался в прах и пришел в то состояние, в котором бы находился, умри он естественной смертью в положенный срок. Страж границы Инь Си изумился и попросил Лао-цзы написать текст с изложением учения, позволяющего творить такие чудеса, что Лао-цзы и совершил, написав «Дао-Дэ цзин». Инь Си же стал первым учеником Лао-цзы, получившим известность под именем Гуань Инь-цзы — Мудрец Инь-с-Заставы.

Приблизительно в III в. появилась легенда (потом даосы неоднократно использовали ее в борьбе с конкурентами — буддистами, пока не навлекли этим на себя гнев монгольского императорского двора в 1281 г.), согласно которой Лао-цзы, уйдя на запад, пришел в Индию, где стал учителем Будды. Эта легенда была изложена в тексте «Лао-цзы просвещает варваров» («Лао-цзы хуа ху цзин»), приговоренном монгольским императором Хубилаем к сожжению и сохранившемся только частично.

Что касается последующих воплощений Лао-цзы, то здесь мнения даосов расходились. Так, Небесные Наставники считали, что воплощения Лао-цзюня (одним из них почитался знаменитый комментатор «Дао-Дэ цзина» II в. до н. э. — загадочный Господин-с-Речного Берега — Хэ-шан-гун) продолжались до 142 г., когда он в последний раз явился Чжан Дао-лину, передав ему все свои регалии и полномочия и оставив своим наместником (Небесным Наставником) на земле. Другие школы даосизма допускали продолжение откровения и новые воплощения Государя Лао.

Особенно подобные настроения были распространены среди еретических даосских сект, ожидавших нового пришествия Лао-цзюня или его посланца Ли Хуна для установления на земле царства всеобщего равенства, благоденствия и процветания. Именно эти настроения часто служили идейной основой для различных крестьянских выступлений под даосскими лозунгами.

Был ли Лао-цзы автором «Дао-Дэ цзина»? Если считать, что в основе мифов о Лао-цзы лежит реальное исто-

рическое зерно и некий Лао-цзы (Ли Эр) действительно жил в VI в. до н. э., то можно с определенностью сказать, что он не имеет никакого отношения к созданию известного нам текста «Дао-Дэ цзина», поскольку последний никак не мог быть написан ранее 300 г. до н. э. Скорее даже, он был написан еще позднее, между 300 и 250 гг. до н. э. Об этом прежде всего свидетельствует анализ языка текста, сильно отличающегося от более ранних памятников, но вполне соответствующего нормам IV—III вв. до н. э. Во вторых, «Дао-Дэ цзин» не упоминается ни в одном из текстов до рубежа IV—III вв. до н. э. О нем молчат «Беседы и суждения» Конфуция, ничего не говорит Мо-цзы (V в. до н. э.) и даже такой страстный конфуцианский полемист, как Мэн-цзы, ничего о нем не упоминает. Вместе с тем «Дао-Дэ цзин» цитируется в «Чжуан-цзы», но только в его поздних и явно написанных не самим Чжуан-цзы частях. Другим памятником, не только цитирующим, но и комментирующим «Дао-Дэ цзин», является «Ханьфэй-цзы», текст философской школы легистов (*фа цзя*), написанный приблизительно в середине III в. до н. э. Поэтому практически все современные специалисты в области изучения даосизма датируют «Дао-Дэ цзин» IV—III вв. до н. э. А из этого следует, что или Лао-цзы жил не в VI, а в IV—III вв. до н. э. и никогда не встречался с Конфуцием, скончавшимся в 479 г. до н. э., или текст «Дао-Дэ цзина» просто был приписан традицией Лао-цзы, хотя на самом деле не имел к нему никакого отношения.

Что же представляет собой «Дао-Дэ цзин»? Это небольшой текст, в современном варианте разбитый на 81 главку (*чжан*). Разбивка восходит, видимо, к началу нашей эры, поскольку древняя (мавандуйская) редакция памятника содержит совершенно иную разбивку на главы и число их значительно меньше. Скорее всего, деление на 81 главу связано с тем, что девятка считалась символом положительной энергии *ян*, то есть двойным, или совершенным *ян* (поскольку число 81 равно квадрату 9). Кроме того, именно в это время появляются тексты («Лао-цзы бянь хуа цзин» — «Канон о превращениях и трансформациях Лао-цзы», «Лао-цзы мин» — «Хвалебная запись о деяниях Лао-цзы», II в.

н. э.), повествующие о девятикратных превращениях бога Лао-цзюня, а также миф о 81 годе, проведенном Лао-цзы во чреве Матери Ли.

«Дао-Дэ цзин» написан ритмической прозой, чередующейся со стихами, хотя рифма постоянно присутствует даже в прозаических фрагментах этого текста. Для общего представления о стиле «Канона Пути и Благой Силы» приведем его первую главу в русском переводе (от передачи рифмы в основном пришлось отказаться):

Путь, который можно пройти,
не есть постоянный Путь,
Имя, что может быть поименовано,
не есть постоянное имя.
Безымянное — Неба, Земли начало,
Именуемое — матерью сущего стало.
Поэтому в отсутствии тайну вещей
созерцать стремись,
А в наличии —
предел сущего созерцать стремись.
Те двое родятся вместе, но их имена различны,
Их вместе назову я Сокровенным.
И Сокровенное вновь Сокровенным стало —
Таковы врата всех тайн!

В центре учения «Дао-Дэ цзина» — фундаментальные для всей китайской культуры категории Дао (Путь) и Дэ (его Благая Сила; Благодать). Дао в «Дао-Дэ цзине» — высшее первоначало, первооснова всего сущего («Мать Поднебесной») и вместе с тем — закон бытия всего сущего. Особенность учения памятника — концепция двух Дао: «безымянного», порождающего весь космос, и «именуемого», создающего и «пестующего» конкретные вещи. Последнее и есть Дэ — благодать Великого Пути, вскармливающая все сущее. Большое место в «Дао-Дэ цзине» уделяется учению о взаимоопереходе, или взаимопревращении противоположностей: наличие и отсутствие, движение и покой, легкое и тяжелое переходят друг в друга в процессе своего взаимопорождения.

Огромную роль в тексте играет категория «недеяния» (*у вэй*), под которым понимается невмешательство мудре-

ца в естественный ход событий и природу сущего, поскольку подобное вмешательство противоречит естественности (*цзы жань*) Дао, порожденной им природе и характеру самого человека как существа свободного и единого с природой. Недеяние — также принцип идеальной организации общества, управляемого совершенномудрым (то есть следующим Дао) монархом. Социальный идеал «Дао-Дэ цзина» — маленькая патриархальная страна, максимально обособленная от других подобных стран. Ее жители отказываются от ухищрений цивилизации и даже от письменности и живут простой естественной жизнью. Поэтому автор «Дао-Дэ цзина» резко критикует конфуцианцев с их учением о морали (для даосов она — искусственная конструкция, а не выражение природы сущего) и социальной иерархии.

Ряд фрагментов «Дао-Дэ цзина» содержат намеки на продление жизни, обретение бессмертия и неуязвимости через причастность к Дао как великому источнику жизни. В ряде мест «Дао-Дэ цзина» Дао уподобляется женскому началу (оно — Мать Поднебесной, Сокровенная Самка, Самка-Курица и т. п.). Такова, например, глава 6:

Ложбинный дух бессмертен,
Его называют Сокровенной Самкой.
Врата Сокровенной Самки —
Корень Неба и Земли.
Как нить, в бесконечность тянется он,
Используй его без усилий!

Поэтому даосский мудрец уподобляется младенцу (и даже нерожденному младенцу), находящемуся в полном единстве со своей матерью — Великим Дао-Путем.

В течение последних 150 лет «Дао-Дэ цзин» десятки раз переводился на европейские и иные языки (включая, например, иврит и эстонский), привлекая огромное внимание не только ученых-китаеведов, но и философов, писателей и других представителей творческой интеллигенции. Здесь достаточно назвать Л. Н. Толстого, не только переведившего «Канон Дао и Дэ» с французского перевода, но и редактировавшего в литературном отношении

сделанный с оригинала перевод крещеного японца Кониси, американского мыслителя Г. Торо, немецкого гуманиста и философа А. Швейцера; отрывок из «Дао-Дэ цзина» цитируется даже в известном фильме А. Тарковского «Сталкер».

После открытия древней мавандуйской редакции памятника, исследования «Дао-Дэ цзина» обрели второе дыхание, поскольку теперь многое в учении этого памятника видится в новом свете (особенно это касается религиозных в психопрактических аспектов учения текста и его связи с даосской доктриной обретения бессмертия). В связи с этим расширяются и исследования интерпретаций «Дао-Дэ цзина» в религиозных даосских текстах, например, в комментарии «Лао-цзы сян эр чжу», написанном, видимо, третьим Небесным Наставником, внуком знаменитого Чжан Дао-лина по имени Чжан Лу. Поэтому можно с уверенностью сказать, что загадки «Дао-Дэ цзина» еще не разрешены и текст будут продолжать исследовать еще многие поколения китаеведов, хотя уже и сейчас литература, посвященная этому тексту, поистине не поддается полному учету.

Чжуан-цзы и «Чжуан-цзы»

Другой знаменитый даосский текст носит имя своего автора. Им является философ эпохи Борющихся Царств Чжуан Чжоу (369—286 до н. э.), известный как Чжуан-цзы, то есть Мудрец Чжуан. Соответственно его произведение называется «Чжуан-цзы». Впрочем, этот текст имеет и другое, более пышное название, присвоенное ему августейшими покровителями даосизма — императорами династии Тан. Это «Истинный Канон Страны Южных Цветов» («Наньхуа чжэнь цзин»). Впрочем, это название употребляется крайне редко.

О Чжуан Чжоу нам известно еще меньше, чем о Лао-цзы. Сыма Цянь сообщает, что он был уроженцем царства Сун (в нем проживали потомки царского рода древнейшего государства Шан-Инь и иньцев вообще, и поэтому оно

славилось своими древними обычаями и уважением к архаическим нормам и ритуалам) и одно время занимал в нем незначительную чиновничью должность смотрителя шелковичной рощи. Однако по своему глубокому отращиванию к службе Чжуан-цзы оставил ее и большую часть жизни провел свободным отшельником-скитальцем и независимым мыслителем где-то на юге, в основном в царстве Чу, культура которого, видимо, оказала на него огромное влияние.

Текст «Чжуан-цзы» состоит из трех частей: это «внутренняя часть» (*нэй пянь*) — первые семь глав, «внешняя часть» (*вай пянь*) — 8–22-я, 33-я главы. Из них только первые семь глав могут считаться написанными самим Чжуан-цзы. Большая часть других глав написана, видимо, с его слов его учениками и последователями, а некоторые (например, 33-я глава — «Поднебесная», текст, по существу, историко-философского характера) относятся даже к гораздо более позднему времени — рубежу нашей эры (эпоха Хань). По-видимому, «внутренняя часть» «Чжуан-цзы» может считаться самым ранним даосским текстом, тогда как остальные части этого памятника были написаны уже после появления «Дао-Дэ цина».

По своему стилю «Чжуан-цзы» резко отличается от «Дао-Дэ цина». «Дао-Дэ цин» — текст откровения; он написан безличным языком, это как бы голос самой Пустоты превечного Дао, и авторское «я» «Дао-Дэ цина» — это не человеческое, а божественное «я» Лао-цзы как воплощенного Дао или Лао-цзы как мудреца, слившего свое «я» с пустотным «я» самого Дао. Кроме того, «Дао-Дэ цин» — текст краткий и лаконичный, в нем нет никакого повествовательного элемента.

Напротив, «Чжуан-цзы» — текст, в котором может быть более, чем в каком-либо ином памятнике не только китайской мысли, но и китайской литературы вообще, проявилось личностное начало его автора. Здесь мы слышим голос самого Чжуан-цзы, слышим выражение его надежд и чаяний, его скорби и муки, его наслаждения все-ленским единством, его сарказм и юмор, иронию и веру. Текст написан чрезвычайно ярким, богатым языком и изо-

билует притчами и эксцентричными образами, сложными метафорами и изысканными сравнениями. Язык даже не поворачивается назвать этот памятник скучным словом «трактат». Многие его образы и притчи вошли в китайскую литературу, постоянно используются в стихах, поэмах и эссе поэтов и литераторов традиционного Китая. Поражает в «Чжуан-цзы» и сам образ автора, человека абсолютно свободного и раскованного, чуждого коллективистского фантазма конфуцианства с его условностями и иерархическими ограничениями. «Я и Дао, я наедине с вечностью и вечным» — вот главный мотив «Чжуан-цзы». И эта замена конфуцианского «мы» даосским «я» очень показательна. Одним словом, «Чжуан-цзы» — не только выдающийся памятник китайской (и прежде всего даосской) философской мысли, но и один из величайших памятников китайской, а быть может, и мировой литературы.

Вместе с тем именно из-за высоких литературных достоинств этого памятника очень трудно излагать учение Чжуан-цзы, ибо оно сопротивляется какому-либо систематическому изложению. Чжуан-цзы никоим образом не системотворец. Скорее, он мыслитель экзистенциального типа, и экзистенция — живое и конкретное существование — для него всегда ближе эссенции — абстрактно-логической сущности, выпаренной рефлектирующим рассудком из живого потока существования.

В центре учения «Чжуан-цзы» — представление о Дао как первоначале всего сущего и принципе его существования. В нем с большей силой, чем в «Дао-Дэ цзине», подчеркивается связь Дао с отсутствием, добытийной пустотной неоформленностью, «безвидностью» всего сущего. Высшая форма этого отсутствия — «отсутствие даже самого отсутствия» (*у у*). Дао не есть вещь, не есть нечто из сущего: оно делает вещи вещами, не будучи само вещью (*у у эр фэй у*). Дао вездесуще, оно пронизывает всю Вселенную пространства и времени, с одной стороны, одухотворяя божеств и демонов, а с другой — пребывая даже в кале и моче, даже в телах муравьев и мух. Его нельзя познать благодаря какой-то ограниченной системе взгля-

дов или некой философской системе. Отсюда учение Чжуан-цзы об «уравнивании сущего», отрицающее бытие отдельных, обособленных сущностей и рассматривающее мир как единое и нечленимое целое, каждая часть и элемент которого не имеют самостоятельного самобытия, существуя только относительно других элементов мирового целого — Великого Кома (*да куай*) существования.

Истинная реальность «хаотична» (*хунь-дунь*), но не в смысле своей неупорядоченности, а в смысле полного единства, простоты и целостности. Это мир, где все присутствует во всем, где «это» заключено в «том», а «то» — в «этом». В этом мире субъект и объект не уничтожены и не растворены друг в друге, хотя и всякое противостояние их полностью исчезло, это мир, не знающий противоположности «я» и «другого». Мир «Чжуан-цзы» подобен клочущей плавильной печи, в которой все постоянно переплавляется, перетекая из одной формы в другую. В этом мире человек может после смерти «переплавляться», перетекая из одной формы в другую. В этом мире человек может после смерти «переплавиться» в печенку мыши или лапку насекомого, что отражает изначальное единство всего, то единство, в котором человек уже здесь и теперь в каком-то смысле уже и лапка насекомого, и печенка мыши, и далекая Полярная звезда. Все во всем и каждое в каждом. Эта реальность — наш мир, но не искаженный восприятием нашего искажающего и расчленяющего реальность рассудка и языка. Истинная реальность невыразима в слове, ибо язык аналитичен по своей природе, он разрезает действительность, создавая иллюзию, что каждому слову-имени (*мин*) соответствует определенная самостоятельная сущность (*ши*). Прекрасное и безобразное, сон и бодрствование, жизнь и смерть относительноны и условны: не зная, что такое смерть, мы цепляемся за жизнь, а потом не хотим воскресать, наслаждаясь посмертным единением с единым безграничным бытием; мудрец засыпает и во сне становится порхающей над цветами бабочкой, а проснувшись, не знает, то ли он проснулся, то ли теперь заснула бабочка и ей снится, что она — мудрец. Вот каковы для Чжуан-цзы превращения сущего, обнаруживающие его

всеохватное единство! Столь же относительны и добро и зло, прекрасное и безобразное: то, что благо для одного, — величайшее зло для другого. Поэтому навязывающий другим свое понимание добра (как это делают конфуцианцы и моисты) только вредит другим. Императоры севера и юга хотели облагодетельствовать Хаос, просверлив в нем семь отверстий (глаза, ноздри, рот и уши), но от их забот Хаос умер. Истинный мудрец не противостоит ни сущему, ни своей собственной природе, пребывая в покое недеяния и самоестественности «беззаботного скитания» в беспредельности мироздания.

Значительное место в «Чжуан-цзы» уделено традиционным даосским темам «пестования жизни» во имя долголетия и бессмертия, преодолевающего обузу мирского профанического существования и делающего святого, объединившегося с Дао, стократ более великим, нежели легендарные «совершенные мужи» конфуцианства — древние правители Яо и Шунь. Такой «божественный человек» не погибнет, даже когда от жара расплавятся скалы или когда воды потопа затопят землю до небес. Он может вознестись к звездам или поселиться в таинственных горах Куньлуня или Мяогуешань. Ему даже не надо будет ждать ветра, чтобы лететь на нем: весь мир станет его крылатой колесницей. Вместе с тем Чжуан-цзы весьма скептически относится к попыткам продлить жизнь натуралистическими способами (гимнастика, макробиотика и т. п.), а также к простому мирскому продлению жизни как к самоцели. Такие попытки тонко и остроумно высмеиваются им.

В области социальной мысли «Чжуан-цзы» развивает традиционную даосскую утопию общества, свободно и вольно живущего в единстве с природой без ухищрений и извращений цивилизации. Чжуан-цзы призывает к уничтожению цивилизации и государственности как поля деятельности «больших разбойников», воруящих Поднебесную вместе со всеми замечательными установлениями мудрецов, со всей «гуманностью» и «справедливостью» конфуцианцев.

В «Чжуан-цзы» также содержится драгоценный материал историко-философского характера, связанный с кри-

тикой различных философских направлений Китая того времени (конфуцианство, моизм, школа имен — *мин-цзя* и др.). В этом отношении последняя, 33-я глава памятника («Поднебесная») может рассматриваться как первый китайский историко-философский текст. Много в «Чжуан-цзы» и материалов, весьма интересных для реконструкции древнекитайских религиозно-мифологических представлений и культовых норм.

Текст «Чжуан-цзы» многократно переводился на европейские языки (в том числе дважды — на русский¹⁾). К нему обращались многие представители европейской культуры XX в. (см., например, образ Старшего Брата в знаменитом романе германо-швейцарского писателя Г. Гессе «Игра в бисер»). «Чжуан-цзы», несомненно, — выдающееся произведение не только китайской, но и мировой философии и литературы.

С «Чжуан-цзы» образно и содержательно связан еще один текст, предполагаемый автор которого часто упоминается на страницах «Истинного Канона Страны Южных Цветов». Это «Ле-цзы», названный так по имени даоса, жившего, как следует из «Чжуан-цзы», до Чжуан Чжоу, — Ле Юй-коу. К нему мы теперь и обратимся.

Ле Юй-коу и Чжан Чжань

Текст утраченный и текст восстановленный

В тексте «Чжуан-цзы» часто упоминается некий Ле-цзы, или Ле Юй-коу. Судя по «Чжуан-цзы», это даос, предшественник Чжуан-цзы и чудотворец (например, про него рассказывается, что он умел летать на ветре). Считается, что он был выходцем из царства Чжэн и ушел в отшельники. Его учение называлось «почитанием пустоты» (*гуй сюй*). С эпохи Тан титулуется как Совершенный человек, прорвавшийся в пустоту, а приписываемый ему текст «Ле-цзы» также получает почетное название «Истинного канона Прорвавшегося в пустоту» («Чун сюй чжэнь цзин»).

Знаменитый филолог рубежа нашей эры Лю Синь упоминает приписываемый ему текст («Ле-цзы»). Но тот же ли это текст, что и известная в настоящее время книга «Ле-цзы»?

В настоящее время можно с полной уверенностью сказать, что нет. Почему? О неподлинности современного текста «Ле-цзы» говорит многое. Прежде всего, это язык, соответствующий эпохе раннего Средневековья, но никак не древности. Во-вторых, это отчетливое влияние буддизма, который начал распространяться в Китае в I в. н. э. и стал серьезной духовной и интеллектуальной силой только на рубеже III–IV вв. Что же произошло с трактатом Ле Юй-коу?

Понятно, что до изобретения книгопечатания экземпляров книг было очень мало и поэтому гибель того или иного текста (вопреки оптимизму известного булгаковского персонажа, утверждавшего, что рукописи не горят) была явлением довольно распространенным. Особенно много книг гибло в смутные времена войн и междоусобиц.

В начале IV в. взбунтовались зависимые от Китая племена сюнну, которые без особого труда сообща с другими кочевниками к 317 г. захватили весь Северный Китай. В это время на юг бегут не только двор и аристократия, но и толпы простых людей. Именно в это время на юг бежит и семья прославившегося позднее как философа и ученого Чжан Чжана, отец которого был владельцем одного из немногих текстов «Ле-цзы». В суете и панике, охватившей беженцев, текст теряется, и только много позднее Чжан Чжань восстанавливает его по памяти. Так появляется современный текст этого памятника, который, видимо, только незначительно совпадал с древним оригиналом. Таким образом, автором современного текста «Ле-цзы» может не без основания считаться сам Чжан Чжань, написавший к тому же подробный философский комментарий к книге «Ле-цзы».

О чем говорится в «Ле-цзы»? Этот трактат живо напоминает «Чжуан-цзы» — даже многие сюжеты этого текста благополучно перекочевали в «Ле-цзы», хотя и приводятся там в несколько сокращенном и как бы урезанном виде.

Литературные достоинства «Ле-цзы» несомненны, но все же по яркости языка, образности и эмоциональной силе ему далеко до «Чжуан-цзы». Поэтому в значительной степени «Ле-цзы» — как бы конспект «Чжуан-цзы» или его более бледная копия. Как и «Чжуан-цзы», «Ле-цзы» содержит много притч и легенд. Чувствуется здесь и влияние даосского учения о *сянях*-бессмертных: автор «Ле-цзы» явно верит в возможность обретения физического бессмертия. Отдает этот текст дань и политической даосской идее, так называемой доктрине Хуан—Лао (то есть мифического Желтого Императора Хуан-ди и Лао-цзы), учащей об управлении государством на основе недеяния. И конечно, Чжан Чжань, предполагаемый автор современного текста «Ле-цзы», не мог не насытить его идеями той философской школы, к которой принадлежал сам, — школы «учения о Сокровенном» (*сюань сюэ*). Известно, что Чжан Чжань стремился сочетать в своем учении подходы двух ведущих представителей этой доктрины — Ван Би (226—249) и Го Сяна (ум. 312). Первый из них учил об «Отсутствии» (*у*) как первосубстанции сущего, тождественной Дао, второй — о том, что все сущее возникает из себя самого (*цзы шэн*), а не из некой сокрытой субстанции. Чжан Чжань же, с одной стороны, провозглашает вечность Дао как первоосновы мира, а с другой — конечность и разрушимость всех вещей и существ Вселенной, что ведет его к своеобразному гедонизму — надо радоваться каждому мгновению жизни и сполна наслаждаться им.

Этот гедонизм Чжан Чжаня нашел свое полное выражение в 7-й главе «Ле-цзы», посвященной изложению взглядов древнекитайского гедониста Ян Чжу (IV в. до н.э.), считавшего, как это следует из «Ле-цзы», что высшей ценностью для человека должно быть его собственное материальное благополучие и процветание, тогда как следование нравственным нормам есть лишь попытка приукрасить себя в глазах других людей. Увы, в этой главе часты неувязки и анахронизмы; например, в ней мирно беседуют между собой министр и реформатор Гуань Чжун и философ Янь-цзы, которых на самом деле отделяла друг от друга добрая сотня лет. Да и взгляды Ян Чжу, по «Ле-цзы», сильно отличаются

от его же взглядов, описанных его современниками — Мэн-цзы и Чжуан-цзы, что позволяет предположить, что Чжан Чжань просто приписал древнему «эпикурейцу» свои собственные гедонистические и, прямо скажем, эгоистические взгляды.

Значительное внимание автор «Ле-цзы» уделяет вопросам философии природы и учению о возникновении и формировании Вселенной. Он учит, что единое первоначало — Великие Перемены (*тай и*) постепенно, проходя через ряд стадий, разветвляются во множественный мир всего сущего — «десяти тысяч вещей» (*вань у*).

В целом можно сказать, что основные идеи «Ле-цзы» в большей или меньшей степени соответствуют взглядам древних даосов, хотя на них и лежит безусловный отпечаток идейных исканий совершенно другой эпохи — китайского раннего Средневековья.

Мятежный удельный царь и хуайнаньские мудрецы

Объединение Китая в единую могучую империю создало принципиально новую культурную ситуацию. Теперь культурные традиции различных регионов империи получили возможность объединения и взаимодействия, и в этом отношении империя Западная Хань (206 до н. э. — 7 н. э.) вполне напоминает котел, в котором варятся разнородные региональные культуры, постепенно образуя единую общекитайскую духовную общность. Надо сказать, что ханьские императоры, имея перед лицом печальный пример Цинь, погибшей из-за своей суперцентрализации и свирепых законов, решили несколько отпустить вожжи и дать определенную свободу и автономию удельным правителям — царям (*ванам*), которые, впрочем, все были родственниками правящего императора и носили императорскую фамилию Лю (с другой стороны, это не мешало им интриговать против своего августейшего родственника и предпринимать попытки к узурпации высочайшего престола). Одним из таких удельных правителей и

был Лю Ань, царь Хуайнаньский, имя которого оказалось прочно связано с выдающимся памятником даосской мысли — трактатом «Хуайнань-цзы» («Хуайнаньский мудрец»).

Лю Ань (179—122 до н.э.) был внуком основателя Ханьской династии Лю Бана (императора Гао-цзу) и был известен не только как выдающийся правитель, но и как мыслитель, музыкант, литератор и эрудит. По-видимому, он имел склонности к даосскому оккультизму, поскольку интересовался алхимией, а молва приписывала ему даже изготовление эликсира бессмертия. Во всяком случае, среди своих многочисленных «гостей-клиентов» (кэ — нечто среднее между приживалом, слугой, почетным гостем и советником — точнее, кэ могли быть и тем, и другим, и многим прочим) Лю Ань пригласил и многих даосских магов и алхимиков, способствовавших росту его славы как человека, постигшего тайные искусства великого Дао. Говорят, что он пригласил несколько тысяч ученых, по преимуществу даосов, для написания колоссального интеллектуального компендиума, одним из авторов которого он был и сам. Этот компендиум и известен ныне как «Хуайнань-цзы». Другое его название — «Хуайнань хун ле» — «Великая мудрость Хуайнани».

Тем не менее мирские соблазны все-таки подвели этого философа на троне. Он принял участие в заговоре, направленном на свержение правившего тогда императора У-ди и на возведение на трон Поднебесной себя самого. Заговор был раскрыт, и хуайнаньскому царю-мудрецу не оставалось ничего, кроме как покончить жизнь самоубийством. Впрочем, многие даосы этому не верили и считали, что Лю Аня оклеветали, чтобы скрыть его подлинное достижение — создание эликсира бессмертия, благодаря которому он со всей своей семьей и даже домашними животными «среди бела дня взмошел на небо». Этот мотив отражен и в житийном варианте биографии Лю Аня, вошедшем в «Жизнеописания святых-бессмертных» («Шэнь-сянь чжуань»), один из важнейших сводов даосских «житий святых».

Основная тема «Хуайнань-цзы» — обретение Дао. Можно сказать, что авторы этого трактата выделяют как бы два уровня обретения этого наивысшего принципа.

Первый уровень — уровень совершенномудрого, который следует принципу недеяния, преодолевает страсти и в конечном итоге устанавливает полный контроль своего разумного сердца (*синь*) над всеми телесными функциями. Совершенный мудрец может также быть идеальным правителем, управляющим на основе естественности и недеяния.

Второй уровень — уровень «совершенного», или «истинного человека» (*чжэнь жэнь*), который достигает такого единства с Дао и со всей Вселенной, основанной на его (Дао) изначальном единстве, что сам становится неотделимым от него пустотно-покойным Дао-человеком (*дао жэнь*). Он не только един со всеми силами космоса, но и возвышается над ними, переставая быть подвластным им. Такой человек абсолютно свободен, вмеща в себе само Великое Единое, нерасчлененную целостность всего мира.

В «Хуайнань-цзы» уделяется много внимания проблемам устройства Вселенной (космология) и ее формирования (космогония). С точки зрения авторов этого текста, первоисточником всего является пустота наивысшего Дао, которая есть «отсутствие даже самого отсутствия». Текст написан великолепным литературным стилем, и многие его фрагменты звучат как величественный гимн гармонически устроенной Вселенной, в которой все связано со всем, все откликается всему; это мир, напоминающий грандиозный симфонический оркестр, в котором все инструменты, исполняя свою партию, согласовываются со всеми другими инструментами, порождая музыку космической гармонии. Авторы «Хуайнаньского мудреца» как бы упиваются гармонией Вселенной и ее единством, ее многообразием, сводящимся к единой субстанциональной основе покоящегося Дао отсутствия и пустоты. И этот божественный космос — подлинное мерило всякой истины и всякой красоты. В целом можно сказать, что картина мира, представленная в «Хуайнань-цзы», глубоко магична и даже алхимична. Это мир всеобщих взаимодействий, таинственной симпатии, связывающей между собой роды сущего, и всеобщих взаимосвязей и необычайных превращений и трансформаций.

Важную роль в «Хуайнань-цзы» играют различные мифологические сюжеты, по-видимому, связанные с южнокитайской (чуской) традицией, что делает его одним из важнейших источников для реконструкции мифологических представлений Древнего Китая. Вообще же объем мифологической, легендарной, исторической и научной информации, введенной в этот памятник, поистине может считаться гигантским, что делает «Хуайнань-цзы» энциклопедией духовной культуры раннеимперского Китая и одним из наиболее выдающихся синтезов древнекитайской культуры.

Следует отметить в заключение, что современный текст «Хуайнань-цзы» неполон, значительная его часть была утрачена еще в древности. Современный текст насчитывает только 21 главу, тогда как, по сообщению древних источников, кроме этой части, толкующей о Дао (внутренняя часть), существовали еще 33 главы, повествующие «о разном» (внешняя часть), и 8 глав, посвященных святым-бессмертным и искусству алхимии (средняя часть). Видимо, именно эти главы разбирал по приказанию императора знаменитый филолог Лю Сян (77—6 до н. э.), да так увлекся ими, что вроде бы и сам отдал дань изготовлению эликсира бессмертия, в чем, впрочем, не преуспел. Тем не менее и в современном виде «Хуайнаньский мудрец» — замечательный по своей глубине и литературным достоинствам памятник даосской и китайской вообще мысли.

«Канон Великого Равновесия» и «Желтой повязки»

«Тай пин цзин» («Канон Великого Равновесия») — один из наиболее ранних религиозных даосских текстов (его формирование относится к первым векам нашей эры). В «Тай пин цзине», по существу, присутствуют все темы даосской религиозной литературы (доктрина, космология, религиозная практика и в первую очередь — социальная утопия).

История создания «Тай пин цзина» такова. Некий Гань Чжун-кэ из Ци преподнес ханьскому императору Чэн-ди

(32–7 до н. э.) книгу под названием «Дарованный Небесным чиновником, основанный на календаре и объемлющий изначальное Канон Великого Равновесия» («Тянь гуань ли бао юань Тай пин цзин»). Это и был первый вариант нашего текста. Преподнося его императору, Гань Чжун-кэ надеялся с помощью текста обновить мистический Небесный мандат (*тянь мин*) династии Хань на право царствовать над Поднебесной.

При императоре Шунь-ди (126–145) некто Гун Чун поднес двору «Книгу чистого правления Великого равновесия» («Тай пин цин лин шу»), написанную даосом Гань Цзи (или Юй Цзи) из Ланье (современная провинция Шаньдун в Восточном Китае). Видимо, это и был первый вариант известного нам текста «Тай пин цзина». Скорее всего, именно он лег в основу идеологии восстания Желтых повязок (о нем ниже), нанесшего сокрушительный удар по империи Хань (184). Согласно докладу сановника Сян Кая, в тексте говорилось о почитании Неба и Земли и о продлении жизни посредством приведения себя в гармонию с циклом чередования пяти элементов — дерева, огня, земли, металла и воды. Текст содержал также наставления по достижению процветания государства.

Существовал также текст «Канона о вмещающем пределе Великого Равновесия» («Тай пин дун цзи цзин»), который был, согласно даосской традиции, вручен божественным Лао-цзюнем первому Небесному Наставнику Чжан Дао-лину в 142 или 145 г. Видимо, все эти тексты и легли в основу современного «Тай пин цзина», который сформировался к концу VI в.

Идеалом «Канона Великого Равновесия», как это следует из самого названия памятника, является воцарение на земле Великого Равновесия, или Великого Равенства, или Великого Благоденствия — все эти значения присутствуют в иероглифах «тай пин». Идея Великого Равновесия — одна из важнейших в китайской социальной мысли, как даосской, так и конфуцианской. Концепция *тай пин* встречается в таких различных по своему содержанию текстах, как конфуцианское «Великое Учение» («Да сюэ»): «Когда государство упорядочено, то вся Поднебесная уравни-

вается и процветает (*пин*)»; как «Чжуан-цзы» или философский свод III в. до н.э. «Весны и осени господина Люя» («Люй ши чунь цю») и в других письменных памятниках. В эпоху Хань эта идея стала всеобщей, и ее выдвигали и анализировали многие мыслители, и не только даосские. Содержится она и в «Хуайнань-цзы». Интересно, что известный философ-скептик Ван Чун (I в. н.э.) считал, что идеал Великого Равновесия уже был воплощен дважды в современную ему эпоху: при императорах Вэньди (II в. до н.э.) и Гуан У-ди (I в. н.э.). Но только в «Тай пин цзине» эта идея не только всесторонне рассматривается, но и становится костяком всей даосской утопии, соединившись в единое целое с религиозной доктриной даосизма.

В «Тай пин цзине» общество Великого Равновесия видится исполненным социальной гармонии, воспроизводящей гармонию космоса: сил *инь—ян*, пяти первоэлементов, Неба и Земли и т. д. Эта гармония космоса (срединная гармония — *чжун хэ*) порождает особую энергию (*ци*) Великого Равновесия, которая и пронизывает собой всю Поднебесную. Общество Великого Равновесия предполагает уравнилельное распределение и свободное обращение товаров (аналогичное циркуляции энергии-*ци* во Вселенной) и абсолютное равновесие всех интересов и потребностей. Отсюда и сугубо отрицательное отношение к частной собственности и накоплению богатств. Текст учит, что этот идеал был реализован в совершенной «ранней древности» (*шангу*), но утрачен позднее. Вместе с тем «Тай пин цзин» предполагает возможность скорейшего восстановления утраченного порядка (соответствующая идея и стимулировала повстанческое движение Желтых повязок). Одновременно Великое Равновесие — также состояние мудреца, освободившегося от страстей и аффектов и пребывающего в абсолютном покое, спонтанно следующего самоестественности (следовательно, его эмоции полностью уравновешены). Такое состояние определяется текстом как «радость» (*лэ, си*). Многие страницы текста посвящены описанию единства космоса и включенности мудреца в переживание этого единства.

Несмотря на все свои уравнилельные идеи, «Тай пин цзин» много говорит об абсолютной власти совершенно-мудрого монарха и о жесткой социальной иерархии, воспроизводящей иерархию соподчиненности природных сил и начал. Состояние монарха влияет на мировые начала, положение которых, в свою очередь, воздействует на правителя, вызывая его соответствующие реакции. Идеальное состояние государя есть «радость», и эта «радость» устанавливает согласие и гармонию сил природы. Император является человеческим аналогом Неба и стихии огня: последняя, не изменяясь, обладает способностью изменять все прочие стихии. Отсюда следует и предназначение монарха: «преобразующее воздействие» (*хуа*), цель которого — установить такой порядок, при котором всякая вещь заняла бы свое собственное место, совпадающее с ее природой (китайский аналог апокатастасиса — «восстановления всего» в соответствии с мистическими гностическими учениями поздней античности). Соответствие природы и положения в иерархии — важный аспект учения «Тай пин цзина». Этот памятник утверждает возможность восстановления идеальных порядков «ранней древности» благодаря откровениям Небесного Наставника (*тянь ши*), выступающего, однако, в тексте не как историческое лицо (вроде Чжан Дао-лина и его преемников), а как сугубо божественное, сверхъестественное существо — наставник и вдохновитель совершенномудрого государя.

Значительное внимание в «Тай пин цзине» уделяется методам обретения долголетия и бессмертия. Теория бессмертия также основана на представлениях о мировой гармонии и свободной циркуляции «изначальной энергии», или «изначальной пневмы» (*юань ци*). В тексте содержится достаточно много фрагментов чисто медицинского характера, причем медицина этого памятника тесно связана с элементами архаической магии. Элементы мессианизма и пророчества, содержащиеся в «Тай пин цзине», указывают на его связь с популярной в эпоху Хань литературой апокрифов и пророчеств (*чань вэй*), проникшей даже в сочинения некоторых конфуцианцев того времени.

Весьма любопытны идеи «Тай пин цзина» относительно семьи и брака. Текст предписывает каждому мужчине иметь две жены, поскольку, согласно древней нумерологии, мужское *ян* нечетно и ему соответствует единица, тогда как женское *инь* четно и ему соответствует двойка. Отсюда и принцип «каждому *ян* — два *инь*». Одновременно «Тай пин цзин» обрушивается с резкой критикой идеи целомудрия как религиозной добродетели (эта критика направлена, видимо, против буддизма с его монашеским идеалом — буддизм начал распространяться в Китае в I в. н. э.). Аргументация «Тай пин цзина» — образцом для всего сущего являются Небо и Земля. Но Небо и Земля порождают и питают все сущее через постоянное соитие. Если же Небо и Земля начнут следовать принципу целомудрия, то все сущее неминуемо погибнет. Следовательно, целомудрие — ложная и вредная идея, противная благому миропорядку. Интересно, что даосы, вначале встретившие в штывы буддийский монашеский идеал, постепенно под его влиянием начали создавать собственное монашество. Но это произошло уже гораздо позднее.

Из других любопытных идей «Тай пин цзина» можно отметить идею воздаяния (*бао*): божество Распорядитель Судеб, которое есть проявление Дао, пребывающее в сердце каждого человека, определяет каждому человеку срок жизни в соответствии с его поступками, сокращая за прегрешения жизнь и перенося вину и ответственность (*чэн фу*) за нее в случае необходимости на потомков вплоть до седьмого колена (о загробном воздаянии речь не идет). И в этом концепция «Тай пин цзина» напоминает библейское ветхозаветное учение о божественном возмездии.

Учение «Тай пин цзина» сильнее всего повлияло на даосскую утопическую мысль и идеологию народных движений вплоть до тайпинов (XIX в.), которые, хотя и считали себя христианами, заимствовали свое название из древней утопии Великого Равновесия — *тай пин*. Но прежде всего, надо отметить его самую непосредственную связь с восстанием Желтых повязок, о котором и следует в заключение сказать несколько слов.

В начале 80-х гг. II в. в Восточном Китае объявился некий маг и целитель Чжан Цзюэ (к Небесным Наставникам из рода Чжан никакого отношения он не имел) и стал проповедовать учение о скором установлении на земле царства Великого Равновесия. Он утверждал, что сила Небесного мандата дома Хань исчерпалась и власть Синего Неба подошла к концу, а на смену ей идет власть нового, Желтого Неба. Другими словами, Чжан Цзюэ проповедовал завершение мирового цикла — целой космической эпохи и начало нового цикла, который начнется с установления совершенного миропорядка. Созданная Чжан Цзюэ секта поэтому и получила название «Тай пин дао» — «Путь Великого Равновесия». Свои проповеди Чжан Цзюэ подкреплял «духовным лечением», целительством, в том числе и посредством создания «божественной воды»: написанные тушью магические амулеты смывались в воду, которую больной выпивал. Популярность Чжан Цзюэ росла день ото дня, и вскоре он уже начал подготовку восстания для утверждения нового благого порядка, вооружая своих сторонников. Начало восстания было назначено на начало нового, 184 г. — этот год был первым в новом 60-летнем цикле, китайском веке, и наилучшим образом поэтому подходил для начала новой эпохи. Восставшие обматывали голову желтой тканью — символом нового правления Желтого Неба, поэтому их стали называть «Желтыми повязками» (*хуан цзинь*), а само восстание — восстанием Желтых повязок.

Это движение нанесло по империи Хань сокрушительный удар, от которого она не оправилась. Восстание с трудом подавили военачальники императора, но после этого они усилились настолько, что сами стали угрозой для центральной власти. Особенно усилился знаменитый Цао Цао, фактически узурпировавший императорские права. В 220 г. его сын Цао Пи устранил ханьскую династию, создав новую империю Вэй, после чего Китай вступил в новую эпоху Троецарствия и длинную череду междоусобиц и смут.

Однако идеи «Тай пин дао» и «Тай пин цзина» продолжали жить, неоднократно проявляясь в новых народных восстаниях и войнах вплоть до новейшего времени.

Мудрец, который объял
первозданную простоту
Магия и наука Гэ Хуна

Период Северных и Южных династий (IV–VI вв.) был не только временем «распадения великих сил Поднебесной», но и эпохой бурного формирования религиозной даосской традиции. Одной из вершин даосской мысли не только этого времени, но и всего Средневековья стал трактат даосского алхимика, медика и философа Гэ Хуна «Баопу-цзы», или «Мудрец, объемлющий первозданную простоту».

За свою жизнь Гэ Хун написал множество сочинений — трактаты исторического, историко-политического, этического, медицинского и даосско-окультурного характера, — большая часть из которых до нас не дошла. В настоящее время кроме трактата «Баопу-цзы» сохранилось несколько медико-фармакологических сочинений Гэ Хуна, характеризующих его как одного из крупнейших светил древнекитайской медицины, краткие трактаты даосского содержания (дублирующие, по существу, отдельные фрагменты «Баопу-цзы») и агиографическое сочинение «Жизнеописания святых-бессмертных» («Шэнь-сянь чжуань»), задуманное как продолжение первого даосского житийного сочинения «Жизнеописания бессмертных» («Ле сянь чжуань»), приписываемого знаменитому филологу I в. до н. э. Лю Сяну; однако в настоящее время нельзя утверждать, что имеющийся в нашем распоряжении текст тождествен написанному Гэ Хуном. Скорее всего, это не так, и оригинальный текст был сильно переработан и дополнен позднейшими авторами. Приписываются Гэ Хуну и заведомо апокрифические сочинения, например предисловие к трактату «Гуань Инь-цзы», якобы написанному учеником Лао-цзы стражем заставы Инь Си, но в действительности появившемуся между VIII и XI вв. Но подлинную посмертную славу Гэ Хуну принес его знаменитый трактат «Баопу-цзы» («Мудрец, объемлющий первозданную простоту»), который обычно и ассоциируется с его именем.

Этот трактат писался Гэ Хуном между 317 и 320 гг., то есть когда Гэ Хуну было приблизительно 34–37 лет. Вначале он написал так называемые «внешние», или «экзотерические» главы (*вай нянь*), которые он, собственно, и назвал «Баопу-цзы». Однако вскоре намерения Гэ Хуна изменились и он пишет новый, совершенно самостоятельный и независимый от предыдущего, законченный текст, который условно и даже несколько искусственно соединяет с уже созданным в одно произведение в двух частях: первая (теперь, однако, идущая второй) получает название «внешнего», или «экзотерического» раздела (*вай нянь*), а вторая (теперь — первая) — «внутреннего», или «эзотерического» раздела (*нэй нянь*).

Человека, впервые обращающегося к чтению «Баопу-цзы»², многое удивляет и даже потрясает своей кажущейся парадоксальностью (подлинных парадоксов Гэ Хун не любил, считая их неким интеллектуальным блефом и проявлением извращенности ума, не желающего просто сказать «да» или «нет»), своим несоответствием привычным стандартам.

И действительно, Гэ Хун провозглашает веру в бессмертие (и притом телесное!) и бессмертных, в магию и астрологию, алхимию и нумерологию, а сам при этом высмеивает (прямо в вольтеровских выражениях) тех, кто, вместо того чтобы обратиться к врачу, молится о выздоровлении божествам, совершает жертвоприношения и разоряется на оплате сомнительных услуг шаманов и знахарей. Как это понимать? Или другой пример: этот маг, алхимик, оккультист охотно цитирует не только «Дао-Дэ цзин» или экзотерические «каноны бессмертных» (*сянь цзин*), но и сочинения таких скептиков и вольнодумцев древности, как Ван Чун и Хуань Тань. Что это, собственно, означает? Вопросы на эти ответы мы, однако, сможем найти только после вдумчивого прочтения всего памятника при условии восприятия его как вполне определенного и непротиворечивого в себе целого.

И все-таки ключ к кажущимся противоречиям Гэ Хуна есть. И этот ключ — специфика самого естественно-научного знания в традиционных культурах и отчетливое по-

нимание того обстоятельства, что Гэ Хун по своему темпераменту, подходу и интересам был прежде всего не мистиком или интуитивистом, а ученым-экспериментатором и эмпириком. То, что нам кажется фантастикой или даже суеверием из принимавшегося Гэ Хуном, на самом деле просто допускалось научным знанием его эпохи. То же, что считалось суеверием и тогда, отвергалось Гэ Хуном целиком и полностью.

И здесь разворачивается еще один конфликт, характерный для содержания «Баопу-цзы»: конфликт между суждениями «здорового смысла» и данными опытного и научного знания. Ведь многое из того, что принимает наука, неприемлемо для обыденного сознания с его «здоровым смыслом», например, для обыденного сознания бессмысленно и нелепо и признание шарообразности земли, ибо признать это — значит допустить, что антиподы ходят ногами вверх! Другое дело, что в эпоху господства научного знания обыденное сознание принимает его как авторитет и берет его данные на веру. Иное дело традиционные культуры с совершенно другими приоритетами. Их представитель не склонится перед императивом научного познания и будет утверждать, что нелепо говорить, будто киноварь — ртутное соединение, ибо ртуть белая, а киноварь красная. И подобного рода утверждения становятся объектом очень язвительной критики Гэ Хуна. Но вместе с тем ограниченность самого научного знания и научного метода того времени препятствовала отграничению возможного от невозможного, реальных связей и отношений от фантастических. И вот уже Гэ Хун, вдоволь насмеявшись над «рационалистом» — неучем-обывателем, сам начинает отстаивать положения, с нашей точки зрения, полностью невозможные, но с его — относящиеся к области научно установленных фактов. Ведь если из белой ртути может получиться красная киноварь, то почему бы этой самой киновари не быть еще и эликсиром бессмертия? Гэ Хун совершенно справедливо распекает обывателя, упрямо твердящего по любому поводу, выходящему за пределы его убого здорового смысла: «Этого не может быть, потому что этого не может быть никогда», но тут же на

прямо противоположном основании (в конце концов, может быть все, если иное не установлено опытным путем) начинает утверждать то, чего все-таки быть не может (но не может быть для нас, ибо мы знаем, на основании чего это невозможно, но не для Гэ Хуна, не знавшего этого основания).

И здесь встает простой и тоже обывательский вопрос: в какой мере мы можем доверять и следовать советам (например медицинским) Гэ Хуна? Ответ весьма прост: мы можем следовать им в том случае, если они не вступают в антагонистическое противоречие с принципами современного нам научного знания. В противном случае лучше воздержаться.

Среди медицинских и гигиенических советов Гэ Хуна много совершенно бесспорных: кто, например, усомнится в том, что желательно спать по восемь часов в сутки или избегать неумеренности в еде? Но вряд ли стоит следовать замечательному совету полоскать рот винным уксусом для ухода за зубами или принимать пилюли с ртутью и мышьяком для продления жизни и обретения бессмертия. Есть, правда, и моменты спорные — вряд ли, например, современная медицина готова однозначно высказаться «за» или «против» даосской дыхательной гимнастики или сексуальной практики.

Некоторые примеры инженерно-научного гения Гэ Хуна просто удивительны — чего стоит, например, описание летательного аппарата тяжелее воздуха (типа планера с винтом) из 15-й главы «Баопу-цзы» (хотя рядом с ним — описание мази, которой надо натереть ноги, чтобы начать левитировать!). Но все-таки важнее всего то, что ум Гэ Хуна открыт и совершенно антидогматичен. И если К. Ясперс писал о «философской вере», то даосскую веру автора «Баопу-цзы» вполне можно назвать «научной верой». Так что оккультист Гэ Хун — скорее сциентист и эмпирик, чем мистик-иррационалист и визионер.

Некоторые аспекты медицинских воззрений Гэ Хуна успешно разрушают созревшие в современном массовом сознании стереотипы. Так, весьма распространено представление, что «здоровая» восточная медицина — это сплош-

ные «травки», а «гнилая» западная — одна только химия. Нет большого заблуждения! Ведь в Европе до того, как в XVI в. Парацельс (ученый, типологически весьма близкий Гэ Хуну) начал лечить сифилис ртутью, действовал запрет античного врача Галена (II в.) на употребление любых лекарственных препаратов, кроме растительных, а китаец Гэ Хун в IV в. высмеивает поборников исключительного траволечения и поет подлинный гимн химии и химикалиям, металлам и минералам (гл. 4)!

Кому Гэ Хун адресовал свое произведение? Совершенно очевидно, что не практикующим даосам, посвященным в те тайны алхимии и магии, которые Гэ Хун только слегка приоткрывает перед читателем. Думается, что Гэ Хун предназначил свое сочинение людям своего круга — аристократам Южного Китая, далеким от даосских таинств и потому нуждающихся в объяснении довольно элементарных вещей. Именно такой аристократ, видимо, и скрывается за маской господина «Некто», который задает свои вопросы Гэ Хуну, а подчас и спорит с ним. Скорее всего, Гэ Хун надеялся, что его трактат сможет привлечь к даосизму восточноциньскую аристократию, чтобы люди, имеющие «кость бессмертных» (то есть те, на роду которых звезды «написали» принципиальную возможность стать бессмертными в случае соответствующей практики) из ее числа, имея уже начальную информацию, могли обратиться к подлинному даосскому учителю и под его руководством начать серьезную регулярную практику. Таким образом, «Баопу-цзы» оказывается на проверку ранне-средневековым «научно-популярным» сочинением, излагающим для знатных профанов основы даосского учения в привычной им манере и приемлемым для них языком. Но этим трактат Гэ Хуна ценен и для нас, ибо какой эзотерический текст стал бы объяснять такие подробности и общеизвестные (для даоса, разумеется) моменты, какие терпеливо объясняет своим читателям Гэ Хун? Надо сказать, что расчеты Гэ Хуна во многом оправдались и «Баопу-цзы» стал одним из немногих средневековых даосских текстов, вошедших в круг чтения китайских ученых, интеллектуалов и эстетов.

Весьма любопытной особенностью «Баопу-цзы» является то обстоятельство, что нигде в «эзотерической» части Гэ Хун даже словом не обмолвился о триумфально шествовавшем тогда по Китаю буддизме. В «экзотерической» части (гл. 25) один раз буддийские монастыри упоминаются, но только для того, чтобы осудить порчу нравов: в древности благовоспитанные женщины сидели дома, а нынче бродят по базарам и буддийским монастырям! Вот и все. Видимо, Гэ Хун не относился к буддизму всерьез, не считал его серьезным соперником даосизма, не проявлял к нему ни малейшего интереса и просто игнорировал индийское учение, чуждое ему по своему духу и сути. Однако уже очень скоро буддизм и даосизм вступают в теснейшее взаимодействие — и этот весьма существенный момент не был предугадан Гэ Хуном.

Несомненно, «Мудрец, объемлющий первоизданную простоту» — один из крупнейших памятников даосской мысли, истории науки в Китае и классической китайской словесности.

«Сокровищница Дао», или как создавался «Даосский Канон»

Вначале в даосизме не было никакого общего свода канонической литературы, и каждый даосский наставник стремился собрать у себя как можно больше редких рукописных текстов, давая их для чтения лишь наиболее талантливым ученикам и ревниво оберегая тексты от посторонних глаз. Однако в IV—V вв. ситуация понемногу начала меняться. Прежде всего, сказалось влияние буддизма: эта религия, пришедшая из Индии в I в. н. э., теперь закрепились в китайском обществе и стала серьезно конкурировать с даосизмом. Но буддизм обладал своим каноном — «Трипитакой» (дословно — «Три Корзины [Учения]»), а даосизм такого канона был лишен. Кроме того, перед лицом буддизма даосы все более и более стали осознавать свое единство как носителей единой традиции независимо от своей школьной принадлежности.

В результате уже Гэ Хун в 19-й главе своего «Баопу-цзы» дает перечень более 250 даосских сочинений, известных ему по библиотеке его учителя Чжэн Иня (Чжэн Сыюаня). Но первый подлинный вариант даосского канона появился более чем через сто лет после написания «Баопу-цзы». Это произошло благодаря трудам даоса школы «Линбао» («Духовной Драгоценности») Лу Сю-цзина (406–477).

Лу Сю-цзин собрал сведения о всей существовавшей тогда в различных даосских обителях и у отдельных известных даосских учителей литературе, классифицировал все эти тексты и создал таким образом полный свод даосской литературы, получивший название «Сокровищница Дао» — «Дао цзан».

Первоначальный «Дао цзан» был разделен на три части, получившие названия «пещер», или «вместилищ» (*дун*). Это Вместилища Истинного, Сокровенного и Божественного. Им соответствовала литература трех ведущих направлений даосизма — школы «Маошань» (высший уровень), школы «Линбао» (средний уровень) и южнокитайского алхимического оккультизма «Письмен Трех Императоров» (низший уровень). Надо сказать, что и здесь не обошлось без влияния буддизма — это разделение текстов по уровням соответствовало буддийской классификации Колесниц, или Путей спасения, по степени их совершенства — от «низшей» (Колесница учеников-шраваков), к средней (Колесница Будд-для-себя, то есть не проповедующих истину другим людям) и высшей (Колесница сострадательных святых-бодхисаттв).

В VI в. структура «Сокровищницы Дао» усложнилась: к трем основным разделам были добавлены еще четыре дополнительных (*фу*) — Великого Сокровенного, Великого Равновесия, Великого Чистого и Совершенного Единства. Первые три соответствовали трем основным разделам «Канона», четвертый дополнял «Канон» в целом. В первом дополнении содержался «Дао-Дэ цзин» с комментариями, во втором — «Канон Великого Равновесия» («Тай пин цзин») с сопутствующей литературой, в третьем — алхимическая литература, тогда как четвертое

включало в себя тексты школы «Небесных Наставников». Кроме того, каждый раздел «Дао цзана» был поделен на 12 тематических рубрик. Таким образом, в VI в. структура «Дао цзана» приобрела свой современный вид, и когда в 1019 г. ученый Чжан Цзюнь-фан по приказу императора Чжэнь-цзуна составлял аннотированное описание «Канона», ставшее его содержательным компендиумом, он назвал его «Семь грамот из облачного книгохранилища», имея в виду семь разделов (три основных и четыре дополнительных) «Сокровищницы Дао».

История «Дао цзана» полна различными перипетиями. Он неоднократно погибал во время смут и междоусобиц (например, во время восстания Хуан Чао — конец IX в. — и в период Пяти династий — 907—960) и восстанавливался заново. В 1191 г. при чжурчжэньской династии Цзинь «Дао цзан» был впервые напечатан с досок (ксилографическим способом). Монголы, утратившие благорасположение к даосизму после их поражения в полемике с буддистами по вопросу о подлинности повествований о подвигах Лао-цзы в Индии, приказали вообще уничтожить «Канон», оставив из него один «Дао-Дэ цзин», однако фактически это сделано не было, хотя ряд даосских текстов и пострадал. И наконец при национальной династии Мин (1368—1644) был составлен окончательный вариант «Дао цзана» (1447—1449). В 1607 г. к нему было добавлено еще 56 сочинений, на чем история формирования «Сокровищницы Дао» и завершилась. В своем современном виде «Канон» включает в себя собрание 1488 сочинений в 1120 тетрадах традиционного формата, размещенных в 120 папках (по 10 тетрадей в папке).

Во время антииностранного восстания «боксеров»-ихэтуаней (они практиковали традиционные «боевые искусства» — отсюда и название) в 1900 г. сгорели доски, с которых печатался «Дао цзан». А в это время существовал только один экземпляр отпечатанного текста, хранившийся в монастыре Байюньгуань в Пекине! Его гибель была бы равносильна гибели «Сокровищницы Дао» и утрате множества бесценных даосских сочинений! Однако этого не произошло, и в 1923—1926 гг. текст «Дао цзана» был

издан фототипическим способом при поддержке этого проекта многими известными представителями китайской интеллигенции. После этого «Дао цзан» неоднократно переиздавался современными способами как в КНР, так и на Тайване.

Один уникальный экземпляр «Сокровищницы Дао» хранится в России, в Российской государственной библиотеке (бывшая библиотека им. Ленина в Москве). Этот экземпляр почти полон (в нем отсутствует только текст «Лецзы» со всеми комментариями) и поэтому представляет собой огромную ценность. Он был издан ксилографическим способом в начале XVII в. и сейчас находится в хорошем состоянии. Поистине, его наличие — большая удача для отечественных исследователей даосизма!

Тао Хун-цзин, его жизнь, смерть и бессмертие

Тао Хун-цзин (456—536) — великий китайский медик, естествоиспытатель-алхимик и патриарх даосской школы Маошань («Шанцин»), систематизировавший и упорядочивший тексты и доктрину этой школы, что привело к наибольшему за всю ее историю расцвету. Тао Хун-цзин, как и его предшественник Гэ Хун, был выходцем из коренной южнокитайской аристократии. В молодости он занимал ряд постов в административном аппарате династии Южная Ци (479—501), одновременно овладевая даосской практикой под руководством даосских наставников. В 492 г. он окончательно оставляет государственную службу и уединяется в горах Маошань, где становится вскоре патриархом школы «Шанцин». За несколько лет он стал крупнейшим врачом, автором ряда трактатов по различным областям традиционной китайской медицины. Это позволило ему занять должность придворного медика при императоре новой династии Лян (502—557) У-ди. Лянский У-ди был великим покровителем буддизма, построившим множество буддийских храмов и монастырей. Его называли императором-бодхисаттвой; он даже предпринимал попытки принять монашество,

что, правда, наталкивалось на упорное сопротивление двора и чиновничества. Буддийские симпатии императора в конечном итоге привели к тому, что он предпринял ряд гонений на даосизм, пользовавшийся большим влиянием на юге Китая. Однако, несмотря на это, престиж Тао Хун-цзина как ученого-медика и даосского святого был настолько велик, что эти гонения не затронули ни лично Тао Хун-цзина, продолжавшего оставаться доверенным врачом У-ди, ни школы «Шанцин» в целом.

Тао Хун-цзин обобщил теоретическую и культовую маошаньскую литературу. Так, из откровений, медиумически записанных Ян Си, он создал законченный текст «Речей Совершенных» («Чжэнь гао»), который включил в себя откровения Совершенных мужей Небес Высшей Чистоты, являвшихся в видениях Ян Си и его соратникам — Сюй Ми и Сюй Хуэю.

Тао Хун-цзину принадлежит также и множество других текстов — по пантеону школы «Шанцин», ее космологическим и космогоническим представлениям, алхимии, магии, сексуальной практике и т. п. Из медицинских трудов Тао Хун-цзина наиболее известен его комментарий к древнему фармакологическому трактату «Канон трав и корней Божественного Земледельца» («Шэнь-нун бэнь цао цзин»).

Смерть Тао Хун-цзина была загадочной и необычной. Скорее всего, он сам принял один из смертоносных эликсиров, вызывающих мгновенную смерть от острой сердечной недостаточности, в полной уверенности, что благодаря этому снадобью он станет бессмертным, освободившимся от трупa (*ши цзе сянь*), и что это позволит ему позднее вознестись на Небеса Высшей Чистоты — цель мечтаний адептов его школы.

Продолжателем и наследником дела Тао Хун-цзина стал другой великий медик и алхимик — Сунь Сы-мо (Сунь Сы-мяо), отличившийся не только медицинскими достижениями, принесшими ему титул Царя Лекарств (Яо-ван), но и отменным долголетием: он прожил 101 год (581–682)! После же смерти его труп, пропитанный субстанциями даосских эликсиров, не обнаруживал ни малейших признаков разло-

жения в течение двух недель, что уверило его учеников и последователей, что и он стал бессмертным, освободившимся от трупа. Но одно несомненно — медицинские труды Тао Хун-цзина и Сунь Сы-мо являются их выдающимся вкладом в медицину, не утратившим в ряде случаев своей ценности и в настоящее время.

Ли Цюань и «Канон единения сокрытого»

Происхождение одного из важнейших даосских текстов — «Канона единения сокрытого» («Инь фу цзин») весьма загадочно. Сама традиция утверждает, что этот текст, открывающий сокровеннейшие мистерии даосского учения и практики обретения бессмертия, был написан в седой древности — самим Желтым императором (Хуан-ди), почитаемым в даосизме не только создателем китайской цивилизации и государственности, но и великим магом и алхимиком, постигшим тайны алхимии и вознесшимся на небо как святой-бессмертный. Затем его дополнил сам Цзян Тай-гун (XII—XI вв. до н. э.), мудрый министр и военный советник первых чжоуских государей. Он придал тексту форму трактата по стратегии. Этим текстом обладали великие мудрецы древности, а философ Гуйгу-цзы (Мудрец из Долины Чертей) передал его своему ученику дипломату Су Циню, благодаря чему тот стал «носителем печатей министра шести государств», как о том повествует такой надежный автор, как великий историк Сыма Цянь (II—I вв. до н. э.). Затем его изучали мудрецы и стратеги Чжан Лян, советник основателя империи Хань, и Чжугэ Лян, правая рука благородного Лю Бэя, героя эпохи Троецарствия (III в.) и правителя царства Шу. Наконец текст оказался в руках Коу Цянь-чжи, того самого, что в правление сяньбийской династии Северная Вэй пытался реформировать традицию Небесных Наставников и сделать даосизм государственной религией варварской империи (V в.). Не найдя достойного преемника, Коу Цянь-чжи скрыл «Инь фу цзин» в горной пещере, где

его через триста лет, в середине VIII в., и нашел даос Ли Цюань, сделав его достоянием всех и каждого.

Разумеется, почти все сказанное выше — легенда. Правда, настораживает свидетельство Сыма Цяня о наличии некоего «Канона единения сокрытого» в IV в. до н. э. Но скорее всего это был какой-то другой, утраченный позднее текст, название которого было использовано неизвестным автором современного «Инь фу цзина». Его текст действительно связан с именем Ли Цюаня, который заявлял, что нашел текст в пещере, где его оставил Коу Цянь-чжи. Уж не сам ли Ли Цюань написал его? Кто знает...

После того как текст был извлечен Ли Цюанем на свет божий, он обрел колоссальную популярность. Даосов привлекало в этом совсем маленьком (около 400 иероглифов) трактате все: и его предполагаемая древность, и имя Хуанди, и его загадочный, таинственный язык, полный умолчаний и недомолвок, экстравагантных образов и странных речений. В результате вскоре появляется множество комментариев к тексту, а при династии Сун (660—1279) он вообще становится рекордсменом по части комментаторства. Даосы заявляют, что он, быть может, не менее важен, чем сам «Дао-Дэ цзин», — ведь Хуан-ди древнее воплощения Лао-цзюня в виде чуского Ли Эра! Во всяком случае, как «внутренние алхимики» вроде Чжан Бо-дуаня, так и представители «Учения Совершенной Истины» без конца цитировали и разъясняли «Канон».

Впрочем, его популярность не ограничивалась кругом даосов. Сам знаменитый неконфуцианский корифей Чжу Си (1130—1200), бывший врагом как даосизма, так и буддизма, объявил «Инь фу цзин» творением человека совершенной мудрости и преклонялся перед его учением! Так о чем же говорится в «Каноне единения сокрытого»?

«Инь фу цзин» разделен на три части, но их содержание примерно одинаково. Главное в учении памятника — учение о единстве мира, в котором все взаимосвязано и в котором каждая вещь существует за счет всего целого, как бы «обкрадывая» его. Поэтому все основные элементы сущего называются в «Каноне единения сокрытого» ворами (*цзэй*) или разбойниками (*дао*): Небо, Земля и Человек —

грабители всего сущего, пять первоэлементов — пять воров и т. д. Универсум процветает, когда все «пять воров» находятся в гармонии, а «три грабителя» соответствуют функционированию Дао-Пути как «небесной пружины», или «небесного механизма» (*цзи*). Дисфункция любого из «грабителей» губительна:

Если Небо проявляет себя, убивая Пружину, то звезды и созвездия меняются местами; если Земля проявляет себя, убивая Пружину, то змеи и драконы выползают на сушу; если Человек проявляет себя, убивая Пружину, то Небо и Земля превращаются.

Мудрец, постигая взаимозависимость всего сущего и используя ее в своих целях, обретает совершенство и бессмертие, что позволяет рассматривать «Инь фу цзин» как трактат по методологии алхимии и других видов даосской религиозной практики. Некоторые фрагменты памятника используют военную лексику, что делает его внешне похожим на сочинения по стратегии, однако эта терминология применена для обоснования и описания даосской практики.

Как уже говорилось выше, текст «Инь фу цзина» многократно комментировался, и в даосском каноне содержится уже более двадцати комментариев, большинство из которых написано в XI–XIII вв. Некоторые из них приписываются божествам, бессмертным и мудрецам древности, другие принадлежат хорошо известным даосам своего времени. Один из комментариев подписан именем Ли Цюаня — возможного автора «Канона о единении сокровенного».

«Инь фу цзину» посвящено немало исследований, он неоднократно переводился на европейские, в том числе и русский, языки. И тем не менее его тайна еще не раскрыта полностью. Остается открытым вопрос о датировке памятника; многие его места темны и допускают самые разные интерпретации. Поэтому исследование этого маленького, но весьма важного текста — вполне актуальная задача современной синологической науки, религиоведения и истории философии.

Тот, кто стоял в начале письмен, или стражник Инь с пограничной заставы

Легенда гласит, что в середине VIII в., в правление знаменитого блистательного императора Сюань-цзуна (712—755), некоему даосу Тянь Тун-сю приснился сон, что в стене старого дома, принадлежавшего, по преданию, самому Лао-цзы, скрыт важный священный текст. Об этом донесли императору, и он повелел вскрыть стену, где и обнаружился текст книги «Гуань Инь-цзы» («Мудрец Инь с Заставы»), принадлежащий кисти первого ученика Лао-цзы — Инь Си, по просьбе которого Лао-цзы, как говорится, и написал «Дао-Дэ цзин». Однако эта легенда возникла много позднее появления самого текста, о котором, видимо, стало известно не ранее IX, а может быть, и X в. Во всяком случае, первым человеком, который процитировал «Гуань Инь-цзы», был сунский поэт Хуан Тин-цзянь (XI в.).

Интересно, что в древности был известен текст под названием «Гуань Инь-цзы» в девяти главах, однако он исчез после падения империи Хань, и никто до Хуан Тин-цзяня его больше не упоминал. Нет никаких сомнений, что появившийся в средние века текст «Гуань Инь-цзы» не имеет к древнему утраченному тексту никакого отношения, поскольку он весь пропитан идеями буддийской философии и описаниями поздней даосской магии. И тем не менее этот текст (известный также как «Истинный канон начала письмен высочайшего и чудесного Дао» — «У шан мяо дао взнь ши чжэнь цзин») является одним из интереснейших и оригинальнейших памятников даосской философской мысли. Он имеет и несомненные литературные достоинства: написанный в афористической манере, он отличается лаконизмом при исключительном богатстве языка и образности. И вместе с тем этот текст стоит особняком в даосской литературе: к нему нет комментариев, его редко цитируют другие даосы, он не оказал значительного влияния на формирование даосского учения поздних школ. Уж не его ли оригинальность и нестандартность выводов тому виной? Вполне может быть.

Что же за новые идеи проповедует первый ученик Лао-цзы?

Дао-Путь для автора «Гуань Инь-цзы» — не доступное ни мышлению (его нельзя мыслить), ни речи (его нельзя описать) необходимое условие как мышления, так и речи (без Дао нельзя было бы ни мыслить, ни говорить). Оно есть условие существования всего сущего, его порождающее начало и определяющий все принцип. Дао — творец всего сущего: оно творит все подобно тому, как горшечник делает горшки. Это совсем ново для даосизма: обычно про Дао говорится, что оно рождает, а не творит. Дао подобно океану — его нельзя переполнить, но нельзя и исчерпать. Оно есть принцип циклического времени: «У него нет ни начала, ни конца, ни истока, ни устья» — и оно подобно круглому водоему, вдоль стенок которого бесконечно плавают рыба, безуспешно стремящаяся проплыть водоем до конца. Дао есть «единая вещь» (*и у*), вне которой (и отдельно от которой) нет ни иных вещей, ни других субъектов-«я». Действительно, Дао определяется здесь как высший и абсолютный субъект, который творит все объекты и без которого нет никаких иных субъектов, — это высшее божественное. Я, наряду с которым нет никаких иных независимых от него «я». Вместе с тем Дао слито воедино с телом космоса и не существует вне его: «Одно мгновение присутствия Дао может сжечь весь мир. Если весь мир сгорит, где же тогда будет находиться само Дао?»

«Гуань Инь-цзы» — первый собственно китайский (не буддийский) философский текст, в котором говорится об идеальной, то есть производной от сознания, природе всего сущего: Дао творит мир так же, как сознание спящего человека производит сновидения, принимаемые им за реальность. К постижению Дао и подлинно блаженной жизни приводит именно изменение сознания, а не бесплодные попытки изменить мир.

Текст отрицает абсолютность жизни и смерти («Повар варит крабов, и у одного из них отломилась лапка. Крабы уже сварены, а лапка все еще продолжает шевелиться. Где же абсолютные жизнь и смерть?») и утверждает, что совершенный мудрец пребывает по ту сторону жизни и смерти,

возвышаясь и над тем, и над другим. Вообще же в тексте очень много говорится о совершенном мудреце, противопоставляемом не только обычному человеку, но и просто мудрецу: совершенномудрый (*шэи*) подобен дракону, который может существовать также и в других образах — в образе морского гада, змея и т. д., тогда как мудрец (*сянь*) похож на морского гада — он морской гад, и только. Совершенный мудрец не выделяется из толпы, и его внешность и одежда такие же, как и других людей.

Тема творения и творчества приводит к разговору о магии, которая есть не что иное, как подражание творческой бездеятельной деятельности Дао и имитация природных явлений (когда мы дышим на зеркало, в результате чего на нем появляется влага, мы тоже занимаемся магией, ибо делаем то же самое, что делает и природа, когда идет дождь). Но главное в магии — сознание и сила концентрации мысли: мы добиваемся того, на чем сосредоточиваемся и становимся тем, кем самозабвенно хотим стать. Сила мысли, истекающей из Дао, поистине творит чудеса; это и есть источник магических умений.

Из всего сказанного видно, что на учение «Гуань Инь-цзы» сильно повлиял буддизм (особенно школа «только сознания», виджнянавада), хотя автор-даос переработал это буддийское влияние настолько, что в результате появилось нечто вполне оригинальное, то, чего не было ни в буддизме, ни в более ранних даосских текстах.

К сожалению, как уже говорилось, этот текст остался на обочине даосской мысли. Прохладно отнеслись к нему и зарубежные исследователи, результатом чего явилось отсутствие специальных монографических исследований этого текста и полных переводов его на европейские языки.

Восточное море мудрости, или кто такой даос Ду Гуан-тин

Ду Гуан-тин (855–933) — выдающийся даос переломной эпохи в истории даосизма. Эта эпоха была временем перехода от старого, традиционного даосизма к

новому, «реформированному» даосизму «Пути золота и киновари» и «Учения Совершенной Истины». Монашеское имя Ду Гуан-тина — Восточное Море (Дун-ин) — намекало на необъятность его мудрости и образованности, которой он особенно славился. Формально Ду Гуан-тин был патриархом малоизвестной школы «Трех Вместилищ» («Сань дун» — намек на три основных раздела «Дао цзана»), но его значение выходило далеко за ее рамки, приобретая общedaосское измерение.

Вначале он был вполне правомерным конфуцианцем, изучавшим каноны и исторические сочинения. Однако позднее он обратился к даосизму и принял монашество в монастыре на знаменитой горе Тяньтайшань, горе, воспетой в IV в. поэтом Сунь Чо и ставшей позднее центром буддийской школы, названной по горе Тяньтайшань — «Тяньтай». Но еще до Сунь Чо о ней писал и алхимик Гэ Хун, включивший ее в свой список 37 «знаменитых гор», на которых возможно даосское подвижничество. Поэтому на ней появились и даосские монастыри.

Ду Гуан-тин — один из наиболее плодотворных авторов своего времени, в «Дао цзан» включено 28 его сочинений. Большинство творений Ду Гуан-тина — комментарии к даосским каноническим текстам, в том числе и к «Дао-Дэ цзину». В центре философии Ду Гуан-тина — проблема соотношения Дао и вещей, которая решается им достаточно традиционно: Дао — это «надформенное» (*син эр шан*), а вещи — «подформенное» (*син эр ся*). Ду Гуан-тину принадлежит также своеобразная социальная доктрина, указывающая на то, что он сохранил определенные конфуцианские интересы и симпатии. С его точки зрения, всякое социальное неравенство и вообще социальные различия обусловлены качеством энергии-пневмы (*ци*) людей: чистая энергия-пневма присуща людям умным и благородным, а мутная — презренным и глупым. Эта доктрина делает Ду Гуан-тина непосредственным предшественником неоконфуцианцев XI–XII вв. Занимался Ду Гуан-тин также вопросами космогонии и космологии.

Вместе с тем на него нельзя смотреть как на сухого теоретика и комментатора. Ду Гуан-тин активно занимался

даосской практикой трансформации сознания и даже написал ряд трактатов по проблеме *самадхи* — высшей формы сосредоточения, ведущей к трансу и достижению высшей формы психического состояния. В этих трактатах видно влияние буддийской йоги — психотехнической практики обретения пробуждения, или просветления (*бодхи*). Таким образом, Ду Гуан-тин воплотил в себе идеал «единства трех религий», ставший ведущим и основополагающим в новом даосизме позднего Средневековья.

В заключение отметим, что первым и пока единственным исследователем творческого наследия Ду Гуан-тина был наш соотечественник, выдающийся ученый-китаевед Юлиан Константинович Щуцкий, опубликовавший в 1934 г. во время стажировки в Японии на китайском языке статью о даосском символизме Ду Гуан-тина. Эта статья, впрочем, сыграла роковую роль в жизни ученого: после возвращения в СССР он попал в мясорубку сталинских репрессий, был обвинен в шпионаже в пользу Японии и расстрелян в 1938 г.

Патриарх Люй, даос с трехногой жабой и совершенный человек пурпурной силы Ян

Уже с IX в. в даосизме появляются тенденции, приведшие в конце концов к появлению нового, реформированного даосизма в XII в. При этом как патриархи школы «Учения Совершенной Истины» (*цзоань чжэнь цзяо*), так и патриархи «Пути золота и киновари» (*цзинь дань дао*) считали воим первоучителем патриарха Люй Дун-биня, или патриарха Люя (Люй-цзу), ставшего в позднем даосизме, пожалуй, самым почитаемым святым и членом популярной в народе группы «восьми бессмертных» (*ба сянь*).

Несмотря на популярность и почитаемость Люй Дун-биня, о его жизни известно чрезвычайно мало. Можно считать установленным, что он родился в начале IX в. и до первой половины X в., до так называемого периода Пяти

династий, хотя иногда его рождение относят к концу VIII в. Люй Дун-бинь известен также под своими даосскими именами — как Чуньян-цзы (Мудрец чистейшего *ян*) и как Хуэйдао жэнь (Человек, Вернувшийся-на-Путь). Возможно, что около 835 г. он сдал государственный экзамен на высшую ученую степень *цзиньши* («доктора») и оказался таким образом причастен к конфуцианской элите империи. Однако, гласит легенда, вскоре он встретил бессмертного Чжунли Цюаня, принял монашеские обеты и ушел в горы для практики «Пути золота и киновари» — даосской внутренней алхимии. Позднее он то возвращался в мир, то вновь уходил в горы. Однажды он уже более не вернулся, и даосы сочли, что он обрел бессмертие, преобразился и вознесся на небо.

Люй Дун-биню приписываются некоторые даосские сочинения. Это уже упоминавшаяся «Таблица заслуг и проступков» («Гун го гэ») и «Девять истинных яшмовых книг» («Цзю чжэнь юй шу»). Кроме того, в «Полном собрании стихов эпохи Тан» есть стихи Люй Дун-биня (четыре свитка-*цзюаня*).

Более ничего достоверного о Люй Дун-бине неизвестно, хотя легенд о нем — множество. Одна из них гласит, что какое-то время он жил в столичном городе Лояне в доме красавицы-гетеры и часто дарил ей подарки, хотя никогда не спал с ней. Однажды гетера захотела соблазнить его, но Люй Дун-бинь со смехом отверг ее поплзновения, сказав, что он сам беременен и в его чреве возрастает зародыш. К тому же, добавил он, любовь внутренняя гораздо приятнее любви внешней. Понятно, что патриарх Люй имел в виду практику внутренней алхимии с ее зачатием «бессмертного зародыша» (*сянь тай*) благодаря «священному браку» (нерогами) сил *инь—ян* в теле даосского адепта. Именно внутренняя алхимия, пришедшая на смену лабораторным процедурам с искусственным золотом и киноварью, магии и эзотерическому ритуалу, вместе с практикой нравственного совершенствования и образовала суть нового даосизма.

Преемником Люй Дун-биня как даосского патриарха считается Лю Хай-чань (Лю Морская Жаба). Он известен

также как Лю Цао, Лю Чжао-юань, Лю Цзун-чэн, Лю Син, Лю Чжэ и Лю Сюань-ин. Жил он в X в., хотя точные даты его жизни и неизвестны. Вся его жизнь прошла в государстве народа киданей (от этого названия, кстати, происходит и русское «Китай») Великое Ляо, и он даже, возможно, был министром при одном из киданьских правителей. Однажды к Лю Хай-чаню пришел гость-даос (уж не бессмертный ли Люй Дун-бинь?). Лю разговорился с ним о таинствах алхимии, так как давно интересовался даосизмом. Тогда гость взял стопку из десяти монет и поставил на нее десять яиц, одно на другое. «Но это опасно! Они могут разбиться!» — воскликнул Лю Хай-чань. «А разве мирская жизнь с ее славой и позором не еще опаснее?» — ответил даос, после чего собрался и ушел. Лю Хай-чань после этого весь переменялся, испытал «великое пробуждение» от мирского сна, и вскоре покинул мир и ушел в горы, где обрел Дао и стал бессмертным.

Но на этом биография даосского святого не завершается, ибо ему еще предстоит странная трансформация в китайской народной религии: народное сознание разделило его имя и превратило Лю Морскую Жабу (Лю Хай-чань) в Лю Хая (или, в пекинском диалектном произношении, — Лю Хара) и его жабу! В результате этот даосский алхимик и созерцатель превратился в отрока Лю Хара из свиты бога богатства Цай-шэня, держащего в руках связку монет, с которыми играет мифологическая трехногая жаба, дотол — символ луны, силы *инь* и всего сокрытого и тайного. В качестве Лю Хара этот даос становится непрямым персонажем благожелательного народного лубка и обретает неслыханную славу. Вот каковы бывают шутки истории религий!

Преемником линии Люй Дун-биня — Лю Хай-чаня стал знаменитый основатель «Пути золота и киновари», автор важнейших даосских трактатов по теории внутренней алхимии, знаменитый Чжан Бо-дуань, Совершенный Человек Пурпурного Ян — Цзы-ян чжэнь-жэнь.

Чжан Бо-дуань (второе имя — Чжан Пиншу) родился близ знаменитой у даосов и буддистов горы Тяньтайшань. Еще молодым человеком он сдал экзамены на степень

цзиньши, но уже в те годы увлекался даосизмом и жадно читал даосские и буддийские тексты и литературу по алхимии, магии, астрологии, медицине и гадательной практике. Между 1064 и 1067 гг. он отправляется на юго-запад Китая и селится в городе Чэнду (провинция Сычуань, одна из цитаделей даосизма). Там в 1069 г. он и встретил некоего таинственного даоса, который передал ему наставления по практике внутренней алхимии — по духовному деланию «золотого раствора и перегнанной киновари». Тогда Чжан Бо-дуань и принял имя Цзы-ян чжэн-жэнь. В 1075 г. он пишет свой важнейший труд, ставший классическим текстом традиции внутренней алхимии, — «Главы о прозрении истины» («У чжэнь пянь»).

«Главы о прозрении истины» очень легко принять за трактат по внешней лабораторной алхимии: те же самые свинец и ртуть, киноварь, реторты и тигли. Однако достаточно немного вчитаться в текст, чтобы убедиться, что это далеко не так. Чжан Бо-дуань постоянно подчеркивает, что истинный эликсир в нас самих и что фактически он тождествен нашей внутренней исконной природе. Чжан Бо-дуань, всегда с интересом относившийся к буддизму, даже приравнивает этот внутренний эликсир к природе будды как истинной природе каждого существа. Этот даос постоянно высмеивает тех, кто надеется на прием эликсиров и снадобий, на клачание зубами, глотание слюны, сексуальную практику и другие методы, которые он однозначно относит к вульгарным и профаническим. Только методы созерцания, визуализаций и дыхательных упражнений, ведущие к одновременному пестованию природы (сознания) и жизненности (энергетики организма) есть истинный путь бессмертия, называемый Чжан Бо-дуанем «Путем золота и киновари».

«Главы о прозрении истины» написаны стихами, причем разных жанров. В первой главе этого труда 16 стихов, символизирующих число унций (*дянов*) в китайском футе (*цзине*), взятом дважды (как мера *инь*, так и мера *ян*) — дважды восемь равно шестнадцати. Это число символизирует равновесие, баланс отрицательных и положительных энергий в теле адепта.

Во второй главе 64 четверостишия, соответствующих 64 гексаграммам «Канона Перемен» («И цзин»), символизирующим здесь отдельные этапы процесса внутреннеалхимического делания.

В третьей главе пять стихов одного жанра (пять элементов), еще один аналогичный стих (единство всего сущего) и тринадцать «романсов» (*цы*), символизирующих двенадцать основных и один високосный месяцы года, — всего 99 стихов. Это число (двойная девятка; иногда Чжан Бо-дуань заявляет даже, что он написал 81 стих, то есть число, равное квадрату девяти) символизирует двойную, совершенную силу положительной силы *ян*. Это произведение, несомненно, вершина теоретического освещения самой традицией даосизма принципов внутренней алхимии и обоснования ее приоритетности.

Чжан Бо-дуань выдвинул также идею единства всех трех учений традиционного Китая — даосизма, конфуцианства и буддизма. Однако лидирующую роль в этом синтезе он отводил даосизму. Судя по тексту «Глав о прозрении истины» (особенно по заключению к тексту), Чжан Бо-дуань очень хорошо был знаком с буддизмом, особенно с созерцательной школой «чань». Он прямо ставит знак равенства между единым абсолютным сознанием будды (*и синь*; *фо синь*) и Дао, рассматривает это Дао-сознание будды в качестве внутренней природы человека, которая реализуется благодаря практике внутренней алхимии.

И тем не менее он считает даосизм учением более высоким, чем буддизм. Об этом свидетельствует такая легенда. Чжан Бо-дуань, живя в Сычуани (на западе Китая) познакомился с одним буддийским монахом школы «чань». Однажды они поспорили, кому из них удастся в тонком теле достичь города Янчжоу (Восточный Китай), полюбоваться там знаменитыми хризантемами, а потом сорвать цветок и вернуться с ним обратно. Все это получилось у буддийского монаха лучше, чем у Чжан Бо-дуаня, но когда он вернулся в физическое тело и разжал кулак, тот был пуст, тогда как Чжан Бо-дуань принес с собой хризантему. Даос так объяснил случившееся: буддисты сильны в созерцании, связанном с пестованием ума/природы, но игнорируют энергетиче-

ку, не занимаясь пестованием жизненности, а поэтому не могут в тонком теле перемещать физические предметы.

Чжан Бо-дуаня считают автором не только «Глав о прозрении истины», но еще множества произведений по теории и практике внутренней алхимии, однако большинство из них ему не принадлежит — их традиционно приписывают ему как авторитетнейшему даосу.

В XII в. на севере Китая трудами Ван Чжэ (Ван Чун-яна) и его учеников было создано «Учение Совершенной Истины» (*цзоань чжэнь цзяо*), также восходящее к Люй Дун-биню и Лю Хай-чжаню. С XIII—XIV в. оно образовало единое целое с «Путем золота и киновари» Чжан Бо-дуаня, ставшим южной школой (*нань цзун*) «Учения Совершенной Истины».

Восемь бессмертных

Ба Сянь

Восемь бессмертных — чрезвычайно популярная в позднем даосизме и народной религии группа святых, имеющая, впрочем, театральное происхождение. Что это значит?

При монгольской династии Юань Китай переживает расцвет театрального искусства. В это время живут самые выдающиеся драматурги, произведения которых и сейчас составляют золотой фонд традиционной китайской драматургии. Часть юаньских пьес написана на сугубо даосские сюжеты. В этих пьесах и появляется группа восьми бессмертных, покинувшая вскоре театральные подмостки и прочно обосновавшаяся не столько в собственно даосизме, сколько в китайских народных верованиях. В настоящее время эта бессмертная восьмерка во многом превратилась в благопожелательный символ: их часто изображают на произведениях искусства и предметах народных промыслов; они также часто изображаются на новогоднем народном лубке — *нянь хуа*.

Кто же входит в эту группу? Это Чжунли Цюань, Люй Дун-бинь (патриарх Люй), Чжан Го-лао, Цао Го-цзю, Ли

Те-гуай (Ли Железный Костыль), Хань Сян-цзы, Лань Цай-хэ и Хэ Сянь-гу.

Самыми колоритными из этой восьмерки, часто изображаемой во время пира на лоне природы, являются Ли Те-гуай и Хань Сян-цзы.

Первый из них изображается в виде хромого нищего с железным костылем. О появлении этого костыля легенда рассказывает следующее. Однажды Ли покинул свое тело, чтобы в тонком теле посетить небесных бессмертных и побеседовать с самим Лао-цзюнем. Перед своим путешествием Ли предупредил учеников, что его физическое тело будет как бы мертвым, и велел ждать его три дня. Если же через три дня он не вернется, тело можно сжечь. Проинструктировав своего любимого ученика, Ли оставил его стеречь тело, а сам покинул его и отправился на небо. Между тем на следующий день ученику сообщили, что заболела его мать. Тогда он как почтительный сын немедленно отправился домой, предварительно кремировав тело учителя. Однако Ли вскоре вернулся и, не обнаружив своей земной плоти, вынужден был побыстрее войти в тело первого встречного только что умершего человека. Таковым оказался некий нищий хромой бродяга, в его тело и вселился Ли. Вот и стали его называть Ли Те-гуай — Ли Железный Костыль.

Хань Сян-цзы был племянником корифея китайской классической прозы и пламенного конфуцианца Хань Юя (768—824), ненавидевшего даосизм и буддизм и мечтавшего об их уничтожении. Разумеется, Хань Юй отличался крайним скептицизмом. И вот его бессмертный племянник только и делал, что куражился над дядей, постоянно испытывая его скептицизм и смущая его конфуцианское неверие. Так, однажды во время сильной засухи Хань Юй как министр чинно-благородно зачитывал ритуальное обращение к Небу с прошением о дожде. Но Небо и не думало внимать формальным фразам имперского чиновника и ученого литератора. Тогда появляется Хань Сян-цзы, небрежно бормочет какое-то заклинание, после чего хляби небесные разверзаются и на землю обрушивается бушующий ливень.

О Лань Цай-хэ известно мало, и никто даже не знает точно, мужчина он или женщина. А вот Хэ Сянь-гу — Хэ Бессмертная Дева — определенно женщина. Еще в детстве некий старец угостил ее персиком бессмертия, после чего она уже ничего никогда не ела, но становилась все краше и нежнее. Через некоторое время она покинула дом, ушла в горы и обрела бессмертие, примкнув к славной восьмерке.

Вообще же легенд о восьми бессмертных очень и очень много. Это и повествование об их путешествии за море, и сказания об их чудесах и странностях, и многое, многое другое. И не случайно, что эти милые, эксцентричные и веселые святые стали популярнейшими персонажами народной культуры Китая, какими они остаются до наших дней.

Примечания

¹ См. список рекомендуемой литературы на с. 137–138.

² Здесь и ниже будет иметься в виду только «эзотерическая» часть «Баопу-цзы».

ЧАСТЬ III УЧЕНИЕ

Космогония и космология

О начале мира в даосских текстах говорится много и подробно. Так, 45-я глава «Дао-Дэ цзина» гласит:

Дао рождает одно,
Одно рождает два,
Два рождают три,
Три рождают все сущее.
Все сущее носит в себе *ян*
И обнимает *инь*, пребывая в гармонии.

Вся комментаторская традиция достаточно единодушно толкует этот загадочный стих следующим образом: сокровенное Дао производит из себя единое энергетическое начало мира — пневму *ци*, которая обычно в своей нерасчлененности и первозданной простоте называется «хаосом» (*хунь-дунь*). Впрочем, уже в древности находились мыслители (и основания им давали многие фрагменты «Дао-Дэ цзина»), которые просто отождествляли «хаос» «изначального *ци*» и Дао (ср.: гл. 25: «Есть вещь-хаос целостная, прежде Неба и Земли рожденная»). Эта энергия и есть Одно «Дао-Дэ цзина». Но далее оно дифференцируется, расчленяется, образуя Небо и Землю, в основе которых лежат положительное (*ян*) и отрицательное (*инь*) начала (Два). Их взаимодействие образует некую срединную гармонию (*чжун хэ*), или Человека. Небо, Земля и Человек/срединная гармония (Три) порождают все сущее как базовые силы космоса.

Интересный космогонический миф, принявший литературную форму притчи, содержится в «Чжуан-цзы», где рассказывается, что некогда существовали два Императора-божества — Император Севера и Император Юга, которых звали Поспешный и Внезапный. В центре же жил Хаос. Поспешный и Внезапный часто бывали у Хаоса в

гостях, и он хорошо угощал их. Императоры решили отблагодарить Хаос за гостеприимство и просверлить ему семь отверстий (глаза, уши, рот и ноздри), которых у Хаоса, разумеется, не было. Они стали сверлить по отверстию каждый день. На седьмой день Хаос умер.

Надо предполагать, что смерть Хаоса — первозданной целостности и единства сущего — привела к появлению Космоса — мира множественности, изменений и несовершенства. Смерть Хаоса — это как бы крушение мирового Хампти-Дампти, Шалтая-Болтая, которого бессильны собрать воедино мудрецы-конфуцианцы с «королевской конницей и королевской ратью» древних идеальных правителей и их мудрых советников. Только даосы, мало-помалу овладевая «искусствами Господина Хаоса» (*хунь-дунь ши чжи шу*), возвращаются к простоте и целостности этого первозданного единства, становясь нерожденными детьми нерожденной матери — Великого Дао, Сокровенной Самки Поднебесной.

Интересен структурный параллелизм между этими версиями космогонии и известным с III в. (хотя несравненно более древним) мифом о Первочеловеке Пань-гу.

В мировом пространстве зародилось космическое яйцо, а в нем созрел Пань-гу. Своим нефритовым топором он разрубил яйцо и вышел наружу. Раздвинув половинки яйца, Пань-гу воспрепятствовал их новому смыканию, в результате чего они превратились в небо и землю. Пань-гу умер, и из частей его тела возникло все сущее.

Вполне ясно, что две половинки яйца и Пань-гу между ними соответствуют триаде «Дао-Дэ цзина». Одно (яйцо) становится двумя (оно само и Пань-гу в нем), а затем и тремя (небо, земля и Пань-гу), а космос всего сущего образуется после (и в результате) смерти Пань-гу. Этот параллелизм позволяет предположить, что даосская космогония ранних текстов была прежде всего рационализацией архаического мифа о творении.

Что касается позднего даосизма, то в нем описание процесса миропорождения становится исключительно сложным, загадочным, с нагромождением множества деталей и промежуточных стадий и ступеней (материал дается по

первой части антологии «Семь грамот из облачного книгохранилища» — «Юнь цзи ци цянь»):

1. Пустая Пещера (вместилище, *кун дун*). Изначальная пневма родилась в Пустой Пещере. Внутренняя часть Пустой Пещеры (*кун дун чжи нэй*) родилась в Великом Отсутствии (*тай у*). Великое Отсутствие претерпело превращение (*бянь*), и воссияли три пневмы (*сань ци*). Три пневмы хаотично родились в Великом Пустом Пространстве (*тай сюй*) и установили (*ли*) Пещеру (*дун*). По причине установления Пещеры установилось Отсутствие. По причине установления оно родило Наличие (*ю*). По причине рождения Наличия установилась Пустота (*кун*). Пустота и Отсутствие трансформировали Пустое Пространство и родили Самоестественность (*цзы жань*).

2. Для краткости ограничимся пересказом этой системы, по существу, представляющей собой конкретизацию учения о «трех пневмах» предыдущей системы. Доктрина «трех пневм» была особенно важна для традиции Небесных Наставников, ибо «откровение» об их связи с изменением миропорядка лежит в основе притязания Небесных Наставников на исключительную ортодоксальность. Учение о трех пневмах также использовалось для обоснования тройственной рубрикации «Дао цзана» и даосской традиции как таковой. Три пневмы имеют названия: Изначальная (*ши*), или Высшая; Первоначальная (*юань*), или Средняя; и Сокровенная (*сюань*), или Низшая. Эти пневмы порождают, соответственно, Отсутствие, Пещеру и Пустоту, а затем Небо (Высшая), Землю (Низшая) и Человека (Средняя), причем человек описывается как «гармония» (*хэ*) Неба и Земли.

3. Хаос (*хунь-дунь*). «Тай ши цзин» («Канон Великого Изначального») гласит:

Прежде, до времени разделения двух рядов форм проявления¹, было нечто, именуемое Безвременным Источником, Беспредельными Водами, Смутным и Неясным, подобным по виду куриному яйцу. Темное и Желтое² не имели света, не имели образа, не имели звука, не имели голоса, не имели предка, не имели прародца, все было мрачным и темным, сумрачным и непро-

глядным. В его середине была сперматическая энергия (*цзин*), эта сперматическая энергия предельно истинна... В середине этого истока родилась единая пневма, и по прошествии 99×1012 и еще 99 тысяч лет (*цзю ши цзювань и, цзю ши цзю вань суй*) со своего рождения-трансформации она посредством превращения родила три пневмы, каждая из которых по прошествии того же срока породила купно с другими Наивысшее (*у шан*). Это Наивысшее само по прошествии того же срока родило в своей середине две пневмы и три пневмы. Это срединные две пневмы, эти срединные три пневмы по прошествии того же срока смешались и по созревании их благой мощи (*дэ*) купно создали Сокровенного Старца³. После рождения этого Сокровенного Старца прошел еще такой же срок, и он посредством трансформации родил три низших пневмы. По прошествии того же срока три пневмы смешались и по созревании их благой мощи (*дэ*) купно создали Великое Величайшее (*тай шан*).

4. «Тай шан Лао-цзюнь кай тянь цзин» («Канон Великого Высочайшего Лао-цзюня об отвержении Неба») гласит:

Слышал, что когда еще не было ни пространства между Небом и Землей, ни внешнего для Великой Чистоты⁴, тогда в неименуемой и неизмеримой пустоте, в ее молчаливой тиши не было внешнего, не было Неба, не было Земли, не было *инь*, не было *ян*, не было солнца, не было луны... не было прошлого, не было будущего, не было рождения, не было гибели... не было круглого, не было квадратного⁵... По прошествии десятков миллиардов трансформаций появилась необозримо безбрежная неоформленная и безобразная Самоестественность (*цзы жань*). Это Пустая Сокровенность (*кун сюань*), и трудно определить пределы ее. Эта Самоестественность не имела меры, не имела краев, не имела верха, не имела низа, не имела левого, не имела правого, не имела высокого, не имела низкого.

Далее говорится, что Пустая Сокровенность породила Обширное Первоначало (*хунь юань*), когда еще не было Неба и Земли, а Пустота еще не разделилась. Потом вслед-

ствии «упорядочивания» (*чжи*) через десять тысяч мировых циклов (кальп; понятие, заимствованное из буддизма) произошло ее разделение, и появилось Хаотическое Первоначало (*хунь юань*; в медицинских текстах это сочетание иногда обозначает матку), которое благодаря упорядочиванию через десять тысяч кальп дошло до завершенности и по прошествии 810 000 лет произвело Великое Начало (*тай у*).

Далее говорится:

В самом начале существования Великого Начала Лао-цзюнь изошел из Пустоты и спустился вниз, став наставником Великого Начала. Поэтому из его рта вышел «Канон Отверзания Неба»... каждый его иероглиф был величиной в сто верст. Так он наставил Великое Начало. Тогда Великое Начало стало разделяться на Небо и Землю, чистое и мутное... Появились Небо и Земля, но еще не было солнца и луны. Небо восхотело безгранично трансформировать все вещи... и тогда из их середины оно породило солнце и луну... Хотя были солнце и луна, но еще не было народа (*жэнь минь*). Вначале была взята наверху сперматическая энергия Земли, затем они гармонично смешались в середине и стали духом (*шэнь*), называемым Человеком... Среди всего сущего человек наиболее драгоценен.

Обобщая приведенные выше материалы, следует отметить, что они не привносят ничего качественно, принципиально нового в космогоническую модель, представленную в ранних текстах и наиболее отчетливо выраженную в «Ле-цзы» (см. гл. 1). Различия здесь скорее количественные, поскольку исходные космогонические схемы чрезвычайно усложняются, наполняясь массой подробностей. Детальный анализ космогонических схем «Дао цзана» в настоящее время вряд ли возможен из-за общей неизученности проблемы. В частности, не совсем ясны взаимоотношения между рядом понятий, используемых в текстах. Например, вряд ли сейчас есть основания для точного определения смысловых различий между «великим пустым пространством» (*тай сюй*) и «пустотой» (*кун*) или между «превращением» (*бянь*), «установлением» (*ли*) и «транс-

формацией» (*хуа*). Поэтому следует ограничиться лишь самыми общими соображениями. Космогонический процесс предстает здесь как плавное разворачивание («трансформация») некоего первоначала, определяемого как «пустота» или «хаос». Речь идет, собственно, об энергии (*ци*), но еще никак себя не являющей и лишенной каких-либо различий. Космогонический процесс мыслится протекающим во времени, причем указываются грандиозные временные интервалы. Завершается процесс порождением мира «десяти тысяч вещей». *Цзыжань* («самоестественность») первого фрагмента явно употреблено в смысле, близком к современному *цзы жань цзе* — «природа»; подобного рода словоупотребление отмечается с IV в.⁶ Последним появляется человек, представляющий собой наиболее одухотворенное из всего сущего и гармоничное соединение пнеумы Неба и Земли. В данных схемах уже нет места прерывности эволюционной плавности космогенеза, и мир оказывается последним закономерным этапом саморазворачивания единого первоначала, включенным в полноту бытия Дао. «Грехопадение» поэтому переносится в историческую перспективу — во время крушения «золотого века» и утраты изначального единства в государстве, основанном на неравенстве и сословном эгоизме, о чем повествуется в даосской утопии. Достаточно показательно, что ни один даосский текст не обсуждает проблему обоснования возможности отступления от Дао как абсолютного регулирующего принципа. Подобное отступление только констатируется, всякая же «теодицея» (в христианском богословии — оправдание Бога за существующее в мире зло) остается совершенно чуждой даосизму, и идея «отхода» от Дао не становится предметом размышлений, сохраняя яркую мифопоэтическую окрашенность.

Интересно, что в некоторых космогонических схемах присутствует идея зарождения в мировом яйце-пнеуме на определенной ступени ее развития человекоподобного Лао-цзюня — «Мирового Человека», Пань-гу древнего мифа, через дальнейшую деятельность которого осуществляется последующее порождение. Поэтому можно предположить наличие креационистских (креационизм — учение о божествен-

ственном творении) элементов в даосской космогонии, не получивших, однако, заметного развития. Представление о Лао-цзуне — мировом человеке — фиксируется в текстах со II в. н. э., например, оно есть в «Лао-цзы бянь хуа цзин» («Каноне о превращениях и метаморфозах Лао-цзы»).

Но даосская космология не ограничивается космогонией. Другим ее важным аспектом является космография (мироописание), то есть описание собственно развернутого космоса в плане осмысления его религиозной традицией даосизма, хотя в целом космография не играла в даосизме такой важной роли, как космогонические доктрины. Даосская космология не отличалась единообразием. По существу, каждый текст, затрагивавший космографическую тематику, давал свой вариант космографии. Тем не менее очевидно, что в наиболее ранних текстах основную роль играло членение мира на землю и девять небес над ней с их правителями и обитателями, а в поздних на эту систему наложилось буддийское учение о трех мирах (*сань цзе*), получавшее со временем все большее значение. Три мира в даосизме подразделяются на 28 небес (что соотносится с традиционным китайским делением неба на области 28 созвездий, по семь в каждой части неба). Кроме них, вводятся еще заимствованные из буддизма четыре неба Брахмы (*фань тянь*). Особенно выделяются небеса, населенные бессмертными. Для школы «Маошань» таковым является Небо Высшей Чистоты (Шанцин), к которому и стремились адепты этой школы. По даосским представлениям, ряд небесных обитателей бессмертных явно корреспондировал с реальными астрономическими объектами. Так, обитель бессмертных Тайвэй мыслилась расположенной на звездах созвездий Девы, Льва и Волос Вероники, не говоря уже о Большой Медведице и Полярной звезде, игравших исключительную роль в даосском культе в качестве центральной резиденции богов и бессмертных. Полярная звезда при этом выступала как «ось Дао» (*дао шу*), благодаря которой осуществляется вращение небесного свода. Внимание даосов (как и других народов, в частности древних египтян) к северной части небосвода объяснялось тем, что звезды этого участка неба никогда не заходят

за горизонт, а следовательно, они «бессмертны» и являются мирами бессмертных. Медитативное созерцание Большой Медведицы тоже играет огромную роль в даосизме.

Поздние даосские представления о земле также связаны с буддизмом. Под землей находятся расположенные ярусами водоемы (*цзэ*), причем каждый ярус имеет глубину, выражаемую двадцатимиллионнозначным числом верст. Эти ярусы поддерживаются последним слоем из могучего ветра. Более ранние представления связаны все с той же мифологией хаоса как мирового яйца: земля уподоблялась желтку, окруженному белком и скорлупой, — разными небесами. Говоря о природе астрономических объектов, обычно отмечают, что солнце представляет собой квинтэссенцию *ян*, а луна — *инь*. Звезды имеют совершенную круглую форму и образованы соединением субстанций солнца и луны. Помимо упоминания о четырех материках, явно имеющего буддийское происхождение, более распространенным (и более характерным для даосизма) является учение о десяти континентах (*ши чжоу*), изложенное в «Ши чжоу цзи» («Записках о десяти континентах»), приписываемых знаменитому даосу Дунфан Шо, придворному ханьского императора У-ди (II—I вв. до н. э.). Для примера приведем сокращенное описание девятого континента — Острова фениксов и единорогов (Фэнлиньчжоу).

Он расположен в Западном океане, его протяженность — 1500 верст. Континент окружен «слабой водой» (*жо шуй*), в которой тонет даже лебединый пух, и к нему нельзя подплыть. На континенте много фениксов и единорогов (*цилин*) — несколько десятков тысяч каждого вида. Здесь есть горы, реки, пруды и озера, а также более ста разновидностей различных волшебных снадобий. Из клювов фениксов и рогов единорогов живущие здесь бессмертные варят клей, склеивающий любые вещи, в том числе сломанные лезвия мечей. Кроме этих десяти континентов описываются три острова: Куньлунь, Фанчжан и Пэнлай (Пэнцю). Первоначально вместо Куньлуня, воспринимавшегося в качестве священной мировой горы (по типу *axis mundi* — «оси мира»), в списке островов назывался Инчжоу, причисленный позднее к десяти континентам.

Вот как, например, описывается остров Фанчжан. Фанчжан расположен в самом центре Восточного океана, длина каждого из его берегов составляет 5000 верст. На нем находится дворец из драгоценных камней, в котором живет Властитель Судеб Трех Небес (Сань тянь сы мин). Все бессмертные, желающие подняться на небеса, вначале прибывают на этот остров, чтобы получить реестр жизни от этого повелителя. Здесь живет несколько десятков тысяч бессмертных, растут волшебные травы, деревья и т. п.

В этом разделе описывается и столь же фантастическая страна на восточном берегу Восточного океана — Фусан. Интересно, что первоначально мифический Фусан выполнял функцию мирового дерева, на котором жили дети богини Сихэ — десять солнц (потом — одно). В даосском предании древо Фусан превратилось в страну того же названия.

Для довершения краткой характеристики даосской космологии необходимо упомянуть еще о «пещерных небесах» (*дун тянь*) и «счастливых землях» (*фу ди*). Под «пещерными небесами» полагаются особые пещеры, частью реальные, частью фантастические, находящиеся на так называемых «славных горах» (они перечислены в гл. 4 «Баопу-цзы» Гэ Хуна), т. е. горах, на которых в силу наличия там благоприятной пневмы и истинных небесных духов возможно даосское отшельничество. Всего традиция насчитывает десять больших и тридцать шесть малых «пещерных небес», локализованных во вполне конкретных районах Китая. В даосской традиции считается, что данные пещеры являются проходами в своеобразные «параллельные пространства», населенные бессмертными, где время течет иначе, чем в профаническом мире. Например, случайно попавший в «пещерные небеса» человек после проведенного там дня обнаруживает по возвращении, что на земле прошло уже несколько десятков, а то и сотен лет. Считалось, что бессмертные «пещерных небес» оказывают влияние на управление Китаем, а в школе «Цюань чжэнь цзяо» до сих пор существует вера в возможность встречи с бессмертными «пещерных небес» и «счастливых земель» в день одного из даосских праздников. В антологии «Юнь цзи ци цян» говорится о том, что

«счастливые земли» находятся между «знаменитыми горами» и что верховный правитель небес (*шан ди*) послал туда «совершенных людей» (*чжэнь жэнь*), бессмертных, для управления прилежащей местностью и полного обретения Дао. В следующем затем списке 72 «счастливых земель» указывается и бессмертный, управляющий данной землей. Так, первой в списке значится земля у горы Цзиньшань в уезде Цзюйжун (провинция Цзянсу). Это место связано с отшельничеством Тао Хун-цзина, управляет им совершенный человек Се Тун. В «счастливых землях», по даосским преданиям, совершенствуются также и «земные бессмертные» (*ди сянь*), готовящиеся к вознесению на небеса — высшей форме бессмертия. Учение о «счастливых землях» непосредственно связано с даосской утопией, рассматривавшейся выше. Оно нашло отражение в китайской литературе. В частности, Персиковый Источник, описанный великим китайским поэтом IV—V вв. н.э. Тао Юань-мином (Тао Цянем), во многом напоминает «счастливые земли» даосизма.

Завершая краткий очерк даосской космологии, следует еще раз подчеркнуть ее непосредственную связь с даосским учением о «спасении» — доктриной возвращения к Дао и обретения бессмертия. Непосредственное «космографическое» приближение миров бессмертных к рядовому последователю даосизма делало даосское учение в его глазах более достоверным, интимно близким и способствовало распространению даосизма и укреплению его позиций, в том числе и среди простого народа. Это позволяет отметить наличие связи между космологией, утопией и сотериологией в даосизме.

Недеяние и самоестественность, простота и единство

«Поэтому совершенномудрый пребывает в делах недеяния и не прибегает к словам, осуществляя учение», — так характеризует «Дао-Дэ цзин» поведение совершенного мудреца. Что же такое неведение (*у вэй*)?

«Дао-Дэ цзин» часто сравнивает поведение совершенно-го мудреца с природой воды: вода — самое слабое, нежное и податливое, но и самое мощное: в своей слабости она точит и обкатывает огромные камни. Вода ни с кем не борется, но все побеждает, она все пестует и питает. Это в значительной степени и есть недеяние. Главная идея недеяния — непротиводействие природе окружающих вещей и существ, а в конечном счете — и всего сущего. Но следуя природе вещей, мудрец может легко достигать своих целей.

В «Чжуан-цзы» рассказывается, как Конфуций однажды подошел к страшному водопаду в Люйляне. Вода под водопадом кипела и бурлила так, что там не могли жить и рыбы. И вдруг Конфуций увидел резвящегося в воде старца. Вначале Конфуций решил, что старец хочет покончить жизнь самоубийством, но потом убедился, что тот играючи резвится в воде. Когда старец вышел на берег, удивленный Конфуций спросил его, как это ему удастся плавать там, где не выжить и рыбам. Старец объяснил Конфуцию, что он настолько сроднился со всеми течениями и водоворотами и настолько легко и естественно сливается с ними, отдается им, плавая в воде, что легко может резвиться даже около этого страшного водопада. Это и есть недеяние.

Именно этот принцип нарушили императоры Поспешный и Внезапный, принявшись сверлить отверстия Хаосу, безнадежно портя и нарушая его природу. «Не делай ничего противоестественного» — вот главная неписанная заповедь даосизма. Но вместе с тем принцип недеяния вовсе не означает простой пассивности. Напротив, даос, учитывая природу вещей, с которыми он имеет дело, может легко достигать любых своих целей. Так, в частности, постигает даосский алхимик, используя сущность, природу и естественные свойства металлов и минералов для достижения своей цели — бессмертия.

С понятием «недеяние» тесно связано и еще одно понятие даосской философии — «самоестественность», «спонтанность» (*цзы жань*); дословно — «своетаковость» (*цзы* — «сам», *жань* — «так»). Можно сказать, что это своеобразное выражение в традиционном Китае идеи свободы, а точнее — воли, или вольности.

Образцом самоестественности является само Дао. Так, в «Дао-Дэ цзине» говорится:

Человек берет за образец Землю, Земля берет за образец Небо, Небо берет за образец Дао, а Дао берет за образец своетаковость/естественность (*цзы жань*).

Другими словами, самоестественность есть другая сторона недеяния: если недеяние есть следование природе вещей, то самоестественность есть следование своей собственной природе, а не чему-то иному, будь это навязанные извне нормы поведения (каковыми были для даосов этические принципы конфуцианства) или просто внешнее принуждение. Мудрец подобен Дао в своей естественности и, следуя своей собственной природе, пребывает в состоянии «беззаботного скитания в сфере утонченно загадочного» — «бродит по радуге-арке, парит и кружит в тончайшем» (Баопу-цзы. Гл. 1).

Принципы недеяния и самоестественности предполагали единение с природой и опрощение, важным аспектом которого был отказ от ухищрений цивилизации. И здесь даосы еще в древности предвосхитили многие антитехнократические и экологические идеи нашего времени. Вот какие притчи приводятся в «Чжуан-цзы»:

1. Один из учеников Конфуция шел по дороге в сельской местности и увидел крестьянина, который все время бегал за водой под гору со своего поля, расположенного на холме. Ученик Конфуция изумился и решил помочь крестьянину, рассказав ему об устройстве «журавля» — шадуфа. Но крестьянин оказался мудрецом, а посему он отверг помощь «технократа»-конфуцианца. Он ответил, что ничего нового он не узнал, но предлагаемой ему механизации не принимает: «Ведь у того, кто пользуется механизмом, и сердце становится механическим, а тот, у кого сердце становится механическим, удаляется от Дао». Пристыженному ученику Конфуция не оставалось ничего другого, как продолжать свой путь.

2. Великий Желтый Император (Хуан-ди) похвалялся своему учителю Гуанчэн-цзы, что он умеет регулировать силы природы, но мудрец посоветовал ему прекратить за-

ниматься подобными опытами, ибо — сказал он — эти занятия привели только к нарушению природных ритмов чередования сезонов и их сбою.

Понятно, что только глубокое прочувствование проблемы «человек—природа» могло привести древних даосов к подобным радикальным выводам в условиях рудиментарного развития науки и техники. Даосизм никогда не призывал к покорению природы (эта идея глубоко противна самому духу даосизма), но он допускал возможность «взять милости природы» через проникновение в ее суть и использование ее собственных норм и законов для достижения тех или иных целей, как это видно из практики даосских алхимиков и магов.

Натуралистическая направленность даосизма проявилась и в использовании таких метафор, как «небеленый шелк-сырец» (*су*) и «необработанный чурбан» (*пу*) для обозначения совершенной простоты и естественности совершенного мудреца. Именно одной из этих метафор и воспользовался знаменитый алхимик Гэ Хун для своего псевдонима «Баопу-цзы» — «Мудрец (*цзы*), объемлющий (*бао*) первозданную простоту (*пу*)», где *пу* — тот самый необработанный деревянный чурбан, качества которого гораздо милее даосу, чем полированная зеркальная поверхность изысканных пород дерева из царских и княжеских дворцов.

Понятно, что влечение к простоте и естественности вело прямо к идеям социальной утопии, утопии жизни на лоне природы без государства и его атрибутов — армии, налогов, тюрем. Даже письменность не нужна даосам — лучше в крайнем случае завязывать узелки на память! Одни даосы, стремясь установить царство свободы и равновесия, становились идеологами и даже лидерами народных движений и восстаний (Чжан Цзюэ и Желтые повязки), другие призывали вернуться ко временам, когда не было ни государей, ни подданных, через отвержение материальных и интеллектуальных ценностей современного им мира (Бао Цзин-янь), третьи искали идеал воли и беззаботного скитания в отшельничестве и горном уединении (их было очень и очень много), четвертые стремились найти проход

в волшебные параллельные миры «пещерных небес» или «Персикового источника» или, через обретение бессмертия и сверхнормальных сил, парить, подобно аисту, в небесной лазури или даже прогуливаться по Млечному Пути и Большой Медведице. Но всех их объединяет одно — стремление обрести согласие со своей природой, единство с миром и с Дао, которое есть основа как мира, так и природы человека.

Даосский мир един и неделим. Это мир Господина Хаоса, мир хаотического порядка и благого беспорядка, как удачно выразился французский китаевед Норман Жирардо. Здесь исчезают грани между сном и бодрствованием, жизнью и смертью, красотой и безобразием. Это мир, названный Чжуан-цзы миром «уравненного сущего» (*ци у*). И вместе с тем это тот же самый мир, в котором живем и мы, профаны, живем и не видим его, иллюзорно чления единую и по сути своей нечленимую реальность на противоположности (субъект—объект, да—нет) своим сухим разделяющим рассудком и языком, который не способен описать реальность, как она есть.

Человек, постигший истину, забывает о словах. Так где же мне найти человека, забывшего о словах, чтобы с ним поговорить (Чжуан-цзы).

И здесь перед нами снова встает вопрос о даосской идеальной личности — бессмертном (*сянь*) и самой проблеме смерти и бессмертия в даосизме.

Бессмертные и бессмертие в даосизме, или как сами даосы доказывали, что все это возможно

«Жизнь есть величайшая Благая Сила Неба и Земли», — говорит «Канон Перемен», знаменитый «И цзин». С этим полностью согласны и даосы. Весьма красноречивые суждения на этот счет содержатся в трактате Гэ Хуна «Баопу-цзы». Приведем две цитаты из этого памятника.

I

Баопу-цзы сказал: «Сказано: „Великая благая сила Неба и Земли есть жизнь“; „Порождение жизни — это выражение любви ко всему сущему“. Вот что последователи даосизма считают наивысшей тайной и вот что они чтут превыше всего. И поэтому нет для даосов ничего важнее способов продления жизни» (Нэй пянь. Гл. 14).

II

Баопу-цзы сказал: «Среди существ, сотворенных посредством трансформаций Великим Гончаром, нет ни одного столь одухотворенного, как человек. Самое меньшее из того, что он может сделать, — это заставить служить себе все сущее; самое большое, что он может сделать, — это продлить свою жизнь и обрести вечное видение (*цзю ши*). Тот, кто знает высшее снадобье продления жизни, может, принимая это снадобье, достичь состояния бессмертного» (Нэй пянь. Гл. 3).

Гэ Хун яростно протестует против распространенной точки зрения (из современников Гэ Хуна ее активно пропагандировали «мистологи» — философы школы «Сюань сюэ» («Учение о Сокровенном»), представлявшие к тому же весьма антипатичную Гэ Хуну северную культурную традицию), согласно которой древние даосы (Лао-цзы и Чжуан-цзы) ставили знак равенства между жизнью и смертью и не отдавали поэтому предпочтения ни тому, ни другому.

Вот характерный пример его рассуждений по этому поводу:

Обыватели, прочитав у Чжуан Чжоу притчу о великом сне, делают вывод, что Чжуан-цзы придерживался теории о равенстве жизни и смерти. Поэтому призывы к следованию опасным учениям и слова, неспособные положить конец необоснованным претензиям, Чжун-ни почитал нарушающими законы и установления и заслуживающими смертной казни. Ныне же я замечаю, что люди, болтающие о таких теориях, бегут за лечебными иглами и прижиганиями, едва лишь за-

болеют, а при малейшей опасности жутко боятся умереть. Но толпа из последних обывателей любит подобные теории. Ведь обыватели не имеют истинной веры; они отворачиваются от классических текстов и их учения, но высоко почитают разных сомнительных философов с их сочинениями. Поэтому они не способны изрыгнуть прочь их противоречащие здравому смыслу теории и краснбайство, вместо этого величая их доктрины учением о простоте и безыскусности, не понимая, что это вовсе не учения Лао-цзы и Чжуан-цзы. У этих людей нет подлинного стержня, и они готовы бежать за любым прохожим и плыть по течению безответственной болтовни, которой они никоим образом не могут противостоять.

Ведь Лао-цзы считал великим делом продление жизни и вечное видение, а Чжуан Чжоу предпочитал живым волочить хвост по грязи, а не мертвым быть почитаемым в храме. Опять-таки он хотел быть скорее несмышленым теленком, нежели быком, которого ведут приносить в жертву. Когда он был на грани голодной смерти, то он попросил зерна у маркиза Цзяньхэ. Из этих примеров видно, что он никак не мог уравнивать жизнь и смерть, а утверждения, что он делал это, разве не являются свидетельством того, что люди начинают учиться поздно и не могут в результате отличить сущностное от пустого; разве это происходит не потому, что они вычлениют одну фразу из контекста и нелепо истолковывают ее?

Долгая ночь без конца в мрачном подземном мире, что ниже девяти истоков, во время которой человек становится пищей муравьев и червей, а потом сливается воедино с пылью и прахом, вызывает скорбь и ужас в человеческом сердце, и человек не может не горевать, думая о ней.

Если в сердце живо стремление к поиску способов продления жизни, то почему не отбросить бы прочь всякие докучные дела и не предаться сокровенно-таинственному деланию? Те, кто не верит в него, — люди конченные. Но если человек верит, то ему следует покончить с бедами, вызываемыми его мирскими привязанностями, поскольку иначе он не сможет сосредоточить свою волю на пестовании жизни, оставляя для

него лишь то время, что окажется свободным после всех мирских дел. Поэтому такие люди, даже занимаясь практикой, постоянно сокрушаются о том, что они начали это слишком поздно и что им не удастся достигнуть успеха (Баопу-цзы. Гл. 14).

Прежде чем подробнее проанализировать представленную Гэ Хуном (да и практически и всей религиозной традицией даосизма) концепцию жизни как высшей ценности, тесно связанную с даосским учением о бессмертии и путях его обретения, представляется необходимым рассмотреть правомерность приписывания этой концепции древним даосским классическим текстам, прежде всего «Чжуан-цзы», что, собственно, и делает Гэ Хун.

Выше уже говорилось, что в ранних даосских текстах, прежде всего в «Чжуан-цзы», концепции жизни и смерти как двух фаз процесса перемен или даже отсутствия смерти как таковой при наличии универсальности метаморфоз единой субстанции сущего не являются наивысшими и окончательными. Тем не менее они настолько часто повторяются в тексте, что создается впечатление их доминирования, это и отразилось в критикуемых Гэ Хуном идеях школы «Сюань сюэ» (Ван Би и особенно Го Сян). Однако текст «Чжуан-цзы» не дает оснований для таких выводов, и его гораздо менее выпячиваемая эзотерическая доктрина находится в полном согласии с даосской доктриной бессмертия, если под последним понимать не просто бесконечное продление профанического физического существования, но некое трансцендирование мирского и профанического (*чао ши*; *чао су*). В частности, в «Чжуан-цзы» описываются знаменитые «божественные люди с горы Гуешань», которые не погибнут, даже если расплавятся горы и камни, и останутся невредимыми, даже если воды морские поднимутся до небес (при этом о них также говорится, что из их пыли и праха можно вылепить сотни таких совершенномудрых героев конфуцианства, как Яо и Шунь). Поэтому теперь ограничимся только одним, но весьма ярким примером из 6-й главы «Чжуан-цзы» («Да цзун ши», «Великий предок-Учитель»):

Дао-Путь существует в своей истине и предельной верности, не действуя и не имея облика. Его можно воспринять, но нельзя передать, его можно постичь, но нельзя узреть. Оно — и свой собственный ствол, и свой собственный корень. Оно существовало извечно, еще тогда, когда не было Неба и Земли. Оно одухотворяет божеств и навей, дает начало Божественному Первопредку, порождает Небо и Землю. Оно выше Великого Предела, но не высоко, оно ниже шести направлений мира, но не низко. Оно родилось прежде Неба и Земли, но не является долговечным; оно древнее самой древности, но не старо.

Си-вэй обрел его — и охватил Небо и Землю; Фу-си обрел его — и постиг Мать жизненности; Полярная звезда обрела его — и стали вечно сменять друг друга; Кань-пэй обрел его — и взошел на гору Куньлунь; Фэн-и обрел его — и отправился в странствие по рекам и потокам; Цзяньу обрел его — и воссел на горе Тайшань; Хуан-ди, Желтый Император, обрел его — и взошел на облака небесные; Чжуан-сюй обрел его — и поселился в обители Сокровенного Дворца; Юй-цян обрел его — и воссел на Пределе Севера; богиня Запада Сиванму обрела его — и утвердилась на престоле горы Шаогуаншань.

Никто не знает, где его начало, а где его конец.

Пэн-цзу обрел его — и прожил от эпохи Шуня до эпохи Пяти правителей; Фу Юэ обрел его — и стал советником царя У Дина, повелевая Поднебесной, а потом вознеся на небеса и, оседлав созвездия Стрельца и Скорпиона, стал странствовать в межзвездной выси.

Весьма интересен и контекст этого рассуждения: перед ним речь идет о совершенных людях древности, которые смотрели на жизнь и смерть как на единый процесс перемен. Но вот мысль Чжуан-цзы меняется, и он уже говорит о мифических персонажах и правителях идеальной древности, обретших Дао-Путь, а вслед за тем — сакральный божественный статус и бессмертие. Здесь Чжуан-цзы рассматривает Дао как источник жизни и одухотворяющее сущее сакральности: именно оно сделало божественными божества-шэнь, нави-гуй и даже самого верховного перво-

предка царей и императоров (*ди*). Обретший его в его неделимой целостности обретает и его сакральность, а следовательно, и бессмертие. Вместе с тем такой бессмертный («божественный человек») не отделяет свою личность от мирового целого, Великого Кома Вселенной, и смотрит на сущее как на собственное «я», скрывая таким образом свое «я» в «Я» Поднебесной. И теперь он может и сам пребывать в любых формах, властвовать не властвуя над пространством и временем, оседлав процессы мировых метаморфоз. И это высшее достижение, согласно доктрине «Чжуан-цзы», о котором он, однако, говорит значительно меньше, чем о «плавании по волнам великих перемен», что, видимо, объясняется ее эзотеричностью и необычностью (недаром Цзяньфу из 1-й главы «Чжуан-цзы» принимает за безумца мудреца Цзе Юя, рассказывающего ему о божественных людях с горы Гуешань). Подкрепляется эта доктрина и некоторыми пассажами «Дао-Дэ цзина», самым красноречивым из которых является чжан (глава) 13:

Поэтому Поднебесная может положиться только на того, кто ценит (*гуй*) Поднебесную как свое собственное тело; поэтому Поднебесная может довериться только тому, кто заботится (*ай*) о Поднебесной как о своем собственном теле.

Здесь старая как мир идея тела-микрокосма философски пресуществляется в идею расширения «я» до размера вселенского тела Неба, Земли и всего множества сущего, а уж это само собой предполагает также бессмертие и совершенство.

Но нельзя не видеть, что Гэ Хун прав и относительно того, что Чжуан-цзы отдает предпочтение жизни перед смертью и на более профаническом уровне, отнюдь не уравнивая одно с другим. Об этом свидетельствует хотя бы такое название одной из глав его текста — «Главное для пестования жизни» (гл. 3); к теме долголетия даосский мыслитель неоднократно обращается и в других местах своего произведения.

Вместе с тем Чжуан-цзы скептически и неодобрительно относится к тем даосам, которые считают само продле-

ние жизни без обретения духовного совершенствования и трансцендирования обыденного высшей ценностью и ради «долголетия Пэн-цзу» занимаются дыхательными и гимнастическими практиками «пестования жизни» (*ян шэн*). В связи с этим интересно посмотреть, в каком виде существовали в древности даосские методы продления жизни (*янь нянь*) и обретения бессмертия (*чан шэн бу сы*), столь хорошо известные нам по средневековым текстам.

Долгое время синологи были вынуждены при рассмотрении даосской психопрактики древности или довольствоваться скудными материалами весьма сдержанных на сей счет даосских классических текстов, или реконструировать ее по данным средневековых памятников; вершиной применения такой методологии стал превосходный труд А. Масперо «Практика пестования жизненного принципа в древней даосской религии», по охвату проанализированного материала остающийся во многом непревзойденным и в наше время. Тем не менее непосредственный древний материал был весьма ограничен. Так продолжалось до начала 70-х гг. XX в., когда китайские археологи совершили сенсационное открытие в местечке Мавандуй (близ г. Чанша в провинции Хунань), раскопав ряд древнекитайских погребений III–II вв. до н.э., содержащих богатейшие и разнообразнейшие материалы для реконструкции различных областей китайской материальной и духовной культуры того времени, в том числе и имеющие непосредственное отношение к даосской практике продления жизни и обретения бессмертия. Здесь не место характеризовать мавандуйские раскопки, что уже было сделано выше (см. ч. I); поэтому просто посоветуем читателю еще раз перечитать соответствующие страницы.

Учение об обретении бессмертия постепенно превратилось в основу религиозной прагматики даосизма. Рассмотрим теперь с необходимой краткостью характер обоснования учения о бессмертии и бессмертных в его зрелой форме, наиболее ярко представленного в знаменитом трактате Гэ Хуна «Баопу-цзы».

Вторая глава «внутренней» части «Баопу-цзы» называется «Рассуждения о бессмертии» («Лунь сянь») и пред-

ставляет собой дискуссию Гэ Хуна со скептиками, сомневающимися в возможности обретения бессмертия или просто отрицающими таковую. Главный аргумент оппонентов Гэ Хуна таков: в мире действует общий принцип, согласно которому все, имеющее начало, непременно должно иметь и конец, а следовательно, быть бессмертным нельзя. Гэ Хун возражает и говорит, что каждый общий принцип имеет исключения, а это не позволяет однозначно делать априорные выводы на основании того или иного общего положения. Следовательно, Гэ Хун номиналистически подчеркивает примат единичного над общим. Например, все реки текут на восток (особенность географии Китая), но есть реки, текущие на север; летом жарко, но бывают холодные дни, и так далее. Поэтому утверждать, что начало всегда и во всех случаях предполагает конец, нельзя.

В третьей главе своего трактата Гэ Хун отвечает на другое возражение. Оппонент допускает, что Лао-цзы и Пэн-цзу стали бессмертными, но это произошло потому, что такова их природа. У других людей природа иная, а следовательно, они не могут стать бессмертными, подобно тому как сосна и кипарис являются вечнозелеными по природе, но ива не может стать вечнозеленой, обучаясь у сосны и кипариса. Гэ Хун возражает, что люди, в отличие от деревьев, обладают разумом и волей и способны к обучению. Кроме того, сосна, кипарис и ива подводятся под общую категорию «деревья», так же как Лао-цзы и Пэн-цзу подводятся под категорию «люди». Поэтому они обладают общей природой, следовательно, того, чего достиг один человек, могут достичь и другие люди. Здесь таким образом Гэ Хун, по существу, вводит идею особенного как синтезирующую общее и единичное, что характеризует его как умелого диалектика, поднаторевшего в искусстве ведения спора (эристике).

Доказывая, что бессмертные существуют, Гэ Хун активно ссылается на авторитетных для китайской традиции историков (прежде всего на Сыма Цяня) и на свидетельства современников, дополняя рациональную аргументацию эмпирической, что также свидетельствует о нем как об опытном полемисте.

Интересно, что для Гэ Хуна скептицизм его оппонентов свидетельствует об их невежестве, узости кругозора и обывательской ограниченности. По этому поводу он остроумно замечает, что такие люди не верят даже, что киноварь, постоянный ингредиент алхимических эликсиров, образуется из ртути при ее соединении с серой (HgS), ибо как красное может получиться из белого? А в таком случае стоит ли удивляться их неверию в бессмертных? Они не верят в лекарственное воздействие трав и растений, так что же удивляться их неверию в киноварные эликсиры бессмертия? (Гл. 5.)

Таким образом, для Гэ Хуна, как и для всей даосской традиции, возможность обретения бессмертия и существования бессмертных была не вопросом веры, а предметом науки, знания и логического доказательства, что резко отличает даосизм от большинства других религий, уповавших прежде всего на веру и ее дары.

Примечания

¹ Лян и, т. е. инь и ян.

² Небо и земля.

³ Сюань Лао, т. е. обожествляемого Лао-цзы, Лао-цзюня.

⁴ Т. е. для высших миров Дао.

⁵ Всего здесь перечисляется 33 «отсутствующих объекта».

⁶ Ср. «Баопу-цзы», гл. 1: «Сокровенное — праотец природы (цзы жань) и великий предок десяти тысяч различий».

Заключение

Итак, мы рассмотрели основные моменты истории, учения и религиозной практики даосизма. Мы увидели, что даосизм является религией, возникшей на китайской почве и пронизанной духом китайской культуры. Это, впрочем, отнюдь не лишает даосизм общечеловеческого и универсального значения, ведь в конечном итоге все универсальное в культуре человечества является в национальных одеждах и национальной форме и все развитие мировой культуры протекает исключительно в рамках национальных и региональных культурных традиций.

Даосским мироощущением пронизаны глубочайшие пласты не только китайской культуры, но и культур сопредельных стран, даже таких, где, как в Японии, не существовало даосских религиозных организаций и даосского духовенства.

К даосизму еще в прошлом веке начали проявлять интерес мыслители и писатели Европы и Америки. Создавая свою утопию единения с природой, американец Г.Торо («Торо, или Жизнь в лесу») исходил не только из идеи «естественного человека» Ж.-Ж.Руссо, но и из учения «Дао-Дэ цзина». Л. Н. Толстой в силу широты самой своей натуры не мог ограничиться в своих духовных исканиях рамками христианской традиции и обратился к богатствам восточной, в частности и даосской, мысли. Великому писателю были близки идеи единения с природой, простоты и естественности, непротиводействия природе сущего. Он находил даосское «недеяние» близким своему «непротивлению». Толстой не только перевел «Дао-Дэ цзин» на русский язык с французского перевода, но и литературно выправил и отредактировал русский перевод этого памятника, выполненный японцем Конисси.

Мыслитель и гуманист А. Швейцер, разрабатывая свою концепцию «благоговения перед жизнью», активно обращался не только к «Дао-Дэ цзину» и «Чжуан-цзы», но и к другим даосским текстам, таким как, например, «Тай шан гань ин пянь». Присущий даосизму дух онтологического оптимизма и радостного принятия сущего был ближе Швейцеру, чем «пессимизм» так же высоко ценившихся мыслителей.

телем индийских учений с их монашеской этикой и стремлением к выходу за пределы мира рождений-смертей.

Притчи и образы «Чжуан-цзы» украшают многие страницы знаменитого интеллектуального романа немецко-швейцарского писателя Г. Гессе «Игра в бисер». Достаточно только вспомнить эксцентричный, но неизменно вызывающий симпатию образ Старшего Брата с его увлечением «Каноном Перемен» и постоянным цитированием «Чжуан-цзы».

Фрагменты из «Дао-Дэ цзина» звучат и в фильме А. Тарковского «Сталкер», и во многих произведениях современной художественной и философской литературы.

Таким образом, мысль, родившаяся в далеком Китае две с половиной тысячи лет назад, не умерла, но, напротив, она живет и приносит свои плоды, побуждая человека западного мира увидеть те грани реальности, которые были скрыты от него в рамках родной традиции. Ведь Дао — это Путь, а Путь предназначен для того, чтобы по нему куда-то шли. И это «куда-то» перспективы даосского Пути — онтологическая открытость сущего и открытость сущему, столь необходимые в наш век экологических проблем и кризисов. Дорогу осилит идущий!

Знакомство российского читателя с даосизмом как единым целым, как некоей целостной системой «искусства Господина Хаоса» представляется делом нужным и важным. «Путь в десять тысяч верст начинается с одного шага», — гласит китайская мудрость. И если в этой маленькой книжке этот первый шаг сделан, ее автор будет считать свою задачу выполненной.

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Переводы

Древнекитайская философия: Собрание текстов. Т. 1. М., 1972. С. 114–138; 212–294 (пер. «Дао-Дэ цзина» и фрагментов «Чжуан-цзы»).

Лу Куань Юй. Даосская йога / Пер. с англ. Е. А. Торчинова. СПб., 1993 (трактат по внутренней алхимии даоса XIX в. Чжао Би-чэня).

Позднеева Л. Д. Атеисты, материалисты, диалектики Древнего Китая: Чжуан-цзы. Ле-цзы. Ян Чжу. М., 1967; 2-е изд. под назв. «Мудрецы Древнего Китая». СПб., 1992.

Померанцева Л. Е. Поздние даосы о природе, обществе и искусстве. М., 1979 (пер. отдельных глав «Хуайнань-цзы»).

Стулова Э. С. Баоцзюань о Пу-мине. М., 1979.

Чжан Бо-дуань. Главы о прозрении истины / Предисл., пер., коммент. Е. А. Торчинова. СПб., 1994.

Чжуан-цзы. Ле-цзы / Пер., предисл., коммент. В. В. Малявина. М., 1995.

Исследования

Дао и даосизм в Китае: Сб. ст. М., 1992.

Малявин В. В. Чжуан-цзы. М., 1985.

Торчинов Е. А. Даосизм: Опыт историко-философского описания. СПб., 1993.

Торчинов Е. А. Религии мира: опыт запредельного (трансперсональные состояния и психотехника). СПб., 1997. С. 148–178.

Facets of Taoism. New Haven; L., 1979.

Lagerwey T. Taoist Ritual in Chinese Society and History. N. Y.; L., 1987.

Maspero H. Les procédés de nourrir la principe vital dans la religion taoïste ancienne // Journal Asiatique. Vol. 228. P., 1937.

Schipper K. M. Le corps taoïste. Corps physique — corps sociale. P., 1982.

Welch H. H. The Parting of the Way: Lao-tzu and Taoist Movement. Boston, 1957.

ДАО-ДЭ ЦЗИН

«Дао-Дэ цзин», наряду с Библией и Бхагавадгитой, является одним из наиболее переводимых на иностранные языки текстов, и уже одни его переводы на английский язык исчисляются многими десятками, если не сотнями. Предлагаемый читателю новый русский перевод отличается от большинства предшествовавших переводов тем, что переводчик стремился представить «Дао-Дэ цзин» как текст поэтический, написанный ритмической рифмованной прозой со стихотворными фрагментами, а также учел материалы мавандуйского текста Лао-цзы, найденного китайскими археологами в начале 70-х гг. Кроме того, переводчик в своей работе с этим достаточно темным текстом опирался не только на общепризнанные классические комментарии к нему (Хэшангун, Ван Би), но и на позднюю эзотерическую и алхимическую традицию его истолкования.

В переводе, в соответствии с древней китайской традицией, текст разделен на две части: «Дао цзин» («Канон Пути») и «Дэ цзин» («Канон Благой Силы»).

ДАО ЦЗИН Канон пути

1

Путь, что может быть пройден, не есть постоянный
Путь-Дао.

Имя, что может быть поименовано, не есть постоянное
имя.

Безымянное — Неба, Земли начало.

Именуемое — Матерью сущего стало.

В отсутствии тайну вещей созерцать стремись.

В наличии предел бытия созерцать стремись.

Те двое родятся вместе, но их имена различны.

Их вместе назову я Сокровенным.
И Сокровенное вновь Сокровенным стало.
Таковы врата всех тайн.

2

Когда в Поднебесной все узнают, что прекрасно прекрасное, — это уже безобразно.

Когда в Поднебесной все узнают, что добро есть добро, — это уже не добро.

Поэтому отсутствие и наличие друг друга порождают, легкое и трудное друг друга определяют, длинное и короткое друг друга измеряют, высокое и низкое друг друга исчисляют, мелодия и ритм друг с другом гармонируют, начало и конец друг с другом чередуются.

Поэтому совершенный мудрец пребывает в делах недеяния, не прибегая к словам, он осуществляет учение.

Все сущее творит, не полагая начала творению, и действует, не замышляя ничего преднамеренно.

И Дао-Путь — рождает, но не обладает, действует, но не предумышляет, благами качествами и свойствами обладает, к ним не привязываясь никогда. Поскольку в них он к ним не привязан, то их он и не теряет.

3

Не почитайте мудрецов, и ссор не будет меж людьми.

Не цените труднодоступные товары, и люди не пойдут разбойничать и грабить.

Не устремляйте взор на возжеленное, и не смутится ваше сердце.

Вот совершенномудрый управляет так: опустошает поданных сердца, но наполняет животы им, их волю-самочинность ослабляет, взамен их кости укрепляет.

Всегда стремится он, чтоб у народа не было ни знаний, ни желаний, а знающие чтобы действовать не смели.

Творит недеяние он, но нет на свете ничего, не приведенного им в порядок.

4

Путь-Дао пуст, но при использовании неисчерпаем.

О как глубок он, словно предок всех существ!

Скрой остроту свою и развяжи узлы,
умерь свой свет и уподобься пыли.

О! Тонет он в пучинах бытия и как бы
существует в них и ныне!

Не знаю я, чье он дитя, но он
предшествует Небесному Владыке.

5

Не милосердны Небо и Земля, и сущее для них — соло-
менное чучело собаки¹.

Не милосерден и мудрец совершенный, и для него все лю-
ди — соломенное чучело собаки.

Пространство между Небом и Землей, пожалуй, как куз-
нечные меха: оно пустеет, но не знает искривленья, и чем
сильнее в нем движение, тем более вовне выходит ветра.
В тупик многословье ведет. Не лучше ли тот, кто всегда
середицу блюдет?

6

Ложбинный дух бессмертен.

Называют Сокровенной Самкою его.

Врата той Самки Сокровенной —
корень бытия, из коего родятся
Небо и Земля.

Как нить, в бесконечность тянется он.

Используй его без усилий!

7

Вековечно Небо, и постоянна Земля.

Небо и Земля вековечны и постоянны потому, что не сами
собой рождены. Поэтому и могут быть они вековыми
и постоянными.

Поэтому и совершенномудрый себя назад всенепременно
ставит, но вдруг оказывается впереди.

Себя он чем-то внешним почитает, существование в этом обретая.

И уж не потому ли это, что лишен он личных интересов? Благодаря такому поведению он как раз и может всегда и полностью блюсти свой личный интерес.

8

Высшее благо словно вода.

Вода приносит благо и пользу всем существам, ни с кем вражды не зная. Течет она в таких местах, где людям, да и тварям, жить нельзя. Поэтому близка она Дао-Пути.

Живи в блажих землях, пусть твое сердце станет полноводным водоемом блага.

Пусть милосердие твое всегда обрящет единение с благом, а речи проникнутся благом достоверности.

Всегда осуществляй благое исправление, свершай дела благие по возможности своей и действуй лишь во время должное, благое.

Лишь тот, кто не враждует, не будет ненавидим.

9

Не лучше ли ослабить натянутую тетиву, чем вечно напирать ее?

И даже если бесконечно точить клинок, надолго сохранить остроту его, пожалуй, не удастся.

Когда нефритом или золотом наполнен зал, кто сможет уберечь его от вора?

Когда богатством или знатностью кичатся люди, не навлекают сами этим ли беду большую?

Богатство, почести и слава сгинут прочь, истлеет тело — вот небесное Дао, вот Путь!

10

Соедини воедино души земные и дух небес²,

Одно обними —

и не смогут они ввек расстаться!

Сосредоточь пневму-ци и мягкость этим обрети —
 тогда сумеешь уподобиться дитяте!
 Зерцало темное³ от скверны омой —
 и беспорочен стань душой!
 Цени народ, страну в порядок приведи —
 тогда недеяние осуществить ты сможешь!
 Небесные врата то отверзаются, то затворяются —
 узри начало женственное в них!
 Поняв четыре принципа, ты можешь пребывать в неведении
 полном!
 Дао рождает сущее и его питает. Рождает, но им не обла-
 дает и действует, не замышляя преднамеренно. Оно все
 возвращает, но ничем не повелевает, и это Сокровенной
 Силой-Дэ зовется, знаю!

11

Тридцать спиц вместе — одно колесо. Но то, что в нем, —
 отсутствие, определяет наличие возможности использова-
 ния телеги.
 Стенки из глины — это сосуд. Но то, что в нем, — отсут-
 ствие, определяет наличие возможности использования со-
 суда.
 В стенах пробиты окна и двери — это дом. Но то, что в
 нем, — отсутствие, определяет наличие возможности ис-
 пользования дома.
 Поэтому наличие чего-либо определяет характер исполь-
 зования вещи, а отсутствие — принципиальную возмож-
 ность использовать ее⁴.

12

Пять цветов глаза ослепляют.
 Пять звуков уши оглушают.
 Пять вкусов рот ощущений лишают.
 Стремительные скачки по полям и пустошам
 до безумия доводят.
 Труднодоступные товары препятствуют
 благим свершениям.

Поэтому совершенномудрый заботится о полном животе, а не о том, что приятно для глаза. Отбрасывая то, берет он это.

13

В почете быть столь же страшно, сколь и быть в позоре. Быть почитаемым такая же беда, как обладать телесной самостью.

Почему так говорят о почестях и о позоре?

Позор нас унижает, ну а почести мы со страхом принимаем и со страхом же теряем.

А почему быть почитаемым такая же беда, как обладать телесной самостью?

Я потому в беде великой пребываю, что телом-самостью я обладаю. И если б телом-самостью не обладал, то разве б были беды у меня? Поэтому коль человек заботится о теле-самости своей, как о Поднебесной всей, ему и Поднебесная доверится немедленно. И если человек дорожит телом-самостью своей, как Поднебесной всей, его признает всякий в Поднебесной⁵.

14

Смотрю на него и не вижу —
называю его тончайшим.

Слушаю его и не слышу —
называю его тишайшим.

Ловлю его, но схватить не могу —
неуловимым его нареку.

Триаду эту словами объяснить не дано: хаотична она и едина. Ее верх не освещен, ее низ не затемнен. Тянется, вьется, но нельзя ее назвать; вновь возвращается к отсутствию сущего она.

Поэтому говорят: безвидный облик, невещный образ.

Поэтому говорят: туманное и смутное.

Не вижу начала, когда ей навстречу иду, не вижу конца, когда следом за ней спешу.

Держусь за древний Путь-Дао и так управляю сущим ныне. Могу постичь древнее первоначало и устоями Дао-Пути его называю.

15

Те древние мужи, что Дао-Путь постигли, были таинственны и утонченны, пронизанные Сокровенным.

И столь они были глубоки, что распознать их нельзя.

Поскольку нельзя распознать, с усилием попробую лишь указать на свойства их обличья:

О, они были столь же внимательны,
как если бы зимой переходили реку вброд!

О, они были столь же осторожны,
как если бы опасались соседей
со всех четырех сторон!

О, они были столь же серьезны,
как если бы чинно встречали гостей!

О, они были столь же мягки,
как лед, что готов распасться!

О, они были столь же ровны,
как простота необработанного чурбана!

О, они были столь же всеобъемлющи,
как широкая долина!

О, они были столь же мутны,
как взбаламученная вода!

Кто может мутную воду сделать чистой, когда она отстоится? Кто может оживить покоящееся, приведя его в движение?

Блюдущий этот Дао-Путь не стремится к полноте и избытку. Поскольку он не стремится к полноте и избытку, он всегда остается бедным и не нуждающимся в обновлении и завершении.

16

Достигнув предела пустоты, блюдя покой и умиротворение, взирая на взаимопорождение сущего, я буду созерцать лишь постоянное его возвращение.

Все сущее в движении, то возникая, то снова уходя. Но каждое из множества существ стремится неизменно к корню своему, а возвращение к корню я назову покоем.

Покой я назову возвратом к жизненности, назову я постоянством.

Знание постоянства назову я просветленной мудростью.

Тот, кто не знает постоянства, живет во мраке заблуждений и творит порочные дела. Но постоянство знающий обширно всеохватен. И эту всеохватность назову я всеобщностью.

Тот, кто обрел сию всеобщность, достоин быть царем. А царственный по праву обретает Небо, а Небо обретает Дао-Путь. А Дао-Путь — он вековечен.

Тот, кто стал к сей вековечности причастен, до самой смерти не узнает никаких несчастий.

17

О высочайшем правителе все подданные знают лишь одно: он есть.

Ему уступит тот, кого народ любит и хвалит. Но еще ниже тот, кого народ боится. Но хуже всех такой монарх, которого в народе презирают.

Когда правитель никому не доверяет, ему доверия не будет тоже никогда.

Но подлинный правитель осторожно относится к словам, ценя их. Когда все славные дела его завершены, народ воскликнет: «О, так мы и сами точно таковы!»

18

Великий Дао-Путь понес ущерб, и появились милосердие и справедливость, а мудрость видна лишь тогда, когда есть великая ложь.

Шесть родственников не в мире, и появляются сыновняя почтительность и материнская любовь.

Когда страна погружена в междоусобицы и смуты, то появляются и преданные подданные.

Отсеките совершенномудрие!
Отбросьте мудрость!
И тогда народ стократную выгоду обретет.

19

Отсеките гуманность, отбросьте справедливость — и народ к сыновней почтительности и материнской любви вернется вновь!
Отсеките изощренность, отбросьте выгоду — и воры и разбойники исчезнут!
С триадой этой не дано высокому покончить просвещению.
Поэтому указываю, что ведет к избавлению:
Смотрите на безыскусственную чистоту и обнимите первозданную простоту.
Умеряйте себялюбие, искореняйте страсти.

20

Отбросьте ученость, и не будете знать печали.
«О да!» и «конечно нет» далеко ли друг от друга отстоят?
Ну а добро и зло друг от друга отстоят далеко ли?
Тот, кого люди боятся, сам не может людей не бояться.
О как все это путано и неясно, и конца ему не видно!
Все люди радостны-радостны, как будто они в ритуале участвуют жертвенном, как будто весенней порой на башню они восходят.
О! Только лишь я один спокоен-безгласен, подобно младенцу, еще не узнавшему детства.
О! Я весь обвит-перевязан⁶, и мне некуда возвращаться.
У всех людей как будто излишек, лишь у меня одного как будто бы недостаток.
О! Так ведь я разум глупца!
О! Во мне все смешано-перемешано.
Все люди светлы-светлы, я один темен.
Все люди отчетливо-четки, я один скрыт и неявен.
О! Я колыхаюсь, как море.
О! Я парю в пространстве, и мне негде остановиться.

Все люди к чему-то стремятся, а я один остаюсь простец простецом.

О! Я обширен и глубок, как море. Как ураган, в пространстве ношусь, и мне негде остановиться!

Я один отличаюсь от людей тем, что ценю мать-кормилицу.

21

Из пустоты Блага-Дэ Путь-Дао исходит вовне.

Дао — вещь такая: неясная и смутная, безлика и туманная.

О неясная! О смутная!

В твоём средоточии есть образы.

О безлика! О туманная!

В твоём средоточии есть вещи.

О загадочная! О темная!

В твоём средоточии есть суть энергии жизни. Эта суть энергии жизни предельно истинна, в её средоточии сокрыто доверие.

С древности и доньше не исчезало её имя, и с помощью его обозреваю все множество множеств сущего. Но откуда мне известно, что множество множеств сущего таково?

Из этого.

22

Если нечто ущербно, то оно обретет целостность.

Если нечто согнуто, то оно выпрямится.

Если нечто пусто, то оно наполнится.

Если нечто одряхлело, то оно обновится.

Если чего-то недостаток, то будет прибавлено,

Если что-то в избытке, то наступит смятение.

Поэтому совершенный мудрец объемлет Одно и становится образцом для Поднебесной.

Он не поглощен сам собой

и потому умудренно-просветлен.

Он не превозносит сам себя

и потому прославлен.

Он сам ни на кого не нападает

и потому свершает подвиги.

Он не занимается самовосхвалением

и потому долговечен.

Ведь поскольку он не враждует ни с кем, с ним также никто не враждует.

Древние говорили: «Если нечто ущербно, то оно обретет целостность», — разве это пустые слова?

Когда целостность удастся обрести, существо возвращается к этому Дао-Пути.

23

Тот, кто мало говорит, естественности следует.

Ураган не свирепствует целое утро, ливень не льет весь день напролет.

Кто сделал так?

Небо и Земля.

Уж если Небо и Земля не могут сделать долговечным то, что ими же самими порождено, то что уж говорить о человеке!

Поэтому те люди, что все свои дела отдали Дао, — едины с Дао!

Те, что отдали все Благу-Дэ, — едины с Благом-Дэ!

Но те, кто посвятили все лишь гибели, — те с гибелью едины!

Когда некто един с Дао, Дао само радуется, обретя его.

Когда некто един с Благом, Благо тоже радуется, обретя его.

Когда некто един с гибелью, гибель тоже радуется, обретя его.

Когда человек не верен слову, то ему не станут верить!

24

Стоящий на кончиках пальцев долго не простоит,

Оставляющий отчетливые следы далеко не уйдет.

Поглощенный сам собой не станет умудренно-просветленным, Превозносящий сам себя не будет подлинно прославлен, Нападающему на всех не дано свершить великий подвиг, Самовосхваляющийся не станет долговечным.

Ну а для Дао это все — протухшая еда и тягостная ноша. Все сущее такие нравы ненавидит. Поэтому обретший Дао-Путь так не живет.

25

Вот Вещь, в Хаосе свершившаяся, прежде Неба и Земли родившаяся!

О безмолвная! О безвидная!

Одинокое стоишь и не меняешься, окружаешь все сущее и не гибнешь!

Тебя можно назвать Матерью Поднебесной.

Я не знаю твоего имени, но, обозначая знаком, называю тебя Путем-Дао. Делая усилие, называю тебя Великим.

Великое называю уходящим, уходящее называю далеким, далекое называю возвращающимся.

Поэтому Дао велико, Небо велико, Земля велика, Монарх также велик. Таким образом, в мире четверо великих, но Монарх из них — на первом месте.

Человек берет за образец Землю.

Земля берет за образец Небо.

Небо берет за образец Дао.

А Дао берет за образец свою самоестественность.

26

Тяжелое — корень легкого.

Покой — властелин поспешности.

Поэтому совершенномудрый весь день в движении пребывает, ни покидая той телеги, что в обозе. Хотя бывает так, что он живет средь роскоши и блеска, он непременно выше их и их не замечает.

Так может ли правитель царства, в коем десять тысяч колесниц, пренебрегать покоем Поднебесной во имя собственного блага?

Если он пренебрежет — потеряет подданных.
Если он поспешит — потеряет правление.

27

Ходить умеющий следов не оставляет,
В речах хороших не бывает оговорок,
Не пользуется палочками тот, кто хорошо считать умеет,
Тот, кто умеет запирать, и без замка запрет так, что не откроешь,
Тот, кто связывает умело, веревки не возьмет, но его узел не развяжешь.
Поэтому-то совершенномудрый готов всегда к спасению людей и потому никогда не теряет людей.
Поэтому-то совершенномудрый всегда готов спасти существ и потому никогда не теряет существ.
И это его глубокой просветленной мудростью зовут.
Поэтому хороший человек — учитель дурных людей, а дурные люди — сокровище хорошего человека.
Если человек не ценит свое сокровище, то даже если он многомудр, все ж пребывает в великом заблуждении.
Это называется важнейшей тайной.

28

Знай мужественность свою и женственность свою храни,
Тогда долиной пустоты для Поднебесной станешь ты.
Долиною для Поднебесной став, ты не лишишься этого вечного обретения. Тогда ты вновь вернешься к состоянию младенца.
Знай белое свое и черное⁷ свое блюди,
Тогда бессменным образцом для Поднебесной станешь ты.
Когда ты станешь образцом для Поднебесной, Благая Сила-Дэ у тебя не убудет и ты снова вернешься к Беспредельному.
Знай славу свою и позор свой храни,
Тогда ложбиною пустой для Поднебесной станешь ты.
Ложбиной пустоты для Поднебесной став, Ты сделаешь

достаточной свою Благоую Силу-Дэ и вновь вернешься к изначальной простоте-первозданности.

Первозданность рассеивается, и появляются орудия.

Совершенные мудрецы используют их и становятся начальниками чиновников.

Поэтому Великий Порядок не может понести ущерб.

29

Если кто-либо возжелает овладеть Поднебесной, то я знаю, что он не возьмет ее.

Поднебесная — божественный сосуд, и нельзя воздействовать на нее.

Воздействующий на нее потерпит поражение, и хватающий ее потеряет ее.

Поэтому среди существ есть такие, которые идут вперед, есть и такие, что идут следом за ними; бывают существа, которые молчат, бывают существа, которые кричат; бывают сильные, бывают слабые; бывают надежно защищенные, бывают беззащитно обнаженные.

Поэтому совершенномудрый уходит от чрезмерности, уходит от избытка, уходит от излишества.

30

Тот, кто, обладая Дао-Путем, оказывает как советник помощь государю, оружие не применяет, дабы силой взять Поднебесную, ибо к нам возвращаются плоды деяний наших.

Там, где прошли войска, родится только терновник да репей колючий, а по пятам за войском следуют голодные годы. Благому следующий полководец лишь цели должной достигает, и все. Не смеет брать он то, что взять лишь силой можно.

Он достигает только должной цели
и не гордится этим.

Он достигает только должной цели
и не воюет более.

Он достигает только должной цели
и не кичится этим.

Он достигает только должной цели
и не более того.

Он достигает только должной цели
и не творит насилий.

Когда живое существо сильно и крепко, но вдруг
дряхлеет, говорят, что это результат утраты Дао.
Кто истинный теряет Дао-Путь, тот гибнет рано.

31

Оружие недоброго знамения вестник. Поэтому все существа оружие и брань всем сердцем ненавидят. Поэтому тот муж, что Дао обладает, его не применяет никогда.

Муж благородный, пребывая дома, ценит левую сторону⁸, а применяя оружие, предпочитает правую.

Оружие недоброго знамения вестник. Оно не есть орудие благородных мужей. И только если нет иного выбора, его возможно применить. Муж благородный ценит всего превыше мир и покой. И даже коль в войне он побеждает, тому не радуется он нисколько: ведь радоваться ей — то же самое, что наслаждаться убийством людей. А тот, кто наслаждается смертоубийством, не способен направить свою волю на благо Поднебесной.

Ведь когда празднуют нечто хорошее, то выбирают левую сторону, а когда оплакивают и скорбят, то выбирают правую. Вот почему генерал-адъютант слева, а главнокомандующий войском справа. Их расположение соответствует траурному ритуалу.

В войне погибло много людей, о них надо скорбеть, печалиться и плакать. А победу в войне достойно отмечать лишь погребальным ритуалом.

32

Дао-Путь постоянно и безымянно.

Хотя оно столь просто и так мало, никто в Поднебесной не смеет сделать его своим слугой. Если князья и цари

смогут блюсти его, все сущее упокоится и умиротворится. Тогда Небо и Земля в согласии и гармонии пребудут, с небес прольется сладкая роса и весь народ без всякого приказа сам обретет равновесие.

Когда все вещи обрели раздельное существование, тогда установились имена. С тех пор как появились имена, необходимо Поднебесной познать, где следует остановиться в своих стремлениях. И зная, где остановиться, мы избегаем гибели и бедствий.

Ведь Дао-Путь для Поднебесной —
как море-океан для всех ручьев и рек.

33

Знающий людей — мудр.
Знающий самого себя — просветлен.
Побеждающий самого себя — могуч.
Знающий меру — богат.
Заставляющий себя идти вперед —
наделен волей.
Не теряющий своего места — долговечен.
Тот, кто умер, но не исчез, — долголетен.

34

Великий Путь, безбрежное Дао, повсюду растекается оно. Вот оно слева, но оно и справа. Все сущее, опираясь на него, рождается, но Дао им не обладает. Благие качества и свойства свои оно не выставляет напоказ для прославления, оно питает, пестует все сущее, но не становится над сущим властелином.

Когда мудрец в бесстрастии все время пребывает, он Дао даже в самом малом созерцает. Все сущее к нему стремится возвратиться, но не становится оно над ним владыкой. Его поэтому назвать Великим можно!

Поэтому и совершенномудрый до самого конца к величию нисколько не стремится.

Поэтому он может стать поистине великим!

35

К тому, кто держит великий образ, стекается вся Поднебесная. Стекается, и ничто не причиняет ей вреда; она в покое, мире и благоденствии великом пребывает. Всюду радость и обильные яства, что путника влекут остановиться и их вкусить.

Когда Дао-Путь исходит из наших уст,
он пресен и лишен вкуса.

Смотришь на него — и не можешь узреть.

Слушаешь его — и никак не услышать.

Используешь его — и никак не исчерпать его возможностей.

36

Если хочешь нечто сжать —
прежде растяни его.

Если хочешь нечто ослабить —
прежде усиль его.

Если хочешь нечто погубить —
прежде дай расцвести ему.

Если хочешь нечто отнять — вначале нечто дай.

Это и называют утонченной просветленностью:

Ведь мягкое и слабое побеждает сильное и крепкое.

Острое оружие Поднебесной ни в коем случае нельзя
показывать людям.

37

Дао-Путь постоянен, в недеянии он пребывает, но нет ничего, не сделанного им.

И если князья и цари умеют его блюсти, все сущее будет изменяться само по себе.

Но если, изменяясь, оно возжелает творить самочинно, я буду давить на него простотой первозданной. После того как я надавлю на него простотой первозданной, оно желать перестанет. Без вожделений оно обретет покой, и тогда Поднебесная исправится сама собой.

ДЭ ЦЗИН Канон Благой силы

38

Высшее Благо не благо, и благодаря этому оно наделено благом.

Низшее Благо не теряет блага,
и благодаря этому оно лишено блага.

Высшее Благо пребывает в недеянии,
и ему незачем действовать.

Низшее благо деятельно,
и оно имеет цель для своих деяний.

Высшее милосердие деятельно,
но ему незачем действовать.

Высшая справедливость деятельна,
и она имеет цель для своих деяний.

Высшее ритуальное благоговение деятельно, но ему не соответствует ничего во всем мире; поэтому следующие ритуалу тогда закатывают рукава до плеч и силой принуждают народ идти за ними.

Поэтому люди утрачивают Дао-Путь и обретают Благо; теряют Благо и обретают милосердие; теряют милосердие и обретают справедливость; теряют справедливость и обретают ритуальное благоговение.

Но ритуальное благоговение — свидетельство того, что у людей оскудевают преданность и верность слову. Поэтому оно — начало смуты. Предвидение будущего — не только цвет Дао-Пути, но и начало глупости.

Поэтому великий муж пребывает в том, что обильно, а не в том, что скудно. Он не пребывает в цветущих верхушках сущего. Отбрасывая то, берет он это.

39

Вот те, кто некогда причастны стали Одному:

Небо стало причастно Одному —
и очистилось,

Земля стала причастна Одному — и упокоилась,
 Божественное стало причастно Одному —
 и одухотворилось,
 Долины стали причастны Одному —
 и наполнились,
 Все сущее стало причастно Одному —
 и стало порождать,
 Цари и князья стали причастны Одному —
 и Поднебесная выправилась.
 А вот что было бы в противном случае:
 Не стало бы Небо чистым
 и распалось бы на куски,
 Не упокоилась бы Земля
 и раскололась бы на части,
 Не одухотворилось бы божественное
 и истощилось бы немедленно,
 Не наполнились бы долины
 и пересохла бы тотчас,
 Не стало порождать бы сущее
 и тотчас бы погибло,
 Не ценили бы цари и князья высокое
 и были бы низложены внезапно.

Поэтому цените униженное, считая его корнем, поскольку для всего высокого низкое будет всегда основанием. Вот поэтому-то цари и князья и называют себя «сырыми», «одинокими» и «недостойными». Разве это не означает «считать униженное корнем»? Не так ли? Поэтому стремящийся быть владельцем многих колесниц остается без колесницы. И я не стремлюсь быть блестящим и сияющим, как яшма, а хочу быть столь же простым и незаметным, как простой булыжник.

40

Возвращение к самому себе — вот принцип движения Дао-Пути. Ослабление — вот в чем использование Дао-Пути. Все в Поднебесной сущее рождается из наличия, но само наличие рождается из отсутствия.

41

Когда муж высшего ума о Дао слышит, то стремится с усердием осуществлять его.

Когда муж среднего ума о Дао слышит, то сомневается — то ли оно есть, то ли его и нет вовсе.

Когда муж низшего ума о Дао слышит, то над ним смеется громко! И если бы тот хохот не раздался, оно бы недостойно было Дао, Путем Великим, называться!

Поэтому попробую связать слова, чтобы сказать об этом: Прозрение Дао — словно омрачение, приближение к нему — словно отступление от него, ровная поверхность Пути — как кочки и ухабы; высшее Благо-Дэ — словно ложбина, белизна великая — как очернение; обширность Силы Благостной — как недостаток; утвержденная Благая Сила — словно ослабленная; незапятнанное существо истины — как загрязненное. Великий квадрат не имеет углов, великий сосуд изготавливается последним, голос великого звука столь утончен, великий образ не имеет телесной формы, и само Дао сокрыто в безымянности своей.

О, только Дао-Путь хорош бывает и вначале, и при завершении!

42

Дао рождает Одно.

Одно Двоих рождает.

Двое рождают Трех,

Трое рождают все сущее.

Все сущее носит на себе *инь* — силу темную и обнимает *ян* — силу светлую, так достигая гармонии энергий жизни и сил равновесия.

Теми именами, что люди так не любят: «сырыми», «одинокими», «недостойными» — цари и правящие князья сами себя зовут.

Поэтому таков существования принцип: вещь, умаяясь, возрастает, а возрастая — умаяется. Тому же я учу, чему все люди учат: «Насильник и тиран своей не умирает смертью».

Вот мудрость эту я и сделаю своим учителем.

43

В Поднебесной предельно мягкое управляет предельно твердым.

А не имеющее наличия входит в плотное, не имеющее промежутков.

Вот и я обладаю знанием того, что польза проистекает из недеяния.

Бессловесное учение, польза недеяния — о, как мало в Поднебесной людей, которые могут этого достичь!

44

Слава или собственное тело —
что нам роднее?

Собственное тело или имущество —
о чем заботимся мы больше?

Обретение или утрата —
что уязвляет нас больше?

Чем сильнее любовь, тем мучительнее утрата.

И чем больше храним, тем тяжелее потеря.

Знающий меру не узнает позора; знающий, когда надо остановиться, не попадет в беду.

Такой человек сможет стать долговечным!

45

Великое совершенство подобно ущербности,
но использование его не знает ограничений.

Великая полнота подобна пустоте,
но использование ее не знает предела.

Великая прямота подобна кривизне. Великая изощренность подобна неумелости. Великое красноречие подобно косноязычию.

Возбуждение преодолевает холод, покой преодолевает жар.

Чистота и покой — вот секрет исправления Поднебесной.

46

Когда в Поднебесной есть Дао-Путь, кони спокойно унавоживают землю.

Когда в Поднебесной нет Дао-Пути, боевые кони рождаются в предместьях.

Нет больше вины, чем страстям поддаться.

Нет больше беды, чем меры не знать.

Нет больше преступления, чем желание обладать.

Поэтому знающий меру сам является мерой; он всегда всему мера.

47

Не выходя со двора, я познаю Поднебесную. Не открывая окна, зрю я небесный Путь-Дао. Чем дальше мы ходим, тем меньше мы знаем.

Поэтому совершенномудрый никуда не ходит, но все знает.

Он ни на что не смотрит, но все постигает;

Он ничего не творит, но все свершает.

48

Кто следует учености, тот день за днем возрастает.

Кто следует Дао-Пути, тот день за днем умалется: так достигает он недеяния. Он пребывает в недеянии, но нет ничего, им не сделанного.

Такой человек, дел никаких не делая, легко берет Поднебесную: ведь совершенства дел недостаточно, чтобы взять Поднебесную.

49

Нет постоянного разума-сердца у совершенномудрого. Сердца всех людей Поднебесной образуют его разум-сердце.

Добрым людям я делаю добро, и злым людям я также делаю добро: Благая Сила преисполнена добра.

Достойным доверия я верю, и недостойным доверия я также верю: Благая Сила преисполнена доверия. Совершенный мудрец спокойно и мирно живет в Поднебесной; все

чаяния народа стекаются в его глаза и уши, и всех людей считает совершенномудрый детьми своими.

50

Рождаясь, чтобы жить, люди устремляются к смерти. Учеников жизни — трое из десятка. Учеников смерти — трое из десятка. Тех людей, что рождены для жизни, но стремятся в царство смерти, — трое из десятка.

И по какой причине это?

По той причине, что жадны до жизни люди.

Я слышал, что умеющий жизнь свою беречь, идя по суше, не столкнется с тигром или носорогом, а вступая в войско, может он не опасаться оружия и лат. Ведь носорогу некуда свой рог вонзить, тигру некуда когти свои запустить, оружию некуда клинок вонзить.

И по какой причине это?

По той причине, что для таких людей не существует царства смерти.

51

Дао-Путь все порождает.

Благая Сила-Дэ все вскармливает.

Вещественность все оформляет.

Сила все доводит до свершения.

Таким образом, среди всего сущего нет ни одного существа, что не почитало бы Дао-Пути и не ценило бы Благой Силы-Дэ.

Дао-Путь почитаем, а Благая Сила-Дэ ценима потому, что никому они не отдают велений, но постоянно пребывают в самоестественности свободной.

Поэтому Дао-Путь все порождает, Благая Сила-Дэ все вскармливает.

Они все возвращают и все пестуют, все завершают и все до зрелости доводят; они все выхаживают и все собою покрывают; рождают, но не обладают; вершат, но преднамеренно не замышляют своих свершений; возвращают все, но не господствуют над ним.

Вот что такое Сокровенная Благая Сила-Дэ!

52

У Поднебесной есть начало, и оно — Мать Поднебесной. И тот, кто знает Мать, знает и дитя ее. А тот, кто знает дитя ее, тот может блюсти и Мать. Тогда до самой смерти он не узнает никаких несчастий.

О, заслони свои отверстия, запри свои врата, и до конца жизни не будешь изнурен. А того, кто отверзает свои отверстия и вмешивается во все дела на свете, не спасет ничто, пока он не умрет.

Того, кто созерцает мельчайшее, зовут просветленно-мудрым. Того, кто блюдет мягкое, зовут сильным.

Используй свой свет — и возвратишься к просветленности, а также не подвергай себя невзгодам — это называют «упражнением в постоянстве».

53

Если бы я знанием обладал,
то шел бы по Великому Пути.

Единственное, чего я боюсь,
это сбиться с пути.

Великий Путь сокрыт и неуловим,
но народ ему предпочитает тропы.

Если при дворе роскошествуют, то поля покрываются сорняками и пустеют амбары. Знать одевается в одежды из узорчатых тканей, носит у пояса острые мечи, вкушает только изысканные яства и увеличивает имущество свое сверх всякой меры.

Это называется разбоем и бахвальством.

О, это не истинный Путь!

54

Умеющего стоять — не опрокинуть. Из обхвата умеющего обхватить — не высвободиться. Жертвоприношения предкам, приносимые детьми и внуками такого умельца, никогда не оскудеют.

Кто это умение в себе совершенствует,
 у того Благая Сила станет истинной.
 Кто это умение в семье совершенствует,
 у того Благая Сила станет обильной.
 Кто это умение в селении совершенствует,
 у того Благая Сила станет возвращенной.
 Кто это умение в государстве совершенствует,
 у того Благая Сила станет превеликой.
 Кто это умение во всей Поднебесной совершенствует,
 Благая Сила того распространится повсюду.
 Поэтому если я посредством себя самого буду зреть себя,
 если я посредством семьи буду зреть семью, если я посред-
 ством селения буду зреть селение, если я посредством го-
 сударства буду зреть государство, если я посредством Под-
 небесной буду зреть Поднебесную, то откуда я узнаю, что
 Поднебесная именно такова?
 Именно из этого созерцания.

55

Того, кто крепко держится за Силу-Дэ благую, сравню я с
 новорожденным младенцем. Пчелы, пауки и змеи ядови-
 тые его не жалят. Хищные звери его не тронут, хищные
 птицы его не клонут.
 Его кости мягки, его мышцы слабы, но хватает он крепко.
 Ничего не знает он о союзе самца и самки, но уд его взды-
 мается, ибо его семя-энергия предельно совершенно.
 Гармония — источник постоянства, а постоянство — ко-
 рень просветления.
 Стремление к пестованию жизни зовется благовещим.
 Контроль сознания над жизненной энергией дарит силу.
 Коль существо сильно и вдруг стареет — оно отвергло ис-
 тинный Путь-Дао, значит.
 Тот, кто с Пути сворачивает, гибнет рано.

56

Знающий не говорит, говорящий не знает. Заслони свои
 отверстия, запри свои врата, притупи свою остроту, развя-

жи свои узлы, умерь свой свет и уподобься пыли. Зовется это Сокровенным Единением.

Поэтому с человеком, обретшим его, нельзя сблизиться, чтобы с ним сродниться, и с ним нельзя сблизиться, чтобы его отбросить.

С ним нельзя сблизиться, чтобы извлечь из этого пользу, и с ним нельзя сблизиться, чтобы другим причинить с его помощью вред.

С ним нельзя сблизиться, чтобы стать знатным, и с ним нельзя сблизиться, чтобы стать низкородным.

Поэтому он почитается всей Поднебесной.

57

Прямотою упорядочивается государство, хитростью война ведется и бездействием берется Поднебесная.

Откуда знаю я, что это так и есть?

Отсюда знаю это:

Когда в Поднебесной много запретов и ограничений, народ нищает и беднеет; когда у людей много смертоносного оружия, государство и семья погружаются в брань и смуты; когда среди людей много искусников-умельцев, влечение к дорогим диковинкам растет; когда закон издается за законом, разбойники и воры множатся на воле.

Поэтому совершенный мудрец так говорит:

Я буду пребывать в недеянии,

и народ начнет самоизменяться.

Я буду любить покой,

и народ исправится сам собой.

Я буду в бездействии,

и народ тогда разбогатеет.

Я буду в бесстрастии,

и народ сам вернется
к исконной простоте.

58

Когда правление беспомощно и слабо,
народ прост и добродушен.

Когда правление активно и всевластно,
 народ испытывает нужду и недостаток.
 О горе, ты — опора счастья! О счастье, в тебе таится горе! И кто пределы ваши знает?
 Нет прямоты, она хитростью обернулась, а добро превратилось в злобу. Заблуждения людские, о как они долговечны!
 Поэтому совершенномудрый угловат, но не вонзится в человека. Он остер, но зла не содеет. Он прям, но не заносчив. Он словно свет, но блистать не хочет.

59

Управлять людьми и служить Небу ничто так не способствует, как умеренность. Ведь только про умеренность говорят, что она помогает рано подготовиться.
 Рано подготовиться — значит обладать обильным накоплением Благой Силы.
 Для обладающего обильным накоплением Благой Силы нет ничего непреодолимого.
 Что касается того, для кого нет ничего непреодолимого, то никто не знает его предела. Тот, предела которого никто не знает, может обладать царством. Мать царства обрета, можно стать долговечным и непреходящим. Этот принцип называют корнем глубоким и черенком крепким. В нем путь продления жизни и вечного видения⁹.

60

Управлять большим государством — все равно что готовить блюдо из мелкой рыбы.
 Если посредством Дао-Пути власть над всей Поднебесной обрести, то нави¹⁰ не будут обладать божественностью. И не только нави Поднебесной не будут обладать божественностью, но и сами божества не смогут навредить народу.
 Но не только сами божества не смогут навредить народу, совершенномудрый тоже не сможет навредить народу.

А коль эти двое навредить народу не смогут, благие силы их соединятся и возвратятся к людям на их благо.

61

Великое государство стремится в низину, подобно потоку воды. Оно — средоточие всей Поднебесной, оно — самка Поднебесной.

Самка постоянно посредством покоя самца побеждает, покой ее вниз опускает.

Поэтому великое государство опускается под малые царства и так берет эти малые царства. Если же малое царство опустится под великое государство, то оно возьмет великое государство.

Поэтому одни опускаются вниз, чтобы взять, а другие опускаются вниз, чтобы их взяли.

Великое государство не должно желать ничего сверх возможности равно пестовать свой народ.

Малое царство не должно желать ничего сверх возможности равным образом служить своим людям.

Поэтому и то и другое получают желаемое, когда великое соглашается опуститься под малое.

62

Дао-Путь — глубинная тайна природы всего сущего. Он есть сокровище добрых; он есть то, что хранят недобрые. Хорошие речи могут прославить человека в городах и весях, достойное поведение может увеличить уважение людей к нему.

Но даже недоброго человека можно ль отбросить?

Поэтому когда Сын Неба вступает на престол и трем великим князьям-советникам даруется их сан, то впереди процессии несут диск яшмы, за коим следует четверка лошадей. Но эта церемония все же хуже поведения человека, который лишь сидит, чтобы к Пути Великому приблизиться. За что же древние ценили так сей Дао-Путь?

Разве не говорили они: «С ним вы будете искать — и обрящете, будете виновны — и избежите кары».

Вот почему его ценит Поднебесная.

63

Действуй в недеянии; служи, не служа, вкушай, не чувствуя вкуса; в великом зри мелкое, во многом зри малое.

На зло плати благом.

Стремись совершать трудное благодаря тому, что в нем легкое, и верши великое благодаря тому, что в нем незаметное.

Ведь трудные дела Поднебесной свершаются только исходя из легкого; великие дела Поднебесной вершатся только благодаря незаметному. Тот, кто может до конца не творить ничего великого, один лишь способен завершить великое.

Поэтому легкомысленному редко верят, поэтому во многом легком обязательно таится много трудного.

Поэтому совершенный мудрец считает свои дела трудными, но до самого их завершения не испытывает никаких затруднений.

64

Пребывающее в умиротворении легко удерживать.

Когда признаки еще не проявились, положение легко исправить.

То, что хрупко, легко разбить.

Мелкое легко рассеять.

Действуй, пока положение еще не выявилось, упорядочивай, пока смута еще не началась.

Дерево, ствол которого с трудом можно обхватить, вырастает из крошечного ростка.

Девятиэтажная башня возводится из комка земли.

Путешествие в десять тысяч верст начинается с одного шага.

Действуя, губишь дело. Удерживая, теряешь удерживаемое. Совершенный мудрец пребывает в недеянии и поэтому не знает поражений; он ничего не удерживает и поэтому ничего не теряет.

Люди в делах своих часто стремятся к завершенности и потому терпят поражение. Если человек столь же вни-

мателен в конце, как и в начале, он не будет знать поражений.

Поэтому совершенный мудрец, желая не желать, не ценит труднодоступные товары; уча не учить, возвращается к тому, что все люди уже прошли. Он споспешествует самоестественности сущего и не смеет действовать.

65

Древние, умеющие следовать Дао-Пути, не просвещали народ, а оглуляли его. Трудно управлять народом, когда он преисполнен многомудрия.

Тот, кто упорядочивает страну при помощи мудрости, — грабитель страны. Тот, кто не упорядочивает страну при помощи мудрости, — счастье для страны.

Знание этих двух принципов создает образец для исполнения. Постоянное знание сего образца называют Сокровенной Благой Силой-Дэ.

О сколь глубока Сокровенная Благая Сила!

О сколь она удалена от нас!

Но она возвращается к единству со всем сущим, и следующий ей обретает великий успех!

66

Почему моря и реки царят над всеми долинами?

Они всегда стремятся быть внизу, поэтому и царят над всеми долинами.

Поэтому совершенномудрый, желая над народом вознестись, словами должен унижать себя; желая стать впереди народа, ставить самого себя позади всех.

Поэтому, когда совершенномудрый возвышается над народом, но народ не чувствует обузы; находится впереди народа, но народ не страдает.

Таким образом, вся Поднебесная, ликуя, несет его вперед, не чувствуя никакого гнета.

Поскольку он ни с кем не борется, и с ним никто в Поднебесной не борется.

67

В Поднебесной все говорят, что я велик¹¹. Но я вовсе не похож на великого. Ведь поскольку я велик, я вовсе не похож на великого. Если бы я долго был бы похож на великого, то давно бы уже стал ничтожным. Ведь у меня есть три драгоценности, которые я храню и ценю:

Первая — это сострадание,

Вторая — это бережливость,

Третья — я не смею поставить себя впереди Поднебесной и поэтому могу стать во главе всех на свете.

Поскольку есть сострадание, есть и храбрость.

Поскольку есть бережливость,

есть и великодушные.

Поскольку я ставлю себя позади,

то оказываюсь впереди.

И так до самой смерти.

Ведь сострадательный побеждает в сражениях, а в обороне становится неуязвимым.

Небо всегда спасает того, кого сострадание хранит само.

68

Хороший воин не воинствен. Хороший боец не гневлив.

Умеющий побеждать врагов не сражается с ними, умеющий использовать людей ставит себя ниже их.

Вот что называют Благой Силой непротивоборствования.

Вот что называют силой использования людей.

Вот что называется быть соработником Неба, вот предел искусства древних мудрецов.

69

Полководцы говорят:

«Я не смею стать хозяином, а буду действовать как гость. Я не смею продвинуться вперед и на дюйм, а буду отступать на фут».

Вот что называют маршем без шеренг, нанесением удара без использования кулака, противостоянием при отсутствии противника, владением оружием без оружия.

Среди бед большей нет, чем недооценить противника. Недооценить противника — значит похоронить свои драгоценности.

Поэтому, когда в битве войска скрещивают свои клинки, побеждает скорбящий.

70

Мои слова так легко понять, им так легко следовать, Но в Поднебесной их никто не может понять, им никто не может следовать.

В словах есть главное, в делах есть первенствующее.

Ведь незнание людей заключается в том, что они не знают меня. Поскольку знающих меня так мало, то я являюсь их сокровищем.

Поэтому на совершенномудром одежда из простой грубой ткани, но на груди у него скрыта драгоценная яшма.

71

Тот, кто знает, что он не знает, —
превосходен.

Тот, кто не знает, что он знает, — недужен.

Но ведь тот, кто недужит свой недуг, —
тот вовсе не недужен.

Совершенный мудрец не недужен, он недужит недуг свой и поэтому не недужен.

72

Когда народ не боится грозной воинственной силы — грозная воинственная сила скоро настигнет его.

Пусть власти не утесняют народ в его жилищах, пусть власти не давят на жизнь народа. Ведь если не давить, то и не нужны будут строгости и кары.

Поэтому совершенный мудрец знает сам себя, но не стремится из себя делать зрелище для людей. Он ценит сам себя, но не понуждает других дорожить собой. Отбрасывая то, берет он это.

73

Когда храбрец безрассуден — он гибнет. Когда храбрец осмотрителен — он продолжает жить. В этих двух качествах скрываются и польза, и вред.

По какой причине Небо ненавидит нечто — кто знает? Поэтому совершенный мудрец считает этот вопрос трудным. Небо не борется ни с кем, но умело всех побеждает.

Оно не говорит, но должным образом всем отвечает.

Его не успели позвать, а оно уже и само пришло.

Оно безмятежно покойно, но искусно в создании планов.

Небесная сеть распростерта повсюду. Ячейки ее широки, но ничего не упустят.

74

Если люди не боятся даже смерти, то чем же запугаешь их до смерти?

Если найдется такой, кто будет все время запугивать людей до смерти и этим тешиться, а я его поймаю и убью, кто еще посмеет так поступить?

Ведь в государстве есть всегда палач. А подменять собою палача не то же самое ли, что вместо лесоруба идти рубить деревья? Ведь тот, кто вместо лесоруба пойдет деревья рубить, тот всегда рискует собственную руку отрубить!

75

Народ голодает, поскольку власти с его снеди берут так много налогов!

Поэтому он голодает.

Народом так трудно управлять потому, что власть предрежающие активны и деятельны.

Поэтому им трудно управлять.

Народ потому так легкомысленно относится к смерти, что он привязан к жизни, жаждая ее утех.

Поэтому он легкомысленно относится к смерти.

И только тот, кто действует не ради лишь жизненных благ, мудрее тех, кто ценит жизнь одну.

76

Когда человек рождается, он мягок и слаб.

Когда человек умирает, он тверд и силен.

Так и среди всех существ: пока растения живут, они мягки и слабы.

Когда они гибнут, они сухи и тверды.

Поэтому удел твердого и сильного — смерть,

А мягкого и слабого — жизнь.

Поэтому мощное оружие не может победить,

Поэтому крепкое дерево должно упасть.

Люди, склонные к насилию, не умирают своей смертью.

Поэтому сильное и великое будет унижено, а мягкое и слабое будет возвышено.

77

Разве природа небесного Дао-Пути не похожа на натягивание лука?

Возвышающееся он опускает, опускающееся он возвышает, когда есть избыток, он отнимает его, когда есть недостаток, он восполняет его. Небесный Дао-Путь отнимает, когда есть излишек, и дает, когда есть недостаток.

Но не таков путь людской, ибо он в том, чтобы отнять, когда и так недостаток, и прибавить, когда и так излишек. Кто сможет при помощи излишка прибавить нечто в Поднебесной?

Только тот, кто обладает Дао-Путем.

Поэтому совершенномудрый действует, не замышляя преднамеренно.

Он обладает благими качествами и свойствами, но к ним не привязан.

И он нисколько не намерен смотреться перед миром как мудрец.

78

По мягкости и слабости своей ничто в Поднебесной не может воду превзойти. Но ничто не может также превзой-

ти ее по способности атаковать и побеждать то, что сильно и крепко. И тут ничто не сможет заменить ее.

Слабое побеждает сильное, мягкое побеждает твердое.

И нет никого в Поднебесной, кто не мог бы этого понять, кто не мог бы этому следовать. Поэтому совершенномудрый говорит:

«Кто принимает на себя всю скверну Поднебесной, становится владыкой над храмами зерна и предков¹². Кто принимает на себя невзгоды Поднебесной, тот становится царем всей Поднебесной».

Правильные слова подобны их противоположности.

79

Отвечайте на гнев воздействием Блага-Дэ.

Если смириться с великим гневом, часть гнева все еще останется непременно, разве это можно считать удачным приемом?

Поэтому совершенномудрый всегда держится за левую половину договорной бирки¹³, не требуя мзды от людей.

Тот, кто владеет Благом-Дэ,

тот держится за договорную бирку.

Тот, кто не обладает Благом-Дэ,

тот взыскивает плату.

Небесный Дао-Путь не знает родственных симпатий, но постоянно творит добро для всех людей.

80

Пусть у государства будет маленьким и редким население. Орудия в нем, даже если есть, пусть не используются вовсе. Пусть люди в нем относятся серьезно к смерти и не уходят далеко от дома.

Пусть даже есть там лодки или колесницы, но ездить в них не надо.

Пусть даже есть оружие и латы — не надо содержать их в порядке и готовности.

Пусть люди вновь начинают завязывать узелки и применять их вместо писем.

Пусть будет для людей сладка их пища, и пусть одежда будет их красива. Пусть мирными жилища будут их, и пусть они найдут усладу в своих обычаях и нравах. Соседние страны пусть рядом глядят друг на друга и слушают крик петухов и лай псов у соседей, но люди пусть до самой старости не ходят друг к другу туда-сюда.

81

Достойные доверия слова не могут быть красивы.
Красивые слова достойными доверия быть не могут.
Достойный человек не красноречив.
Красноречивый не может быть достойным человеком.
Мудрец не обладает многознанием.
Многознающий — не мудр.
Совершенный мудрец ничего не копит. И чем он больше людям отдает, тем больше достается и ему. Чем больше у людей — тем больше у него.
Небесный Дао-Путь приносит пользу всем, вреда же никому не причиняет.
Путь совершенномудрого — действуя, ни с кем не враждовать.

Примечания

¹ Соломенное чучело собаки — по свидетельству комментаторов, имеется в виду ритуальное чучело, которое выбрасывали после окончания церемонии.

² Согласно традиционным китайским представлениям, в человеке есть три разумные души (*хунь*), обеспечивающие способность мыслить (в тексте они названы *ин* вместо *лин* — «одухотворенность») и семь животных душ (*по*), ответственных за жизнедеятельность организма. Текст говорит о необходимости их единения как друг с другом, так и с Одним (Единым), то есть с Дао.

³ Имеется в виду сердце, понимавшееся в Древнем Китае не только как чувствующий, но и как мыслящий орган (мыслящее сердце, как считали древние китайцы, располагается в самом центре грудной клетки).

⁴ Отсутствие (*у*) и наличие (*ю*) — важные категории китайской философии. Отсутствие — неоформленное, предбытийное существование мира, наличие — наличное бытие всего сущего. В «Дао-Дэ цзине» отсутствие соотносится с этическим принципом

недеяния и умиротворенного покоя; поэтому текст постоянно подчеркивает положительные качества и функции отсутствия.

⁵ Речь идет о древнем принципе подобия микрокосма (человеческого тела) и макрокосма (Вселенной). В Древнем Китае всегда считали поэтому, что умеющий управлять собой (своей телесной личностью — *шэнь*) может быть также правителем страны и всего мира (Поднебесной).

⁶ То есть подобен неродившемуся младенцу, окутанный покровами и соединенный пуповиной с телом матери (здесь Мать — само Дао, «Сокровенная Самка Поднебесной»).

⁷ Символы *инь* и *ян*, женского и мужского.

⁸ Согласно традиционным китайским представлениям, левая сторона предпочтительнее правой, ибо соответствует положительной силе *ян*, которая все возвращает и пестует, тогда как правая сторона — отрицательной силе *инь*, связанной с идеей смерти, а потому — оружия и войны. Здесь текст подчеркивает, что войны противны истинному мудрецу.

⁹ Это очень важный фрагмент, показывающий связь идей «Дао-Дэ цзина» с даосской доктриной бессмертия. Само выражение «продление жизни и вечное видение» (*чан шэнь цзю ши*) стало стандартным в текстах, учащих об обретении бессмертия (например в «Баопу-цзы» Гэ Хуна).

¹⁰ Нави (*гуи*) — духи умерших, образующиеся из «темных» животных душ-*по*. В случае отсутствия жертвоприношений со стороны потомков могут причинять людям зло. Иногда так называются и просто зловредные божества или демоны.

¹¹ В ряде редакций «Дао-Дэ цзина» стоит: «Все говорят, что Дао-Путь велик». В настоящем переводе предпочтение отдано ма-вандуйской редакции: «Все говорят, что я велик».

¹² То есть над всем миром (Поднебесной). Храмы зерна (проса) и храмы предков (*цзи* и *шэ*) для древних китайцев были тем же, чем семейные алтари предков и духов родных мест — *ларов* и *пенатов* — были для древних римлян, то есть великой святыней.

¹³ В древности при заключении договоров и соглашений и при получении денег в долг ломали бирку, правая половинка оставалась у займодавца, а левая — у должника. При возврате долга займодавец возвращал свою половинку бирки как расписку должнику. Здесь автор текста говорит, что он соотносит себя с должником, а не с кредитором, что развивает очень характерную для «Дао-Дэ цзина» тему — самоуничтожение совершенного мудреца.

Гэ Хун

БАОПУ-ЦЗЫ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Эпоха

В то самое время, когда в Римской империи Константин Великий утверждал христианскую веру, открывая новую страницу в истории европейской цивилизации и подводя итог эпохе античности, на другом конце ойкумены, в далеком Китае, на юге которого располагалась тогда империя Восточная Цзинь, ровесник Константина, даосский философ и алхимик Гэ Хун писал свой трактат «Баопу-цзы», или «Мудрец, объемлющий Первозданную Простоту», которому предстояло стать одним из самых ярких памятников даосской мысли и традиционной китайской науки.

Шел 320 год. В Китае только что началась эпоха «распадения великих сил Поднебесной», известная в традиционной историографии как период Шести династий (Лю-чао), если говорить о юге, или как время Южных и Северных династий (Нань-бэй чао), если иметь в виду всю страну, север которой оказался захвачен разноплеменными кочевниками. Эта эпоха продолжалась почти триста лет и была отмечена смутами, кровопролитиями и всеми мыслимыми и немыслимыми бедами и одновременно расцветом науки и культуры, являясь одним из самых значительных в истории Китая периодов проявления и неповторимой творческой индивидуальности. В эту эпоху господствовавшее дотоле конфуцианство с его культом древних мудрецов, семейных и государственных ценностей временно отошло на задний план, освободив дорогу даосизму и набравшему силу буддизму.

В 184 г. в Китае разразилось мощнейшее крестьянское восстание Желтых повязок, подготовленное тайной даос-

ской сектой «Пути Великого Равновесия-Благоденствия» (*Тай-пин дао*). Оно было подавлено генералами империи Хань, но сама империя тоже рухнула, оставив на сцене три борющихся друг с другом царства — Вэй, Шу и У, которые объединились во второй половине III в. под властью империи Цзинь, управлявшейся родом Сыма (последним в 280 г. пало южное царство У, на землях которого через несколько лет и родился Гэ Хун).

Этой новой империи не было суждено просуществовать долго, и уже в начале IV в. в ней разгорается пламя восстаний и мятежей. Ситуация стала критической, когда кочевники-гунны (*сюнну*), подчинившиеся империи Хань на рубеже н. э., чувствуя слабость нового государства, взбунтовались и быстро захватили весь север страны, повергнув его в хаос разрушения и кровопролития. Падение в 312 г. имперской столицы — города Чанъань (современный г. Сиань) произвело на современников на Востоке такое же впечатление, как взятие Рима войсками гота Алариха через сто лет (410 г.) на Западе.

Однако гунны не смогли форсировать великую реку Янцзы и захватить южные земли империи Цзинь. Сюда начали стекаться беженцы, в том числе и представители императорской фамилии. Одним из таких принцев был Сыма Жуй, провозгласивший себя в 317 г. императором нового государства — Восточной Цзинь, объединившего под своей властью земли южного Китая или Цзяннани — того, что «к югу от Реки», то есть от Янцзы. Таким образом, власть китайского государства закрепилась лишь над южной частью бывшей великой империи. Что же представлял собой в то время юг?

Во многом южные территории были еще экзотическим местом для северян. Обширные пространства, заросшие дремучими джунглями, необычные ландшафты, примитивные некитайские народы — все это приковывало к югу внимание и вызывало интерес. Вместе с тем на юге существовали древние культурные центры, в том числе и связанные с происхождением и становлением даосской традиции. Это территории древних царств Чу (бассейн Янцзы), У и Юэ (Восточный Китай, провинции Чжэцзян и Цзянсу).

С начала правления Поздней Хань (с 25 г. н. э.) на юге стали активно селиться представители китайского господствующего класса, получавшие там обширные наделы в благодарность за поддержку легитимного императора Гуан У-ди в его борьбе с узурпатором Ван Маном. К таким людям принадлежал и предок Гэ Хуна Гэ Вэнь, получивший императорскую награду вместо своего старшего брата Гэ Лу, но с его согласия.

К моменту вхождения юга в состав империи Цзинь (280 г.) они уже считали себя коренными южанами, прохладно относились к цзиньской аристократии и бюрократии и сожалели о падении независимого южного царства У. Конфликт между северянами и южанами особенно обострился после переезда двора и правительства в Нанкин (Цзянькан) и появления на юге толп беженцев с севера. Южан раздражали амбиции северной аристократии, оттеснившей коренные аристократические роды (в том числе и род Гэ) на вторые и третьи роли, раздражали нравы и привычки северян, их культура и даже особенности произношения. Эта неприязнь нашла свое отражение и в трактате «Баопу-цзы», в котором Гэ Хун резко отрицательно оценивает модную среди северной интеллектуальной элиты философию Сокровенного (*сюань-сюэ*) как несовместимую с истинным даосским эзотеризмом.

Противостояние севера и юга продолжалось в течение всего IV в., и только в следующем столетии оно постепенно затухает и затем окончательно сходит на нет. В завершение данной темы следует отметить, что именно эпоха Шести династий сыграла ключевую роль в освоении и китаизации юга, его быстром экономическом подъеме и расцвете, в результате чего в течение многих последующих столетий экономическое лидерство неизменно принадлежало южным провинциям.

Жизнь Гэ Хуна пришлась на самое начало периода «распадения Поднебесной», периода особенно смутного и тяжелого. И печать эпохи отчетливо просматривается на биографических обстоятельствах нелегкого жизненного пути автора «Баопу-цзы».

Жизнь и личность Гэ Хуна

Гэ Хун (второе имя Чжи-чуань) родился в 283-м или 284 г. в Даньяне (уезд Цзюйжун, территория современной провинции Цзянсу). Он родился там, где служил отец его знаменитого современника литератора Гань Бао, с которым Гэ Хун неоднократно встречался и по служебным, и по личным делам¹. Отметим, что если дата рождения Гэ Хуна особых сомнений и споров не вызывает, то дата его смерти гораздо менее достоверна (не говоря уж о том, что сами даосы считают его бессмертным). Так, официальная «История династии Цзинь» («Цзинь шу») с определенностью сообщает, что Гэ Хун прожил долгую, восьмидесятилетнюю жизнь (точнее, 81 год) и скончался в 363 г. (год гибели во время похода на персов знаменитого неудачливого реставратора античности, римского императора Юлиана Отступника). И эту дату в основном принимают современные китайские и российские историки. С другой стороны, даты жизни многих современников Гэ Хуна (например губернатора Гуанчжоу Дэн Юэ, свидетеля кончины великого алхимика) не позволяют предположить, что Гэ Хун прожил более шестидесяти лет. В таком случае, год его смерти — 343-й. И эту дату в основном принимают современные западные синологи.

В настоящее время окончательно решить эту проблему не представляется возможным, поэтому следует просто принять к сведению расхождение в датах и пока смириться с ним.

Воссоздать жизнь Гэ Хуна несложно, так как он сам потруился написать свою биографию, заканчивающуюся, правда, событиями 318—320 гг. (однако около 335 г. он сделал добавления к ней). Но жизнеописание Гэ Хуна в «Истории династии Цзинь» с успехом восполняет пробел и рассказывает о его жизни последующих лет.

Как уже говорилось, Гэ Хун родился в семье коренных южан, южнокитайских аристократов, верой и правдой служивших вначале династии Хань, а потом царству У, следы ностальгии по которому можно найти и в «Баопу-цзы». Но гораздо важнее то обстоятельство, что семья Гэ Хуна

издревле была связана с эзотерической традицией южно-китайского даосизма, унаследовавшей учение и практику даосов раннеханьской эпохи (206 г. до н.э. — 8 г. н.э.) и известной под названием традиции «письмен Трех Августейших» — *сань хуан вэнь* (имеются в виду совершенные императоры мифологической древности, и прежде всего знаменитый Желтый Император, Хуан-ди, в даосском восприятии — бессмертный маг и алхимик, вознесшийся на небо). Это была традиция алхимических таинств изготовления эликсира вечной жизни, астрологического детерминизма, искусства изготовления магических амулетов, произнесения могучих заклятий и владения методами даосской гимнастики *дао инь*, дыхательных упражнений и искусством «внутренних покоев» — даосской сексуальной практикой. Все перечисленные темы нашли свое отражение на страницах трактата Гэ Хуна. Эта традиция резко отличалась от сформировавшейся во II в. н.э. школы «Небесных Наставников» (*тянь ши дао*) с ее литургией, общинными богослужениями и тенденцией к теократическому правлению.

В связи с даосским наследием семейства Гэ необходимо вспомнить о двоюродном деде Гэ Хуна — знаменитом Гэ Сюане (он же — Сыновнепочтительный Бессмертный Гэ — Гэ Сяо-сянь, или Господин Бессмертный Гэ — Гэ Сянь-гун, или Бессмертный Старец Гэ — Гэ Сянь-вэн). Об этом своем предке Гэ Хун неоднократно вспоминает на страницах своего труда, порой рассказывая о нем весьма забавные и совершенно невероятные истории. Отметим, что Гэ Сюань был не просто даосом, его считали бессмертным чудотворцем и великим святым, а более поздняя традиция «Линбао» («Духовной Драгоценности»), основанная, кстати, потомком Гэ Хуна Гэ Чао-фу около 380 г., считала его своим провозвестником и первоучителем.

Хотя в ранней молодости образование Гэ Хуна носило преимущественно классический конфуцианский характер, он очень рано приобщился к даосскому оккультизму под руководством даосского наставника Чжэн Сы-юаня (Чжэн Иня), традиция которого восходила к знаменитому магу рубежа Хань и Троецарствия Цзо Цы (Цзо Юань-фану) и его учителю Ма Мин-шэну. Позднее, после того как Гэ

Хун женился на дочери крупного чиновника и признанного даосского авторитета Бао Цзина, последний приобщил его и к филировавшей от основного древа традиции дворянского деда самого Гэ Хуна — Гэ Сюаня (в среде последователей «писмен Трех Августейших» было не принято учиться у своих кровных родственников, что также отличало их от адептов «пути Небесных Наставников», передававших посвящения и сан по наследству).

Семья Гэ Хуна была знатна, но бедна, и в своем трактате Гэ Хун не пожалел черной краски для живописания своей бедности и даже нищеты, по-видимому преувеличивая свои материальные затруднения.

Самостоятельная жизнь Гэ Хуна началась с военной службы. В 303—304 гг. в Цзяннани разразилось крестьянское восстание Ши Бина, в подавлении которого Гэ Хун принял участие в должности младшего офицера (ему было тогда около двадцати лет). За проявленное мужество он впоследствии получил почетный, но не приносящий дохода титул «гуаньнэйский маркиз» (*гуаньнэй хоу*; «маркиз земель внутри пограничных застав»). Этот титул был, впрочем, весьма распространен в то время; в частности, им был пожалован и упоминавшийся выше Гань Бао. Надо сказать, что и позднее Гэ Хун не порывал полностью с военным делом, находясь достаточно длительное время на службе в должности именно военного советника.

После окончания военной кампании Гэ Хун отправляется на север в поисках неизвестных ему рукописей эзотерических даосских текстов. Эта поездка, однако, оказалась неудачной: север был охвачен мятежами и смутой, и Гэ Хун не нашел там ничего, заслуживавшего его внимания.

Узнав, что губернатором Гуанчжоу (Кантона) назначен его друг Цзи Хань, также увлекавшийся даосизмом (см. гл. 20 «Баопу-цзы»), Гэ Хун отправляется к нему (видимо в 306 г.) и служит в канцелярии Цзи Ханя в качестве военного советника и инспектора. Однако вскоре Цзи Хань оказывается жертвой покушения и гибнет от руки убийцы. Гэ Хун через некоторое время возвращается в Нанкин (Цзянькан), куда вскоре прибывает принц Сыма Жуй, будущий

первый император Восточной Цзинь (с 317 г.) Юань-ди. Всеми делами при нем вершит всемогущий фаворит, магнат и богач Ван Дао, про которого ходила молва, что свое несметное богатство он заполучил благодаря общению с нечистью (эти слухи не мешали Ван Дао быть одним из первых высокопоставленных покровителей буддизма). Гэ Хуну удалось устроиться в штат помощников Ван Дао, ставшего после создания новой империи имперским канцлером (в штате помощников Ван Дао служил и литератор Гань Бао). В это время (между 317 и 320 гг.) Гэ Хун и пишет свой трактат «Баопу-цзы».

На службе Гэ Хун оставался до 333 г., когда на престоле находился уже император Чэн-ди. Гэ Хун испросил у него назначения на должность на крайний юг империи, в провинцию Цзяочжоу (территория Северного Вьетнама; по-вьетнамски — Зяотяу). Императору, удивленному тем, что такой известный ученый намеревается отправиться в столь глухой уголок государства, Гэ Хун ответил, что хочет ехать в Цзяочжоу исключительно потому, что там особенно хороша киноварь, необходимая для алхимических опытов. Чэн-ди не стал отговаривать Гэ Хуна, и тот отбыл на юг.

Однако добраться до Цзяочжоу Гэ Хуну не удалось, ибо губернатор Гуанчжоу Дэн Юэ не захотел лишиться общества столь выдающегося мужа и удержал Гэ Хуна у себя. Не имея возможности продолжать путь, Гэ Хун смирился с судьбой и поселился на горе Лофушань близ Гуанчжоу, где, окруженный учениками, он и занимался алхимическими изысканиями под покровительством Дэн Юэ, с которым успел по-настоящему подружиться. Своим ученикам (некоторые из них были его родственниками) Гэ Хун передал имевшиеся у него тексты и преподал тайные даосские посвящения.

Перед смертью Гэ Хун письмом пригласил Дэн Юэ срочно навестить его, но губернатор задержался и прибыл на гору, когда Гэ Хун был уже мертв. А далее начинается легенда. Она гласит, что Дэн Юэ обнаружил, будто тело Гэ Хуна остается легким и гибким, не подвергаясь трупному одеревенению и окоченению. Во время похорон удивлен-

ные легкостью гроба ученики открыли его и обнаружили, что гроб пуст. Так и вошел Гэ Хун в даосский пантеон в качестве «бессмертного, освободившегося от трупа» (*ши цзе сянь*), то есть святого, обретшего бессмертие через смерть и воскресение.

Гэ Хун слыл среди своих знакомых человеком крайне скромным, неприхотливым, безыскусным, молчаливым и непосредственным. Поэтому его и прозвали Мудрецом, Объемлющим Первозданную Простоту (*Бао пу чжи ши*). Выражение «обнимать Первозданную Простоту» (*бао пу*) восходит к даосскому классическому тексту «Дао-Дэ цзин», считающемуся произведением великого даосского мудреца Лао-цзы. Там это выражение означает следование естественности (*цзы жань*) и отказ от хитросплетений лжецивилизации. Это прозвище Гэ Хун и использовал для названия своего знаменитого трактата.

Трактат «Баопу-цзы» и его содержание

Как уже отмечалось, трактат писался Гэ Хуном между 317 и 320 гг., то есть когда Гэ Хуну было приблизительно 34–37 лет. Вначале он написал «эзотерические» главы, которые, собственно, и назвал «Баопу-цзы». Они посвящены исключительно этико-политической проблематике и полемике с оппонентами по вопросам социально-государственного характера (особенно известна 48-я глава, содержащая критику даосского утописта Бао Цзиня); здесь Гэ Хун выступает как конфуцианец-эклектик, в мировоззрении которого также присутствуют элементы легизма и моизма. Интересно, что в этом разделе нет и намека на основные сюжеты «эзотерических» глав «Баопу-цзы» — учение о бессмертии и путях его обретения, алхимию, магию и т. п. Очевидно (и это подтверждает сам Гэ Хун в 16-й главе «эзотерической» части), что автор первоначально собирался ограничиться этой проблематикой и не имел ни малейшего намерения демонстрировать свои эзотерические познания. Однако вскоре планы Гэ Хуна изменились, и он пишет новый, совершенно самостоятель-

ный и независимый от предыдущего, законченный текст, который условно, и даже несколько искусственно, соединяет с уже созданным в одно произведение в двух частях: первая (теперь, однако, идущая второй) получает название «внешнего», или «экзотерического», раздела (*вай пян*), а вторая (теперь — первая) — «внутреннего», или «эзотерического», раздела (*нэй пян*).

И тут мир узнал совершенно неведомого ему дотоле Гэ Хуна: респектабельный конфуцианец обернулся даосским магом, с пылом и темпераментом отстаивающим возможность обретения бессмертия и изготовления эликсира вечной жизни, историк и литератор стал ученым-естествоиспытателем, а полемист, приверженный ценностям конфуцианской традиции, — едким критиком преклонения перед авторитетом классических канонов и книжности. И именно этот текст прославил и поистине обессмертил Гэ Хуна, показав его не только как мыслителя и полемиста, но и как одного из крупнейших ученых-природоведов Древнего Китая, как человека, к которому прекрасно подходит несколько устаревшее слово «естествоиспытатель».

Человека, впервые обращающегося к чтению «Баопу-цзы» (здесь и ниже под «Баопу-цзы» будет иметься в виду только «эзотерическая» часть), многое удивляет и даже потрясает своей кажущейся парадоксальностью (подлинных парадоксов Гэ Хун не любил, считая их неким интеллектуальным блефом и проявлением извращенности ума, не желающего просто сказать «да» или «нет»), своим несоответствием привычным стандартам.

И действительно, Гэ Хун провозглашает веру в бессмертие (и притом телесное!) и бессмертных, в магию и астрологию, алхимию и нумерологию, а сам высмеивает (прямо в вольтеровских выражениях) тех, кто, вместо того чтобы обратиться к врачу, молится о выздоровлении божествам, совершает жертвоприношения и разоряется на оплате сомнительных услуг шаманов и знахарей. Как это понимать? Или другой пример: этот маг, алхимик и оккультист охотно цитирует не только «Дао-Дэ цзин» или эзотерические каноны бессмертных (*сянь цзин*), но и сочинения таких скептиков и вольнодумцев древности, как

Ван Чун и Хуань Тань. Что это, собственно, означает? Но ответы на эти вопросы мы сможем найти только после вдумчивого прочтения всего памятника при условии восприятия его как вполне определенного и непротиворечивого в себе целого.

И все-таки ключ к кажущимся противоречиям Гэ Хуна есть. И этот ключ — специфика самого естественнонаучного знания в традиционных культурах и отчетливое понимание того обстоятельства, что Гэ Хун по своему темпераменту, подходу и интересам был прежде всего не мистиком или интуитивистом, а ученым-экспериментатором и эмпириком. То, что нам кажется фантастикой или даже суеверием из принимавшегося Гэ Хуном, на самом деле относится просто к области допустимого научным знанием его эпохи. То же, что считалось суеверием и во время Гэ Хуна, отвергалось им целиком и полностью.

И здесь разворачивается еще один конфликт, характерный для содержания «Баопу-цзы»: конфликт между суждениями «здорового смысла» и данными опытного и научного знания. Ведь многое из того, что принимает наука, никак не приемлемо для обыденного сознания с его «здравым смыслом»: для обыденного сознания бессмысленно и нелепо и признание шарообразности Земли — антиподы тогда должны ходить ногами вверх! Другое дело, что в эпоху господства научного знания обыденное сознание принимает его как авторитет и берет данные науки на веру. Но все обстоит иначе с традиционными культурами, имеющими совершенно другие приоритеты. Их представитель не склонится перед императивом научного познания и будет утверждать, что нелепо говорить, будто киноварь — ртутное соединение, ибо ртуть белая, а киноварь красная. И подобного рода утверждения становятся объектом очень язвительной критики Гэ Хуна. Вместе с тем ограниченность самого научного знания и научного метода того времени препятствовала разграничению возможного от невозможного, реальных связей и отношений от фантастических. И вот уже Гэ Хун, вдоволь насмеявшись над «рационалистом» — неучем-обывателем, сам начинает отстаивать положения, с нашей точки зрения, полностью невозможные, но с его —

относящиеся к области научно установленных фактов. Ведь если из белой ртути может получиться красная киноварь, то почему бы этой самой киновари не быть еще и эликсиром бессмертия? Гэ Хун совершенно справедливо распекает обывателя, упрямо твердящего по любому поводу, выходящему за пределы его убогого «здравого смысла»: «Этого не может быть, потому что этого не может быть никогда», но тут же на прямо противоположном основании (в конце концов, может быть все, если иное не установлено опытным путем) начинает утверждать то, чего все-таки быть не может (но не может быть для нас, ибо мы знаем, на основании чего это невозможно, но не для Гэ Хуна, не знавшего этого основания).

Рассмотрим вкратце содержание «Баопу-цзы» («эзотерический» раздел).

Учению о Дао-Пути, даосской онтологии и метафизике посвящены (частично) 1-я, 9-я и 18-я главы «Баопу-цзы». Надо сказать, что метафизика — не самая сильная сторона Гэ Хуна и здесь он мало оригинален (недаром 1-я глава «Баопу-цзы», особенно ее первая половина, по существу, является просто хорошим парафразом 1-й главы «Хуайнань-цзы» — знаменитого даосского компендиума II в. до н. э.). Гэ Хун стремится поскорее покинуть метафизические выси и вернуться к проблемам практическим — будь то преимущества отшельнической жизни, критика суеверий и простонародных культов или методы даосского созерцания.

2-я, 3-я, 5-я и многие другие главы посвящены критике обывателей (*су*), с порога отвергающих веру в физическое бессмертие, бессмертных и даосские методы обретения бессмертия. Гэ Хун показывает себя здесь отличным полемистом, использующим как логические, так и эмпирические и исторические аргументы.

Алхимия подробно рассматривается Гэ Хуном в 4-й («великие эликсиры бессмертия»), 11-й (фармакология и криптоботаника «бессмертия») и 16-й (златоделание, аурификация) главах его трактата.

9-я глава по преимуществу критикует народные верования, суеверия и так называемые непристойные культы

(*инь сы*). Если бы здесь Гэ Хун, увы, не апеллировал к репрессивному аппарату власть имущих и палачу, то его по уровню рационалистичности и едкости вполне можно было бы сравнить с Вольтером или Гольбахом.

10-я и 12-я главы посвящены рассмотрению соотношения даосизма и конфуцианства; для Гэ Хуна даосизм — корень (основное, главное), а конфуцианство — верхушка (производное и второстепенное). Здесь Гэ Хун также объясняет разницу между совершенным мудрецом и бессмертным, тратя немало усилий, чтобы доказать (особенно в 12-й главе), что Конфуций отнюдь не был всеведущ и часто проявлял элементарную неосведомленность.

14-я и 20-я главы раскрывают тему важности поисков истинного даосского учителя, под руководством которого только и можно заниматься подлинной даосской практикой. Здесь же Гэ Хун обрушивается на различных шарлатанов и проходимцев от даосизма, богатеющих на легковёрности и наивности обожающих их последователей.

17-я глава посвящена искусству отшельнической жизни и всевозможным средствам, защищающим от горной нечистой силы, готовой атаковать незадачливого анахорета и уничтожить его. Особое внимание Гэ Хун уделяет различным формам экзорцизма и защитительной магии, прежде всего даосским амулетам и талисманам.

19-я глава по большей части представляет собой каталог даосских текстов, имевшихся в библиотеке учителя Гэ Хуна — даоса Чжэн Сы-юаня. Этот весьма репрезентативный каталог может считаться непосредственным формальным предшественником первого варианта «Даосского Канона» — «Дао цзана», появившегося столетие спустя благодаря трудам даоса Лу Сю-цзина.

Остальные главы в основном содержат споры с обывателями-оппонентами, ответы на вопросы сочувствующих и описания различных «малых» даосских методов — гимнастики *дао инь*, дыхательных упражнений, визуализации, сексуальной практики, магических приемов, астрологии и т. п. Обсуждение этих тем постоянно перемежается рассказыванием различных исторических анекдотов и «случаев из жизни», что делает «Баопу-цзы» весьма интересным чтением.

И здесь уместно поставить вопрос о литературных достоинствах этого произведения.

«Баопу-цзы» отнюдь не сухой трактат, написанный бесстрастной кистью далекого от жизни и ее треволнений мудреца. Во-первых, это в высшей степени авторское произведение, и личность Гэ Хуна, его индивидуальность, черты характера и темперамент в полной мере отразились в тексте сочинения, так что знакомство с этим незаурядным человеком — одно из удовольствий, которые ждут читателя данного памятника.

Во-вторых, «Баопу-цзы», несомненно, произведение высокой китайской словесности, написанное умелым стилистом, превосходно владеющим всеми нюансами древнекитайского письменного языка. Иногда, с нашей точки зрения, Гэ Хун излишне пышен и велеречив (особенно в переполненных метафорами и сложными параллелизмами разделах, посвященных описанию Дао-Пути и космического порядка вообще), но таков уж был тон и дух той эпохи, породившей стиль, известный среди китаеведов под названием «лю-чаоское барокко». При этом, надо отметить, Гэ Хун с избытком искупает эту лексическую и стилистическую избыточность в других разделах текста, где его язык становится достаточно строгим и прозрачным.

В-третьих, это, безусловно, произведение художественной прозы, сыгравшее свою роль в формировании китайской повествовательной прозы малых жанров (*сяо шо*), прежде всего новелл об удивительном (*чуань ци*). И в этом отношении «Баопу-цзы» Гэ Хуна стоит в одном ряду с такими памятниками той же эпохи, как «Записки о поисках духов» Гань Бао и «Новые речи, в свете ходящие» («Ши шо синь юй») Лю И-цина. «Баопу-цзы» весь пронизан включенными в него сюжетными повествованиями, тем, что современные китайцы называют «гуши» (история, рассказ), описаниями неких «случаев из жизни» (обычно волшебного или фантастического характера), структура (а часто и содержание) которых вполне аналогичны структуре новелл Гань Бао. И эти «истории» и «анекдоты» придают ученому трактату дополнительные прелесть и обаяние.

Здесь не место подробно описывать содержание «Баопу-цзы»: сказанного вполне достаточно, чтобы знать, чего ждать от текста, а остальное читатель имеет возможность узнать из самого памятника, публикуемого в нашем переводе².

О переводах «Баопу-цзы»

Исследователи впервые обратились к трактату Гэ Хуна в первой половине XX в., и здесь, несомненно, пальма первенства принадлежит нашему соотечественнику ученику академика В. М. Алексеева Ю. К. Щуцкому. Научные интересы Ю. К. Щуцкого были чрезвычайно широки. Он известен прежде всего как исследователь и переводчик «Канона Перемен» («Книги Перемен», «И цзина»), работал Щуцкий и над даосским философским памятником «Ле-цзы» (перевод утрачен), обращался к учению великого конфуцианского мыслителя Ван Ян-мина (XV–XVI вв.), занимался историей буддизма в Китае (статья о Хуэй-юане «Даос в буддизме»). Значительное место в его ученых штудиях было отведено работе по переводу и исследованию «Баопу-цзы». Ю. К. Щуцкий перевел первую главу памятника (перевод сохранился в рукописи; имеются также замечания В. М. Алексеева к этому переводу). Кроме того, Ю. К. Щуцкий является автором не опубликованной доселе работы «Исповедание дао у Гэ Хуна», посвященной учению о сущности Дао по первой главе «Баопу-цзы» и общей характеристике этого текста³.

Трагическая гибель ученого, расстрелянного в 1938 г. по нелепому обвинению в шпионаже, надолго прервала традицию подлинно научного изучения даосизма в России, и почти сорок лет к трактату Гэ Хуна никто не обращался, если не считать отдельных упоминаний памятника или спорадических обращений к нему по частным вопросам.

Между тем перевод и изучение трактата «Баопу-цзы» начались на Западе, где еще в начале XX в. общую характеристику тексту дал Л. Вигер, а в начале 30-х годов А. Форке посвятил этому *opus magnus* Гэ Хуна подробную

главу в своей «Истории средневековой китайской философии»⁴. Несколько позднее, в начале 40-х годов, ученый-иезуит Е. Файфель публикует переводы отдельных глав «Баопу-цзы» на английский язык⁵. Приблизительно в это же время «алхимические» главы трактата переводит на английский язык американский историк китайской науки Т. Л. Дэвис, работавший в сотрудничестве с китайскими учеными (Чэнь Го-фу, У Лу-цян и другие)⁶. Однако первый (и пока единственный) полный перевод «эзотерической» части «Баопу-цзы» на европейские языки (английский) появился только в 1966 г. Его выполнил американский синолог Дж. Уэйр⁷. Это, безусловно, плод огромного и многолетнего труда, в значительной степени обогативший мировую науку. Тем не менее, в силу определенных особенностей перевода Дж. Уэйра, в настоящее время он может считаться устаревшим и не соответствующим современным научным критериям.

Перевод американского синоведа практически лишен комментариев; во всяком случае, они сведены к минимуму, в результате чего текст в значительной степени остается для читателя закрытым. Переводчик совершенно не стремится к адекватной и строгой передаче терминологического инструментария Гэ Хуна и ограничивается переводом названий лишь наиболее известных веществ и растений, упоминаемых Гэ Хуном. В связи с тем, что Дж. Уэйру приходилось пользоваться неразмеченным текстом (то есть текстом без современной пунктуации), в его работе немало ошибок, связанных с неправильным членением текста. Но самое главное, что перевод американского синоведа в значительной мере является парафразом, не только не передающим специфики стилистики и синтаксиса Гэ Хуна (прежде всего параллелизмов), но и в ряде случаев просто пересказывающим основное содержание тех или иных пассажей. Учитывая опыт Дж. Уэйра, в нашем переводе мы стремились по мере возможности избегать этих недостатков⁸.

Следует особо отметить, что работа современного переводчика и исследователя трактата Гэ Хуна в значительной степени облегчена по сравнению с работой, проделанной Дж. Уэйром, благодаря трудам выдающегося китайского

исследователя и издателя даосских текстов Ван Мина, опубликовавшего в 1982 г. превосходно откомментированный и размеченный в соответствии с принципами современной пунктуации текст «эзотерической» части «Баопу-цзы»⁹, по которому сделан и наш перевод. Издание текста «Баопу-цзы», выполненное Ван Мином, поистине неопценимо для переводчика благодаря проделанной работе по пунктуации, текстологическим сопоставлениям различных редакций и комментированию памятника. Вместе с тем, комментируя «Баопу-цзы», Ван Мин оставляет практически всю алхимическую и историко-научную терминологию Гэ Хуна без пояснений (за исключением отдельных случаев), ограничиваясь иногда (например при лекарственных растениях) цитатами из других древнекитайских текстов (фармакологического характера), которые, в свою очередь, нуждаются в комментариях. И все-таки появление издания Ван Мина чрезвычайно облегчило работу с текстом «Баопу-цзы» и в значительной степени обезопасило исследователя и переводчика от различных ошибок и огрехов¹⁰.

Предлагаемый вниманию читателя перевод «эзотерической» части «Баопу-цзы» является первым полным переводом этого памятника на русский язык. Перевод снабжен комментариями, в которых мы старались возможно полно откомментировать как сложную алхимическую и историко-научную терминологию трактата Гэ Хуна, так и бытовые и исторические реалии и факты, чтобы текст стал максимально прозрачным и для специалиста-синолога, и для широкого читателя.

При комментировании текста мы использовали, кроме комментариев Ван Мина, различные публикации известных ученых-китаеведов Л. Н. Меньшикова, Ю. Л. Кроля, Р. В. Вяткина, А. И. Кобзева, В. В. Малявина, М. Е. Кравцовой, А. С. Мартынова, Дж. Нидэма, Н. Сивина, Дж. Уэйра и других. В отдельных случаях мы использовали также сунское ксилографическое издание «Баопу-цзы», воспроизведенное в середине 80-х годов в Китае¹¹.

В заключение нам хотелось бы выразить особую благодарность нашему учителю Льву Николаевичу Меньши-

кову, впервые обратившему наше внимание на трактат «Баопу-цзы» и оказавшему бесценную помощь на первых этапах нашей работы над переводом этого интереснейшего текста.

Примечания

¹ См.: *Гань Бао*. Записки о поисках духов (Соу шэнь цзи) / Предисл., пер. с древнекит., примеч. и словарь-указатель Л. Н. Меньшикова. СПб., 1994. С. 14.

² О Гэ Хуне и его трактате на русском языке подробнее см.: *Торчинов Е. А.* Трактат Гэ Хуна «Баопу-цзы» как источник по изучению даосизма периода Лю-чао // Актуальные проблемы изучения истории религии и атеизма. Л., 1980; *Он же*. Основные направления эволюции даосизма в период Лю-чао: (По материалам трактата Гэ Хуна «Баопу-цзы») // Дао и даосизм в Китае. М., 1982; *Он же*. Учение Гэ Хуна о Дао: человек и природа // Проблема человека в традиционных китайских учениях. М., 1983; *Он же*. Тексты по «искусству внутренних покоев» (эротология Древнего Китая). 1: Трактат Гэ Хуна и «искусство внутренних покоев» // Петербургское востоковедение: Альм. Вып. 4. СПб., 1993. С. 117–136; *Он же*. Даосизм: Опыт историко-религиоведческого описания. СПб., 1993. С. 189–191; 2-е изд.: СПб., 1998. С. 288–292.

³ Доклад «Исповедание дао у Гэ Хуна» был прочитан Ю. К. Щуцким 31 мая 1923 г. в разряде Индии и Дальнего Востока Российской Академии истории материальной культуры. Его текст (включающий в себя и пер. 1-й гл. «Баопу-цзы») сохранился и находится в настоящее время в архиве Российской Академии наук (Санкт-Петербург) — СПбО АРАН (Санкт-Петербургское отделение архива Российской Академии наук). Ф. 820, оп. 4, ед. хр. № 155, 51 л.

Основной труд Ю. К. Щуцкого по «И цзину» — «Китайская классическая „Книга Перемен“» (1-е изд.: М., 1960; 2-е изд., испр. и доп.: М., 1993).

Хуэй-юаню посвящена статья Ю. К. Щуцкого «Даос в буддизме» (Записки Коллегии востоковедов. Т. 1. Л., 1927).

⁴ *Forke A.* Geschichte der mittelalterlichen chinesische Philosophie. Hamburg, 1934.

⁵ Переводы Е. Файфеля см., например: *Monumenta Serica*. Vol. 11 (1946).

⁶ *Davis T. L.*, *Ch'en Kuo-fu*. The Inner Chapters of Pao P'u tzu // Proceedings of the American Academy of Arts and Sciences. 1941. Vol. 74. N 10.

⁷ *Alchemy, Medicine and Religion in the China of A. D. 320. The Nei P'ien of Ko Hung* / Translated and edited by James R. Ware. N. Y., 1966; 2nd ed. — 1981.

⁸ Из последних исследований «Баопу-цзы» на европейских языках следует назвать недавно опубликованную диссертацию немецкого синолога Ф.-Р. Шмидта: *Schmidt F.-R. Die magische Rustung. Naturbilder aus dem Pao-p'utzu Nei-p'ian des Ko Hung (283–343) // Europäische Hochschulschriften. Reihe XVII. Asiatische und afrikanische Studien. Bd. 54. Frankfurt am Main, 1996.*

Лучшим китайским исследованием «Баопу-цзы» последних лет является книга Ху Фу-чэня «Вэй-Цзинь шэнь сянь дао цзяо. Баопу-цзы нэй пянь янь цзяо» (Даосизм святых-бессмертных эпох Вэй и Цзинь. Исследование «эзотерической» части «Баопу-цзы»). Пекин, 1990.

⁹ *Ван Мин.* Баопу-цзы нэй пянь цзяо ши (Отредактированная «эзотерическая» часть «Баопу-цзы» с комментариями). Пекин, 1982; 2-е изд. — 1985; 3-е изд. — 1988.

¹⁰ Значительную помощь при переводе и исследовании трактата Гэ Хуна оказывает также полный индекс-указатель к тексту, составленный под редакцией К. М. Скиппера (Шиппера): *Concordance du Pao-P'ou-Tseu Nei-P'ien / Édité par Kristofer Schipper // Travaux d'index, de bibliographie et de documentation sinologiques publiés par l'Institut des hautes études chinoises de l'Université de Paris. Vol. 2. Paris, 1965.* В 1969 г. как 3-й том той же серии К. М. Скиппер издал также полный индекс и к «эзотерической» части (*вай пянь*) «Баопу-цзы».

¹¹ Сунский ксилограф «Баопу-цзы нэй пянь» (1152 г.), хранящийся в библиотеке провинции Ляонин, был опубликован (т. 1–2 в одной папке) в 1985 г. издательством «Чжун хуа шу цзюй» (Пекин).

ГЛАВА 1

Всепроникающее Сокровенное

Баопу-цзы сказал: «Сокровенное есть не что иное, как праотец природы и великий предок мириад различий. Поистине, недостижимы его дали, поэтому называют его тайным. Оно столь высоко, что словно шапка покрывает девять небес. Оно столь обширно, что словно оправа охватывает все восемь сторон света. Светло оно, как солнце и луна, быстро оно, словно пробег молнии. То вспыхнет оно и тотчас погаснет, то помчится как вихрь, оставляя звезды-брызги.

То блеснет оно, подобно искре, в прозрачности бездны, то поплывет, словно седые, несущие снег облака.

Когда оно являет себя в бесчисленных формах — это наличие¹. Когда оно пребывает в неявленном покое — это отсутствие. То тонет оно в великой тьме и погружается вниз, то устремляется оно к созвездиям и блуждает вверх.

Металл и камень не сравнятся с ним своей твердостью, а обильная роса не может превзойти его своей мягкостью. Оно квадратное, но не измеряется угольником, круглое, но не измеряется циркулем². Идешь к нему, но не видишь его, устремляешься за ним, но не в силах догнать его. Небо получает от него свою высоту, а Земля от него же обретает свою низменность.

Благодаря ему двигаются облака, и оно же посылает дождь. Оно носит в утробе плод — Изначальное Одно³. В нем, как в форме-образце, вылиты два ряда проявлений, и из него исходит Великое Начало⁴ всех вещей и возвращается к нему же. Оно направляет переплавку миллиардов форм и движет по кругу четырежды-семь созвездий⁵. Оно, как мастер, то творит хаос, то обуздывает его своим духовным механизмом⁶. Вдыхает-выдыхает четыре вида пневмы⁷, в тайне все покоит и затопляет все своим всеобъемлющим безмолвием. В спокойствии оно раскрывается и в ясности своей все лелеет.

Оно опускает вниз все мутное и поднимает вверх все чистое. Оно соразмерно рекам Хуанхэ и Вэйхэ⁸; сколько

ни добавляй в него — оно не переполнится, сколько ни черпай из него — оно не истощится. Когда оно дающее получает, то нет ему от этого прироста; когда же нечто отнимают у него, то оно не терпит ущерба. Поэтому там, где это Сокровенное присутствует, радость не имеет границ, а там, откуда это Сокровенное уходит, сосуды жизни оскудевают и дух гибнет⁹.

Известно, что пять нот и восемь звуков, чистые напевы шан, текучие напевы чи губят ясность ума. Пестрота благоухающих цветов и изысканная роскошь ранят просветленность. Безделье, праздность, леность, пьянящие напитки, молодое ароматное вино смущают природную сущность человека. Изящная внешность и привлекательная лстивость, кокетливость, пудра и белила атакуют жизнь.

Только Сокровенное Дао-Пути может даровать вечность.

Не ведающие Сокровенного Дао-Пути, хотя даже и глядят искоса на убивающие жизнь и дух орудия, тем не менее своими губами касаются сути расцвета или гибели вещей.

В павильонах и башнях благоволят к «облаку и дождю»¹⁰, роскошным покоем яркие цветы придают изысканную небрежность, тяжелые занавеси из шелка сливаются друг с другом, подобно туманной дымке, а воздушные пологи расходятся, подобно облакам курящихся благовоний. Красавицы, подобные Си Ши и Мао Цян¹¹, ласкают взгляд в разукрашенных палатах. Здесь и там блистают друг друга ярче великолепные золотые кубки, и ровное пение струн наполняет все пространство. В танцах царства Чжэн змеятся во множестве цветные шелка, а скорбный голос свирели встречает зарождение зари. Перья плывут по водной глади, а люди собирают прекрасные цветы в орхидеевых садах и любят красными соцветиями, растущими в прудах, изобилующих жемчугом. Люди поднимаются на кручи горные и глядят вдаль, забывая все свои горести. Они приближаются к пучинам водным и согласны забыть даже об утреннем голоде. То они вступают в безделье и праздность тысячи ворот своих жилищ, то мчатся прочь, правя киноварно-красными колесницами.

Так предельная радость сменяется скорбью, а совершенное довольство порождает неудовлетворенность и ущерб-

ность. Поэтому когда песня кончается, приходит печаль, и когда спокойствие уходит, тогда сердце наполняется тревогой. И одно связано с другим так же, как тень с телом и эхо с голосом. Такое поведение сопряжено с тем, что прозрачно и иллюзорно, а потому чревато пустотой и разочарованием.

Ведь если говорить о Сокровенном Дао-Пути, то обретают его внутри, а блюдут его вовне. Используя его одухотворен, а забываящий о нем овеществлен¹². Вот такая мысль о Сокровенном Дао-Пути должна быть высказана!

Обретший его благороден и не нуждается в мощи алебард и секир. Проникшийся им богат и не нуждается в трудно обретаемых вещах.

Высоко оно так, что нельзя взойти на высоту его, глубоко оно так, что нельзя измерить его глубину. Оно окружает собой все шесть направлений¹³, и оно поистине безбрежно в обширности своей. Выйдешь из него — и нет верха. Войдешь в него — и нет низа. Пройдешь в него и окажешься прямо во вратах ничему не подвластной и свободной мощи. Странствуешь по нему, словно по просторам загадочно-утонченной красоты, беззаботно скитаешься в смутной и туманной сфере — так об этом можно сказать. Вдыхаешь — и девять цветов возникают на краях облаков, а выдыхаешь — и шесть видов пнeвмы рождаются в киноварно-красной заре. Блуждаешь в мерцании, паришь и кружишь в тончайшем. Бродишь по радуге-арке, блуждаешь по звездам Большой Медведицы. Вот каков обретший его!

Ему уступает только тот, кто знает, как удовлетвориться малым¹⁴. Тот, кто знает, как удовлетвориться малым, может скрываться в уединении и без усилий совершенствоваться в горных лесах. Он простирает свои крылья дракона и феникса над ничтожными козявками и питает свою безбрежную пнeвму¹⁵ в зарослях полыни и лозняка. Одежду он носит простую, неподрубленную, но не променяет ее на всю роскошь драконовых узоров. Идет он, опираясь на истертый посох, но и не помыслит заменить его колесницей, запряженной четверкой лошадей.

Он оставляет драгоценный камень «сияющий в ночи»¹⁶ лежать в пещере горного пика, и из-за него не происходит

стычек на других горах. Он оставляет черепаший панцири в водной пучине и тем избавляет их от беды быть просверленными и обработанными.

Идет он или же отдыхает, он одинаково хорошо знает, где надо останавливаться, и куда бы он ни пришел, везде он чувствует себя удовлетворенным. Он отбросил величие и грандиозность дворцовых наслаждений и научился избегать опасных дорог, на которых переворачиваются колесницы. Он вздыхает и стонет среди лазоревых скал, и все мириады вещей для него как бы превращаются в пыль и прах.

Он останавливается отдохнуть под раскидистыми ветвями дерева, и красные ворота богатых домов для него не отличаются от висящей на веревке двери дома бедняка. Он пашет на поле, и знаки военной и гражданской власти для него не более, чем плеть для слуг и рабов. Его напиток — простая родниковая вода, а его еда — лебеда и ботва гороха, пища домашнего скота. На досуге он премного радуется недеянию, для него равны и благородные, и презренные, поскольку ему чужд дух соперничества. Он таит в себе чистоту-добро и хранит Первозданную Простоту¹⁷, не знает ни страстей, ни горестей и является пустым сосудом совершенной истины¹⁸. Его жизнь равна и проста, его привычки чисты и пресны¹⁹. Он все объемлет в безбрежности своего духа и тождествен превечному Хаосу²⁰ своей естественностью.

Исполинский и огромный, безбрежный и всеохватный, он находится в полном соответствии процессу вселенских перемен. Его дух подобен тьме и подобен свету, подобен мутному и подобен чистому²¹. Кажется, что он отстает, но он перегоняет; кажется, что он ущербен, но он совершенно целостен.

Он не откажется от своего положения ремесленника ради почетной обязанности заменять покойника на траурной церемонии²² или произносить жертвенные молитвословия. Но он не откажется и оставить ритуальные кубки и чаши для того, чтобы идти на кухню помогать не знающему своего дела повару²³. Не отложит он и тушь с веревкой ради помощи в работе, из-за которой можно повредить руки. И ради скудного пропитания — смердящих крыс²⁴ — он не согласится поменять свою жизнь на радости и горести по-

средственностей. Мудреца не притягивает слава обывателей, равнина не боится ударов молнии.

Нельзя во внешних вещах потопить возвышенный дух и нельзя ни выгодой, ни насилием осквернить его незапятнанную чистоту. Поэтому вершин счастья и наивеличайшего богатства мало, чтобы совратить его. Острого клинка и кипящего котла мало, чтобы принудить его. Так неужели же он станет скорбеть из-за клеветы и злословия? Никогда его сердце не смущается тем, что смущает толпу, и никогда никакие вещи не могли привести его в замешательство. Ведь пытаться это — все равно что суйскую жемчужину метать в воробьев, лизать циньский геморрой, чтобы оказаться владельцем колесницы, подниматься на Сюминь за гнездами, плавать в Люйляне и ловить там рыбу²⁵, по утрам быть желанным гостем, а по вечерам — негодным обедком для лис и птиц.

Когда котел падает с палки, на которой он висит, и опрокидывается, то вылившееся уже не подобрать. Но именно из-за этого ведь мирские люди мчатся наперегонки в колесницах, хотя у достигших своей цели холодеет сердце и их охватывают разочарование и грусть.

Поэтому совершенные мужи отказываются от изысканных мелодий шао и ся и отбрасывают прочь тонкие роскошные ткани. Они расправляют свои шесть крыл на пустоши у Пяти Стен²⁶, и им не приходится беспокоить затаившихся в тростнике охотников²⁷. Они прячут свои рога и чешую²⁸ в неиспользуемых землях и не нуждаются в защите извилистых пещер. Они взирают вниз — и нет клекота хищных птиц, смотрят вверх — и нет раскаяния возгордившегося!²⁹ Никто из людей даже не подозревает, сколь они недосыгаемы и далеки!»

Примечания

1 Наличие (ю) — мир оформленной телесности, вещей-явлений в отличие от предбытийного неоформленного состояния Вселенной (у).

2 Согласно традиционной китайской космологической символике, Небо имеет круглую форму, а Земля — квадратную. Отсюда образы циркуля и угольника как метафоры Неба и Земли. Что касается Дао-Пути как высшего принципа и первоначала мира, то оно не

имеет никакой формы и, будучи источником как Неба, так и Земли, тем не менее несводимо к ним.

³ Изначальное Одно (*юань и*) — синоним изначальной пнэмы (*юань ци*) — тончайшей недифференцированной энергетической субстанции, образующей субстрат всего сущего.

⁴ Великое Начало (*да ши, тай ши*) — ступень разворачивания изначальной пнэмы, предполагающая первое появление оформленной телесности.

⁵ Двадцать восемь основных созвездий (по семь в каждом из четырех секторов неба) традиционной китайской астрономии.

⁶ Духовный механизм (*лин ци*) — имеется в виду Дао-Путь как стержень и пружина всего сущего.

⁷ Четыре вида пнэмы (*сы ци*) — жизненные энергии или «эфир» четырех времен года.

⁸ Реки Хуанхэ и Вэйхэ (приток Хуанхэ) стали символом противоположностей, аналогичных *инь* и *ян*: вода в реке Хуанхэ всегда мутная и глинистая, а в Вэйхэ — чистая и прозрачная.

⁹ Здесь имеется в виду характерная для китайской мысли оппозиция «дух (*шэнь*) — сосуд (*ци*)», часто применяемая к обозначению отношения «дух—тело».

¹⁰ «Облако и дождь» — в Китае одна из наиболее распространенных метафор любовных утех, восходящая к оде поэта III в. до н.э. Сун Юя, рассказывающей о том, как к чускому царю являлась его любовница-фея в образе облака и дождя. Однако не исключено, что здесь вместо иероглифов «юнь юй» должны стоять иероглифы «юнь хань» — «Облачная река», то есть Млечный Путь. В таком случае с Млечным Путем сравниваются драгоценные ткани и легчайшие занавеси и драпировки дворцов знати.

¹¹ Си Ши и Мао Цян — легендарные красавицы Древнего Китая. Си Ши жила в эпоху Чунь-цю (VIII—V вв. до н.э.) в княжестве Юэ. Мао Цян была любимой наложницей юэского правителя.

¹² Здесь вновь появляется мотив оппозиции «дух—сосуд» (см. коммент. 9). Следующий Дао-Пути одухотворяется, отступающий от него уподобляется неодушевленным вещам.

¹³ Имеются в виду четыре основных направления, верх и низ.

¹⁴ Букв.: «знающий, чего ему достаточно» (*чжи цзу*). Выражение часто встречается в «Дао-Дэ цзине».

¹⁵ Питать безбрежную пнэму (*ян хао жань чжи ци*) — выражение восходит к конфуцианскому философу IV—III вв. до н.э. Мэн-цзы, который придавал особое значение самоусовершенствованию и самопознанию, тождественному познанию Неба. В даосском контексте это выражение приобретает связь с даосскими методами дыхательных упражнений и другими методами пестования энергетики человеческого организма.

¹⁶ Название особенно редкого драгоценного камня, видимо особого рода нефрита. «Планы борющихся царств» («Чжань-го цэ») повествуют, что некогда такой камень царь Чу подарил царю Цинь.

17 Первозданная Простота (*пу*) — очень важное понятие даосской мысли, этимологически: «необработанный кусок дерева, чурбан». Обозначает простоту, скромность и безыскусственность мудреца, следующего природе в ее естественности. Прозвище Гэ Хуна (Баопу-цзы, то есть Мудрец, Объемлющий Первозданную Простоту) также восходит к этому понятию. Оно было дано Гэ Хуну из-за его скромности, воздержанности и неприязнательности.

18 Пустой сосуд совершенной истины (*цзоань чжэнь сюй цзи*) — метафора полной отрешенности отшельника от мирских страстей и желаний, позволяющей ему вместить в себя всеобъемлющее, но столь же пустотное Дао-Путь.

19 Чистота и преснота (*дань*) — синоним даосской простоты и безмятежного покоя; это понятие стало также важной эстетической категорией, обозначающей классическую строгость и прозрачность художественного произведения.

20 Хаос (*хунь*) — первозданное состояние мира, не разделенное еще на противоположности.

21 Ср. коммент. 8. Здесь говорится о том, что мудрец воссоединяет в себе такие противоположности, как *инь* и *ян*, будучи целостным и всеобъемлющим.

22 Речь идет о древнем обычае, согласно которому во время совершения погребального ритуала один из родственников (обычно сын) изображал самого покойного (ср. гл. 1 «Чжуан-цзы»).

23 То есть человек не должен пренебрегать своими обязанностями ради обязанностей другого рода и другого лица. Образ восходит к гл. 1 даосского трактата «Чжуан-цзы», называющейся «Беззаботное блуждание».

24 Образ, также позаимствованный в «Чжуан-цзы» (гл. «Осенние воды»): подобно тому как великий Феникс не прельстится дохой крысой, найденной совой, так и мудрец не променяет покой уединения на мирскую суету служебной карьеры чиновника-конфуцианца.

25 Здесь используются образы из различных мест «Чжуан-цзы». Их смысл примерно одинаков: все будет смеяться, если человек будет использовать драгоценный камень для стрельбы по воробьям; недостойно подхалимство врача, который, вместо того чтобы лечить геморрой циньского царя, вылизал его и за это был награжден колесницами; только глупец будет ловить рыб в бушующих пучинах и водоворотах реки в местечке Люйлян, ибо рыбы там просто не живут.

26 Пять Стен (*У чэн*) — название стен, ограждающих резиденцию бессмертных на мифической мировой горе Куньлунь, расположенной на западе.

27 Выражение, восходящее к даосскому трактату II в. до н.э. «Хуайнань-цзы», написанному по заказу и при участии удельного царя Хуайнани по имени Лю Ань. Смысл выражения таков: мудрец не придает значения клевете и поношениям.

28 Здесь даосский мудрец сравнивается с драконом, символом мощи и величия. Мудрец обладает этими «драконовыми» качествами, но не являет их профанам.

29 Намек на фразу из «Канона Перемен» («И цзин»), гексаграмма 1, «Цянь» (Небо): «Наверху девятка. Возгордившийся дракон. Раскайание». Выше речь шла о норах, соответствующих извилистому телу дракона. Фраза о «клекоте хищных птиц» вновь намекает на притчу «Чжуан-цзы» о Фениксе, сове и дохлой крысе (см. коммент. 24) и говорит об отсутствии у даосского мудреца зависти от носительно сомнительных благ мирского процветания.

ГЛАВА 2

Рассуждения о бессмертных

Некто спросил: «Как же можно поверить в то, что святые-бессмертные живут вечно и не умирают?»

Баопу-цзы ответил: «Даже обладая наиострейшим зрением, нельзя увидеть все возможные в мире предметы. Даже обладая самым чутким слухом, нельзя услышать все возможные в мире звуки. Даже если у нас такие ноги, как у Да-чжана и Шу-хая¹, то все равно, сколько бы мы ни обошли земель, не пройденных нами останется больше. Даже если мы наделены такой же мудростью, как у Юя, И и Ци Се², то все равно не познанного нами будет больше, чем познанного. Все сущее беспрестанно изменяется и трансформируется³, и чего только нет в мире, а уж тем более это справедливо относительно святых-бессмертных, сведения о которых переполняют летописи на бамбуке и шелке. Так почему бы не существовать и пути обретения бессмертия?»

Тогда спрашивавший громко рассмеялся и сказал: «Раз есть начало, обязательно должен быть и конец. Раз есть существование, обязательно должна быть и гибель. Поэтому совершенные мудрецы — Три Августейших, Пять Императоров, Конфуций и Чжоу-гун, равно как и мудрые Хоу-цзи, Шули-цзы, Чжан Лян и Чэнь Пин, искусные в споре Дуаньму Ци, Янь Ин, Суй Хэ и Ли И-ци, храбрецы Мэн Бэнь, Ся Юй и У Дин — все они умерли⁴. Таков

неизменный принцип человеческого существования, предполагающий неотвратимую кончину.

Я знаю, что вначале выпадает иней, а потом следует всеобщее увядание; когда наступает лето, растительность утрачивает свою свежесть; когда созревает урожай, то не бывает цветения; когда плоды вот-вот созреют, листва засыхает. Но я не знаю, чтобы кто-нибудь прожил десять тысяч лет или смог бы насладиться вечным видением, не имеющим конца.

Поэтому древние не стремились стать бессмертными и не говорили о необычайном. Всему сверхъестественному ими сразу же полагался конец, и только естественное бережно сохранялось. Понимая, что черепахи и аисты существа иного рода⁵, нежели мы, древние смотрели на рождение и смерть как на утро и вечер.

Утруждать свое сердце, стремясь к недостижимому, делать бесполезные дела, подобные гравировке по льду и резьбе по гнилому дереву, — такая работа никогда не будет успешной.

Разве не лучше разрабатывать планы для совершенствования своей эпохи и стремиться к успешному завершению текущего года? Разве не прекрасно иметь пурпурные и зеленые украшения, обвивающие упряжку „сокровенных самцов“⁶, подобных драконам, и ездить на разукрашенной колеснице вместо того, чтобы ходить пешком?! Разве не лучше совершать жертвенные возлияния из ритуального сосуда, чем заниматься пахотой в поле?!

Всякий думает о словах поэта, воспевающих сельскую жизнь и ее праздники⁷, но я также глубоко вдумываюсь в слова Чжун-ни⁸ о неизбежности смерти.

С другой стороны, рука недеяния схватывает только ветер, тень, которую вряд ли можно ухватить. Такой человек стремится к тому, чего нельзя достичь, и ведет по дорогам, уходящим исключительно в никуда. Он отбрасывает славу и процветание и устремляется к горестям и трудностям, не удовлетворяется легким и гонится за тяжелым. Он похож на мужчину, заигрывающего с одной женщиной у тутового дерева и потом раскаивающегося, что из-за своего легкомыслия он потерял сразу обеих⁹. Шань Бао и Чжан И¹⁰

надеялись на успех в своих односторонних действиях, но один потерпел поражение из-за внешней причины, а другой — из-за внутренней.

Даже Гуншу Бань и Мо Ди не могут заточить кирпичи и камни до тонкости иглы, и даже Оу Е не может из свинца или олова создать меч Ганьцзян¹¹. Поэтому даже демоны и духи не могут сделать то, чего сделать нельзя. И даже Небо и Земля не могут совершить то, чего нельзя совершить. Посему откуда же взяться в мире чудесному способу, благодаря которому старец сможет помолодеть, а мертвец — воскреснуть?

А вы, сударь, хотите продлить на века жизнь цикады и дать возможность грибу-однодневке прожить несколько месяцев! Разве это не заблуждение?! Если некто хочет что-нибудь добавить к идеям девяти школ¹², то он скоро будет вынужден понять свою ошибку и вернуться к этим идеям!»

Баопу-цзы ответил: «Если человек потерял слух, то ему не услышать даже удара грома. Если человек утратил зрение, то ему не увидеть даже сияния трех источников света¹³. Не скажете же вы из-за этого, что грохот и звон подобны шепоту, а сияние небес тускло? Глухой уверяет, что никаких звуков вовсе не существует, а слепой утверждает, что нет никаких воспринимаемых зрением вещей. Что уж тут говорить об их способности наслаждаться гармоничными звуками флейт и струн или изысканными очертаниями силуэтов гор, изгибающихся, подобно дракону? Как же им оценить изящество рифм или блеск и великолепие украшений и узоров? Поэтому если глухие и слепые таковы в отношении предметов, наделенных оформленной телесностью, и не верят в изобилие земли и мрак небес, то не будут ли они еще меньше верить в гораздо более таинственное и утонченное? Когда помрачение находит на дух сердца человека, то он готов не верить даже в то, что некогда жили Чжоу-гун и Конфуций, не говоря уж о пути святых-бессмертных.

Ведь существование и гибель, конец и начало действительно являются общей нормой. Однако необходимо рассматривать не только общее, но и особенное, понимать, что тождественно, а что и отлично, ибо в мире происходят

мириады трансформаций и он без меры полон удивительным и чудесным. То, что справедливо относительно одних вещей, ложно относительно других. Корень может соответствовать норме, а верхушка быть в несогласии с ней, и нельзя ко всему подходить с одной меркой.

Действительно, говорящих, что если есть начало, то обязательно должен быть и конец, очень много. Однако нельзя на этом основании смешивать все в одну кучу и приравнивать одно к другому, ибо это не есть всеобъемлющий принцип.

Например, летом все растения растут, но пастушья сумка и злаки засыхают. Зимой листва со всех деревьев опадает, но бамбук и кипарис пышно зеленеют. Если есть начало, то непременно должен быть и конец, но существование Неба и Земли ничем не ограничено. Раз родился, то умрешь, но черепахи и аисты наслаждаются вечным долголетием. Если сила *ян* находится в расцвете, то должна стоять жара, но лето никогда не обходится без прохладных дней. Если сила *инь* достигла высшей точки созревания, то должны стоять холода, однако даже в самые суровые зимы бывают оттепели. Все реки текут на восток, но среди них есть и такие, что устремляют свой бег на север. Путь Кунь-Земли — предельный покой, однако случается и такое, что она трясется от подземного грома и раскалывается. Вода по своей природе чиста и студена, но существуют же ведь и горячие ключи в Вэньгу — теплой долине¹⁴. Огонь по своей субстанции жгуч, однако на холме Сяоцю¹⁵ горит холодное пламя. Тяжелое по своей природе должно тонуть, но в южном море бывают плавающие горы. Легкое должно плавать по поверхности, но в Цанкэ¹⁶ есть река, в которой тонут и перья.

Все сущее многообразно, и его нельзя описать, опираясь лишь на один принцип. И это так с изначальных времен.

Среди живых существ нет ни одного, которое могло бы по одухотворенности превзойти человека. Будучи существом благородной природы, люди, казалось бы, должны быть равны и одинаковы. Но в действительности среди людей бывают мудрые и глупые, порочные и добродетельные, красивые и уродливые, высокие и низкорослые, чис-

тые и нечистые, нравственные и развратные, медлительные и напряженные, флегматичные и нетерпеливые, ленивые и деятельные — по тому, что они предпочитают и чего желают их уши и глаза, все люди не одинаковы, точно так же, как не одинаковы Небо и Земля, как разнятся между собой лед и уголь. Стоит ли после этого дивиться, что бессмертные, в отличие от обычных людей, не умирают?

Если же сказать, что все существа получают единую пневму и поэтому должны быть одинаковыми, то как же тогда объяснить, что фазаны превращаются в моллюсков¹⁷, воробьи превращаются в устриц¹⁸, земляные черви получают крылья, речные лягушки начинают летать, водяные моллюски превращаются в стрекоз, жухлые травы — в многоножек, полевые мыши — в жаворонков, гнилая трава — в светлячков, кайманы — в тигров, змей — в драконов?¹⁹

Если же сказать, что человек наделен истинной природой, отличной от природы других существ и дарованной ему велением Августейшего Неба, и поэтому с ней не может происходить ничего подобного, то как же могло быть так, что Ню Ай превратился в тигра, старуха из Чу — в черепаху, Чжи-ли — в иву, женщина из Цинь — в камень?²⁰ Как же случается такое, что мертвые вновь оживают, мужчины и женщины меняются полом? Как становится возможным то, что сын долголетнего Почтенного Пэна умирает в младенчестве?²¹ Если возможны такие различия, то какие же границы мы определим для этих странностей?

Если бессмертный, который лекарственными снадобьями пестует свое тело, магическими способами продлевает свою жизнь, делая так, что внутри не возникают никакие болезни, а извне не приходят никакие беды, то, хотя бы он и наслаждался вечным видением и не умирал, его старое тело не претерпит никаких изменений, и если мы признаем, что этот путь существует, то ничего труднодостижимого здесь не окажется. А скудоумные люди, приверженные вульгарным представлениям и хранящие доверие лишь к обыденному, говорят, что раз никто в мире не видел бессмертных, то значит, что в Поднебесной ничего подобного и быть не может. Но разве ссылки на зрение достаточно, чтобы делать такие заявления? В пространстве между Не-

бом и Землей, в необъятности мира, для которой нет ничего внешнего, так велико многообразие удивительного, что разве можно установить для него какие-нибудь пределы? До самой старости мы ходим под небосводом, но не знаем, что над ним, до самой смерти мы ступаем по земле, но не ведаем, что под ней. Наше тело — наше непосредственное обладание, но почему присущие ему воля и сознание таковы, каковы они есть, мы не знаем. Предопределенность нашего долголетия скрыта в нас самих, но чем определяется его возможность, мы не знаем. А тем более что уж говорить о возвышенно удаленном принципе святых-бессмертных, сокровенном мраке Дао-Пути и его Благой Силы-Дэ! Разве не печально, что люди берутся судить о существовании и несуществовании тонкого и таинственного, опираясь на ограниченные возможности своих слуха и зрения?

Представим себе, что некий мудрый и талантливый человек избегает суеты и чиновной карьеры, скрывает свет своей личности и утаивает свои достоинства, отклоняет всякую фальшь и уходит от страстей, придерживается великой простоты в чистоте совершенства, бросает верхушки, свершая деяние за пределами мира устремлений толпы. Очень редко кто-либо из современников сможет оценить такого человека и распознать его, ибо не предполагается, что великая воля может прозябать в безвестности, а высокий дух — обитать в жалком теле. А тем более это касается бессмертных, ходящих иными стезями, считающих и богатство, и знатность бедствием, блеск и славу — помоями и грязью, сытость и наслаждения — бедой и прахом и всякое восхваление — утренней росой. Ведь бессмертные вступают в бушующее пламя и не обжигаются, легкими стопами ступают по темным волнам, парят в бесконечной пустоте пространства, мчатся на ветре, плывут на облаках, взмывают ввысь и достигают Пурпурного Предела, обретая жилище в палатах Куньлуна²². Как же люди, подобные ходячим трупам, могут увидеть их?

Когда же они решают повеселиться и появляются среди людей, то они скрывают свою истинную природу и прячут свою необычность и внешне не отличаются от простых, заурядных людей. В таком случае даже идущие плечом к

плечу с ними или соревнующиеся в силе с ними разве смогут догадаться, кто они такие на самом деле? Их можно опознать только, если у них такие же квадратные зрачки, как у Цзяо Сяня, или уши, растущие прямо из макушки головы, как у Ан Шу, или если они, подобно Ма Хуану, ездят верхом на драконе, или, словно Цзы Цзинь, летают на белом аисте²³. Они также могут быть покрыты чешуей или иметь тело змей. Их можно также узнать, если они едут в золотой колеснице, облеченные в одеяния из перьев. Если же никаких подобных признаков нет, то как же, не имея ясновидящего ока, можно распознать их суть, как же, не имея чудесного слуха, можно опознать их голос? А ныне люди вообще не верят в бессмертных, клеветают на них и поносят веру. Поэтому истинные люди²⁴ разгневались на них и скрылись окончательно от мира.

То, что заурядные люди любят, мужи высших способностей ненавидят. То, что вульгарная толпа ценит, совершенные мужи презирают. Подобно тому, как наделенные талантом ученые и высокостойные конфуцианцы питают свою безбрежную пневму²⁵ и не испытывают никакой радости от созерцания презренных людишек „ветра и пыли“²⁶, святые-бессмертные также разве будут стремиться к тому, чтобы существа, по своей сути подобные соломенной собаке²⁷, точно знали об их существовании? Чего же удивляться тому, что мы ничего о них не знаем?

С расстояния в сто шагов глаза не могут ясно различать предметы, и если мы захотим считать существующим только то, что мы видим, то в Поднебесной окажется слишком много не существующего. Это все равно что пальцем измерять глубину моря и считать, что глубина в палец и является предельной, или на основании срока жизни поденки судить о возрасте черепахи, или одним днем мерить срок жизни дерева чунь²⁸. Разве, используя такие мерки, можно добиться успеха?

Вэйский император Вэнь-ди²⁹ исчерпал все возможные способы получить знание, прочитав все книги и выслушав все наставления, и даже сам говорил про себя, что нет ни одной вещи, которая осталась бы ему неизвестной. Так, он говорил, что в Поднебесной нет такого ножа, который мог

бы разрезать нефрит, и нет такой ткани, которую можно было бы чистить огнем³⁰. В написанном им трактате „Основные суждения“³¹ он так это и утверждал. Однако через некоторое время и то и другое было ему доставлено. Государь высказал сожаление относительно своего заблуждения и подверг осуждению свое собственное сочинение. Это свидетельствует о том, что, не имея к тому оснований, нельзя категорически отрицать что-либо.

Чэньский царь Сы³² в своем сочинении „О разъяснении сомнительного“ писал: „Вначале я считал, что даосские искусства обязаны своей славе лишь пустой и лживой болтовне глупцов из простонародья. Однако позже я увидел, как император У проверял Цзо Цы³³ и других даосов, приказав им ничего не есть в течение месяца. Несмотря на это, их внешность не изменилась и вес не уменьшился, а жизненная сила оставалась прежней. При этом они говорили, что могли бы ничего не есть пятьдесят лет. Какие же сомнения могли у меня оставаться после этого?“ И еще он писал: „Гань Ши было приказано положить снадобье в рот живым рыбам, а потом поджарить их в кипящем жире. Рыбы, которым не дали снадобье, изжарились, и их можно было есть, а рыбы, заглотившие снадобье, весь день резвились и играли в кипящем жире, как если бы они были в воде“. И так далее: „Кроме того, он смешивал порошок снадобья с тузовыми листьями и скормливал их гусеницам шелкопряда. Благодаря этому гусеницы не старели до десятого месяца³⁴. Кроме того, он давал снадобье, останавливающее рост, цыплятам и новорожденным щенкам, и они больше совсем не росли. Он также давал возвращающее белизну снадобье белой собаке, и через сто дней ее шерсть переставала чернеть. После всего этого я понял, что нельзя до конца познать все явления Поднебесной и судить о них, основываясь лишь на принятом мнении. Что же касается меня самого, то я, к сожалению, не могу отказаться от удовольствий, доставляемых звуками и красками, и сосредоточить свой ум исключительно на изучении пути продления жизни, вот и все“.

Эти два представителя рода Цао учились так много, что не осталось ни одной не прочитанной ими книги, став

блистательными мужами своей эпохи. Однако то, что они вначале считали не существующим, позднее оказалось существующим. Тогда они исчерпывающе познали принципы и всецело проникли в суть природы, высказав сожаление относительно своих прежних заблуждений. Стоит ли удивляться, что люди, уступающие им, не верят в святых-бессмертных?!

Лю Сян³⁵ был широко образован, изучил все самое тонкое и то, что тоньше тонкого, проник в глубокое, постиг удаленное. Его мышление четко отличало истинное от ложного, он всегда стремился точно удостовериться, существует или же нет то или иное явление. Тем не менее он составил „Жизнеописания бессмертных“³⁶, в которых описал жизнь более семидесяти бессмертных. Если бы ничего такого в действительности не было, разве стал бы Лю Сян сочинять небылицы? Разве мы можем непосредственно видеть то, что происходило в глубокой древности? Поэтому мы вынуждены полагаться на записи, хроники, услышанные предания. То, что описано в „Жизнеописаниях бессмертных“, конечно же, было в действительности, однако мирские люди совсем не верят тому, что не вышло прямо из ворот Чжоу-гуна или не прошло через руки Конфуция. Но если бы это было так, то все написанное древними историками следовало бы считать ложью, почему же, не поступая подобным образом, делать исключение только для сообщений о бессмертных?

Заурядные люди жадны до хвалы и стремления к выгоде, и гонясь за славой и выгодой, они и людей отдаленного прошлого мерят своей меркой и вовсе не верят, что в древности были императоры и цари, добровольно отказавшиеся от престола, или мужи, презревшие должности сановников и министров. Для них неправдоподобны и такие люди, как Чао-фу и Сюй Ю, как Лао Лай и Чжуан Чжоу³⁷. Что уж тут говорить о святых-бессмертных, узнать о которых гораздо труднее! Разве можно ждать, чтобы современные люди поверили в них! И остается только сожалеть, что столь многие говорят, что Лю Сян не был совершенномудрым и поэтому его сочинениям нельзя доверять. Ведь и летописцы царства Лу³⁸ не могли с Небом и Зем-

лей объединить свою Благую Силу-Дэ³⁹, а Чжун-ни, однако же, опирался на их труды, составляя свой канон. И Цзы-чжан не мог с сиянием солнца и луны сравнить свет своего разума, но Ян Сюн⁴⁰ тем не менее утверждает, что его творение — запись подлинных фактов. Почему же в таком случае надо столь бесцеремонно отбрасывать авторитет Лю Сяна, который был знаменитым конфуцианцем и мудрецом ханьской эпохи?

Что бессмертным можно стать, а жизнь можно продлить, простые мирские люди не верят только из-за того, что циньский Шихуан и ханьский У-ди⁴¹ стремились к этому, но ничего не достигли, а старания Шао-цзюня и Луань Да⁴² оказались напрасными. Но не все ли это равно, что утверждать: коль скоро Цянь Лоу и Юань Сянь были бедны, то в древности не было и таких богачей, как Тао Чжу и И Дунь?⁴³ Или что раз У Янь и Су Лю были уродливы, то в древности не было и таких красавиц, как Нань Вэй и Си Ши?⁴⁴

Бывает так, что человек, отправляющийся в путь, не достигает места назначения. Бывает так, что часть посеянных злаков не дает урожая. Бывает так, что некоторые купцы не получают прибыли. Бывает так, что применение оружия не приводит к совершению подвига. А тем более это справедливо относительно стремления стать бессмертным, ибо дело это весьма трудное. Так почему же все приступившие к нему должны непременно достичь успеха?! Возможно, что эти два государя и двое подданных искали бессмертия, но не обрели его из-за того, что вначале были усердны, а потом ленивы, или же из-за того, что они не встретили мудрого учителя. Разве их неудачи оправдывают утверждение, что в Поднебесной нет бессмертных?

Ведь поиски продления жизни, совершенствование в стремлении к высшему Дао-Пути предполагают наличие силы воли, а не богатства и знатности. Если человек не таков, то высокое положение и большое богатство составят для него серьезную обузу. Почему это так? Способы обучения искусству бессмертных предполагают стремление к спокойствию и умиротворению, чистому и пресному, к очищению и избавлению от страстей, к внутреннему видению и обратному слушанию⁴⁵, а также к отшельнической

жизни в безусловном созерцании. А императоры и цари несут груз тяжелой ответственности за всю Поднебесную, тяжелой дланью осуществляют дела правления, изнуряют душу и мысли мириадами планов, своим духом носятся по всей Вселенной, и если допущена хоть одна ошибка, то весь монарший путь нарушается, а провинности народа, в свою очередь, позорят государей. Крепкие вина вредят гармонии их пневм, изысканная внешность придворных красавиц губит их жизненные корни. Из-за всего этого их сперматическая эссенция⁴⁶ уменьшается, сила мысли ослабевает, равновесие и чистота разрушаются. Однако здесь не место рассуждать об этом с исчерпывающими подробностями. Когда москиты кусают нас, мы не можем спокойно сидеть, когда множество вшей беспокоят нас, мы не можем мирно спать. А разве дела всего пространства меж Четырех морей⁴⁷ не гораздо докучливее этих тварей?

Как же государи при этом могут скрывать свою мудрость-прозорливость, сдерживать дыхание, соблюдать долгие посты и длительные омовения, лично следить за огнем в алхимической печи, вставать на рассвете и засыпать с закатом, чтобы сублимировать энергию восьми минералов?⁴⁸

Ханьский У-ди потому правил государством так долго, что получил малую толику пользы от своих занятий по пестованию природной сущности. Однако малая толика восполнения не может превозмочь пудов растраты, как не могла помочь делу канава Вэйлюй⁴⁹.

Способы обретения бессмертия предполагают покой и безмолвие, недеяние, забвение собственной плоти, а правители людей оглушают себя гулом тысяченудовых колоколов, оглушают себя боем громоподобных барабанов, чей грохот и звон приводит в трепет разумные души и будоражит сердце⁵⁰.

Сотни хитроумных умений и мириады постоянно сменяющихся новшеств губят их сперматическую эссенцию и создают помехи слуху. Правители летают с огромной скоростью на легких колесницах, удят рыбу в пучинах водных и сбивают птиц, парящих в вышине небесной.

Способы обретения бессмертия предполагают заботу о всем движущемся и ползающем, не допускают причинения

вреда ни одному дыханию, а правители людей приходят в гнев и ярость, применяют смертоубийства и лютые казни. Когда же императорские секиры опущены, а топоры на какое-то время отложены, тогда трупы устилают землю на тысячу ли, кровь течет потоками, а отрубленные головы не покидают рыночных площадей.

Способы обретения бессмертия предполагают воздержание даже от вдыхания запаха животной плоти, отказ от вкушения злаков и очищение внутренностей, а правители людей едят жирную свинину и губят для своего стола всевозможные живые существа, вкушают восемь драгоценных яств и сотни утонченных соусов, расставляемых перед ними во множестве, поглощают отварное, прожаренное и приправленное, — всем этим они наслаждаются до пресыщения.

Способы обретения бессмертия предполагают распространять заботу на всю ширь восьми сторон света и учат смотреть на других людей, как на самого себя, а правители людей подчиняют себе слабых, нападают на ничего не подозревающих, используют в своих целях смуты, подталкивают противников к гибели, осваивают новые земли, расширяют границы и разрушают родные пенаты и храмы злаков многих людей⁵¹. Они гонят людей, как стадо скота, на смерть, после чего те становятся одинокими неприкаянными душами вдали от своих селений, а их трупы унавоживают дикие пустоши. На пяти священных горах армии с окровавленными клинками, у северного портала дворца вывешены головы казненных ферганцев⁵². То живьем закапывают пленных, причем гибнет несколько сотен тысяч человек, то горы трупов громоздятся до небес в виду столицы. Побелевшие на солнце кости торчат из земли, как растущая трава; ими покрыты горы, ими завалены долины.

Цинь Ши-хуан изгнал девять человек из десяти из числа своих родственников, думая, что они замышляют бунт. Ханьский У-ди поверг всю Поднебесную в горестные стоны и сократил население государства наполовину. Так и бывает, когда молятся о преумножении, а проклятиями достигают истощения. Если духи загубленных мо-

гут воздавать за добро, зная людские добродетели, то эти пустые жертвоприношения должны непременно разгневать их.

Все страсти и похоти терзали внутренности этих владык, а люди и демоны равно ненавидели их. Поэтому эти два государя хотя и имеют репутацию любителей бессмертных, однако в действительности они не практиковали их путь, они знали лишь ничтожные дела и вовсе не могли осуществить свое стремление к бессмертию. Они не слышали насущнейших тайно-сокровенных и глубочайших наставлений, не имели обладающего Дао-Путем учителя, который мог бы вместе с ними изготовить снадобье обретения бессмертия. А значит, тому, что они не обрели долгой жизни, отнюдь не стоит удивляться.

Я самый простой человек, испытывавший много бед и невзгод. Моя семья была столь же бедна, как Чжан Цин⁵³, живший в четырех голых стенах. Мой живот терзался теми же муками голода, как у изголодавшегося бедняги, которого князь Сюань видел у тутового дерева⁵⁴. Зимой я также страдал от голода, как Жун И у задних ворот⁵⁵. Летом я изнемогал от палящих лучей солнца, как Жу Чжун в своей хижине⁵⁶. Когда я захотел уехать подальше от дома, к моим услугам не было ни лодок, ни колесниц. Когда у меня появлялись какие-нибудь замыслы, не находилось никого, кто мог бы освободить меня от физического труда. Возвращаясь домой, я не мог одеться в шелка и атласы, выходя из дому, я не имел возможности насладиться праздными путешествиями. Вкусная еда не попадала в мой рот, красоты „сокровенного и желтого“⁵⁷ не были доступны моим глазам, ароматы и благоухания не улаждали мое обоняние, восемь звуков не ублажали мой слух, но все множество горестей вторгалось в мое сердце, и всевозможные невзгоды посещали мое жилище. Живя в подобных условиях, мог ли я возлюбить что-либо?

Бывало, что я получал важнейшие наставления о Дао-Пути или встречал незаурядного учителя, но я был обязан заботиться о своей почтенной супруге и малых детях. Однако я мечтал об одиночестве на холме, где живут только лисы и зайцы. Постепенно дни моей жизни стали клонить-

ся к закату, с каждым днем и часом незаметно подкрадывались дряхлость и старость. Я знал, что жизнь можно продлить, но не мог заняться этим. Сожалел о трате времени попусту на обывательскую возню из-за вонючей крысы, но не мог отказаться от нее. И почему же? Дело здесь в чувстве привязанности и привычки, от которого нелегко отказаться. Претворение в действительность стремления к отказу от обывательской жизни — плод многотрудных усилий. А насколько это еще вернее относительно тех двух императоров, которые были владыки всего пространства между четырех морей: ведь они наслаждались вовсе не одним взглядом издали на развлечения, а приближенных к ним людей было отнюдь не мало. Ведь даже если им надо было поноститься одну декаду месяца или побыть в уединении несколько дней, то они и этого не могли сделать, что уж тут говорить об отказе от пристрастий ко всему утонченно-изысканному внутри и умаления грандиозности и великолепия вовне. Им было невозможно отказаться от изысканных яств, предметов вожделения, отвернуться от блеска и славы и одиноко удалиться от мира, дабы искать состояния святого-бессмертного в глухих отдаленных местах. Разве могли они исполнить все это? Если посмотреть на исторические свидетельства, то видно, что среди обретших путь бессмертия очень много бедных и нищих мужей, но нет людей, занимавших высокое положение в свете.

Далее, следует отметить, что в действительности знания Луань Да были весьма поверхностны и незначительны. Он лишь алкал богатства и жаждал славы, бесстыдно присваивал чужое имущество и набирал подарки, расхваливал свои бранные и жалкие методы с нахальной наглостью, забывая в своем бездействии о возможных бедах и горестях. Но разве лживости жалкого и презренного человека достаточно, чтобы доказать, что в Поднебесной не бывает святых-бессмертных?!

Некогда Гоу Цзянь указал своим войскам на рассерженную жабу как на образец для подражания, и его бойцы стали соревноваться в хождении по раскаленным углям⁵⁸.

Чуский царь Лин любил тонкие талии, и в его государстве множество людей погибли от голода⁵⁹.

Циский царь Хуань стремился испробовать все редкие яства, и И Я сварил для него его собственного сына⁶⁰.

Сунский государь разрешил некоему человеку довести себя до истощения во время траура, и во многих домах почтительные сыновья дошли до голодной смерти⁶¹.

Короче говоря, чего желает правитель, того не могут не исполнять подданные.

Ханьский У-ди созывал отовсюду магов, оказывал им всевозможные почести и даровал награды. В результате благодаря этому они осмелели и стали выдвигать всяческие необоснованные и пустые притязания. Если бы Луань Да действительно обладал Дао-Путем, разве мог бы он быть казнен?

Ведь обладающий Дао-Путем смотрит на титулы и должности как на котел с кипящей водой, на печати и знаки отличия — как на траурные платья, на золото и нефрит — как на грязь и нечистоты и воспринимает разукрашенные палаты как загон для скота. Будет ли такой человек заискивать перед людьми и пускаться в пустую болтовню, чтобы прославиться? Обладая домом с красными колоннами, получая почетные подарки, владея официальной печатью пяти выгод, получив знатность благодаря браку с принцессой, купающийся в славе и могуществе, не зная никаких ограничений, Луань Да, конечно же, никоим образом не обладал Дао-Путем. Это совершенно ясно.

„Записи о семье Ли Шао-цзюня“, составленные Дун Чжун-шу⁶², сообщают, что Ли Шао-цзюнь обладал способом обретения бессмертия, однако его семья была бедна, и у него не было средств купить необходимые вещества для снадобья. Поэтому он прибыл к ханьскому двору, дабы добыть нужные ему деньги, а когда Дао-Путь был им полностью обретен, он ушел прочь.

Комментарии к сочинению „Деяния, совершенные при дворе Хань“ гласят, что когда Ли Шао-цзюнь собирался уходить, император У-ди увидел сон, что он вместе с ним поднимается на высокую гору Суншань, но на середине пути перед ними предстал посланник, сидящий на драконе

и держащий официальную табличку. Он спустился с облаков и возвестил, что божество Тай-и⁶³ просит Шао-цзюня пожаловать к нему. Когда император пробудился, то он сказал приближенным: его сон означает, что Ли Шао-цзюнь собирается покинуть двор. Через несколько дней Шао-цзюнь заболел и умер. Прошло уже много времени со дня его смерти, когда император приказал открыть гроб. Труп в гробу не было. Там лежали только одежда и шапка Ли Шао-цзюня.

„Канон бессмертных“⁶⁴ гласит: „Мужи высших способностей во плоти возносятся в небесное пространство и именуются небесными бессмертными. Мужи средних способностей странствуют по славным горам⁶⁵ и их именуют земными бессмертными. Мужи низших способностей вначале умирают, а потом сбрасывают с себя тлен; их именуют бессмертными, освободившимися от трупа“. Так вот, Ли Лао-цзюнь и был бессмертным, освободившимся от трупа.

Относительно недавно⁶⁶ Кунь-гун позвал Фэй Чан-фана уйти вместе с ним. И даос Ли И-ци также увел с собой двух учеников⁶⁷. Все считали, что они умерли, и домашние похоронили их. Однако через много лет Чан-фан возвратился домой. Тогда же узнали, что люди видели в Писяне Ли И-ци с его двумя учениками. Тогда люди из всех трех семейств вскрыли их гробы и увидели в каждом из них по бамбуковой палке — посоху, на которых киноварью были начертаны амулеты. Все эти люди тоже были бессмертными, освободившимися от трупа.

Некогда Ван Ман руководствовался „Сводом сведений о погребениях“⁶⁸, дабы осуществить свои преступные замыслы, но это еще не основание для того, чтобы считать всех ученых-конфуцианцев узурпаторами и разбойниками.

Сыма Сянжу игрой на лютне очаровал и соблазнил Вэнь-цзюнь⁶⁹, но это еще не основание, чтобы считать изысканные мелодии главной причиной разврата и непотребства.

Умершие от того, что они подавились пищей, не имеют оснований обвинять Шэнь-пуна, изобретшего культивирование злаков. Погибшие в огне пожара не имеют основа-

ния гневаться на Суй-жэня, открывшего способ добывать огонь трением. Утонувшие не имеют оснований роптать на Ди-сюаня, изобретшего лодки⁷⁰.

Как же тогда можно из-за лжи и порочности Луань Да говорить, что путь обретения бессмертия бесплоден? Ведь это все равно что, ссылаясь на пример беспутных Чжао Гао и Дун Чжо⁷¹, говорить, будто в древности не было таких героев, как И Инь, Чжоу-гун и Хэ Гуан⁷². Это все равно что утверждать, будто поскольку в древности бывали такие негодяи, как Шан Чэнь и Мао Дунь⁷³, то такие образцово сыновнепочтительные мужи, как Бо Ци и Сяо Ци⁷⁴, вовсе не существовали.

В книге „Собрания сведений о святых-бессмертных“⁷⁵ описываются способы призывания духов, изгнания демонов и искусство, позволяющее людям увидеть демонов. Когда заурядные люди слышат об этом, то они говорят, что все это пустая болтовня. Есть ли духи и демоны в Поднебесной, нет ли их — все равно, дескать, ни вызывать, ни изгонять их нельзя. Другие же говорят, что духовидцы, если это мужчины, являются шаманами-си, а если это женщины, то шаманками-у⁷⁶. Однако их способности даны им от природы, и научиться их умению нельзя. Тем не менее в „Истории Хань“ и „Записках господина великого астролога“⁷⁷ рассказывается, как некий человек из Ци по имени Шао-вэн получил от У-ди звание генерала, совершенного в словесности⁷⁸. У-ди скорбел о кончине своей наложницы госпожи Ли, и Шао-вэн сделал так, что У-ди смог увидеть ее как живую. Кроме того, он дал У-ди возможность увидеть Цзао-шэня⁷⁹ — об этом гласят выдающиеся произведения просвещенных историков. Но если магия способна сделать так, чтобы демоны становились видимыми и позволяли людям узреть себя, то почему же невозможно все остальное?

Демоны и духи неоднократно совершали среди людей странные и чудесные поступки, удивительные превращения. И коли уж заурядные люди не верят, что в Поднебесной есть демоны и духи, хотя об этом повествуют каноны и классики, свидетельствующие о многочисленных явлениях демонов и духов, чего уж тут удивляться, что они не

верят в бессмертных, живущих вдали и в выси? Ведь чистые и мутные воды текут разными потоками, и тот, кто вошел в горные обители, не вернется вновь в мир. Откуда же узнать о нем тем, кто еще не обрел Дао-Пути? Мыслители из школ конфуцианцев и моистов знали, что все это нельзя обоснованно объяснить, и потому вовсе не говорили об этом. Не отсюда ли проистекает и неверие заурядных людей? Только познавшие истину, исполнившие множество предписаний и пришедшие к желаемому ими результату знают, что бессмертные, конечно же, существуют. Этого знания каждый должен достичь самостоятельно, и никто к нему не может привести. Поэтому те, кто не видел ни демонов, ни духов и не видел бессмертных, не имеют права на этих основаниях говорить, что в мире нет бессмертных.

Все люди, как мудрые, так и глупые, знают, что в теле есть разумные души-хунь и животные души-по. Когда разумные и животные души начинают отделяться от тела, тогда человек заболевает, а когда они уходят окончательно, тогда человек умирает. В случае первоначального отделения прибегают к помощи оккультистов, у которых есть способы удержания их посредством магических реестров⁸⁰. В случае их окончательного ухода классические ритуальные тексты предписывают обряд призвания⁸¹; это касается сущностей, к нам наиболее близких. Они рождаются вместе с человеком, существуют в нем до самой его кончины, но их тем не менее никто не видел и не слышал. Но разве можно на том основании, что их никто не видел и не слышал, утверждать, что их нет?

Ведь есть примеры того, как демон воздал за доброту в Фуши, как дух Чэн-тана разгневался на Ци, как дух Шэнь Шэна разговаривал с Ху-цзы, как чжоуский Сюань-ван получил воздаяние за содеянное злодеяние от графа Ду, как господин Тэн принял облик черного борова, как Жу И позаимствовал внешность у темной собаки, как дух Гуань Фу избил Тянь Фэня, как Цзы-и нанес удар яньскому Цзяню, как божество Жушоу снизошло на землю в Синь, как божество Луань-хоу поселилось в доме одного простого человека, как Су Цзян излагала пророчества и

апокрифы, как Сяо Сунь писал сочинение, как Божественный Государь глаголил в Шанлине, как лоянское божество служило двору У⁸², — все эти и другие подобные им истории в неисчислимом множестве записаны на бамбуке и шелке. Если все это так, а ничтожные люди тем не менее утверждают, что ничего подобного не бывает, то как уж им поверить в дела продления жизни, о которых так редко слышно в мире! Ведь надеяться, что они поверят в это, все равно что представить себе комара, несущего гору на спине, или колодезную жабу, рассуждающую о море. Заурядные люди никогда не видели драконов, *цилиней* и фениксов⁸³, и поэтому они утверждают, что в Поднебесной нет таких существ. Они считают, что древние просто выдумали этих благовещих тварей, появляющихся как отклик на совершение благих деяний, дабы правители людей неустанно трудились на благо подданных, желая узреть сии драгоценные существа. А тем более трудно заставить людей поверить в то, что существуют бессмертные.

Мирские люди из-за того, что Лю Сяну не удалось изготовить алхимическое золото, утверждают, что он искал неведомое и творил странное, любил передавать пустые слухи, и поэтому составленные им „Жизнеописания бессмертных“ абсолютно ложны и недостоверны. О, сколь это прискорбно! Вот про это и говорят: „Выбросить светильник в чи длиной из-за трещины в фэнь“ или: „Отказаться от драгоценного меча из-за дефекта с гулькин нос“. И тут уж не берутся в расчет ни прозорливость чуского Бянь Хэ, ни понимание подлинности, характерное для Фэн Ху⁸⁴. Вот из-за такого-то отношения предавался печали господин Чжу и вечно тосковал Се Чу⁸⁵. Ведь сведения об изготовлении алхимического золота содержатся в собрании писаний о святых-бессмертных. Удельный царь Хуайнань⁸⁶ отобрал их, чтобы создать свои сочинения „Лебединая драгоценность“ и „Книга из изголовья“. И хотя эти книги существуют, их истинный смысл сохраняется в тайне, и необходимы устные наставления по ходу их чтения; только после них можно достичь успеха. Поскольку в этих текстах сознательно изменены исходные названия упоминающихся там снадобий, нельзя использовать и то, о чем

там говорится, прямо. Отец Лю Сяна по имени Дэ пользовал удельного царя Хуайнани в темнице и там получил его книги, но они вовсе не были переданы ему учителем. Лю Сян совсем не понимал искусства Дао-Пути; он просто читал эти книги и считал, что их смысл полностью выражен в знаках, записанных на бумаге. Поэтому ему и не удалось изготовить золото. То же самое справедливо и относительно „Жизнеописаний бессмертных“, которые были извлечены им из книги циньского сановника Жуань Цана⁸⁷, а частично написаны и по собственным наблюдениям. Потом все это было переписано Лю Сяном, и это не пустая болтовня.

Речи безумцев и песни отроков⁸⁸ были записаны совершенномудрыми, а бывало и так, что они не могли обойтись и без слов сборщиков хвороста. „Мы собираем травы фэн и цзю, даже если и не можем использовать их нижние части“⁸⁹. Можем ли мы сказать, что наши канонические классические тексты бесполезны из-за того, что на сто мыслей там попадает одна ошибка? Можем ли мы отрицать, что Солнце и Луна, эти свисающие с неба образы, являются великими светилами лишь на том основании, что иногда случаются затмения? За пределами нашей страны умеют делать чаши из хрусталя. Чтобы изготовить их, необходимо смешать пять видов золы. Ныне в наших провинциях Цзяо и Гуан⁹⁰ многие также научились этому способу и изготавливают такие же сосуды. Но когда мастера рассказывают об этом несведущим заурядным людям, те не могут поверить этому. Они утверждают, что хрусталь — это природная субстанция, того же рода, что нефрит и прочие минералы. Если это так, то насколько же труднее заурядным людям поверить, что существует способ изготовления искусственного золота, несмотря на то что в мире, к счастью, есть и золото природное. Глупцы не верят в то, что „желтая киноварь“ и „порошок-ху“ сделаны из свинца благодаря превращениям последнего⁹¹. Они не верят и в то, что мулы и лошаки рождаются от скрещивания ослов и лошадей; они говорят: „У каждого существа свое семя“. Так что же говорить о вещах гораздо более трудных и редких?! Если человек мало видел, то он многому удивляется. Это постоянная

особенность мира. О, ведь поверить в эти дела, светлые и очевидные, словно небо над головой, проще простого, а люди прячутся от них под перевернутым кувшином! Как же им понять тогда смысл речей о наивысшем!»

Примечания

¹ Да-чжан и Шу-хай — мифические помощники и гонцы сяского императора Юя, усмирителя великого потопа. Согласно «Хуайнань-цзы» (гл. «Формы Земли», «Ди син»), они могли за одно мгновение перемещаться из одного конца мира в другой.

² Юй — имеется в виду мифический император Юй.

И — мудрый министр мифического совершенномудрого императора Шуя, предшественника Юя.

Ци Се — один из персонажей «Чжуан-цзы» (упоминается в гл. 1 этого памятника).

³ Намек на текст из «Дао-Дэ цзина» (16): «Все сущее беспрестанно изменяется и трансформируется, и каждая сущность возвращается к своему корню».

⁴ Три Августейших — мифические культурные герои Суй-жэнь (открыл использование огня), Шэнь-нун (изобретатель земледелия) и Фу-си (изобретатель письменности и графических символов сил *инь* и *ян*); возможны и другие перечни.

Пять Императоров — божества пяти сторон света (включая центр), соотносимые обычно с такими мифическими правителями самой отдаленной древности, как Тай-хао, Янь-ди, Шао-хао, Чжуань-сюй и Хуан-ди.

Чжоу-гун (Чжоуский Герцог; в тексте «Баопу-цзы» назван своим собственным именем Дань) — младший брат и советник доблестного чжоуского царя У-вана, победителя тирана Чжоу-синя из династии Шан-Инь и фактического основателя всекитайского чжоуского государства (XI в. до н.э.). В конфуцианской традиции Чжоу-гун считается совершенным мудрецом и предшественником Конфуция.

Хоу-цзи (Государь Просо; собственное имя — Ци) — мифический прародитель чжоусцев и божество земледелия; Шу-ли-цзы (собственное имя — Ци) — младший брат цинского Хуэй-вана (эпоха Чжань-го, V—III вв. до н.э.), известный своим умом. Современники прозвали его Мешком Мудрости; Чжан Лян — один из мудрейших помощников основателя династии Хань Лю Бана (Гао-цзу, III—II вв. до н.э.); Чэнь Пин — государственный деятель начала династии Хань, помощник ханьского Гао-цзу.

Дауаньму Ци (Цзы-гун) — один из учеников Конфуция, прославившийся своим красноречием; Янь Ин — сановник цинского князя Цин-гуна (эпоха Чунь-цю), умело критиковавший ошибки своего государя; Суй Хэ — красноречивый мудрец, предсказавший

основателю династии Хань Лю Бану (Гао-цзу) успехи в борьбе с его главным соперником, чуским государем Сян Юем; Ли И-ци (Ли Ши-ци) — мудрый помощник ханьского Гао-цзу, быстро получивший высокий титул.

Мэн Бэнь — уроженец царства Вэй (или Ци), известный своей храбростью; Ся Юй (Ся Сюй) — древний храбрец из царства Вэй; У Дин — знаменитый силач эпохи Чжань-го, без труда поднявший огромную каменную статую пятиголового быка, изготовленную по приказу циньского царя Хуэй-вана, за что и получил столько золота, сколько весила сама статуя.

5 Черепахи и аисты — существа, наделявшиеся древними китайцами огромным долголетием и даже бессмертием.

6 Видимо, имеются в виду вороные скаковые кони. В данном эпитете обыгрывается выражение «Сокровенная Самка», используемое в «Дао-Дэ цзине» (6) для обозначения Дао-Пути как вечного женственного принципа.

7 Здесь имеются в виду строки из песни «Сударь трудится на полях» из раздела «Песни княжества Ци» конфуцианского «Канона стихов» («Книги песен», «Ши цзина»), воспевающие сельскую жизнь.

8 Чжун-ни — второе имя Конфуция (его первое имя — Цю).

9 Намек на сюжет из главы «Рассказы о совпадениях» даосской книги «Ле-цзы»: «Цзиньский царь Вэнь вышел встречать союзное войско с намерением напасть на Вэй. Нождаданно Гунцзы Чу посмотрел на небо и рассмеялся. Царь спросил, отчего он смеется.

— Я смеюсь над соседом, который сопровождал жену, навещавшую своих родителей, — ответил Гунцзы Чу. — Он увидел у дороги женщину, работавшую в тутовой роще, и ласково заговорил с ней. Когда же он обернулся, то увидел, что его жена любезно беседует с чужим мужчиной. Вот над чем смеется ваш слуга!

Царь понял намек и повернул войско обратно. Не успел он дойти до столицы, как на его владения напал сосед с севера» (пер. В. В. Малавина).

10 Сюжет из гл. 19 «Чжуан-цзы»: «В царстве Лу жил некий Дань Бао (Шань Бао. — Е. Т.). Он обитал в глухом лесу, пил ключевую воду и ни с кем не делился своей добычей. Прожил он на свете семь десятков лет, а обликом был как младенец. На его беду ему однажды повстречался голодный тигр, который убил его и сожрал. Жил там и Чжан И, который обитал в доме с высокими воротами и тонкими занавесями и принимал у себя всякого. Прожил он на свете сорок лет, напала на него лихорадка — и он умер. Дань Бао пестовал в себе внутреннее, а тигр сожрал его внешнее. Чжан И заботился о внешнем, а болезнь сгубила его внутреннее. Они оба не восполняли то, что у них отставало» (пер. В. В. Малавина).

11 Гун шу Бань (Бань Шу) — знаменитый древний ремесленник из царства Лу, который мог сделать удивительные технические приспособления (например «лестницу, ведущую в облака»). Фило-

соф V в. до н.э. Мо-цзы (Мо Ди) посвятил ему особую главу в своей книге («Мо-цзы»). Сам Мо Ди тоже был искусным ремесленником.

Оу Е — великий древний оружейник из царства Юэ.

Гань-цзян — название исключительного по своему совершенству меча, изготовленного соперником и товарищем по учебе Оу Е, оружейником из царства У — Гань Цзяном. По приказу усского царя Гань Цзян сделал два совершенных меча, назвав один из них Гань-цзяном, а другой — Мое (Моце).

¹² Девять школ (*цзю цзя*) — основные направления классической китайской философской мысли, большинство из которых прекратило свое существование на рубеже III и II вв. до н.э. Это конфуцианство, даосизм, легизм (*фа цзя*), моизм, школа имен (*мин цзя*), школа натурфилософов (*инь-ян цзя*), военные мыслители (*бин цзя*), аграрии (*нун цзя*) и дипломаты (*цзун-хэн цзя*). Иногда к ним также прибавляют эклектиков (*цза цзя*).

¹³ Три источника света — Солнце, Луна и звезды.

¹⁴ Видимо, имеется в виду не какое-то конкретное место, а долина гейзеров вообще; возможно — горячие источники Сычуани.

¹⁵ Местонахождение этого холма определить не удалось. Возможно, речь идет о вымышленном месте. По мнению Дж. Р. Уэйра, холм Сяочу расположен на фантастическом острове в океане.

¹⁶ В «Географическом трактате» («Ди ли чжи») «Истории Хань» упоминается округ Цзанкэцзюнь, расположенный на берегах реки Цзанкэцзян. Согласно традиционным китайским преданиям, перья и пух тонут в так называемых Слабых Водах (*Жошуй*), реке, протекающей на западе и отделяющей обитель бессмертных, гору Куньлунь, от профанического мира. Китайские географы присвоили это название также одной из рек у северо-западных рубежей Древнего Китая.

¹⁷ Подобные сведения содержатся в главе «Помесячные приказы» («Юэ лин») «Записей о ритуале» («Ли цзи»). Древнекитайский философ-скептик Ван Чун (I в. н.э.) в своем трактате «Весы суждений» («Лунь хэн», гл. «О неоформленном», «У син пянь») также допускает превращения такого рода, связывая их с трансформациями пнеумы, приводящими к изменению родов сущего (*ци бянь улэй*).

¹⁸ Источником этих сведений является конфуцианский словарь «Эр я» (гл. «Разъяснение природы ползучих тварей», «Ши чун») и «Хуайнань-цзы» (гл. «Отклик Дао-Пути», «Дао ин пянь»).

¹⁹ Об этом говорится в «Мо-цзы» (гл. «Рассуждение о канонах», «Цзин шо») и в «Хуайнань-цзы» (гл. «Об уравнивании обыденного», «Ци су пянь»). Кроме того, Гэ Хуном используются такие тексты, как «Записи о ритуале» («Ли цзи»), «Весны и осени господина Люя» («Люй ши чунь-цзо») и «Исторические записки» («Ши цзи») Сыма Цяня.

²⁰ В «Хуайнань-цзы» (гл. «Начало истины», «Чу чжэнь пянь») говорится: «Господин Ню Ай заболел и через семь дней превратился в тигра, а когда его старший брат вошел в его комнату, тигр схватил его и съел».

В трактате «О пяти первоэлементах» («У син чжи») «Истории Поздней Хань» говорится: «Во времена правления императора Линди (конец II — начало III в. — *Е. Т.*) почтенная мать из семейства Хуан, что жило в Цзянся, купаясь в реке, превратилась в черепаху и уплыла, нырнув в омут». Следует отметить, что «История Поздней Хань» была написана Фань Е уже через несколько веков после Гэ Хуна, а поэтому можно предположить, что этот сюжет восходит к более раннему, неизвестному нам, источнику.

Сюжет о превращении Чжи-ли в иву, видимо, восходит к гл. «Высшая радость» («Чжи лэ») «Чжуан-цзы».

Автор эпохи Сун (960—1279) У Шу сообщает в своей оде «О категориях событий» («Ши лэй фу»), ссылаясь на «Записи о делах, случившихся в Шу» («Шу цзи»), следующее: «В уезде Цытунсянь есть Гора Пяти Жен. Некогда Цинь послало в Шу пять красавиц, а царь Шу отправил У Дина встречать их. У Дин топнул ногой и громко закричал, и тогда все пять женщин окаменели». Эту же легенду рассказывают и «Описания страны Хуаян» («Хуаянго чжи»).

Ср. также: *Гань Бао*. Соу шэнь цзи. XII 300 и V 100 (см. примеч. 1 на с. 9).

21 Имеется в виду или мифический долгожитель (по версии Гэ Хуна — бессмертный) Пэн-цзу или некий древний мудрец по имени Лао Пэн (контекст скорее указывает на первый вариант).

22 Пурпурный Предел (*Цзы цзи*), или Пурпурный Дворец (*Цзы гу*), — название созвездия в северной части неба (к северу от Большой Медведицы).

Куньлунь — западная гора, резиденция бессмертных.

23 Здесь перечисляются имена различных даосских бессмертных, сведения о которых в основном почерпнуты Гэ Хуном из агнографического текста «Жизнеописания бессмертных» («Ле сянь чжуань»). Этот текст появился на рубеже нашей эры и обычно приписывается знаменитому филологу и мыслителю ханьской эпохи Лю Сяну, увлекавшемуся даосизмом.

24 Истинные люди (*чжэнь жэнь*) — восходящее к «Чжуан-цзы» обозначение одной из высших категорий бессмертных. Культ «истинных людей» был особенно характерен для возникшей вскоре после написания «Баою-цзы» даосской школы «Высшей Чистоты» (*Шан цин*), или «Маошань» (со 2-й половины IV в.).

25 Образ, восходящий к «Мэн-цзы». Подробнее см. коммент. 15 к гл. 1.

26 Имеются в виду обыватели, растрачивающие свою жизнь в безделье и пустых удовольствиях.

27 Образ из «Дао-Дэ цзина» (5): «Небо и Земля не гуманны и ко всему существу относятся, как к соломенной собаке». Согласно комментарию философа III в. Ван Би, соломенная собака (*чу гоу*) — некое ритуальное чучело, сжигавшееся во время одного из праздников. Фраза из «Дао-Дэ цзина» означает, что Небо и Земля (то есть природа), равно как и совершенный мудрец, абсолютно беспри-

страстны и ко всему в мире относятся равным образом. Этот тезис направлен против иерархизованной этики конфуцианства.

28 О дереве *чунь* говорится в гл. 1 «Чжуан-цзы», где сообщается, что для него восемь тысяч лет — одна весна, а другие восемь тысяч лет — одна осень.

29 Вэйский император Вэнь-ди — имеется в виду император и знаменитый поэт Цао Пи (сын знаменитого полководца и государственного деятеля Цао Цао), правивший в 220–226 гг.

30 Имеется в виду одежда из асбеста.

31 «Основные суждения» («Дянь лунь») — один из наиболее ранних китайских трактатов, посвященных литературной критике. До настоящего времени не сохранился (был утрачен в сунскую эпоху, X–XIII вв.).

32 Чэньский царь Сы — имеется в виду брат Цао Пи, выдающийся поэт Цао Чжи (192–232). Его трактат «О разъяснении сомнительного» («Ши и лунь») до нас не дошел.

33 Император У (У-ди) — здесь имеется в виду отец Цао Пи и Цао Чжи, полководец Цао Цао (155–220), считающийся основателем династии Вэй, с провозглашения которой начинается период Троецарствия в китайской истории. Формально первым императором государства Вэй был Цао Пи.

Цзо Цы — знаменитый даос и маг конца Поздней Хань и начала Вэй (рубеж II–III вв.). К нему восходит линия преемственности традиции, представленной самим Гэ Хуном. Предание гласит, что Цао Цао пытался казнить Цзо Цы за его нежелание сделать амбициозного узурпатора бессмертным, но потерпел неудачу, так как Цзо Цы «освободился от трупа» (*ши цзе*) и обрел бессмертие.

34 То есть очень долго не впадали в спячку и не окукливались.

35 Лю Сян (776 г. до н.э.) — мыслитель, литератор и каноник эпохи Хань.

36 Агиографическое даосское сочинение («Ле сянь чжуань»), авторство которого приписывается Лю Сяну.

37 Чао-фу (Отец из гнезда) — мифический отшельник времен совершенного императора Яо. В конце жизни жил в гнезде на дереве, что и объясняет его прозвище.

Сюй Ю — мифический отшельник времен Яо. Знаменит тем, что промыл уши от скверны, когда услышал предложение Яо вступить вместо него на престол.

Лао Лай — древний отшельник-даос, отвергший предложение царя Чу стать его министром. Иногда отождествляется с Лао-цзы.

Чжуан Чжоу (IV–III вв. до н.э.) — имя философа Чжуан-цзы, также отвергавшего приглашения на государственную службу.

38 Царство Лу — государство периодов Чунь-цю и Чжань-го в Восточном Китае (Шаньдунский полуостров), родина Конфуция, написавшего, по преданию, свою летопись «Весны и осени» («Чунь-цю») на основе древних записей летописцев этого государства.

³⁹ Намек на фразу из философского приложения к «И цзину» под названием «Си цы чжуань». Сила-дэ — первоначально нечто вроде полинезийской маны, магической силы правителя. Позднее — харизма правящего монарха, а также творческая энергия Дао-Пути. В конфуцианстве интерпретируется как добродетель. Согласно «И цзину», совершенный мудрец должен стремиться объединить свою силу-дэ с Силой-Дэ всего космоса.

⁴⁰ Цзы-чжан — второе имя великого древнекитайского историка Сыма Цяня (145–86 гг. до н.э.), автора «Исторических записок» («Ши цзи»).

Ян Сюн (53 г. до н.э. — 18 г. н.э.) — конфуцианский философ, канонист, литератор и лингвист эпохи Хань.

⁴¹ Имеются в виду циньский император-объединитель Китая Цинь Шихуан (III в. до н.э.) и ханьский император У-ди (140–87 гг. до н.э.), увлекавшиеся даосизмом и стремившиеся стать бессмертными.

⁴² Шао-цзюнь (Ли Шао-цзюнь) и Луань Да — придворные алхимики ханьского императора У-ди.

⁴³ Цянь Лоу — добродетельная женщина эпохи Чунь-цю (государство Лу), проведшая всю свою жизнь в крайней бедности. Ее биография содержится в труде Лю Сяня «Жизнеописания выдающихся женщин» («Ле нюй чжуань»).

Юань Сянь — ученик Конфуция из государства Сун. Согласно «Чжуан-цзы» (гл. 28), был крайне беден.

Тао Чжу — сановник юэского князя Гоу Цзяня (эпоха Чунь-цю), бежавший в государство Ци, сменивший имя (его первоначальное имя — Фань Ли) и сказочно разбогатевший. Сведения о Тао Чжу и Фань Ли содержатся в разделе отдельных жизнеописаний (*ле чжуань*) «Исторических записок» Сыма Цяня.

И Дунь — древний богат, составивший баснословное состояние на торговле солью.

⁴⁴ У Янь и Су Лю — женщины, известные своим безобразием. Они жили в царстве Ци в эпоху Чжань-го.

Нань Вэй — изумительная красавица, наложница цзиньского князя Вэнь-гуна (эпоха Чунь-цю). Князь отдалил ее, сказав, что из-за ее красоты может погибнуть государство.

О Си Ши см. коммент. 11 к гл. 1.

⁴⁵ Имеются в виду различные формы даосской созерцательной практики и духовидения.

⁴⁶ Сперматическая эссенция (*цзин*) — энергия либидо, овеществляющаяся в организме как сперма; тончайшая сущность пневмы-ци как таковой, эссенция энергий человеческого организма.

⁴⁷ Ойкумена, обитаемый мир, в центре которого находится Китай, Государство Центра (*Чжун-го*). Иногда — синоним Китая, окруженного морем варварских племен (варвары коррелировали с первоэлементом «вода»).

⁴⁸ Восемь минералов суть: киноварь, реальгар, аурипигмент (орпигмент), сера, малахит, квасцы, грубая соль и магнетит. Эти веще-

ства чаще всего использовались даосами для изготовления эликсиров и различных снадобий.

49 Канава Вэйлюй — согласно «Чжуан-цзы» (гл. 17), поток, через который пресные воды рек и потоков вливаются в Мировой океан, никогда не переполняющийся.

50 Разумные души (*хунь*) — образования положительной (*ян*) пневмы (*ци*), обеспечивающие мышление человека. Обычно китайские тексты говорят о трех разумных душах. Сердце (*синь*) — в китайской традиции это прежде всего не чувствующий, а мыслящий орган. Слово «сердце» также может выступать как синоним слов «разум», «сознание».

51 Имеются в виду общинные и семейные храмы, существовавшие в Китае с глубочайшей древности.

52 В 101 г. до н.э. в правление ханьского У-ди генерал Ли Гуан-ли казнил множество пленников из центральноазиатского государства Давань (Даюань), находившегося в районе современной Ферганы.

53 Чжан Цин — знаменитый поэт-одописец Сыма Сянжу (179–117 гг. до н.э.), живший на своей родине в Чэнду (Сычуань) в крайней бедности.

54 Имеется в виду случай, описанный в исторической хронике «Цзо чжуань» (второй год Сюань-гуна): Чжао Сюань-цзы и Чжао Дунь, находясь в местечке Исан (Шелковичная Роща), встретили человека по имени Лин Чжэ, который не ел три дня, и накормили его. Позднее, когда Лин Чжэ стал латником, он спас от смерти Чжао Дуня, отблагодарив его таким образом за благодеяние.

55 Жун И — мудрец эпохи Чжань-го, умерший от голода и холода после того, как поделился со своим учеником последней одеждой студенкой зимой (см. «Люй ши чунь-цю», гл. «Чжан Ли пянь»).

56 Жу Чжун (Ван Ба) — отшельник периода Поздняя Хань (25–220 гг.), избегавший государственной службы и живший в тростниковой хижине (см. «Жизнеописания беглецов», «И минь чжуань», «История Поздней Хань», «Хоу Хань шу»).

57 «Сокровенное и желтое» (*сюань хуан*) — имеются в виду Небо и Земля, то есть весь мир.

58 Данный эпизод восходит к сюжету из «Ханьфэй-цзы» (III в. до н.э.). Юэский государь Гоу Цзянь (497–465 гг. до н.э.) приказал своим воинам брать пример с рассерженной жабы, как бы переполненной пневмой-*ци* гнева.

59 Об этом также говорится в «Ханьфэй-цзы».

60 Также сообщение «Ханьфэй-цзы». И Я — сановник циского князя Хуань-гуна (эпоха Чунь-цю), гурман и знаменитый повар.

61 Об этом говорится в «Ханьфэй-цзы» и в главе «Внешние вещи» («Вай у пянь») «Чжуан-цзы» (сюжет о страже ворот Яне).

62 Дун Чжун-шу (180–115 гг. до н.э.) — крупнейший мыслитель-конфуцианец эпохи Хань, прозванный «вторым Конфуцием».

63 Тай-и (Великое Единое) — одно из наиболее почитаемых божеств эпохи Хань; божество астрального характера, ассоциировалось с одной из звезд вблизи Полярной звезды.

64 «Канон бессмертных» («Сянь цзин») — один из канонических текстов современного Гэ Хуну даосизма, приведенный им без названия. Ниже Гэ Хун также достаточно часто ссылается на «каноны бессмертных», не указывая их точного названия.

65 Знаменитые (или славные) горы (*Мин шань*) — горы, в которых возможно даосское подвижничество. Полный список знаменитых гор приводится Гэ Хуном в гл. 4 «Баопу-цзы».

66 Имеются в виду последние годы правления династии Хань (до 220 г. н.э.).

67 Фэй Чан-фану посвящено особое жизнеописание в «Истории Поздней Хань»; о нем также говорится в «Жизнеописаниях святых-бессмертных» («Шэнь-сянь чжуань»), приписываемых Гэ Хуну. О Ли И-ци сообщается только в последнем источнике, причем там утверждается, что он родился еще в середине II в. до н.э. при ханьском императоре Вэнь-ди.

68 Ван Ман (45 г. до н.э. — 23 г. н.э.) — узурпатор престола, пытавшийся свергнуть династию Хань и установить свою династию Синь (Новая). Эта попытка окончилась провалом, и в 25 г. император Гуан У-ди восстановил власть дома Хань (Поздняя Хань).

«Свод сведений о погребениях» — имеется в виду текст под названием «Фэнь дэнь», о содержании которого трудно судить с точностью.

69 Сыма Сянжу — см. коммент. 53.

Вэнь-цзюнь — возлюбленная Сыма Сянжу, бежавшая с ним вопреки воле родителей.

70 Ди-сяоань — один из мифических императоров — культурных героев древности; обычно отождествляется с Хуан-ди (Желтым Императором).

71 Чжао Гао — могущественный фаворит Цинь Шихуана (III в. до н.э.), после смерти императора, по существу, узурпировавший власть.

Дун Чжо — могущественный временщик конца правления династии Хань, низлагавший и возводивший на престол императоров (возвел на престол последнего императора этой династии Сянь-ди в 189 г.).

72 И Инь — министр основателя государства Шан-Инь Чэн-тана (XVI—XV вв. до н.э.).

Чжоу-гун — мудрец и соратник основателя чжоуского государства У-вана.

Хэ Гуан — полководец ханьского императора У-ди и регент в период малолетства его сына Чжао-ди (86—74 гг. до н.э.).

Все эти государственные деятели известны тем, что предотвращали смуты и мятежи, грозившие начаться после смерти предшествовавших выдающихся монархов (Чэн-тана, У-вана и У-ди).

⁷³ Шан Чэнь — наследник чуского царя эпохи Чжань-го Чэн-вана. Поскольку отец собирался лишить его права на трон, он совершил переворот, во время которого Чэн-ван покончил с собой.

Мао Дунь — *шаньюй* (правитель) гуиннов (*сюнну*) — III–II вв. до н.э. Мао Дунь стал *шаньюем*, убив стрелой на охоте своего отца Тоу-маня. Оба эти лица стали примером сыновней непочтительности.

⁷⁴ Бо Ци жил во времена чжоуского Сюань-вана (827–782 гг. до н.э.) и прославился своей сыновней почтительностью.

Сяо Цзи — сыновнепочтительный (*сяо*) принц эпохи Шан-Инь.

⁷⁵ Такой текст науке неизвестен. Судя по сведениям древних источников («История Хань» и «История Поздней Хань»), подобные темы подробно освещаются в утраченном ныне тексте «Об изгнании неблагоприятных демонических явлений» («Чжи бу сянь хэ гуй у»).

⁷⁶ Шаманки-у — женщины, общавшиеся с духами и божествами или входившие в состояние одержимости нуминозными силами. Позднее словом «у» стали также называть и мужчин-шаманов, которые ранее назывались *си*. Первые сведения об *у* содержатся в тексте эпохи Чжань-го «Речи царств» («Го юй»), раздел «Речи царства Чу» («Чу юй»), откуда и заимствовано приводимое Гэ Хуном высказывание.

⁷⁷ «История Хань» («Хань шу») — официальная династийная история, в основной своей части написанная выдающимся историком I в. н.э. Бань Гу.

«Записки господина великого астролога» — имеются в виду «Исторические записки» («Ши цзи») Сыма Цяня, последний занимал при дворе должность великого астролога (*тай ши*).

⁷⁸ По-китайски этот титул Шао-вана звучит как *вэньчэн цзян-цзюнь*.

⁷⁹ Цзао-шэнь (Цзао-ван) — божество кухни, сообщающее о делах всех членов семьи Властителю Судеб или Верховному Императору. Со временем «проводы Цзао-вана на небо» стали частью ритуалов китайского новогоднего цикла.

⁸⁰ Оккультисты (*шу цзя*) — букв.: «последователи школы искусства» — всевозможные маги, гадатели и нумерологи.

Магические реестры (*лу*) — по-видимому, списки божеств, «подчиненных» магу. Использование подобных реестров стало очень характерным и для даосизма, особенно для школы «Небесных Наставников» (*тянь ши дао*).

⁸¹ Обряды призывания души (*чжао хунь*), описывающие ужасы, ожидающие душу после ее ухода из тела, известны в Китае с глубочайшей древности. Весьма знаменита одноименная поэма, приписываемая великому поэту III в. до н.э. Цюй Юаню.

⁸² «Цзо чжуань» (15-й год Сюань-гуна) повествует, что в местечке Фуши дух умершего отца жены цзиньского полководца Вэй Кэ в благодарность за то, что тот женился на его дочери, исцелил Вэй Кэ от болезни.

В «Янь-цзы чунь-цю» («Весны и осени Янь-цзы») рассказывает, что циский Цзин-гун напал на княжество Сун, в котором жили потомки населения древнего государства Шан-Инь. Он остановился на священной горе Тайшань и увидел там во сне двух разгневанных мужей. Мудрец Янь-цзы объяснил князю, что это духи основателя Шан-Инь Чэн-тана и его министра И Иня.

В «Цзо чжуани» (10-й год Си-гуна) повествуется, как дух покойного цзиньского принца Шэнь Шэна явился сановнику Ху Ту (Ху-цзы) и сообщил ему, что будет покровительствовать враждебному Цзинь княжеству Цинь, поскольку там чтут его память и приносят ему жертвы.

В «Мо-цзы» содержится рассказ о том, что чжоуский Сюань-ван убил своего сановника Ду-бо. Через некоторое время, находясь в поле, царь увидел явившегося ему Ду-бо, сидящего в колеснице, запряженной белыми конями. Ду-бо выпустил стрелу в Сюань-вана, и тот умер.

«Цзо чжуань» (8-й год Чжуан-гуна) повествует, что циский князь Сян-гун увидел в поле большого бора. Его предупредили, что это его сын Пэн-шэн. Князь рассердился и выстрелил в кабана. Он кричал и превратился в принца, нога которого была прострелена.

В «Трактате о пяти первоэлементах» («У син чжи») «Истории Хань» рассказывается, что сановник Жу И после смерти превратился в собаку с темной шерстью.

В «Записках историка» и «Истории Хань» (жизнеописание Гуань Фу) говорится, что некогда Гуань Фу поссорился с Тянь Фэнем, который впоследствии стал министром. Тянь Фэнь обвинил Гуаня в серьезном преступлении, и его казнили. Вскоре Тянь Фэнь заболел, и приглашенная им шаманка объяснила ему, что его болезнь — месть Гуань Фу. Вскоре Тянь Фэнь умер.

«Мо-цзы» рассказывает историю о том, как яньский князь Цзянь-гун убил своего сановника Чжуан Цзы-и, дух которого вскоре явился князю и убил его ударом палки.

«Цзо чжуань» (32-й год Чжуан-гуна) и «Речи царств» (раздел «Речи царства Цзинь») рассказывают, что в местечке Синь явилось некое божество и предвестило гибель государства.

О явлении божества Луань-хоу нам известно только из источников более позднего времени, нежели «Баопу-цзы» («Тай пин гуан цзи», X в., со ссылкой на трактат «Ле и чжуань», «Отдельные описания удивительного»), и поэтому нельзя указать первоисточник этого сюжета. Он сводится к тому, что при Хань близ Ханьчжуна (западная часть Китая) стало появляться божество. В частности, оно по просьбе губернатора послало на поля множество птиц, которые склевали пожравшую урожай саранчу.

Согласно «Истории Троецарствия» («Сань го чжи»; раздел «История Вэй»), некая женщина по имени Ли Шу-цзян (она же Су Цзян) предсказала судьбу дома Вэй, основанного Цао Цао и его сыном Цао Пи.

«Записки историка» Сыма Цяня («Трактат о жертвоприношениях фэн и шань») повествуют о том, как ханьский император У-ди в специально построенной им обители в Шанлине общался с неким божеством Шэнь-цзюнем (Божественным Государем), причем он лишь слышал его слова, но не видел его облика.

«История Троецарствия» (раздел «История У») рассказывает, что в 251 г. в уезде Лоян округа Линьхай стало являться божество по имени Ван Бяо, которое помогало государственным чиновникам. Его культ получил официальное признание.

⁸³ Перечисленные здесь животные в китайской традиции считаются благовещими и сакральными.

Цилинь — фантастический единорог.

⁸⁴ О Бянь Хэ в «Ханьфэй-цзы» рассказывается, что он нашел в горах кусок драгоценного нефрита и пытался поднести его двум царям Чу, однако они отвергали дар, принимая нефрит за простой камень. Только третий царь (чуский Вань-ван), узнав, что Бянь Хэ три дня плакал в горах кровавыми слезами, приказал позвать ювелира, который обработал камень и выявил его драгоценную природу.

Фэн Ху — сановник государства Чу эпохи Чунь-цю. Когда оружейник Оу Е (см. коммент. 11) по приказу юэского государя сделал пять превосходных мечей, Фэн Ху с первого же взгляда определил их ценность и неподражаемое совершенство.

⁸⁵ Господин Чжу — имеется в виду знаменитый оружейник Фань Ли (Тао Чжу, см. коммент. 43).

Се Чу — легендарный мудрец, своими советами помогавший Оу Е делать его чудесные мечи.

⁸⁶ Удельный царь Лю Ань, инициатор (и, вероятно, соавтор) написания трактата «Хуайнань-цзы» (его другое название — «Лебединая драгоценность», «Хун бао» — II в. до н.э.).

⁸⁷ Жуань Цан (Юань Цан) — согласно предисловию к «Жизнеописаниям святых-бессмертных», даосский агнограф, описавший биографии нескольких сотен древних бессмертных.

⁸⁸ В древнем Китае считалось, что безумцы и отроки (*тун*) наделены особой экстрасенсорной чувствительностью, позволяющей им предчувствовать будущее и пророчествовать. Из этого представления берет начало особый жанр китайской литературы, называемый отроческими песнями (*тун яо*).

⁸⁹ Цитата из раздела «Нравы царств» («Го фэн») «Канона стихов» («Ши цзин»), гл. «Нравы царства Бэй». Смысл цитирования: даже по видимости бесполезное может обладать огромной ценностью.

⁹⁰ Провинции крайнего юга Китая — Цзяочжоу (Цзяочжи, Северный Вьетнам, Зяутяу) и Гуандун.

⁹¹ Имеются в виду различные соединения свинца, в частности массикот (подробнее см. коммент. к гл. 4). Варвары-ху — северные варвары, гунны (*сюнну*).

ГЛАВА 3

Ответы на вопросы заурядных людей

Некто спросил, ставя в затруднение: «Среди людей есть такие, как Лао-цзы и Пэн-цзу, которые подобны соснам и кипарисам среди деревьев. Но они таковы по своей природе; так разве можно через обучение стать такими же, как они?»

Баопу-цзы сказал: «Среди существ, сотворенных посредством трансформаций Великим Гончаром¹, нет ни одного столь одухотворенного, как человек. Самое меньшее, что он может сделать, это заставить служить себе все сущее; самое большее, что он может сделать, это продлить свою жизнь и обрести вечное видение. Тот, кто знает высшее снадобье продления жизни, может, принимая это снадобье, достичь состояния бессмертного. Знающий секрет долголетия аиста и черепахи может, используя их гимнастику дао инь, продлить годы своей жизни. Ведь ветви и листья сосны и кипариса отличаются от ветвей и листьев других деревьев, а тело и облик аиста и черепахи не таковы, как тела и облики других существ. Но Лао-цзы и Пэн-цзу — такие же люди, как и все остальные, они не другого рода и отличаются от всех прочих людей лишь продолжительностью своей жизни. А это потому, что они обрели Дао-Путь, а вовсе не потому, что они таковы по своей природе. Деревья не могут подражать соснам и кипарисам, а животные не могут учиться у журавлей и черепах, и потому их жизнь быстротечна. Люди же наделены умом и мудростью и поэтому могут идти путем Пэн-цзу и Лао-цзы. А если это так, то они могут иметь и равные с ними достижения.

Если же мы скажем, что в мире нет бессмертных, то не получится ли, что мы отвергнем записанное мудрыми людьми, которых не менее тысячи, имена и фамилии их известны, и они изучили все начала и концы? Неужели они произносили лишь пустые речи?! Если же сказать, что они были наделены особой пневмой и имели особую природу, то напомним: о них сообщается, что они достигли

своего состояния благодаря обучению и приему снадобий, а не в результате обладания неким врожденным знанием.

Если же утверждать, что искусству Дао нельзя научиться, то я напому о безусловно засвидетельствованных и имевших место деяниях, таких, как изменение тела и облика, глотание ножей, выдыхание огня, умение не отбрасывать тени, вызывание туч и облаков, заклинание змей, привораживание рыб и черепах, превращение в жидкость минералов тридцати шести видов, превращение нефрита в пасту, разжижение золота, хождение по воде, как по суше, хождение по лезвиям ножей без появления ран на ногах, создание иллюзий и миражей, — более чем девять сотен подобных дел. Всем им можно научиться, почему же лишь одному искусству обретения состояния бессмертного нельзя научиться?

Путь обретения бессмертия труден, и идти по нему следует медленно; он также предполагает множество запретов и ограничений. Те люди, у которых нет воли к преодолению мирского и нет дара мощной силы, не смогут блюсти его. Те же, в чьем сердце вскоре возникают сомнения, сворачивают с подорожи и начинают с жаром утверждать, что никакого пути бессмертных нет и плод продления жизни нельзя обрести.

„Книга бессмертных“ гласит: „Принимай киноварный эликсир и блюда Одно² — тогда Неба конец и твой конец сольются в одно. Возвращай свое семя, используй зародышевое дыхание³, и беспрельдно долгим станет твое на земле проживание“. Это важнейшие слова о высшем Пути. Живущие среди людей благородные мужи не идут против велений сердца внутри и не заставляют свою тень краснеть от стыда снаружи⁴, не обманывают Небо наверху и не нарушают данного ими слова внизу. Так что же тогда говорить о древних истинных людях! Неужели они могли писать пустопорожние и бессмысленные тексты, повествующие о недостижимых и небывалых делах, чтобы морочить голову людям грядущих поколений?! Да и какая им была бы от этого польза! Если человеку не предопределено идти этим Путем, он и не поверит в него. А разве можно заставить верить насильно?!»

Некто спросил, ставя в затруднение: «Когда мы только начинаем знакомиться с существственными вещами, нам кажется, что все восемь пределов⁵ и все, что вне их, лежит прямо у нас на ладони, а люди, жившие сто поколений тому назад, — наши современники. А потом мы понимаем, что весь мир отнюдь не расположился у нас во дворе, в двух шагах от нас, точно стоит бросить взгляд, как мы сразу же увидим все на свете.

„Записи нефритовых планов“ гласят: „Окраска тысячетлетней черепахи включает в себя все пять цветов⁶. Две кости над ее лбом выдаются вперед, как рога. Она понимает человеческую речь, она плавает на листьях лотоса или лежит в густых зарослях тысячелистника, и над ней всегда клубятся белые облака.

Тысячелетний аист всегда кричит в определенное время. Он может взлетать на вершины деревьев, тогда как аист, не достигший тысячелетия, никогда не сидит на их вершинах. Его окраска — снежно-белая, но макушка головы вся красная“. Как только увидишь эти существа, так сразу же и распознаешь их. Старые животные, однако, наделены большой мудростью. Они тщательно прячутся, бегут себя, и люди очень редко видят их.

Согласно „Записям нефритовых планов“ и „Книге благословенного небосклона“⁷, не только этим двум животным присуще долголетие. В них говорится о соснах, ветви которых растут во все четыре стороны, хотя верхние ветви уже прекратили свой рост, — если смотреть на них издали, то они напоминают перевернутую крышку. Среди ветвей этих сосен живут животные. Также сообщается о таких существах, как синие коровы — серны и синие бараны — горалы, синие собаки и синие люди⁸, — все они достигают десяти тысячелетнего возраста. Говорится также, что змеи способны к ограниченному долгожительству, а макака, достигшая восьмисот лет, превращается в человекообразную обезьяну-юань. Когда человекообразной обезьяне-юань исполняется пятьсот лет, то она превращается в человекообразную обезьяну-цзюэ. Обезьяна-цзюэ живет тысячу лет. Жабы живут три тысячи лет, единороги-цилини живут две тысячи лет. Волшебный конь-тэн-хуан и светоносное бла-

говещее создание⁹ живут три тысячи лет. У тысячелетних птиц и десяти тысячелетних птах лица людские, а тела птичьи, срок их жизни соответствует указанному в названиях. Тигр и заяц-олень живут по тысяче лет; когда им исполняется пятьсот лет, их волосы седеют. Когда медведю исполняется пятьсот лет, он становится способным к разнообразным превращениям. Лисы и волки живут по восемьсот лет. Когда они достигают пятисотлетия, они приобретают способность превращаться в людей. Крысы живут по триста лет. Когда им исполняется сто лет, они седеют и могут с помощью человека-медиума предсказывать будущее. Тогда их называют „посредниками“. Они знают все радостное и горестное, что может произойти в течение года, а также и все происходящее в пределах тысячи ли от места их нахождения. Вот только несколько примеров из этих книг, пересказать которые полностью здесь не представляется возможным. Однако широко образованные люди знают имена всего, с чем они соприкасаются. Искушенные в слушании проникают в принципы всего множества дел, и нет ничего, что могло бы привести их в смущение. Зачем же обязательно нужно быть в тесном соприкосновении с черепахами и аистами, чтобы познать их природу?

Ведь если не познавать сущее, то мы не познаем многого и о тех растениях, которые растут прямо в наших садах, и о тех животных, что обитают в наших полях и озерах, не говоря уж о более удивительных существах и странных тварях.

„Предание о черепаховых планах“ в „Исторических записках“¹⁰ гласит: „Люди, живущие между реками Цзян и Хуай¹¹, ставят постели своих детей на черепах, и только если те состарятся и умрут, их домашние убирают эти постели, но черепахи остаются живыми“. А ведь проходит не меньше, чем пятьдесят—шестьдесят лет, в течение которых черепахи не едят и не пьют, но, несмотря на такой срок, они не умирают. Это свидетельствует о том, что сии черепахи отнюдь не обыкновенные существа, и о том, что они далеко отстоят от простых тварей. Так можно ли сомневаться в том, что они могут прожить и тысячу лет? Разве нет основания у того обстоятельства, что книги о

бессмертных рекомендуют нам при дыхании подражать черепахам?

Начальник округа Тайцю, господин Чэнь Чжун-гун из Инчуаня¹², был честным ученым мужем. В составленной им книге „Записки об услышанных чудесных историях“¹³ говорится, что в их округе жил человек по имени Чжан Гуан-дин. Во время смуты ему пришлось бежать из родных мест. У него была четырехлетняя дочь, которая не могла ходить быстро и переправляться вброд через реки, а он, в свою очередь, не мог все время нести ее на себе. Поэтому отец решил оставить ее, после чего она непременно должна была умереть от голода. Поскольку Чжану не хотелось, чтобы ее останки лежали под открытым небом, он нашел у входа в деревню древний могильный курган, наверху которого зияла большая дыра. Привязав к большому кувшину веревку, он опустил свою дочь в глубь могильника, снабдив ее едой и питьем на несколько месяцев, а сам ушел. Когда через три года Гуан-дин дождался наступления спокойных времен, он вновь вернулся в ту деревню с тем, чтобы поднять из могильника останки брошенной дочери и, как подобает, похоронить их. Взглянул Гуан-дин — а его дочь жива и сидит себе в могильнике как ни в чем не бывало. Увидев своих родителей, она страшно обрадовалась, а родители поначалу испугались, решив, что это нави — призрак. Отец, однако, спустился вниз, приблизился к девочке и сразу же убедился, что она не умерла. Он спросил ее, откуда же она брала пищу, и девочка рассказала, что когда запасы пищи закончились, она сильно голодала, но потом заметила, что в могильнике кроме нее есть еще какое-то живое существо, вытягивавшее шею и захватывавшее таким образом воздух. Девочка стала подражать дыханию этого существа, и более она уже не чувствовала голода. Так и продолжались дни и месяцы вплоть до того момента, как пришли родители. Одежда, которую ей оставили родители, была еще в могильнике; поскольку девочка никуда не ходила, то и одежда не сносилась, а потому она не страдала и от холода. Гуан-дин тогда стал искать существо, о котором говорила его дочь. Им оказалась огромная черепаха, и только. Когда девочка

вышла наружу, то начала есть зерновую пищу. Вначале у нее болел живот, не принимая непривычную пищу, но через некоторое время она привыкла к еде.

Этого рассказа вполне достаточно, чтобы понять, что черепахи владеют способом обретения бессмертия. А если, овладев этим путем, использовать его, то и человек сможет обрести возможность прожить столько же лет, сколько и черепаха. И историк Сыма Цянь, и Чэнь Чжун-гун отнюдь не безответственные рассказчики пустых побасенок. Живых существ, птиц и зверей в Поднебесной великое множество, но древние, выбрав из них именно этих двух животных, ясно показали таким образом, что они принципиально отличаются от всех прочих. Лишь бросив взгляд на сообщенные мной сведения, уже можно убедиться в правоте моих утверждений».

Некто спросил, ставя в затруднение: «Черепахи умеют впадать в зимнюю спячку, аисты умеют летать, человек же совершенно неспособен ни к зимней спячке, ни к полетам. Каким же образом он может научиться у черепах и аистов искусству долголетия?»

Баопу-цзы ответил: «Многие животные умеют впадать в спячку, и подавляющее число птиц умеет летать, но только черепахи и аисты способны обрести долголетие и продлить жизнь: ведь то, благодаря чему они не умирают, не является следствием их умения впадать в спячку или летать. Таким образом, совершенные люди лишь призывают изучать те способы гимнастики дао инь, которые помогают черепахам и аистам продлить годы своей жизни, и подражать тому, как они поглощают пневму, чтобы отказаться от злаков¹⁴, но они вовсе не призывают учиться у них впадать в спячку или летать в поднебесье. Ведь мужи, обретшие Дао-Путь, могут наверху вознестись к облакам и тучам, а внизу снизойти в пучины рек и морей. Таким образом, Свирелевый Господин и его супруга¹⁵ вместе с фениксами воспарили в небесные просторы, а Цинь Гао¹⁶, оседлав карпа, скрылся в глубинах омутов, — таковы имеющиеся примеры. Так к чему же обращать внимание только на впадение в спячку и на умение летать! Драконы, змеи, кайманы, драконоиды-чи, обезьяны-цзюй, крокоди-

лы и термиты могут обходиться без еды всю зиму, причем они в это время, когда не едят, становятся даже жирнее, чем тогда, когда питаются обычным для них образом. И при этом никто не смог перенять у них этот способ. Вполне понятно, что в ряде случаев многие существа в некоторых отношениях превосходят человека, причем это относится вовсе не только к черепахам и аистам. Так, Тай-у учился у пауков и научился делать сети, Золотонебесный, Цзинь Тянь, смотря на девять куропаток, научился правильно определять сезоны, а Ди-сюань ждал крика феникса, чтобы открыть ноты и гармонию, Тан Яо созерцал стручковые растения, чтобы распознавать месяцы года¹⁷; человекообразные гуйчжуны знают все о прошлом, волшебные сороки ганыцзюэ знают будущее, князь рыб заранее знает, когда водоемы начнут пересыхать¹⁸, поденке ведомо, где есть подземные ключи, белый волк знал о возвышении дома Инь¹⁹, феникс-чайка предвидел расцвет дома Чжоу²⁰. Поэтому нет ничего удивительного в том, что черепахи и аисты обладают даром знания способов гимнастики дао инь и пестования жизни.

Книги бессмертных, повествующие о пути продления жизни, рассказывают о нескольких сотнях подобных форм практики, среди них есть более быстродействующие и более постепенные, более обременительные и самые необходимые — и они отнюдь не обязательно сводятся к подражанию черепахам или аистам. Мужчины наивысших способностей, используя мысль, уносятся в дальние дали и, следуя самоестественности, обретают проникновение в Сокровенное, но весьма трудно для близоруких заурядных людей продвигаться по пути, ведущему к удаленной от обыденности сути святынь-бессмертных».

Некто спросил: «Мы не знаем принципов продления жизни, пригодных для совершенных людей и открытых ими. Откуда же древние вдруг узнали о них?»

«Это похоже на речи людей темных и глупых и не соответствует тому, что говорят мужчины рассудительные и мудрые. Ведь гадания по сокровенным путям светил среди небесных узоров²¹, измерения расширений и сжатий орбит семи правящих²² дают нам возможность рассуждать об

аномалиях их движения по небосводу с тем, чтобы предвидеть расцвет или упадок в будущем. Мы поднимаем голову и рассматриваем знамения и предвестия, являющиеся в конфигурациях облаков; мы опускаем голову и разбираем черты гексаграмм и трещины на черепаших панцирях; мы передвигаем три фишки, чтобы определить, ждет ли войско в походе победа или поражение; мы также двигаем девять амулетов, чтобы определить счастливые и приносящие беды участки местности; то умножая, то деля, мы наблюдаем за состоянием божеств и демонов и смешиваем воедино шесть чувств, чтобы определить, будет ли судьбоносное счастье или нет²³. Можно познать удаленные корни всего этого и можно искать организующие принципы этого, однако люди с посредственными способностями и заурядными знаниями не смогут изучить сей глубинный порядок, и вплоть до седых волос они будут попусту пытаться отпереть замок этих тайн, достигая своей мыслью лишь шелухи и кожуры, тогда как сокровенное и чудесное зерно останется за пределами досягаемости их пытливости. Ведь даже в грубой работе колесного мастера есть не сообщаемая тайна и в жалком искусстве ловли кузнечиков есть божественное умение²⁴. А ведь мастера в тех видах работы являли тончайшее совершенство! Так что же тогда говорить о пути святых-бессмертных, суть которого глубока и далека, а искать корни и стебли которого уж никоим образом не легко. Ученики Чи Сун-цзы и Ван Цзы-цзя²⁵ хотя и добились нужного результата, отнюдь не были способны понять то, благодаря чему этот результат достигается. Так что уж тут говорить об обычных людях! Таким делам можно учиться, и поэтому люди древности записывали их и хранили, чтобы передавать рассудительным, и только. Если разум понимает, то и воля обретается — тогда надо с доверием практиковать эти методы; а если в груди рождаются сомнения, то уж достичь успеха не судьба. К чему же бесплодно задавать вопрос, почему одни древние знали это и почему мы одни этого не знаем?! Ныне я знаю, что состояние бессмертного можно обрести. Я могу перестать есть зерно, я могу гарантировать, что благодаря текущему жемчугу можно летать и что желтое

золото и белое серебро можно создать. Хотя я и искал усердно коренной принцип этих явлений, тем не менее не смог познать их сущностную основу. Мирские же люди считают, что лишь доступное их пониманию — есть, а того, что ему недоступно, — того вовсе и нет. Но тогда не слишком ли мало существующего останется в Поднебесной?

Когда Лао-цзы говорит, что „голова ласки“²⁶ может излечивать нарывы, а древоточец — дупла в зубах, то это как раз то, до чего вполне можно дойти самому. Но когда мы узнаем, что крабы портят лак или что конопля губит вино, — это уж никак нельзя объяснить с помощью общепринятых принципов. В природе перепутались и смешались мириады различий, как же можно считать, что наша мысль достигла предела понимания мироздания? Представьте себе, что у вас опасная болезнь, а вы отказываетесь принять спасительное лекарство, не узнав сперва, какими соображениями руководствовались Шэнь-нун и Ци-бо²⁷, предписывая его. Разве не было бы такое поведение нелепым?»

Некто спросил: «Жизнь и смерть зависят от предопределения, и длительность жизни строго определена. Поэтому не может быть таких снадобий, которые здесь могли бы что-то убавить или что-то прибавить. Если отрезать палец и приставить его вновь к руке, он уже не прирастет к ней; если из раны течет кровь, а раненый начнет ее пить, то восполнить потерю крови таким образом не удастся. А уж тем более это справедливо относительно применения субстанций другого рода, таких, как лекарства из сосны или кипариса, принятые в надежде продлить годы быстротечной жизни. Это абсолютно бессмысленно».

Баопу-цзы сказал: «Если так рассуждать, то получится, что польза может быть только от сродственных субстанций. Отсюда и примеры с отрубленным пальцем и текущей кровью. Но если бы все было так, почему отрубленный палец все-таки не прирастает, а выпитая кровь не восполняет ее потери при кровотечении?

Я несколько раз видел, как люди приклеивали отрубленный палец „пастой из змеиного зева“²⁸ и использовали побеги шелковицы, чтобы заменить ногу у курицы или утки. Поэтому пользу от применения веществ иного рода ни-

коим образом нельзя отрицать²⁹. Ведь если следовать вашим словам и не полагаться на вещества иного рода, то нам придется раскромсать плоть и сварить собственные кости, чтобы приготовить лекарства от ранений, и мы будем вынуждены жарить кожу и тушить волосы, чтобы лечить облысение. Ведь вода и почва не того же рода, что растения, но растения живут и растут благодаря им. Ведь пять видов злаков не принадлежат к роду человеческому, но люди используют их для еды, чтобы поддержать свою жизнь. Масло не того же рода, что огонь, вода не принадлежит к породе рыб, однако если масло кончается, то и огонь не горит; если же вода пересыхает, то и рыбы гибнут. Срубите дерево, и древесный гриб на нем погибнет, скосите траву, и повилика пожухнет. Если речные крабы не вернуться в реку, то и их моллюски-паразиты погибнут; если срубить шелковичные деревья, то и личинки шелкопряда умрут. Если все это рассматривать лишь с позиций сродства видов, то разве это можно объяснить? Если положить металлы и минералы на глаза покойника, то процесс тления не начнется; если положить мясо и кости в рассол, то плоть пропитается им и мясо не протухнет. А тем более стоит ли удивляться тому, что если мы примем внутрь субстанцию, полезную для здоровья, то наша жизнь продлится?»

Некто спросил, ставя в затруднение: «Независимо от того, правда написана в книгах о способах святых-бесмертных или же нет, написаны они, конечно же, неизвестно кем, — ни одна из них не вышла из-под кисти Хуан-ди или Лао-цзы, и ни одну из них не видели ни Чисун-цзы, ни Ван Цзы-цяо».

Баопу-цзы сказал: «Согласно вашему изысканному рассуждению, в таком случае все они должны быть бесполезны, но используйте даже малейший из описанных в них методов, и вы увидите, что он вполне действителен. Я несколько раз видел, как люди ночью добывают воду благодаря зеркалу „вечерней луны“³⁰, а днем добывают огонь при помощи „солнечного стекла“; я видел, как люди постепенно исчезают, вплоть до полной невидимости; я видел, как изменяют свой облик и превращаются в другое существо; я видел, как завязывают узел на платке, кладут пла-

ток на землю, и он превращается в бегущего зайца; я видел, как сшивают вместе красные ленты, и они превращаются в ползущих змей; я видел, как мгновенно созревают тыквы; я видел, как драконы и рыбы выпрыгивали из таза с водой и вновь скрывались в нем, а также многое другое, подобное перечисленному выше.

В „Истории Хань“ рассказывается, что когда Луань Да³¹ впервые был представлен императору У-ди, ему предложили сыграть в шашки, и тогда он сделал так, что фишки сами стали делать ходы. В „Истории Поздней Хань“ также рассказывается, что Вэй Шан мог становиться невидимым прямо сидя на своем месте, а Чжан Кай умел разгонять тучи и прогонять облака³². Все эти рассказы записаны настоящими историками, достойными всяческого доверия, а из этого можно сделать вывод, что эти сообщения, относящиеся к вопросу о святых-бессмертных, отнюдь не являются пустыми побасенками. Если даже такие мелочи оказываются вполне реальными, то почему бы не быть таковым и учению о пути продления жизни?!»

Некто спросил: «Если искусству святых-бессмертных можно научиться, после чего человек способен взмыть в небесную высь, отвратиться от заурядного, отбросить мирское, то все займется этим и некому будет совершать ритуалы подношения жертвенной пищи предкам, и духи-нави покойных предков тогда останутся, очевидно, голодными. Разве не так?»

Баопу-цзы сказал: «Я слышал, что если тело сохранено без ущерба для него, то это и есть предел сыновней почтительности³³. А тем более это применимо к пути бессмертных, продлению жизни и вечному видению, когда человек оказывается в состоянии сравниться в своем долголетии с Небом и Землей, что разве во много раз не превосходит простое сохранение тела и его возвращение в невредимом состоянии покойным предкам?! Разве не могут бессмертные возноситься в небесную высь и гулять по солнечным лучам, когда облака для них — пол, а радуга — крыша? Разве не вбирают они флюиды рассвета и не вдыхают тончайшие ароматы темного — Неба и желтого — Земли? Разве то, что они пьют, — не нефритовый сок и золотой напи-

ток; разве то, что они едят, — не грибы зимородкового цвета и не соцветия цвета киновари? Разве место, где они живут, — не нефритовые палаты и драгоценные покои; разве те просторы, по которым они бродят, — не Великая Чистота беззаботного скитания?³⁴

Когда духи-нави предков узнают об этом, они разделяют славу бессмертных или как помощники Пяти Императоров, или как правители множества одухотворенных существ³⁵. И это высокое положение они получают, не ища его, просто так, без усилий. А пищей им будут служить утонченнейшие яства и драгоценнейшие блюда. Их сила будет такова, что они смогут держать в руках контроль над Лофэн, их мощь будет такова, что их голос сможет сокрушить Лянчэн³⁶. Если люди действительно будут следовать по этому пути, постигая его тайну, то никому из их предков не придется голодать. Из тех, кто обрел Дао-Путь, нет никого, кто был выше Бо-яна³⁷. У Бо-яна был сын по имени Цзун. Он служил военачальником в царстве Вэй, и за это был пожалован уездом в местности Дуаньгань. Из этого совершенно отчетливо видно, что изучающие путь бессмертных сами могут иметь детей и младших братьев, которые будут совершать все положенные жертвенные обряды. Почему же тогда совершение жертвенных обрядов должно прерваться?»

Некто спросил: «Говорят, что мужи, обретшие Дао-Путь, достигнув совершенства в дыхательных упражнениях, преуспев в выполнении всех диетологических предписаний, приобретают способность, заткнув уши, слышать звуки, раздающиеся на расстоянии тысячи ли от них, закрыв глаза — видеть будущее, или же могут, отказавшись от услуг блистательной четверки коней, оседлать драконов. Они могут покинуть Божественный континент³⁸ и поселиться на Пэнлае или Инчжоу. Иногда они вновь возвращаются в мир повседневности и беззаботно скитаются среди людей, не оставляя следов в Сокровенной Пустоте. То, с чего все они начали, — одно и то же, но то, чем они кончили, — разное. Почему это так?»

Баопу-цзы сказал: «Мой покойный учитель как-то говорил мне, что все бессмертные, независимо от того, возно-

сятся ли они на небо или же остаются жить на земле, — все они равным образом идут путем продления жизни, а потом каждый из них просто выбирает для жизни то место, которое ему больше нравится. Если человек применяет методы приема перегнанной киновари и золотого раствора, но хочет остаться в нашем мире, то ему надо использовать только половину дозы, а вторую половину оставлять нетронутой. Если же потом он все же надумает вознестись на небо, то ему достаточно допить эликсир до конца. Если бессмертие обретено, то и мысли о быстротечности времени больше не возникают. Если такой человек хочет странствовать по земле или вступить в славные горы, то о чем же ему тогда печалиться?

Пэн-цзю говорил, что на Небе есть множество почитаемых великих сановных божеств и поэтому новые бессмертные могут получить только незначительные должности. Их обязанности многообразны, и часто они гораздо более трудны и обременительны, чем те, что были у них прежде на Земле. Поэтому он сам отнюдь не стремился на Небо и прожил на Земле более восьмисот лет.

Также говорят, что у древних бессмертных тело покрывалось перьями, у них вырастали крылья и они превращались в летающих существ³⁹. Утратив коренные черты человеческого облика, они приобретали тело другого типа, что сродни тому, как воробьи превращаются в устриц, а фазаны — в улиток⁴⁰. Но это не человеческий путь. Человеческий путь — есть вкусную еду, носить тонкие одеяния, предаваться утехам сил *инь* и *ян*⁴¹, занимать высокое официальное положение, сохранять остроту зрения и чуткость слуха, а также крепость и силу мышц и костей, иметь приятную внешность, не впадать в маразм в старости, продлевать годы жизни и обретать вечное видение, уходить и приходить по собственной воле, не страдать от холода, жары, ветра и сырости, не поддаваться вредному воздействию со стороны демонов, духов, а также всякой нечисти, не становиться жертвой пяти видов оружия или яда, никогда не утомляться от печали, радости, клеветы и гордыни, — все это ценится людьми.

Не слишком много найдется людей, которые захотят отказаться от жены и детей, одиноко жить среди гор и

озер, отбросить все принципы людской жизни и жить, считая деревья и камни своими близкими.

Некогда господин Ань Ци, лунмэйский герцог Нин, сюаньский герцог и Инь Чан-шэн⁴² — все они приняли дозу золотого раствора. Они продолжали оставаться в миру приблизительно тысячу лет, а потом покинули его. Ясно, что ищущие долгой жизни все еще до сегодняшнего дня не могут освободиться от объектов их влечений, и только. Они все еще далеко не уверены, что полет в небесные выси или парение в поднебесье превосходят земные удовольствия. Если по какой-либо счастливой случайности некий человек обретет бессмертие, не покидая своей семьи, почему он должен обязательно устремиться на небеса? Когда человек, обретший бессмертие, перестает держаться за мирские принципы, это уже совсем другое дело. Вот что имел в виду Пэн-цзу, когда он говорил, что еще привязан к человеческим чувствам».

Некто спросил: «Стремящиеся к обретению Дао-Пути должны вначале накопить заслуги. Это так?»

Баопу-цзы сказал в ответ: «Это так. В средних главах „Канона нефритовой печати“⁴³ сказано, что прежде следует накапливать заслуги, а потом избавляться от недостатков. Для стремящихся к обретению Дао-Пути спасать людей от опасности, помогать им избежать горестей, охранять их здоровье от недугов, дабы они не умерли раньше срока, — их наивысшая заслуга. Взыскующие бессмертия должны считать корнем преданность, сыновнюю почитательность и поведение, следующее нормам гуманности и верности. Если совсем не совершенствоваться в добродетельном поведении, а только заниматься магией, то продления жизни обрести невозможно. Если совершены большие злодеяния, Властелин Судеб⁴⁴ делает об этом запись, а если малые проступки, то производит расчет. По соотношению совершенных злодеяний и проступков он определяет, велико или мало наказание. Если человеку предопределено долголетие, выраженное неким числом лет, и если это число достаточно велико, то записи Властелина Судеб медленно сокращают жизнь и смерть приходит не сразу. Если же отмеренный срок жизни невелик, а совершенных проступ-

ков много, то записи Властелина Судеб быстро сокращают жизнь и человек умирает рано.

И еще там говорится, что если человек хочет стать земным бессмертным, то ему надо совершить триста добрых дел, а если небесным бессмертным — то тысячу двести добрых дел. Если совершено тысяча сто девяносто девять добрых дел, а потом вдруг одно злое, то утрачивается действенность предыдущих добрых дел и их совершение надо начинать сначала. Поэтому речь не идет о том, чтобы добрых дел было много, а злых — просто мало.

Если даже никакого дурного дела не совершено, а человек только и разглагольствует о своих поступках и начинает требовать вознаграждения за них, действенность содеянных им добрых дел также немедленно сходит на нет, но только этих конкретно, а не всех его добрых дел вообще.

В нем также говорится, что если совершение добрых дел еще не закончено, а прием снадобий бессмертных уже начат, пользы от него никакой не будет. Но если только совершать добрые дела, но не принимать снадобья бессмертных, то, хотя и нельзя будет достичь бессмертия, все же можно будет избежать напасти внезапной смерти. Я сильно подозреваю, что отказ Пэн-цзу был обусловлен тем, что он не закончил еще сбора достаточного количества заслуг и поэтому не мог вознестись на небо».

Примечания

¹ Великий Гончар (*тао е*) — традиционное даосское обозначение Дао-Пути как производителя всего сущего, «лепящего» его из субстанциональной пневмы (*ци*), подобно гончару.

² Блюдение Одного (*шоу и*) — набор даосских методов созерцания и визуализации божеств, сопряженных с дыхательными упражнениями. Именно из этой практики позднее формируется «внутренняя» алхимия (*нэй дань*). Практике блюдения Одного посвящена гл. 18 «Баопу-цзы».

³ Зародышевое дыхание (*тай си*) — особый тип дыхательной гимнастики, известный с эпохи Хань. Он предполагает умение растягивать задержку дыхания и делать незаметными вдох и выдох: человек должен дышать как бы подобно зародышу в утробе матери. Зародышевое дыхание подробнее описывается Гэ Хуном в гл. 8 «Баопу-цзы».

4 Образ, восходящий к «Янь-цзы чунь-цю».

5 Восемь пределов (*ба цзи*) — четыре основные и дополнительные стороны света.

6 Пять цветов коррелируют с пятью нотами китайской гаммы, пятью вкусовыми ощущениями и пятью первоэлементами. Это сине-зеленый, *цин* (дерево), красный (огонь), желтый (земля), белый (металл) и черный (вода).

7 Эти тексты до нас не дошли. Первый из них упоминается Гэ Хуном в его каталоге даосских книг (гл. 19); возможно, он был написан в позднечжоускую или циньскую эпоху (III в. до н.э.). Второй текст, судя по косвенным указаниям, был связан с культом звезды Тай-и и написан при Хань на рубеже н.э.

8 Здесь звездой употреблен иероглиф «цин» — «темно-синий», «сине-зеленый».

9 Это два вида мифических коней. Иногда *тэн-хуан* и светоносное благовецкое создание (*цзе гуан чжи шоу*) рассматриваются как названия одного и того же животного. Эти образы восходят, видимо, к «Канону гор и морей» («Шань хай цзин»), раздел «Нэй бэй цзин» («Канон внутреннего севера»), гл. «Цюаньфэнго». В даосской антологии XI в. «Семь грамот из облачного книгохранилища» («Юнь цзи цзи цянью») говорится, что светоносное благовецкое создание похоже на барсука, может говорить на языке северных варваров и испускает сияние (цзюань 23).

10 Имеется в виду глава «Исторических записок» («Ши цзи»), посвященная гаданиям (цзюань 128).

11 То есть в междуречье Янцзы и Хуанхэ (преимущественно территории современных провинций Аньхуэй и Цзянсу).

12 Чэнь Чжун-гун (Чэнь Ши) жил в конце правления династии Хань, и его биография имеется в «Истории Поздней Хань».

13 Этот текст был утрачен еще в древности (не позднее середины X в.).

14 Отказ от злаков (*цзюэ гу*) — обозначение поста в даосской терминологии. Очень часто так обозначается и полное воздержание от пищи.

15 В «Жизнеописаниях бессмертных» («Ле сянь чжуань») рассказывается, что Свирелевый Господин (*Сяо-ши*) жил в эпоху Чунь-цю в правление циньского Му-гуна и был прозван так за умение прекрасно играть на свирели. Му-гун захотел отнять у него жену и сделать ее своей наложницей. Тогда Свирелевый Господин вызвал феникса и вместе с женой улетел на нем на небо.

16 Цинь Гао — еще один персонаж из «Жизнеописаний бессмертных», родом из государства Чжао. Однажды он вместе с учениками пришел на берег реки Чжошуй, где постился и совершал омовения, а потом сел верхом на киноварно-красного карпа и исчез в водных пучинах.

17 Тай-у — мифический культурный герой Баоси-ши, иногда отождествляемый с императором Фу-си. Согласно традиции, он избрал ткачество, наблюдая за пауками.

Цзинь Тянь — сын мифического Хуан-ди (Желтого Императора). Наблюдая за поведением птиц, он установил порядок традиционного китайского календаря. отождествляется с императором Шао-хао.

Ди-сюань — см. коммент. 70 к гл. 2. Он также считается создателем музыкальной гаммы.

18 Гуйчжун (иногда *чжунгуй*) — фантастическое животное, облик которого в текстах не описывается. Иногда считается, что он наделен знанием будущего, тогда как знание прошедшего принадлежит существу *син-син* (некто вроде снежного человека).

Ганьцзюэ (или *ганьцзе*) — особые южные сороки, которые знают будущее, но совершенно забывают о прошлом.

Князь рыб (*юй бо*) — водяной, повелитель рыб. В каждом крупном водоеме есть свой *юй бо*. Он имеет облик человека и ездит верхом на коне.

19 Представители натурфилософской школы пяти первоэлементов (*у син цзя*) считали, что белые волки предвизят восхождение и падение династий. При этом они опирались на фразу из «Шу цзина» («Канон истории»), гласящую, что Чэн Тан, основатель государства Шан-Инь, однажды увидел белого волка, державшего в зубах реестры великого Юя, основателя предшествовавшей Шан-Инь династии Ся.

20 Об этом сообщается в «Речах царств» (гл. «Речи царства Чжоу»). Согласно толковому словарю ханьского ученого Сюй Шэня «Разъяснение иероглифов простых и сложных» («Шо вань цзе цзы»), здесь речь идет об особой волшебной птице, родственной фениксам.

21 Небесные узоры или небесные письмена — созвездия как небесное выражение универсального принципа *вань* (украшенность, узорчатость), проявляющегося в мире людей как письменность и культура вообще.

22 Имеются в виду Солнце, Луна и пять планет (Меркурий, Венера, Марс, Юпитер и Сатурн).

23 Имеются в виду различные мантические нумерологические процедуры и гадание по «И цзину» с применением палочек тысячелетника. Последнее предполагало деление общего числа палочек, которых было 49 (50–1), на две группы и их последующее дробление и пересчет, в результате получался набор из шести чисел, гадатель переводил их в одну из 64 гексаграмм — графических символов «И цзина» и затем истолковывал.

24 Намек на гл. 19 «Чжуан-цзы» и гл. 2 «Ле-цзы», где говорится о следовании Дао-Пути и спонтанной самоестественности (*цзы жань*) как о ключе к успеху в любом, даже самом странном и кажущемся нелепым, умении и ремесле (вроде ловли кузнечиков).

25 Чи Сун-цзы и Ван Цзы-цзяо (Ван Цю) — одни из наиболее популярных бессмертных древности. Их имена постоянно встречаются и в тексте «Баопу-цзы». Согласно легенде, Ван Цзы-цзяо

был сыном одного из царей династии Шан-Инь; отсюда и его прозвище: «ван цзы» — «царский сын», «принц».

26 «Голова ласки» — здесь имеется в виду название растения; видимо, один из видов гороха.

27 Шэнь-нун («Божественный Землепашец») — мифический император и культурный герой древности. Изобретатель земледелия.

Ци-бо — министр императора Хуан-ди. По его приказу собирал и описывал лекарственные травы; путешествовал по всему миру в поисках снадобий бессмертия.

28 «Паства из змеиного зева» (*шэ сянь гао*) — видимо, под змеиным зевом имеется в виду какое-то растение.

29 Здесь Гэ Хун опровергает один из основополагающих принципов традиционной китайской науки, согласно которому «подобное излечивается подобным» (гомеопатия). Этот принцип основывается на китайской идее «сродства видов» (*тун лэй*) и имеет достаточно умозрительный характер, зачастую противореча, по мнению эмпирика Гэ Хуна, опыту.

30 Зеркало «вечерней луны» (*си юэ*) — имеются в виду особые линзы (медные зеркала), собирающие вечернюю росу. Впервые упоминаются в «Хуайнань-цзы» (гл. «Небесные узоры», «Тянь вэнь пянь»). Далее Гэ Хун описывает добывание огня с помощью аналогичной линзы (*ян суй*).

31 О Луань Да см. коммент. 42 к гл. 2.

32 Вэй Шан и Чжан Кай — даосские маги периода Поздней Хань. О Чжан Кай см. в жизнеописании Чжан Ба «Истории Поздней Хань» Фань Е (упоминаемая Гэ Хуном более ранняя «История Поздней Хань» была утрачена еще в раннее Средневековье). Там сообщается, что Чжан Кай был способен разгонять тучи протяженностью в пять *ли*.

33 Цитата из конфуцианского «Канона сыновней почитательности» («Сяо цзин»; гл. «Разъяснение смысла почитания праотцев», «Кай цзун мин и чжан»).

34 Великая Чистота, беззаботное скитание (*тай цин; сяо яо*) — характерные даосские термины. Великая Чистота — название нижнего уровня небес бессмертных-небожителей, на достижение которого ориентируется традиция, представленная Гэ Хуном. Беззаботное скитание — термин, восходящий к названию 1-й главы «Чжунань-цзы»; он означает самоестественно-спонтанный образ жизни, без привязанностей, эгоцентризма и целеполагания.

35 Имеются в виду различные небесные духи и божества.

36 Лофэн — согласно даосским и народным представлениям, громадная гора на крайнем севере, в которой располагаются грандиозные пещеры, населенные духами и демонами; рассматривалась как обитель и источник различных демонических и божественных сил и иногда отождествлялась с обителью умерших.

Лян Чэн (Лянчэн) — по одним сведениям, божественный муж, наделенный огромной духовной силой и могуществом, по другим — обитель духов, аналогичная Лофэну.

37 Бо-ян — здесь имеется в виду не алхимик Вэй Бо-ян, а Лао-цзы, одним из имен которого было Ли Бо-ян.

38 Божественный континент (*шэнь чжоу*) — одно из метафорических обозначений Китая.

39 Само выражение *юй кэ*, «пернатый гость», стало одной из метафор отшельника-даоса.

40 См. коммент. 17–20 к гл. 2.

41 Имеется в виду сексуальная жизнь.

42 Ань Ци, Ань Ци-шэн — даос родом из Ланьэ (Шаньдун) времен императора Цинь Шихуан-ди. Собирает травы и снадобья на побережье океана. Ань Ци — один из инициаторов морских экспедиций циньского монарха, организованных для поисков блаженных островов бессмертных — Пэнлая, Фанчжана и Инчжоу.

Лунмэйский герцог Нин — даосский бессмертный с горы Лунмэйшань. У него все тело покрылось шерстью, его уши были желтого цвета, а волосы были такой длины, что он мог их пучком играть на цитре.

Сюянский герцог (Сюян-гун) — даос II в. до н.э. Был отшельником на горе Хуаньшань, а позднее наставлял в даосизме ханьского императора Цзин-ди.

Инь Чан-шэн (Инь Долгая Жизнь) — ученик даоса Ма Мин-шэна, передавшего ему важные алхимические тексты. Учитель учителя Гэ Хуна. Согласно легенде, прожил в мире триста лет, а потом вознесся на небеса.

43 О «Каноне нефритовой печати» («Юй цян цзин») подробнее см. гл. 12 и 17 «Баопу-цзы».

44 Властелин Судеб (*Сымин*) — даосское божество, упоминаемое уже в «Чжуан-цзы». В гл. 6 «Баопу-цзы» Властелин Судеб (Распорядитель Судеб, Повелитель Судеб) определен как разумный мировой Дух (*цзин шэнь*), соотносящийся с миром, как дух человека с телом, и воздающий каждому по делам его.

ГЛАВА 4

О золоте и киновари

Баопу-цзы сказал: «Я изучил и просмотрел тысячи книг, посвященных питанию природы — сущности и вечному видению, но среди них не было ни одной, не учившей, что главное — это перегнанная киноварь и золотой раствор¹. Эти два вещества — высшее в учении о пути бессмертия. Если бы изготовление их не приносило бессмертия, то с самой древности в мире не было бы бес-

смертных. В то время когда вся страна была охвачена смутой и люди разбегались во все стороны, ища спасения, я объехал земли Сюй, Юй, Цзин, Сян, Цзян и Гуан. Там я встречался с даосами, переселившимися в эти места. Этих даосов было более ста человек. Слава о некоторых из них доходила до меня и прежде, и я считал их представителями заоблачного племени. Но в одном все они были похожи. Они знали только различие глубокого и мелкого, бытия и небытия, но этих знаний недостаточно для того, чтобы научиться переплавлять металлы. Каждый из них имел несколько десятков книг, но толком смысла их не понимал, только лишь переписывал да хранил. Время от времени попадался кто-нибудь, умеющий направлять эфирную пневму-ци по каналам своего тела, были среди них также воздерживающиеся от употребления злаков и знающие способы приготовления снадобий из различных трав и растений. Все их книги по магии были очень похожи одна на другую. У каждого из них непременно была „Книга о Механизме Дао“, и все считали, что в ней заключены высшие тайны. Они говорили, что сочинена она Инь Си². Я же разъяснил им, что она написана вэйским военачальником Ван Ту, а не древними. Ван Ту ничего не знал о великом снадобье и хотел обрести искомое бессмертие направлением пневмы-ци в один из „покоев“ тела. Об этом он написал в „Механизме Дао“, утверждая, что до конца исчерпал смысл Дао в этом сочинении. И это тоже чрезвычайно вводит людей в заблуждение. Я спрашивал всех этих даосов об одушевленной киновари и золотом растворе, о «письменах Трех Августейших», а также о способах призывания духов Неба и демонов Земли. Однако так и не нашел никого, кто знал бы об этом. Своей похвальбой и хвастовством они обманывали людей, говоря, что сами давно достигли долголетия. Кроме того, они утверждали, что странствовали вместе с бессмертными. Таково большинство их. Достаточно знающих же среди них крайне мало. Те же, кто слышал о золоте, киновари, ничего не говорили о том, что ныне кому-то удалось обрести их. Они говорили, что только в совершенной древности таким образом становились бессмертными, только тогда можно бы-

ло научиться способам его обретения. Некоторые из этих людей используют ложную магию, но не имеют истинных канонических книг³.

Некоторые постигли рецепты измельчения киновари и сочли, что в них и заключаются способы изготовления киноварного эликсира.

Этим и исчерпываются их знания.

Некогда Цзо Юань-фан⁴ на горе Тяньчжушань погрузился в созерцание, и некий святой дал ему „Книгу бессмертия, даруемого золотом и киноварью“. А тут как раз в конце правления династии Хань поднялась смута. Цзо Юань-фан не впал в растерянность и бежал из земель Хань на восточный берег Цзяна. Он твердо намеревался укрыться на какой-нибудь славной горе и совершенствоваться в продвижении по этому пути.

Я от своего двоюродного деда бессмертного Гэ Сянь-гуна⁵ получил эту книгу, которую тот в свою очередь получил от Юань-фана. Также от него я получил „Книгу киновари Великой Чистоты“ в трех цзюанях и „Книгу киновари Девяти Треножников“ в одной цзюани. Кроме того, получил „Книгу золотого раствора“ в одной цзюани. Мой учитель господин Чжэн⁶ был учеником моего двоюродного деда бессмертного Гэ Сянь-гуна и от него получил эти сочинения. Но его семья была бедна, и он не мог купить необходимых снадобий. Я, как ученик, служил ему, убирая и подметая его жилище. Наконец после долгих сборов мы на горе Мацзишань установили алтарь; дав клятву, я получил эти тексты, и мы вместе устно твердили поучения, которые я не записал. Эти книги прежде не были известны на востоке от Цзяна. Они пошли от Цзо Юань-фана. Юань-фан передал их моему двоюродному деду, а он вручил их господину Чжэну. Господин Чжэн передал их мне. Таким образом, другие даосы ничего не могли знать о них; однако когда я получил эти книги, мне было примерно двадцать лет, я был беден и не имел средств для изготовления эликсира, поэтому мне оставалось только сокрушаться.

Между тем иные люди имеют сундуки, наполненные золотом, и горы денег, но у них нет ни малейшего понятия об этом способе, ведущем к бессмертию. А если и услышат,

то вряд ли хоть один из десяти тысяч поверит в него. Почему же это так? Ведь когда отведаешь вкус нефритового напитка, то поймешь всю ничтожность вкуса отваров из съедобных трав. Когда увидишь гору Куньлунь, то поймешь, как невысоки холмы и пригорки. Так же и те люди, которые узнали способ приготовления золота и киновари, не хотят уже больше смотреть на записи ничтожных из ничтожных рецептов. Но поскольку великое снадобье трудно изготовить, следует создавать и малые эликсиры, чтобы употреблять их для поддержания жизни. Однако даже если принимать десятки тысяч мер других снадобий, то все же польза будет невелика и люди не смогут благодаря им продлить свою жизнь.

Поэтому наставление Лао-цзы гласит: „Напрасно утруждать себя, пока не обретишь золотой раствор и перегнанную киноварь. Ведь даже пять злаков поддерживают жизнь. Когда люди обретут их — они живы, когда перестают есть, то умирают, а тем более если принимать высшее духовное снадобье! Оно в десять тысяч раз превосходит пять злаков“.

Золото и киноварь — это такие вещи, которые чем больше накаливают, тем все более сокровенны их превращения. Когда желтое золото помещают в огонь, то оно не разрушается и через сотню переплавок, а когда его погребают, то оно не сгниет до скончания дней. Когда эти два вещества принимаешь внутрь, то закаляешь свое тело, и это дает человеку возможность не стареть и не умирать. Это означает заимствование силы внешних вещей для укрепления самого себя. Это похоже на питание огня жиром: если питаешь его, то он не гаснет. Или если медной синью покрывать ноги, то когда войдешь в воду, они не сгниют⁷. Это означает использование силы меди для защиты плоти. Золотой раствор и перегнанная киноварь, войдя в тело, впитываются им и великолепно защищают его, не то что медная синь, защищающая тело только снаружи.

Много людей на свете, не верящих в высшее Дао и поэтому не беспокоящихся о подобных вещах. Но вот в один прекрасный миг вдруг найдется тот, кто хочет заняться благими делами, но и он не знаком с этими способами, не

встречает просвещенного учителя и не узнает от него поэтому о том, что в Поднебесной есть такие тайные явления. Вот я сейчас и предпринял это краткое описание града золота и киновари, чтобы лучшие из грядущих единомышленников усердно искали эликсир и чтобы ищущие его не смели придерживаться ничтожных и близлежащих методов, если хотят уйти из мира суеты.

Не встретившиеся с этим способом, но взыскующие его должны сосредоточить свой ум на стремлении к неиссякаемому, и тогда в мыслях явятся им эти объяснения.

И уж конечно, сами они постараются уйти из желтой грязи и плавать по лазурному, отвернуться от светлячков и обратиться к солнцу и луне, услышать удары града и постигнуть грубость рыночных барабанов, увидеть громадного кита и понять крошечность дюймового зернышка — поймут, что в это звучание никто не проник раньше. А тот, кто хочет с помощью низших снадобий во всем уподобиться взмывающим в небо, чем он отличается от людей, которые, погоняя хромого осла, гонятся за стремительным ветром или, гребя на плетеном челне, переплывают великую реку.

Способов приготовления малых киноварных таблеток очень много. Среди этих способов есть и глубокие, и мелкие, потому что силы, необходимые для изготовления разных снадобий, неодинаковы. Хотя они и могут принести определенную пользу, тем не менее если перегонка мало, то и совершенства эликсира не достичь. Так, вино, девятикратно перебродившее, несравненно превосходит по вкусу вино, перебродившее только один раз. Так же и слабейшие из этих малых киноварных эликсиров значительно превосходят даже наилучшие травяные и растительные снадобья.

Когда растительные снадобья раскаляют, они превращаются в золу, а если раскалять порошок киновари, то он превратится в водяное серебро-ртуть⁸. Если же многократно перегонять ртуть, то она опять станет киноварным порошком. Вот почему травы и растения остаются далеко позади. Поэтому только такой способ может дать людям долгую жизнь, но одни лишь святые-бессмертные понимают это, а они ведь намного превосходят обывателей. Даль

их разве не беспредельна! Миряне мало знают и многому удивляются. Они даже не знают, что водяное серебротуть получается из киноварного порошка. Они говорят, что в это невозможно поверить: киноварь по природе красная субстанция, как же она может стать такой вот белой субстанцией? И еще говорят: киноварь — вещество твердое, а если раскалить твердое вещество, то оно превращается в золу, неужели с одной лишь киноварью дело обстоит иначе? Даже такие простые вещи им непостижимы, когда же они слышат о пути бессмертия, то громко смеются над этим. И это им не подходит! Праведные люди древности, сострадая к людям будущего, способным к обучению, и составили для них рецепт, желая освободить их от бедствия гибели и смерти. Их поучения можно назвать высшими речами, однако обыватели вовсе не верят им, называя пустыми писаниями. Если бы это действительно были пустые писания, то разве можно было бы совершить девять перегонок и девять превращений точно за такое число дней, какое и указывается в их рецептах? То, что постигли праведные люди, абсолютно недоступно плоской недалекой мысли обывателей.

Я с молодости полюбил искусство магии и предпринял путешествие, чтобы спрашивать об учении у знающих людей и учиться у них. Я не боялся больших расстояний и всякий раз бывал рад, когда слышал нечто необычное. Хотя порой я и встречал насмешки и клевету, я не беспокоился из-за этого. Я знаю, что будущее не сможет сравниться с современностью. Поэтому я написал это сочинение, чтобы продемонстрировать то, что знаю. Неужели это слова, прославляющие удивительное и приукрашающие пустоту? Я хочу, чтобы этот труд стал известен потомкам, и верю, что он в конце концов распространится по миру. Но ведь даже расцвет *ян* не может заставить цвести засохшее или гнилое. Даже наивысшая мудрость не сможет исправить низких и глупых.

Книги передаются лишь понимающими, дела ценятся только знающими. Крестьянин будет использовать ярко-красный ритуальный лук, чтобы прогонять птиц с полей, а южные варвары-и будут надевать парадное облачение

во время сбора хвороста. Да и чем могут быть сильны невежды!

Мирские люди объедаются целыми днями и отнюдь не усердны в занятиях, указанных последователями Конфуция и Мо-цзы. Они не исполнены служения продвижению в добродетелях, а только коротают годы и дни в праздности и забавах. Все их старания если не ради славы, то ради выгоды. Одни то возносятся в лазурь, то блуждают по желтому — земле на Срединной равнине, другие непрерывно обращаются к мискам и чаркам для еды и возлияний, иные берут себе красоток, иные погружаются в безумии в „нити и бамбук“ — музыку, иные топят себя в страсти к шелкам и парче. Иные щиплют струны так, что вредят своим жилам и костям, иные азартны в играх так, что отбрасывают даже мысли о службе. Когда они слышат речи о высшем Дао, то становятся как пьяные, а когда они пытаются читать даосские сочинения, то глаза их начинают слипаться. Они не совершенствуются и идут в область смерти, вовсе не стремясь узнать о способах питания жизни. Они сами как бы намереваются отсечь жизнь, сжечь ее, истощить ее, утопить ее. Обладающие же Дао-Путем таят как свое сокровище то, что знают, и не ищут свое знание среди людей. Да разве можно силой заставить этих мудрецов рассказывать об этом?!

Люди в мире часто говорят: „Что касается тех, кто мог бы достичь долгой жизни, то среди богатых и знатных древности должны были бы быть люди, обретшие ее, но не обрели“. Значит, такого пути нет. Но говорящие так не понимают, что и древние богачи, и нынешние совершенно одинаковы. Они и не верят, и не ищут Дао-Пути. И все они устремляются лишь к тому, что пожелают, увидев перед собой. Опять-таки, как они могли бы обрести истину? Ведь они даже по приказу неспособны на это.

Даже верящие, что жизнь можно продлить и что бессмертие можно обрести, тоже вызывают лишь жалость, когда они пробуют достичь этого, а пробы приводят к ничтожным результатам. Используемые ими методы малоплодотворны, они только и дают что двести-триста лет жизни. Разве подобное продление жизни намного превосходит кратковременность жизни обычных людей?

Дела, творимые в Поднебесной, многообразны, но из всех из них искусство обретения Дао-Пути постичь наиболее трудно. Как же люди посредственных способностей могут безо всяких сомнений утверждать, что в мире нет пути продления жизни?!

Если же и в самом деле считать, что раз люди мира в это не верят, то этого и нет, — что же, значит, все люди в мире — мудрецы? Но откуда же там много мудрецов? И не получится ли тогда, что все, кто постиг смысл Дао-Пути и стремится обрести его, на самом деле — совершенно глупцы, стоящие ниже, чем мирские люди? Кроме того, иногда человек не размышляет о поисках методов продления жизни, так как боится, что в случае неудачи люди будут смеяться над ним и утверждать, что он оказался во власти заблуждения. Если его разум этим приведен в смущение, то почему его не беспокоит то, что хотя один из десяти тысяч потерпел неудачу, но в Поднебесной все же в конечном счете есть путь продления жизни и что обретшие его могут сами начать смеяться над ним?

Даже Солнце и Луна не могут осветить все кругом, как же можно доверять единственно лишь разуму человека мира?!»

Баопу-цзы сказал: «В „Книге духовной киноvari девяти треножников императора Хуан-ди“ говорится, что Хуан-ди „принял эликсир и вознесся к бессмертным“⁹. Кроме того, там сказано, что хотя дыхательные и гимнастические упражнения, а также прием снадобий из растений могут продлить годы жизни, от смерти они не избавят. Прием же внутрь одушевленной киноvari дарует человеку долголетие без границ, подобное вечности Неба и Земли. Тогда он сможет мчаться на облаках, взлетать и опускаться, оседлав драконов в Великой Чистоте¹⁰. Хуан-ди передал это учение Сюань-цзы, наставляя его так: „Этот способ самый важный, и его следует сообщать только мудрецу, а если такового нет, то пусть он собрал даже горы нефрита, нельзя сообщать ему, каков этот способ.“

И пусть воспринимающий этот путь бросит в воды, текущие на восток, золотого человечка и золотую рыбу — чтобы скрепить клятву, и смажет губы кровью — чтобы

заключить союз, — но не имея костей святого-бессмертного, он все равно не будет достоин узреть этот путь“.

Смешивать киноварь должно в знаменитых горах, в месте, где нет людей. Спутников должно быть не более трех человек. Прежде следует сто дней поститься и умащаться пятью благовониями, пока не достигнешь полного очищения. Нельзя приближаться к нечистотам и водить компанию с обывателями. Кроме того, не следует, чтобы не верящие в Дао-Путь узнали об этом деле. Они злословием разрушат одушевленное снадобье. Когда снадобье получилось, то тогда не только ты сам, но и вся твоя семья обретет бессмертие. Мирские люди не смешивают духовную киноварь, но, напротив, верят в снадобья из трав и растений. Однако когда снадобья из трав и растений закапывают в землю, то они гнивают, когда их подогревают, то они разрушаются, когда их раскаляют, то они сгорают. Они не могут даже себе дать жизнь, как же они могут дать жизнь человеку?!

Девять киноварных эликсиров необходимы для продления жизни, но обычным людям никогда не должно их ни видеть, ни слышать о них. Такие люди, бесчисленные, как черви, неразумно жаждут только одного: богатства и знатности. Но не являются ли они двигающимися трупами?

Во время приготовления эликсиров следует совершать жертвоприношения. Способы и схемы совершения этих жертвоприношений описаны в специальном сочинении в одном свитке.

Первый киноварный эликсир называется киноварным цветком. Сначала следует приготовить „темное и желтое“¹¹. Затем нужно взять несколько десятков цзиней¹² смеси из раствора мужской желтизны-реальгара, раствора квасцов, грубой соли жунов, нитрума, белого мышьяка, извести, пасты красного камня, скользящего талька и свинцового порошка: эта смесь обмазывается глиной „шесть-один“¹³. Затем следует раскалить ее тридцать шесть дней, тогда можно принимать ее, и спустя семь дней станешь бессмертным. Если из этого киноварного эликсира сделать пилюлю, смешать ее с темным жиром и поставить на сильный огонь, то она обязательно мгновенно превратится в золото¹⁴. Далее,

если двести сорок чжу эликсира соединить со ста цзинями водяного серебра-ртути и прокалить эту смесь, то она также превратится в золото¹⁵. Если золото получается, значит, снадобье готово.

Если золото не получилось, следует опять обмазать снадобье и раскалить его столько же дней, сколько и прежде. Не может быть, чтобы оно и тогда не получилось.

Второй эликсир именуется одушевленной киноварью, называют его и одушевленным амулетом. Если его принимать, то можно стать бессмертным через сто дней. Можно без вреда проходить сквозь огонь и воду. Если намазать этим киноварным эликсиром ступни ног, то можно пешком идти по воде. Если принять три порции его, умещающиеся на кончике ножа, то „три трупа“ и „девять червей“ уничтожаются и сотня болезней излечится¹⁶.

Третий эликсир называется одушевленной киноварью. Если принять одну порцию его, умещающуюся на кончике ножа, то станешь бессмертным через сто дней. Даже если дать домашним животным проглотить его, то и они не умрут никогда. При помощи этого эликсира можно спастись от пяти видов оружия, и через сто дней после приема эликсира бессмертные и нефритовые девы, духи и демоны гор и потоков в человеческом обличье придут за тобой.

Четвертый киноварный эликсир называется перегнанной киноварью. Если принять одну порцию его, умещающуюся на кончике ножа, то можно через сто дней стать бессмертным. Над принявшим его станут кружить киноварно-красные птицы и фениксы. Нефритовые девы будут стоять около него. Если количество, умещающееся на острие ножа, соединить с цзинем жидкого серебра-ртути и раскалить смесь, то она тотчас станет золотом. Если намазать этим киноварным эликсиром деньги и истратить их, то они вернутся назад в тот же день. Если начертать знаки этим киноварным эликсиром на глазах обыкновенных людей, то сотня демонов убежит от них.

Пятый киноварный эликсир называется киноварной таблеткой. Если принять ее, то бессмертие наступит через тридцать дней. Духи и демоны придут служить принявшим его. Нефритовые девы предвоят их.

Шестой киноварный эликсир называется переплавленной киноварью. Он приносит бессмертие через десять дней после его употребления. Если его соединить с ртутью и раскалить, то он превратится в золото.

Седьмой киноварный эликсир называется мягкой киноварью. Если принять одну, умещающуюся на кончике ножа, порцию его, то бессмертие наступит через сто дней. Если использовать его вместе с „соком из треснувшей чаши“¹⁷, то даже девяностолетний старик сможет вновь иметь детей. Если его соединить с господином металлов — свинцом — и раскалить, то он превратится в золото.

Восьмой киноварный эликсир называется скрытой киноварью. Если принять ее, то в тот же день обретишь бессмертие. Если держать в руке кусочек этого эликсира размером с зерно жужуба, то сотни демонов сбегут от него. Если этим эликсиром написать знаки на дверях, то тьма злых духов и толпы оборотней не посмеют появиться перед тобой. Также он обратит в бегство воров и разбойников, тигров и волков.

Девятый киноварный эликсир называется холодной киноварью. Если принять порцию ее, умещающуюся на кончике ножа, то станешь бессмертным через сто дней и тебе придут служить бессмертные отроки и бессмертные девы. Хотя у тебя и не появятся крылья, тело станет очень легким и ты сможешь летать, легко взмывая вверх.

Достаточно принять лишь один из этих девяти киноварных эликсиров, чтобы стать бессмертным. Не нужно готовить все эти эликсиры, достаточно выбрать один, тот, который больше нравится, и все. Принявший девять киноварных эликсиров может, если хочет, воспарить в небесную высь или может остаться жить среди людей. Он может по своему желанию исчезать и мгновенно появляться вновь. Ничто не причинит ему вреда».

Баопу-цзы сказал: «Существует еще одушевленная киноварь Великой Чистоты. Ее способ восходит к Изначальному государю Юань-цзюню. Изначальный государь — это учитель самого Лао-цзы. „Книга созерцания Неба Великой Чистоты“ содержит девять частей. Первым трем частям нельзя обучить. Средние три части таковы, что мир недо-

стоин воспринять их. Поэтому они сокрыты в бездне под Тремя источниками. Последние три части как раз и являются „Книгой киновари“. Всего в ней три цзюани: вводная, средняя и заключительная. Изначальный государь — это великий человек, святой-бессмертный. Он может приводить в гармонию силы *инь—ян*, повелевать духами и демонами, властвовать над ветром и дождем, управлять колесницей, запряженной девятью драконами и двенадцатью белыми тиграми¹⁸. Ему подчинены все бессмертные Поднебесья. Но таким он стал, по его же словам, благодаря глубокому проникновению в суть Дао-Пути и приготовлению киноварного эликсира, а не по своей природе. Что же говорить об обыкновенных людях.

Эта книга гласит: „Ученые высших способностей, обретая Дао-Путь, возносятся ввысь и становятся небесными чиновниками. Ученые средних способностей, обретая Дао-Путь, собираются на горе Куньлунь. Ученые малых способностей, обретая Дао-Путь, продлевают жизнь в миру“. Глупцы из народа не верят этому и называют его пустыми речами. Они с утра до вечера совершают дела, приближающие смерть, и совсем не стремятся продлить жизнь. Разве может Небо принудить их жить?! Суетные люди знают только вкусную еду да нарядную одежду. Их интересуют только музыка и красотки, богатство и знатность. Они стремятся только к тому, чтобы полностью удовлетворить свои низменные страсти. И они до конца следуют этим путем, с недоверием относясь к речам об одушевленном эликсире, смеясь над Дао-Путем и клевета на истину. И не обретут такие люди канонических книг об искусстве получения эликсира, и никогда не познают они настоящего счастья. С человеком, верящим искренне, можно разделить готовое снадобье, но нельзя передавать ему метод приготовления его. Будет ли какая-нибудь нужда тому, кто познал этот способ, в царях и князьях? Человек, приготовивший одушевленный эликсир, не только сможет продлить свою жизнь, но сможет с помощью этого эликсира создавать и золото. Когда золото приготовлено, следует взять его сто цзиней и прежде всего совершить великие жертвоприношения великим. Правилам совершения жертвоприношения

посвящен один свиток. Ритуал этот отличен от жертвоприношения Девяти Треножников. Для каждого из этих жертвоприношений золото следует отвешивать особо, распределяя его так:

- для поклонения Небу — двадцать цзиней;
- Солнцу и Луне — пять цзиней;
- созвездию Северный Ковш — восемь цзиней;
- созвездию Великое Первоначало — восемь цзиней;
- созвездию Колодца — пять цзиней;
- Очагу — пять цзиней;
- Хэ-бо — двенадцать цзиней;
- общинным алтарям — пять цзиней;
- духам и демонам — охранителям ворот и селения, а также Государю Чистоты — по пять цзиней каждому из них¹⁹.

Это составит восемьдесят восемь цзиней, и двенадцать останется. Ими следует наполнить хорошую кожаную суму и в подходящий день отправиться с ней на столичный рынок. Когда на рынке соберется народ, нужно с восклицанием „хэй“ бросить ее в людное место и уйти, не оборачиваясь назад. Все остальное золото, полученное сверх этих ста цзиней, можно использовать по собственному усмотрению, но не прежде приношения золота и жертв духам, иначе непременно случатся несчастья. Кроме того, в этой книге говорится, что способ продления жизни не исчерпывается ни жертвоприношениями и служением духам, ни знанием гимнастики дао инь, ни приносимой ею гибкостью мышц. Чтобы взмыть ввысь к бессмертным, необходим одушевленный эликсир. Познать его непросто, а изготовить его поистине трудно. Если сможешь его приготовить, то тогда сможешь и продлить свое существование. В наше время, в конце правления династии Хань, некий господин Инь из уезда Синь создал этот эликсир Великой Чистоты и обрел бессмертие. Этот человек, прежде конфуцианец, был талантлив и умен. Он хорошо слагал стихи, сочинил славословие с добавлением предисловия к канонической книге об эликсире.

Описано им также, как он вначале изучал даосские методы под руководством наставника. Кроме того, он составил жизнеописания лично известных ему людей, обретших бессмертие, всего более чем сорок жизнеописаний.

Все это изложено им с большой ясностью. Приготовление эликсира Великой Чистоты несколько труднее, чем способ создания эликсира Девяти Треножников. Это высший метод обретения бессмертия, восхождения ввысь среди бела дня.

Так, нужно смешать вначале „цветочный пруд“, „красную соль“, „крепкий снег“, „темное и белое“ и „воду трижды-пяти духов летящего амулета“²⁰. После этого можно разжечь огонь.

Однократно перегнанный киноварный эликсир приносит бессмертие через три года после его приема;

двукратно перегнанный киноварный эликсир приносит бессмертие через два года после его приема;

троекратно перегнанный киноварный эликсир приносит бессмертие через год после его приема;

четверократно перегнанный киноварный эликсир приносит бессмертие через полгода после его приема;

пятикратно перегнанный киноварный эликсир приносит бессмертие через сто дней после его приема;

шестикратно перегнанный киноварный эликсир приносит бессмертие через сорок дней после его приема;

семикратно перегнанный киноварный эликсир приносит бессмертие через тридцать дней после его приема;

восьмикратно перегнанный киноварный эликсир приносит бессмертие через десять дней после его приема;

девятикратно перегнанный киноварный эликсир приносит бессмертие через три дня после его приема.

Если девятикратно перегнанный киноварный эликсир поместить внутрь „одушевленного треножника“ и в определенный день после летнего солнцестояния раскалить треножник до появления трещин, добавить цзинь „киноварно-красного младенца“²¹ и осторожно следить за тем, что происходит под крышкой, на мгновение осветив содержимое треножника на следующий день, то смесь начнет светиться и сверкать, искриться и блеснуть, ее одушевленность испустит пятицветное сияние и превратится в „перегнанную киноварь“. Если принять частицу его, уместающуюся на кончике ножа, то даже среди бела дня можно вознестись на небеса. Далее девятикратно перегнанный

киноварный эликсир надо опечатать и обмазать сосуд землей. В металле тогда возникнет огонь из половы сначала гражданский, потом военный²².

В зависимости от числа перегонок (от одной до девяти) изменяется и скорость действия эликсира, и отсюда можно узнать, сколько нужно перегонок, и вот почему: если количество перегонок невелико, то сила снадобья недостаточна. Поэтому после приема требуется много дней, и бессмертие оно приносит с задержкой. Если количество перегонок велико, то сила снадобья совершенна. Поэтому после приема нужен короткий срок, и бессмертие оно приносит быстро. Есть также рецепт приготовления „киноварного эликсира девяти лучей“ и „особый метод девяти перегонок“. Способы эти во многом похожи и заключаются в следующем. Все снадобья, используемые для изготовления эликсира, следует смешать и, нагрев на огне, перегонять таким образом пять минералов. Пять минералов — это киноварь, мужская желтизна-реальгар, белые квасцы, вещество цэнцин и магнетит²³. После пяти обработок каждый минерал станет пятицветным, пять минералов дадут двадцать пять цветов. Каждого минерала по одному лян²⁴ следует поместить в разные сосуды. Этот эликсир может поднимать мертвых, если со дня смерти прошло не больше трех дней. Если взять „синюю киноварь“²⁵ в количестве, уместяющемся на кончике ножа, и растворить ее в воде, то получится жидкость для омовения трупа. Затем нужно взять еще некоторое количество на острие ножа и положить в рот умершего. Покойник тотчас оживет. Если хочешь приготовить „кухню самоприходящих вещей“, возьми „черную киноварь“²⁶ и раствори ее в воде, а потом смажь раствором левую руку, и она тогда сама найдет любую вещь, которую назовет язык. Все эти вещи появятся сами, и ты обретишь все сущее в Поднебесной.

Если же хочешь скрыть свое тело, а также заранее знать, какие неподходящие дела вот-вот случатся, и если хочешь прожить жизнь не старея, то бери на острие ножа „желтую киноварь“²⁷ и принимай ее. Тогда ты долго будешь жить без старости, сможешь сидя на месте увидеть то, что находится на расстоянии тысячи ли²⁸, и знать о

всяком счастье и горести, как будто бы они здесь перед тобой. Ты сможешь познать все: предначертанную людям судьбу, когда ждать процветания, а когда — разорения, будет ли человек долгожителем или же умрет молодым, будет он богат и знатен или беден и презрен. Эти методы изложены в среднем свитке „Книги Великой Чистоты“».

Баопу-цзы сказал: «Существует также „Книга киноварного эликсира пяти духов“, в одном свитке которой даны пять способов приготовления эликсира. Нужно взять киноварь, мужскую желтизну-реальгар, женскую желтизну-аурипигмент, серу, желтое вещество цэнцин, магнетит, грубую соль жунов и „Зерно, оставшееся от Великого Первоначала“²⁹.

Следует также использовать глину „шесть-один“, а затем, совершив жертвоприношение духам в храме, соединить эти вещества. Эликсир будет готов через тридцать шесть дней. Также можно использовать амулет Пяти Императоров, начертанный пятью разными цветами, он тоже ведет человека к бессмертию. Но все же эти методы не могут сравниться со снадобьями „Великой Чистоты“ и киноварным эликсиром Девяти Треножников.

Есть еще метод приготовления эликсира с горы Миньшань. Даос Чжан Гай-та обрел этот метод, погрузившись в созерцание в пещере на горе Миньшань. Этот метод основан на использовании отлитого в „барабане“ сосуда из латуни, который воспринимает в себя „лунную воду“³⁰. Для этого сосуд покрывается водяным серебром-ртутью. В тот день, когда это делается, нужно поместить огонь внутрь сосуда и осторожно нагревать металл. Если часто принимать этот эликсир, то никогда не умрешь. Его можно использовать и по-другому: взять сосуд из латуни, поместить в него реальгар, и тогда сосуд воспримет солнечный свет, особенно если его к тому же покрыть ртутью и поставить на самое солнце. Через двадцать дней эликсир будет изготовлен. Потом его нужно принимать вместе с водой „колодезных цветов“-цзинхуа³¹. Пилюли должны походить на маленькие бобы.

Сто дней назад ослепший, приняв его, сможет вновь видеть, сто дней больной — исцелится, поседевшие волосы

станут опять черными, на месте выпавших зубов вырастут новые.

Есть также метод приготовления эликсира У Чэн-цзы. Для изготовления его нужно взять ртуть, полученную из киноварного песка из области Ба, поместить на медное блюдо восьми цуней³² в диаметре и поставить его в земляную печь, наполненную древесным углем, так, чтобы дна ее касались три точки блюда. Затем надо облить содержимое блюда раствором серы, тогда получится нечто, густотой напоминающее грязь. Через сто дней принимай его и станешь бессмертным.

Существует также метод приготовления эликсира Сяньмэн-цзы. Надо смешать вино и один цзинь киновари, причем вина нужно взять три шэна³³, и поставить эту смесь на сорок дней на солнце. В тот самый день, как эликсир будет принят, «три червя» и сотни болезней тотчас исчезнут. Если принимать смесь три года, то путь к бессмертию будет завершен, за сподобившимся святости придут две нефритовые девы, и он сможет сделать «кухню самоприходящих вещей». Этот эликсир может усмирить сотни демонов и умиротворить души умерших всех четырех сторон света так, что они не будут вредить жилищу. Если кто-нибудь из выходящих из-под земли захочет повредить людям, следует повесить сосуд с этим эликсиром в местах, где он проявляется, и тогда беды не случится.

Существует также «Совершенный утвердившийся эликсир». Он девятиначален³⁴ и подобен эликсиру Девяти Треугольников, но не столь действенен. Книга о его применении говорит: необходимо взять женскую желтизну-аурипигмент и мужскую желтизну-реальгар и подогревать их до тех пор, пока положенный с ними кусок меди не растворится. Из смеси нужно отлить сосуд, закрыть его на три года и натереть горьким вином. Через сто дней в этом сосуде появятся красные выпуклости величиной в несколько фэней³⁵ или же пятицветные драгоценности лангань. Надо принимать те, которые с прожилками. Чтобы продлить чью-либо жизнь, можно еще смешать их с ту сы³⁶. Ту сы — это молодой корень, его форма напоминает фигуру тигра. Корень нужно выкопать и выжать из него сок. Из сока, который смеши-

вают с киноварью, и готовится эликсир. Тот, кто принимает его, сможет мгновенно совершать любые превращения по своему желанию.

Также смешивают этот эликсир с киноварно-красной травой. Однажды приняв его, можно двигаться, воссев на пустоту, и странствовать на облаках. Киноварно-красная трава напоминает маленький жужуб, но вырастает и до трех-четырех чи³⁷. Ее ветви и листья красного цвета, а ствол напоминает по виду коралл. Это растение любит расти у подножия каменистых скал на знаменитых горах. Если надрезать его, то сок потечет, подобно крови. Затем следует бросить в сок нефрит, восемь минералов, золото и серебро. Смесь сразу можно будет катать в шарики, как глину. Через продолжительное время она растает и станет жидкостью. Если бросить в нее золото, то она будет называться золотым соусом, а если нефрит, то нефритовым сладким вином. Принявшие этот эликсир смогут продлить жизнь.

Существует еще метод приготовления эликсира Цюй Фу. Среди вод Поднебесной есть знаменитые киноварные воды. К таковым относятся киноварные воды Наньяна³⁸. В них всегда водятся и киноварные рыбы. Нужно в начале лета, в ночь за десять суток до летнего солнцестояния подманивать их. Эти рыбы непременно подплывут к берегу. От них поднимаются и сверкают как пламя ярко-красные лучи. Их можно поймать в сети. Если рыбы попадается много, не следует брать все. Если разрезать такую рыбу, а ее кровью смазать ступни, то можно будет пешком ходить по поверхности воды и долго оставаться в омуте.

Есть также методы приготовления эликсира Чи Сун-цзы³⁹. Нужно взять „сок тысячелетнего дерева“ и „сок купоросного персика“⁴⁰. Смазанную ими киноварь следует положить в сосуд, не пропускающий влаги, а отверстие его замазать отборным медом. Затем сосуд закопать в землю, на глубину в три чи, сроком на сто дней. Потом все содержимое следует смешать с красным плодом дерева чжу⁴¹. Когда отстоится, его можно принимать внутрь, и тогда лицо, глаза и волосы на голове и висках покраснеют, а срок жизни будет увеличен. Не принимал ли его внутрь в преж-

ние времена один из бессмертных Срединной Желтизны, Чи Сюй-цзы — Красноусый?

Существует, кроме того, эликсир учителя Ши. Надо взять неоперившихся птенцов⁴² и выкармливать их „истинной киноварью“ и говядиной. Когда они подрастут, а их пух и перья покраснеют, их следует убить и сто дней сушить в тени. Затем надо растолочь их перья и принять количество, уместающееся на кончике ножа, тогда через сто дней обретишь долголетие на пятьсот лет.

Есть также метод приготовления эликсира Кан Фэн-цзы. Нужно взять овечьего ворона, яйца аиста, кровь воробья и смешать с соком „небесного петуха из малого покая“⁴³. Эту смесь соединить с киноварью, налить в скорлупу яйца малого лебедя и покрыть ее лаком. Затем яйцо нужно положить в „воду облачной матери“ — слюдяной раствор⁴⁴. Через сто дней этот раствор превратится в красную воду. Единожды принятый, он продлевает жизнь на сто лет, а один шэн его приносит тысячу лет.

Есть также метод приготовления эликсира Цуй Вэнь-цзы. Взять киноварь, ввести ее в желудок утки, затем утку отварить на пару. Если принять этот эликсир однажды, то жизнь продлится, а при долгом приеме человек станет бессмертным.

Есть, кроме того, способ приготовления эликсира Лю Юаня. Следует взять киноварный порошок и положить его в „темную воду“⁴⁵. Через сто дней она станет фиолетовой и перестанет смачивать руки. Затем смешать ее с „водой облачной матери“-слюдяным раствором, налить смесь в узкий сосуд, покрыть его лаком и бросить в колодец. Через сто дней жидкость превратится в красную воду. Если один раз принять ее, то жизнь продлится на сто лет, а если принимать длительное время, то срок жизни станет еще большим.

Существует также и метод приготовления эликсира Лэ Цзы-чана. Надо взять вещество цэнцин и „свинцовую киноварь“⁴⁶, соединить с ртутью и киноварным порошком и поместить в медное ведро. Его следует запечатать черепичной глиной⁴⁷, смешанной с тальком. Затем сосуд поместить в белый песок и нагревать восемьдесят дней. Нужно

принимать эликсир в виде пилюль величиной с горошину, через три года станешь бессмертным.

Есть также метод приготовления эликсира Ли Вэня. Завернуть киноварь в шелк-сырец и варить в бамбуковом соке. Получится отвар, называемый „красным источником“. Тогда плавающее на его поверхности надо подогреть на пару. Потом добавить „темной воды“. Уже однократный прием этого эликсира даст бессмертие через год.

Также существует метод приготовления эликсира Инь-цзы. Следует взять „воду облачной матери“—слюдяной раствор, налить в сосуд и запечатать его киноварью. Потом сосуд опустить на дно „пруда золотых цветов“⁴⁸ и достать его оттуда через год. Нужно принять один цзинь этого эликсира маленькими дозами — количество эликсира, принимаемое за один раз, должно уместиться на кончике лезвия ножа. Приносит пятисотлетнее долголетие.

Существует также еще и метод приготовления эликсира „Великого Первоначала для призвания небесных и земных душ — хунь и по“. Так как для приготовления этого эликсира используются пять минералов и сосуд с ними запечатывается глиной „шесть-один“, то этот эликсир похож на два эликсира „девяти лучей“. Он имеет способность воскрешать трехдневных мертвецов. Пилюлю эликсира нужно положить покойнику в рот. Перед этим к эликсиру добавить серу, а потом необходимо влить еще и воды. Жизнь возвращается к умершему немедленно, и все воскресшие рассказывают, что они встретили за гробом посланца, призывавшего их вернуться обратно к живым.

Есть, кроме того, метод приготовления эликсира „Радужных дев“. Для того, чтобы изготовить его, нужно взять заячью кровь, киноварь и смешать все это с медом, а затем варить на пару в течение ста дней. Принимать этот эликсир следует в виде пилюль величиной с крупное зерно утуна, по одной три раза в день в течение ста дней. Тогда появятся две девы-духа, чтобы сопровождать нового бессмертного и служить ему.

Есть также метод приготовления эликсира Цзи Цю-цзы. Взять чистое бесцветное вино, конопляное масло, сладкое вино из ста цветов и „драконий жир“⁴⁹. Сосуд с этой сме-

сю запечатать глиной „шесть-один“, а затем нагревать на слабом неярком огне от сжигания шелухи в течение десяти дней. Принимать этот эликсир нужно определенными дозами в виде пилюль величиной с маленький боб. Тогда будет достигнуто долголетие в пятьсот лет.

Существует также метод приготовления эликсира Моцзы⁵⁰. Нужно взять ртуть и смешать с раствором пяти минералов. Эту смесь поместить в медный сосуд и нагревать десять дней, помешивая ее железным ковшом. По прошествии срока перегонки смесь превратится в эликсир. Если принять количество эликсира, уместающееся на кончике ножа, то мириады болезней сгинут, а если принимать его регулярно, то станешь бессмертным.

Существует и метод приготовления эликсира Чжан Цзы-хэ. Взять свинец, ртуть, вещество цэнцин, воду, смешать все это и запечатать сосуд со смесью. Затем подогреть его на пламени огня горящего красного проса в течение восьмидесяти дней. Пилюли надо готовить, добавляя в смесь финиковую пасту. Пилюли должны быть величиной с большие бобы. Если их принимать в течение ста дней, то жизнь продлится на пятьсот лет.

Существует также метод приготовления эликсира Ци Ли. Надо взять пять минералов, „нефритовую пыль“ и смешать с киноварным порошком и ртутью. Потом эту смесь поместить в большой медный сосуд и нагревать его. Через сто дней смесь станет пятицветной. Если принимать ее, то обрешь бессмертие. Если взять сто цзиней свинца и добавить в него сто порций эликсира, каждая из которых может уместиться на кончике ножа, то свинец превратится в серебро. Если добавить его в раствор серы и нагреть, то сера превратится в золото. Если золото слишком твердое, его нужно соединить со свиным жиром и раскалить. Если золото слишком мягкое, его следует смешать с белой сливой и раскалить⁵¹.

Существует, помимо этого, и метод приготовления эликсира „нефритового столба“. Нужно „цветочный пруд“ смешать с киноварью, а затем соединить это с веществом цэнцин и серой, не смешивая эти вещества. Потом все это поместить в бамбуковую трубку, закопать ее в песок и

подогревать пятьдесят дней. По прошествии ста дней после того, как эликсир принят, появятся нефритовые девы и духовные девы „шести цзя“ и „шести дин“⁵², дабы сопровождать адепта. С их помощью можно познать все явления и события Поднебесной.

Есть также метод приготовления эликсира „локтевого сустава“-чжоухоу. Взять „золотой цветок“ и киноварь, поместить эту смесь в сухой глиняный сосуд и нагревать его восемьдесят дней. Когда пилюля эликсира станет величиной с маленький боб, ее следует положить на блюдо и выставить на солнце так, чтобы сияние, исходящее от эликсира, и солнечный свет сливались друг с другом. Если принять пилюлю величиной с маленький боб, то она продлит жизнь, если же поместить ее в сосуд из даньянской меди⁵³ и раскалить его, то эликсир превратится в золото.

Существует также метод, согласно которому следует смешать жидкое масло и киноварь. Этот эликсир продлевает жизнь через сто дней после его употребления.

Есть, кроме того, метод приготовления эликсира Ли-гуна. Для него взять „истинную киноварь“ и раствор пяти минералов, каждого по одному шэну. Это вещество хорошо размешать, чтобы получилась паста, наподобие грязи, положить ее в медный котел и нагревать тридцать шесть дней, а после вынуть. Потом смешать это вещество с раствором минеральной серы и принимать эликсир в течение десяти лет. Тогда можно стать таким же долговечным, как Небо и Земля.

Существует еще и метод приготовления эликсира Лю Шэна. Надо взять сок цветов белой хризантемы, сок бумажного дерева, сок вонючего ясеня и киноварь. Эту смесь надо варить тридцать дней. Если постоянно принимать ее в течение года, то можно обрести полутысячелетнее долголетие. Старец снова помолодеет так, что его нельзя будет узнать, а молодой человек никогда не состарится.

Известен, кроме того, и метод приготовления эликсира Ван Цзюня. Нужно взять киноварный песок из области Ба⁵⁴ и ртуть. Эту смесь положить в куриное яйцо, запечатать и дать курице высидывать это яйцо. Три таких яйца способствуют появлению на теле царственных знаков. Если съесть

яйца в один день, то старость никогда не посетит адепта. Детям не следует принимать этот эликсир, так как они никогда не вырастут. Если только что родившиеся цыплята или щенки съедят его, они также не смогут вырасти. Это же относится и ко всем прочим зверям и птицам.

Существует еще метод приготовления эликсира Чэнь Шэна. Надо взять белый мед и киноварь и положить эту смесь в медный сосуд, запечатать его и опустить в колодезь. Принимающий этот эликсир не будет знать голода в течение года, а один цзинь такого эликсира продлевает жизнь на сто лет.

Кроме того, есть и метод приготовления эликсира Хань Чжун-чжуна. Для него следует варить мед и киноварь в запечатанном сосуде. Этот эликсир продлевает жизнь и улучшает зрение; а человек, принявший его, не отбрасывает тени, даже когда стоит на солнце.

Помимо описанных методов, существуют еще десятки других, но о них нельзя рассуждать здесь».

Баопу-цзы сказал: «То, что принимается внутрь как золотой раствор, приносящий бессмертие, содержит в себе влияние Великого Первоначала и не уступает девяти киноварным эликсирам. Для его приготовления нужно взять один цзинь золота, взвешенного на старых весах, и добавить „драконий жир изначального света“, „срединный камень главы Великого Первоначала“, „ледяной камень“, „деву, странствующую в пурпурном“, „темную воду“, „камень, превращающий в золото“⁵⁵ и киноварный порошок. Все это положить в сосуд и запечатать его. Через некоторое время образуется раствор. По этому поводу в „Книге истины“ говорится: „Если люди пьют золотой раствор, то их тело обретает золотистый оттенок. Лао-цзы получил этот метод от Юань-цзюнь — Изначальной госпожи. Юань-цзюнь говорила: „Этот способ чрезвычайно важен. Он дается людям раз в сто лет. Заниматься изготовлением эликсира следует в каменной постройке или в пещере. Предварительно необходим стодневный пост. К месту алхимического делания нельзя подпускать обывателей, а само место должно располагаться на знаменитой горе, причем на склоне, который спускается к реке, текущей на восток. После того как приготовлено жи-

лице, можно приступать к созданию раствора, что займет сто дней. Чтобы стать бессмертным, достаточно одного лян этого раствора. Если человеку не хочется покидать мир людей и он намеревается стать бессмертным земли и воды, то ему следует сто дней поститься; если же адепт захотел вознестись на небеса, то ему необходимо в течение года воздерживаться от употребления в пищу злаков. Если принять только пол-ляна эликсира, то и тогда жизнь продлится и бессмертие будет обретено. Мириады зол и сотни ядов не повредят адепту. Он сможет обеспечить семью и занять высокую чиновничью должность. Никто не сможет чинить ему препятствия. Но если адепт стремится вознестись на небеса, ему следует поститься сто дней, год воздержаться от употребления в пищу злаков и принять один лян раствора. Тогда непременно он вознесется к бессмертным⁵⁶.

Существует также еще более совершенный метод приготовления золотого раствора, приносящего великую радость. Нужно взять золотой раствор и одну меру водяного серебра-ртути. Эти вещества надо смешать и затем нагревать в течение тридцати дней. Потом положить эту смесь в сосуд, сделанный из желтой глины, и добавить в него глину „шесть-один“, затем запечатать сосуд и нагревать на сильном огне. Греть следует шестьдесят часов. Тогда смесь превратится в эликсир. Если принять пилюлю этого эликсира с маленький боб величиной, то быстро станешь бессмертным. Если взять на кончике ножа порошок этого эликсира и добавить его в один цзинь водяного серебра-ртути, то он превратится в серебро. Если взять один цзинь этого эликсира, нагревать его на постоянно раздуваемом огне, то он станет красным золотом⁵⁶. Его называют киноварным золотом. Если смазать им лезвие меча, то вражеское войско бежит на десять тысяч ли прочь. Если из этого эликсира сделать блюда и чашки, то человек, пивший или евший из такой посуды, продлит свою жизнь. Если такой сосуд выставить на солнечный или лунный свет, чтобы обрести жидкость этих светил, то в нем соберется целебная вода. Если ее пить, то никогда не умрешь.

Если золотой раствор и желтую землю⁵⁷ поместить в сосуд, вылепленный из глины „шесть-один“, и раскалить

его на сильном огне, то эта смесь превратится в золото. Если продолжать нагревать его дальше, то золото превратится в эликсир. Если принять его в небольшом количестве, в виде шарика размером с маленький боб, то можно удалиться в славные горы близ больших рек и стать земным бессмертным.

Если взять щепотку порошка этого эликсира, умещающуюся на кончике ножа, и добавить ее в водяное серебротуть, то эликсир превратится в серебро. Если взять один цзинь такого серебра и один цзинь свинца и соединить их, то свинец тоже превратится в серебро. Тот, кто хочет получить „Книгу золотого раствора“, должен бросить статуэтку человека весом в восемь цзиней, сделанную из золота, в реку, текущую на восток. Затем пусть он выпьет жертвенной крови в знак принесения клятвы молчания и произнесет обет. Если же какой-либо человек не последует этому наставлению, а выведает тайну разбойничьим способом и попытается изготовить эликсир, то ничего у него не получится.

Даже людям, обладающим величайшей верой, можно дать только снадобье; нельзя легкомысленно передавать эту книгу, иначе обоих — и давшего книгу, и получившего ее — постигнет кара. Небесные духи совсем рядом, и они наблюдают за людьми. Но люди ничего не знают об этом».

Баопу-цзы сказал: «Поистине, приготовление девяти эликсиров — наивысший метод обретения бессмертия посредством снадобья. Но для того, чтобы изготовить эти эликсиры, необходимо огромное количество других снадобий. Если обыскать все четыре стороны, то на рынках можно их достать, но если девять округов⁵⁸ разобщены, то всего этого добыть нельзя. Далее нужно поддерживать огонь несколько десятков дней и ночей, причем постоянно следить за силой горения и не допускать, чтобы она теряла свою интенсивность, что достаточно хлопотно и трудно. Гораздо легче смешение золотого раствора. Ведь из всего необходимого для изготовления золотого раствора только золото и трудно добыть. Нужно же всего один цзинь по измерению старых весов, то есть два цзиня по измерению новых. Такое количество золота будет стоить не больше трехсот тысяч

монет. Остальные же снадобья-ингредиенты достать гораздо легче. Кроме того, не требуется никакого огня. Надо только продержать смесь положенное число дней в „цветочном пруду“, и она готова. На все требуемое для смеси нужно четыреста тысяч монет; полученной одной порции эликсира будет достаточно, чтобы сделать бессмертным восемь человек. Но если снадобий-ингредиентов будет хоть чуть-чуть меньше, то действенность эликсира окажется невелика, и он не сможет преобразоваться в снадобье бессмертия. Точно так же если бросить закваску в несколько шаэнов риса, то вино никак не получится».

Баопу-цзы сказал: «Еще нужно упомянуть метод приготовления золотых таблеток, хотя они и не столь сильны, как золотой раствор, но все же несравненно лучше других снадобий.

Таблетки помещают в свиную кожу, смешивают со свиным жиром, добавляют вино и раскаляют до начала плавления. Можно также использовать для приготовления эликсира кору вонючего ясеня или настойку плодов колючего кустарника и магнетит; все это надо растереть и смешать так, чтобы получившееся вещество на ощупь напоминало ткань. Потом можно превратить полученное вещество в раствор и принять его. Если готовить эликсир тогда, когда есть запреты на его изготовление, то он не будет столь действенен, как золотой раствор. Можно получить эликсир путем соединения мужской желтизны-реальгара с женской желтизной-аурипигментом. Из этой смеси нужно сделать таблетки. Смесь должна быть тягучей и напоминать на ощупь кожу. Это метод для обретения бессмертия на земле.

Можно также взять серебро и большую жемчужину, извлеченную из жемчужных устриц. Из этих двух веществ следует сделать раствор, который и надо принимать. Этот эликсир необходимо употреблять продолжительное время, но его нельзя хранить долго. Поэтому он уступает золотому раствору».

Баопу-цзы сказал: «Для приготовления золотого раствора и девяти киноварных эликсиров нужны не только деньги. Необходимо также уединиться в знаменитых горах вдали от всех людских дел.

Поэтому только немногие могут приготовить эти эликсиры. И только один человек из десяти миллионов может сподобиться обрести повествующие о них канонические книги. Поэтому авторы различных даосских сочинений ничего не говорят о золотом растворе и перегнанной киновари. Прежде всего, нельзя позволять обывателям, не верующим в Дао-Путь, злословить о нем и измышлять над ним. Иначе не будет успеха. По словам господина Чжэна, приготовление этого великого эликсира должно сопровождаться жертвоприношениями. Жертвы следует приносить Великому Первоначалу, Изначальной госпоже Юань-цзюнь, Лао-цзюню и Сокровенной Деве. Эти божества тогда явятся и будут наблюдать за деянием адепта. Если совершающий деяние приготовления снадобья не оставил мирскую жизнь ради уединения и отшельничества и дал глупцам из обывателей возможность получить канонические книги, знать и видеть совершение алхимического деяния, то тогда все духи накажут готовящего снадобье, а если он не последует предостережениям канонических книг и позволит злоумышленникам произносить клеветнические речи, то духи эти не будут впредь помогать такому человеку. Тогда вредоносная эфирная пневма-ци войдет в вещества, и снадобье не получится. Непременно нужно уйти в знаменитые горы, поститься сто дней, не употребляя в пищу пряности⁵⁹ и свежую рыбу. Нельзя также позволять людям толпы наблюдать за приготовлениями. Только тогда можно начинать создавать великое снадобье. Когда снадобье готово, можно прекратить поститься. Однако в начале деяния поститься надо обязательно. Господин Чжэн говорил, что Лао-цзюнь наставлял его, поучая, что в низких маленьких горах нельзя уединяться для приготовления золотого раствора и одушевленной киновари. Ведь в маленьких горах нет настоящих духов-властителей. В них есть только всякая нежить — духи деревьев, камней, тысячелетние существа да кровожадные демоны. От этого вокруг разливается вредоносная эфирная пневма-ци, которая может принести человеку только беды, а счастья никакого. Настоящий даос должен своим искусством охранять себя и своих учеников, так как эти демоны могут повредить снадобьям. Ведь и

сейчас, когда медик готовит хорошее снадобье, хорошую мазь, он не позволяет глазеть на него курам, собакам, малым детям и женщинам, ибо они разными способами могут повредить снадобью, так как у них нет опыта обращения с ним. Точно так же красильщики охраняют свои товары от дурного глаза, от которого цвет краски может поблекнуть и утратить яркость. А тем более это относится к великому снадобью святых-бессмертных! Именно поэтому древние даосы, стремясь приготовить одушевленное снадобье, обязательно уходили в знаменитые горы, а не оставались в обычных горах, и совершенно правильно поступали. Согласно „Книге бессмертия“, для созерцания и приготовления снадобья бессмертия пригодны только следующие горы: Хуашань, Тайшань, Хошань, Хэншань, Суншань, Шаошишань, Чаншань, Тайбашань, Чжуннаньшань, Нюйцзишань, Дифэйшань, Ваньшань, Баодушань, Аньцюшань, Цяньшань, Цинчэншань, Эмейшань, Сушань, Юньташань, Лофушань, Янцзяшань, Хунцзиньшань, Бецзушань, Датяньтайшань, Сяотяньтайшань, Сываншань, Гайчжушань и Гуацаншань⁶⁰.

Во всех этих горах обитают настоящие духи, а также люди — земные бессмертные. На склонах их растут целебные грибы и травы. На этих горах удобно скрываться от великих военных невзгод и ужасных бедствий. И это все помимо того, что в этих горах можно готовить снадобья! Если даос поднимется в эти горы, то горные духи станут помогать ему, принесут удачу, а снадобье непременно получится. Если же нельзя уйти в знаменитые горы, то заниматься приготовлением снадобья можно также на больших островах в океане. Пригодны и следующие места: Дунвэнчжоу, Даньчжоу и Чжуйюйчжоу в районе Гуйцзи, а также Янлюйчжоу, Тайгуанчжоу и Юйчжоу в районе Сюйчжоу⁶¹.

В настоящее время знаменитые горы в центральной части страны недоступны. Среди гор Дунцзяна можно отправиться на гору Хошань, среди гор Цзиньани — на гору Чаншань, среди гор Гуйцзи — на горы Сываншань, Датяньтайшань, Сяотяньтайшань, Гайчжушань и Гуацаншань»⁶².

Баопу-цзы сказал: «Я происхожу из семьи крупных саношников, но я не имел достаточно таланта, чтобы вершить

дела государства. Однако если бы я любил такую деятельность, я мог бы, подобно моим родичам, знания которых не превосходят мои, взмыть ввысь к Млечному Пути величия и блистающим небесам славы. Но я отверг мирские заботы, ушел и от веселья, и от скорби, оставил цветы суетной славы и стал мечтать об уединении в славных горах, чтобы свершить написанное в книгах мудрецов, приготовить духовное снадобье и продлить жизнь. Обыватели не могли не дивиться, что я оставил родные места и свернул в сторону с дороги почестей, чтобы работать согнувшись в три погибели, вспахивать поля и трудиться в лесах и болотах, натирая мозоли. Люди часто называли меня безумцем или больным. Но нельзя одновременно радоваться и Дао-Пути, и мирским делам! И если бы я не оставил мирскую суету, то разве смог бы совершенствоваться в соответствии с моими устремлениями?

Я поступил честно и утвердился на своем пути. Так стоит ли мне бояться клеветы и лжи? Как уберечь упорствующих от опасности быть затянутыми в болотную топь? Теперь я написал эту книгу, раскрыв в ней свои мысли, дабы рассказать известное мне для будущих моих единомышленников. Ибо будут появляться люди, отвергшие дорогу богатства. Судьба этих людей, отказавшихся от мирских почестей, не будет слишком отличаться от моей.

Существует рецепт приготовления киноварного эликсира малых духов. Нужно взять три цзиня „истинной киновари“, шесть цзиней белого меда и смешать их. Затем смесь необходимо поставить греться на солнце, а потом сделать из нее пилюли. Тот, кто примет десять пилюль величиной с зерно конопли, омолодится меньше чем через год: седые волосы почернеют, выпавшие зубы вновь вырастут. Тело утратит старческую сухость, и мышцы нальются силой. Принимающий это снадобье не постареет, а старец вновь станет юношей и обретет бессмертие.

Существует также метод приготовления малого киноварного эликсира. Нужно взять один цзинь киновари, растолочь и процедить сквозь сито. Затем ее надо смешать с тремя шэнами чистого горького вина и двумя шэнами лака, поставить на медленный огонь. После следует сделать

из этой смеси пилюли и принимать по три штуки величиной с зерно конопли в течение тридцати дней. Тогда исчезнут сотни внутренних болезней и сгинут „три трупа“. Если принимать этот эликсир в течение ста дней, то мышцы и кости окрепнут. Если же принимать его тысячу дней, то непременно окажешься в сонме святых, уничтоживших смерть, станешь столь же долговечным, как Небо и Земля, и будешь постоянно обновляться, как солнце и луна. Лицо, тело — вся внешность будет меняться, не останется постоянной. Тело на солнце не будет отбрасывать тень, так как само засветится.

Есть также метод приготовления малых облаток из желтого золота. Нужно изготовить алхимическое золото, положить его в чистое светлое вино и через двести дней начать варить его в кипящем растворе, пока эликсир не станет, подобно грязи, размазываться между пальцами, тогда его следует разрезать на части и держать произвольное время в чистом светлом вине. Когда эликсир готов, следует сделать из него круглую пилюлю величиной с шарики для стрельбы из арбалета или можно сделать две пилюли меньшего размера. Если принимать эликсир такими дозами в течение тридцати дней, то не будешь чувствовать ни мороза, ни жары. К адепту же явятся нефритовые девы и святые, дабы сопровождать его. Можно делать эти таблетки и из серебра точно таким же образом.

Чтобы принимать эти два эликсира, нужно жить в каменном жилище в знаменитых горах. Тогда тело адепта станет легким, и он вознесется на небеса. Если же принимать эликсир, живя в миру, то имя адепта будет вычеркнуто из реестра Распорядителя Судеб. Не следует опрометчиво разглашать этот метод.

Существует также метод приготовления облаток из желтого размягченного золота Мудреца Двух Форм Проявления Лянъи-цзы. Нужно взять три цзиня свиной кожи со спины и свиного жира, а также один шэн чистого горького вина. Затем нужно взять пять лянов желтого золота, положить его в сосуд с жиром и кожей и поставить этот сосуд в земляную печь для варки. Когда золото смешается с жиром, его надо сто раз вынимать из печи и сто раз класть

обратно. То же самое нужно делать и с горьким вином. Если принять один цзинь этого эликсира, то обретенное долголетие будет равно бесконечному существованию Неба и Земли. Половина цзиня дает двухтысячелетнее долголетие. Пять лянов даруют долголетие в тысячу двести лет.

Нет конца эликсирам, которые можно употреблять. Но следует ждать счастливого, с царственным знаком, дня для их приготовления. Тогда только употребление снадобья дарует духовное совершенство. Не должно передавать секрет изготовления эликсира посторонним людям. Если раскрыть его посторонним, то снадобье не получится и никакие духи не пожелают прийти к адепту после приема киновари».

Примечания

¹ Золотой раствор и перегнанная киноварь (*xuany-dan*; *цзинь*) — основные алхимические средства обретения бессмертия в даосизме.

В Китае, как и в Европе, киноварь играла весьма значительную роль как воплощение родительских, мужского и женского, принципов (ртуть — женское, *инь*; сера — мужское, *ян*). Правда, при Сунской династии было разработано учение, в соответствии с которым вещества, являющиеся женскими в отношении одних веществ, будут мужскими в отношении с другими (так, ртуть — женское для серы и мужское для серебра). Перевод иероглифа (киноварь) в алхимических текстах достаточно сложен, так как отнюдь не всегда означает киноварь, а часто имеет значение «эликсир бессмертия». Кроме того, иероглиф «дань» входит как составная часть в названия веществ, к киновари никакого отношения не имеющих. Например, *xuandany*, «желтая киноварь» — оксиды свинца (PbO ; Pb_3O_4 ; Pb_2O_3). Поэтому иероглиф «дань» мы переводим в зависимости от контекста как «киноварь», «эликсир», «киноварный эликсир» (Гэ Хун обычно добавляет иероглиф «ша», «порошок», когда речь идет о собственно киновари).

Золотой раствор — возможно, раствор треххлористого золота. В танских алхимических текстах также хлорид ртути (Hg_2Cl_2). Золотой раствор («жидкое золото», *aurum potabile*) употреблялся для лечения и европейскими медицинскими алхимиками, например Парацельсом.

² Инь Си — по даосскому преданию, ученик Лао-цзы, начальник пограничной заставы, через которую проходил Лао-цзы на своем пути на запад. Согласно даосской традиции, для него и был написан Лао-цзы «Дао-Дэ цзин». Также известен как Гуань Инь-цзы. Ему приписывается трактат «Гуань Инь-цзы» — «Мудрец Инь с заста-

вы», который был утрачен в первые века н.э. Существующий в настоящее время одноименный памятник не аутентичен и является подделкой IX—X вв.

³ Характерная для Гэ Хуна ирония над почитателями древности и хулителями современности. Критика «ложной магии» дается в гл. 9 «Баопу-цзы».

⁴ Цзо Юань-фан — Цзо Цы (II—III вв.), знаменитый даосский маг, один из предшественников Гэ Хуна.

⁵ Гэ Сянь-гун или Гэ Сюань (III в.) — брат деда Гэ Хуна, знаменитый даосский маг и алхимик.

⁶ Господин Чжэн (Чжэн-цзюань) — Чжэн Сы-юань (III в.), он же Чжэн Инь — даосский маг и алхимик.

⁷ Медная синь (*туцин*) — ацетат меди, $2\text{Cu}_3(\text{OH})_2(\text{CH}_3\text{COO})_4$ — азурит европейски алхимиков.

Смысл фразы не совсем ясен. Может быть, ноги не будут смачиваться водой.

⁸ Формула киновари — HgS , поэтому при нагревании киноварь разлагается на серу и ртуть.

⁹ Древний миф о Хуан-ди, Желтом Императоре, который якобы приготовил эликсир бессмертия и вознесся на небеса вместе со своей святой и наложницами; считается одним из патронов даосизма вообще и даосского оккультизма в частности.

¹⁰ Великая Чистота (*тайцин*) — обозначение «высших миров», «сферы Дао».

¹¹ «Темное и желтое» (*сюаньхуан*). Космологически — Небо и Земля. В данном случае — название вещества. Точно определить его не удалось. В танских текстах «цветком темного и желтого» называется киноварь как результат соединения мужского — серы (Небо) и женского — ртути (Земля) — *сюаньхуан хуа*.

¹² Цзинь — мера веса, для эпохи Гэ Хуна равная около 222 г. Табл. мер длины, веса и емкости см. в конце книги.

¹³ Мужская желтизна-реальгар (*сюнхуан*). Реальгар (As_2S_3) — соединение серы и мышьяка, сандарак европейски алхимических текстов.

Раствор квасцов (*фаньши шуй*) — алюмен, стиптерия средневековых алхимических текстов.

Грубая соль жунов (*жун янь*) — хлорид натрия, также грубая поваренная соль (NaCl).

Нитрум (*лу янь*) — соединение соды и кальция; солончаковая соль.

Белый мышьяк (*юйши*) — одно из соединений мышьяка (As_4O_6).

Известь (*мули*) — окись кальция (CaO), титанос европейски алхимиков.

Паста красного камня (*чиши чжи*) — красная глина, гидрат силикатов алюминия, окрашенный солями металлов, красная охра, рубрика.

Тальк (*хуа ши*) — силикат оксида магния ($3\text{MgO} \cdot 2\text{SiO}_2 \cdot 2\text{H}_2\text{O}$), ляпис виридис западной алхимии. Дословно — «скользящий камень».

Свинцовый порошок (*хуфэнь*) — карбонат свинца ($2\text{PbCO}_3 \cdot \text{Pb}(\text{OH})_2$), керусса европейской алхимии.

Глина «шесть-один» (*лю и ни*) — смесь красной глины («пасты красного камня») с веществами, содержащими калий.

Привлекает внимание тот факт, что в состав китайских эликсиров часто (почти всегда) входили весьма ядовитые вещества: ртуть, сера, свинец, мышьяк и их соединения. Почему «эликсиры бессмертия» были часто причиной гибели адептов даосизма? Дело в том, что небольшие дозы этих веществ вызывают субъективно приятные ощущения, повышают тонус, ощущается легкость тела и т. д. Но это только первые стадии отравления организма. Ряд даосских текстов описывает и дальнейшие симптомы отравления, показывающие действия эликсира. Тела многих алхимиков долгое время не разлагались, достигалась «самомумификация», что также связано с действием на организм ряда ядовитых веществ, в особенности тяжелых металлов, «консервирующих» труп. Для адептов же даосизма это было лишним доказательством возможности обретения бессмертия посредством «освобождения от трупа» (*шицзе*).

В 1972 г. во время археологических раскопок в КНР (Мавандуй, близ Чанша) была открыта гробница жены Ли Цана (Ли Чжуцана), правителя области Дай, сына ханьского императора Хуй-ди. Захоронение относится к началу II в. до н. э. (около 186 г. до н. э.). Тело ее поразительно сохранилось, и казалось, что со дня смерти прошло не более двух недель, даже кожа еще была эластичной. Тело лежало в водо- и воздухо непроницаемом гробу, при почти постоянной температуре в 13°C , и было частично погружено в сохраняющий раствор, содержащий сернистые соединения ртути. По-видимому, такие условия были созданы при погребении также в надежде на ее воскресение как «освободившейся от трупа». Концепция, несколько напоминающая верования древних египтян, мумифицировавших трупы в расчете на повторение чуда воскресения Осириса, хотя таких методов мумификации, как в Египте, в Китае не знали и особого распространения такие погребения не имели.

¹⁴ Одно из отличий китайской алхимии от европейской. В европейской алхимии «философский камень» выступает посредником при трансмутации, сам же не превращается в золото, в то время как в китайской алхимии киноварный эликсир и сам способен к алхимическому пресуществлению.

¹⁵ Трансмутирующая функция эликсира — «философского камня».

Чжу — мера веса, для эпохи Гэ Хуна равная 0,62 г.

¹⁶ «Три трупа» и «девять червей» (*сань ши цзю чун*) — имеются в виду разрушительные тенденции жизнедеятельности организма, появившиеся вследствие уклонения человека от Дао и с неизбежностью ведущие его к смерти. Прежде всего проявляются

(«поражают») в неправильной деятельности наиболее жизненно важных с точки зрения даосской парафизиологии местах — энергетических центрах — «киноварных полях» (*дань тьянь*), средоточиях животворящей эфирной пневмы-ци. С ними связаны многие мифологемы, упоминаемые и в «Баопу-цзы». Так, «три трупа» стремятся погубить человека, чтобы после его смерти стать духами. Поэтому они иногда покидают тело и отправляются к Распорядителю Судеб с докладом о грехах и пороках человека — хозяина, дабы в наказание Распорядитель Судеб сократил этому человеку срок жизни (см. гл. 6 «Баопу-цзы»).

Все даосские практики обретения бессмертия начинаются с нейтрализации и искоренения этих разрушительных тенденций.

17 «Сок из треснувшей чаши» (*цюэпэнь чжи*) — это вещество определить не удалось.

18 Драконы и тигры суть символы *ян* и *инь*, мужского и женского, первоэлементов дерева и металла. Символический цвет дерева — зеленый (или синий), металла — белый. В данном фрагменте говорится о власти адента над силами природы.

19 Здесь перечисляются различные даосские духи и божества.

Великое Первоначало (*Тай-и*) — название созвездия или звезды, см. коммент. 63 к гл. 2.

Колодец, Очаг — видимо, названия созвездий.

Хэ-бо — дух водяной стихии, божество реки Хуанхэ, упоминается во многих мифах и легендах.

20 «Цветочный пруд» (*хуа чи*) — уксусная кислота, винегар (CH_3COOH). В текстах «внутренней» алхимии «цветочным прудом» называется слюна.

«Красная соль» (*чи янь*) — то же, что и грубая соль жунов, но красного цвета за счет присутствия окислов магния и хлоридов.

«Крепкий снег» (*гэнь сюэ*) — хлористая ртуть.

«Темное и белое» (*сюань бай*) — определить это вещество не удалось.

«Вода трижды-пяти духов летящего амулета» (*фэй-фу сань-у шэнь шуй*) — вероятно, заговоренная вода; вода, в которую были смыты письмена с одного из амулетов. Пример соединения алхимии и магии.

21 «Киноварно-красный младенец» (*чжу эр*) — одно из названий в алхимической традиции для киновари. В китайской, равно как и в европейской, алхимии одно и то же вещество часто обозначалось разными названиями, дабы сокрыть «тайную мудрость» от профанов (особенно, если речь идет о таком важном веществе, как киноварь).

В европейской традиции синонимы киновари: вермиллион (особенно киноварь, растертая в порошок), циннбер. К тому же часто эти названия употреблялись и в криптонимическом значении (одно вещество называлось названием другого или же вещества назывались выдуманными словами). Так, вермиллионом назывался также сурик.

22 Смысл этого места остается темным.

23 Белые квасцы (*бай фань*) — то же, что и *фань ши* (см. коммент. 13).

Вещество цэнцин — карбонат меди ($\text{CuCO}_3 \cdot \text{Cu}(\text{OH})_2$); ма-лахит, лазурит; аэруго или хризоколла западной алхимии.

Магнетит — магнитный железняк Fe_3O_4 , магнестия, гераклеон европейской алхимиков.

24 Лян — мера веса, для эпохи Гэ Хуна равная около 30 г.

25 «Синяя киноварь» (*цин дань*) — определить это вещество не удалось.

26 «Черная киноварь» (*хэй дань*) — определить это вещество не удалось.

27 «Желтая киноварь» (*хуан дань*) — массикот (PbO) или «красный свинец» (Pb_3O_4).

28 Ли — мера длины, для эпохи Гэ Хуна равная 440 м.

29 Женская желтизна-аурипигмент (*цы хуан*). — Аурипигмент — желтое сернистое соединение мышьяка (As_2S_3). В китайской алхимии — женское дополнение мужской желтизне-реальгару.

Зерно, оставшееся от Великого Первоначала (*Тай-и юй лян*) — оксид железа (гематит Fe_2O_3).

30 Имеются в виду зеркала, собирающие «лунную воду» — черную росу.

31 «Колодезные цветы»-цинхуа — определить это вещество не удалось.

32 Цунь — мера длины, для эпохи Гэ Хуна равная 2,4 см.

33 Шэн — мера емкости, для эпохи Гэ Хуна равная около 0,2 л.

34 Возможно, речь идет о том, что и этот эликсир может переноситься девятикратно.

35 Фэн — мера длины, для эпохи Гэ Хуна равная 2,4 мм.

36 Трава «ту сы» — повилка. Смысл следующей фразы не совсем ясен. Дословно: «Ту сы — это молодой корень, по форме напоминающий „ту“». Одно из диалектных (южных) значений иероглифа «ту» — «тигр». Иногда пишется вместо иероглифа «ту» — «заяц».

37 Киноварно-красная трава (*чжу цао*) — определить это растение не удалось.

Чи — мера длины, для эпохи Гэ Хуна равная 0,32 м.

38 В период Чунь-цю Наньяном назывались земли царства Цзинь на территории, занимаемой современной провинцией Хэнань. В период Чжань-го так называли владения царства Ци на территории, занимаемой современным Шаньдунем. Наньян также название города (и уезда) на территории современной провинции Хэнань.

39 Гэ Хун здесь и далее упоминает большое количество почитаемых даосизмом лиц, большинство из которых имеют полулегендарный-полумифический характер (Чи Сун-цзы например).

40 «Сок купоросного персика» — название этого вещества определить не удалось.

41 Дерево чжу (*чжу му*) — это растение определить не удалось.

42 Возможно, речь идет о воронах.

43 «Небесный петух из малого покоя» (*шаши тянь сюн*) — название сильнодействующего лекарственного снадобья. Состав определить не удалось.

44 «Вода облачной матери» (*юньму шуй*) — слюдяной раствор $H_2KAl_4(SiO_4)_3$.

45 «Темная вода» (*сюань шуй*) — это вещество определить не удалось.

46 «Свинцовая киноварь» (*цянъ дань*) — то же, что и «желтая киноварь» — массикот, красный свинец, также и другие оксиды свинца (Pb_3O_4 ; Pb_2O_3).

47 Черепичная глина — точный состав определить не удалось.

48 «Пруд золотых цветов» (*цзиньхуа чи*) — точно определить это вещество не удалось. Возможно, раствор массикота (маловероятно).

49 «Драконий жир» (*лун гао*) — сульфат кальция, гипс, алебастр ($CaSO_4$; $CaSO_4 \cdot 2H_2O$; $2CaSO_4 \cdot H_2O$).

50 Эликсир Мо-цзы (*Мо-цзы дань*). — Элементы философии Мо-цзы были переосмыслены поздним даосизмом, а сам он был провозглашен адептом оккультных наук, обретшим бессмертие. Это стало возможным как благодаря некоторым моментам моизма (вера в духов и т. д.), так и благодаря особенностям биографии и личности философа (его технические способности, ремесленное мастерство, склонность к эмпирическим исследованиям). О действительном занятии Мо-цзы алхимией ничего не известно.

51 Гэ Хун неоднократно говорит об отличии алхимического золота от природного. Так, в гл. 16, «О желтом и белом», он пишет, что из алхимического золота можно делать даже гвозди, в то время как природное золото, будучи мягким металлом, для этого, понятно, непригодно. Дж. Нидэм делает предположение, что Гэ Хун, равно как и другие китайские алхимики, производил «мозаичное золото», сернистое олово (SnS_2), а отнюдь не металлическое золото. Естественно, китайские алхимики называли его золотом, поскольку внешне это вещество очень похоже на золото. И если, говорит Дж. Нидэм, современный человек понимает природу олова и серы как атомов элементов и не спутает сложное вещество SnS_2 с элементарным золотом (Au), то не знавшие этого даосские алхимики с легкостью считали золотом вещество, имеющее большинство характеристик золота, и рассматривали его как эликсир, сообщающий неразрушимость смертному телу и духу человека.

52 «Шесть цзя» — 1) деление суток на шесть частей; 2) название созвездия; 3) имя духа небесного посланника; 4) вид магии пяти первоэлементов (подробнее см. коммент. к гл. 18); 5) амулет, отгоняющий злых духов; 6) простонародное обозначение беременности.

«Шесть дин» — имя даосского божества; дух Нефритовой девы.
53 Данъянская медь (*данъян тун*) — особый сплав меди (медь, мышьяк, никель) — «пактонг» (*бай тун*), «тутенаг». Данъян — город на территории, занимаемой современной провинцией Цзянсу, близ Нанкина.

54 Область Ба — древнее название провинции Сычуань.

55 «Камень, превращающий в золото» (*цзин хуа ши*) — KNO_3 саль нитри европейской алхимии.

56 Красное золото (*чи цзинь*) — это вещество определить не удалось.

57 Желтая земля (*хуан ту*) — возможно, вид глины.

58 Девять округов (*цзю юй*) — имеется в виду весь Китай, то есть девять областей, на которые, согласно легенде, поделил Поднебесную Великий Юй.

59 Пять пряных растений — лук-порей, чеснок, душистый лук, лук Бекера и горчица. Существуют и другие перечни пяти пряностей.

60 Здесь перечисляются 28 гор Китая, среди них такие почитаемые в различных китайских культах горы, как Хуашань, Тайшань, Хошань, Хэншань, Суншань, и такая почитаемая в даосизме гора, как Эмейшань. Среди них упомянута и гора Лофушань, на которой провел последние годы жизни, занимаясь алхимией, Гэ Хун.

61 Видимо, здесь имеются в виду не мифические острова и континенты даосской «географии», а реальные острова близ морского побережья Китая, так как упоминаются реальные географические названия: Гуйцзи — область на территории, занимаемой современными провинциями Цзянсу и Чжэцзян, Сюйчжоу — одна из девяти древних областей Китая и название областей на территории, занимаемой современной провинцией Цзянсу, а также область в Шаньдуне.

62 Горы в центральной части страны были недоступны из-за завоевания Северного Китая (к северу от реки Янцзы) кочевниками. Чжунго, «Срединное государство», Китай; в данном случае — Центральный Китай, Северный Китай.

ГЛАВА 5

Высший принцип

Баопу-цзы сказал: «Утонченно-таинственное трудно познать, а сомневающих в существовании его — множество. Но разве моя проницательность превосходит способности разума простых людей?! У меня есть определенное особое разумение, подобное тому, каким обладает

аист, знающий, когда наступает полночь, или ласточка, знающая циклические знаки „у“ и „цзи“¹, но это не означает, что я превосхожу других в прочих отношениях. Среди форм знания есть и знание того, что продление жизни можно обрести, а также и того, что бессмертные не являются живыми существами особого вида.

Что же касается тайны Дао-Пути, то его нельзя до конца описать в книгах и недостаточно слов, чтобы приблизиться к нему. Гэнсан натер себе мозоли, а Вэнь-цзы² долго и усердно трудился, чтобы обрести великое наставление, — вот на что похоже стремление к нему. Ведь среди круглоголовых³, поглощающих пневму, нет таких, которые не радовались бы жизни и не боялись бы смерти. Слава и власть одурманивают их разум; белые лица и гладкая, словно нефрит, кожа чаруют их зрение; чистые мелодии тона шан и текучие звуки тона чи портят их слух: любовь, ненависть, выгода, опасность тревожат покой их духов⁴ и вредят им; почести и награды сковывают их тела — все эти состояния не зовешь, а они приходят, не учишься им, а знаешь их в совершенстве. Люди, находящиеся под властью всего этого, не предназначены к обретению бессмертия: они исчерпывают принцип и остаются привержены только таким ценностям. Лишь если их сознание резко изменится и они проникнут за пределы повседневных дел, то смогут заглянуть в чистое зеркало града сокроенной безбрежности. Если же они не осознают родственную связь имен и тел и не станут сокрушаться по поводу молниеносной быстротечности жизни, то разве смогут они отказаться от стремления к выгоде, отбросить скупость и алчность, отвести взгляд от близких к ним объектов влечений и начать совершенствоваться в обретении труднодостижимых заслуг в области удаленного?

Ведь наличие рождается из отсутствия, а телесная форма устанавливается, следуя за духом. Наличие — дворец отсутствия. Тело — жилище духа. Поэтому их связь можно уяснить себе с помощью образа плотины: когда плотина разрушается, то и воды в запруде не остается. Или с помощью образа свечи: когда воск истаял, то и огонь уже не горит. Когда тело утруждается, то дух рассеивается. Когда

пневма исчерпывается, тогда жизнь заканчивается. Когда корень засыхает, то и ветви никнут, а если это так, то и дерево навсегда перестает зеленеть. Когда пневма терпит ущерб, а желания торжествуют, тогда энергетическая одухотворенность отделяется от тела. Ведь ушедшее никогда не возвращается, а увядшее навсегда лишается принципа жизни. Обретший Дао-Путь муж искренне печалится об этом. Но не то же ли самое — пренебрегать стеной, но ценить тень, которую она дает?

Поэтому пестующие природную сущность в горных лесах пренебрегают устремившими свои помыслы к заурядному, считают высокое положение и должности бородавками и прыщами и приравнивают все сущее по ценности к крыльшкам цикады. Так неужели они без причины усиленно обнаруживают свое пренебрежение к мирским делам? Все-сторонние и искренне рассмотрев эти дела, они попросту отбросили их как достойные лишь забвения. Поэтому они удалились от людских жилищ, поселились в уединении, скрыли свою драконью чешую и спрятали свое изящество, подавили стремление своих очей глядеть на желаемое, отвернулись от светозарных обличий, отвергли само стремление слушать прекрасные звуки и отказались от смущающей дух музыки, омыли свое сокровенное зеркало⁵, сберегли свое женственное и объяли Одно, сосредоточили свою пневму и достигли мягкости⁶, подавили страсти и обрели покой и первозданную чистоту, оставили ложные чувства радости и скорби. Вовне они обрели умение не различать славу и позор⁷. Выплеснули глетворный яд хватания за полноту жизни, положили конец многословию в осевой пружине⁸ и отвернулись от слушания, обрета при этом всеохватный слух. Внутри они посмотрели в себя и узрели незапятнанность, выпестовали корни одухотворенности, вращая их на таинственном гончарном круге⁹, отсекали соблазны, проистекающие из соприкосновения с вещами, уничтожили все мелочные поступки, научились управлять удовольствиями и влечениями, и, действуя только посредством недеяния, они стали всецело следовать Небесному Принципу, — вот и все.

Тогда они смогли вдыхать и выдыхать драгоценные цветы, омыwać свой дух в Великой Чистоте¹⁰, снаружи

отвергнуть влияние пяти светозарных¹¹, а внутри соблюсти „девять эссенций“¹². Они укрепили „нефритовый замок“ у „врат жизненности“¹³, смогли зачать Полярную звезду в „желтом дворе“¹⁴, ввести три света в „ясный зал“¹⁵, взлететь к Первозданному Началу, дабы переплавить свое тело. Они вводили „одухотворенный раствор“ в „золотую запруду“¹⁶, начав гонки седыми, а закончив их черноволосыми. Они сгустили источник чистой влаги в „киноварном поле“¹⁷, ввезли жемчуг, добытый в морской пучине, в пять городов¹⁸, развели пылающий огонь под драгоценным треножником¹⁹, созвали пестрых птиц петь им и использовали колосья чудесных цветов для замешивания теста. Небесный олень выплевывал для них драгоценные камни, свою энергию они поселили в „вишнево-красном дворце“²⁰, погрузили девять светов в пещерную таинственность²¹. Густеют облака в синеве и обкладывают все небо, глубоко они вошли в длинную ложбину и связали между собой все каналы²², они попрали триграммы „небо“ и „водоем“²³, вызвали божества шести знаков „дин“²⁴, воссели и возлегли в пурпурных покоях, вдыхая и выдыхая золотые соцветия и созерцая блеск и сияние осенних грибов, киноварно-красные цветы и зимородкового цвета стебли. Хрустальная драгоценность стала их мазью, которой они умащаются и натираются при омовениях²⁵. Для них исчезает голод и прекращается жажда, все множество болезней не может даже слегка проявиться. Они беззаботно странствуют в сфере „у-сы“²⁶, их питание гармонично, их питье уравнивлено. Они овладели своими небесными душами-хунь и способны управлять своими земными душами-по, их кости наполнены мозгом, их тела легки. Поэтому они смогли оседлать ветры и облака, чтобы парить в небесном просторе, странствовать в колеснице Хаоса и жить вечно!

Большие деревянные балки не прибавляют сами по себе чи толщины за время, измеряемое часами. Вода, текущая из горных пещер, не проникает в искусственные водоемы. Испугавшиеся сообщенного выше не смогут поверить в него, поверившие не смогут осуществить его, а осуществляющие не смогут довести это дело до конца. Ведь обретшие такое совершенство весьма редки и удале-

ны от мира, а не достигшие успеха на этом поприще чрезвычайно многочисленны и всем хорошо видны. Мирские люди не могут встретиться с сокрывшимися, но могут легко познакомиться с этими явными для всех. Поэтому-то они в результате и говорят, что в Поднебесной нет никакого пути бессмертных».

Баопу-цзы сказал: «Если защита плотины крепка, вода не прорвется наружу. Если масла много, огонь не утратит своей яркости. Драгоценный меч Драконова Источника²⁷ постоянно остер, ибо им ничего не режут; топор дровосека быстро тупится из-за ежедневного использования; скрытый от солнца снег лежит, не тая, все лето, потому что к нему не проникает тепло; сохраняемый лед не растает, поскольку его держат глубоко под землей; занавешенное даже тончайшим шелковым покрывалом зеркало не будет отражать образы; сорная трава под снежным покровом переживает зиму.

Серая глина легко меняет свою форму, однако обожженная гончаром, она становится столь же долговечной, что и два ряда проявления²⁸.

Дуб, будучи деревом, легко гибнет. Но если сжечь его и превратить в уголь, то его древесина не сгниет и за миллионы лет.

Домашние свиньи долго живут, потому что о них хорошо заботятся, а скаковые кони гибнут рано из-за того, что их утруждают бегом по горным тропам.

Насекомые в холодных землях не наделены долголетием, а леса в теплых южных землях постоянно цветут и зеленеют.

Растения, овеянные дыханием смерти, гибнут от льда и инея, но когда устанавливается солнечная погода, они вновь расцветают и пышно разрастаются.

Хотя все существа образуют один род, причины их расцвета и гибели совершенно различны. Можно ли поэтому утверждать, что осень всегда полагает предел сбору урожая, а зима всегда обеспечивает сохранение сущего? Но укрепление жизненности человека, сроки его жизни и смерти — совсем не то, что прекращение роста растений зимой, а принцип продления жизни и ее пестования — совсем не то,

что оживание растений с приходом тепла. Почему же тогда принцип вечного видения не должен быть иным?

Но мирские люди зашорены и близоруки. Они считают путь бессмертных пустым и ложным и называют учение Хуан-ди и Лао-цзы одной болтовней. Разве это не при-
скорбно?!

Ведь глупцы в своем невежестве не верят ни в лекарственные отвары, ни в прижигания сигарами из полыни. Так стоит ли говорить о более глубоких вещах? Все профаны твердят, что поскольку Юй Фу, Бянь Цюэ, Хэ, Хуань, Цан-гун и им подобные²⁹, хорошо умевшие излечивать болезни, сами умерли, то и все их искусство пусто и ничемно. И еще они говорят, что хотя богатые люди имеют возможность пользоваться услугами врачей и их искусством, они тем не менее не отличаются особым долголетием, а значит, срок жизни определяется исключительно природой. Требовать от рассуждающих так людей, чтобы они поверили в святых-бессмертных, это все равно что надеяться, что буйвол залезет на дерево, а лошадь полетит, словно птица».

Баопу-цзы сказал: «Пилюли малой киновари, призывающие небесные души-хунь³⁰ и вызывающие трех посланников, снадобья пяти цветений и восьми минералов — даже эти самые малые и ничтожные лекарства, если их положить в талый лед или пустить плавать по поверхности воды, смогут уничтожить демонические наваждения, защитит от тигров и леопардов, пресечь концентрацию отрицательной энергии в хранилищах и покоех тела, изгнать двух духов-шу³¹ из области сердца, воскресить только что опочивших и вернуть испуганные небесные души-хунь, покинувшие тело. И если даже самые примитивные снадобья способны воскресить умершего, что уж говорить о действенности высших снадобий! Неужели же с их помощью нельзя продлить жизнь до бесконечности и стать бессмертным?

Юэ-жэнь спас принца Го³² после его кончины, а знахарь из гуннов оживил Су У³³ после того, как его дыхание уже оборвалось. Чуньюй³⁴ мог вскрыть череп и поправить мозг. Юань Хуа³⁵ умел вскрыть живот и прочистить желудок, Вэнь Чжи³⁶ брался излечить тревоги и беспокойства, а Чжунцзин³⁷ проникал в грудь пациента, чтобы вло-

жить внутрь красную облатку. Если даже жалкие методы этих медиков приводили к таким результатам, то почему же следует думать, что нельзя достичь цели на пути свя-
тых-бессмертных?

Ведь смерть человека наступает от некоего недостатка: или от старости, или от вреда, причиняемого множеством болезней, или от внутренних ядов, или от воздействия дурной пневмы, или от ветра и холода. Поэтому и существуют приемы и методы гимнастики дао инь, регуляции пневмы, возвращения семени для питания мозга³⁸ и диетические предписания, а также нормы чередования покоя и деятельности, приема снадобий, духовного думания³⁹ и блюдения Одного⁴⁰, исполнения обетов и следования за-
претам Неба, ношения амулетов и их оттисков на поясах, а также предписания удаления от всего, что может нанести вред жизни. Если полностью выполнять все эти правила, то можно чрезвычайно отсрочить приход тех шести зол⁴¹.

Ныне медики умеют делать пилюли, прочищающие почки, отвары из краснотала, улучшающие проходимость пяти каналов⁴² и укрепляющие костную систему, а также супы из желтого тысячелистника, укрепляющие здоровье. У тех, кто принимает эти снадобья, внешность всегда цветущая, а комплекция упитанная. Используя такие обычные растения, как лаковое дерево (листья) и свекла (ее зеленые части), Фань А⁴³ достиг двухсотлетнего возраста и его слух и зрение оставались острыми и чуткими, так что он мог без труда держать в руках акупунктурную иглу, чтобы лечить болезни других людей. А он жил в недавнее время, и его жизнь описана достойными и талантливыми историками».

Еще сказал: «Некто У Пу получил от Хуа То его метод „игры пяти зверей“⁴⁴ и, заменяя им гимнастику дао инь, прожил более ста лет. Но если даже самые жалкие из медицинских методов могут принести такую пользу, что уж говорить о наиболее тайных и утонченных из них?

Ныне заурядные люди говорят, что не может быть такого, чтобы применение личжуна и сышунь⁴⁵ могло спасти от холеры, применение белокопытника (чумного корня) и астры могло бы излечить кашель, камышовый тростник

и мужской папоротник убивали бы пятерых гадов, дангуй и пион лечили бы судороги, циньский каучук и дягиль уничтожали бы восемь ветров, благовонный аир и сушеный имбирь исцеляли бы ревматизм, повилика и пунун служили бы общеукрепляющими средствами, ганьсуй и быльник лечили бы от мокроты и несварения желудка, гуалоу и горечавка исцеляли бы диабет, пастушья сумка и лакрица спасали бы от всех ядов, лужу и „возрастающий жар“ предотвращали бы кровотечения при любых ранениях, а эфедра и „большая синева“ были бы основными средствами при лечении тифа. Итак, ничего этого заурядные люди не признают. Вместо этого они предпочитают молиться о счастье и гадать, перебирая стебли тысячелистника, осведомляясь о своей судьбе. Они не верят успехам, которых достигли в лечении болезней замечательные врачи, но охотно прибегают к знахарским услугам шаманов и шаманок. И поэтому уж совсем бессмысленно говорить им о том, что при помощи золотого раствора и перегнанной киноvari можно спастись от мира, а при помощи грибов и соцветий можно продлить годы своей жизни.

Некогда Чжан Лян⁴⁶, имевший титул Лю-хоу, создавал чудесные и необычные планы. Среди людей его поколения не было равных ему по мудрости и рассудительности, не говоря уж о жалких людишках нашего времени. И тем не менее он утверждал, что бессмертие может быть обретоно. Хотя по своему уму и прозорливости он ничуть не уступал другим людям своей эпохи, Чжан Лян заявил, что отказывается от всех мирских дел и следует только по стопам Чисун-цзы⁴⁷. После этого он в течение года практиковал гимнастику дао инь, воздерживался от употребления в пищу злаков, стремясь овладеть методом того, как сделать тело легким и способным к полету. Однако в это время он был обременен делами императрицы Люй-хоу⁴⁸, принудившей его разработать план в пользу интересов принца Аня, и поэтому не смог завершить свою практику; ему ничего не оставалось, как разработать план приглашения четырех мудрых старцев⁴⁹. Все произошло именно так, как он предвидел, и поэтому Люй-хоу осыпала Чжан Ляна милостями, побуждая и заставляя его даже есть против воли,

из-за чего ему и не удалось добиться окончательных успехов в практике названного выше метода.

В „Тайных записях“ Кун Аньго⁵⁰ говорится, что Чжан Лян получил метод обретения бессмертия Хуанши-гуна, Господина Желтого Камня, поскольку он интересовался отнюдь не только приемами военного искусства. Кроме того, четыре мудрых старца, первоучители Чжан Ляна, господин Лу Ли, господин Ци Ли и другие, — все они были бессмертными. От них Чжан Лян получил разные божественные способы, и хотя и был принуждаем императрицей Люй-хоу есть и пить, в конце концов он все-таки стал активно практиковать методы пути бессмертных и тайно спастись от мира, однако мирские люди ничего об этом не узнали, будучи уверены, что он просто умер. Но если верить словам Кун Аньго, то Чжан Лян стал бессмертным.

Кроме того, при династии Хань был еще министр Чжан Цан⁵¹, он овладел одним малым искусством, благодаря которому прожил сто восемьдесят лет. Этот способ заключался в том, что он пил молоко от своих жен. Если уж Чжан Цан с помощью такого жалкого метода сумел в три раза превзойти срок обычной человеческой жизни, то что уж говорить о том, что более тайные и утонченные искусства могут гораздо эффективнее продлить жизнь. Не так ли? Об этом сообщается прямо в „Истории Хань“, а значит, это не пустые слова.

Баопу-цзы сказал: «Хотя вкушение снадобий и является основой продления жизни, можно одновременно с этим заниматься и регуляцией пневмы. Тогда польза от практики сильно возрастет. Если же нет возможности достать снадобья, тогда достаточно заниматься только регуляцией пневмы. Такие занятия, если исчерпать их до конца, продлят жизнь на несколько сотен лет. Хорошо вкупе с этим знать и искусство „внутренних покоев“⁵², поскольку не знающие искусства *инь* и *ян* часто страдают от истощения сил и им бывает трудно восполнить свои силы только посредством регуляции пневмы.

Ведь человек находится в пневме точно так же, как и пневма находится в человеке. Начиная с Неба и Земли и кончая мириадами существ, нет ничего, что не было бы по-

рождением пневмы. Хорошо умеющий регулировать пневму внутри может пестовать свое тело, а снаружи — уничтожать всякое грозящее ему зло. Вот что все люди хотя и используют каждый день, но сути чего они совсем не знают.

В царствах У и Юэ⁵³ существовали способы запретительных заклинаний, очевидная полезность которых основана на том, что при их применении используется много пневмы, и все.

Знающий эти способы может войти в дом, где свирепствует мор, лечь на одну постель с больным и при этом не заразиться. И если за ним идет толпа в несколько десятков человек, он также может ничего не бояться. Именно благодаря использованию пневмы можно посредством молений предотвращать стихийные бедствия.

Случается, что на людей нападают злобные бесовские горные оборотни. Они бросают в людей черепицу и камни, а порой поджигают людские жилища. Иногда можно видеть их тела, бродящие туда-сюда, а иногда слышны только звуки их голосов. Но хорошо владеющий запретительными заклинаниями может посредством пневмы покончить с оборотнями и пресечь их наваждения. Вот как посредством пневмы можно положить конец действиям демонов и духов.

В горах часто встречаются долины, полные ядовитых змей и других гадов. Когда обычные люди проходят через такие места, никогда не обходится без того, чтобы кто-нибудь из них не оказался укушенным. Однако хорошо владеющий запретительными заклинаниями может посредством пневмы изгнать гадов на расстояние в несколько ли. Тогда спутники такого человека смогут пройти через опасные места невредимыми. Точно так же можно использовать запретительные заклинания против тигров, леопардов, змей и жалящих пчел — при их применении те скроются и не смогут причинить никакого вреда.

При помощи пневмы можно останавливать кровотечения при ранениях! Кровь сразу же тогда перестает течь. Такие же заклинания можно применять для сращивания сломанных костей и порванных сухожилий. При помощи пневмы можно заговорить острый клинок так, что по нему пройдешь босыми ногами и не поранишься, а лезвие даже

не вонзится в ступню такого человека. Если некто будет укушен гадюкой или иной змеей, то применение заклинантельной пневмы сразу же остановит действие яда.

В недалеком прошлом Цзо Цы и Чжао Мин⁵⁴ посредством пневмы заговаривали воду, и вода отступала от них на один-два чжана⁵⁵. Кроме того, они разводили огонь, чтобы приготовить себе еду, прямо в тростниковой хижине, но хижина не загоралась. Они также вогнали в доску большой гвоздь на глубину в семь-восемь цуней, а потом дунули на него пневмой — гвоздь сразу же дернулся и вышел обратно. Они также заговорили кипящую воду при помощи пневмы, а потом бросили в нее сотню монет и попросили некоего человека опустить руку в кипяток и достать деньги. На руке не появилось ни малейшего следа ожога. Потом они вынесли заговоренную воду на улицу. Несмотря на сильный мороз, она так и не замерзла. Они могли заговорить готовящуюся в селении пищу, и сколько бы тогда пища ни варилась, она оставалась сырой. Кроме этого, они заговаривали собак, и собаки не могли лаять.

Некогда царство У послало генерала Хэ⁵⁶ покарать горных разбойников. Среди разбойников был один хорошо владевший методами запретительных заклинаний. И вот всякий раз, как войска собирались применить оружие, он воздействовал на них, и солдаты не могли вынуть мечи из ножен, а стрелы, не достигнув цели, возвращались обратно. Генерал Хэ был человеком великой мудрости и таланта. Он сказал: „Я слышал, что можно наложить заклятие на клинки оружия и на яд ядовитых тварей, но если нет ни вещи, наделенной клинком, ни твари, выделяющей яд, то заклятие наложить нельзя. Поэтому тот, кто может наложить заклятие на наше оружие, не сможет заклясть то, что не имеет клинка“. Тогда он велел заготовить много палок из крепкого дерева, отобрал пять тысяч наиболее сильных и выносливых бойцов в качестве авангарда и повел их на горных разбойников. Разбойники полностью полагались на своего заклинателя и совсем не были готовы к этой атаке. Регулярные войска напали на них, будучи вооруженными только палками, в результате чего разбойники потерпели сокрушительное поражение — заклятия больше

не действовали. В результате убитые исчислялись десятками тысяч.

Ведь пневма исходит из тела, и если можно, используя ее, достичь таких результатов, то как же усомниться в том, что благодаря пневме можно отказаться от злаков и лечить болезни, продлить годы жизни и выпестовать природную сущность?

Чжунчан Гун-ли был мужем выдающихся способностей. Он написал „Речи о процветании“⁵⁷. Там говорится следующее: „Пока я не начал заниматься этим, я не верил в это, но как только я стал заниматься, сразу понял, что все это так и есть. Хотя этот способ пестования природной сущности исключительно прост, я сначала не мог практиковать его. Не потому ли это, что мое сердце металось, поработанное мирскими обязанностями, а мысли были привязаны к человеческим делам? И другие люди не могут делать это по причине тех же самых волнений, что были и у меня“.

Некогда жил мудрый учитель, который знал путь бессмертия. Яньский государь послал одного человека учиться у него, но тот не успел выучиться, поскольку учитель умер. Яньский государь рассердился на своего посланца и задумал казнить его. Но один подданный стал критиковать государя, говоря: „Нет горя большего, чем смерть, и нет ничего более ценного, чем жизнь. Тот человек умер и не смог сохранить свою жизнь. Как же он в таком случае мог бы сделать бессмертным ваше величество?“ Тогда государь не стал казнить посланца. Слова этого критикующего подданного — прекрасный образец красноречия. Тем не менее если тот способ обретения бессмертия был похож на методы регуляции пневмы, о которых слышал я, то смерть учителя еще вовсе не означала, что он не знал пути бессмертия. Он умер лишь потому, что не смог отбросить мирские дела и начать заниматься практикой. Хотя он и знал этот способ, однако не получил от него никакой пользы, вот и все, а вовсе не потому, что вообще нет никаких способов обретения бессмертия. И еще он говорил: „В уезде Мисянь провинции Хэнань жил некий Бу Чэн, который долго изучал даосские канонические тексты и наконец по-

кинул свою семью. Вначале он лишь слегка приподнимался над землей, уходя все выше и выше с каждой попыткой, пока не вступил в облака и не скрылся из виду. Это как раз и называют умением летать и делать тело легким или — подниматься на небо средь бела дня. Это высшее искусство бессмертных».

Чэнь Юань-фан и Хань Юань-чжан⁵⁸ — выдающиеся мужи из Инчуаня, места, расположенного недалеко от Мисяня. Эти господа верят, что в Поднебесной есть бессмертные, поскольку их отцы и деды собственными глазами видели, как Бу Чэн восходил на небо. И это еще одно подтверждение того, что бессмертные поистине существуют».

Примечания

¹ Имеется в виду место из «Мо-цзы» (гл. 19), где говорится, что аист кричит, когда наступает полночь.

Знаки «у» и «цзи» — циклические знаки, обозначающие середину (пятый и шестой дни) традиционной китайской декады, а также полдень. Согласно древнему поверью, в дни «у цзи» ласточки не носят глину для строительства своих гнезд.

² Гэнсан и Вэнь-цзы — согласно традиции, ученики Лао-цзы. Гэнсан несколько раз упоминается в «Чжуан-цзы», а Вэнь-цзы приписывается авторство одноименного текста (в девяти главах), упоминаемого впервые в «Трактате об изящной словесности» («И вэнь чжи») «Истории Хань» (I в. н.э.).

³ Круглоголовые (*юань шюу*) — имеются в виду все живые существа.

⁴ Духи (*шэнь*) — имеются в виду духи, контролирующие, согласно ряду даосских текстов, жизнедеятельность различных органов человеческого тела.

⁵ Сокровенное зеркало (*сюань лань*) — имеется в виду сердце-сознание (*синь*). Образ восходит к «Дао-Дэ цзину» (10).

⁶ Ср. «Дао-Дэ цзин» (10).

⁷ Образы из «Дао-Дэ цзина» (13), рассматривающего славу и позор как состояния, имеющие единое следствие — страх.

⁸ Осевая пружина (*шу цзи*) — здесь имеется в виду стержень личности, основа человеческого существа. В даосских текстах иероглифы «шу» и «цзи» также часто употребляются для обозначения Дао.

⁹ Таинственный гончарный круг (*мин цзюнь*) — образ, восходящий к «Чжуан-цзы», где он обозначает Дао как порождающее и формирующее начало сущего. Согласно комментариям к «Канону внутреннего обозрения „желтого двора“» («Хуан тин нэй цзин цзин»), под «корнем одухотворенности» (*лин гэн*) следует понимать

или корень языка, или духовную основу, пребывающую в центре «нивань» верхнего «киноварного поля» (*дань тянь*) — головного мозга. Таким образом, метафоры Гэ Хуна имеют физиологическое наполнение в контексте даосской практики психофизического совершенствования, позднее оформившейся в виде так называемой «внутренней» алхимии (*нэй дань*).

10 Великая Чистота (*тай цин*) — одно из небес даосской космологии.

11 Пять светозарных (*у яо*) — пять планет традиционной китайской астрономии.

12 «Девять эссенций» (*цзю цзин*) — значение этого термина не совсем ясно. Скорее всего, речь идет о девяти духах важных органов тела.

13 «Врата жизненности» (*мин мэнь*) — скорее всего, пуп. В таком случае речь идет о дыхательных упражнениях, предполагающих мысленное направление вдыхаемого воздуха в область пупа во время задержки дыхания. Однако здесь может иметься в виду и сексуальная практика возврата семени для питания мозга (*хуань цзин бу нао*). В таком случае «врата жизненности» — точка на уретре, на которую нажимают для предотвращения эякуляции («нефритовый замок» — *юй яо*) и направления семени по позвоночному столбу вверх для питания мозга.

14 «Желтый двор» (*хуан тин*) — здесь, видимо, глаза, которые предлагается внутренним зрением фокусировать на Полярной звезде для установления связи между ее божеством и его микрокосмическим аналогом в теле даоса.

15 «Ясный зал» (*мин тан*) — в даосской терминологии или один из элементов верхнего «киноварного поля» (см. гл. 18 «Баопу-цзы»), или легкие. В последнем случае речь идет о направлении в легкие трех видов пневмы-ци в ходе дыхательных упражнений.

16 «Золотая запруда» (*цзинь лян*) — возможно, термин из области даосской сексуальной практики, обозначающий женские половые органы.

17 Имеется в виду нижнее «киноварное поле» (*дань тянь*), расположенное немного ниже пупа.

18 Имеется в виду мысленное направление слюны (очень важной жизненной субстанции, согласно даосским текстам) в пять основных внутренних органов: сердце, почки, легкие, печень и селезенку.

19 Видимо, имеются в виду дыхательные упражнения и визуализация, предполагавшие восприятие среднего «киноварного поля» (область солнечного сплетения) в качестве тренажера, в котором плавают пневмы под воздействием жара нижнего «киноварного поля» («печь»).

20 «Вишнево-красный дворец» (*цзян гун*) — среднее «киноварное поле».

21 Видимо, речь идет о направлении девяти видов пневмы в область лба («пещерный покой» — *дун фан*).

22 Речь идет о том, что жизненная энергия беспрепятственно распространяется по всем каналам-меридианам тела.

23 Имеются в виду триграммы «И цзина», которые здесь обозначают, видимо, различные типы пневмы.

24 Шесть знаков «дин» (*лю дин*) — обозначение группы божеств, называемых по наименованиям циклических знаков. Эти божества играют важную роль в даосской магии.

25 Слово «хрусталь» здесь выступает в качестве метафоры близости и сияния.

26 Характер употребления здесь циклических знаков «у» и «сы» не совсем ясен. Общий смысл фразы сводится к идее полной свободы, мира и покоя. Сочетание «беззаботно странствовать» (*сясяо*) восходит к названию первой главы «Чжуан-цзы», где означает свободное и естественно-спонтанное поведение даосского мудреца.

27 Меч Драконова Источника (*лун цюань*) — название легендарного древнего меча, славившегося исключительной остротой. Согласно преданию, был изготовлен мастером Оуян-цзы.

28 Два ряда проявления (*лян и*) — силы *инь* и *ян*, отрицательное и положительное начала, взаимодействие которых во многом определяет космогонический процесс.

29 Юй Фу — легендарный врач, живший, согласно традиции, во времена Желтого Императора (Хуан-ди).

Бянь Цюэ — врач, живший в эпоху Весен и Осеней (Чунь-цю, VIII—VI вв. до н. э.) в царстве Юэ. Его фамильное имя было Цинь.

Хэ и Хуань — знаменитые врачи царства Цинь эпохи Весен и Осеней.

Цан-гун (по фамилии Чуньюй) — знаменитый врач эпохи ханьского императора Вэнь-ди (середина II в. до н. э.); известен также как Чуньюй И.

30 Не исключено, что здесь речь идет о некоем средстве, приводящем в чувство после обморока, поскольку последний мыслился как результат ухода из тела разумных душ-хунь.

31 Духи-шю — болезнетворные бесы. Впервые упоминаются в «Цзо чжуань» (десятый год Чэн-гуна).

32 Юэ-жэнь — имеется в виду врач Бянь Цюэ, выведший принца Го из состояния летаргического сна или клинической смерти (см. жизнеописание Бянь Цюэ и Цан-гуна в «Исторических записках» Сыма Цяня).

33 Су У (ум. ок. 60 г. до н. э.) — выдающийся полководец династии Хань. Длительное время пробыл в плену у гуннов.

34 Чуньюй — имеется в виду Чуньюй И (Цан-гун). См. коммент. 29.

35 Юань Хуа — второе имя знаменитого китайского врача Хуа То (рубеж II—III вв. н. э.).

36 Вэнь Чжи — знаменитый китайский врач, родом из царства Сун (IV в. до н. э.). Был казнен (сварен заживо) циским царем за то, что излечил его эмоциональным потрясением, приведя в ярость. См.

главу «Высшая преданность» («Чжи чжун») «Весен и осеней госпо-
дина Люя» («Люй ши чунью»).

37 Чжунцзин — второе имя ханьского врача Чжан Цзи (150—
219 гг.).

38 См. коммент. 13.

39 Духовное думание (*сы шэнь*) — медитативное созерца-
ние «духов», населяющих организм человека.

40 Блюдение Одного (*шоу и*) — название комплекса даос-
ских созерцательных методов, непосредственно предшествующих бо-
лее поздней «внутренней» алхимии (*нэй дань*). Блюдение Одного
предполагало работу с парафизиологическими центрами тела (*дань
тянь*) и визуализацию различных божеств при установлении их кор-
реляции с внутренними органами человека. Блюдению Одного спе-
циально посвящена гл. 18 «Баопу-цзы» — «Земная истина» («Ди
чжэнь»).

41 Имеются в виду перечисленные выше причины смерти.

42 Имеются в виду пять каналов (меридианов)-*ло* китайской
акупунктуры.

43 Об этом персонаже ничего выяснить не удалось.

44 «Игры пяти зверей» (*у цинь си*) — знаменитый тип да-
осской гимнастики *дао шэнь*, разработанный Хуа То. Комплекс пред-
полагал подражание движениям тигра, оленя, медведя, обезьяны и
птицы.

45 Определить растения, названия которых оставлены нами без
перевода или принятого в ботанике современного названия, не уда-
лось.

46 Чжан Лян (ум. ок. 185 г. до н.э.) — выдающийся полити-
ческий и военный деятель. В даосской традиции считается мудре-
цом, посвященным в тайны даосского оккультизма.

47 Чисун-цзы — даосский бессмертный, один из наиболее по-
пулярных персонажей даосского пантеона небожителей-*сяней*.

48 Люй-хоу — императрица, вдова основателя династии Хань
Лю Бана (Гао-цзу). В 187—180 гг. до н.э. самостоятельно правила
империей.

49 Император Гао-цзу хотел заменить престолонаследника, чему
воспротивилась императрица. По ее предложению Чжан Лян угово-
рил прибыть ко двору четырех старцев, которых очень ценил импе-
ратор и которые прежде отказывались служить новой династии. Стар-
цы высказались в пользу прежнего престолонаследника, чего Чжан
Лян и императрица и добивались. Этот эпизод описан Сыма Цянем
в жизнеописании Чжан Ляна в «Исторических записках» (раздел
«Наследственные дома», гл. 55).

50 Кун Аньго (II в. до н.э.) — конфуцианский ученый, кано-
новед, потомок Конфуция. В даосской традиции считалось, что Кун
Аньго практиковал даосизм и даже стал бессмертным. Его биография
была включена Гэ Хуном в его «Жизнеописания святых-бессмерт-
ных» («Шэньсянь чжуань»).

51 Чжан Цан (ум. 152 г. до н.э.) — крупный государственный деятель эпохи Хань, министр. Длительное время занимался вопросами составления календаря.

52 Искусство «внутренних покоев» (*фанчжун чжи шу*) или искусство *инь-ян* (*инь-ян чжи шу*) — название даосской сексуальной практики.

53 Царства У и Юэ — южнокитайские государства Древнего Китая.

54 Цзо Цы и Чжао Мин (Чжао Бан) — знаменитые даосские маги рубежа эпох Хань и Троецарствия (конец II — начало III вв.). Цзо Цы был одним из наставников учителя Гэ Хуна и неоднократно упоминается в «Баопу-цзы».

55 Чжан — мера длины, для эпохи Гэ Хуна равная около 2,4 м.

56 Генерал Хэ — Хэ Ци (III в.), генерал царства У.

57 Чжунчан Гун-ли (или Чжунчан Тун, рубеж II—III вв.) — автор произведения «Чан янь» («Речи о процветании») в 34 главах (более 100 тысяч иероглифов). Это сочинение было утеряно, но из сохранившихся фрагментов (включены в антологию ханьской прозы Янь Кэцзюня) ясно, что Чжунчан Гун-ли верил в даосские методы обретения бессмертия.

58 Чэнь Юань-фан и Хань Юань-чжан упоминаются в разделе «Фан ши» («Маги») энциклопедической антологии «Боучжи» как талантливые ученые, верившие в бессмертных. Жили они, видимо, в III в.

ГЛАВА 6

Тонкая суть

Баопу-цзы сказал: «Я слышал, что тем, кто следует общепринятым взглядам, верят сразу же, не успеют те и рта раскрыть, а идущим иными путями и вершащим необычные дела высказывают сомнения, даже если те убедительно обосновывают свои утверждения. Ведь для живущих в селении с вершок, когда они начинают толковать о ничтожных обывательских делах, все делится на плывущее и тонущее, причем даже в большей степени, чем пух и металл, а также — на белое и черное, вроде рисовой пудры и туши. Но мужи, склонные к сомнениям даже еще в большей степени, не расположены к таким обсуждениям, в особенности если те касаются находящегося за пределами мирских путей и затрагивают проблемы постижения

тончайшей сути. В таких случаях эти мужи только громко хохочут. И все это началось очень давно, а отнюдь не в наше время. Если зрение достаточно остро, то даже вещи, скрытые во тьме и мраке, или вещи мельчайшие и тончайшие нетрудно увидеть. Но если зрение слабо, то тогда не увидеть даже заливающие небосвод сиянием солнца и луну или вздымающиеся к облакам горы Суншань и Тайшань.

Глубочайшее знание и уникальное видение сокровенных совершенномудрых Хуан-ди и Лао-цзы открывается в тайных письменах, скрытых в славных горах и в книгах бессмертных, получаемых от божественных людей. Они свободны от пыли и грязи мира, и их стопы направлены к недостижимым высям небес. Металл и камень не сравнятся с ними в твердости, срок жизни черепах и аистов не сравнится с их долголетием. К сожалению, верующие люди часто лишены письменных текстов, содержащих описания способов практики, кристально чистые и ясные по своей сути. Если практиковать малые способы совершенствования, то и результат будет мал, а если великие, то и польза будет велика. Последователи, имеющие ничтожные взгляды, однако, блюдут только жалкие методы; они знают только сладость чая и диких трав¹, но не знают сладости сахара и меда, пьянеют от слабой браги и не ценят изысканных вин. Они знают, как любить жизнь, но не знают, что существует путь пестования жизни. Они знают, как бояться смерти, но не верят, что существует способ обретения бессмертия. Знают, как много болезней возникает из-за неумеренности в еде и питье, но не могут соразмерить количество жирного и сладкого, попадающего к ним в рот. Знают о разрушительных последствиях излишеств в области чувств, но не знают, сколько губительного содержится в том, чего они желают. Хотя я и могу говорить о том, что состояние святого-бессмертного можно обрести, разве могу я заставить кого-нибудь поверить в это?»

Некто спросил: «Ваше собственное тело не имеет никаких признаков превосходства перед телами других людей. Его не покрывают странные волосы, да и возраст ваш отнюдь не тот же, что у долголетних Ань Ци-шэна или Пэн-

цзу. Ваши глаза никогда не видели святых-бессмертных, а ваши уши никогда не слышали звуков их чудесных голосов. Откуда же вы знаете, что продления жизни можно достичь и что существуют доказательства того, что природную сущность можно выпестовать? Вы также не даете понять, что вы обрели постижение Сокровенного и Тайного в своем сердце или что вы в себе самом обрели зеркало волшебного видения. Ведь вашей одежды недостаточно, чтобы укрыть ваше тело, а ваших средств не хватает, чтобы жить безмятежно изо дня в день, а вы говорите об искусствах, которые мог бы практиковать только Тао Чжу, и о планах, которые мог бы разработать только И Дунь². И потому абсолютно правы те, кто усмехается, услышав ваши рассуждения. Вы больны и недужны, а говорите о сущности искусства врачей Хэ и Цюэ. Вы неоднократно сбегали на север³, а беретесь судить о расчетах Сунь-цзы и У Ци⁴. И если люди не верят вам, то это только потому, что сами вы не показываете никаких личных достижений».

Я сказал в ответ: «Ведь личинка длиной в цунь, плавающая в луже воды, не знает, что в Поднебесной есть просторы четырех морей. А червяк, живущий в плоде, заявит, что весь мир восьми пределов сводится к этому плоду. Если этих существ спросить о мире, то они ответят, что нет ни безграничных просторов океана, ни необъятности Вселенной. Для них все это лишь пустые слова, не заслуживающие никакого доверия. Если бы в моих глазах были квадратные зрачки, или прямо на макушке головы росли бы длинные острые уши, или я носился бы в небесном пространстве, управляя драконами, или если бы я взмывал ввысь на молнии, создавая волшебное сияние, — то разве могли бы вы взять да и начать опровергать меня? Ведь увидев меня в таком облике, вы бы закричали, что я существо типа небесных божеств или земных духов, и вам не пришлось бы даже в голову сказать, что я достиг этого благодаря обучению. Конечно, осознав первым эти истины, я смогу повести к их реализации других единомышленников, но разве смогу я заставить поверить мне людей вроде вас? Даже если бессмертный окажется прямо в вашем доме, даже если он будет смотреть вам в глаза и ка-

саться вашего плеча своим, вы все равно даже не заподозрите об этом. Однако когда путь того человека будет завершен, он сможет поставить свою стопу на лазурные небеса и бродить по Пурпурному Пределу⁵. А вы не сможете ни увидеть этого, ни услышать об этом, если только сами не проникнете в одухотворенное. Ведь у вас нет ушей, чтобы слышать! Мирские люди верят только в правоту своего мнения и полагаются только на свои недалёковидные воззрения. Они считают, что не может быть ничего, кроме того, что они сами испытали. Все привычно повторяющееся они охотно принимают, всему странному они изумляются. Они наостряют уши, когда слышат о том, чего не могут понять, и тычут пальцами в необычное. Так было всегда, и ничего нового в этом нет».

Некто сказал: «Внимательно выслушав ваши речи, я вполне убедился в том, что бессмертные существуют, и теперь более не сомневаюсь в этом. Но сам я тем не менее не смогу стать бессмертным. Осмелюсь спросить вас, нет ли другого истинного пути, практиковать который легче?»

Баопу-цзы сказал: «Обучение любому пути начинается с мелкого, а уж потом вступает в глубину, начинается с легкого, а уж потом наступает очередь трудного. Если ваша воля искренна и тверда, вы перейдете вброд любую реку, а если вы охвачены сомнениями, то никакого успеха не будет. Это относится к любому делу. Ведь если корень не уходит глубоко в землю, то и верхушка не вознесется в облака. Если источник не скрыт в сокровенных недрах, то и река не протечет десяти тысяч ли. И иначе никогда не бывает. По этой причине, если не накопить много темной благодатной силы⁶, то не будет отклика и со стороны божественного разума⁷; если не соединить искренность своего сердца с сердцем другого человека, то не обретешь учителя и друга; если не трудиться усердно, то нельзя будет и говорить о великих свершениях. Точно так же если, не встретив мудрого учителя, искать истинный путь, то нельзя будет обрести его. Самое важное для обретения бессмертия — это девятикратная киноварь и золотой раствор. Но изготовление их настолько дорого и сложно, что его невозможно довести до конца. Самое же первостепен-

ное — это ценить свое семя и заботиться о своей пневме, а также принимать малые снадобья, чтобы продлить годы жизни. Если изучать простые искусства, чтобы избавиться от зла и беззакония, то постепенно, шаг за шагом, можно будет приблизиться к утонченному».

Некто спросил: «Магических искусств так много, что поистине трудно найти основное. Кроме приготовления золотого раствора и перегнанной киновари, что еще можно практиковать, какой из методов наиболее хорош?»

Баопу-цзы ответил: «Если не достигнуто самое великое из наиболее совершенных искусств, то и малые могут расширить наше знание. Ведь использование всего этого множества искусств в их совокупности будет способствовать обретению долголетия.

Если образно сказать о великом, то его можно уподобить тому, как государь упорядочивает государство, используя словесность, военное дело, ритуалы и законы. И нет среди этих методов управления ни одного недейственного.

Если образно сказать о малом, то его можно уподобить работнику, изготавливающему колеса. Оглобли, обода, оси, чеки — нельзя допустить недостатка ни одной из этих деталей.

Что же касается магических искусств, то внутри они способствуют совершенствованию тела и духа, продлевают жизнь и уничтожают болезни, а вовне искореняют напасти и беды, делают так, что несчастья и злоключения не угрожают человеку.

Например, если некто играет на лютне или на цитре, то он не должен надеяться, играя на одной струне, получить все пять звуков. Если же воин использует латы и шлем, то ему не приходится уповать, что дощечки для письма заменят ему копьа и кинжалы.

Используя пять звуков, нельзя допустить пропуска даже одного из них, а когда собраны копьа и кинжалы, нельзя допустить, чтобы их было меньше, чем надо.

Ведь если занимающиеся пестованием жизни хотят многое услышать и претворить важнейшее из этого в жизнь, многое увидеть и выбрать наилучшее из увиденного, то занятий лишь одним каким-то методом недостаточно для того, чтобы положиться на него.

Ученики, озабоченные правильными делами, зачастую полагаются на один какой-нибудь метод, считая его важнейшим: те, кто знает искусство Сокровенной Девы и Чистой Девы⁸, говорят, что только искусство „внутренних покоев“⁹ может вывести за пределы мирского; понимающие путь вдоха и выдоха говорят, что только регуляция пневмы может продлить жизнь; знающие способы сгибания и вытягивания¹⁰ утверждают, что только гимнастические упражнения дао инь могут предотвратить старение; знающие способы изготовления растений заявляют, что только лекарственные лепешки из них могут обеспечить безграничную жизнь.

Если изучающие Дао-Путь не достигают успеха, то это только из-за такой односторонней пристрастности.

Люди, видящие лишь мелкое, считают, что раз уж они узнали нечто одно, то и говорить больше не о чем. Они не понимают той истины, что хотя они и получили хороший способ, тем не менее надо продолжать непрерывные поиски. Если и работу прекратить, и целый день бездельничать, вычеркнув его из жизни, и таким образом всегда поступать, то и смысла никакого в этом не будет, и две потери окажутся налицо.

Поскольку такие люди глупы и тупы по своей коренной природе, то и знают они только о мелком и близком. Вот они намереваются уйти в славные горы, однако там они наступают на какую-нибудь ядовитую гадину, которая кусает их, после чего они долго страдают от этого укуса. После этого им уже стыдно возвращаться в горы во второй раз. Кое-кого из таких людей съедают тигры или волки или убивают бесы и демоны, кое-кто страдает от голода, не зная способа отказа от злаков, кое-кто страдает от холода, не зная способов самообогревания¹¹. Ну не глупо ли подобным образом умирать в горных долинах!

Усердие в учебе не сравнится по важности с выбором настоящего учителя. Если учитель плохо и узко образован или же не с полной самоотдачей наставляет ученика, то он, как правило, заявляет, что истинный Дао-Путь не заключается в многознании. А коль скоро Дао-Путь не заключается в многознании, достаточно только практиковать

наиважнейший метод — способ золотого раствора и перегнанной киновари и вовсе не надо применять других способов.

Однако знающие это дело чрезвычайно редки, а поэтому неужели следует пребывать просто в бесплодном ожидании того, что еще вовсе не обязательно велико, вместо того, чтобы практиковать также весьма полезные малые искусства? Это было бы похоже на решение главы семьи не пользоваться другими вещами кроме золота, серебра, жемчуга и нефрита, поскольку только их накопление и сохранение может обеспечить благосостояние многих поколений его потомков. Но если у него нет этих драгоценностей, почему бы ему не начать наполнять свои амбары разным зерном и всякими плодами?

Таким образом, отказ от злаков может дать неуязвимость от оружия, способность изгонять нечисть, предотвращать действие ядов и исцелять от всех болезней. Когда такой человек входит в горы, дикие звери не нападают на него. Когда он переправляется через реки, водные гады и драконы не причиняют ему вреда. Когда он проходит через местность, где свирепствуют моры и поветрия, то остается жив и невредим. Когда он встречается с бедами и напастями, то может стать невидимым. Хотя все это только малые дела, однако нельзя не стремиться узнать о них. А уж тем более как не стремиться узнать о делах гораздо более важных?»

Некто спросил: «Осмелюсь ли осведомиться о том, что запрещено для тех, кто хочет идти путем продления жизни?»

Баопу-цзы сказал: «Самый важный из всех запретов — это запрет на причинение вреда и неспособствование утратам. Такие тексты, как „Внутренние заповеди согласно Переменам“, „Каноническая книга Чисун-цзы“ и „Амулет предопределенности записей Плана Реки“¹², гласят, что Небо и Земля наделены Духом Распорядителем Судеб¹³. Он оценивает проступки человека по степени их легкости или тяжести и производит свои расчеты. Когда расчетный срок уменьшается, человек беднеет и начинает болеть, а также сталкивается с различными невзгодами. Когда расчетный срок заканчивается, человек умирает. Всего имеет-

ся несколько сотен поступков, учитываемых им при расчетах, но всех их перечислять здесь нет возможности. Кроме того, говорят, что в человеческом теле есть „три трупa“. „Три трупa“ — это существа, лишённые телесности и относящиеся к тому же роду, что демоны и духи, наделённые сознанием и одухотворенностью. Они стремятся добиться того, чтобы человек быстрее умер, поскольку тогда эти „трупы“ станут демонами-навьями, свободно перемещающимися по своей собственной воле; люди же будут совершать им жертвоприношения и возлияния вином. Поэтому каждый день под знаками „гэн-шэнь“ они отправляются на небо к Распорядителю Судеб и рассказывают ему о совершенных человеком проступках и дурных делах. Кроме того, в ночь последнего дня каждого месяца Цзао-шэнь¹⁴ также поднимается на небо, чтобы рассказать о дурных деяниях людей. Если проступок велик, то из срока жизни человека вычитается триста дней, если проступок мал, то три дня. Я, конечно, не могу точно сказать, есть ли такое на самом деле или же нет. Однако небесный путь далек и недоступен, а сущность духов и демонов трудно постичь. Чжаоский Цзянь-цзы и циньский Му-гун¹⁵ сами получили золотые таблички от Верховного Владыки¹⁶, о чем есть ясное местное свидетельство¹⁷. Горы и реки, травы и деревья, колодцы, очаги, пруды и озера — все они как будто наделены сперматической пневмой¹⁸. В теле человека также есть небесные и земные души. А поскольку мир — Небо и Земля — предельно велик, то в принципе он тоже должен быть наделен сперматической пневмой и сперматическим духом. А если это так, то сей дух вполне может награждать за добро и карать за зло. Учитывая огромность мирового тела и всеохватность его сети, нельзя ожидать, что эта душа мира будет реагировать на все, как механизм, по принципу „воздействие—отклик“¹⁹, и только. Так, рассматривая даосские заповеди, можно заметить, что все они гласят о следующем: взыскующий долгой жизни непременно должен накапливать добрые дела и обретать заслуги, быть добросердечным по отношению к другим существам и доброжелательным по отношению к другим людям, быть добрым даже к насекомым; он должен радоваться

счастьем других людей и печалиться их горестям, помогать находящимся в нужде и спасать попавших в беду, не поднимать руку ни на одно живое существо, не произносить проклятий и смотреть на успехи других людей, как на свои собственные, а на беды других людей так же, как и на свои собственные несчастья; он должен не гордиться собой и не превозносить себя, не завидовать людям, превосходящим его, никому не льстить и не предаваться разврату. Если обрести такую степень добродетели, то будет обретено и счастье, даруемое Небом. Когда же все добродетельные дела будут совершены, тогда можно будет с надеждой на успех приступить к поискам состояния бессмертного.

Что же касается злодеяний, то они таковы: пренебрежение к добру и любовь к убийствам, склонность говорить одно, а думать другое, предпочитать говорить за спиной то, что не говорится в лицо, отворачиваться от праведного и честного, подавлять нижестоящих, лгать вышестоящим, бунтовать, находясь на службе, не испытывать благодарности за сделанное тебе добро, брать взятки у людей, нарушивших закон, следовать кривде и извращать правду, ставить личное выше общественного, наказывать невинного, разрушать чужие семьи, присваивать имущество других людей, вредить здоровью других, лишать других людей положения, притеснять мудрецов, казнить сдавшихся в плен, клеветать на бессмертных и совершенномудрых, причинять вред мужам Дао-Пути, стрелять по летящим птицам, вырезать зародыши из материнского тела, разбивать яйца птиц, охотиться весной и летом, кощунствовать и поносить божественное и одухотворенное, учить людей дурному, отрицать добрые качества других, устрашать людей ради собственного спокойствия, обирать других ради собственной выгоды, расстраивать планы и дела других, отнимать у людей то, что они любят, разлучать людей с их близкими, позорить людей для самовозвеличивания, брать в долг длинную связку монет, а возвращать короткую и неполную, вызывать пожары и наводнения, вредить людям с помощью магии, угнетать слабых, злом отвечать на добро, насильно отнимать или требовать, угрожая применением силы, грабить ради собственного обогащения, не быть

беспристрастным и ровным в отношении ко всем, быть распущенным и порочным, угнетать сирот и одиноких, заниматься накопительством завещанного и извлечением даров, быть лживым и непорядочным, любить обсуждать личные дела других людей, использовать в своих целях достоинства и недостатки людей, тянуть к себе Небо и тащить к себе Землю, искать справедливости, надеясь на моления и жертвоприношения, брать в долг и не возвращать, не выплачивать деньги за обмен и за кредит, неумеренно предаваться страстям, отвергать преданность и доверие, не следовать повелениям вышестоящего, не почитать учителя, смеяться над людьми, делающими добро, уничтожать посевы на землях других людей, наносить ущерб утвари других людей, устраивать на службу бездарей, угощать несвежей и невкусной едой, обмеривать и обвешивать, укорачивать в длину и ширину отрезки ткани, перемешивать истину с ложью, получать доходы от разврата, мошеннически вымогать вещи, превозноситься над колодцем и перешагивать через кухню²⁰, в последний день месяца петь песни, а в первый день — плакать.

Совершение даже одного из этих поступков считается злодеянием, и в соответствии с его тяжестью или легкостью оно засчитывается человеку Распорядителем Судеб. Когда расчетный срок исчерпывается, то человек умирает. Однако если имел место только дурной замысел, но не было дурного поступка, он один и засчитывается. Но если злодеяние отрицательно сказалось на других людях, то оно засчитывается по числу пострадавших. Если расчетный срок еще не завершился, а человек совершил самоубийство, то последствия поступков такого человека переносятся на его потомков. Когда человек покушается на чужое имущество, результаты совершения этого злодеяния могут отразиться на членах его семьи, жене и детях и привести к их смерти, хотя и не сразу после совершения преступления. Если размер злодеяния не таков, чтобы погубить домашних совершившего его человека, то на его семью обрушиваются такие беды, как наводнения, пожары, грабежи и кражи. Такой человек, вероятно, потеряет все свое имущество, или ему придется из своих средств оплачивать

лечение уездного правителя и стоимость животных, приносимых в жертву в благодарность за его выздоровление. И эти невзгоды продолжатся, пока не будет востребована с преступника стоимость всего, некогда присвоенного им.

Поэтому даосы говорят, что убивший невинного человека сам будет сражен насмерть оружием, а отнявший у других имущество ради собственного обогащения не сможет избежать возмездия. Поэтому совершать такие поступки — это все равно что есть гнилую солонину, чтобы утолить голод, или пить отравленное вино, чтобы избавиться от жажды: хотя и не останешься без насыщения, но и смерть тебя не минует.

Буде же человек совершит какое-нибудь злодеяние, а потом раскается в нем, то если он убил невинного человека, ему необходимо твердо решить спасти кого-нибудь от смерти; если он присвоил чью-то собственность, то надо твердо решить раздать ее стоимость бедным, а если в преступление были вовлечены и другие люди, то нужно твердо решить способствовать тому, чтобы мудрый человек занял высокую должность. Поскольку эти поступки равновелики и противоположны совершенным злодеяниям, то они способствуют обретению пользы и превращению горя в счастье. Тот, кто может прекратить совершать дурные поступки, непременно сможет продлить годы своей жизни, обрести долголетие и быстро добиться успеха в изучении Дао-Пути. Ведь хотя Небо и возвышенно, оно слышит и низменных, и нет ни одного живого существа, не созерцаемого им. И если добрые дела совершаются без лености, они никогда не останутся не вознагражденными. Так, Ян-гун всю жизнь копил добродетель, совершая добрые поступки, а когда его голова побелела, то он обрел золото, прямо-таки упавшее к нему с неба²¹. Цай Шунь был предельно сыновнепочтителен, и это тронуло божественное, откликнувшееся ему²². Го Цзюй был готов убить своего сына для спасения родителей и получил богатый дар и железный памятный знак²³. Однако добрые дела делать трудно, а злые дела делать просто. Тем не менее глупцы думают, что Небо и Земля не могут отличить добро от зла, ссылаясь на события жизни таких людей, как Дин То и Бо Нью²⁴. Они не понимают, что люди, восхваляемые

за внешнее, отнюдь не обязательно заслуживают похвалы и за внутреннее, как если бы восхваляемое за сторону *ян* не может иметь изъяна на стороне *инь*. Это все равно что рассматривать жизненный цикл пастушьей сумки и пшеницы и сомневаться в способности пневм *инь* и *ян* воздействовать на них издали. Вот почему высокопоставленные мужи порой избегают наказаний, несмотря на все усилия их обвинителей, а простые люди часто не получают того, чего они хотят».

Некто спросил: «Если совершенство в Дао-Пути и его Благой Силе еще не достигнуто и следы человека еще не затерялись окончательно в славных горах, то как ему избежать бед, которые сулят и утро, и вечер, и как защититься ему от неизбежных несчастий: ведь ныне времена не те, что в древности, и грабители с разбойниками теперь столь многочисленны?»

Баопу-цзы сказал: «Всегда в день под циклическим знаком „вэй“, в час „шесть гуй“²⁵ следует взять немного земли, смешать ее с хвоей кипариса и листьями ароматно пахнущих трав и получившейся глиной начертать на воротах квадрат со стороной в один чи; в таком случае воры и грабители не смогут проникнуть в дом. Или можно взять землю из места, расположенного к югу от городских ворот, а также почву Великого Года и почву созвездия, управляющего данным месяцем²⁶, смешать все это, вылепить фигурку человека и поставить ее в направлении Красного Феникса²⁷. Это тоже остановит разбойников. Можно также в случае необходимости войти в безопасное место²⁸ и оставаться там, тогда никто не повредит такому человеку. Вся Поднебесная в целом имеет свое безопасное место, каждая провинция имеет свое безопасное место, каждый округ имеет свое безопасное место, каждый уезд имеет свое безопасное место, каждая деревня имеет свое безопасное место, каждый дом имеет свое безопасное место и каждая комната имеет свое безопасное место».

Некто спросил: «Не слишком ли мала комната, чтобы в ней быть безопасному месту?»

Баопу-цзы сказал: «Каноническая книга гласит, что в случае крайней необходимости можно спрятаться даже

в полой перекладине телеги. Значит, даже в телеге есть безопасное место. Так почему бы не быть безопасному месту и в комнате?»

Некто сказал: «Ваш слуга слышал, что взыскующие жизни должны знать две горы, но он не знает, что это за горы. Поэтому ваш слуга просит рассеять его невежество и просветить его».

Баопу-цзы сказал: «Они есть. Но это не Хуашань и не Хэшань; это не Суншань и не Тайшань.

Ведь гору Великого Первоначала
Трудно познать, но просто искать.
Она не на Небе и не на Земле,
Она не тонет, но и не плывет.
Эта гора крута и отвесна безмерно,
Горные пики и скалы вздымаются ввысь.
Ее пненья гармоничны и таинственно-сокровенны;
Бродят в согласии с ними там высшие силы.
Нефритовые колодцы полны студеной водою,
Они орошают склоны горы непрерывно.
Здесь живут сто двадцать чиновников,
Которые столь же согласны друг с другом, как „кань“
и „ли“²⁹.

Таинственные грибы покрывают десятки тысяч пней,
Вишнево-красные деревья растут повсюду,
И драгоценный плод каждого из них не таков, как у
других.

Пики из золота и нефрита возносятся ввысь,
Потоки чистого вина текут со всех сторон.
Мужи канувших в прошлое лет
Жадно пили из этих быстрых ключей.
Если и вы сможете испить из них,
То непременно присоединитесь к обществу Цяо и
Суна³⁰.

Вот какова эта первая гора.
Вторая гора — гора длинной долины.
Она вся наполнена ароматами, и пики ее устремляются
к небесам.

Нефритовые потоки растекаются по ее склонам,
Золотые пруды и пурпурные покои

В изобилии скрыты в ее расщелинах.
 Глупец, по ошибке забредший сюда,
 Непременно погибнет.
 Но мудрый муж Дао-Пути,
 Взошедший на эту вершину, никогда не одряхлеет.
 Он соберет „желтую эссенцию“³¹
 И сможет взмыть в небеса.
 Такова вторая гора.

Сведения об этих двух горах мудрецы древности хранили в тайне, вам же следует углубленно созерцать их, сосредоточивая внимание на их образах»³².

Некто спросил: «Мне хотелось бы услышать об искусстве совершенных людей, позволяющем блюсти свое тело и упражнять свою телесную форму».

Баопу-цзы сказал:

«О, сколь глубок этот вопрос!

У подножия Начального Лазоревого есть солнце и луна.

Их половины следует соединить, чтобы они стали одной-единственной вещью.

Выйди из того „нефритового пруда“ и войди в „золотой покой“,

Который столь же велик, как шарик арбалета, и такой же желтый, как мандарин.

Внутри он прекрасен и сладостен, как мед.

Когда сможешь обрести его, постарайся более не потеть.

Не стремись догнать ушедшее, иначе тело погибнет;

Чистая белая пневма предельно тонка и таинственна —

Подними ее в „сокровенную заставу“, где она трижды согнется и скривится.

Тогда средняя киноварь засияет и засверкает, как не сияет ничто на всем свете.

Установи себя у врат жизненности, и тогда телесная форма не погибнет.

О, сколь таинственен омут этой мистерии и сколь трудно ее объяснить!³³

Вот что гласит устное наставление учителей прошлого. Знающие его могут не бояться легионов демонов и пяти видов оружия».

Некто спросил: «Я слышал, что если заниматься искусством „внутренних покоев“, то можно достичь состояния святого-бессмертного, а заодно научиться предотвращать бедствия и горести, превращая неудачи в счастье, поселиться в высоких чиновничьих хоромах и иметь выгоду в торговых делах. Это верно?»

Баопу-цзы ответил: «Это все речи из шаманских колдовских книг, морочащих людей. Если хорошее дело приукрасить, то оно утратит свою суть. А иногда и развратники сочиняют фальшивые книги, распространяя вздор и заблуждения, чтобы таким образом обманывать и дурачить простых людей, скрывать начала и концы, чтобы получать награды, заманивать учеников и получать таким образом мирские выгоды.

Ведь искусство *инь—ян* достаточно высоко, чтобы с его помощью лечить незначительные недомогания, а также избегать пустой траты энергии, вот и все. Принцип этого искусства имеет свой предел. Как же с его помощью можно стать святым-бессмертным или, избежав бедствий, обрести свое счастье? Люди не могут жить без соединения *инь* и *ян*³⁴, в противном случае они немедленно легко становятся жертвами болезней и недугов. Если желания делаются безудержными, а чувства развращаются и ничем не уравниваются, то это приводит к сокращению срока жизни. Те, кто как следует овладел этим искусством, могут заставить коня идти питать мозг³⁵, могут повернуть созданный силой *инь* киноварный эликсир вспять и направить его в „красную полость“³⁶, могут собрать „нефритовую жидкость“ в „золотом пруду“³⁷ и ввести тройную пятерницу в „цветочную запруду“³⁸. И тогда окажется, что и старец вновь станет способен жить наилучшим образом половой жизнью и сможет прожить весь отпущенный ему Небом срок жизни.

А вульгарные людишки, услышав, что Хуан-ди поднялся на небо с тысяча двумястами женщинами, берутся говорить, что он лишь такими делами достиг долголетия. Они и понятия не имеют о том, что Хуан-ди под горой Цзиншань, что над озером Динху, создал киноварный эликсир летящей девятки³⁹ и только благодаря этому оседлал дракона и поднялся на небеса. Конечно, у Хуан-ди

могло быть тысяча двести женщин, но отнюдь не с помощью того он достиг бессмертия.

Если принимать тысячу сортов снадобий и предаваться пестованию жизни посредством трех жертвенных животных⁴⁰, но не знать искусства „внутренних покоев“, то все равно никакой пользы не будет. Поэтому-то древние и боялись легкомысленного отношения людей к распущенности чувств в области отношений между полами и поэтому же нельзя до конца верить всем красивым речам, которые говорятся по этому поводу.

Каноны Сокровенной и Чистой Дев уподобляют это воде и огню. Вода и огонь и губят человека, и порождают человека⁴¹ — в зависимости от того, умеет он правильно использовать их или же нет. Те, кто в основном знает важнейшие из этих принципов и методов, извлекают тем больше пользу и благо, чем с большим количеством женщин они общаются. Если же не знают этого пути, но практикуют его, то и одного партнера достаточно, чтобы быстро приблизить смерть.

Способы Пэн-цзу — самые важные из всех. В других канонах и книгах много обременительного и трудно исполнимого, а польза от их наставлений все же не может сравниться с пользой от этой книги⁴². Только немногие люди способны следовать ей. Существуют и устные наставления в несколько тысяч слов. Не знающие их, хотя бы и принимали сотни снадобий, все равно не смогут достичь долгой жизни».

Примечания

¹ Здесь имеется в виду травяной чай, поскольку чайный напиток как таковой во времена Гэ Хуна еще не был известен; он вошел в употребление приблизительно через 200–250 лет после написания «Баопу-цзы».

² О Тао Чжу и И Дуне см. коммент. 43 к гл. 2.

³ Имеются в виду поездки, совершенные Гэ Хуном в первое десятилетие IV в. на охваченный смутами и мятежами гуннов север Китая в поисках редких даосских книг.

⁴ Сунь-цзы (Сунь У; VI–V вв. до н.э.) и У Ци (V–IV вв. до н.э.) — знаменитые полководцы, стратеги и военные теоретики Древнего Китая.

⁵ Пурпурный Предел (цзы цзи) — см. коммент. 22 к гл. 2.

6 Темная благодатная сила (*инь дэ*) — имеется в виду сексуальная энергия, энергия начала *инь*, отождествляемого не только с женской сексуальностью, но с либидо как таковым.

7 Божественный разум (*шэнь мин*) — определяется в «Сиды чжуань» (философское приложение к «Канону Перемен») как «неизмеримость сил инь—ян», что означает: совершенная разумность является высшим выражением процесса перемен. Иногда термином «шэнь мин» обозначают божественные силы и божества вообще, и он таким образом приобретает значение «нуминозность».

8 Сокровенная Дева и Чистая Дева (*Сюань-той; Су-той*) — две небожительницы, выступающие в эротологических трактатах («искусство внутренних покоев» — «фан чжун чжи шу») как наставницы в области отношений между полами. Часто их собеседником является сам Хуан-ди (мифический Желтый Император, носитель тайн даосской алхимии и магии).

9 См. коммент. 52 к гл. 5.

10 Имеются в виду гимнастические упражнения *дао инь*, упоминаемые уже в гл. 15 «Чжуан-цзы».

11 Имеются в виду различные приемы, связанные с дыхательными упражнениями и приводящие к сильному разогреву тела. По всей видимости, они близки по характеру знаменитому *туммо* («психическому теплу») тибетских йогитов буддийской тантрической школы *кагью-па* (*каджуд-па*).

12 Перечисленные тексты до нас не дошли. Их китайские названия: «И и эй цзе»; «Чисун-цзы цзин» и «Хэту цзи мин фу».

13 Дух Распорядитель Судеб (*Сы го чжи шэнь*) — то же, что и Властелин Судеб (см. коммент. 44 к гл. 3).

14 Цзао-шэнь — божество кухни, домашнего очага. См. коммент. 79 к гл. 2.

15 Чжаоский Цзянь-цзы — принц княжества Чжао эпохи Чунь-цю.

Му-гун — циньский князь того же времени. Как сообщает Сыма Цянь (гл. «Владетельный род Чжао» и «Трактат о жертвоприношениях фэн и шань»), оба они оправились от тяжелой болезни после того, как во сне им явился Верховный Владыка и дал лекарство.

16 Верховный Владыка, или Верховный Император (*шан-ди*), — в эпоху Шан-Инь обожествленный первопредок иньских царей. Позднее он отождествляется чжоусцами с Небом как высшим природным началом, хотя, как свидетельствует и данный текст, его образ сохранил определенные черты антропоморфизма. Завершается развитие представлений о Шан-ди в лице Верховного Августейшего Нефритового Владыки (*Юй хуан шан-ди*), упоминания о котором как о высшем персонаже даосского пантеона впервые появляются в конце IX в. (речения Люй Юн-чжи, даосского советника генерала Гао Пяня). С XI в. культ этого божества становится широко распространенным.

17 Это высказывание можно понять в том смысле, что свидетелями были божества-покровители данной местности — *туди шэни*.

18 Сперматическая пневма (*цзин ци*) — наиболее тонкая сущность энергетической субстанции — пневмы, способная к разумению; ее чистейшая форма — сперматический дух (*цзин шэнь*; в современном языке значит просто «дух», «духовное»), разумное и одухотворенное состояние пневмы.

19 Воздействие — отклик (*гань-ин*) — методологический принцип китайской философии, во многом заменявший в ней представление о причинности: каждый акт оказывает воздействие на другие элементы мироздания (в соответствии с симпатией «сродства видов»), которые реагируют на него («откликаются» ему).

20 То есть пренебрегать божествами колодца и кухни.

21 Ян-гун — видимо, Ян Ю, современник Гэ Хуна, внезапно разбогатевший в старости.

22 Цай Шунь (эпоха Поздней Хань) отличался особой сыновней почтительностью. Когда его престарелая мать умерла, но еще не была погребена, в его доме случился пожар, но Цай Шунь не покидал его, рыдая над гробом матери. Это тронуло Небо, и пожар прекратился.

23 Го Цзюй — бедняк, собиравшийся убить своего новорожденного сына, закопав его в землю, чтобы остались средства на прокормление родителей. Однако, начав копать яму, он обнаружил клад, на котором было написано: «Награда за сыновнюю почтительность». История Го Цзюя была очень популярна и вошла в народные дидактические лубки, иллюстрирующие «Двадцать четыре истории о сыновней почтительности».

24 Дин То — древний вундеркинд, уже в семь лет бывший учителем Конфуция. В десятилетнем возрасте он умер.

Бо Нью (Цзай Гэн) — ученик Конфуция, отличавшийся добродетельным поведением, умерший в молодости.

25 Магия, связанная с нумерологией циклических знаков, обозначающих календарные даты и время суток, очень характерна для учения «Баопу-цзы». Подробнее см. гл. 17.

26 Великий Год (*Тай суй*) — планета Юпитер, получившая название Великого Года из-за своего периода обращения вокруг Солнца в 19 лет, совпадающего с наименьшим общим кратным круговращения Солнца, Луны и пяти планет (каждые 19 лет китайский лунно-солнечный год начинается в один и тот же день); также период времени, равный сроку обращения Юпитера вокруг Солнца; также всеобъемлющий космический цикл, связанный с нахождением наименьшего общего кратного периодов обращения Солнца, Луны и планет; он составляет 23 639 040 лет.

Почва созвездия месяца — видимо, имеется в виду необходимость собрать почву только в месяц совершения ритуала (под знаком созвездия, управляющего данным месяцем).

27 То есть в сторону юга, которому соответствует символ Красного Феникса.

28 Безопасное место (*шэнь ди*; «место жизни») — особое место, находясь в котором, человек остается невидимым и неуязвимым.

29 «Кань» и «ли» — триграммы «Канона Перемен» «вода» и «огонь», коррелирующие с первоэлементами «металл» и «дерево» и, соответственно, с отрицательными (*инь*) и положительными (*ян*) энергиями человеческого тела — микрокосма.

30 То есть к бессмертным Ванцзы-цяо и Чисун-цзы.

31 «Желтая эссенция» (*хуан цзин*) — сущность срединного первоэлемента «земля».

32 Здесь, конечно, речь идет не о физических горах, а о парафизиологических структурах тела-микрокосма, которые сосредоточенно созерцает (*цзин сы*) в своем теле практикующий даос.

33 Это весьма темное по содержанию тайное устное наставление (*коу цзоэ*) также описывает в метафорических выражениях различные энергетические структуры тела.

34 То есть люди не могут обходиться без половой жизни.

35 Имеется в виду наиболее распространенная даосская практика предотвращения эякуляции. Ее наиболее распространенное название — «возвращение семени для питания мозга» (*хуань цзин бу нао*), но существовали и другие ее названия (например «вернуть реку Хуанхэ вспять»). Данная практика заключалась в предотвращении эякуляции и, соответственно, потери жизненной энергии, материальным выражением которой считалась сперма, посредством нажатия на определенную точку уретры у основания пениса (ее китайское название — *хуэй инь сюэ*, «пещера встречи силы *инь*»), или волевым усилием, сопряженным с дыхательными упражнениями, или нажатием на точку *пин-и* над правым соском мужчины (совет алхимика и медика VI–VII вв. Сунь Сы-мо). Считалось, что в таком случае сперма по одному из каналов (*цзин*) позвоночника поднимается в мозг и питает его, способствуя продлению жизни. В современной науке нет единой точки зрения на механизм данного «акта с сохранением» (*coitus reservatus*). Одни физиологи считают, что сперма поступает в мочевого пузырь и выводится оттуда с мочой, другие предполагают, что она всасывается в кровь.

Интересно, что в индийской йоге существовала аналогичная техника, возникшая независимо от китайской практики на том же теоретическом основании. Индийские йогины считали, что сперма создается из лучшей крови и при данной практике возвращается в кровь. В Индии существовало даже поверье (упоминается Свами Шиванандой), что если ранить йогина, то из раны вместо крови потечет сперма. Дж. Нидэм сообщает, что данный способ применялся как средство предохранения от беременности различными народами.

36 Под созданным силой *инь* киноварным эликсиром имеется в виду сперма.

«Красная полость» — анатомический смысл этого термина не ясен.

37 «Нефритовая жидкость» (*юй е*) — еще одно обозначение спермы, соотносимое со стандартными алхимическими обозначениями эликсиров бессмертия.

«Золотой пруд» (*цзинь чи*) — анатомический смысл этого термина не ясен.

³⁸ Тройная пятерика (*сань у*) — стандартный термин китайской нумерологической комбинаторики. По тройкам и пятеркам в древнекитайских текстах группировались самые различные категории объектов. В эротологических текстах зачастую *сань у* как термин указывал на ритм движений (фрикций) во время совершения полового акта, который должен был соотноситься с чередованием глубоких и поверхностных погружений пениса во влагалище по схеме 3:5. Если принять данное истолкование, то перевод должен быть следующим: «ввести в „цветочную запруду“ пенис по схеме тройки и пятерки». Интересная трактовка тройки и пятерки дается в средневековом даосском тексте «Тайный канон высшего о девяти важнейших принципах печати сердца». В этом тексте три — это три типа энергии *ян*, «огня», а пять — это пять первоэлементов. Три вида «огня» — сперматическая эссенция («народ»), пневма («сановники») и сердце (в других текстах ему соответствует «дух», *шэнь*) — «государь», «огонь» по преимуществу. Текст декларирует единство тройки и пятерки как различных форм единой субстратной пневмы (см. *Ли Юань-ю*. Ци гун цзинхуа цзи. Антология, содержащая квинтэссенцию текстов по ци гун. Чэнду, 1988. С. 113).

«Цветочная запруда» (*хуа лян*) — видимо, обозначение женского полового органа, скорее всего — влагалища.

³⁹ Динху (Озеро Треножника) — согласно историку Сыма Цяню («Трактат о жертвоприношениях фэн и шань»), это место получило такое название потому, что на его берегу Хуан-ди изготовил магический треножник, после чего обрел бессмертие и вознесся на небо; располагается под горой Цзиншань на территории, занимаемой современной провинцией Хэнань.

Летающая девятка (*фэй цзю*) — название эликсира, посредством которого Хуан-ди добился бессмертия. «Девятка» указывает на девятикратную перегонку киновари.

⁴⁰ Три жертвенных животных (*сань шэнь*) — обычно имеются в виду бык, баран, свинья. Видимо, речь идет о жертвоприношениях, цель которых — продление жизни жертвователя.

⁴¹ Согласно Гэ Хуну, сексуальная практика при правильном отношении к ней — как к вспомогательному средству продления жизни, — правильном ее выполнении оказывается весьма плодотворной для человека, тогда как в противном случае ее воздействие губительно. Вместе с тем здесь звучит архаический мотив неразрывного единства рождения и смерти — рождающее является также и убивающим. Ср. выражение из знаменитого романа XVI в. «Цзин, Пин, Мэй» («Цветы сливы в золотой вазе»), насыщенного эротической тематикой: «Врата, через которые я в жизнь пришел, являются вратами смерти также», — здесь не только предостережение против половых излишеств, приведших к истощению и смерти главного героя романа

Симэнь Цина, но и древняя тема тождества материнского лона и могилы, рождения и смерти.

⁴² Скорее всего, имеется в виду не дошедший до нас «Канон Пэн-цзу» («Пэн-цзу цзин»), упоминаемый Гэ Хуном в 19-й (библиографической) главе «Баопу-цзы». Насколько можно судить, это трактат эротологического содержания.

ГЛАВА 7

Нагромождение затруднений

Некто спросил: «Святая высь августейшего Неба должна быть справедлива в определении судеб человеческих существ. Но как же тогда получилось, что самые обычные люди — Ван Цяо и Чисун-цзы получили долголетие и бессмертие в свой удел, а великие совершенные мудрецы Чжоу-гун и Конфуций были лишены блага долгого видения?»

Баопу-цзы сказал: «Предопределенность долгой или короткой жизни по сущности своей зависит от того, под какими звездами произошло первичное получение пневмы и зачатие плода. Небесное Дао-Путь пребывает в недеянии, и вещи существуют в своей спонтанной самоестественности: для него нет ни близких, ни дальних, нет ни своих, ни чужих. Если судьба человека предопределена звездой жизни, то такой человек непременно будет любить путь бессмертных. А любящий путь бессмертных будет искать его и непременно обретет. Если судьба человека предопределена звездой смерти, то такой человек не будет верить в путь бессмертных. А не верящий в путь бессмертных не будет заниматься такими делами, как самосовершенствование. То, что человек любит, и то, что ему не нравится, зависит от того, что им получено, и Небо никоим образом неспособно чего-то лишиться его, что-то изменить в нем, чем-то наделить его или что-то отнять у него. Например, известно, что металлы и руды переплавляются в печах, а глина керамических сосудов обжигается в печи гончара. Хотя и то и другое обретает свою окончательную форму в огне, но острота или тупость металлического изделия или наличие

узкого или широкого горлышка у сосуда, а также достоинства и недостатки того и другого зависят от стечения обстоятельств, а отнюдь не связаны с достоинствами плавильных и гончарных печей».

Некий человек сказал, ставя в затруднение: «Результат труда талантливого мастера зависит от его рук. Небо наделено божественным разумом, так почему бы и ему не действовать подобным же образом? Вы же говорите, что каждый человек рождается в результате стечения обстоятельств, а не благодаря великому искусству всевышнего голубого Неба. У такого глупца, как я, это вызывает сомнения, и я не смею принять вашу точку зрения».

Баопу-цзы ответил: «Некогда безбрежный первоизначальный Хаос разделился, и тогда установилось разделение на чистое и мутное. Одно из них поднялось вверх и обрело способность двигаться, другое опустилось вниз и обрело способность пребывать в покое. Но Небо и Земля отнюдь не знают, по какой причине так произошло. Все множество сущего воздействует на пневму, и это совершенно спонтанно и самоестественно. Ведь все сущее вместе с Небом и Землей образует одну-единственную вещь, но в порядке формирования сущего есть предшествование и последование, и тело-субстанция мира содержит в себе и великое, и малое. Поскольку есть величие Неба и Земли, мы можем осознать малость всех остальных вещей. Поскольку вещи, в свою очередь, малы, мы можем осознать величие Неба и Земли. Живот и спина окружают пять внутренних органов, но пять внутренних органов отнюдь не созданы животом и спиной. Кровь и пневма циркулируют в мышцах и коже, но мышцы и кожа вовсе не создатели крови и пневмы. Небо и Земля хотя и объемлют собой все множество сущего, но все сущее отнюдь не сотворено Небом и Землей. Например, горные травы и деревья цветут и произрастают благодаря наличию горных лесов, но сами по себе горные леса не имеют к этому никакого отношения. Рыбы и черепахи используют воду, чтобы производить потомство, но ведь сами водоемы не имеют к этому процессу никакого отношения. Обыватели видят величие Неба и Земли и малость всех прочих вещей и говорят, что Небо

и Земля — родители всего множества сущего, а все множество сущего — потомки Неба и Земли. Но из-за того, что на мне живут вши, буду ли я считать, что я их сотворил? Хотя вши бы не могли жить, если бы не было меня, однако я отнюдь не родитель вшей и вши отнюдь не мои потомки. Москиты вскармливаются в уксусе, грибы растут на камнях и деревьях, водяные жуки размножаются во влажных местах, лишайники процветают на ветвях сосен, но ни один из четырех видов среды их обитания не является их творцом. Все множество сущего наполняет собой пространство между Небом и Землей. Чем же все сущее тогда отличается от существ, перечисленных выше? Небо имеет в себе Солнце, Луну, жар и холод, человек имеет в себе способность зрения и дыхания, и если можно провести такое сравнение между близким и дальним, то правомерно сказать, что как человек не знает сам по себе причины старения и омоложения, болезней и здоровья своего тела, так и Небо само по себе не знает причин, по которым его тело расширяется и сжимается, посылает бедствия или благовещие знамения. Подобно тому, как человек не может постоянно поддерживать свои уши и глаза в состоянии чуткости и прозорливости, а свою жизненную энергию уберечь от истощения, так и Небо не может удерживать Солнце и Луну от убывания их силы и предотвратить нарушение порядка чередования четырех сезонов.

Если исходить из этого в наших рассуждениях, то и получится, что долголетие и преждевременная смерть никоим образом не зависят от Неба и Земли, а обретение или не обретение состояния бессмертного целиком определяется обстоятельствами. Ведь породившим меня является мой отец, а выносившей меня является моя мать, но и они не могут по своей воле сделать сосуд моего тела таким, каким им хотелось бы: снабдить меня привлекательной внешностью, ровным и спокойным нравом, возвышенной и проникающей вдаль мудростью; не могут они и передать мне побольше жизненной силы пневмы и продлить годы моей жизни. Порой люди рождаются маленькими и слабыми, или черными и уродливыми, или глухими и слепыми, глупыми и хитрыми, или увечными

и неполноценными, то есть такими, какими родители отнюдь не хотели их видеть, а то, что им бы хотелось, так и не получилось. А насколько же это справедливее относительно столь обширных и протяженных Неба и Земли! Ведь они намного дальше отстоят от нас, чем наши родители.

Вот я обладаю телом, но я не могу заставить его быть вечно крепким и не стареть, быть вечно здоровым и не болеть. Я не могу сделать так, чтобы мои радость и гнев были всегда соответствующими обстоятельствам, а мои планы и замыслы никогда бы не приводили к раскаянию. Передающими мне пневму и наделяющими меня телом являются мои родители, а получающим это и обладающим им является моя собственная плоть, и кроме этого нет ничего более близкого и родственного мне, как нет и ничего в большей степени контролируемого и управляемого мною. Но и эти два начала я не могу увеличивать и уменьшать по своему желанию. А каким же образом Небо и Земля смогут обрести власть над ними и познать их? Ведь если бы все люди были сотворены Небом и Землей, то все было бы в них хорошо и всякое зло в людях отсутствовало бы. Они бы все свершали и не знали бы поражений. Да и все прочие живые существа следовали бы в этом роду человеческому, и Сян Ян¹ не ведал бы весенней тоски!

Ныне вы, сударь, говорите, что Небо не могло наделить Конфуция и Мэн-цзы благом перехода за пределы мирского, но следует лучше понимать, что это относится к области естественного, а не к тому, что распределяется по милости Неба и Земли. Ведь совершенномудрые являются таковыми благодаря их Благой Силе-Дэ, а их Благая Сила-Дэ предельно совершенна. Если бы Небо могло наделить совершенномудрых этой высшей Благой Силой-Дэ, то их положение не оказалось бы в несоответствии с их добродетелями, их дела и поступки не оказались бы незавершенными, их положение не было бы ниже положения гегемонов и государей, их долголетие не было бы меньше ста лет. А следовательно, опыт свидетельствует, что Небо не имеет никакого отношения к совершенномудрым. Когда совершенномудрые умирают, это не значит, что Небо их

убивает, точно так же, как и рождение совершенномудрого не означает, что Небо дает ему жизнь. Мудрец необязательно долголетен, глупец необязательно умирает безвременно. Добро не приближает к счастью, зло не приближает к беде. Рождение не происходит в заранее назначенный год, смерть не случается в предопределенный момент, а мудрый муж, наделенный обильной Благой Силой-Дэ, может цвести, но не принести плода². Ведь господин Доу, самый посредственный человек, прожил двести лет, Бо-ню умер от болезни скоропостижно, Цзы-ся во время траура выплакал свои глаза, разбойник Чжи творил все зло, какое только мог, но дожил до седых волос, Чжуан Цзяо был средоточием всех пороков, но его голова успела основательно побелеть, прежде чем он умер³. Во всех этих случаях Небо пребывало в полном бездействии, что абсолютно ясно».

Некто сказал: «Чжун-ни⁴ говорил, что смерть была издревле, а Лао-цзы утверждал, что искусству святых-бесмертных можно научиться. Слова совершенных мудрецов заслуживают доверия и соответствуют опыту, а речи даосов сомнительны и трудно исполнимы».

Баопу-цзы сказал: «Чжун-ни — конфуцианский совершенный мудрец. Лао-цзы — совершенный мудрец, обретший Дао-Путь. Учение конфуцианцев говорит о близком, и его легко понять. Поэтому последователи этой школы многочисленны. Смысл Дао-Пути удален и трудно постижим. Поэтому уяснившие его редки. Дао-Путь — источник всего множества различий. Путь конфуцианцев — русло большой реки. То, по чему шествовали Три Августейших⁵, — это управление на основе Дао-Пути. То, по чему шли императоры и цари, — это путь учения конфуцианцев. Ведь постоянно говорят о достоинствах первозданной простоты древнейшей эпохи и осуждают оскудение нравов последующих эпох. Так почему же надо ценить одного Чжун-ни и пренебрегать Престарелым Господином? Это все равно что наслаждаться цветами на верхушке дерева и не признавать, что появились они благодаря корню, из которого дерево растет. Разве это не то же самое, что ценить ясный жемчуг и пренебрегать водной пу-

чиной, из которой он извлечен, любить нефритовые диски Бянь Хэ⁶ и ненавидеть горы Цзиншань, где их добывают? Ведь ясной жемчужины не было бы, если бы не существовало водной пучины. Нефритовых дисков не было бы, если бы не существовали горы Цзиншань. А тем более это справедливо относительно того, что искусство пестования природной сущности есть источник Дао-Пути, а конфуцианские ритуал и музыка есть верхушка этого учения. Те, кто ценит конфуцианство, стремятся изменять нравы и преобразовывать обычаи, а не просто заниматься поклонами и поворотами⁷. Поэтому и чтущие Дао-Путь не просто избегают слов, но бессловесно преображают поведение людей⁸, а не занимаются одним лишь пестованием жизни. Если в том, что касается плода, между даосизмом и конфуцианством есть предшествование и последование, то не один Лао-цзы достоин применения его учения и не один Чжун-ни достоин доверия. Некогда Чжун-ни почтительно вопрошал Бо-яна и желал быть сравниваем с Лао и Пэном⁹. Кроме того, он говорил, что знает о рыбах и птицах, но не понимает природы драконов; таким образом, он сравнил господина Лао с драконом, и эти слова, исходившие из самого его сердца, отнюдь не пустые речи. И эти слова ничем не отличаются от того, что Янь Хуэй¹⁰ сказал о нем самом: „Когда я смотрю на него спереди, то внезапно оказываюсь сзади: его учение слишком крепко, чтобы проникнуть в него, и слишком возвышенно, чтобы снизу взирать на него“.

Некто сказал: «Если Чжун-ни беседовал с господином Лао лицом к лицу, то почему же он не последовал за ним в изучении Дао-Пути?»

Баопу-цзы сказал: «Именно отсюда и видно, что взгляды, которых мы придерживаемся, определены естественностью и предпочтения человека имеют неизменную природу: с такой позиции и посмотрим на это. Чжун-ни понял, что господин Лао погружен в сокровенную тайну и достоин почтения и изумления, но вместе с тем он сам не мог черпать и пить из этого источника чистой пустотности. Ведь корень и источник — великий предок всего исходит из того, что вне неоформленного, и вступает в то, что

пребывает внутри высшего Дао-Пути. А Конфуций, получая знания, был способен остановиться только на мирских делах отношений между людьми. Как же мог он в таком случае искать законы бессмертных? В своих раздумьях он щедро черпал из глубин своего сердца, сосредоточиваясь на преображении людей через обучение, но не проявлял никакого интереса к магическим искусствам. Хотя Чжун-ни и был совершенным мудрецом относительно мирских дел, он не был способен погрузиться в безмолвие сокровенной чистоты и в самом себе хранить надеяние. Поэтому Лао-цзы и вразумлял его, говоря: „Самые ценные товары глубоко прячут, чтобы они казались пустыми и несуществующими, а благородный муж, наделенный всей полнотой Благой Силы-Дэ, кажется похожим на глупца. Прошу вас, сударь, отказаться от присущего вам духа гордыни и от множества страстей, отбросить влечение к женщинам и стремление к пороку, ибо от всего этого не будет пользы для вашего тела“¹¹. Из этих слов достаточно ясно, что Чжун-ни не избежал омраченности от вульгарных чувств и отнюдь не был тем человеком, который мог бы учиться пути бессмертных.

Ведь Конфуций жил то здесь то там, разъезжал повсюду, активно пытался исправить свою эпоху, смотрел вверх и печалился о том, что не слышит крика феникса, смотрел вниз и радовался, что он подобен несъедобной тыкве¹². Его волновала жажда купли и продажи своего таланта, тревожили мысли о человеке с плетью, ищущем богатства¹³. Как же в таком случае он мог бы отбросить дела и подвиги этого мира и посвятить свою жизнь совершенствованию в искусстве пестования жизни, требующему покоя и уединения?»

Некто спросил: «Что проще, а что труднее — конфуцианство или даосизм?»

Баопу-цзы ответил: «Конфуцианство — это трудное в легком, а даосизм — это легкое в трудном. Вот что трудно в даосизме: отказаться от общественных связей и привязанностей, пренебречь семейной жизнью с женой и детьми, забыть о славе и почестях, отринуть доходы и пожалования, перестать глядеть на блеск роскоши и слушать

праздний трезвон, пребывать в пресности простоты и чистоты, считая благим лишь сохранение своей собственной природы, не смущаться от клеветы и не веселиться от хвалы, не желать жить в знатности, не стыдиться пребывать в нищете.

А вот что легко в даосизме: не надо наносить визиты с поздравлениями или соболезнованиями, можно не обращать внимания на критические взгляды и осуждение окружающих, можно не утруждать свой дух изучением семи канонов¹⁴, не заботиться о следовании календарным циклам, можно не беспокоиться об астрологических прогнозах и бедах, обусловленных звездами, и не утруждать свой разум изучением изящной словесности, можно свести к минимуму все тревоги и всемерно увеличить гармонию жизненной силы пнеумы, можно пребывать в недеянии и отказаться от докучливых помыслов, а также ничего не бояться и ни о чем не печалиться. Вот почему и говорится о легком внутри трудного.

В практике конфуцианского совершенствования все построено на обязательном следовании свершенным в прошлом деяниям. Здесь для всего есть свое правило — когда выходить, а когда оставаться на месте, когда говорить, а когда молчать. Если вам нужен конфуцианский учитель, вы спокойно можете найти его практически в каждом доме, а если вы читаете текст, то сразу же найдется много ученых комментариев и разъяснений, чтобы рассеять возникающие у вас сомнения. Вот что легко в конфуцианстве.

Ловить глубокое и направляться к удаленному и одновременно следовать и подчиняться классическим нормам и установлениям, постигать смысл „Схемы из Реки“ и „Письмен из Ло“¹⁵ и изучать бесконечное множество мнений мыслителей ста школ, накапливать добродетель и распространять ее по городам и весям, исчерпывать преданность и незапятнанность на службе государю, уметь понимать знамения, ниспосылаемые небесами, поднимая голову, и постигать природу ветров и облаков, опуская голову¹⁶. Если не знать даже одного из этих дел, то окажешься некомпетентным, и если произнести даже одно неправильное слово, то никто уже не будет делать различия между хулой

и хвалой относительно такого человека. Надо стремиться, чтобы каждый твой поступок и каждый шаг стал бы образцом для всего поколения и каждое твое слово стало бы передаваться по всей Поднебесной. Вот что трудно в конфуцианстве. Вот почему и говорится о легком внутри трудного.

Но если серьезно сказать об этих двух учениях, то конфуцианство трудно из-за множества дел, а даосизм легок из-за взаимосвязи его сторон. И страшась их трудностей, я собираюсь брать из них лишь то, что легко, и только тому следовать. Мирские люди, конечно, будут тогда издеваться надо мной, и никто не захочет встать плечо к плечу со мной. И я еще не видел человека, который захотел бы согласиться со мной. Но в будущем, несомненно, у меня появятся единомышленники, и ныне я думаю, что вряд ли они будут очень малочисленны».

Некто сказал: «Я встречался со многими известными и возвышенными мужами, о которых я слышал как о достойных конфуцианцах; они полностью исчерпали познание принципов, до конца постигли природную сущность и всесторонне исследовали как отсутствие, так и наличие. Но никто из них не говорил, что годы жизни можно продлить и что состояние бессмертного можно обрести. Вы, сударь, по свету своей мудрости не можете сравниться с солнцем и луной и по глубокомыслию не можете превзойти десять тысяч мужей, тем не менее вы придерживаетесь веры в путь продления жизни. Так не ложна ли ваша вера?»

Баопу-цзы сказал: «Я, конечно, посредственный человек со скромными талантами. Я мало что видел и немного слышал. Поэтому разве я осмелюсь утверждать, что по своим знаниям я превосхожу множество ученых людей? Разве могу я превзойти славных мужей моего поколения? Однако я понял, что явное следует искать в сокрытом и находить легкое в трудном. Из сопоставления малого опыта могут появиться большие результаты, и из рассмотрения того, что уже наличествует, можно получить знание о том, к чему еще никто и не приступал. Мы не можем считать авторитетным мнение людей нашего поколения, не верящих,

что в мире, на Небе и Земле, есть бессмертные. Ведь их таланты сводятся к искусству управлять простолюдинами и умению вести государство по нужному пути. Они читают многочисленные книги, помогающие обучению, и приходят к выводу, что принципы человеческого общежития просты и легки. Когда обсуждается множество вопросов, вызывающих сомнения, человек такого типа заявляет: „Все это множество сомнений я один легко могу разрешить. Я осознаю проблему раньше, чем обнаружатся какие-либо предзнаменования ее появления, поскольку мои чувства находятся в неисчерпаемом единстве со всем сущим. И поэтому нет ничего тайного или сокрытого, что осталось бы мной не понятым. И если я говорю, что никаких бессмертных нет, значит, никаких бессмертных нет и быть не может“. Вот сколь крепка их самоуверенность!

Я постоянно сталкивался с таким отношением у обывателей-конфуцианцев, посредственностей и неучей, которые и на вершок не имеют веры в дела наиболее возвышенного. Они просто больны самоуверенностью в мощь своего разума, будучи пристрастными и обремененными всякими мелочами. Нельзя, конечно, наверняка утверждать, что они пребывают в полном мраке невежества, но совершенно ясно, что им не по силам отличить бобы от зерна. По существу, они ограничивают поле своего зрения, смотря на мир через трубку, и сплеча отрицают все, чего не понимает их ум. Насколько же такой подход отличается от попытки при помощи веревки длиной в сюнь достичь глубины в сто жэней¹⁷, не понимая, что она для этого коротка, а потом говорить, что в колодце нет воды? Когда тупые обыватели слышат рев свиреного ветра, похожего на гул пожара, они говорят, что это зимняя небесная гроза. Когда ветер дует с запада, они говорят, что луна бежит на восток. А когда кто-нибудь объяснит им, что происходит на самом деле, они не верят ни капли, поскольку они свято верят только самим себе.

Когда мы слышим звуки, то никому в голову не приходит не доверять своим ушам. Когда мы видим предметы, никому в голову не приходит не доверять своим глазам. Но иногда бывает и так, что мы нечто слышим или видим

и думаем, что все так и есть, но потом оказывается, что все не так. А следовательно, наши уши и глаза отнюдь не всегда заслуживают доверия. А тем более это относится к умозрительным умозаклучениям, предмет которых нельзя ни услышать ухом, ни увидеть глазом. Ведь их гораздо труднее проверить, чем данные, полученные благодаря слуху или зрению. И тем не менее люди склонны доверять выводам своего разума, считая их совершенно надежными, даже тогда, когда они пытаются судить о делах наиболее удаленных от повседневного опыта и поэтому ничтоже сумняшеся говорят, будто все, что известно о бессмертных и святых, — лишь пустые слова. Ну не свидетельствует ли это об их полном невежестве?»

Баопу-цзы сказал: «Красота и безобразие — понятия вполне определенные. Но влечение и отвращение, выраженные в чувствах, всегда различны, и ни одна пара глаз не воспринимает под этим углом зрения вещи одинаково с другой парой. Изящное и торжественное в музыке — это простые общепринятые понятия, но в аспекте того, что нравится, а что отталкивает, они таковы, что ни одна пара ушей не согласится с другой в их оценке. Истинное и ложное — объективные качества, но когда речь идет о страстях и склонностях, неприятии и отвержении, два ума никогда не согласятся друг с другом относительно истинности или ложности чего-либо. Есть и такие, кто уродство считает красотой, грязь принимает за чистоту и утрату — за приобретение. Эти три примера настолько красноречивы по своей контрастности, что их смысл очень легко уразуметь. Но то же самое относительно других вещей никак нельзя взять и сразу же понять. А тем более дела святых-бессмертных, дела чрезвычайно таинственные, не имевшие никакого определенного принципа, который мог бы привести людей к вере в них. А что может быть важнее, чем способ, позволивший бы людям познать эти дела? Но надеяться, что обыватели прекратят досужую болтовню об этом, все равно что верить, будто глинистая вода Хуанхэ вот-вот станет прозрачной. И причина, по которой я не молчу, заключается лишь в том, что я надеюсь таким образом приблизить к пониманию дел бессмертных не толь-

ко мужей высшего уровня, но и людей низшего уровня и способностей. А с теми, кто безнадежно заколел, и древние отказывались иметь дело».

Баопу-цзы сказал: «Высший принцип не легко постичь, и даже в давние времена люди никак не могли поверить в святых-бессмертных, не видя их. Что уж тогда говорить о нашем времени? В совершенные дни глубочайшей древности люди от природы обладали этим знанием. Потом они стали постигать его только после того, как им авторитетно сообщали о нем. Ну а потом люди начали смеяться во всю мочь, услышав об этом, и такое отношение стало повсеместным и всеобщим¹⁸. Я рассуждаю обо всем этом, а сам раскаиваюсь и сожалею, что делаю это, ибо много раз терпел поражение в своих начинаниях. Разве не пустая это трата слов! Ведь именно причинение вреда существам, с которыми нельзя вступить в союз, и оказывается самым мучительным делом¹⁹. Даже предельно зрелая мощь силы *ян* не может заставить засохшее дерево расцвести вновь, даже божественный разум не может изменить то, что по своей природе тонет в воде, даже Цзы-гун не мог уговорить селянина заплатить за коня²⁰, даже Гу-гун не мог избавиться от варваров ди и жунов, алкавших его земель²¹; ведь бывает и так, что сущностный принцип не может проникнуть в нечто и добрые слова не могут оказать должного воздействия на неких людей. Церемониальные шляпы с узорами не продать южным варварам мань и юэ²², и красные башмаки не используются босоногими варварами-и. К чему же силой принуждать их? Вот ведь некто увидел нефрит и сказал, указывая на него: „Это камень“. И это отнюдь не из-за того, что нефрит не был настоящим. Но когда господин Хэ высказал свое веское суждение, все опознали его²³. Некто увидел дракона и сказал: „Это змея“. И это отнюдь не из-за того, что дракон был лишен божественного величия. Но только когда Цай Мо увидел его, все это признали²⁴. Благословенное Дао-Путь таково, что если прибавлять к нему, оно не увеличится, а если отнимать от него, оно не умалится. Истинно благословенная Благая Сила-Дэ такова, что от клеветы она не оскорбится и от хвалы не возликует.

Поэтому если некто искренне утверждает, что в Поднебесной нет бессмертных, а я утверждаю, что они есть, и мы с ним начинаем спорить, то чем дольше мы спорим, тем крепче он держится за свое мнение, а я за свое. Путаница и неразбериха от этого только увеличиваются, и не найти спасения из неразрешимого положения. А тогда возникает необходимость разорвать этот порочный круг!»²⁵

Примечания

¹ Согласно комментарию Ван Мина, здесь имеются в виду персонаж китайской древности (эпоха Чунь-цю) Сян То (упоминается в «Хуайнань-цзы», «Весах суждений» Ван Чуна и других текстах) и потомок ханьского философа Ян Сюна (53 г. до н.э. — 18 г. н.э.) Ян У.

² Употребленное здесь слово «ши» может означать «плод», «семя», «сущность», «ядро» и т.д.

³ Господин Доу — музыкант в государстве Вэй эпохи Чжань-го (V—III вв. до н.э.). Благодаря воздержанию, практике даосской гимнастики *дао инь* и созерцания дожил до 180 лет, о чем сообщает ханьский философ Хуань Тань (43 г. до н.э. — 28 г. н.э.) в своем трактате «Новые суждения» («Синь лунь»).

Бо-ню (Цай Гэн) — один из учеников Конфуция.

Цзы-ся (Бу Шан) — ученик Конфуция, наставник вэйского князя Вэнь-хоу. Он очень тяжело переживал смерть своего сына.

Разбойник Чжи — легендарный разбойник китайской древности. По некоторым версиям, жил во времена императора Хуан-ди, по другим — в эпорху Чунь-цю, по третьим — в царстве Цинь эпохи Чжань-го. Упоминается во многих древних текстах, и его имя стало нарицательным.

Чжуан Цзяо — то ли сын, то ли младший брат чуского царя Чжуан-вана (эпоха Чжань-го), бунтовщик и мятежник.

⁴ Чжун-ни — второе имя Конфуция.

⁵ Три Августейших — см. коммент. 4 к гл. 2.

⁶ Бянь Хэ — см. коммент. 84 к гл. 2.

⁷ Имеются в виду внешние проявления конфуцианского ритуала (*ли*), не сопровождающиеся искренностью и нравственным поведением.

⁸ Имеется в виду изменяющее, преобразующее (*хуа*) воздействие истинного мудреца. Ср. «Дао-Дэ цзин» (2): «Вот почему совершенномудрый пребывает в делах недеяния и, не прибегая к словам, осуществляет учение».

⁹ Бо-ян (Ли Бо-ян) — одно из имен Лао-цзы, с которым, согласно неподтвержденному преданию, встречался Конфуций.

Возможно, имеются в виду Ла-цзы и Пэн-цзу или Лао-цзы и мудрец Пэн Кэн. Но не исключено, что это имя одного человека —

Лао Пэн, также мудреца (упоминается в «Суждениях и беседах» («Лунь юй») Конфуция).

¹⁰ Янь Хуэй (Янь Юань) — любимый ученик Конфуция. Он жил в бедности и умер еще молодым. Его мысли были всегда поглощены Дао-Путем совершенных мудрецов древности, о котором учил Конфуций, а поведение целиком основывалось на этических нормах конфуцианства.

¹¹ Можно также перевести «не будет пользы для вас самого»: слово «шэнь» по-китайски означает и «тело», и «я», «сам».

¹² В «Суждениях и беседах» («Лунь юй») Конфуций жалуется на судьбу в следующих выражениях: «Феникс не появляется, река Хуанхэ не дарует больше чудесных схем (имеется в виду план „Хэ ту“, о котором см. коммент. 15. — Е.Т.). Боюсь, что для меня все закончено» (IX, 8) и «Я вечно напоминаю горькую тыкву, которую можно повесить для просушки, но которую нельзя есть» (XVII, 7).

¹³ Имеются в виду следующие места из «Суждений и бесед»: 1) «Цзы-гун сказал: „Допустим, у человека есть прекрасный нефрит. Как с ним поступить — завернуть и спрятать в шкатулке или постараться выручить за него цену повыше?“ — „Продать его, продать, конечно же, сбить с рук! Я сам человек, ждущий покупателя“» (IX, 12; имеется в виду стремление Конфуция «продаться» — получить высокий государственный пост). 2) «Богатство — это то, что следует искать, и я не отказался бы от него, даже если бы мне предстояло для этого стать просто мужем с плеткой в руке» (то есть возницей; VII, 11).

¹⁴ Обычно говорится о «пяти канонах» (*у цзин*), но ханьские конфуцианцы добавляли к ним еще «Канон сыновней почтительности» («Сяо цзин») и «Суждения и беседы» («Лунь юй»).

¹⁵ Имеются в виду загадочные схемы (круглая и квадратная, представляющие собой соединенные черные и белые кружки) «Хэ ту» и «Ло шу», увиденные мифическими Фу Си и его министром Цан Се (Цан Цзе) на спинах волшебной черепахи и драконолошади. Обычно ассоциируются с двумя порядками («Фу-си» и «Вэнь-вана») восьми триграмм (*ба гуа*) мантической традиции «Канона Перемен» («И цзин»).

¹⁶ Опуская и поднимая голову и созерцая «небесные письмена» и «строение земли», император Фу-си постиг природу «перемен» (*и*) и создал систему восьми триграмм.

¹⁷ Сюнь и жэнь — меры длины, для эпохи Гэ Хуна равные, соответственно, около 2,24 м и 2,56 м.

¹⁸ То есть люди совершенно перестали верить в бессмертных, что явилось показателем нарастающего упадка человечества (ср. «Дао-Дэ цзин», 41).

¹⁹ Цитата из философско-космологического приложения к «Канону Перемен» («Сици чжуань», ч. 2).

²⁰ Имеется в виду случай, описанный в гл. 14 «Люй ши чунь-цю» («Весен и осеней господина Люя»), когда у Конфуция не было

денег расплатиться с крестьянином за еду и его ученик Цзы-лу не мог уговорить этого крестьянина не отбирать у Конфуция коня. Это удалось сделать некоему случайному прохожему-горожанину.

21 Под Гу-гуном имеется в виду чжоуский правитель Дань-фу (Тай-ван), земли которого постоянно подвергались нашествиям варваров *ди* и *жунов*, о чем сообщается в «Мэн-цзы» (гл. «Лянский Хуэй-ван», 2) и в «Ши цзине» («Великие оды», *да я*).

22 Различные мон-кхмерские и аустронезийские народы юга Китая (особенно царств У и Юэ).

23 См. коммент. 84 к гл. 2.

24 Сюжет из летописи «Цзо чжуань» (29-й год правления Чжао-гуна). В летописи рассказывается, что в государство Вэй прилетел дракон, но люди, никогда не видевшие ранее драконов, не знали, что это за существо. И только мудрый Цай Мо точно определил, что это дракон.

25 Намек на сюжет из «Планов борющихся государств» («Чжань го цэ», «Планы Ци», гл. 6), когда циньский царь Чжао-ван послал цискому государю диск нефрита с предложением объяснить (*цзе*), что это за нефрит. В Ци не смогли этого сделать, и тогда царь Ци разбил (*цзе*) этот диск, заявив, что этим он и выполняет пожелание царя Цинь.

ГЛАВА 8

Избавление от препятствий

Некто спросил: «Пути предназначения человека многообразны. И среди них поиски состояния бессмертного — самое трудное. До тех пор пока мы не откажемся от них, мы не сможем выполнять другие наши обязанности, приносящие пользу другим. Как же можно отвергнуть занятия изящной словесностью, отказаться от обязанностей, связанных с печалью и радостью, пренебречь путем государя и подданного, — отвернуться от всех этих дел?»

Баопу-цзы сказал в ответ: «Насущный Дао-Путь не обременителен, ибо мало, что мы можем сделать. Если самочинная воля, ведущая к бедам, не установилась и вера не понесла ущерба, то чего же отказываться от принципов человеческих дел? Какие могут быть помехи стремлению одновременно с поисками бессмертия возвращать и совершенствовать свои таланты? Путь внутренней драгоценнос-

ти пестования жизни может находиться в единстве с внешними стараниями скрыть от мира свой свет¹; ведь если заниматься самосовершенствованием, то сам человек обретет благо, а если заниматься упорядочением государства, то государство обретет состояние Великого равновесия-процветания². И если учению шести канонических текстов конфуцианства можно обучать и обывателей, искусство магии передается только людям, качества которых хорошо известны их учителю. Ведь мужи высших способностей таковы, что желая немного задержаться в нашем мире, они прерывают на время свою практику и отдаются служению людям, а желая вознестись ввысь, чтобы поселиться на небесах, они легко восходят туда.

Следом за ними идут мужи, которые хотя и используют всю силу своего таланта, тем не менее неспособны практиковать и то и другое. Поэтому они отказываются от всех человеческих дел и сосредоточивают все свои силы на совершенствовании в Дао-Пути и его Благой Силе-Дэ.

Некогда Хуан-ди принял на себя бремя управления всем, что между четырьмя морями, но это не помешало ему взойти на небо в Динху. Пэн-цзу был сановником в течение восьмисот лет, а потом ушел в пустыню Текучих Песков³. Бо-ян служил хронистом, Нин-фэн был старшиной гончаров, Фан-хуэй имел должность сельского старосты, Люй Ван занимал пост великого наставника, Цзю Шэн служил царству Инь, Ма Дань был чиновником в государстве Цзинь, Фань-гун вначале был властителем царства Юэ, а потом уплыл за море, лютнист Гао занимал высокую должность в царстве Сун, Чан-шэн добровольно снизошел до положения холопа, Чжуан-гун скрывал свои способности, будучи мелким чиновником⁴. Среди древних было много мужей, которые обретали Дао-Путь, а потом служили исправлению мира, самосовершенствуясь в уединенных уголках дворцовых покоев. И это потому, что у них был избыток сил. Зачем же обязательно совершенствоваться в горах и лесах, отказываясь от всех дел, приносящих благо народу; разве только в таком случае можно добиться успеха?

Бывают, конечно, люди, которые любят покой сердца, тишину и молчание, которые по природе своей ненавидят

шум и суету и радуются уединенной и тихой жизни, и считают бедствием славу, приносимую чиновничьей службой. Поясом им служит пеньковая веревка, одеждой — синие тряпки, они едят грибы и травы, сами ходят за плугом, наслаждаются только своими тремя радостями⁵ и хранят такой образ жизни до самой кончины. Они не заботятся о своей жизни и не страшатся ранней смерти; они отказываются от даров в тысячу „золотых“⁶ и отклоняют почести сановников и министров. Даже не занимаясь практикой совершенствования, они уже таковы, а тем более они никогда не согласятся служить миру, если им станет известным путь обретения состояния святого-бессмертного. Ведь каждый поступает по своей собственной воле и нельзя всех стричь под одну гребенку!»

Баопу-цзы сказал: «В мире говорят, что одно хорошее слово может стоить дороже, чем тысяча „золотых“. Но это справедливо лишь относительно таких дел, как победа или поражение войск и успех или неудача в делах. Что же касается наставлений учителя относительно способов prolongации жизни и получения методов обретения бессмертия, то это гораздо ценнее, чем хорошее слово обычных людей, и разве можно даже сравнивать эти наставления с тысячью золотых?! Ведь если некто тяжело болен и может умереть, а другой человек спасет его, то никто не усомнится в том, что это великое благодеяние и дар судьбы. Ныне, если судить по каноническим книгам бессмертных, „летающей девятикратной киновари“ и „нефрита водяного золота“ создано столько, что можно одарить бессмертием всю Поднебесную, а это ведь далеко не то же самое, что спасти жизнь одному человеку; заслуги эти просто несопоставимы. Благая сила Хуан-ди и Лао-цзы поэтому неизмерима, и никто не может даже мыслью постичь ее. Не грустно ли, что все это считают лишь вздором и пустой болтовней?»

Баопу-цзы сказал: «Желающие искать состояния святого-бессмертного должны овладеть только самым важным, а самое важное — это драгоценное семя, регуляция пневмы и прием единого великого снадобья. Этого вполне достаточно, и не надо использовать чересчур много способов. Но даже и эти три дела, из которых что-то — поверхностное, а

что-то — глубокое, нельзя успешно исполнить и исчерпать, познать их без помощи мудрого учителя и без усердного труда и страданий. Хотя и говорится просто о регуляции пневмы, но в действительности существует несколько способов регуляции пневмы; хотя и говорится об искусстве „внутренних покоев“, но в действительности есть более сотни его приемов; хотя и говорится просто о приеме снадобий, в действительности существует более тысячи их рецептов.

Сперва человеку предлагается начать с наиболее поверхностного, и если его воля тверда и он не ленится, а все свидетельствует о его усердии и трудолюбии, тогда можно сообщить ему и наиболее важные из способов.

При помощи регуляции пневмы можно лечить множество болезней, можно войти в место, где свирепствует чума, можно подчинить себе змей и тигров, можно остановить кровотечение, можно жить под водой, можно ходить по воде как посуху, можно утолять голод и жажду, а также можно продлить годы жизни.

Важнейшим из всех способов регуляции пневмы является зародышевое дыхание. Человек, владеющий зародышевым дыханием, может вдыхать и выдыхать, не пользуясь носом и ртом, подобно зародышу в утробе матери. Если это достигнуто, значит, овладение этим способом завершено. Обучаясь регуляции пневмы, вначале следует носом вводить в себя пневму и задерживать дыхание. Дыхание надо сдерживать до времени, равного ста двадцати ударам сердца, и потом очень медленно выдыхать через рот. Во время занятия дышать надо так, чтобы уши не слышали звука вдыхания или выдыхания. Необходимо вдыхать много воздуха, а выдыхать мало, для достижения чего желательно класть на рот лебединый пух. Во время выдоха лебединый пух не должен даже шелохнуться. Постепенно следует увеличивать число ударов сердца на время задержки дыхания, и мало-помалу можно довести задержку до тысячи ударов сердца. Если время задержки доведено до тысячи ударов сердца, то и старик помолодеет, с каждым днем становясь все моложе и моложе.

Практиковать регуляцию пневмы следует только во время пневмы жизни, и никоим образом нельзя этого делать

во время пневмы смерти. Вот именно поэтому и говорят, что бессмертные поглощают шесть пневм⁷. В сутках — дне и ночи — имеется двенадцать двойных часов. Шесть часов с полуночи до полудня — время живой пневмы, а время с полудня до полуночи — время пневмы смерти, и в эти шесть часов, время пневмы смерти, заниматься регуляцией пневмы бесполезно.

Если хорошо владеющий пневмой человек дунет на текущую воду, она потечет на несколько шагов вспять, если дунет на бушующий огонь, огонь погаснет, если он дунет на тигра или волка, тигр и волк замрут, прильнув к земле, и останутся недвижимы, если он дунет на змею или на иную гадину, то они свернутся и не смогут уползти. Если такой человек будет ранен каким-либо оружием, то он только подует на рану, и кровь перестанет течь. Если у кого-нибудь внутри заведутся ядовитые черви, то владеющий пневмой может, даже не видя того человека, произвести заклинание и подуть на свою руку (когда болен мужчина, то на левую руку, а когда больна женщина, то на правую), — тогда больной, и находясь на расстоянии стали от того места, немедленно исцелится. Если человек заболел опасной внутренней болезнью, то ему достаточно только заглотить пневму трижды по девять, чтобы сразу же наступило улучшение.

Но природа человека такова, что он постоянно обременен всякими заботами, и только в незначительной степени способен он успокоиться и умиротвориться для совершенствования в этом пути. Чтобы достичь больших успехов в регуляции пневмы, не следует много есть. Если в пищу употребляются свежие овощи, а также жирные и свежие продукты, то пневма укрепляется и тогда ее трудно задерживать. Следует также избавиться от ненависти и гнева, поскольку избыток гнева и ненависти портит пневму, и она не в силах прорваться через препятствия, что может привести к развитию кашля. Поэтому только немногие способны практиковать этот способ. Мой двоюродный дед Гэ Сянь-гун постоянно сильно напивался, а летом было очень жарко, и он нырял в воду и погружался на дно глубокого омуты, откуда не поднимался до самого захода со-

лица. Он мог делать такое именно потому, что хорошо овладел методом задержки дыхания в процессе практики зародышевого дыхания.

Способов искусства „внутренних покоев“ более десяти видов. Они рассчитаны или на то, чтобы восполнять недостаток, предотвращая убывание энергии, или на то, чтобы исцелять все болезни, или на то, чтобы собирая *инь*, принести пользу *ян*⁸, или на то, чтобы продлить годы жизни и обрести долголетие. Самое же существенное в них — возврат семени для питания мозга, и только это. Данный способ передавался совершенными людьми из уст в уста и никогда не записывался в книгах. Даже если и принимать знаменитые снадобья, но не знать этого важнейшего дела, то все равно невозможно достичь долголетия.

Люди не могут полностью отказаться от *инь* и *ян*⁹. Если *инь* и *ян* не будут соединяться, то очень легко придут и завалят все тело болезни. Будучи скрытыми и запущенными, эти болезни окажутся во множестве, и человек лишится долголетия.

Если же чувства бесконтрольны, а желания распущены, то годы жизни также сокращаются. Только достижение гармонии равновесия может предотвратить убывание сил.

Если не получить это искусство через устные наставления, то из десяти тысяч не будет и одного человека, который начал бы практиковать указанный путь и тем не нанес бы себе вреда и не погиб.

В канонах Сокровенной и Чистой Дев, Цзы-ду, Жунчэнгуна¹⁰ и Пэн-цзу хотя и говорится кратко об этих делах, тем не менее не доверяется бумаге самое важное и главное. И любой человек, воля которого направлена на достижение бессмертия, должен усердно искать эти наставления.

Говоря это, я следовал словам моего учителя господина Чжэна. Поэтому я записал их, дабы передать людям будущего, верящим в Дао-Путь; это не пустая сумасбродная болтовня. И я, по сути, далеко еще не исчерпал смысла этих наставлений.

И те даосские мужи, которые хотят лишь посредством сосредоточения и блюдения, сближения и соединения¹¹, без

приготовления великого снадобья золотого раствора и перегнанной киновари достичь состояния святого-бессмертного, как же они глупы!»

Баопу-цзы сказал: «От Хуан-ди и Лао-цзы до нас дошло очень мало даосских книг, а большинство из них написаны любителями последующих эпох, и каждая возводится к личному опыту автора. Связки с табличками и свитки с текстами таких сочинений громоздятся, как горы. Древние воплощали в себе первозданную простоту, и большинство из них не были искушены в проявлении своих талантов. Поэтому, рассуждая о принципах сущего, они не входили в доскональное разъяснение деталей, и их сочинения для нас неясны. А не имея понимания важнейшего, трудно разъяснять их смысл, имеющиеся же разъяснения не слишком глубоки и исчерпывающи. Этих разъяснений явно недостаточно, чтобы с их помощью проникнуть в утонченный смысл древних текстов, воодушевить ищущих, вдохновить имеющих волю, наставить начинающих учиться, помочь постичь пути и тропы сокровенно-таинственного, истоков горя и источников счастья. Читайте и распевайте их хоть десять тысяч раз, но никакой пользы вы не получите. Не стоит пытаться изучить все это во всей его обширности. Надо только выбрать лучшее из имеющегося, как следует понять и запомнить смысл этого, а все остальные бесполезные даосские книги вовсе не нужно искать и изучать.

Но ученые часто не умеют понять разницу между глубокими сочинениями и поверхностными. Как только они узнают, что какой-то текст называется даосским, они сразу же хватаются за него, запихивают его в свои папки и сумки и изводят ум и сердце, пытаясь проникнуть в смысл такого текста. Но это все равно что засунуть руку в гнездо ласточки, чтобы найти там яйцо феникса, или забраться в колодезь, чтобы на его дне искать осетра. Как усердно человек ни искал бы этого, он ничего не найдет, поскольку того, что он ищет, там нет и быть не может. К чему бесплодно тратить дни и месяцы, утруждать и изнурять себя бессмысленным трудом — в этом нет и грана пользы. В таком случае и все дела настоящего времени останутся не

свершенными, и благо долгой жизни не обретенным. А тогда всякий сможет пальцем указать на такое положение дел и сказать: „Если человек так усердно трудился, совершенствуясь в Дао-Пути, но не добился перехода в надмирное состояние¹², то уж точно, в Поднебесной не существует никаких способов обретения бессмертия“. Но ведь такие искатели состояния бессмертного подобны рыбаку, который идет ловить рыбу, не имея сетей; и он не поймает никакой рыбы отнюдь не потому, что в реке ее нет.

Хотя „Пятитысячесловный текст“¹³ вышел из-под кисти Лао-цзы, он содержит только общие рассуждения обзорного характера. В нем нельзя найти все, от головы до хвоста, относящееся к делам, о которых мы рассуждаем, и служащее нам поддержкой и опорой. Просто читать и распевать этот текст и не искать насущного Дао-Пути означает лишь выполнение бесполезного труда. Что уж тогда говорить о текстах, уступающих „Дао-Дэ цзину“!

Это относится и к последователям Лао-цзы — Вэнь-цзы, Чжуан-цзы, Стражу Границы Инь Си¹⁴, тексты которых хотя и восходят к Хуан-ди и Лао-цзы, беря за образец сокровенно-пустотное, но говорят лишь об общем смысле этого и отнюдь не содержат исчерпывающих в своем совершенстве наставлений. Они могут рассуждать о равенстве жизни и смерти, говоря, что существование и жизнь подобны тяжкому труду на каторге, а небытие и смерть — приятному отдыху. Но их учение отстоит от святых-бессмертных на миллиарды и триллионы ли. Так надо ли нам забавляться с ними? Их метафоры, притчи и образы годятся, чтобы использовать их как гарнир для заполнения изъянов и устранения недостатков, но не печально ли, что в последнее время всякие говоруны-краснобаи и бездельники-тунеядцы стали искать пристанище для своих извращений в произведениях Лао-цзы и Чжуан-цзы!»¹⁵

Некто сказал: «Если совершенный и мудрый император правит миром¹⁶, то он считает мудрецов своими драгоценностями, но мужи, изучающие путь бессмертных, не пожелают служить как чиновники. Не получится ли так, что если все люди начнут совершенствоваться в Дао-Пути, то некому будет заниматься делами управления государством?»

Баопу-цзы сказал: «Чао-фу и Сюй Ю¹⁷ повернулись спиной к совершенномудрым государям и уединились в горах, но за это их прозвали возвышенными мужами. Чжуан Бо бежал от мира ради обращения к Дао-Пути, но за это был почтен как благородный человек¹⁸. Когда Сюань Юань правил Поднебесной, ее называли предельно упорядоченной, но Гуанчэн-цзы не захотел иметь с ним ничего общего¹⁹. Время, когда император Яо царил над четырьмя морями, можно назвать эпохой Великого Равновесия-Благоденствия, и хотя Во-цюань не оказывал ему никакой помощи, преобразующая Благая Сила-Дэ императора Яо не понесла от этого никакого умаления²⁰, а талантливые мужи от этого отнюдь не оказались в пренебрежении. Когда Тянь И совершил деяние по перемене небесного мандата, У Гуан повесил на шею камень и утопился в реке²¹; когда чжоуский Цзи У победил Шан, то Бо-и и Шу-ци поселились в горах Сишань и отказались от еды²². Когда циский герцог Хуань возвысился, Шао Цзи поместил свое изголовье в узком переулке²³; а когда вэйский правитель Вэнь пришел к власти, Дуаньгань Му распустил волосы и стал отшельником в Сихэ²⁴. Четыре старца, подобные фениксам, бежали на гору Шаншань и не согласились занять высокие должности при династии Хань²⁵; Чжоу Дан, подобно единорогу, уединился в зарослях, но это не уменьшило казни и кары, примененные императором Гуан У-ди²⁶.

Всегда находились люди, сердце которых не стремилось к богатству и знатности, а любовь которых не простиралась даже на самое большое имущество. Они полощут свои чиновничьи шляпы в вольных волнах²⁷, не беспокоятся ни о славе, ни о позоре. Благоухающие леса для них все равно что башни и павильоны, горная пещера — как роскошные палаты, орхидеи зимородкового цвета — их постель, а зеленая листва — полог алькова. Тряпье заменяет им церемониальные облачения, а дикие травы — изысканные блюда. Они не утолят голода, если сами не будут сеять и пахать, они не оденутся ни во что иное, чем в платье, сшитое руками их жен. Такая жизнь для них — как счастливый случай из тысячи возможных, а совсем полной их радость становится, если они отказываются от общения со всеми шестью бли-

жайшими родственниками своего клана, оставляют своих домашних и не поворачивают головы в их сторону. Они поворачиваются спиной к роскоши и славе, которые для них как забытый след, отказываются от всего, к чему могло бы привязаться сердце. Они могут взойти на горные вершины и скалистые пики и в одиночестве странствовать там, в обществе тени и эха они могут поселиться в знаменитых горах. Их внутреннее видение направлено на град, не имеющий образа, их слух внимает беззвучной тишине. Много ли найдется таких людей в мире восьми пределов?²⁸ А вы, сударь, боитесь, что монархи останутся без верных подданных. Стоит ли об этом так сильно беспокоиться?»

Некто сказал: «Мужи, изучающие путь бессмертных, очищают только самих себя и забывают о той смуте, которую они вносят в великие принципы общественных отношений²⁹, поворачиваются спиной к государям сего мира и настроены на отказ от служения верноподданного. Я боюсь, что успеха в их поиске продления жизни не будет, а из-за этого они окажутся виновными в совершении наказуемых законом злодеяний».

Баопу-цзы сказал в ответ: «Некогда жили на свете такие талантливые мужи, как Бэй-жэнь Северянин, Ши-ху — Каменные Врата, Шань Цюань и Цзычжоу³⁰, но они уходили от общественных дел и отвращались от забот, питая безбрежность своего духа, но расцвет и возвышение государства от этого не понесли ущерба, а великое преобразующее воздействие монарха не умалилось. А тем более это справедливо, если мы говорим о мужах, изучающих путь бессмертных. Среди них вовсе не обязательно есть люди, наделенные талантом управления государством или способные оказать помощь при установлении династии. Поэтому использование их на службе даст выгоду столь же малую, как пылинки и росинки, а потеря их для государственных дел будет равнозначной убытку от потери тоненького волоска, не так ли? Ныне же, когда все девять пределов живут вместе³¹ и все достойные мужи собираются в столице для служения государству, то даже постов не хватает, чтобы использовать их. Достойные мужи всегда будут стоять в очереди за назначением, чиновничьи должности никогда

не будут подолгу вакантными. Людей усердных и упорных всегда будет огорчать медленность продвижения по службе, а настойчивых и достойных — печалить задержка наград и пожалований. Всегда будет считаться превосходнейшим делом привлечение на службу людей, преисполненных управленческими талантами, и никогда не будет недостатка в по-срественных чиновниках.

Некогда Цзы-цзинь³² отказался от обязанностей столоначальника и отверг бремя наследника престола, но царь Лин-ван отнюдь не обвинил его в отсутствии сыновней почтительности. Когда господин Инь³³ снял свой официальный костюм и развязал свой пояс чиновника, отказавшись от своих обязанностей стража, правящий дом Чжоу не обвинил его в преступлении отсутствия преданности. Почему это было так? Да потому, что те люди показали, что они наделены глубокой искренностью и отнюдь не пренебрегают делами своего поколения и не выказывают пренебрежения к монарху. Просто их предпочтения отличались от общепринятых, тогда как направленность воли обычных людей всегда одинакова.

Государь, следующий Дао-Пути, даже если ему и приходится глотать неприятное, все равно остается преисполненным блага и доброжелательности, он знает, что сердца людей нельзя считать одинаковыми и что природа людей различна — кому нравится скрываться в своем доме, а кому выходить к народу; поэтому он не принуждает и не запрещает, превознося великий свет служения; стоя выше всех, он не проявляет признаков односторонних пристрастий и гнева, и тогда нижестоящие обретают радость достижения желаемого им. Поэтому повсюду слышатся воспевающие такого государя голоса, а слава его распространяется до пределов мира. Слыша об этом, алчные и жадные испытывают глубокий стыд и раскаяние, так воздействует этот нрав государя. Я слышал, что когда дует теплый ветер, меха и печи отдыхают, а когда проявления истинного Дао-Пути становятся редкими в мире, необыкновенные мужи уходят со службы.

Ныне все утраты и смуты подошли к концу и мир вернулся к равновесию. Быки получили отдых, и боевых ко-

ней пустили пастись на воле; сигнальные костры погасли, и дым исчез; копья и щиты отложены, луки и стрелы вложены в колчаны, а гончие псы сварены в котлах. Цзы-фан³⁴ покинул палатку в походном лагере и вернулся в свое селение, а Синь и Юэ³⁵ освободились от лат и шлемов и занялись рыболовными крючками. А тем более это относится к мужам, изучающим путь бессмертных, которых не наберется и одного на десять тысяч. Так почему же государство должно сожалеть о том, что оно не использует этих людей?!

Ведь их дела заключаются в том, чтобы уменьшать раздумья и умалять желания, их занятия направлены на сохранение целостности тела и возрастание долголетия. Они ненавидят безобразие сражений и битв и не приносят вреда простым людям. Так в чем же может заключаться их преступление?

Горы Хуашань и Хэшань чрезвычайно высоки, а лазурное море чрезвычайно глубоко. Высоту этих гор не увеличить, насыпая на них пыль, а глубину этого моря не углубить, вычерпывая из него воду. Срывая горную почву, не сделаешь горы ниже, а зачерпнув ложку воды, не сделаешь море уже. В каждом поколении бывает еле-еле несколько бессмертных, так неужели же из-за того, что они не участвуют в делах мира, человечество понесет урон и его дела обесславятся?!»

Некто сказал: «Если этот путь бессмертных все-таки можно искать и обрести, то почему же пять канонов конфуцианской классики ничего не говорят об этом, почему Чжоу-гун и Конфуций молчат об этом, почему совершенномудрые не спасались от мира и почему мудрецы не были наделены благом долгой жизни? Если Чжоу-гун и Конфуций ничего не знали об этом, то их мудрость нельзя считать совершенной, а если они знали об этом, но не учили этому, то значит, что никакого пути бессмертных просто не существует».

Баопу-цзы сказал в ответ: «Люди рождаются под определенным созвездием, и на каждого его звезды оказывают свое влияние. Об этом я подробнее напишу в другой главе³⁶. Если на вашу голову надет тазик, то вы, сударь, не

увидите и сияния семи источников света. Тот, кто лишь вскользь бросает взгляд на великую реку, не догадается о невероятной и удивительной глубине ее омутов и пучин. Ведь перечень того, о чем умалчивают пять канонов, поистине может быть бесконечным, да и того, о чем не говорили Чжоу-гун и Конфуций, тоже немало. Я сейчас рассказал вам, сударь, только об одной десятитысячной из всего, что можно сказать об этом. И даже громкий смех не остановит меня в моем повествовании. Поскольку очень трудно до конца исчерпать эту тему, я прошу вас, сударь, послушать хотя бы мой краткий обзор ее основного содержания. Ведь Небо и Земля огромны по своим размерам. И когда девять совершенномудрых совместно создавали „Канон Перемен“³⁷, они исчерпывающе обсудили только силы *инь* и *ян*. И к этим рассуждениям действительно нельзя ничего добавить. Но если я сейчас начну спрашивать знатока „Перемен“ по таким вопросам, как: на сколько градусов можно разделить небосвод; где среди четырех морей узко, а где широко; каковы размеры Вселенной, выраженные в ли; каково расстояние мира вверх и вниз; кто толкает мироздание в процессе его кругового движения; какова скорость движения Солнца и Луны; как движется Луна по своим девяти путям³⁸; какова длительность времени света и тьмы; каковы закономерности движения семи звезд³⁹ и порядок появления и исчезновения пяти планет; каковы „шляпа и подвески“ Солнца⁴⁰; какие нарушения бывают в четырежды семи созвездиях-домах⁴¹; откуда появляются кометы; каковы типы аномалий „эфирной стрелы“⁴²; в чем благовещное свойство Светлого Старца⁴³; в чем причина неподвижности Полярной звезды; почему Сатурн одинок на востоке; почему наступает жара, когда Сихэ испускает свои лучи, и холодно, когда Ваншу⁴⁴ поглощает его свет; почему Небесная Река⁴⁵ имеет такую природу, что кажется текущей вниз, когда мы смотрим на нее; каков ритм нарастания и уменьшения размера волн; в чем закономерность вызывания гнева или радости пятью нотами и шестью распределителями⁴⁶; как периоды счастья и невзгод зависят от движения облаков и характера испарений-пневм; как различного рода кометы, метеоры, болиды,

звезды четырех углов и пяти зол, Небесный Пес, туманность Гуйсе⁴⁷ — все они, в зависимости от обстоятельств, то предвещают успех, то предвещают неудачу, — так вот, если обо всем этом спросить знатока „Перемен“, то он ничего не сможет объяснить. Если затем об этом спросить ученых, постигших „Вёсны и осени“, четыре раздела „Канона поэзии“, три книги „Ритуала“⁴⁸, то и они также ничего не смогут ответить. Они скажут, что ничего из этого не объясняется в истинных канонических текстах.

Обо всем этом говорится подробно только в трудах У Сяня, Гань-гуна и Ши Шэня, а также в текстах „В море“, „Росток в трещине“ и „Семь светил“⁴⁹.

Когда я спрашивал о том, содержат ли тексты этих шести школ учение классических канонов, мне неизменно отвечали, что не содержат. Тогда я снова спрашивал: „Последователи Гань-гуна и Ши Шэня совершенномудрые или нет?“ — и мне неизменно отвечали, что нет. И если все мы люди, с рождения несущие Небо над собой и до старости попирающие Землю под собой, и все мы ищем ответа на наши вопросы в пяти канонических книгах, но не находим их, то является ли это основанием для утверждения, что книги Чжоу-гуна и Конфуция никуда не годятся и ныне по прочтении их можно с определенностью заявлять, что они по своей природе пусты и ложны? Небо и Земля предельно велики, и даже того, что доступно нашему зрению, мы не можем понять, а уж тем более если речь идет о „сокровенном взаимопереходе сокровенного“ или о „тайне за пределами тайн“⁵⁰.

И еще я спросил одного обывателя, говоря: „Ведь существуют в мире и рассказы о странах, где можно ездить на облаках и где люди рождаются из коконов, где народ наделен нетленными печенью и сердцем, где обитают в гнездах и в пещерах, где водятся твари с одним глазом и тремя головами, кони с когтями, собаки с копытами, существа с длинными руками и скрещенными ногами, подобные народу Хуанчи, у которого нет мужчин⁵¹, или такие, у которых отверстия в груди и рот сбоку. Рассказывают также, что Линь-цзюнь собирал камни, а потом плавал в «земляной лодке»⁵², что Ша И прикоснулась к

дереву, а потом родила множество драконов⁵³, что Нюй-ва вышла из земли⁵⁴, что Ду Юй упал с неба⁵⁵, что бывают летающие кирпичи и говорящие собаки, что горы ходят, а алтари пенатов перемещаются, что целых три армии за одно утро претерпели превращение, причем благородные мужи превратились в аистов, а низкие людишки стали песком. Повествуют о том, как Нюй-чоу прислонилась к засохшему дереву⁵⁶, а Эр Фу был связан⁵⁷, о том, что некоторые насекомые имеют временное обиталище⁵⁸, о потерянном панцире и ходячем мясе, о двухголовой змее⁵⁹, о «тетиве, ставшей луком»⁶⁰, о дереве, не дающем золы, об огне, который не жжет, о птицах чан и шу, о безглазых зверях, о голове без тела, о теле без головы⁶¹, о птицах цзин-вэй, наполняющих море⁶², о дереве цзяо-чжан, растущем парно⁶³, о ткани, которую стирают в огне, о ноже, который режет нефрит, о звере яньмэй, выдыхающем жар, о том, что при трении камня по глине течет вода, о том, что на горе Кугуань происходят превращения, о звере куй, у которого ноги вывернуты задом наперед, о звере шисю с девятью головами, о существе бифан с человеческим лицом, о свершениях Шао-цяня⁶⁴, о том, как Шэн-цин служил божеству инея⁶⁵, о тигровом зеркале человека из западных цянов⁶⁶. В данном случае имеется в виду сюжет, вошедший в «Историю Поздней Хань» («Жизнеописание западных цянов», «Си цян чжуань») и относящийся к эпохе Чжань-го, в котором рассказывается, как некий цян Уи Юань-цянь спасся от опасности, магически создав тигриную тень, за что и был почитаем своими соплеменниками, о том, как Сянь-би стал сильным благодаря тому, что ездил на черепахе⁶⁷, о том, как Линь-и обрел царственность благодаря записям духа⁶⁸, о том, как люди из Юн и Шу стали императорами благодаря плывущему труп⁶⁹, о том, как божество Соленой реки превратилось в насекомое и улетело⁷⁰, о том, как человек с вертикальными глазами изменил судьбу поколения в горных пещерах Цзин⁷¹, о том, как У Дин наклонил гору, выведя змею⁷², и о том, как рыба жоушэнь машет своими плавниками в трех морях. Повествуют и о том, как таблички с нефритовыми письменами появились у Юева колодца⁷³.

Текст «Истинный механизм равновесия»⁷⁴ был выгравирован на камне чудесным образом.

Описания таких, и аналогичных им, чудесных дел со-
держатся в тысячах записей, но о них ничего не говорится
в пяти классических канонах, и ничего не говорят о них
Чжоу-гун и Конфуций. Так можно ли на этом основании
утверждать, что ничего подобного не бывает? А взять та-
кие факты: южане умеют вставлять в ухо тросточку так,
что другой ее конец выходит из второго уха; Ле Юй-коу
ставил чашку с водой себе на локоть, а сам в это время
натягивал лук⁷⁵; Бо-хунь стоял на камне, нависшем над
пропастью неизмеримой глубины⁷⁶; человек в Люйляне
пел, плавая в водной пучине⁷⁷; человек из Сун мог сделать
такой лист, что его нельзя было отличить от настоящего;
Гуншу Бань изготовил из дерева фигуру коршуна, которая
могла летать⁷⁸; Ли Чжу видел тончайший волосок с рас-
стояния в сто шагов⁷⁹; Пэнь и Ху были настолько сильны,
что могли нести на спине груз в десять тысяч цзиней⁸⁰;
врач из Юэ успешно применил искусство иглоукалывания,
когда казалось, что принц Су уже умер⁸¹; Шу Хай пробе-
жал крупным шагом несколько тысяч чжанов⁸²; человек из
Ин, размахивая топором перед кончиком носа, стесал с
него пятнышко глины⁸³; Чжун-ду обнажал свое тело на
морозе⁸⁴. Должны ли мы сделать вывод, что ничего этого
не было, раз об этом ничего не говорят Чжоу-гун и Кон-
фуций? Поскольку можно совершенно честно сказать, что
совершенномудрые умели не все, то не стоит удивляться,
что никто из них не стал бессмертным, но это вовсе не
означает, что они не были совершенными мудрецами. Раз-
ве является то, что совершенные мудрецы не имеют се-
бе равных, основанием приниматься за это труднейшее из
всех дел? Порой совершенномудрые равнодушно относи-
лись к тому, уйти им или же остаться. Они следовали
спонтанной самоестественности, обладали самостью, но не
были эгоистичны, обладали жизнью, но не заботились о
ней, считали, что существование или гибель предопреде-
лены Небом, а долголетие или преждевременная смерть
даны судьбой⁸⁵. Так что же удивляться тому, что они не
учились пути бессмертных?!“»

Примечания

¹ То есть не являть свои таланты миру. Ср. «Дао-Дэ цзин» (4): «Умири свой свет, собери воедино свою пыль».

² Очень важное понятие традиционной китайской (как даосской, так и конфуцианской) утопии. Великое равновесие-процветание (*тай пин*) — совершенное состояние общества полной уравненности и всеобщего благоденствия. В даосизме часто дополняется идеями мессианского и хилиастического характера. Классический даосский текст, излагающий доктрину *тай пин*, — «Тай пин цзин» («Канон Великого равновесия-процветания»; II–VI вв.).

³ Текучие Пески (*лю ша*) — пустыня к северо-востоку от границ Китая того времени, часть пустыни Гоби.

⁴ Бо-ян — имеется в виду Лао-цзы.

Нин-фэн — бессмертный времен Хуан-ди.

Фан-хуэй — отшельник времен совершенномуудрого императора Яо.

Люй Ван (или Люй Шан; он же Цзян Цзы-я) — мудрец, сделавшийся в конце жизни отшельником, а потом встретивший первого чжоуского государя Вэнь-вана, ставшего его учителем (XII–XI вв. до н.э.). Также известен как «великий герцог Ван» (*тай-гун Ван*).

Цзю Шэн — бессмертный времен начала государства Шан-Инь (XVI–XV вв. до н.э.).

Ма Дань — даосский бессмертный эпохи Чунь-цю.

Фань-гун (Шао-бо) — бессмертный V в. до н.э. Был советником юэского царя Гоу Цзяня и помог ему стать гегемоном среди китайских государств. Позднее уплыл за море.

Цинь-гао — бессмертный эпохи Чжань-го. Первоначально был знаменитым музыкантом при дворе сунского царя Кан-вана.

Чан-шэн — имеется в виду Инь Чан-шэн, ученик даоса Ма Мина и один из предшественников Гэ Хуна. В молодости был беден и даже одно время служил как раб у своего учителя (II — начало III в.).

Чжуан-гун — один из правителей эпохи Чунь-цю.

Обо всех этих лицах содержится материал в даосской агнографической литературе («Ле сянь чжуань», «Шэнь-сянь чжуань»).

⁵ Выражение восходит к трактату «Ле-цзы» (гл. 1). Первая радость — счастье родиться человеком. Вторая радость — счастье родиться мужчиной. Третья радость — счастье долголетия.

⁶ В Китае золото было дефицитом и валютой считалось серебро. Поскольку иероглиф «цзинь» означает также «металл», возможно, речь идет просто о металлических монетах.

⁷ Шесть пнэвм (*лю ци*) — то есть пнэвмы шести часов китайских двенадцатичасовых суток.

⁸ Имеется в виду даосская сексуальная практика, основанная на использовании женской половой энергии, питающей жизненную силу мужчины.

⁹ То есть от половой жизни.

¹⁰ Цзы-ду и Жунчэн-гун — древние легендарные даосские мудрецы, adeпты искусства «внутренних покоев». Жунчэн (Жунчэн-цзы) наряду с Гуанчэн-цзы иногда выступает в текстах как наставник Хуан-ди (Желтого Императора). В каталоге даосских произведений, составленном Гэ Хуном (гл. 19), а также и в более ранних библиографиях (в «Трактате об изящной словесности», «И вань чжи», «Истории Хань») упоминаются тексты, названные именем Жунчэна (в «Истории Хань» это «Жунчэн инь дао», «Путь силы-инь Жунчэна»; в «Баопу-цзы» — «Жунчэн цзин», или «Канон Жунчэна»). Эти эротологические трактаты до нас не дошли.

¹¹ Имеются в виду различные «малые способы» продления жизни: медитативное самоуглубление, с (или без) визуализацией даосских божеств, соотносимых с жизненной энергией — пневмой того или иного органа, и сексуальная практика.

¹² Надмирное состояние (*ду ши*) — «переход на другой берег мира», позднее этот термин стал означать религиозное спасение, освобождение, в том числе и в китайском буддизме.

¹³ Имеется в виду «Дао-Дэ цзин», состоящий из пяти тысяч иероглифов (*у цянъ вань*).

¹⁴ Вэнь-цзы — даос, считается учеником Лао-цзы. Долгое время приписываемый ему текст (12 глав) считался подделкой ханьского времени, однако после археологических находок в Чанша-Мавандуй (1973 г.) установлена его подлинность как текста доциньского (до второй половины III в. до н. э.) времени.

Страж Границы Инь Си (Гуаньлин Инь или Гуань Инь-цзы) — см. коммент. 2 к гл. 4.

¹⁵ Эта инвектива Гэ Хуна направлена против синтетической даосско-конфуцианской философской школы *сюань-сюэ* (учение о Сокровенном, «мистология»), расцветшей в III–IV вв. Ее крупнейшие представители — комментатор «Дао-Дэ цзина» Ван Би и комментаторы «Чжуан-цзы» Сян Сю и Го Сян. Для Гэ Хуна неприемлем подход *сюань-сюэ* к даосской классике, его релятивизм и определенная эксцентричность. Кроме того, *сюань-сюэ* ассоциируется для Гэ Хуна с антипатичной ему как коренному южанину культурой пришельцев — северян, оттеснивших на второй план южную аристократию после бегства двора в 316–317 гг. с севера на юг в результате захвата севера гуннами и другими кочевыми народами. Гэ Хун — наследник даосской традиции эпохи Хань, *сюань-сюэ* — реакция на ханьскую экзегетическую и вообще интеллектуальную традицию, порожденная ситуацией краха империи Хань и сменой социальных приоритетов в первой половине III в.

¹⁶ Согласно китайской политической традиции, император управляет всей Поднебесной, то есть всем миром, являясь вселенским мироупорядочивающим монархом.

¹⁷ О Чао-фу и Сюй Ю см. коммент. 37 к гл. 2.

18 Чжуан Бо (Чжуан Гуан), или Янь Гуан (I в. н.э.) — в молодости сотоварищ будущего императора Гуан У-ди (25—58 гг.). После вступления его на престол Чжуан Бо скрылся и стал отшельником, несмотря на все попытки императора привлечь его на службу, а также сменил имя с *Гуан* (поскольку оно совпадало с императорским титулом) на *Бо*. После воцарения императора Мин-ди (58—75 гг.), личное имя которого было Лю Чжуан, Чжуан Бо сменил и фамилию с *Чжуан* на *Янь*. По мнению некоторых комментаторов, Гэ Хун здесь имеет в виду не Чжао Гуана, а отшельника Цзычжоу Чжи-бо (Цзыфу), упоминаемого в «Чжуан-цзы» (гл. 28).

19 Сюань Юань — имеется в виду мифический император Хуан-ди.

Когда Хуан-ди впервые пришел к своему будущему учителю Гуанчэн-цзы, отшельничавшему на горе Кунтунчжишань (Гора, Тождественная Пустоте), и спросил его о пути управления Поднебесной, тот ничего не ответил, и тогда Хуан-ди спросил его о пути самосовершенствования. См. также «Чжуан-цзы» (гл. 11).

20 Яо — древний мифический совершенный император конфуцианской традиции.

Во-цюань — бессмертный времен императора Яо, живший в горных лесах и евший только сосновые семена.

Благая Сила-Дэ — мана, магическая сила, получаемая императором от Неба. Посредством *дэ* император осуществляет свою мироупорядочивающую функцию. В конфуцианстве *дэ* осмысливается как добродетель, в даосизме — как сила миропроявления, присущая Дао-Пути.

21 Тянь И — имеется в виду Чэн-тан, основатель государства Шан-Инь.

Перемена небесного мандата (*гэ мин*) — конфуцианская идея, восходящая к базовой идеологии чжоусцев, считавших, что Небо отняло мандат на правление (*мин*) у династии Шан-Инь и передало его дому Чжоу в лице У-вана. В конфуцианстве после Мэн-цзы (IV—III вв. до н.э.) термином «гэ мин» передавалась идея, согласно которой Небо всегда отнимает право на трон у злонаправленного государя-тирана и передает его новому высокостойкому мужу. На этой идее, окончательно разработанной во времена узурпации власти Ван Маном в начале I в., основывается китайская концепция династийного цикла. В современном китайском языке «гэ мин» означает «революция».

У Гуан (или Мао Гуан) — верный подданный полумифической династии Ся. После того как Чэн-тан сверг сяского тирана Цзе, он предложил престол У Гуану, однако тот предпочел утонуть в реке Лу.

22 Цзи У (то есть У из рода Цзи) — имеется в виду У-ван, царь Чжоу и победитель государства Шан-Инь; Цзи — фамильный знак чжоуских царей.

Бо-и и Шу-ци — «великие старцы Поднебесной», сыновнепочтительные мужи рубежа Шан-Инь и Чжоу. Вначале они отказы-

вались в пользу друг друга от престола в родном княжестве, чтобы примирить уважение к воле отца с нормой уважения старшего брата, а потом вместе бежали в чжоуские владения, где были обласканы Вэнь-ваном и его сыном У-ваном. Однако после эпохального похода У-вана на царя Шан-Инь Чжоу Синя и установления власти дома Чжоу по всей стране они, возмущенные тем, что вассал (У-ван) посмел свергнуть сюзерена (царя Шан-Инь), удалились на гору Шоуяншань (или Сшань) и отказались от вкушения «чжоуской пищи». В конце концов они умерли от голода. Их глубоко почитал Конфуций.

23 Шао Цзи — чиновник времен Чунь-цю, о котором рассказывается в «Люйши чунь-цю» (гл. «О мудрецах из низов»). После переворота в княжестве Ци он не признал власти нового государя.

Поместил свое изголовье в узком переулке — то есть поселился в бедном квартале.

24 Дуаньгань Му — мудрец из царства Вэй эпохи Чжань-го. Будучи в Сихэ, получил предложение вэйского Вэнь-хоу стать его министром, однако ответил отказом. О нем см. «Биографии достойных мужей» («Гаоши чжуань») знаменитого медика и литератора Хуанфу Ми (214—282 гг.).

25 Четыре старца — мудрецы эпохи Цинь, отказавшиеся признать легитимность династии Хань и не ставшие служить ей. Это Дунъюань-гун, Цили-цзи, Сягуан-гун и Лули-сяньшэн (Учитель Лули). Только мудрому советнику династии Хань Чжан Ляну удалось пригласить их ко двору для поддержки прав законного наследника престола. Тогда им было по 80 лет, и их головы были покрыты величественными сединами.

26 Чжоу Дан — мудрец I в. н.э., родом из Тайюаня. Будучи предан старшей ветви династии Хань, он не признал вначале узурпацию престола Ван Маном, а потом отказался признать Гуан У-ди законным продолжателем дома Хань и легитимным императором, протестуя против репрессий, которые этот государь обрушил на своих противников. Жил уединенной жизнью и писал книги (до нас они не дошли).

27 То есть отказываются от службы, предпочитая частную жизнь.

28 Весь мир, космос: четыре основных и четыре промежуточных стороны света.

29 Имеются в виду пять принципов взаимоотношений (*у лунь*) конфуцианской этики: отношения «государь—подданный», «родители—дети», «старший—младший братья», «муж—жена», друзья. Только последнее предполагало горизонтальные отношения равенства, тогда как остальные четыре основывались на вертикали и иерархическом принципе власти одной стороны и подчинения другой.

30 В гл. 28 «Уступление Поднебесной» книги «Чжуан-цзы» говорится, что Шунь хотел уступить престол Поднебесной Северянину Уцза, Ши-ху — земледельцу Каменным Вратам, Шань Цюаню и Цзычжоу Чжибо, но все они отказались от трона. Преемником Шуня

стал великий Юй, введший наследственный принцип передачи власти и установивший первое династическое государство — Ся.

31 Имеются в виду девять областей (*цзю чжоу*), на которые был традиционно разделен Китай.

32 Цзы-цзинь — сын чжоуского царя Лин-вана (571–545 гг. до н.э.). Он был искусным музыкантом, и когда играл на свирели, к нему прилетали фениксы. В «Жизнеописаниях бессмертных» («Жизнеописание Ван-цзы Цяо») говорится, что однажды он встретил даоса Фу Цю-гуна, который увел принца на священную гору Суншань, где тот и остался как отшельник.

33 Господин Инь — имеется в виду Страж Границы Инь Си.

34 Цзы-фан — имеется в виду мудрец Чжан Лян, помощник основателя династии Хань Лю Бана (Гао-цзу; рубеж III–II вв. до н.э.). В конце жизни он ушел от мирских дел, предался посту и занятиям даосской гимнастикой *дао инь*.

35 Синь и Юэ — имеются в виду Хань Синь и Пэн Юэ, военачальники начала правления династии Хань. Были казнены по обвинению в измене.

36 См. гл. 12.

37 «Канон Перемен» — «И цзин», канонический текст конфуцианства и один из базовых текстов китайской культуры вообще. Его древнейший пласт имеет мантическое содержание, а более поздняя комментаторская часть (*чжуань*), или «Десять крыльев» (*ши и*), посвящена вопросам космологии (особенно в этом отношении важен раздел «Сици чжуань»). Составление «Десяти крыльев» традиция приписывает Конфуцию.

Девять совершенномудрых, составлявших «Канон Перемен», это мифические императоры и культурные герои Фу-си, Шэнь-нун, Хуан-ди, Яо, Шунь, Юй, мудрые монархи династий Шан-Инь и Чжоу Чэн-тан и Вэнь-ван, а также Конфуций.

38 В традиционной китайской астрономии выделялось девять этапов движения Луны по небосводу, соотносимых с пятью первоэлементами (называемыми по обозначаемому ими цвету — черный, желтый, красный, белый и сине-зеленый) и соответствующими им планетам, причем каждый из них по два раза сочетался с желтым (Земля) как срединным (*хуан дао* — Желтый Путь), кроме него самого ($4 \times 2 + 1 = 9$). Желтый Путь — эклиптика, большой круг небесной сферы, по которому перемещается Солнце в видимом годичном движении.

39 Семь звезд — 25-е из 28 зодиакальных созвездий китайского неба и четвертое из семи созвездий «южного дворца». Шесть звезд этого созвездия входят в европейское созвездие Гидру, включая ее альфу (Альфард).

40 Видимо, имеются в виду различные оптические явления, связанные с солнечными затмениями (типа солнечной короны).

41 Имеются в виду основные (зодиакальные) созвездия, по семь в каждом из четырех (по сторонам света) секторов неба.

42 «Эфирная стрела» (*ци ши*) — термин, связанный с созвездиями южной части неба (*нань гун*). Китайская астрология считает, что если эта «стрела» желтая, то это предвещает счастье; любой другой цвет из пяти основных предвещает беду.

43 Светлый Старец (*Цзин Лао*) — это или комета, знак добродетели (*дэ син*), или звезда Старец Южного Предела (*Нань цзи лао жэнь*) — яркая звезда, соответствует альфе созвездия Кия (Канопусу).

44 Сихэ — образное обозначение Солнца.

Ваншу — образное обозначение Луны. Согласно китайской космологии, Солнце — квинтэссенция силы *ян*, Луна — силы *инь*.

45 Небесная Река (*Тянь хань*) — Млечный Путь.

46 Шесть распределителей (*лю шу*) — здесь: Небо, Земля и четыре сезона.

47 Звезда четырех углов (или «четырёх подчинений», *сы чжэнь син*) — небесное тело типа кометы или болида, которое могло появляться в разных частях небосвода.

Звезда пяти зол (*у цань син*) или пяти заострений (*у фэн*) — небесное тело желтого цвета типа болида.

Небесный Пес (*тянь гоу*) — 1) небесное тело типа метеорита; 2) название созвездия из четырех звезд, расположенных в области европейских созвездий Компас и Парус.

Туманность Гуйсе («Обращенная ко злу») — название не только туманности, но и всех странных атмосферных явлений, типа полярного сияния.

48 Имеются в виду три конфуцианских классических текста, посвященных ритуалу: «Записи о ритуале» («Ли цзин»), «Чжоуские ритуалы» («Чжоу ли») и «Нормы и ритуалы» («И ли»).

49 В астрономическом трактате «Исторических записок» Сыма Цяня говорится, что в древности были такие знаменитые астрономы и астрологи: У Сянь при династии Шан-Инь, Гань-гун в государстве Ци и Ши Шэнь в государстве Вэй. Имя прорицателя Сяня встречается на иньских гадательных костях. Видимо, он жил при царе Тай-у (XIV–XIII вв. до н. э.). Гань-гун (по имени Дэ) — уроженец царства Чу, жил в эпоху Чжань-го и составил книгу по астрономии в восьми главах. Ши Шэнь (Ши Шэнь-фу) также жил в эпоху Чжань-го и написал астрономическое сочинение в восьми главах.

Упоминаемые здесь тексты перечисляются в «Трактатах об изящной словесности» («И вэнь чжи») различных династийных историй («История Хань», «История Лян» и др.). Трактат «Це Мэн» (букв.: «Росток в трещине») назван так по имени астронома, жившего в правление династии Поздняя Хань.

50 Намек на «Дао-Дэ цзин» (1): «Из Сокровенного вновь в Сокровенное, таковы врата всех тайн» (*сюань чжи ю сюань, чжун мяо чжи мэнь*).

51 Согласно «Канону гор и морей» («Шань хай цзин», гл. «Внешний запад», «Вай си»), к северу от мифической страны Усянь

есть государство женщин. Комментатор Го Пу (276–324 гг.), бывший современником Гэ Хуна, утверждает, что в этой стране есть пруд Хуанчи (Желтый пруд), после купания в котором женщины той страны беременеют.

Выше перечисляются различные фантастические существа, также упоминаемые в «Каноне гор и морей».

52 Согласно «Истории Поздней Хань» (цзюань 116, «Жизнеописание южных варваров-маней», «Нань мань чжуань»), среди племен юга Китая существует обычай выбирать себе вождем человека, прошедшего различные испытания, в том числе и плавание в «земляной лодке». Прошедший их получает титул «Линь-цзюня» — «Государя, владеющего амбарами».

53 В биографии Ай Лао-и в «Истории Поздней Хань» рассказывается, что некогда у Ай Лао-и была жена, которая, купаясь, стала тонуть и ухватилась за кусок дерева, после чего забеременела и родила десятерых сыновей. Через некоторое время с ней снова произошло то же самое, и она превратилась в дракона. Увидев это, девять ее сыновей в страхе разбежались, а десятый сел на спину дракона и улетел на нем. Позднее, когда он подрос, то получил титул удельного царя (*вана*).

54 Нюй-ва (Нюй-гуа) — согласно некоторым версиям, вместе с Фу-си является прародительницей человечества, которое она вылепила из глины (ср. библейский миф о создании Богом Адама из праха земного). Возможно, имеется в виду и миф о том, как Нюй-ва подправила мироздание, выплавив пятицветный камень после того, как божество Гун-гун, сражаясь с божеством Чжу-жуном, врезалось головой в гору Бучжоушань, служившую одной из опор мира, который от этого накренился.

55 Согласно ханьскому философу Ян Сюну, прародителем царей Шу (современная Сычуань) был некий Ду Юй, который упал на землю с неба и стал царем Шу по имени Ван-ди. Позднее Ван-ди превратился в кукушку.

56 Нюй-чоу (Нюй-жэнь) — персонаж «Канона гор и морей»; о ней рассказывается, что она была порождена трупом, который сожгла прикосновением на десятый день. Возможно, что в одном из не сохранившихся текстов вместо трупа фигурирует засохшее дерево.

57 Эр Фу — персонаж «Канона гор и морей». За убийство император отправил его на гору Шушу, к которой приковали его правую ногу.

58 Речь идет о насекомых, в процессе своего развития меняющих среду обитания (например стрекоза, личинки которой живут в воде).

59 Двухголовая змея (*эр шюу шэ*) — один из монстров китайских легенд; живет на горе Чаншань.

60 Речь идет об особой (по некоторым версиям также двухголовой) змее, живущей на юге Китая. Выражение «тетива становится луком» связано со сбрасыванием змеей кожи.

61 Голова без тела — речь идет о чудовище *таоте*, изображавшемся на чжоуских треножниках; «Весны и осени господина Люя» («Люй ши чунь-цю») приписывают ему склонность к каннибализму и утверждают, что злодеяния и есть плоть этого существа.

Тело без головы — воинственный персонаж «Канона гор и морей», называемый «трупом, пашущим летом» (*ся гэн чжи ши*).

62 Цзин-вэй — фантастическая птица из «Канона гор и морей»; по версии этого текста, в цзин-вэй превратилась Нюй-ва, младшая жена императора-перводобывателя огня Янь-ди. Она живет на горе у моря и часто бросает в море камни, пытаясь, видимо, завалить его.

63 О дереве цзяочжан известно из «Оды о столице Шу» поэта Цзо Сы (250(?)—305(?) гг.). Его комментатор Лю Юань-линь говорит, что это дерево, сразу же дающее два ствола. Если один из них засыхает, то и другой не может прожить больше года.

Далее перечисляются различные монстры, описанные в «Каноне гор и морей» («Шань хай цзин»).

64 Шао-цян — о нем мало известно. Гань Бао в своих новеллах «Записки о поисках духов» («Соу шэнь цзи») упоминает некоего Лу Шао-цян, жившего в середине II в. до н.э. Упоминается он как даосский бессмертный и в других текстах («Отдельные описания чудесного», «Ле и чуань»). Сам Гэ Хун еще раз упоминает Шао-цян в гл. 19 «Баопу-цзы» как создателя одного из амулетов.

65 Знаменитый эссеист эпохи Лю-чао Лю И-цин (403—444 гг.) в своем сочинении «Записи о тьме и свете» («Ю мин лу») говорит о Шэн-цине (Ян Ци) как о маге, повелевавшем духами, умевшем становиться невидимым и т.п.

66 Западные цяны — тибетоязычный народ, проживавший к западу от Китая и постоянно нападавший на границы империи.

67 Также имеется в виду сюжет, вошедший в «Историю Поздней Хань» («Жизнеописание восточных варваров», «Дун и чуань»); в нем рассказывается о том, как некий принц сумел бежать от желавшего убить его царя благодаря тому, что он переправился через реку верхом на черепахе.

68 Согласно «Истории Цзинь» (гл. «Описание государства Линь»), Линь не имя человека, а название страны. На ее престол после смерти царя Фань-и вступил раб Вэнь, который в молодости поймал чудесного карпа и расколол с его помощью волшебный камень, дух которого наделил Вэня силой, снискавшей ему благоволение в глазах царя, сделавшего Вэня своим наследником.

69 Юн и Шу — земли на территории китайского округа Лян-чжоу (Сычуань). Однажды Ду Юй (будущий император Ван-ди — см. коммент. 55) увидел плывущий по реке труп некоего Бе Лина, что стало знаменем его возвышения.

70 Сюжет, вошедший в «Описание южных варваров-мань» «Истории Поздней Хань». Он повествует о явлении богини реки Яншуй (Соленая река) трем вождям варваров-маней в виде крылатого насекомого.

71 Человек с вертикальными глазами — царь Шу по имени Цань-цун (см. коммент. 69).

72 Речь идет о превращении пяти дев в камень, чему предшествовала встреча богатыря У Дина с большой змеей. См. также коммент. 20 к гл. 2.

73 Речь идет о табличке с описанием географических реалий, по преданию, установленной усмирителем потопа Великим Юем к югу от горы Гуйцзишань (Восточный Китай), где впоследствии и был погребен Юй.

74 Согласно легенде, этот текст, посвященный даосским искусствам, был обнаружен одним из древних монархов царства У внутри разбитого им камня.

75 Ле Юй-коу (Ле-цзы) — полулегендарный даос древности, предшественник Чжуан-цзы. Приписываемая ему книга «Ле-цзы», однако, является раннесредневековой подделкой. Об истории с чашей см. гл. 2 современного текста «Ле-цзы».

76 Бо-хунь — персонаж «Чжуан-цзы» и «Ле-цзы», даосский мудрец. Здесь имеется в виду тот же самый эпизод с чашей и стрельбой из лука.

77 Имеется в виду эпизод из «Ле-цзы» (гл. 2), где рассказывает о старике, умевшем играючи плавать среди водоворотов и бурунов местечка Люйлян, где не могли жить даже рыбы.

78 Гуншу Бань (V в. до н.э.) — выдающийся ремесленник и соратник Мо-цзы (Мо Ди). Будучи убежденным пацифистом, Гуншу Бань активно участвовал в разработке различных оборонительных проектов. Легенда приписывает ему создание деревянной птицы, которая могла три дня летать, не опускаясь (см. «Мо-цзы», гл. «Лу вэнь пянь»).

79 Ли Чжу (Ли Лоу) — человек древности, славившийся исключительно острым зрением.

80 Имеются в виду Мэн Пэнь и У Ху, знаменитые силачи эпохи Чжань-го, служившие циньскому царю У-вану.

81 Имеется в виду знаменитый врач эпохи Чунь-цю Бянь Цюэ, исцеливший уколom каменной акупунктурной иглы принца, находившегося в коме.

82 Шу Хай — мифический бегун. В «Каноне гор и морей» (гл. «Заморский Восток») рассказывается, как император приказал ему пробежать расстояние от восточного до западного конца мира, что составило сотни миллиардов шагов.

83 Имеется в виду сюжет из «Чжуан-цзы» (гл. 24), демонстрирующий точность и филигранность работы человека, следующего Пути недеяния (*у вэй*): даже размахивая огромным топором, можно не отрубить свой нос, а лишь снять с него комочек присохшей глины.

84 О Чжун-ду (Ван Чжун-ду) сообщает ханьский философ Хуань Тань. Он специально закалялся, достигая нечувствительности к жаре и холоду. Зимой Чжун-ду обнаженным мчался на колеснице,

а летом стоял у десяти плавильных печей, и на его теле не появлялось даже ни капли пота.

⁸⁵ Здесь излагаются взгляды конфуцианцев на жизнь как на период в процессе всеобщих изменений, обусловленный волей или велением Неба (*мин; тянь мин*) и потому имеющий заранее предопределенный срок.

ГЛАВА 9

Смысл Дао-Пути

Баопу-цзы сказал: «Что касается Дао-Пути, то оно вмещает в себя Небо и охватывает Землю. Его корень безымянен. Если рассуждать о нем как об отсутствии, то тени-отражения окажутся наличием. Если говорить о нем как о наличии, то тогда все множество сущего окажется отсутствием¹. Ли Шоу не может рассчитать его размеры, а Ли Чжу не может рассмотреть, каков его облик². У Ча и Цзинь Е, исчерпавшие возможность восприятия, не могут услышать звук его голоса внутри таинственного мрака его бездны³. Самые быстрые звери⁴, обладающие непревзойденной скоростью, не могут добежать до его следов вне Вселенной. Когда говорят о нем как о близком, то оно уместается и в осенней паутинке, причем в ней даже остается свободное место. Когда говорят о нем как о далеком, то оказывается, что оно заполняет собой всю великую пустоту мирового пространства, но и того не хватает, чтобы вместить его.

Оно — голос голоса, отражение отражения, тело тела, тень тени. Квадрат Земли обретает его — и пребывает в покое. Круг Неба обретает его — и пребывает в движении. Идущее вниз обретает его — и опускается. Идущее вверх обретает его — и поднимается⁵. Прилагаю усилие, чтобы хоть как-то назвать его, и именую его Дао-Путем⁶. Но насколько же оно теряет непосредственность истинности, когда его к тому же пытаются рассечь на тысячи кусков, разделить на сотни частей, разрезать на мириады долей, умножая до бесконечности его имена. Таким образом мы уходим от Дао-Пути все дальше и дальше, и не слишком ли далеко?

Обыватели не могут познать его великий первоначальный корень и пытаются освоить его разделенную на многое верхушку. Людям следует пребывать в пресноте и молчании, не поддаваться влияниям и не изменяться беспрестанно. Им следует пестовать свое сердце, чтобы избавиться от желаний, и укреплять и совершенствовать свой дух, чтобы обрести совершенную чистоту. Им надо омыwać и вычищать свои чувства, чтобы получить их в их прямо́те. Им нужно избавляться от мыслей о трудно постижимом и избегать утомления, губящего их подлинную природу, а также уменьшать порочность избыточных радости и гнева, уничтожая крайности любви и ненависти. Если делать так, то можно не молиться о счастье, но счастье придет, и не совершать жертвоприношения для отвращения беды, но беда уйдет. Почему это так? Ведь наша судьба находится в нас самих, а не приходит к нам извне. И само Дао-Путь присутствует в нас, а не должно прийти к нам из какого-то другого места. Беда заключается в том, что простые люди не могут хранить подлинность своей природы, отказываются воздерживаться от того, что создает препятствия для них самих, и весьма любят необузданность и возбуждение. Мчась и мечась, люди блуждают, сбившись с пути, и никак не могут вернуться обратно. Их чувства откликаются на воздействие внешних вещей и устремляются вовне. Их сознание объединяется с делами мира и переполняется ими. Они соблазняются желаемым, и небесный принцип в них гибнет. Поскольку они приходят в смущение от того, что видят и слышат, то чистота и цельность покидают их, а их сердце оказывается во власти расточительства и развлечений. Их чувства загрязняются и путаются, вздымаясь подобно морским волнам. Тогда, когда это буйство становится подобным стихийному бедствию и делается неизбывным несчастьем, людям уже ничего не остается, кроме как готовить блюда из свиной и объедаться жиром, совершать возлияния и опиваться винами, потрясать металлом оружия и поражать кожаные щиты, горланить песни и плясать до упаду, разбивать лбы в молитвенных поклонах, вымаливать счастье и кланяться желаемое, надеясь, что обязательно получат

его. И до самой своей смерти они не прозреют. Не горько ли это?

Тогда их эссенция и дух оказываются в беде из-за омрачений и забот. Их цветущий организм не сохраняется и гибнет от такой обузы. Они как бы мучают, варят и жарят пневмы своего собственного тела, ниспровергая небесную гармонию. Утруждая себя без всякой меры, они готовы потом лоб расшибить, моля об изменении своей судьбы. Когда их настигают боли в области сердца и ниже его, они начинают совершать жертвоприношения и молиться об избавлении от болезни. Когда они страдают от ветров или лежат в сырости, то начинают просить о прощении за грехи у божественных духов земли, а когда они объедаются и опиваются, то возлагают всю вину за свои беды на бесов и демонов. Но они сами своим непотребством навлекли эти недуги на свое тело, а в таком случае чем же им могут помочь носители божественного разума Неба и Земли? Чем могут их поддержать жертвы, опустошающие стада?

Чтобы быть счастливым, недостаточно почтительно возносить мольбы, а горе нельзя прогнать, поклоняясь божествам и принося жертвы. Если бы судьбу можно было изменить и жизнь продлить молитвами, а болезни исцелить жертвоприношениями, то все богачи непременно наслаждались бы отменно долгой жизнью, а аристократы не страдали бы от недугов и болезней. Но духи не радуются тем, кто не их рода⁷, демоны не прельщаются непристойным почитанием⁸. Компания слуг и рабов не может разъезжать в золоченом императорском экипаже, а простолюдины, одетые в дерюгу, не посмеют управлять упряжкой шестеркой лихих коней. Если уж среди людского рода есть два класса — почтенные и презренные, которые полностью отделены друг от друга, то уж тем более далеко отстоят от людей небесные божества, что чисты и возвышенны и чьи нравственные нормы столь непохожи на человеческие; все они предельно благородны и почтенны. И разве не ясно, что эти божества не спустятся долу из-за виновных подношений, подобных для них вонь дохлых крыс, и не снизойдут к смертным из-за поклонов и коленопреклонений за-

урядных людишек. Ведь отсутствие сыновней почтительности и преданности вышестоящему — самые страшные преступления, которые просвещенный государь никогда не простит за подношение в тысячу золотых или за великое пиршество, пусть даже это и предложат родственники или соседи преступника. И если так бывает в отношениях между людьми, то уж тем более трудно обрести таким способом дар долголетия или благо избавления от болезней и недугов, что ведь не просто помилование за совершенное зло, а нечто гораздо большее.

Демоны и духи следуют иным нравственным нормам, и никогда не может случиться такого, чтобы, несмотря на их прямую честность и неизменную праведность, они споспешествовали кривде. Ведь даже совестливые правители людей и порядочные чиновники могут делать добро, не ожидая за это платы или подношений, и наказывать за совершенные злодеяния, не проявляя личной заинтересованности в правосудии, не преступая проведенной веревкой и тушью черты закона, не проявляя пристрастности и оставаясь свободными от групповых интересов. А уж тем более это справедливо относительно демонов и духов, добродетель которых многократно превосходит людскую и которых нельзя тронуть красноречивыми словами и подкупить дарами. И об этом никогда нельзя забывать!

Чуский царь Лин-ван сам был шаманом и непрестанно охотно совершал разные жертвоприношения, но это не спасло его от нападения войск царства У⁹. Ханьский принц Гуанлина почтительно угождал шаманке Ли Сюй, исчерпав всю казну, чтобы одаривать ее, но это не спасло его от казни за измену¹⁰. Сыновнепочтительный император У-ди очень верил в демонов и духов и почитал их всех без разбору, но он не смог спастись от кончины, настигшей его в его Дворце Пяти Дубов¹¹. Правитель Сунь так ценил Хуа Сяна, что даже пожаловал ему титул удельного царя, но он не смог продлить годы своей жизни и отвратить кончину¹².

И эти неудачи нельзя объяснить тем, что жертвы были не обильны, или тем, что нефрита и шелка было недостаточно, или тем, что проявленной почтительности было мало. Нет, растраты были столь же велики, сколь велики

холмы и горы, но обретенная польза была меньше тончайшей паутинки. Не потому ли, что в этих случаях ценой потери чего-то вблизи пытались приобрести нечто вдали?

Пятый герцог казнями пресек следование пути нечисти, но наслаждался долголетием¹³. Луцзянский правитель Сун запретил жертвоприношения горным духам, но до конца жизни он был богат и счастлив¹⁴. Старец Вэнь уничтожил храм духа реки, но и сам был удачлив, и народ жил в мире¹⁵. Вэйский император У-ди запретил непристойные культы и простонародные обряды, но он многократно праздновал свой день рождения, и совершенные им деяния не будут забыты, поскольку они стали зеркалом для грядущих поколений¹⁶.

Сиятельная добродетель источает аромат,

А беспечальный долголетен.

Тот, кто не проматывает своего имения, не умирает до срока.

Чем больше скорбей, тем быстрее наступит старость, —
Вот каков закон естества.

И могут ли его отменить внешние вещи и другие существа?

Если пестование жизни утрачивает гармоничную природу и угроза ему не предотвращается, то все возможные болезни прорвутся через заслоны и даже цветущее здоровье исчерпается. И если не понимать этого, то разве смогут хоть чем-то помочь великие жертвоприношения трех видов скота такому человеку?

То, что вульгарные обыватели именуют ведущим ко благу путем, на самом деле лишь бесовщина и вздор. С ними распространяются лишь безумие и заблуждения, и чем дольше они существуют, тем больше распространяются. Люди, не наделенные знанием искусства исцеления болезней и безвозвратно погрязшие в чудовищных заблуждениях, отвергают помощь лекарственных средств и сосредоточиваются исключительно на мракобесии молений и жертвоприношений, совершаемых ими без счету. Они неутомимо гадают, а ничтожные людишки — шаманы и целители — нагло лгут им, предсказывая горе или возвышение, но болезни и способы их лечения — это как раз

то, о чем они слыхом не слыхивали. А слышали они только о нескончаемых расходах по оплате их услуг. И вот даже богатые разоряются, лишившись всего своего состояния, а бедняки вынуждены залезать в долги и платить вдвойне за их советы. И вот уже нет ни поля, ни дома — все потеряно в надежде на излечение. Ларцы и сундуки опустошены, и в них не остается ничего. Но если вдруг паче чаяния больному стало лучше — тогда эти целители немедленно заявляют, что им помогла благосклонность божества. Если же больной умирает, они сразу же заявляют, что он не был помилован демоном. Если человек все-таки счастливо отделяется и продолжает жить, то от его имущества все равно ничего не остается, и в конце концов он умирает после тяжких страданий от холода и голода. А иногда человек доходит до того, что вступает на путь насилия или начинает вести себя подобно ворам и грабителям, крадучись проникая туда, где его никак не ждут. А то и гибнет от острого клинка в кровавом побоище или кончает жизнь на плахе, на которую его приводят совершенные им злодеяния. Вот какие беды проистекают из этого неразумия.

Иногда бывает и так, что все состояние человека уходит на удовлетворение алчности служителей, совершающих моления и жертвоприношения, и последнее зернышко, последний лоскут шелка уходят для оплаты жадного шамана, и ко дню кончины человека не остается ни одежды для погребения, ни утвари для поминания, и тогда, увы, труп покойного остается гнить и разлагаться, поедаемый могильными червями. Не достойно ли это сожаления? Вот ведь до чего доходит тупость глупцов из народа!

Непристойные культы и путь нечисти — это то, что запрещается как нормами ритуала, так и законами. Но и этого никак не хотят понять обычные люди. Единственное, что тут могут сделать государи, это резко ужесточить законы и приговаривать к высшей мере за любое из преступных деяний последователей этих культов, не делая различия между тяжелыми и легкими нарушениями закона. Пусть каждого, кто не отказывается от шаманских суеве-

рий и молений, безжалостно казнят, выставляя труп на всеобщее обозрение на дорогах и рынках. Тогда не потребуются много времени, чтобы полностью покончить с этими мерзостями и уничтожить самый корень страданий народа от голода и холода, вырвать к тому же ростки разбоя и бандитизма. Разве такое решение не было бы великой милостью по отношению к народу?!

Некогда Чжан Цзюэ, Лю Гэнь, Ван Синь и Ли Шэнь¹⁷, а также их последователи то заявляли, что им по тысяче лет, приписывая это действию неких малых искусств, то сидели, погрузившись в транс забвения, то совершали разные превращения, меняя свой облик. Всем тем они морочили голову простому народу и дурачили простаков, собирая вокруг себя целые толпы. Они вовсе не ставили своей целью продлевать годы жизни людей и увеличивать их долголетие. Не стремились они и предотвращать стихийные бедствия или лечить болезни. Они намеревались только сколотить преступную клику своих приверженцев и подбить их на мятежи и смуты, прикрываясь ими в такого рода злодеяниях. Иногда они убивали честных людей или нагло обманывали народ, чтобы добыть богатство, в результате чего их сокровища громоздились, словно горные кручи, и они становились богаче герцогов и царей, живя в роскоши и разврате. Дорогие одежды, изысканная еда, прекрасные наложницы переполняли их дома, целые шеренги музыкантов воспевали их, а готовые драться за них до смерти наемные телохранители находились в их полном распоряжении. Их мощь была столь сильна, что их боялись государи, их влияние таково, что они возвышались над государственными чиновниками, а беженцы, спасавшие свою жизнь, скрывались от них в пещерах и болотистых зарослях.

Подобное положение вещей стало возможным из-за того, что чиновники не решались контролировать деятельность этих людей, и о тех бедах, которые проистекли из данного обстоятельства, можно только сожалеть и сокрушаться¹⁸.

Что касается меня, то я самый обыкновенный человек. И хотя я понимаю принципы, которые надо применить,

но, не занимая никакой государственной должности, я ничего не могу предпринять! Те же чиновники, которые ныне управляют народом, допуская существование всех этих сомнительных божеств, не решаются бесповоротно запретить эти культы. Когда случается какая-то беда, чиновник может принять ее очень близко к сердцу, но все равно не сможет понять до конца ее причин. Кроме того, чиновники не считают подобные вопросы важной частью своих должностных обязанностей и существенными для занесения в перечень заслуг. А поскольку зачастую глупые жены и неразумные дети чиновников верят в эти нелепости, то низкие людишки вокруг них говорят, что и чиновники ничего не смогут предпринять, поскольку множество людей будет препятствовать им. И обычно не находится ни одной возвышенной души, которая подвергла бы осуждению такое поведение. А перепуганные чиновники хотя и провозглашают иное, но результата их речи не имеют. Тогда они начинают сомневаться и колебаться, не смея ничего предпринять, а другие люди из-за этого в отчаянии заламывают руки, не имея возможности что-либо сделать.

Я сам знаю несколько человек, которые не почитают никаких носителей божественного разума и ни разу в своей жизни не совершали жертвоприношений. Тем не менее они наслаждались исключительным долголетием, их слава возвышалась над миром, подобно горным вершинам, их дети и внуки были многочисленны, а богатства и знатности у них было вдоволь. И даже я сам совершаю жертвоприношения только своим предкам в каждый из четырех сезонов, и все. Я много странствовал по воде и по суше и прошел, наверное, десять тысяч ли. При этом вдоль дорог я постоянно встречал сотни кумирен и храмов, но ни на пути туда, ни на пути обратно я никогда не заходил в них. И однако у меня не было никаких неприятностей ни с лошадьми, ни с колесницами. Я переправлялся через реки, но мне не угрожали ветер и волны. Я проходил через местности, где свирепствовал мор, но благодаря силе лекарств оставался здоров. Много раз я был мишенью для стрел и камней, но, к счастью, никогда не страдал от ран и уши-

бов. И все это только укрепило мое убеждение, что демоны и духи ни на что не способны.

Существуют сотни разновидностей пути служения нечисти, но все они предполагают убийство живых существ для того, чтобы пить их кровь, и только метод пути семьи Ли слегка отличается от них. Хотя на их „пирах счастья“ и не режут животных, тем не менее они проводятся на широкую ногу, без каких-либо ограничений. На базарах для них закупается все подряд, включая изысканные, утонченные и разорительно дорогие продукты — нет такого, который не приобретался бы. А на кухне блюда готовят десятки поваров, оплата их также требует немалых расходов. А следовательно, и эти дела нельзя считать совершенно чистыми и благими. Поэтому учение семьи Ли также должно стоять в ряду тех культов, которые надо запретить».

Некто спросил: «А когда появилось учение пути господ из семьи Ли?»

Я ответил: «В правление великого императора страны У в стране Шу¹⁹ жил некто Ли А, который обитал в пещере и ничего не ел. Несколько поколений подряд видели его, и поэтому его прозвали Ли Ба-бай, Ли Восьмисотлетний. Люди отовсюду приходили к нему за ответами на их вопросы. Но он никогда не говорил ни слова, и ответ узнавали по выражению его лица: если оно было радостным — то, значит, задавшего вопрос ожидало счастье; если же оно было печальным — значит, он предрекал горе; если А смеялся — человека ждал праздник, а если он вздыхал — то глубокое горе. И ни разу он не допустил ни одной ошибки. А однажды утром он вдруг внезапно исчез, и никто не знает, куда он ушел.

Позднее в У пришел некто по фамилии Ли и по имени Куань. Он говорил с акцентом жителя Шу и умел заговаривать воду, чтобы лечить множество болезней. И вот повсюду, и вблизи и вдали, пошли разговоры, что этот Куань и есть Ли А. Поэтому его везде стали называть Ли Восьмисотлетним, но в действительности он им не был.

Поскольку люди всех званий, от герцогов и министров до простолюдинов, толпились у ворот его дома, он со вре-

менем возгордился и уже не принимал посетителей постоянно. Теперь посетители и гости только кланялись перед его воротами и уходили восвояси, дивясь и восхищаясь им. Тогда учениками Куаня начали становиться чиновники невысоких должностей из числа беженцев²⁰, и со временем их стало около тысячи человек. Но даже те из них, что были допущены внутрь его покоев для получения наставлений лично от него, не могли научиться ничему, кроме заговаривания воды, пользования трехчастным амулетом, приемам гимнастики дао инь, регуляции пневм солнца и луны, — вот и все. Они отнюдь не учились самому необходимому для приведения тела в порядок — правилам приема божественного снадобья, способам продления жизни и обретения бессмертия. Можно глотать пневму и воздерживаться от пищи²¹ в течение ста дней, но потом все равно придется вернуться к обычному образу жизни, а это значит, что эффективность такой практики недолговечна. А отсюда видна и предельная ничтожность такого рода искусств. Я сам знаю много людей, учившихся непосредственно у Куаня, и все они единодушно говорят, что Куань ослабел от старости и сильно одряхлел. У него появилась одышка, когда он встает, глаза его помутнели, слух ухудшился, зубы повывадали, а волосы поседели. Постепенно у него развилось помутнение рассудка, и он часто даже не узнает своих детей и внуков. А значит, он ничем не отличается от обычных людей. Тем не менее люди из народа продолжают говорить, что Куань обманывает их, просто прикидываясь больным и старым и таким, как все обычные люди. Но разве так может быть?

Потом в У разразилась жуткая эпидемия, от которой погибло более половины населения страны. Тогда Куань вошел в Обитель Дао-Пути, как он называл свой кабинет, приказав говорить, что он уединился там, чтобы поститься и исполнять обеты. В действительности же он сам подхватил заразу, от которой и умер прямо в кабинете. Но люди, служившие Куаню, распространили слух, что на самом деле он преобразил свое тело и стал бессмертным, освободившимся от трупа, а значит, его смерть не была настоящей. Методы святых-бессмертных отличаются от путей

обывателей, и они действительно высоко ценят подлинное избавление от старости и смерти. Но уж если Куань постарел, значит, он на самом деле постарел. И если он умер, значит, он на самом деле умер. Просто он не обрел Дао-Пути, что хорошо видно из того, как он жил. Какие же могут быть в этом сомнения? Если методы, применяемые человеком, приводят его к состоянию освобождения от трупа, то он может продолжать жить не старея среди людей сто или двести лет, а потом уйти, разве это не так? В данном же случае вывод заключается не в том, что в Поднебесной нет пути бессмертных, а в том, что Куань вовсе не был человеком этого пути, и все. Я так подробно рассказываю об этом только потому, что ученики Куаня до сих пор распространяют и передают его учение, умножая число его последователей до такой степени, что они уже заполнили все земли к югу от Цзяна. И вот уже тысячи людей не понимают ничтожности методов Куаня, недостойных того, чтобы почтительно распространять и сохранять их. И прежде чем я покину мир, я хотел бы, чтобы люди поняли и осознали свои заблуждения и отказались от них.

В Поднебесной есть очень много подобных лжеучений, и их число поистине беспредельно, поэтому я вкратце расскажу о них, чтобы люди грядущих поколений поняли их сущность и не были введены в заблуждение. Некогда в Жунани²² жил один человек, который в поле расставил сети, чтобы поймать оленя. После этого он ушел и больше сетью не интересовался. Некий странник проходил мимо и, увидев в сети оленя, забрал его, думая, что это не слишком уж большое дело. У него была с собой соленая рыба, которую он положил в сеть вместо оленя, после чего и ушел. Вернулся хозяин сети и обнаружил в ней соленую рыбу. Он немало удивился этому и решил, что это не просто рыба, а некое божество. А посему человек тот не посмел взять рыбу и отнести ее домой. Крестьяне из его деревни узнали об этом и воздвигли на том месте храм, назвав его храмом Государя Соленая Рыбина. В этот храм стали стекаться молящиеся, и вскоре его колонны уже были покрыты красным лаком, а их капители приобрели форму водя-

ных цветов. Удары же в колокол не прекращались ни на мгновение. Если вдруг кто-нибудь из больных после посещения этого храма испытывал улучшение, то все говорили, что это ему помогло божество. Поэтому по всем дорогам и тропам к тому храму шли богомольцы, и все они совершали там жертвоприношения. Так продолжалось семь или восемь лет. Наконец случилось так, что тот странник, что положил рыбину в сети, вновь проходил через эти места. Оказавшись у храма, он спросил, что такое тут происходит. Ему рассказали. На это тот человек сказал: „Это я положил в сеть рыбу, вот и все. При чем же тут божество?“ Тогда весь ажиотаж вокруг храма прекратился.

Некий Чжан Чжу из Наньдуня²³ целый день работал в поле. На пути, по которому он ходил на поле, росло сливовое деревце, и он решил выкопать его и отнести домой. Крестьянин выкопал деревце, чтобы забрать на обратном пути, а пока решил оставить так, пристроив его в лунку к шелковичному дереву и обложив корни влажной землей. Потом же он забыл забрать деревце оттуда. А через некоторое время Чжан Чжу и вовсе пришлось уехать по делам в дальние места. Однажды один из его соседей по деревне заметил, что из лунки шелковичного дерева вдруг выросло еще и сливовое. Он счел его божественным. Вскоре все страдающие болезнями глаз стали со всех сторон стекаться туда, чтобы посидеть в тени шелковичного дерева и помолиться духу сливового дерева об исцелении их больных глаз. Они надеялись, и если их зрение улучшалось, то резали поросенка и приносили его в жертву божеству. Повсюду распространились слухи, что это дерево может исцелять слепоту, и люди, как из близлежащих мест, так и издалека, толпами приходили к нему просить счастья, все подъезды к тому месту были переполнены телегами и верховыми лошадьми, а вино и мясо непрерывно подносилось божеству. Так продолжалось несколько лет, пока из дальних мест не вернулся Чжан Чжу. Он сказал: „Это я в свое время оставил там саженец сливового дерева, вот и все. При чем же здесь какое-то божество?“ Тогда богомольцы перестали приходить туда и почитание сливового дерева прекратилось²⁴.

Был и такой случай. В Жунани недалеко от дороги находилась могила господина Пэна, а у входа в могилу стояло каменное изваяние человека. Некая крестьянская тетушка однажды направилась на базар, чтобы купить несколько лепешек, а потом она собиралась вернуться домой. Было жарко, и она присела отдохнуть в тени дерева, росшего у входа в могилу господина Пэна, а купленные ею лепешки положила на голову каменной статуи. Потом она надумала встать и уйти, забыв, однако, взять лепешки. Некий прохожий позднее заметил лепешки на голове изваяния и спросил, что это значит. Некто ответил ему, что эта статуя божественна и может исцелить недуги, а вылечившиеся люди в благодарность подносят ей лепешки. Слух о том быстро распространился, и люди, у которых болела голова, стали прикладывать голову к голове статуи, те, у кого болел живот, терлись животом о живот статуи, и среди тех, кто так прикладывался к статуе, не было не исцелившихся. За тысячи ли приходили люди, чтобы каменная статуя исцелила их. Вначале они приносили ей в жертву кур и поросят, а потом стали приносить коров и баранов. Был сделан навес, под которым совершались жертвоприношения, и звуки музыки лились, не прекращаясь ни на мгновение. Так продолжалось несколько лет. В один прекрасный день тетушка, забывшая лепешки, прослышала об этом и стала объяснять людям, в чем дело, и тогда они сразу же перестали ходить туда.

А еще было и так. В Лоси²⁵ есть большая древняя могила. В ней образовалось отверстие, в котором скапливалось много воды. В самой же могиле было много извести, а известь, смешанная с водой, очень хорошо лечит нарывы. Летом некий прохожий, страдавший чирьями и томимый жарой, увидел, что вода в гробнице чистая и свежая, и омылся ею. Его чирьи вскоре после этого прошли. Когда другие больные услышали об этом, они устремились туда совершать омовения и пить эту воду, чтобы лечить кишечные болезни. Около гробницы жил один человек, который возвел там кумирню и начал продавать ту воду. А ее покупатели часто приносили в кумирню жертвы, и вино и мясо там не переводились. Но покупателей было очень

много, и вода постепенно кончилась. Тогда тот человек стал тайком по ночам подливать в гробницу другую воду. Люди, которые жили далеко и не могли сами прийти за водой, доверяли ее покупке путникам или носильщикам. В результате тот торговец водой сильно разбогател. Тем временем некоторые люди стали поговаривать, что ничего божественного в этой воде нет. И чиновники запретили эти паломничества и приказали засыпать пролом в гробнице. И все прекратилось.

Когда губернатором Сингу²⁶ был господин Ма, к нему пришел один его родственник и земляк и стал просить о помощи. Ма тогда поселил его отдельно, вне своих стен, и распустил слух, что этот человек святой даос и целитель, который может лечить болезни наложением рук. Он нанял также краснобаев, чтобы те ходили там и сям и распространяли пустые слухи о том, что тот человек может слепых сделать зрячими, а хромым калек вновь поставить на ноги. Сразу же к тому человеку устремились люди со всех четырех сторон света, и у него в доме стало многолюдно, как на рынке. В результате он разбогател, и шелк и деньги стали громоздиться в его доме, словно горные вершины. Людей предупреждали, что даже если им не полегчает, они все равно должны говорить всем, что им стало лучше: если они будут так поступать, им-де непременно станет лучше; если же они будут говорить, что им не полегчало, то им никогда и не полегчает. А поскольку в истинные даосские методы нельзя не верить, то люди, уже посетившие того человека, отвечали собирающимся сделать это, что теперь им стало гораздо лучше. И никто не сказал, что ему не полегчало. Так за одну какую-то неделю тот человек стал обладателем огромного богатства.

Обычные люди очень придирчивы к мелочам, но очень глупы, если речь идет о важном. Когда они слышат о методах продления жизни, то считают, что это пустая болтовня, но с радостью верят во всякую бесовщину и дьявольщину, побуждая других плясать под барабаны, молиться нечисти и совершать ей жертвоприношения. Эти люди, называющие всякую пакость божествами, такие же безумцы, как те, что поверили господину Ма. Я записал здесь лишь

несколько характерных случаев, чтобы предостеречь безрассудных».

Некто спросил: «В мире встречаются люди, ничего не знающие о даосских искусствах и магических методах, но в благодушии и покое наслаждающиеся долголетием. Как это возможно?»

Баопу-цзы сказал: «Все подобные люди или имеют в себе скрытую Благоую Силу-Дэ и совершают добрые дела, приносящие им счастье и удачу, или их судьба наградила корнем долголетия, и поэтому они медленно стареют и смерть не спешит прийти к ним, или же им просто повезло не встретиться на своем веку с бедствиями и невзгодами. Но это такое же счастье, как удача мыши-полевки, не попавшейся в когти хищной птице или в зубы хищному зверю, или как везение трав и деревьев, случайно уцелевших после сильного пожара. Необходимо защищать свое тело и ограждать его от зла, что достигается через использование оберегающих жизнь и останавливающих опасность методов хранения телесной формы. Применение магических мечей с амулетами небесных узоров²⁷ также весьма плодотворно. А моления и жертвоприношения совершенно бесполезны. Мы должны опираться на развитие нашей собственной неуязвимости, а не полагаться на то, что духи и демоны не будут уязвлять нас. Можно, конечно, благодаря созерцанию Сокровенного и удерживанию Одного, заглыванию сияния и рисованию защитительного круга вокруг тела предотвратить зло демонических влияний и избавиться от неблагоприятных предзнаменований, но такими способами нельзя ни продлить годы своей жизни, ни избавиться тела от болезней. Простое же следование естественности без применения магических способов, конечно, и позволит, быть может, до конца прожить отмеренный Небом срок, но его совершенно недостаточно, чтобы воздвигнуть преграду дерзостям демонов и положить предел ужасным болезням — всего этого нельзя добиться просто так.

Тот, кто, на рать идучи, надевает вместо лат тростниковую накидку, а вместо шлема — широкополую шляпу, явно принимает войну за дождь. Если ему повезет и он не

окажется участником сражения и не сгинет во мраке, то он не будет отличаться от человека, не поступившего подобным образом. Если же идет бой и камни со стрелами закрывают солнце, как тучи, а метательные ножи носятся вокруг в таком количестве, что, сталкиваясь, как бы образуют туман, то ясно, что незащищенное тело попало в беду.

Когда идут обильные ливни, тогда реки разливаются, выходя из берегов. Когда белый, словно шелк-сырец, снег ложится на землю, то снежинки заполняют собой все небо. И тогда каждый понимает, каково нагому бедняку, сиротливо стоящему перед лицом стихий.

Никто из-за малости зерен пшеницы или семян пастушьей сумки не будет сомневаться в величии пневм *инь* и *ян*, так почему же считается возможным из-за того, что какой-то олух неправильно учит своих учеников, говорить, что магические способы бесполезны?!»

Примечания

1 То есть онтологический статус вещей и Дао-Пути принципиально разнятся: если мы припишем наделенность наличным бытием Дао-Пути, то должны отрицать таковое у вещей, и наоборот. Ср. с максимой апофатического (отрицательного) богословия восточного христианства: Бог даже **не есть**, если другие вещи **есть**.

2 Ли Шоу — мифический математик времен императора Хуан-ди.

О Ли Чжу см. коммент. 79 к гл. 8.

3 Уский Ча (Ча из царства У) — Цзи Ча, человек эпохи Чунь-цю, прославившийся остротой своего слуха и музыкальностью (см. «Цзо чжуань», 29-й год Сян-гуна).

Цзиньский Е — Ши Куан (второе имя Цзы-е) — человек того же времени, умевший по звукам музыки и пения предсказывать счастье и беды («Цзо чжуань», 18-й год Сян-гуна).

4 Самые быстрые звери (*чжоу си бу чжу*) — судя по ключам иероглифов, здесь называются некие быстроногие животные. А. Форке понимает эти четыре иероглифа как два имени — Чжоу Си и Бу Чжу, однако китайским комментаторам они неизвестны.

5 Здесь говорится о Дао как об универсальном принципе, сообщаемом любому явлению его качества.

6 Намек на «Дао-Дэ цзин» (25), где Лао-цзы, подчеркивая невыразимость Дао-Пути и его качеств, говорит, что он «с усилием» (*цян*) называет его «Великим».

7 Цитата из «Цзо-чжуани», 10-й год Си-гуна.

8 Непристойное (избыточное, «эксцессивное») почитание (*инь сы*) — чрезвычайно распространенное обозначение разных культов, не признаваемых и даже преследуемых государством. Обычно это локальные народные верования, как имеющие эксцессивный характер (кровавые жертвоприношения, почитание демонических сил и т.п.), так и вполне невинные, но не вошедшие в перечень государственно утвержденных культов.

9 Сюжет о чуждом Лин-ване восходит к «Новым суждениям» («Синь лунь») Хуань Тая, который говорит, что даже во время нападения вражеского государства У этот монарх ничего не принимал, а продолжал бить в барабан и плясать по-шамански.

10 В «Истории Хань» («Жизнеописание гуанлинского Ли-вана Сюя») рассказывается, как принц Сюй, видя, что император Чжао-ди (с 86 г. до н.э.) мал и наследника у него нет, решил сам добиваться престола. Он доверился чуждой шаманке Ли Сюй, которая стала совершать различные ритуалы и жертвоприношения. Однако после смерти Чжао-ди (74 г. до н.э.) на престол взошел другой принц, ставший императором, Сюань-ди. Разъяренный Сюй, потративший на шаманку целое состояние, убил ее и еще более двадцати своих приближенных. Тогда министры призвали императора казнить принца Сюя, и тот покончил жизнь самоубийством.

11 Ханьский император У-ди стремился к обретению бессмертия не только через алхимические опыты придворных алхимиков Ли Шао-цзюня и Луань Да, но и через различные литургические действия, призванные вызвать богиню Сиван-му (Мать-Царицу Запада) или других богов. Это, однако, не привело к успеху, и У-ди в 87 г. до н.э. скончался во Дворце Пяти Дубов (*У цзо гун*).

12 Имеется в виду император государства У эпохи Троецарствия Сунь Цюань (Да-ди, 222–252 гг.). Он отличался суеверием и почитал различные «нечистые божества» (*яо шэнь*) народных культов, из которых наиболее известно божество Ван Бяо. Видимо, к ним относятся и Хуа Сян.

13 В «Истории Поздней Хань» рассказывается, что когда сановник Ди У-лунь (господин У) стал губернатором Гуйцзи (Куайцзи, Восточный Китай, современная провинция Чжэцзян), там были чрезвычайно распространены непристойные культы и жертвоприношения коров. Ди У-лунь повел бескомпромиссную борьбу с «суевериями», искореняя эти культы. В результате благосостояние народа очень возросло.

14 Луцзянский правитель Сун — имеется в виду Сун Цзюнь, позднеханьский губернатор округа Луцзян (провинция Цзянси; район горы Лушань и озера Поянху). В этих местах были чрезвычайно распространены непристойные культы горных духов, причем шаманки часто заводили в горы как юношей, так и девушек, «обручая» их с духами. Сун Цзюнь искоренил эти культы и успокоил народ.

15 Старец Вэнь (Вэнь Вэнь) — сановник II в. до н.э. Около 150 г. до н.э. он стал губернатором округа Шуцзюнь (Сычуань), где

были распространены народные культы речных божеств. Вэнь Вэн искоренил их.

¹⁶ Вэйский император У-ди — имеется в виду полководец Цао Цао (155—220 гг.), создатель государства Вэй, положившего конец правлению дома Хань и открывшего начало эпохи Троецарствия.

Подобная оценка Гэ Хуном Цао Цао резко расходится с официальной конфуцианской оценкой его как злодея и узурпатора. Вероятно, это вызвано наличием в политическом мировоззрении Гэ Хуна определенных элементов легизма (*фа цзя*), характерных и для Цао Цао. Вместе с тем Цао Цао и его преемники на троне Вэй (до воцарения рода Сыма и создания империи Цзинь в 265 г.) оказывали покровительство ненавистным для Гэ Хуна представителям школы *сюань-сюэ*.

¹⁷ Гэ Хун упоминает здесь сеявшего смуту среди народа даосского мага Лю Гэня (II в.) и руководителя одного из восстаний, направленных против режима Ван Мана (10—20-е гг. I в.), Ван Синя (современника восстания Краснобровых). Видимо, к этой же плеяде принадлежит и Ли Шэнь, сведений о котором найти не удалось.

¹⁸ Здесь Гэ Хун говорит в основном о событиях, связанных с крушением империи Хань. В 184 г. н.э. вспыхнуло восстание Желтых повязок (*хуан цзинь*), организованное тайной эгалитарной даосской сектой «Тайпин дао» («Путь великого равновесия и благоденствия»). Этой сектой руководил Чжан Цзюэ. Восставшие провозглашали начало нового космического цикла «желтого Неба», зры эгалитарного хилизма и процветания. Восстание было подавлено, но силы империи Хань подорвались, и в 220 г. она прекратила даже номинальное существование.

¹⁹ Великий император страны У — имеется в виду Сунь Цюань (см. коммент. 12).

Страна Шу — территория части современной провинции Сычуань (северная и центральная части провинции, район г. Чэнду).

²⁰ Имеются в виду беженцы с севера, хлынувшие в Южный Китай (Цзяннань) после падения имперской столицы Чанъани и завоевания Северного Китая гуннами и другими кочевыми народами между 312 и 317 гг.

²¹ Как и в других местах «Баопу-цзы», здесь под отказом от злаков (*дуань гу*) понимается пост как таковой или полное голодание. Под глотанием пневы (*тунь цз*) имеются в виду дыхательные упражнения.

²² Территория в Южном Китае.

²³ Территория в Южном Китае.

²⁴ Ср.: *Гань Бао*. Соу шэнь цзи. V 100 (см. примеч. 1 на с. 9).

²⁵ Местность в Южном Китае.

²⁶ Название южнокитайского уезда.

²⁷ То есть на меч нанесены астральные символы в виде контуров созвездий (небесные узоры или письмена *тянь вэнь* — созвездия).

Подобного рода символика характерна для даосского экзорцизма, и прежде всего для амулетов. Меч (как и зеркало) всегда был одной из важнейших принадлежностей даосов-экзорцистов.

ГЛАВА 10

Прояснение основы

Некто спросил: «Что первичнее, а что вторичнее — конфуцианство или даосизм?»

Баопу-цзы сказал в ответ: «Даосизм — это корень конфуцианства, а конфуцианство — это верхушка даосизма. В школе натурфилософов, постигших искусство сил *инь* и *ян*¹, так много разных запретов и ограничений, что это пугает людей. Конфуцианство хотя и обширно по своему содержанию, но включает в себя мало жизненно необходимого; оно требует много трудов, но приносит мало пользы. Моисты скупы, и их учению трудно следовать; нельзя принять это учение целиком, не отклоняясь от него. Легисты суровы, и у них мало милосердия; они губят и разрушают гуманность и справедливость. Только учение даосской школы учит людей сосредоточивать свой дух и двигаться навстречу тому, что не имеет оформленной телесности. Оно объемлет все хорошее, что есть в конфуцианстве и моизме, объединяет то важное, что содержится в учениях школы имен и легизме, изменяется вместе со временем, трансформируется, сообразуясь с сущим. Оно указывает на основное, и его легко понять, оно предписывает совершать не много дел, но приносит много пользы. Оно призывает служить первозданной простоте всеобъемлющего Великого Предела² и сохранять в непорочности источник правильного и истинного. Вот Бань Гу упрекает великого историографа Сыма Цяня в том, что он ставит на первое место учение Хуан-ди и Лао-цзы и только на второе — шесть канонов³, говоря, что Сыма Цянь пребывал в заблуждении. Но ведь Сыма Цянь был мужем многознающим, познания которого обнимали все тонкое и сокровенное; он отделял зерна от плевел как в фактах, так и в вещах и

поистине определил все правильное и ложное в деяниях людей древности. В своих критических суждениях он исходит из самоестественности, а его оценки точно выверены в соответствии с критериями высшего принципа. Он никогда не позволяет себе ни пустого приукрашивания, ни сокрытия плохого, а также он не мечет громы и молнии по поводу того, что не нравится ограниченным обывателям. Лю Сян назвал его человеком, проникшим в суть ушедших эпох, заявляя, что его сочинение полностью соответствует подлинным фактам, тогда как на рассуждения Бань Гу никак нельзя полагаться. Бань Гу вполне искренне был чистым конфуцианцем, не постигшим смысла Дао-Пути. Он полностью свылся с тем, чему все учатся и что все повторяют, а при таком подходе очень трудно рубить точно по центру⁴.

Разве то, что называют Дао-Путем, относится только к делам пестования жизни? „Канон Перемен“ гласит: „Вот устанавливается Небесное Дао-Путь, и его называют *инь* и *ян*. Вот устанавливается Земное Дао-Путь, и его называют мягкостью и твердостью. Вот устанавливается Человеческое Дао-Путь, и его называют гуманностью и справедливостью“⁵. И еще в „Каноне Перемен“ говорится, что Дао-Путь совершенномуудрого включает в себя четыре аспекта. Если же человек не соответствует этим нормам, то и Дао-Путь не будет попусту действовать через него⁶. К тому же когда государство упорядочено и наступает эпоха расцвета и равновесия, то о таком государстве говорят, что в нем есть Дао-Путь. А если государство в опасности и его государь способствует смуте, то про такое государство говорят, что в нем нет Дао-Пути. Тех, кто сидит и рассуждает о Дао-Пути, называют тремя герцогами⁷, а когда в государстве есть Дао-Путь, то бедные и убогие стыдятся своего положения.

Ведь все рассуждения о Дао-Пути начинаются с двух рядов-форм проявления и заканчиваются всем множеством сущего, ибо нет ничего, что не исходило бы из Дао-Пути. Однако Хуан-ди и Лао-цзы держались за его корень, а конфуцианцы и моисты лишь приводят в порядок его верхушку.

Можно сказать, что наша эпоха признает лишь следующие критерии обладания человеком Дао-Путем: он должен быть широко образованным и постигшим все дела древности и современности; человек, который может, смотря вверх, созерцать, а смотря вниз, анализировать, постигая все перемены и проникая во все тонкости; который способен постигнуть в закономерности чередования расцвета и упадка, понимать сущность порядка и смуты; в его сердце не может быть никаких сомнений, а на вопросы он не может дать неправильные ответы. И если обладающий Дао-Путем таков, то, спрашивается, как же он может совершенствоваться в методах продления жизни, следуя примеру Чи Сун-цзы и Ван Цзы-цяо?

А те люди, которые живут, смотря на мир через полость бамбуковой трубки, и на основе увиденного формируют свои взгляды или же, не видя, подобно слепцам, вообще ничего, начинают произносить глубокомысленные речи, услышав, что некоторые мужи живут среди гор и лесов и творят дела, завещанные Бо-яном, и начинают клеветать на них и говорить, смеясь: „О, сколь жалок их путь! На него не стоит даже обращать внимания!“ Увы! Они подобны тем, кто обращает внимание на свет светильника, горящего в комнате, но не видит сияния небесных светил, или тем, кто, словно рачки и креветки, резвится в луже во вмятине от ступни, но не ведает о бездонных пучинах необъятных просторов четырех морей, или тем, кто восхищается глубиной рек Янцзы и Хуанхэ, но ничего не знает о горе Кунь-лунь, где находятся их истоки, или тем, кто ценит богатый урожай клейкого проса, но ничего не желает знать о плодородии земли, взрастившей его. Таковы и люди нашего времени, безмерно чтущие одни лишь искусства конфуцианцев и ничего не знающие о даосизме, из которого конфуцианство вышло и который сформировал его.

Ведь это именно Дао-Путь лепит и выплавляет все множество видов сущего, именно оно выделяет в своем горниле два ряда-формы проявления, именно оно объемлет подобные зародышу мириады родов вещей и существ, ведь именно оно варит хмельной напиток принципов и норм Вселенной.

В мире людей ограниченных и недалеких много, а глубокомысленных и незаурядных мало. Малое число не может пересилить большое, и так было всегда. Поэтому и Сыма Цянь, хоть и был велик, но не удостоился восхвалений, а Бано Гу, хоть и был мелок, но не стал объектом порицания. Но если применительно к вещам действует принцип, согласно которому, чем вещь более редкая, тем она дороже стоит, а чем она распространеннее, тем она дешевле, то почему же этот принцип не применяется к делам людей? Поэтому марь-лебеда и горох растут повсюду, а волшебные грибы бессмертия не открываются миру: ежевика и жужуба есть в диком состоянии где угодно, но трудно найти дерево, цветущее только изредка; песка и гальки на свете сколько угодно, а жемчуга и нефрита чрезвычайно мало; гуси-лебеди летают стаями, а фениксы только изредка появляются поодиночке; гадюки и ящерицы ползают по земле во множестве, а рогатых драконов почти никто не видел. Группы (бань) людей образуют множество клик, а посему совершенно понятно (гу), почему Бань Гу пришелся всем ко двору! Ведь следующие Дао-Пути внутри приводят в порядок свое тело, а снаружи заботятся о государстве, и тогда все семь небесных тел⁸ следуют правильным курсом, два вида пневм пребывают в гармонии и согласии, четыре сезона чередуются должным образом, меняя холод на тепло, ветры и дожди не превращаются в губительные для людей стихийные бедствия и пламя нефритового светильника⁹ ровно горит, устремляясь вверх. Сладкое вино животворного дождя является знаком проявления Благой Силы-Дэ, а ураганы и радуги усыпили свою природу неблагоприятных знамений, облачные смерчи не возникают, и зловеющая птица шан-ян не расправляет свои крылья. С небесной выси льется ясное сияние, и все хлеба и злаки обильно колосятся, моря и поветрия не распространяются, беды и смуты не случаются, рвы и валы не сооружаются, а копья и клевцы не применяются. Когда нет обсуждений, но делается то, что нужно, когда нет соглашений, но торжествует верность, когда нет связей, но отношения прочны, когда нет хитроумных замыслов, но достигается успех, когда нет стремления к на-

граде, но есть усердие, когда нет казней, но есть почтение и покорность, когда не ищут, но получают, когда не запрещают, но зла не делают, когда человек возвышается, но низестоящие не считают его бременем, когда человек становится впереди всех, но люди не считают это бедой, когда еще не прозвучал призыв, а нравы уже меняются¹⁰, когда приказ еще не отдан, а обычаи уже преобразуются, — когда все это так, тогда можно сказать, что это эпоха упорядочения на основе следования Дао-Пути. Когда Дао-Путь процветает в мире, тогда Три Августейших и Пять Владык¹¹ величественно носят свои длинные одеяния и складывают свои руки, а их подданные наслаждаются изобилием. Когда же происходит упадок присутствия Дао-Пути, тогда немедленно появляются недостойные люди, наступает эпоха горя и бедствий и недостаток вступает в свои права. Ведь только если есть избыток, господствует недеяние и все само собой изменяется к лучшему; ведь только если есть недостаток, наказания становятся все более жестокими, но порок только преумножается. Простой народ в ужасе трепещет внизу, а божественная одухотворенность императора в ярости гневается наверху. Стихийные бедствия тогда обрушиваются на мир: то бурные волны выходят из берегов и разливаются повсюду, то пламенеющее солнце докрасна раскаляет землю, то горы и долины меняются местами, то зимой гремит гром, а летом идет снег. Кровь льется рекой по полям сражений, а непогребенные трупы заваливают столицу; люди, попавшие в яму страданий, обдумывают мириады планов, а потом разрубают собственные кости или продают своих же детей. Крепостные стены становятся все выше, а атаки все искуснее; рвы роются все глубже, а лестницы делаются все изощреннее. Законы и указы мудры, но воров и разбойников все больше; договоры и союзы многочисленны, но число предателей и смутьянов все увеличивается. Это бывает и в природе. Когда бушуют бури и штормы, то рыбы и черепахи вместе скрываются в глубоких омутах, или когда птиц ловят сетью с мелкими ячейками, то они собираются в стаи и улетают на болота, или когда вокруг много волков и шакалов, то мирные животные сбиваются в стаи и скры-

ваются в лесах, или когда повар готовит пищу на сильном огне, то ее маленькие кусочки быстро превращаются в кашу.

В такие времена государи и подданные меняются местами, отцы и дети угрожают друг другу оружием. В результате преданными и справедливыми начинают считаться те, кто губит свое государство, а славу сыновнепочтительных чад стяжают те, кто разрушает свою семью. Когда повсюду моры и эпидемии, тогда шаманы-целители и врачи повышаются в цене, когда Дао-Путь и его Благая Сила-Дэ забыты и заброшены, тогда конфуцианство и моизм приобретают всеобщее уважение. Если так посмотреть на этот вопрос, то легко увидеть, что первичнее, а что вторичнее, конфуцианство или даосизм».

Некто спросил: «Некогда такие совершенные люди, как Чисун-цзы, Ван Цяо, Цинь Гао¹², господин Лао, Пэн-цзу, У Чэн-цзы и Юйхуа-цзы¹³, служили миру и вовсе не собирались скрыться в заоблачной дали. Но уже со следующей эпохи все мужи Дао-Пути неизменно стремились порвать с мирской жизнью и скрыться в уединении как отшельники. Почему это так?»

Баопу-цзы сказал в ответ: «Эпоха древности была проста, безыскусна, изощренность и фальшь тогда не дали еще даже ростков. Поэтому те, кто верил в Дао-Путь, усердно изучали его, а не верившие в него помалкивали, вот и все. Клеветнические речи не произносились их устами, а вредоносные помыслы не томили их грудь. Таким образом, совершенные люди тогда могли тихо и спокойно жить среди людей, и у них не было оснований уходить и скрываться в удаленном уединении, вот и все. Чем более ничтожными становились нравы обывателей последующих времен, тем глубже делалась распространяемая ими фальшь. Сокровенное и пресное постепенно изменялось и приходило в упадок, а клики и группировки нечестивых обывателей преумножались, и тогда не верящие в Дао-Путь люди возлюбили наветы и клевету и стали называть истинное и праведное нечистым и ложным. Они даже заявляли, что и учение святых-бессмертных — пустые побасенки, которые морочат голову народу или взбунтовывают народ. То-

гда уже мужи наивысших способностей стали просто стыдиться жить среди таких людей.

Выдающиеся мужи прежних времен были таковы, что они пресекали даже нарождавшиеся признаки зла и защищались даже от малейших примет злонравия. Как только они видели внешние проявления дурного, они сразу же уходили прочь, ночью — не дожидаясь рассвета, днем — не дожидаясь заката; так поступали они, завидев слабейшие намеки на зло. Как только в Чжао был причинен вред Мин Ду, Чжун-ни тотчас же велел готовить колесницы к отъезду¹⁴. Еще не было поднесено сладкое вино, а учитель Му уже шагнул прочь под звездным небом¹⁵. Сказав: «Их много, а я один», — Хуа Юань отослал своих людей¹⁶. А тем более насколько труднее захотеть жить среди таких людей мудрому и просвещенному мужу, занимающемуся делами странными и удивительными? Ведь если река обмелеет, а водоем засохнет, то и драконы не смогут в них плавать. Если гнезда разорены, а яйца украдены, то и благовещие фениксы не станут собираться в стаи. Если в доме говорят злое, то и чудесные чайки не спустятся вниз. Если скосить траву весной, то осенью не вырастут грибы¹⁷.

Как же в таком случае не вознестись на облаках и ветрах в небесные выси и не скрыться в местах сокровенного безмолвия мужам, обладающим Дао-Путем, когда мирские обыватели возводят хулу на праведное и позорят превосходное? В горах и лесах нет Дао-Пути, но только обладающие Дао-Путем могут войти в них. И делают это они не потому, что там есть Дао-Путь, а в миру его нет, а исключительно потому, что хотят удалиться от мерзости и зловония мира обывателей и сохранить свою чистоту и непорочность. Ведь когда человек входит в девять покоев¹⁸ для занятий медитацией и созерцанием, визуализации истинного Одного, предназначенной для созывания божеств, то его никак не порадует пустая болтовня и шум и он не захочет смешаться с пылью и грязью мира. Муж, изготавливающий великое снадобье золотого раствора и перегнанной киновари и готовящий посредством плавки летучую эссенцию восьми минералов, также постарается избавиться от глупой болтовни невежд.

Если профаны и обыватели будут смотреть на такие дела, то сиятельная одухотворенность не снизойдет с высот и великое снадобье, которое даос готовит, не получится. И это не малый запрет. Те мужи, которые оставались среди людей, зачастую страдали от чиновников, наслушавшихся клеветнического вздора ничтожных людишек, и претерпевали гонения и наказания, или же родные и друзья мешали им, докучая поздравлениями и соболезнованиями. Ничего подобного не бывает у живущего в уединении отшельника, отвергнувшего суету и полностью избавившегося от этих смердящих крыс. Так разве нет у них основания для того, чтобы бежать от мира в глушь и даль и скрываться в пещерах недоступных гор?»

Некто сказал: «Мужи высших способностей обретают Дао-Путь, даже находясь в рядах трех армий. Мужи средних способностей обретают Дао-Путь, даже живя в больших городах. Мужи низших способностей обретают Дао-Путь только среди гор и лесов. У всех представителей этих трех категорий людей снадобье бессмертия получилось. При этом никто из них не пожелал вознестись на небо. Ведь те, кто находился в трех армиях, достигли неуязвимости, и ни один клинок не мог нанести им раны. А те, которые жили в большом городе, достигли такого состояния, при котором они оказались защищены от всех человеческих горестей. И только низшие по способностям мужи не достигли ничего, поэтому они так и остались в горах и лесах. Я говорю об этом не к тому, что все мужи высших способностей, начинающие учиться великому Дао-Пути, должны обязательно служить в трех армиях или жить в больших городах и что только там они смогут обрести Дао-Путь. Просто следовать учению Хуан-ди и Лао-цзы можно и в наши дни, никуда при этом не уходя».

Некто спросил: «Если даосизм — это источник и корень, а конфуцианство — это верхушка и речной поток, то, применительно к нашей судьбе, какие еще малые различия и в каких делах существуют между ними ныне?»

Баопу-цзы сказал: «Вот чему учит конфуцианство: постижению посредством созерцания небесных знаков наверху и свойств очертаний земли внизу¹⁹, трем тысячам пра-

вил круговращения, искусствам наступления, сохранения, продвижения и отступления, доктрине, согласно которой надо пренебрегать собой и ценить долг-справедливость, делам радости и скорби, музыке и ритуалу, а также заботе об управлении людьми и благе простолюдинов²⁰.

А вот в чем заключаются дела даосов: в отбрасывании мудрствований о внешних вещах, в омовении и очищении сердца от всякого коварства, в забвении о богатстве и извращении от знатности, в предотвращении принуждения и поощрении самоограничения, в том, чтобы не огорчаться, когда все потерял, и не радоваться, когда что-то получил, и в том, чтобы не горевать о хуле и не восхищаться хвале. Конфуцианцы совершают жертвоприношения и молятся о счастье, а даосы шествуют по пути истины, попирая зловерие²¹. То, что ценят конфуцианцы, это власть и польза, а то, что почитают даосы, это отсутствие желаний. Конфуцианцы исчерпывают свои таланты ради славы и пользы, даосы объемлют Одно ради одиночества и блага. Конфуцианцы наставляют в правилах, рассчитанных на непрестанную зубрежку и соперничество, даосы повторяют учение о заповедях, направленных на забвение чувств.

Если говорить о даосах, то их дело — благое самосовершенствование для достижения цели, их пребывание — жизнь в сообществе людей, отказавшихся от вражды, их принципы упорядочения — успешно пресекать беды, когда они еще не проявились, их поведение — заботиться о благе существ и не считать это за добродетель, их образ жизни — искусно применять все силы сердца, благостно созерцая народ, их упокоение — жить в благе истины и не замыкаться в себе. Эти принципы царят и начальствуют над учениями всего множества философских школ и являются праотцем и прародителем доктрины гуманности и справедливости. Вот что следует сказать о принципе, отличающем даосизм от конфуцианства, если говорить кратко: одно — голова, а другое — хвост, одно возносится ввысь, другое тонет в грязи. И тут не может быть никаких перемен».

Некто сказал: «Конфуцианцы — последователи Чжоугуна и Конфуция. Их письменные тексты — шесть канонов, а эти книги есть то, откуда происходят деяния по

упорядочению мира и установлению правды. Они суть мерило установления личности и ее поступков, их действие распространяется вдаль и вширь, а дела, основанные на их учении, — драгоценны. Деяния, вдохновляемые ими, велики, а слова их прекрасны. И если руководствоваться ими, то и государство, и семья непременно окажутся под надежным контролем и управлением.

А даосы не следуют учению о ритуале, не смотрят на великие принципы морали; как лисы и барсуки, они живут среди трав и вод, как макаки и прочие обезьяны, они живут в лесной чащобе и на горных склонах. Они ведут себя словно начальники и хозяева, но их соседи — просто деревья и камни. И они, и их друзья-обезьяны равным образом „ходят на восток“²², сбиваясь с пути, а также забыв сладкий вкус мальвы»²³.

Баопу-цзы сказал: «Ваши слова цветисты и фразы вычурны, вы не цените простых и прямых слов. Вы словно бы атаковали мое невежество, чтобы избавить меня от заблуждений. Я уже объелся вашими рассуждениями и никогда больше не захочу, поверьте, вновь сравнивать с вами принципы сущего и оценивать, какие из них хороши, а какие нет; это все равно что попусту шевелить губами.

Ведь безучастно созерцать, как ребенок падает в колодезь²⁴, — отнюдь не идеал для человека, наделенного гуманностью. И можно ли назвать приверженцем идеала всеобщей любви²⁵ того, кто безразлично наблюдает, как слепец наталкивается на столб? Но если говорить об общем смысле ваших слов, то я грубо и попросту отвечу на ваши речи.

Хуан-ди и Лао-цзы — это такие люди, которые через воплощение Дао-Пути в себе выверяли сущее и посредством почитания Благой Силы-Дэ продлевали свою жизнь. Хуан-ди смог упорядочить дела всего мира и установить Великое Равновесие-Благоденствие, а потом взошел на небеса как бессмертный. Поэтому никак нельзя сказать, что он уступал Яо и Шуню²⁶. Лао-цзы объял учение о ритуале и к тому же обрел вечное видение. Поэтому ни в коем случае нельзя сказать, что он меньше Чжоу-гуна и Конфуция. Поэтому и сам Чжун-ни тайком вздыхал, сравнивая себя с Лао-цзы. Но никто не слышал от него никаких кле-

ветнических и хулительных слов по поводу последнего. И лишь посредственности поздних времен, не понимая подлинного смысла учения Конфуция, стали придерживаться в своем совершенствовании только учений конфуцианцев и моистов, клевета при этом на даосизм. Но не все ли это равно что хвалить детей и внуков и поносить их предков? Такое положение дел свидетельствует о полном непонимании того, откуда произошли эти учения.

Рукам карликов-конфуцианцев не опрокинуть горы Суншань и Хуашань, а ногам недомерков не суждено измерить глубину лазурных морей. Каждый раз, когда я вижу заурядных обывателей-конфуцианцев, твердящих день-деньской одно и то же, не понимая при этом никаких высших принципов, я говорю об их ограниченности и беспросветной глупости. А они только и делают, что злобно говорят о даосизме, поносят его и предъявляют ему всевозможные обвинения. Слушать всю ту грязь, которая исходит из их уст, все равно что видеть, как мчащаяся вскачь лошадь угодает ногой в расщелину. Когда же им надо переправляться через пучины духа, они немедленно тонут в них, губя себя. Это все равно что перепелу на его куцых крылышках попытаться перелететь через царственную ширь реки Янцзы или зеленой мухе изю всех сил постараться перелететь через горный пик, где живут обезьяны. Они ничего не добьются, а только попадут в беду. Так не лучше ли им поскорее спрятаться в их укрытиях и щелях? Ведь не может быть слуха, более чуткого, чем у господина Куана, и зрения, более острого, чем у господина Ли²⁷. А эти ничтожные люди пытаются встать на цыпочки и дотянуться до трех светил и, похлопав себя по животу, превзойти грохот небесного грома. Но не смешно ли это?

Когда человек осознает огромность и необъятность вращающегося свода небес, он понимает, сколь ничтожны размеры долин и колодцев. Когда человек созерцает великое сияние прекрасного неба, то понимает, сколь тускла желтизна окраски птички крапивника. Я отнюдь не являюсь человеком, наделенным врожденным знанием этого, и даже нельзя сказать, что я поверил в это, будучи совсем юным. Вначале я был таким же незрелым и невежественным, как вы. Но когда я стал наблюдать великую тайну

многомощных методов совершенствования, то пожалел, что не слишком рано освободился от этих трудностей. Ведь в делах изучения пяти канонов разъяснения и комментарии оказывают большую помощь, орошая их, подобно чистой росе. Но для начинающих учиться все равно многое остается непонятным. А тем более это справедливо относительно золотых табличек и нефритовых листов, на которых написаны каноны учения о бессмертных. Кроме того, многие наиважнейшие наставления в них вообще не записаны. Воздвигается алтарь, губы смачиваются кровью жертвенных животных, и тогда только, когда клятва хранить молчание таким образом скреплена, тайные наставления передаются из уст в уста. Если окажется, что человек не подходит для передачи ему этих таинств, то пусть даже он поднесет огромные участки земли или целые ряды городов, наполнит залы золотом и нефритом, все равно он ничего не получит. Ведь эти наставления указывают на глубину и уводят вдаль, а поэтому даже если и записать их, то все равно человек, не получивший их от своего учителя, ничего в них не поймет: он будет смотреть вверх — и не увидит головы, опустит глаза — и не увидит ступней. А откуда же вы, государь мой, так подробно все знаете?

Люди обретают бессмертие и возносятся на Небеса Великой Чистоты или парят в Пурпурных Небесах²⁸, они отправляются на Сокровенный континент или поднимаются на Баньтун²⁹. Они слушают божественную небесную музыку, вкушают яства из девяти видов волшебных грибов, или они соединяют свои длани с дланями бессмертных Чисунцзы и Сяньмэн Гао там, где свет течет вверх, или они пируют с бессмертными Пин Чан-шэном и Лингян Цзы-минем в нефритовых чертогах³⁰. Что же в них общего с лисами и барсуками и с чего бы им дружить с макаками и прочими обезьянами? Вот про такое и говорят: „Не знает, а делает“.

Дао-Путь ведет своего адепта, бродящего в беззаботном скитании, по радуге-арке, дарует ему возможность реять в Киноварных Небесах, охватывать все безграничные шесть пустот вселенского пространства и делать все, что он только пожелает. Он всегда держится как вельможа и хозяин, и не знает он никаких невзгод.

Для жертвоприношения приготовили жирных свиней. Их разукрасили и приубрали. Но даже если они, как говорят, и правда радуются этому, то разве может сравниться их радость с блаженством единорога, скрывающегося от толпы и живущего в одиночестве, наслаждающегося немеркнущим сиянием благодатной доли и всем множеством проявлений счастья?!»

Примечания

¹ Школа натурфилософов (*инь-ян цзя*; *у син цзя*) — одна из философских школ классического периода (эпоха Чжань-го). Создана в восточном приморском царстве Ци философом Цзоу Янем (ок. 305–240 гг. до н.э.). Занималась преимущественно космологической проблематикой; разрабатывала такие категории, как силы *инь-ян*, пять первоэлементов (*у син*), пневма (*ци*). В эпоху Хань школа прекратила свое существование, но ее идеи и подходы были усвоены как конфуцианством, так и даосизмом.

² Великий Предел (*тай цзи*) — одно из базовых понятий традиционной китайской космологии; восходит к одному из приложений к «Канону Перемен» — «Сицзы чжуань». Обычно обозначал одну из первых стадий процесса косморождения, когда изначальная пневма (*юань ци*) впервые поляризуется на *инь* и *ян*, приобретая отрицательную и положительную заряженность. Знаменитый космологический символ *инь-ян монада* как раз и обозначает Великий Предел.

³ Шесть канонов — тексты конфуцианского Пятиканония («Канон Перемен», «Канон поэзии», «Канон истории», «Записи о ритуале» и «Весны и осени») и утерянный еще в древности (во время гонений на конфуцианцев, устроенных Цинь Шихуанди) «Канон музыки».

⁴ То есть попадать точно в цель.

⁵ Цитата из философско-космологического приложения к «Канону Перемен» («Сицзы чжуань»).

⁶ Цитата из того же текста. Совершенный мудрец в своей жизни должен тщательно выверять достоинство своих слов, последствия своих поступков, облик своих орудий (или ритуальной утвари) и правильность совершения гадательных процедур.

⁷ Намек на главу «Чжоуские чиновники» («Чжоу гуань») из «Канона истории» («Шу цзин»; «Шан шу»). Это место разъясняется в разделе «Записки об изысканиях в области работ» («Као гун цзи») «Чжоуских ритуалов» («Чжоу ли»): «Тех, кто сидит и рассуждает о Дао-Пути, называют царями (*ван*) и герцогами (*гун*)».

⁸ Семь небесных тел — пять планет, Солнце и Луна.

⁹ Пневмы (*ци*) четырех сезонов называются «нефритовым светильником» (*юй чжу*).

¹⁰ Нравы (*фэн*) — букв.: «ветры».

¹¹ Три Августейших и Пять Владык — см. коммент. 4 к гл. 2.

¹² Даосские бессмертные, неоднократно упоминавшиеся выше.

¹³ Приведем цитату из даосской канонической «Книги отверзания Небес Высочайшего Государя Лао» («Тай шан Лао-цзюнь кай тьян цзин»), сохранившейся в даосской антологии XI в. «Семь грамот из облачного книгохранилища» («Юнь цзи ци цян», цз. 2; составил Чжан Цзюнь-фан; сам текст относится, видимо, к эпохе Лючао III—VI вв.): «Во времена императора Фу-си Государь Лао снизошел на землю как Учитель и принял имя У Хуа-цзы, но некоторые называли его Юйхуа-цзы. Во времена императора Яо Государь Лао снова снизошел на землю и стал Учителем, и его стали звать У Чэн-цзы».

¹⁴ Имеется в виду эпизод из биографии Конфуция в «Исторических записках» Сыма Цяня. Узнав о смерти Мин Ду, уважаемого им человека, Конфуций грустно смотрел на прекрасные струящиеся воды реки и сетовал, что ничем не мог помочь умершему, ибо такова была его судьба.

¹⁵ В «Жизнеописании чужого Юань-вана» из «Истории Хань» рассказывается, что Юань-ван, принимая знаменитых старцев, всегда хорошо угощал их, но один из них, господин Му (Му-шэн), не любил пить вина. Поэтому царь всегда особенно потчевал его, выставляя лучшее вино. Когда на престол вступил преемник Юань-вана, господина Му перестали потчевать вином. Тогда, огорченный ленью царя относительно служения старшим, господин Му ушел из дворца и через несколько дней умер.

¹⁶ Сюжет из исторической хроники «Цзо чжуань» (2-й год Сюань-гуна), повествующий о том, как княжество Сун потерпело поражение от Чжэн, сунский вельможа Хуа Юань попал в плен, но потом успешно бежал из него (607 или 605 г. до н. э.). Тогда он и произнес цитируемую фразу.

¹⁷ Здесь рассуждения Гэ Хуна отчетливо эксплицируют китайскую доктрину всеобщей симпатии сродства видов (*тун лэй*) по принципу «подобное к подобному», заменявшую в значительной степени представление о причинно-следственных отношениях.

¹⁸ Девять покоев (*цзю ши*) — традиционное обозначение тихой комнаты (*цзин ши*), предназначенной для занятий даосским созерцанием. Название, видимо, связано с верой в девять дворцов бессмертных на Полярной звезде.

¹⁹ Имеется в виду процедура, проделанная императором Фу-си для разгадки загадочных схем Хэту и Лошу и восьми триграмм (см. также коммент. 16 к гл. 7).

²⁰ Здесь для передачи идеи «заботы о благе» используется иероглиф «цзи», который позднее стал стандартным термином китайской теории управления, а в современном языке входит в состав слова «экономика» (*цзин цзи*).

21 Зловерие (*се*) — имеются в виду различные народные культы архаического характера, в том числе и непристойные культы (*инь сы*).

22 Намек на высказывание из «Ханьфэй-цзы», гласящее: «И безумец, и мудрец могут идти на восток. То, как они идут, одинаково, а то, зачем они идут, разное».

23 То есть забывая свои непосредственные обязанности.

24 Пример из «Мэн-цзы», иллюстрирующий врожденную доброту человеческой природы: вид младенца, падающего в колодезь, немедленно вызывает чувство сострадания, что свидетельствует о потенциальном присутствии гуманности (*жэнь*) в человеческой природе.

25 Всеобщая любовь или всеобщая забота (*цзянь ай*) — этический идеал моистов, школы философа Мо-цзы (V в. до н.э.).

26 Яо и Шунь — идеальные для конфуцианцев государи мифической древности.

27 Имеются в виду Ши Куан и Ли Чжу, знаменитые в древности один своим зрением, другой — своим слухом.

28 Небеса Великой Чистоты (*тай цин*) — один из небесных уровней, населенный бессмертными; цель устремлений традиции Гэ Хуна.

Пурпурные Небеса (*цзы сяо*) — один из небесных миров.

29 Сокровенный (Темный) континент (*сюань чжоу*) — континент в Северном океане. На нем находится город Мрака (*сюань ду*), иногда ассоциирующийся с обителью теней умерших. На этом континенте растут золотые грибы бессмертия (*чжи*) и волшебные нефритовые травы (см. трактат «Записки о десяти континентах в пределах морей», «Хай нэй ши чжоу цзи», который приписывается даосскому бессмертному мудрецу-юродивому Дунфан Шо, жившему при дворе ханьского У-ди, II в. до н.э.).

Баньтун — название одной из гор бессмертных, примыкающих к западной мировой горе Куньлунь. Другие две горы — Ланфэн и Сюаньпу.

30 Здесь перечисляются различные даосские бессмертные, имена которых взяты из «Жизнеописаний бессмертных» («Ле сянь чжуань»).

ГЛАВА 11

Снадобье бессмертных

Баопу-цзы сказал: «Четыре канона Шэнь-нуна⁴¹ гласят: „Высшее снадобье оказывает такое воздействие, что тело человека обретает долгую и здоровую жизнь. Человек, принимающий его, может вознестись в мир горний как небесное божество. Он может парить и странст-

водить в пространстве, то поднимаясь, то опускаясь; он может заставить служить себе все множество одухотворенных существ. Тело его покроется шерстью и перьями, и двигающаяся кухня² всегда будет к его услугам“. И еще в них говорится: „Если регулярно принимать пять грибов-чжи, облатки из киноварного порошка, пластинки из нефрита, вещество цэнцин, мужскую желтизну-реальгар, женскую желтизну-аурипигмент, облачную мать-слюда и зерна, оставшиеся от Великого Первоначала³, делая пилюли из этих веществ, то можно приобрести способность летать, а также продлить годы своей жизни“. И еще там сказано: „Снадобье среднего уровня пестует природную сущность, снадобье низшего уровня уничтожает болезни. Употребляя их, можно не бояться, что ядовитые твари ужалят тебя или хищные звери нападут на тебя. Пневмы зла не овеют тебя, и всякая нечисть убоятся тебя“. Книга, помогающая соединиться с божествами в соответствии с „Канон сыновней почтительности“⁴, гласит: „Перец и имбирная настойка регулируют влагу тела, пахучий аир и тростник улучшают слух, сезам продлевает годы жизни, древесный гриб «мощь и радость»⁵ предотвращает применение оружия“.

Высшие речи всех совершенных мудрецов есть записи о подлинных делах⁶ магических искусств. Они изложены в абсолютно ясных по своему смыслу словах, но мирские люди совершенно не верят в них, о чем можно только пожалеть. Самое высшее из всех снадобий бессмертных — киноварный порошок, затем следует желтое золото, затем следует белое серебро, затем следуют все лекарственные грибы-чжи, затем следуют пять видов нефрита, затем следует облачная мать-слюда, затем следует ясный жемчуг, затем следует мужская желтизна-реальгар, затем следуют зерна, оставшиеся от Великого Первоначала, затем следует „желтое дитя из камня“⁷, затем следует „каменная корица-кварц“, затем следуют „каменные соцветия-кристаллы“, затем следует „каменный мозг“⁸, затем следует „каменная текучая желтизна-сера“, затем следует дикий мед⁹, затем следует вещество цэнцин, затем следуют смола сосны и кипариса и, наравне с ней, гриб пахима¹⁰, желтый щавель, растение маймэньдун¹¹, древесный сезам, чжун-лоу¹²,

„желтая нить“, мужской папоротник, бумажное дерево¹³ и сянь чай. Последнее растение называется также чунь лу. Его называют еще посохом бессмертных или посохом богини Сиван-му, Царицы Запада, или небесной эссенцией, или пресекателем старости, или земляной костью, или травяной ивой¹⁴. Растение зима небесных врат¹⁵ называется также зимой земных врат, или вратами зимы с циновками, или перевернутым терновником, или пищей похотливого барана, или трубчатой сосной. Оно растет на возвышенностях, корни у него короткие, а вкус сладкий. Оно также источает приятный аромат. Если же оно растет близ воды или на низменностях, то листья у него тонкие и напоминают листья растения юнь; они к тому же слегка желтоваты. В таком случае корень у него длинный, а вкус его весьма горек. Его дурно пахнущая разновидность ценится меньше, но ее также можно использовать для употребления внутрь. Это растение повышает настроение и энергию человека, но оказывает свое воздействие довольно медленно. Если принимать его сто дней, то начнешь ходить в два раза быстрее, чем обычно, и в этом отношении оно превосходит стоголовник и растение хуанцзин. Перед походом в горы его можно отварить на пару, и если сварено и съедено достаточно, то оно вполне может заменить обычную пищу из зерновых. Если человек силен, то он может делать облатки из этого растения; его можно также растирать в порошок, а из выжатого сока готовить вино. Но лучше все-таки принимать порошок. Жители чу называют растение зима небесных врат растением ста частей. Но на самом деле существует особое растение, которое называется травой из ста частей¹⁶. Это растение названо так потому, что его корень имеет сотню разновидностей. Хотя растения этого вида все, как одно, но их ростки слегка отличаются друг от друга. Ростки травы из ста частей напоминают траву бацзи¹⁷, но последняя годится только на то, чтобы лечить кашель и изводить вшей, ее нельзя принимать внутрь. Поэтому эти травы нельзя путать. Что касается растения хуанцзин, желтой эссенции¹⁸, то его также называют байцзи, и это никак не растение бацзи, из которого делают клей. Если мы посмотрим на лекарства из

трав и корней разных растений, то увидим, что очень многие из них называются одинаково, и только чрезвычайно эрудированный и знающий человек может различить их. Здесь никоим образом нельзя быть небрежным. Растение хуанцзин называют еще заячьим бамбуком, или всеисцеляющим снадобьем, или жемчужной подвеской. Полезнее употреблять в пищу его цветы, а не плоды, но лучше есть плоды, чем корни. И все-таки употребление цветков наиболее эффективно. Надо собрать десять ху¹⁹ цветов растения хуанцзин. После просушивания останется только пять или шесть доу²⁰. Каждый день надо принимать по три гэ²¹ этих цветов. Таким образом, если не приложить больших усилий, то никакого толка из употребления этого растения не будет. К тому же принимать его надо постоянно в течение десяти лет, и только тогда, как правило, можно получить пользу от приема этих цветов. Что касается замены зернового питания, то здесь это растение уступает стоголовнику. Облатки из стоголовника делают человека упитанным и здоровым, принимающий их человек может долго ходить с тяжелой ношей за плечами по горам и долам. Однако стоголовник уступает по сладости вкуса и легкости усвоения растению хуанцзин. В голодные годы его можно давать старым и малым вместо зерна. Люди на вкус не отличают одно от другого и называют эти растения сушеным рисом.

Что касается чудесных грибов-чжи, то они таковы: каменные грибы, древесные грибы, травяные грибы, плотные грибы и грибы-споровики. Каждый из этих видов, в свою очередь, имеет множество разновидностей.

Что касается каменных грибов, то они растут в знаменитых горах близ морского побережья и напоминают по виду камни. В потоках, текущих на скалистых островах, встречаются каменные фигуры, напоминающие плоть. У них есть как бы голова, хвост и четыре конечности. Просто удивительно, насколько точно они напоминают живое существо. Они обычно прикрепляются к большим камням и предпочитают обрывистые скалы и горные кручи; поэтому до них почти невозможно добраться. Они могут быть красными, словно кораллы, или белыми, словно ломоть жи-

ра, или черными, словно озерный лак, или сине-зелеными, словно перья зимородка, или желтыми, словно червонное золото, но в любом случае все они блестят и светятся в темноте, мерцают, как крепкий лед. Поэтому даже безлунной ночью их хорошо видно даже с расстояния в триста шагов. Вот сколь яркое сияние они испускают. Самые большие из них весят более десяти цзиней, а самые маленькие — три-четыре цзиня. Если долго не поститься, укрепляя свою энергию, и не прикрепить к поясу пять одухотворенных и драгоценных амулетов Лао-цзы для вхождения в горы, то никак невозможно найти эти грибы. Если человек, ищущий чудесные грибы, перед тем, как идти в горы, одевает пресекающие зло и пропускающие в горы амулеты, то грибы не смогут укрыться от его взгляда или спрятаться, превратившись во что-нибудь другое. Следует терпеливо ждать наступления счастливого дня с царственным знаком, а когда он наступит — совершить жертвоприношение вином и сушеным мясом, отслужив положенное богослужение²². Только после этого можно собирать грибы, подходя к ним с солнечной стороны юевым шагом²³ и запирая пневму задержкой дыхания.

Если удалось набрать грибы-чжи, подобные камням, то их следует тщательно растолочь пестом, разминая тридцать шесть тысяч раз. Затем их следует раз в день принимать внутрь квадратной ложкой со стороной в цунь. Через три дня будет использован один цзинь грибов, что даст такому человеку тысячелетнее долголетие. Когда будут использованы десять цзиней, тогда жизнь продлится на десять тысяч лет. Грибы можно также поделить с другими людьми.

Грибы нефритового жира растут в тех горах, где есть нефрит. Они гроздьями висят в определенных местах. Некогда, более десяти тысяч лет тому назад, из нефрита текло его масло. Оно застыло и образовало грибы, некоторые из которых по своей форме похожи на птиц и зверей. Они не имеют постоянной окраски, хотя большинство из них похожи на лазурный нефрит, покоящийся в таинственных водах. Они чисты и светлы, как хрусталь. Когда они собраны, их следует растолочь и смешать с соком растения

без сердцевины²⁴, и они мгновенно растворятся в нем. Если выпить шэн этой жидкости, то продлишь жизнь на тысячу лет.

Гриб семи сияний и девяти светов — это такой камень. Он встречается вблизи воды в высоких горах между каменистыми скалами. Он похож на плоскую миску или блюдо и в диаметре не превышает одного чи. Эти грибы соединены между собой стеблями в три-четыре цуня длиной. Если на стебле семь отверстий, то гриб называется грибом семи сияний, а если на нем девять отверстий, то гриб называется грибом девяти светов. Эти отверстия светятся, словно звезды, и ночью их видно с расстояния более чем в сто шагов. При этом каждое отверстие светится своим светом, и их лучи никогда не смешиваются.

Как правило, их следует собирать во время осеннего равноденствия. Собранные грибы надо растолочь и принимать внутрь, используя квадратную ложку со стороны в цунь. Когда гриб оказывается во рту, то тело разогревается и человек чувствует жар. Гриб вызывает все пять вкусовых ощущений от горького до сладкого и чрезвычайно вкусен. Если съесть один цзинь этого гриба, то жизнь продлится на тысячу лет, причем тело принимающего его человека начнет светиться и в темноте, так что при любой тьме его фигура будет напоминать луну. Такой человек также приобретает способность видеть во мраке.

Грибы каменного меда растут в пещерных дворах гор Шаошишань²⁵. В этих дворах есть глубокая ложбина, которую даже нельзя пройти до конца. Если же в эту расщелину бросить камень, то он будет половину дня падать вниз, и только по истечении этого времени станет слышен звук падения. Если выйти из пещерных дворов и пройти на расстояние, немного превышающее десять чжанов, то подойдешь к каменному столбу. На вершине этого столба стоит камень приблизительно в один чжан высотой. И вот можно увидеть, что медовый гриб каплет своим соком, падающим в углубление камня на столбе. Чрезвычайно редко одна-единственная капля падает вниз с каменных дворов, подобно тому как после дождя капли падают на землю с крыши дома. Дождь уже давно кончился, а капли все

еще падают и падают. Медовый гриб не перестает истекать соком, но и углубление в камне на вершине столба никогда не переполняется. Над пещерными дворами есть надпись, выгравированная головастиковым письмом. Она гласит: „Тот, кто соберет и выпьет десять доу сока медового гриба, проживет десять тысяч лет“. Все даосы мечтают об этом месте, но хорошо понимают, что оно недоступно. Единственный способ добраться до этой жидкости — это привязать миску к концу бамбуковой палки и с ее помощью опустить миску в углубление камня. Однако пока это ни у кого не получилось. Но поскольку над пещерными покоем выгравирована надпись, приведенная выше, можно предположить, что среди людей прошлых поколений были такие, которым удалось сделать это.

Что касается каменного коричневого гриба, то он встречается в каменных пещерах в славных горах. По своему внешнему виду он напоминает коричневое дерево, но на самом деле это камень. Он бывает приблизительно в один чи высотой, и самые крупные из этих окаменелостей достигают также чи в диаметре. Они блестят и сияют; на вкус они горькие. У них есть ветви. Если растолочь эти окаменелости и принимать их внутрь, то после приема одного цзиня жизнь продлится на тысячу лет.

Что касается грибов „желтое дитя из камня“, то среди тех мест, где они встречаются, особенно надо выделить гористые местности близ воды; там их особенно много. Они часто растут в камнях, но в таком случае эти камни должны постоянно смачиваться водой и никогда не высыхать. Если разбить камень, в котором они растут, то можно набрать несколько десятков таких грибов. В больших камнях эти красно-желтые образования напоминают зародышей цыплят в яйце. После извлечения из камня их надо сразу же выпить, ибо если их сразу не выпить, то они загустеют, затвердеют и превратятся в камень. Тогда их уже нельзя будет принимать внутрь. Правильный способ заключается в том, чтобы пить их, пока они не загустели. Если же они загустели и стали твердыми, надо растолочь их и тогда принимать. Если разбит один камень, то там будет самое большее один шэн этих жидкостей, а самое

меньшее — десятая часть шэна. И все это надо выпить не-медленно. Если не удалось сразу найти много, следует продолжать принимать это снадобье. Всего, раньше или позже, надо выпить три шэна. Тогда жизнь продлится на тысячу лет. Если же хочется выпить больше, то это возможно, однако будет очень трудно найти там много.

Гриб „каменный мозг“ живет в скользких камнях²⁶. По своему виду он напоминает „желтого младенца из камня“, но отнюдь не везде его можно найти. Можно разбить тысячу скользких камней, но найти только один гриб. Когда такой камень оказывается разбитым, из него исходит яркое пятицветное сияние и само по себе распространяется вдаль. Если выпить один шэн этого снадобья, то жизнь продлится на тысячу лет.

Гриб каменной серы есть везде на пяти холмах, но чаще всего он растет на горе Цзишань²⁷. Местные предания говорят, что Сюй Ю там ел эти грибы и продлил свою жизнь. Вот почему он больше не интересовался богатством и знатностью и отклонил предложение Яо передать ему престол²⁸.

Киноварный гриб каменной серы — это красная эссенция камня и относится к тому же виду, что и желтая разновидность грибов каменной серы. Обе эти разновидности встречаются на влажных каменистых берегах рек. Если они влажные и мягкие, то из них можно делать пилюли и принимать их, а если они сухие и твердые, то их надо толочь в порошок и тогда принимать.

Всего существует сто двадцать разновидностей каменных грибов-чжи. Исчерпывающие сведения о них можно найти в таких текстах, как „Нефритовые планы Великого Первоначала“ и „Внутренние записи Чан Юя“²⁹. Я же не имею возможности здесь говорить об этом подробнее.

Что касается грибов древесного происхождения, то следует сказать, что смола сосен и кипарисов, падающая на землю, по прошествии тысячи лет превращается в пахиму. Пахима через десять тысяч лет превращается в следующее: на ней появляется маленькое растение, внешне напоминающее цветок лотоса. Оно называется древесным грибом-чжи могущества и радости. Если смотреть на него ночью,

то увидишь свет, если попробовать его на ощупь, то он окажется очень скользким. Если жечь его огнем, он не сгорит. Если носить его на поясе, то он защитит от оружия. Если его привязать к курице и поместить в корзину вместе с другими двенадцатью курами, а потом, отойдя на двенадцать шагов, выпустить в корзину двенадцать стрел, то окажется, что будут ранены все куры, кроме той, к которой был привязан гриб могущества и радости; ее никогда не удастся поразить.

Собирай те грибы, которые растут выше, нежели располагаются твои врата рождения³⁰, суши их в тени шести знаков „цзя“³¹. Продолжай делать так сто дней, а потом растолки их и принимай три раза в день квадратной ложкой со стороны в один цунь. Когда будет съеден целиком один гриб, жизнь продлится на три тысячи лет.

Что касается тысячелетнего кедрового дерева, то его корни напоминают сидящего человека ростом в семь цуней. Если надрезать такой корень, то появится кровь. Если этой кровью намазать ступни ног, то можно ходить по поверхности воды и не тонуть. Если ею намазать нос, а потом войти в воду, то вода расступится, и человек сможет долго оставаться на дне самого глубокого водоема. Если ею намазать все тело, то можно стать невидимым; чтобы снова стать видимым, надо просто стереть эту кровь. При помощи этой крови можно также лечить болезни. Например, если болит живот, то достаточно просто надрезать болезненное место кончиком ножа, смоченным в этой крови. Если имеется наружная опухоль, нужно надрезать ее кончиком ножа, смоченным в этой крови, и после такой процедуры опухоль сразу же пройдет, независимо от того, в каком месте она располагалась. Если болит, например, правая нога, то надо сделать надрез и натереть правую ногу этой кровью. Если натереть свечу смесью этой крови и сезама, а потом ночью освещать землю, то в том месте, где зарыт клад из золота, нефрита и драгоценностей, ее пламя станет синим, и оно повернется вертикально вниз, чтобы клад можно было легко выкопать. Если принимать эту кровь в виде порошка, то в случае приема ее в количестве десяти цзиней жизнь продлится на тысячу лет.

Под корой ветвей трехтысячелетней сосны собирается сок, образуя выпуклости, по форме напоминающие фигуру дракона. Их называют грибами-чжи летящего звена. Самые большие выпуклости по своему весу достигают десяти цзиней. Если размолоть и принимать их, то, если принять десять цзиней, жизнь продлится на пятьсот лет.

Существуют также грибы-чжи персика из квасцов. Их стволы напоминают взмывающего ввысь дракона, а цветы и листья как киноварная сеть. Их же плоды напоминают зимородков. В высоту они не вырастают больше чем на пять чи. Растут они в тенистых местах на славных горах. При этом они выбирают места, где есть родники и потоки, текущие на восток. Их надо собирать в период становления лета³² и толочь. После приема снадобья из одного целого гриба жизнь продлится на пять тысяч лет.

Трехчастный гриб-чжи красного цвета и испускает свет. Если тронуть его ветви и листья, то раздастся такой звук, как если бы они были сделаны из металла или камня. Если отрубить или оторвать их, то они быстро восстановятся, и гриб станет таким же, как и прежде.

Гриб древесной трубы предпочитает расти на больших деревьях. Он напоминает цветок лотоса, у него девять стеблей, образующих единое целое, по вкусу он горько-сладкий.

Гриб дерева цзяньму плодоносит на равнинах Дугуана³³. Его кора напоминает шкуру змеи-ленты, его плоды по форме напоминают фениксов-луань.

Если принимать эти три гриба, то можно средь бела дня вознестись на небо.

Следующие три вида грибов-чжи, а именно желтая печь, цветы дерева высотой в восемь чи, цветы сокровенного раствора, — эти три вида грибов-чжи растут на горе Тайшань, а также в Яосяне и Фэнгао³⁴. Если собирать и принимать их, то жизнь продлится на тысячу лет.

Гриб-чжи бархатного дерева, сандала и ивы-хуань имеет следующую природу. Под корнями тысячелетнего бархатного дерева появляется образование, напоминающее сосуд емкостью в три ху. Оно удалено от основного корня на один-два чжана, но соединено с ним тончайшими корешками, по виду своему напоминающими моток ниток.

Если достать, истолочь и принимать его, то как только съешь одну штуку до конца, станешь земным бессмертным и никогда не умрешь.

К этой категории древесных грибов относится сто двадцать видов, представители которых изображены на различных рисунках в книгах.

Среди растительных грибов-чжи имеется гриб, колышущийся сам по себе. Даже когда нет ветра, он сам по себе раскачивается из стороны в сторону. Его стебель столь же толст, как большой палец руки. Он красен, словно киноварь. Его чистые белесые листья напоминают растение петушиный гребешок. В его корнях имеются большие образования, вмещающие в себя доу жидкости. Около них есть меньшие образования размером с куриное яйцо. Они окружают большие образования с четырех сторон, подобно двенадцати знакам зодиака; этих образований также двенадцать. На расстоянии в чжан от них имеются тонкие корешки, напоминающие комок седых волос. Эти грибы растут в глубоких ложбинах высоких гор, и вокруг них — ни справа, ни слева — нет никакой травы. Если взять большое образование, истолочь его и принимать, то когда прием закончится, срок жизни продлится на тысячу лет. Если же взять малые, то каждое из них продлит жизнь на сто лет. Это снадобье можно делить с другими людьми. Если же положить за пазуху его большой корень, то станешь невидимым. Если же захочешь снова стать видимым, то надо повернуться налево и вынуть его.

Гриб бычьих рогов растет на горах Хушоушань и на склонах в У³⁵. По внешнему виду он напоминает лук, а его перья похожи на бычьи рога. Их длина — три-четыре чи. Их цвет зеленый. Это растение надо растереть и принимать квадратной ложкой со стороны в цунь. Это надо делать три раза в день. Через сто дней жизнь продлится на тысячу лет.

Гриб драконовых бессмертных по своему виду напоминает взлетающих драконов, прижимающихся друг к другу спинами. Его листья напоминают чешую, а корни — как свернувшиеся в кольцо драконы. Если примешь внутрь одну штуку, то жизнь продлится на тысячу лет.

Гриб конопляной матери напоминает коноплю, но имеет красный стебель и пурпурные цветы.

Гриб пурпурной жемчужины имеет желтые цветы, его листья красные, а плод у него похож на сливу, но пурпурного цвета. Его двадцать четыре ветви соединены между собой и свисают вниз, подобно жемчужным нитям.

Гриб белого амулета высотой в четыре-пять чи и напоминает сливу мэйхуа. Он часто цветет под сильным снегопадом, а позднее зимой приносит плоды.

Гриб киноварно-красной травы имеет девять изгибов. На каждом изгибе есть три листа, на каждом листе есть три плода.

Гриб пяти Благих Сил-Дэ³⁶ по своему виду напоминает высокий павильон. Его стебель имеет квадратную форму, а листья могут быть всех пяти цветов, хотя не бывает так, чтобы на одном растении листья были бы разного цвета. Над ним есть как бы навес, на котором всегда скапливается сладкая роса. От нее на высоту в несколько чи поднимаются пурпурные испарения.

Гриб драконовых удил обычно произрастает в середине весны. У него три коленца и двенадцать ветвей, а нижние корни похожи на фигуру сидящего человека.

Всего травяных грибов-чжи насчитывается сто двадцать видов. Их надо сушить в тени и потом принимать внутрь. Если поступать так, то они сделают человека столь же долговечным, как Небо и Земля, но в любом случае он проживет не меньше одной-двух тысяч лет.

Что касается плотяных грибов-чжи, то к ним относится десяти тысячелетняя жаба. На голове у нее есть рога, а на лбу красной киноварью два раза написан иероглиф „восемь“. Если поймать такую жабу в середине дня пятого числа пятого месяца и высушить в тени в течение ста дней, а ее левой задней ногой провести по земле черту, то она станет водным потоком. Если же ее левую переднюю лапу носить на поясе, то ни один из пяти видов оружия не сможет повредить тому, кто ее носит; а если враг выстрелит в него из лука, то стрела непременно полетит обратно и вернется к тому, кто ее послал.

Тысячелетняя летучая мышь бела, как снег. Надо убить такую мышь и подвесить ее сушиться вниз головой, поскольку ее мозг достаточно тяжел. Если приобрести двух таких тварей, высушить их в тени, истолочь и принимать внутрь, то годы жизни продлятся на сорок тысяч лет.

Тысячелетние одухотворенные черепахи бывают всех пяти цветов. У самцов на лбу имеется два костяных нароста, напоминающих рога. Такую черепаху следует омыть в крови барана, а потом удалить ее панцирь и коптить над огнем. Потом ее надо растолочь и принимать внутрь три раза в день по квадратной ложке со стороны в один цунь. Когда одна такая черепаха будет съедена, жизнь продлится на тысячу лет.

Странствуя в горах, можно увидеть маленьких человечков, которые ездят на повозках или лошадях. Их рост составляет всего семь-восемь цуней, и это тоже плотяные грибы-чжи. Если поймашь и съешь такого человечка, то станешь бессмертным.

Зверь, порожденный ветром, похож на соболя. Он си-не-зеленого цвета и по размеру сходен с лисицей. Он живет в великих лесах земель, что лежат в южных морях. Его надо поймать сетью, набрать несколько телег хвороста и сжечь. Весь хворост сгорит, а зверь останется в золе не сгоревшим, даже его мех не пострадает. Даже клинок меча не сможет ранить его. Он умрет только в том случае, если его несколько десятков раз побить железным прутом так, как выбивают кожаные мешки. Если же после смерти его рот откроется в сторону ветра, то он сразу же оживет и убежит. Если же его ноздри заткнуть благовонным аиром, растущим на камне, то он останется мертвым. Надо тогда взять его мозг, смешать с цветами хризантемы и принимать внутрь. Когда съешь десять цзиней, жизнь продлится на пятьсот лет.

Тысячелетняя ласточка строит свое гнездо с северной стороны. В ее окраске преобладает белый цвет, а ее хвост крив. Ее надо высушить в тени и растолочь. Каждая съеденная птица продлевает жизнь на пятьсот лет.

Всего плотяных грибов-чжи существует сто двадцать видов.

Что касается грибов-споровиков³⁷, то они растут или в глубоких горных ущельях, или под большими деревьями, или по берегам потоков. По своему внешнему виду они могут напоминать дворцовые палаты, запряженные лошадами повозки, драконов и тигров, фигуру человека либо летящую птицу. Они бывают всех пяти цветов, и в их окраске нет никакого правила. Их также насчитывается сто двадцать видов, которые все изображены на картинках. Надо, собирая их, двигаться только юевым шагом, срезать их костяным ножом, толочь, сушить в тени и принимать квадратной ложкой со стороной в цунь. Тогда принимающий их человек сможет вознестись на небеса как бессмертный, в худшем случае — прожить несколько тысяч лет, а самое меньшее — одну тысячу лет. Тот, кто хочет собрать грибы-чжи или лекарственные растения, должен идти в славные горы. Делать это надо обязательно либо в третьем, либо в девятом месяце. Это месяцы, в которые горы открывают и являют свои божественные снадобья. Не смей ходить в горы в дни их суровости. Это надо делать исключительно в дни, когда Небо оказывает свою помощь и когда все три счастливых знака соединены вместе³⁸. Соединение трех знаков удачи успешно открывает врата для вхождения в горы. Это также обязательно должен быть день шестого инь, час Пресветлого Престола³⁹, и весьма важно в это время носить амулет Духовной Драгоценности, вести с собой на привязи белую собаку и держать в руке белую курицу. С собой также надо иметь доу белой соли. Амулет, возвещающий о вступлении в горы, надо положить на большой камень. При вхождении в горы также надо держать связку хмеля из У. Тогда горные духи возрадуются, и ты обязательно соберешь волшебные грибы-чжи.

Кроме того, собирая и принимая грибы-чжи, лучше всего дожидаться счастливого дня с царственными признаками, собравшимися воедино. Лучше всего подходит такой день, когда все циклические знаки стволов и ветвей сверху донизу находятся в положении взаимопорождения⁴⁰.

Во всех славных горах чудесные грибы-чжи есть в изобилии. Однако посредственные и недалекие люди из мужей

Дао-Пути часто не сосредоточивают своим сердцем энергию тела, не отличаются достойным поведением и обладают весьма скудной добродетелью. К тому же они пренебрегают искусством вхождения в горы, и поэтому, даже если у них есть рисунки грибов-чжи, они все равно не распознают их по виду и в конце концов так и не находят. Во всех горах, как в больших, так и в малых, обязательно есть демоны и духи, и эти демоны и духи стараются не позволить людям получить грибы-чжи. Поэтому иногда люди могут просто пройти мимо грибов, так и не увидев их.

Что касается облачной матери-слюды, то она бывает пяти видов, но большинство людей не умеют различать их. Единственный способ определить их — рассматривать слюду под ярким солнечным светом, делая это очень внимательно и разглядывая ее столь же пристально, как гадатель рассматривает знамения. Если же рассматривать слюду в тени, то нельзя определить ее вид. Если в слюде присутствуют все пять цветов, но преобладают темные сине-зеленые тона, то она называется облачным цветением и ее благоприятно принимать весной. Если в слюде присутствуют все пять цветов, но преобладает красный, то она называется облачным жемчугом и ее благоприятно принимать летом. Если в слюде присутствуют все пять цветов, но преобладает белый, то она называется облачной жидкостью и ее благоприятно принимать осенью. Если в слюде присутствуют все пять цветов, но преобладает черный, то она называется облачной матерью и ее благоприятно принимать зимой. Но если в ней присутствуют только два цвета, сине-зеленый и желтый, то ее называют облачным песком и ее благоприятно принимать на исходе лета⁴¹. Чистейшая и незапятнанная белоснежная слюда называется перламутровой слюдой, и ее можно принимать круглый год, все четыре сезона подряд. Способы принимать слюду таковы.

Во-первых, можно смешать слюду с соком коричного лука⁴² и нефритом и трансформировать их, пока не получится раствор.

Во-вторых, можно держать слюду в открытом железном сосуде и варить ее в сокровенной воде⁴³, пока не получится раствор.

В-третьих, можно смешать слюду с неочищенной селитрой и закопать в запечатанной трубе в землю, пока не получится раствор.

В-четвертых, слюду можно смешивать с медом и держать так, пока смесь не забродит.

В-пятых, можно замачивать ее в осенней росе и держать в ней сто дней, при этом жидкость должна находиться в кожаном мешке. Потом образуется паста, из которой можно сделать порошок.

В-шестых, можно делать облатки, смешав слюду с травой, без верхушки, и соком вонючего ясеня. Если принимать эти облатки один год, то исчезнет все множество болезней. Если принимать их три года, то даже глубокий старик станет юношей. А если без перерыва принимать их пять лет, то можно подчинить своей воле демонов и духов. Тогда войдешь в огонь — и не сгоришь, вступишь в воду — и не промокнешь, войдешь в тернии — и не поранишься. Тогда можно будет также общаться с бессмертными.

Другие вещества гниют, когда их закапывают в землю, и сгорают, когда их помещают в огонь, а пять облачных субстанций в бушующем свирепом пламени не сгорают, сколько бы их в нем ни держали, и не подвергаются ни малейшему тлению в земле, на сколько бы их в ней ни зарывали. Поэтому они и обладают способностью продлевать жизнь людям.

И еще говорят, что если принимать слюду десять лет, то облако всегда будет осенять тебя, и это совершенно естественно, ибо принимая мать, ты привлекаешь и ее дитя.

Если же при просмотре на солнце слюда приобретает черный цвет, постепенно темнея, то ее нельзя принимать внутрь, ибо от нее человек может заболеть и занедужить, покрывшись нарывами и язвами. Даже когда слюду принимают в виде раствора, ее следует предварительно вымачивать в дождевой воде, стекающей с крыши, покрытой тростником, или в воде чистых потоков, текущих на восток, или в росе, собранной близ этих потоков, и это надо делать в течение ста дней, чтобы удалить из слюды всякие шлаки, землю и камни, смешанные с ней. И только после этого слюду можно принимать.

Вэй Шу-цин из Чжуншаня принимал слюду, и делал это достаточно долго, в результате чего он приобрел способность странствовать, оседлав облака. Потом он запечатал свой рецепт в нефритовой шкатулке и скрылся, став бессмертным. Его сын по имени Ду-ши, Избавившийся от Мирского, и ханьский чиновник Лян Бо нашли рецепт и стали в соответствии с ним готовить и принимать снадобье. В результате они тоже обрели бессмертие и ушли от мира.

Что касается мужской желтизны-реальгара, то следует отдавать предпочтение тому, что выходит на поверхность земли в горах Удушань. Этот реальгар чист, беспримесен и по цвету красен, словно петушиный гребешок. Он блестит и сияет, испуская свет. Только его можно использовать, и все. Если же он чисто-желтый, каким обычно и бывает реальгар, и в нем нет красного и блестящего, то из него нельзя сделать снадобье бессмертных, но вполне можно разумным образом лечить болезни.

Способы применения реальгара различны. Его можно варить и парить, смешивать с вином и готовить облатки, вначале смешивать с неочищенной селитрой и готовить раствор, а потом уже сгущать его; можно также поместить реальгар в свиную кишку и варить ее в печи из краснозема. Можно еще смешивать реальгар с сосновой смолой или плавить его с тремя другими субстанциями⁴⁴, а потом растягивать полученное вещество в кусок, напоминающий отрез ткани, белой, словно лед. Если принимать его внутрь, то жизнь принимающего это вещество человека продлится, сто болезней исцелятся, „три трупа“ изойдут из него, рубцы и шрамы исчезнут, седые волосы вновь почернеют, выпавшие зубы вновь вырастут, и по прошествии тысячи дней нефритовые девы явятся, чтобы сопровождать его. Эти чудесные девы будут служить ему, и они смогут вызвать для него движущуюся кухню. Нефритовые девы часто имеют на своих носах отличительную примету в виде желтого нефрита размером с зернышко проса. Если так, то это истинная нефритовая дева, а если указанной приметы нет, то это значит, что явился демон, принявший облик человека, и все.

Нефрит⁴⁵ тоже является снадобьем бессмертных, но его очень трудно найти. „Канон нефрита“ гласит: „Тот, кто принимает золото, становится столь же долговечным, как золото. Тот, кто принимает нефрит, становится столь же долговечным, как нефрит“. И еще в нем говорится: „Жизнь того, кто принимает сокровенно-истинное, не будет иметь предела“. Сокровенно-истинное — другое название нефрита. Он делает человеческое тело легким и невесомым, способным к полету. Человек, принимающий нефрит, не может остановиться на том, чтобы стать только земным бессмертным. Однако этот путь очень медленно приводит к успеху: надо принять сто-двести цзиней нефрита, чтобы почувствовать результат.

Нефрит можно растворять в вине из черного риса или в вине из крохлебки⁴⁶. Его можно также кристаллизовать в растворе из лукового сока. Из него можно делать облатки и пилюли, а также раскалять и превращать в порошок.

Если принимать нефрит больше одного года, то войдешь в воду — и не намокнешь, войдешь в огонь — и не обгоришь. Клинок оружия не сможет поразить тебя, и все множество ядов не сможет отравить тебя.

Однако бесполезно и даже вредно использовать нефрит, из которого сделаны какие-либо сосуды и вещи. Только естественный неотполированный нефрит может быть использован для продления жизни. Лучше всего подходит белый нефрит, добываемый в государстве Юйтянь го⁴⁷. На втором месте стоит нефрит из селения Сюйшаньтин в Наньяне⁴⁸ и с берегов реки Лужуншуй в стране Жинань — Солнечного Юга⁴⁹. Они также могут успешно применяться.

Чисун-цзы растворял нефрит в крови темных насекомых⁵⁰ и принимал его. Благодаря этому он мог подниматься вверх и опускаться вниз на дыме.

Если принимать нефрит измельченным или размоченным и превращенным в облатки, то можно окончательно освободиться от смерти. Хотя нефрит и не столь эффективен, как золото, однако он вызывает у принявшего его человека озноб и чувство жара, в чем он похож на поро-

шок холодной пищи⁵¹. Если нефрит принимается в измельченном виде, то каждые десять дней к нему следует добавлять реальгар и киноварный порошок; и то и другое следует принимать в количестве, уместающемся на кончике ножа. Если распустить волосы⁵² и совершать омовения в холодной воде, а также гулять против ветра, то чувства жара не будет.

Дун Цзюнь-и⁵³ дал некогда нефритовую настойку слепому, и прошла всего неделя, а слепой уже прозрел. Некто У Янь-чжи возжелал всем сердцем принимать нефрит. Он взял неполные рецепты из „Канона нефрита“, не зная точно всех необходимых правил, предписаний и запретов, и собрал множество нефритовых колец, украшений, круглых регалий-би и орнаментов с мечей, уже он собирался делать из всего этого облатки и принимать их. Но я успел предупредить его, что весь этот нефрит нельзя использовать. Он же, вздохнув, сказал: „Во всех делах нельзя не вникать в их детали и тонкости. В противном случае никакой пользы не будет, а беда непременно придет“.

Серебро уступает по своей эффективности и золоту, и нефриту, но с его помощью можно стать земным бессмертным. Правила использования таковы: его следует изменить при помощи ячменной настойки или при помощи вина из киноварно-красной травы и тогда делать из него облатки. Его можно также плавить в „драконьем жире“-гипсе и потом принимать трижды в день в виде шариков размером со снаряд арбалета, но чистые сердцем и бедные мужи Дао-Пути не имеют средств, чтобы достать серебро.

Настоящий жемчуг с цунь и более в диаметре также можно принимать внутрь. Его прием тоже способствует продлению жизни. Жемчуг следует выдержать в кумысе, чтобы он изменился и стал подобен водяному серебру-ртути. Его можно еще положить в воду вместе с пемзой, и тогда он приобретет качества пчелиных сот. Если полученную субстанцию смешать с веществом баотун и змеиной желчью, то ее можно будет растянуть на три-четыре чи. Из этого вещества следует делать пилюли и принимать их. Если принимать их, одновременно отказавшись от злаков, то можно продлить жизнь и даже обрести бессмертие.

Если взять чистый беспримесный неразведенный природный лак и принимать его, то можно проникнуть в мир духов и продлить жизнь. Способы приготовления облаток из него таковы. Следует взять „большого княжича“ без кишков — краба или краба другого вида больших размеров, разделить его на десять частей и положить их в лак. Можно также смешать лак с раствором облачной матери-слюды или с нефритовым раствором и затем принимать его. Тогда девять видов червей-паразитов покинут твое тело, а вся дурная кровь выйдет через нос. Через год к тебе явятся божества шести знаков „цзя“ и движущаяся кухня.

Корицу можно варить вместе с луковым соком. К нему можно также добавлять бамбуковый сок, а потом из полученного делать облатки и принимать их. Корицу можно также смешивать с мозгом черепахи, „смотрящей за государем“, или черепахи-гуи. Если принимать это снадобье семь лет, то можно будет ходить по воде, как посуху, продлить жизнь и обрести бессмертие.

Сезам называют еще коноплей варваров-ху. Если делать из него облатки и принимать их, то не постареешь. Сезам также защищает от болезней, вызываемых ветреной погодой и сыростью, а также излечивает упадок сил и дряхление.

Клей персикового дерева, смешанный с водой, в которой растворена зола шелковичного дерева, исцеляет множество болезней. Если долго принимать это снадобье, то тело станет легким и сияющим, и в темные безлунные ночи оно будет своим светом походить на взошедшую луну. Если принять много этого снадобья, то можно отказаться от употребления в пищу злаков.

Плоды бумажного дерева красного цвета. Если делать из них облатки и есть их в течение года, то и старик вновь станет юношей, а также будет приобретена способность смотреть сквозь вещи и видеть демонов. Некогда муж Дао-Пути по имени Лян Сюй начал употреблять эти плоды в возрасте семидесяти лет, вскоре помолодел, и в результате он в возрасте ста сорока лет мог читать по ночам без свечи и скакать верхом на коне. Позднее он ушел из дома и скрылся в горах Цинлуншань⁵⁴.

Семена софоры следует положить в новый керамический сосуд и запечатать его глиной. Через двадцать с небольшим дней с них слезет кожура. Тогда надо промыть семена. После этого они станут похожими на соевые бобы. Если каждый день принимать их, то они будут питать мозг, волосы у принимающего их не поседеют, и его жизнь продлится.

Ползучее растение темная середина-сюаньчжун, травы чужфэйлянь, болотный папоротник, желтый щавель, горечавка и другие растения того же типа, всего более трехсот видов, равно могут продлить годы жизни, и их можно принимать в виде пилюль. Такие медикаменты, как порошок „духовного полета“, пилюли вэйян, пилюли, регулирующие жизненность, пилюли бараньей крови, — все они могут приостановить старение и достичь омоложения.

В наньянском уезде Лисянь есть горы, в которых расположена долина со сладкой водой. Вода в этой долине потому сладка, что там повсюду растут сладкие хризантемы, и цветы хризантем падают в воду. Так продолжается уже сотни и тысячи лет, поэтому вкус воды и изменился. Живущие поблизости люди никогда не пользуются колодезной водой, но всегда ходят за питьевой водой в долину сладкого потока. Среди тех, кто пьет ее, нет ни одного человека, не отличающегося долголетием: самое большее они живут сто сорок пять лет, самое меньшее — не менее восьмидесяти-девяноста лет. Среди них не бывает безвременных смертей, и все это благодаря силе хризантем. И поэтому первый министр Ван Чан, главнокомандующий Лю Куань и великий наставник Юань Вэй, служа в свое время губернаторами Наньяна, всегда отдавали распоряжение в уезд Лисянь каждый месяц присылать им сорок ху воды из долины сладкого потока, чтобы использовать ее для питья и приготовления пищи. Ведь все эти три господина очень страдали от ревматизма и глазных болей, а сладкая вода оказывала на них благотворное воздействие. Они, однако, не смогли получить всей пользы от этого питья, той пользы, которую получают местные жители, постоянно пьющие воду этой долины сладкого потока. Благодаря тому что они пили эту воду, им удалось получить только малую пользу.

Цветы хризантем очень похожи на цветы водяной лилии-и⁵⁵, и их прежде всего можно различить по сладкому или горькому вкусу: хризантема сладка, а лилия-и горька, поэтому в пословице и говорится: „Горький, как водяная лилия-и“. Ныне мест, где растут настоящие хризантемы, очень мало. Чаще всего они растут по берегам водоемов. Особенно много их в горах Хоушишань⁵⁶ и в уезде Лисянь. Такие встречающиеся в рецептах книг о бессмертных названия, как семенная эссенция солнца — жицзин, возрождение — гэн шэн, красота, что вокруг нас — чжоушэн, — все эти названия относятся к хризантеме. Они по-разному обозначают цветы, корни, стебли, семена хризантемы, подчеркивая ее изумительную красоту. Однако люди нашего времени, принимая ее, обнаружат, что она весьма малоэффективна. И это потому, что им не удалось найти подлинные хризантемы. Но как же тогда с собираемыми в долине сладкого потока хризантемами, имеющими сладкий вкус и аромат? Ведь живущие в тех местах люди все продлевают годы своей жизни, а это значит, что они пользуются поистине хорошим снадобьем. Как же ему не приносить пользу?

Мой покойный дед, который служил помощником министра по департаменту внешних сношений, одно время был правителем уезда Линьюань. В этом уезде жила семья господина Ляо, члены которой из поколения в поколение отличались особым долголетием. Кто из них жил сто лет, кто восемьдесят-девяносто лет. Позднее они переехали в другое место, и их дети и внуки часто стали умирать в молодом возрасте. Однако те из членов семьи, кто остался на старом месте, продолжали наслаждаться долголетием, независимо от поколения, к которому принадлежали. Поэтому они догадались, что причина этого явления связана с их домом, но в чем конкретно она заключается, не знали. Потом они заподозрили, что все дело в том, что вода в их колодце имеет странный киноварно-красный оттенок. Они стали копать повсюду вокруг колодца и вскоре обнаружили, что некий человек в древности спрятал в земле несколько десятков ху киноварного порошка всего в нескольких чи от их колодца. Этот киноварный порошок попал в источник и через него просочился в колодец. Они

пили из него воду и поэтому обрели долголетие. А сколь же бóльшим может быть результат, если плавить киноварный порошок, делать из него облатки и принимать их!

Я слышал также о некоем Чжао Цюе из Шандана⁵⁷. Он много лет страдал от проказы, и никакое лечение ему не помогало. Он лежал при смерти, и кто-то сказал, что его надо предоставить на милость судьбы. После этого его дети и внуки пораспродали кое-какое имущество, и тогда у семьи появились средства обеспечить его проживание. Близкие взяли и отвели его в одну горную пещеру. Там этот Цюй роптал на свое злосчастье, горевал и стонал день и ночь, и слезы потоком лились из его глаз. Он провел в пещере месяц. Однажды мимо этой пещеры проходил бессмертный. Он увидел Чжао Цюя и пожалел его, осведомившись обо всех обстоятельствах его случая. Цюй, понимая, что перед ним необычный человек, бил ему челом и молил о милосердии. Тогда бессмертный достал мешочек со снадобьем и дал его Чжао Цюю, объяснив, как надо принимать лекарство. Цюй принимал его сто с лишним дней, и тогда вся проказа прошла и его тело стало здоровым и чистым, а кожа — белой и гладкой, словно нефрит. Бессмертный снова пришел посмотреть на него. Цюй благодарил его и превозносил за оказанную ему милость исцеления и возвращения к жизни. После он попросил бессмертного раскрыть ему секрет рецепта целебного снадобья. Бессмертный сообщил ему, что это была сосновая смола, и все. „Ее очень много в этих горах, — сказал он, — и если вы будете продолжать употреблять ее, то продлите свою жизнь и обретете бессмертие“. Цюй вернулся домой, и его домашние вначале решили, что это привидение, и жутко перепугались. Цюй продолжал долго и регулярно принимать сосновую смолу, и его тело становилось все легче и легче, и сила его пневмы-ци возросла стократно. Он взбирался на горные кручи и бродил у опасных ущелий, но целый день не чувствовал никакой усталости. Ему уже исполнилось семьдесят лет, а зубы у него не выпадали и волосы не седали. Однажды он лежал в темноте и вдруг увидел в комнате светлое пятно, напоминающее большое зеркало. Он спросил об этом у людей, находившихся в той

же комнате, но никто из них ничего не видел. Постепенно этот свет становился все сильнее, и наконец в комнате стало так же светло, как днем. В другой раз, тоже ночью, он увидел на своем лице двух женщин, одетых в разноцветные шелка. Ростом они были в два-три цуня. Они обладали всеми человеческими частями тела, но были очень маленькими. Они бродили и развлекались между его ртом и носом. Прошел год, и они понемногу выросли и стали ходить рядом с ним, справа и слева. Он также часто слышал звуки цитр и флейт, отчего ему становилось легко и радостно. Так он и прожил среди людей более трехсот лет. Цветом его лицо было как у младенца. В конце концов он ушел в горы Баодушань⁵⁸ и, конечно же, стал земным бессмертным. В то время люди, слышавшие, что Цюй достиг таких успехов благодаря тому, что принимал сосновую смолу, наперебой бросились делать то же самое. Те, у кого было много работников, нагружали сосновой смолой целые повозки и навьючивали ее на мулов, чтобы наполнить ею комнаты. Они принимали смолу без особой веры, и не проходило и одного месяца, как они, не почувствовав особой пользы, переставали принимать ее. Поистине, это свидетельствует о том, что людей с сильной волей трудно найти!

Было также и такое. Однажды в правление императора ханьской династии Чэн-ди⁵⁹ некие охотники охотились в горах Чжуннаньшань⁶⁰ и увидели человека, на котором не было никакой одежды, причем все его тело было покрыто черными волосами. Увидев его, охотники захотели схватить его, но тот человек быстро помчался по горам и долам, будучи подобен взлетающей в небо птице. Охотники так и не смогли догнать его. Тогда они тайком обыскали все окрестности, обнаружили его жилище, окружили его и схватили того человека. Он оказался женщиной. Охотники допросили ее, и она рассказала следующее: „Первоначально я была придворной наложницей в Цинь. Услышав, что приближаются восточные разбойники, которые непременно низложат царя Цинь и сожгут дворцовые покои, я испугалась и бежала в горы, где сильно голодала, так как не могла найти никакой еды. Я бы непременно умерла от го-

лода, если бы не встретила одного почтенного старца, который научил меня есть сосновую хвою и сосновые семечки. Вначале все это казалось мне горьким и невкусным, однако постепенно я привыкла к такой пище и не испытывала более ни голода, ни жажды; зимой мне не было холодно, а летом не было жарко“. Схватившие ее люди произвели расчеты и поняли, что она была придворной наложницей циньского царя Цзы-ина⁶¹, который правил за двести с лишним лет до императора Чэн-ди. Ее вернули к жизни среди людей и вновь начали кормить злаками. Вначале эта пища казалась ей зловонной и ее тошнило и рвало, но через некоторое время она привыкла и ей стало приятно есть ее. Через два с небольшим года все волосы с ее тела сошли, и она быстро состарилась и умерла. А если бы ее не поймали те люди, она непременно стала бы бессмертной.

В семье господина Вэня из Наньяна рассказывают, что их прадед во время великой смуты в конце правления династии Хань бежал в горы, где голодал, мучился и желал смерти. Некий человек научил его есть стоголовник, и он больше не знал голода. Через несколько десятков лет он вновь вернулся в родные места. Выглядел он совсем молодо, а сила его пневмы-ци была весьма велика. Он сам рассказывал, что пока жил в горах, его тело становилось все легче и ему от этого хотелось плясать. Он поднимался на высокие кручи и целыми днями бродил по ущельям, не зная усталости. Он бродил среди льда и снега, но ему не было холодно. Однажды он увидел, что на высокой скале сидят друг против друга несколько человек и играют в азартные игры. Один из них читал книгу. Вдруг он повернулся и увидел господина Вэня, после чего тот услышал, как он спросил своих друзей: „А этого господина уже можно позвать наверх?“ Тогда другой человек ответил: „Еще нельзя“. Стоголовник называют также горным чертополохом, а еще называют семенем — эссенцией гор. Поэтому „Канон божественных снадобий“⁶² гласит: „Если непременно хочешь продлить жизнь, постоянно ешь семя — эссенцию гор“.

Некогда восемь бессмертных⁶³ принимали снадобья, каждый свое. Так они обрели состояние бессмертного на

земле. Через несколько сотен лет каждый из них изготовил божественный киноварный эликсир и золотой раствор, и только благодаря этому они смогли вознестись на небеса Великой Чистоты⁶⁴. Если люди будут смешивать восемь субстанций, плавя и принимая их, то никакого эффекта от этого не будет, так как лекарственная сила каждого ингредиента будет сводить на нет силу другого. Хань Чжун принимал благовонный аир тринадцать лет, и на его теле появились волосы. Каждый день он читал по десять тысяч знаков и потом скандировал прочитанное. Зимой ему не было холодно без теплой одежды. Хороший аир должен быть выше окружающих его камней на один цунь и иметь девять и более коленцев. Самый наилучший тот, у которого цветы пурпурного цвета.

Чжао То-цзы двадцать лет принимал корицу, и тогда на подошвах его ног выросли волосы. Каждый день он мог проходить по пятьсот ли, а силен был настолько, что поднимал до тысячи цзиней.

И Мэнь-цзы принимал дитя пяти вкусов-шизандру⁶⁵ в течение шестнадцати лет. Внешность его была, как у нефритовой девы. Он входил в воду — и не мок, входил в огонь — и не обжигался.

Чу Вэнь-цзы принимал желтый щавель в течение восьми лет. По ночам он видел свет, а одной рукой мог приостановить стрелу, пущенную из арбалета.

Линь Цзы-мин одиннадцать лет принимал стоголовник. Его уши выросли на пять цуней, а тело стало таким легким, что, казалось, вот-вот взлетит. Он мог перепрыгнуть пропасть в два чжана шириной.

Ду Цзы-вэй принимал спаржу, зиму небесных врат. Благодаря этому он был способен иметь восемьдесят наложниц, давших ему сто тридцать сыновей. Каждый день он мог проходить по триста ли.

Жэнь Цзы-цзи восемнадцать лет принимал пахиму. К нему являлись бессмертные и нефритовые девы и пребывали с ним. Он мог по своему желанию то становиться невидимым, то вновь являть себя. Он более не ел злаков. Все его шрамы и ожоги исчезли, а его лицо и тело начали испускать лучезарное сияние.

Линъянский Цзы-чжун двадцать лет принимал корень растения дальняя воля-истод⁶⁶. Он делал это в течение двадцати лет. У него было тридцать семь детей, он никогда не забывал того, что читал, и мог исчезать по своей воле: вот он сидит здесь, а встал — и его уже нет.

„Канон бессмертных“ гласит: „Если принимать листья трав и деревьев, то можно обрести долголетие в несколько сот лет, но если пренебрегать божественным киноварным эликсиром, то никогда не удастся стать бессмертным“. Из этих слов видно, что травы и деревья продлевают годы жизни, и все; но известно, что лекарства из них не являются подлинными снадобьями продления жизни. Пока не изготовлен киноварный эликсир, можно принимать их, чтобы с их помощью поддерживать жизнь, но и все».

Некто спросил: «Если мы принимаем лекарственные снадобья, то существует ли в этом деле последовательность: что надо делать раньше, а что позднее?»

Баопу-цзы сказал в ответ: «В соответствии с „Правилами порядка приема пищи“ Чжун Хуан-цзы, если снадобье предназначено для лечения болезней, то его надо принимать перед едой, а если для пестования жизни, то его надо принимать после еды. Я справлялся у господина Чжэна относительно того, почему это так. Господин Чжэн ответил, что это очень легко понять. Ведь если мы хотим поразить болезнь, то надо это делать до еды, когда внутри пусто, — тогда сила лекарства быстрее проявит себя и ей легче будет действовать. Если же мы будем принимать лекарство после еды, то оно начнет воздействовать на съеденную пищу и его сила растратится полностью. Если же мы хотим пестовать свою природную сущность, то следует принимать снадобье после еды, поскольку до еды его сила не сможет проявить себя, съеденная же после него еда быстро протолкнет снадобье вниз, и оно не сможет задержаться в организме, а значит, окажется бесполезным».

Некто спросил: «Когда люди принимают снадобье для пестования природной сущности, то, говорят, следует учитывать определенные условия. Так ли это?»

Баопу-цзы сказал в ответ: «В соответствии с „Записями нефритовых планов“ и „Каноном откровения света“ годы,

предопределенные для жизни человеку, соответствуют пяти звукам гаммы и шести правилам десятиричного набора⁶⁷. Знаки „цзы-у“ соответствуют знаку „гэн“, знаки „мао-ю“ соответствуют знаку „цзи“, знаки „инь-шэнь“ соответствуют знаку „у“, знаки „чоу-вэй“ соответствуют знаку „синь“, знаки „чэнь-сюй“ соответствуют знаку „бин“, знаки „сы-хай“ соответствуют знаку „дин“. Если одним словом выразить этот принцип, то можно сказать, что здесь дано соответствие между тоном гаммы гун и первоэлементом „земля“. Это группа одного. Группа трех дает соответствие между тоном гаммы чи и первоэлементом „огонь“; она описывается через последующий набор циклических знаков. Группа пяти дает соответствие между тоном гаммы юй и первоэлементом „вода“; она описывается через последующий набор циклических знаков. Группа семи дает соответствие между тоном гаммы шан и первоэлементом „металл“; она описывается через последующий набор циклических знаков. Группа девяти дает соответствие между тоном гаммы цзюэ и первоэлементом „дерево“; она описывается оставшимся набором циклических знаков. Если корень предопределенности относится к первоэлементу „земля“, то не надо принимать снадобья синего или зеленого цвета; если он относится к дереву, то не надо принимать снадобья белого цвета; если он относится к воде, то не надо принимать снадобья желтого цвета; а если он относится к огню, то не надо принимать снадобья черного цвета. Ведь согласно порядку чередования пяти первоэлементов дерево преодолевает землю, земля преодолевает воду, вода преодолевает огонь, огонь преодолевает металл, металл преодолевает дерево. Вот в чем причина этого правила⁶⁸. Если принимать киноварный эликсир или великое снадобье, не следуя этим правилам соответствия, то ничего не получится.

Группа один. Гамма гун. Гэн-цзы, гэн-у; синь-вэй, синь-чоу; бин-чэнь, бин-сюй; дин-хай, дин-сы; у-янь, у-шэнь; цзи-мао, цзи-чоу.

Группа три. Гамма чи. Шэнь-чэнь, шэнь-сюй; и-хай, и-сы; бин-инь, бин-шэнь; дин-ю, дин-мао; у-у, у-цзы; цзи-вэй, цзи-чоу.

Группа пять. Гамма юй. Цзя-инь, цзя-шэнь; и-мао, и-ю; бин-цзы, бин-у, дин-вэй, дин-чоу; жэнь-чэнь, жэнь-сюй; гуй-сы, гуй-хай.

Группа семь. Гамма шан. Цзя-цзы, цзя-у; и-чоу, и-вэй; гэн-чэнь, гэн-сюй; синь-сы, синь-хай; жэнь-шэнь, жэнь-инь; гуй-мао, гуй-ю.

Группа девять. Гамма цзюэ. У-чэнь, у-сюй; цзи-сы, цзи-хай; гэн-инь, гэн-шэнь; синь-мао, синь-ю; жэнь-у, жэнь-цзы; гуй-чоу, гуй-вэй.

Способ юевых шагов таков: вначале поднять левую ногу, шагнув вперед, а затем поставить перед ней правую ступню. Левую ступню подвести вровень с правой. Снова шагнуть левой. Левая нога опережает правую. Правую ногу поставить вровень с левой. Подвинуть вперед правую ногу⁶⁹. Правая нога впереди левой. Левую ногу поставить вровень с правой.

Если таким образом сделать три шага, то пройдешь два чжана и один чи. Всего же на земле должно остаться девять следов.

Малые божественные способы⁷⁰. Нужно взять три цзиня „истинной киновари“, один цзинь белого меда, смешать их и поставить греться на солнце, а потом сделать из этого пилюли. Тот, кто примет десять пилюль величиной с зерно конопли, омолодится меньше чем через год: седые волосы почернеют, выпавшие зубы вновь вырастут. Тело утратит старческую сухость, и мышцы вновь нальются силой. Принимающий это снадобье не постареет, а старец вновь станет юношей. Если постоянно принимать это снадобье, то непременно продлишь свою жизнь и никогда не умрешь.

Способ изготовления малых облаток из желтого золота. Размягченное на огне золото надо класть в чистое молодое вино и вновь вынимать из него. Надо двести раз положить и двести раз вынуть, и тогда оно должно вскипеть. Разомни золото между пальцами, словно глину⁷¹. Если золото не запузырится и его нельзя будет разминать между пальцами, продолжай разогревать его и погружать в вино бесчисленное число раз. Затем сделай из золота пилюли размером с шарик арбалета. Каждый шарик можно разделить на части и слепить меньшие пилюли. Их надо принимать

тридцать дней. Тогда ты не будешь чувствовать ни жара, ни холода, и божественные люди со святыми нефритовыми девами сойдут к тебе с небес. Можно также делать облатки из серебра. Метод тот же самый, что и в случае с золотом. Принимая эти две субстанции, нужно жить в славных горах, в пещере. Проведешь там один год, и тело станет легким. Тогда можно будет вознестись на небеса. Если же станешь принимать их, живя среди людей, то сделаешься земным бессмертным. Этот рецепт нельзя передавать невеждам.

Существует также метод изготовления облаток из размягченного желтого золота Мудреца Двух Форм Проявления, Ляньи-цзы. Нужно взять три цзиня свиной кожи со спины и свиного жира, а также один ху чистого горького вина. Затем нужно взять пять лянов желтого золота, положить в сосуд с жиром и кожей и варить его, то кладя в сосуд, то доставая из него. Надо сто раз положить и сто раз вынуть. Когда вино закончится, нужно начинать есть золото. Если съешь один цзинь, то твое долголетие станет равным вечности Неба и Земли. Если съешь половину цзиня, то твое долголетие составит две тысячи лет, а если пять лянов, то тысячу двести лет, но независимо от того, много ли ты съешь или мало, эти облатки все равно следует делать. Следует выбрать счастливый день с царственным знаком и создавать этот эликсир в состоянии духовной благодати. Его секрет не следует передавать другим людям, иначе снадобье не получится и оно не станет одухотворенным. Если же тебе нужно снадобье для изгнания „трупов“, то следует принимать киноварный порошок.

Способ изготовления облаток из киноварного порошка таков: надо взять цзинь киноварного порошка, истолочь и просеять его. Взять следует также три шэна крепкого горького вина и два шэна чистого лака. Потом все эти три субстанции смешиваются очень тщательно и варятся на самом медленном огне до тех пор, пока из полученного вещества нельзя будет делать пилюли. Эти пилюли должны быть размером с зернышко конопли, и принимать их полагается по три штуки в день. Пройдет сорок дней, и все множество болезней живота излечится, а „три труп“

уйдут из тела. Если принимать эти пилюли сто дней, то мышцы и кости станут крепкими и сильными. Если принимать их тысячу дней, то Распорядитель Судеб вычеркнет твоё имя из реестра смертей. Тогда ты будешь жить столько же, сколько будут существовать Небо и Земля, и созерцать солнце и луну столько времени, сколько они будут появляться на небосводе. Твоя внешность изменится, твоё тело преобразится, и ты сможешь всегда совершать любые превращения. На солнце твоё тело не будет отбрасывать тени, так как ты сам будешь излучать свет».

Примечания

¹ Утраченное ныне фармакологическое сочинение, приписываемое (как и многие другие аналогичные тексты) мифическому императору Шэнь-нуну, который считается не только изобретателем земледелия, но и знатоком лекарственных трав и растений.

² Двигающаяся (или самоходная) кухня (*син чу*) — китайский вариант скатерти-самобранки. Она часто упоминается в даосских текстах по магии.

³ Ниже будут комментироваться только названия веществ и растений, не комментировавшиеся ранее. Большая часть упоминаемых в гл. 11 веществ определена в коммент. к гл. 4.

⁴ Этот текст («Сяо цзин юань шэнь ци») не сохранился, и его содержание нам неизвестно.

⁵ «Мощь и радость» (*вэй си*) — древесный гриб. Про него рассказывается, что он светится ночью, не горит в огне и, если носить его на поясе, защищает от любого оружия.

⁶ Здесь употреблено слово «ши лу» — «хроника», «фиксация фактов» и т. п.

⁷ Переводы названий веществ и растений здесь и ниже в достаточной степени условны. Возможно, что «желтое дитя из камня» (*ши чжун хуан цзы*) — коричневые гематиты.

⁸ «Каменный мозг» (*ши нао*) — возможно, драгоценный камень геод.

⁹ Дикий мед (*ши и*) — букв.: «каменные сладости»; видимо, имеется в виду затвердевший дикий мед.

¹⁰ Пахима (*фулин*) — лекарственный гриб, активно применяемый в китайской медицине и в настоящее время. Обладает тонизирующим и общеукрепляющим действием.

¹¹ В ряде случаев названия неотожествленных растений, не имеющие к тому же очевидного смысла, оставлены без перевода в транскрипции. Возможно, что под *маймэндун* имеется в виду растение *Liriope graminifolia*.

12 Чжун-лоу — растение рода *Salomon* (семейство Истовые).

13 Бумажное дерево (*чу ши*) — *Broussonetia kassinoki*.

14 *Сян чай* — букв.: «слоновый хворост». Иначе — *цзя чай*, «домашний хворост». Название *чунь лу* имеет вариант *то лу*. Точно это растение отождествить не удалось. Возможно, речь идет о растении *чунь лу*, упоминаемом в «Жизнеописаниях бессмертных» и в «Чжоуских ритуалах» («Чжоу ли»). Может быть, имеется в виду или какой-то вид тростника, или растение скумпия, дикое лаковое дерево (*лу*).

15 Видимо, имеется в виду спаржа.

16 Имеется в виду растение стемона.

17 Скорее всего, имеется в виду аконит.

18 Хуанцзин (желтая эссенция, желтое семя) — это растение определить не удалось.

19 Ху — мера емкости, для эпохи Гэ Хуна равная около 20 л.

20 Доу — мера емкости, для эпохи Гэ Хуна равная около 2 л.

21 Гэ — мера емкости, для эпохи Гэ Хуна равная около 0,02 л.

22 Богослужение (*цзяо*) — основной тип даосской литургии, детально разработанный школой «Небесных Наставников» (*тянь ши дао*).

23 Юев шаг (*юй бу*) — особая походка, использовавшаяся в ритуальных целях даосами, имеет шаманское происхождение. Согласно легенде, измученный борьбой с потоком Великий Юй мог ходить только таким шагом. Подробное описание юева шага дается Гэ Хуном ниже в этой же главе и в гл. 17.

24 Растение без сердцевины (*у синь цао*) — видимо, растение семейства сложноцветных, рода *Gnaphalium* (сушенница болотная, топяная).

25 См. перечень даосских знаменитых (славных) гор (*мин шань*) в гл. 4 «Баопу-цзы». Расположены в уезде Дэнфэнсянь современной провинции Хэнань.

26 Возможно, под «скользкими камнями» (*хуа ши*) следует понимать мыльный камень.

27 Пять холмов — имеются в виду пять священных гор Древнего Китая (*у юэ*).

Цзишань — гор с таким названием в Китае очень много. Скорее всего, имеются в виду горы в юго-восточной части уезда Дэнфэнсянь провинции Хэнань.

28 О Сюй Ю см. коммент. 37 к гл. 2.

29 Эти тексты до нас не дошли. Первый из названных текстов, видимо, тождествен тексту «Записи нефритовых планов» («Юй цэ цзи»), о котором говорится в гл. 3 «Баопу-цзы».

Чан Юй. — Легенда говорит, что он и Ли Му были министрами императора Хуан-ди.

30 Врата рождения (*шэн мэн*) — гениталии.

31 Имеется в виду первый циклический знак «цзя». По-видимому, сушить грибы следует в тени в дни, в обозначение которых вхо-

дит данный знак. Следует отметить, что магия циклических знаков играет весьма важную роль в даосизме.

32 Становление лета (*ли ся*) — один из малых двадцати четырех сезонов традиционного китайского лунно-солнечного календаря (приблизительно начало мая).

33 Дугуан — фантастическая страна, о которой говорится в «Каноне гор и вод», «Чуских строфах» («Чу цы») и других текстах. Располагается «к юго-западу в черном море» (*хэй хай*).

34 Гора Тайшань расположена на территории, занимаемой современной провинцией Шаньдун. Там же был расположен уезд Фэнгао и, видимо, уезд Яосян.

35 Имеются в виду районы Восточного Китая (провинции Чжэцзян и Цзянсу).

36 Пять Благих Сил-Дэ (*у дэ*) — энергии пяти первоэлементов; сами первоэлементы. То есть речь идет о грибах, содержащих в себе силы всех пяти первоэлементов.

37 Грибы-споровики (*цзюнь чжи*) — то есть собственно магические грибы.

38 Имеются в виду счастливые циклические знаки Неба («и», «бин», «дин»), Земли («цзя», «у», «гэн») и человека («синь», «жэнь», «гуй»). Эти знаки должны присутствовать в обозначении времени (день, час), когда человек собирается войти в горы.

39 То есть это должен быть день, обозначение которого начинается с циклического знака «дин».

Пресветлый Престол (*мин тан*) — сакральнейший покой, моделирующий весь универсум-макрокосм древнекитайских монархов; здесь технический термин для часа, обозначение которого начинается со знака «бин».

40 Согласно традиционному китайскому календарю, все циклические знаки делились на два набора по десять и двенадцать взаимодействующих знаков, которые назывались стволами (пнями) и ветвями. Порядок порождения (*сян шэн*) предполагает, что циклические знаки расположены так, что каждый предыдущий знак порождает последующий; он противоположен несчастливому порядку взаимопреодоления (*сян кэ*). Впервые учение о порядках было разработано применительно к первоэлементам, порядок взаимопорождения которых таков: дерево порождает огонь, огонь — землю, земля — металл, металл — воду, вода — дерево, а порядок взаимопреодоления — дерево преодолевается металлом, металл — огнем, огонь — водой, вода — землей, земля — деревом; затем весь цикл повторяется.

41 Исход лета (*цзи ся*) — время на рубеже седьмого и восьмого месяцев китайского лунно-солнечного календаря. Выше цвет слюды соотносился с символическими цветами пяти первоэлементов, коррелирующих с сезонами года.

42 Коричный лук (*гуй цун*) — растение *Pinellia tuberifera*.

43 Сокровенная вода (*сюань шуй*) — возможно, имеется в виду концентрированный отвар какого-то растения вроде чая.

44 По мнению Дж. Уэйра, речь идет о курином, собачьем и свином мясе.

45 Нефрит (*юй*) — в китайских текстах этим словом обозначается большая группа родственных камней — жадеитов.

46 Кровохлебка (*ди юй; Sanguisorba officinalis*) — многолетнее травянистое лекарственное растение семейства Розоцветных. Обладает бактерицидным, противовоспалительным, противосудорожным и кровоостанавливающим действием. Используется обычно отвар корневищ с корнями.

47 Имеется в виду Центральная Азия, Хотан.

48 Территория современной провинции Хэнань.

49 Имеется в виду территория современного Вьетнама.

50 Темные насекомые (*сюань чун*). — Дж. Уэйр считает, что речь идет об одном из видов цикад.

51 Порошок холодной пищи (*хань ши сань*) — психоделическое и галлюциногенное средство, популярное среди эстетов из северокитайской аристократии того времени, поэтов и любителей необычайного, хотя впервые его начали принимать практикующие даосы из школы «Небесных Наставников» на рубеже II—III вв. Называлось так потому, что при его употреблении нельзя было есть горячее. Среди любителей этого снадобья можно назвать таких известных литераторов III в., как «семь мудрецов из бамбуковой рощи» (*чжу линь ши сянь*) — группа литераторов во главе с поэтом Цзи Каном. Точный состав этого препарата в настоящее время неизвестен.

52 То есть вести себя непринужденно и естественно, невзирая на этикетные нормы.

53 Дун Цзюнь-и (Дун Цзюй) — даосский бессмертный из местности Хоугуань. Его жизнеописание содержится в приписываемых Гэ Хуну «Жизнеописаниях святых-бессмертных» («Шэнь сянь чжуань»).

54 Возможно, имеются в виду горы в волости Цинлунчжэнь провинции Цзянсу.

55 Водяная лилия-и — имеется в виду или орех лотоса, или лекарственное растение *и-и*, ивлева слеза (*Coix lacryma*).

56 Чжуннаньшань — горы в провинции Хэнань.

57 Шандан — местность, в которой в настоящее время располагается город Чанчжи (провинция Шаньси).

58 В Китае есть много гор с таким названием. Скорее всего, имеются в виду горы в провинции Шаньси, на северо-востоке соединяющиеся со священной горой Хэншань; эти горы считаются одной из «счастливых земель» (*фу ди*) даосизма.

59 Чэн-ди — император династии Хань (32–7 гг. до н.э.).

60 Горы в провинции Шэньси (приблизительно в 40 км от г. Сиань).

61 Цзы-ин — внук Цинь Шихуан-ди. Был возведен на престол как Цинь-ван (царь Цинь) после того, как временщик Чжао Гао убил сына Цинь Шихуан-ди Эр Ши хуан-ди. Цзы-ин пробыл

на престоле 46 дней (207–206 гг. до н.э.) и капитулировал перед войсками повстанцев, возглавляемых основателем династии Хань Лю Баном. Позднее он был убит соратником и соперником Лю Бана Сян Юем.

62 «Канон божественных снадобий» («Шэнь яо цзин») — этот текст (видимо фармакологического содержания) до нас не дошел.

63 Восемь бессмертных (*сянь жэнь ба гун*) — восемь господ из Хуайнани, даосские мудрецы Су Фэй, Ли Шан, Цзо У, Тянь Ю, Лэй Бэй, Мао Бэй, У Бэй и Цзинь Чан, помогавшие в даосской практике и написании трактата «Хуайнань-цзы» Лю Аню (см. коммент. к гл. 2). Их не следует путать с восемью бессмертными (*ба сянь*) позднего даосизма, образы и культ которых сформировались под непосредственным влиянием юаньской драмы XIII–XIV вв.

64 См. коммент. 28 к гл. 10.

65 Шизандра (*yu wei zzy; Schizandra chinensis*) — китайский лимонник, знаменитое тонизирующее, возбуждающее и общеукрепляющее средство.

66 Истод (*юань чжи; Polygala*) — многолетнее травянистое растение. Для лечебных целей применяются корни. Эффективное отхаркивающее средство.

67 Шесть правил (*лю шу*) — цифры 7, 8, 5, 6, 3 и 4 десятичного набора, следующие в указанном порядке. Используемые дважды, они образуют пары с циклическими знаками двенадцатеричного набора, а именно «гэн—цзы», «синь—чоу», «у—инь», «цзи—мао», «бин—чэнь», «дин—сы», а также «гэн—у», «синь—вэй», «у—шэнь», «цзи—ю», «бин—суй» и «дин—хай». Эту систему можно использовать как вспомогательную таблицу для перевода данных оппозиций из шестидесятичного цикла в оппозиции, состоящие из знаков только лишь десятичного цикла. Например, «цзи—чоу» превращается в «цзи—синь» благодаря наличию вышеуказанной пары сочетающихся знаков «чоу» и «синь». «Синь» имеет порядковый номер 8 в десятичном наборе, а «цзи» — 6. Затем, считая номера позиций в десятичном цикле от «синь» до «цзи», можно получить цифру 9, которая соответствует музыкальной ноте (тону) *цзюэ*. Таким образом, предсказатель судьбы, гадатель может развернуть циклические знаки шестидесятичного цикла своего клиента, характеризующие, например, его возраст, в цифры 1, 3, 5, 7 или 9, которые уже легко подвергаются мантической интерпретации.

68 О порядках порождения и преодоления первоэлементов подробнее см. коммент. 40 к данной главе.

69 По-видимому, здесь в тексте ошибка, и в последнем случае вместо правой ноги должна быть указана левая.

70 Начиная с этого места Гэ Хун воспроизводит с незначительными изменениями заключительную часть гл. 4 «Баопу-цзы». Поскольку по содержанию данный пассаж мало соответствует тематике 11-й главы, возможно, что его появление здесь — результат ошибки позднейших переписчиков.

⁷¹ Одно из указаний на то, что так называемое алхимическое золото даосов представляет собой особое вещество, не имеющее отношения к собственно золоту. Достаточно свидетельств этому содержится и в 16-й главе трактата, специально посвященной златоделию (аурифакции). Дж. Нидэм предполагает, что одним из веществ, квалифицируемых даосами как алхимическое золото, было «мозаичное золото» (один из окислов олова).

ГЛАВА 12

Хитроумные вопросы

Некто спросил: «Если состояние бессмертных точно можно обрести, то совершенномудрые тоже обязательно совершенствовались бы на этом пути. Однако Чжоу-гун и Конфуций не делали этого. Отсюда можно сделать вывод, что такого пути вообще не существует».

Баопу-цзы сказал в ответ: «Совершенномудрые необязательно являются бессмертными, а бессмертные необязательно являются совершенномудрыми. Судьба совершенных мудрецов такова, что она не предполагает непрямого вступления на путь продления жизни. Да и сами они хотели лишь пресечь угнетателей и изгнать разбойников, уменьшить опасности и умиротворить насильников, установить ритуал и создать музыку, произвести законы и распространить учение, исправить несовершенные нравы, изменить недостойные обычаи, устранить свирепых правителей, поддерживать неустойчивые царства, повсеместно распространять законы песен и исторических документов¹, создавать планы и схемы из рек Хуанхэ и Лошуй², готовить основополагающие указы, приводить в гармонию оды и гимны³, воспитывать юных и незрелых, отвечать на обращения послов различных царств; их дымоходы не переставали дымиться, их циновки никогда не остывали. Они твердо придерживались этих дел, не переставая вершить их, они исчерпывали годы своей жизни, без усталости занимаясь этими делами. Как же в таком случае они могли запереть свою прозорливость и сокрыть свет своей мудрости, направить внутрь свое видение и обратить вспять остроту своего слуха, предаться занятиям ды-

хательными упражнениями и гимнастикой дао инь, долго поститься и совершать длительные омовения, скрываться в уединенных покоех и упражнять свое тело, восходить в горы и собирать снадобья, считать вдохи и выдохи и сосредоточивать мысль на божественном, отказываться от злаков и прочищать кишечник?

Ведь самым главным для бессмертных является верная воля и предельная искренность, усердие и отсутствие лени, постоянная умиротворенность и постоянное спокойствие. И если все это обретено, то цель легко достижима даже и без многочисленных талантов. Если же занять высокое положение в обывательском мире, то будет чрезвычайно трудно и обременительно идти великим Дао-Путем.

Изготовить одно великое снадобье, знать важнейшие принципы хранения Одного и пестования духа — непрелюбимые условия продления жизни и обретения вечного видения. Но как этим могут заниматься совершенные мудрецы, только и делающие, что бесконечно вершащие мирские дела?

Те, кого обыватели называют совершенными мудрецами, обнаруживают свою совершенную мудрость только в делах правления профаническим миром и ничуть не проявляют совершенную мудрость в делах обретения Дао-Пути. А совершенные мудрецы в области обретения Дао-Пути — это Хуан-ди и Лао-цзы. Совершенные же мудрецы в области дел правления профаническим миром — это Чжоугун и Конфуций.

Хуан-ди вначале занимался делами правления, а потом поднялся в горные миры как бессмертный. Это свидетельство наличия таланта одновременно заниматься и тем и другим делом. На священной горе Тайшань выгравированы имена только семидесяти двух императоров и царей древности, а куда больше тех, память о ком исчезла. Но только об одном Хуан-ди написано, что он стал бессмертным. И это верное свидетельство тому, что так оно и было.

Мирские люди, видя, что таланты некоторых мужей в определенной области столь велики, что большинство не могут угнаться за ними, называют таких мужей совершенными мудрецами. Но если это правильно, то тогда и не-

превзойденного мастера игры в облавные шашки можно назвать совершенным мудрецом в области игры в шашки. Поэтому ныне Янь Цзы-цина и Ма Суй-мина и называют совершенными мудрецами игры в облавные шашки⁴. Тех, кто превосходит других в искусстве каллиграфии, называют совершенными мудрецами в области каллиграфии. Поэтому Хуан Сяна и Ху Чжао ныне называют совершенномудрыми каллиграфами⁵. Тех, кто превосходит других людей в области рисования и живописи, называют совершенными мудрецами в области живописи. Поэтому Вэй Се и Чжан Мо называют ныне совершенномудрыми живописцами⁶. Искусных и утонченных резчиков по дереву называют совершенными мудрецами в области резьбы по дереву. Поэтому Чжан Хэна и Ма Цзюня ныне называют совершенномудрыми деревщиками⁷. Поэтому и Мэн-цзы называл Бо-и совершенным мудрецом чистоты, Хуэя изпод Ив — совершенным мудрецом гармонии, а И-иня — совершенным мудрецом исполнения обязанностей⁸.

Рассмотрев эти дела подробнее и порассуждав о них, я пришел к выводу, что о совершенномудрых говорят отнюдь не в одном смысле. Ведь Гуншу Бань и Мо Ди — совершенные мудрецы технических изобретений, Юй Фу, Цинь Юэ-жэнь, Хэ и Хуань — совершенные мудрецы в области лечения болезней, Цзы-вэй и Гань Цзюнь — совершенные мудрецы в области астрологии, Ши Су и Синь Ляо — совершенные мудрецы в области гаданий по черепаховым панцирям и тысячелистнику, Ся Юй и Ду Хуэй — совершенномудрые физической силы, Цзин Кэ и Не Чжэн — совершенные мудрецы храбрости и мужества, Фэй Лянь и Куа-фу — совершенномудрые быстроты, Цзы-е и Янь Чжоу — совершенные мудрецы музыкальных звуков, а Сунь У, У Ци, Хань Синь и Бай Ци — совершенные мудрецы в области применения оружия⁹.

Совершенномудрые — это наиболее искусные из людей в той или иной области, а отнюдь не только в литературе и учености. Чжуан Чжоу говорил, что и у разбойников есть свой Дао-Путь совершенного мудреца, проявляющийся в пяти принципах¹⁰. Они интуитивно чувствуют, где скрыты сокровища, и это мудрость. Они входят в чужие

жилица и не колеблются, и это храбрость. Они выходят оттуда и не боятся, и это долг-справедливость. Они знают, что возможно, а что нет, и это познание. Они делят награбленное, и это гуманность. И никогда не бывало такого, чтобы человек, не овладев этим Дао-Путем, стал великим разбойником Поднебесной».

Некто спросил: «Что касается Дао-Пути совершенного мудреца, то разве можно разделить его на ветви и листья? Его следует рассматривать как целостный и взаимосвязанный. Только в таком случае можно говорить о совершенномудром».

Я ответил: «Среди последователей Конфуция было семьдесят два человека, постигших его учение, и при этом каждый из них получил свою порцию совершенной мудрости учителя. А это показывает, что совершенномудрие делимо».

Еще я сказал: «Янь Юань¹¹ воплотил в себе всю мудрость Конфуция, но как бы в миниатюре. А это означает, что в совершенномудрии есть различие на обильное и скудное. Вот и „Перемены“ гласят: „Дао-Путь совершенного мудреца имеет четыре аспекта: в речах он ценит правильность слов, в делах он ценит изменения, к которым они приводят, в изготовлении орудий он ценит точность их образа¹², в гаданиях на черепаших панцирях и тысячелистнике он ценит правильность предсказаний“. А эти слова ясно доказывают то, что Дао-Путь совершенномудрых делим. И действительно, почему подобное можно говорить об искусных в практике Дао-Пути и его Благой Силы-Дэ последователях святых-бессмертных и нельзя говорить о стремящихся к обретению Дао-Пути совершенномудрых? Ведь если бы не было обретших Дао-Путь совершенномудрых, то разве могли бы Чжоу-гун и Конфуций стать совершенномудрыми, занимающимися делами приведения в порядок дел мирского правления? Если же существует не один тип совершенномудрия, то почему следует требовать, чтобы каждый человек объединял свои дела с делами государственного служения?»

В соответствии с учением канонических книг бессмертных все люди, обретшие состояние бессмертного, при своем рождении получили особую судьбу и специфиче-

скую пневму святых-бессмертных. Такая пневма дана им природой. Уже пребывая в утробе матери, они содержат в себе веру в природу Дао-Пути. И когда они узнают о даосизме, их сердце начинает любить его практику, и тогда они встречают мудрого учителя и от него непременно получают способ обретения бессмертия. Если это не так, то нет ни веры, ни исканий, а если есть искания, то все равно нет обретения. „Канон нефритовой печати“ в разделе о главенствовании судьбы гласит: „Удачи и беды человека определяются в день его зачатия получением той или иной пневмы, ниспосылаемой сверху созвездиями; эта пневма есть семенная эссенция созвездий. Если из созвездия исходит пневма совершенной мудрости, то рождается совершенномудрый; если пневма мудрости, то рождается мудрец; если пневма литературного таланта, то рождается человек, наделенный литературным талантом; если пневма воинственности, то рождается человек с талантом военного¹³; если пневма знатности, то рождается знатный человек; если пневма богатства, то рождается богатый; если пневма плебейства, то рождается плебей; если пневма бедности, то рождается бедняк; если пневма долголетия, то рождается долгожитель; если пневма бессмертного, то тогда рождается бессмертный“.

Кроме того, есть созвездия святых-бессмертных совершенных мудрецов; есть созвездия совершенных мудрецов, занимающихся мирскими делами правления; есть созвездия совершенных мудрецов, совмещающих и то, и другое; есть созвездия, дающие знатность, но не дающие богатства; есть созвездия, дающие богатство, но не дающие знатности; есть созвездия, дающие и знатность, и богатство; есть созвездия, дающие вначале богатство, а потом бедность; есть созвездия, дающие и бедность, и плебейство; есть созвездия, дающие и богатство, и знатность, но не до конца; есть созвездия, дающие преданность и сыновнюю почтительность; есть созвездия, дающие горести и бедствия. Все множество комбинаций здесь невозможно перечислить, поэтому я ограничиваюсь этим беглым обзором. Но в любом случае жизнь человека коренится в предустановленной судьбе, именно об этом говорит Чжан Чэ-цзы¹⁴.

Если человек не получил судьбы святого-бессмертного, то он никогда не будет иметь влечения к делам бессмертных и не станет любить их. И никогда не бывало такого, чтобы человек, не имея влечения и любви, начинал искать этого, и никогда не бывало такого, чтобы человек не начинал искать, но получал. С древности до нашего времени всегда находились люди, наделенные возвышеннейшими талантами и мудростью, но не верившие в бессмертных, и вместе с тем бывали самые посредственные и заурядные люди, учившиеся пути бессмертных — и обретавшие бессмертие. Первые хотя и знали чрезвычайно много, но пренебрегали делами бессмертных; вторые не постигли очень многого, но всесторонне познали главный принцип пути бессмертных. Разве этому есть какое-либо другое объяснение, кроме предустановленной судьбы?

Даосы всегда стремились хранить в тайне драгоценные знания об искусствах Дао-Пути. Они чрезвычайно долго отбирали среди своих учеников самых наилучших и только после этого устно сообщали им важнейшие сведения и давали наставления. Неужели же эти знания могли быть доступны мирским людям, которые не верили и не искали? Чего бы ради даосские наставники стали разговаривать с ними? Ведь их невозможно изменить и сделать верующими: при любых попытках наставить их они станут только глумиться и поносить истины учения. Поэтому мужи, обретшие Дао-Путь, ходят с мирскими людьми по разным тропам, останавливаются в разных местах, не выказывают никакого желания говорить с ними и всячески избегают общения между собой. Даже расстояние в тысячу ли не считают они достаточным, чтобы удалиться от нападков и бремени забот и тревог. Даже то, что они оставляют следы на разных тропях, не считают они достаточным для избавления от мерзости клеветы и поношений. Знатности мало, чтобы соблазнить мужей Дао-Пути; богатства мало, чтобы они изменили свой образ жизни. Так неужели же эти мужи стали бы по собственной воле обращаться к обывателям, говоря: „Я обладаю способом обретения бессмертия“? Вот почему Чжоу-гун и Конфуций никогда не имели возможности узнать о пути обретения бессмертия.

При этом надо отметить, что Чжоу-гун и Конфуций были обладателями возвышенных талантов и великими учеными, далеко отстоявшими от достоинств обычных людей. Поэтому они не занимались ни одним из всего множества ничтожных дел, таких как жонглирование шариками, игры с мечами, хождение по лезвиям ножей, втискивание крупных вещей в узкие щели, лазание по занавесям, метание дисков, акробатические номера на столах, повисание над бездонными пропастями, плавание в неизмеримых по своей глубине пучинах Люйляна, поднимание тяжестей в тысячу пудов, хождение по горящим углям, дрессировка тигров и леопардов или ловля летящих стрел. Обычные люди умеют все это, а Чжоу-гун и Конфуций не умели, но разве из того можно сделать вывод, что они уступали людям толпы? А еще менее они умели делать следующее: знать мысли других людей, определять, куда побежит блоха, определять через стену, какого цвета предмет — пурпурного или киноварно-красного, находить определенный стебелек в густом лесу, узнавать названия книг, лежащих в запертом шкафу, находить скрытые в земле клады, определять птиц и зверей, живущих в лесных чащобах, или рыб и черепах, обитающих в глубинах водных пучин, — ведь если спросить у Чжоу-гуна или Конфуция обо всех этих существах, о том, много их или мало, о том, есть ли вообще такие твари или же их нет, то они отнюдь не смогут исчерпывающе рассказать об этом. А что уж говорить о вещах более далеких и загадочных?

Если совершенные мудрецы не поедят, то они проголодаются; если не попьют, то почувствуют жажду; если обожгутся, то почувствуют ожог; если окажутся на морозе, они замерзнут; если их ударят, то им станет больно; если ранят, то их плоть будет уязвлена; а чем дольше они живут, тем сильнее стареют. Когда их жизненная сила уменьшается, они заболевают, когда их пневма пресекается, они умирают. А это значит, что того, в чем они не отличаются от простых людей, много, а того, в чем совершенномудрые превосходят последних, — мало. Поэтому все, в чем совершенные мудрецы оставляют простых людей далеко позади, — это только величина их таланта и глубина их мысли,

способность красиво говорить и искусно владеть кистью, целостность их добродетели и чистота их поведения, совершенство их образования и широта их познаний. Но разве может быть такое, чтобы они не упустили ни одного дела? Они всемерно заняты составлением кодексов ритуалов и норм поведения, вопросами умиротворения верхов и благодетельствования народа. Так не чрезмерным ли будет требование обременить их еще знанием пути продолжения жизни и обретения бессмертия? Знать все об этих двух областях — делах правления и пути бессмертных — не слишком ли это много даже для совершенных мудрецов?

Я слышал, что речи о высшем противны уху обывателя, а правдивые слова ненавистны толпе. Однако я надеюсь, что когда мужи-конфуцианцы прочтут, что я написал, они не сочтут, что я хую совершенномудрых. Разве я клевету на них? Я только хочу всесторонне и до конца рассмотреть суть проблемы, но когда проблема всесторонне рассмотрена и ее суть до конца исчерпана, то может показаться, что я клевету на Чжоу-гуна и Конфуция.

Мирские люди говорят, что совершенные мудрецы ниспосланы нам Небом и что они особые, божественно одухотворенные существа, для которых нет ничего неизвестного и ничего невозможного. Люди настолько трепещут перед именами совершенномудрых, что даже не осмеливаются проверить их славу при помощи фактов, и только говорят, что раз совершенные мудрецы чего-то не могли сделать, то другие люди и подавно не смогут, и что раз совершенные мудрецы чего-то не познали, то другие люди и подавно этого познать не смогут. Ну не смешно ли это?!

Ныне я собрал воедино сведения о близких к нам событиях, чтобы опровергнуть эти взгляды, и надеюсь, что смогу внести полную ясность в этот вопрос.

Птица с горы Ваньшань кричит так же, как человек, продающий в рабство своих родных, чтобы похоронить умерших, но Конфуций ничего не знал об этом, и только Янь Хуэй смог объяснить ему характер услышанных криков, — разве это не так?¹⁵ Когда он слышал, как плачет женщина на горе Тайшань, то он тоже не знал причины ее

скорби и, только после того, как спросил ее, узнал, что тигр сожрал трех человек из ее семьи и поэтому-то она и не уходит с горы; только когда женщина ответила ему, он узнал об этом¹⁶. Когда Конфуций увидел, что ловец воробьев ловит только желторотых птенцов, то не мог понять причины этого обстоятельства, пока ловец сам не объяснил ему, что к чему¹⁷. Когда Конфуций хотел похоронить свою мать, то не знал, где находится могила его отца, и только посторонние люди объяснили ему, где ее найти. Потом могильный курган обрушился, но Конфуций также ничего не знал об этом, пока ему не рассказали ученики; тогда Конфуций залился слезами¹⁸. Подозревая, что Янь Юань украл пищу, Конфуций притворился, что хочет принести ее в жертву предкам и погадать о бренности и тщете присвоенного имущества¹⁹. Когда сгорела конюшня, Конфуций не знал, пострадали ли от этого кони и люди, и Янь Юань должен был сообщить ему, что при пожаре были жертвы²⁰. Конфуций объехал семьдесят с лишним чжоуских государств, но не знал заранее, удастся ли ему где-нибудь получить назначение на службу. Оставаясь без использования и здесь и там, он так быстро переезжал с одного места на другое, что чиновники, на которых он сидел, не успевали согреться. Не зная, что люди из местности Куан будут угрожать ему, Конфуций спокойно путешествовал по тем землям²¹. А поскольку он расспрашивал Лао-цзы о древних ритуалах, то и о ритуалах он знал далеко не все²². Он расспрашивал Тань-цзы о чиновничьих должностях, называемых именами птиц, а это значит, что он знал не все и о чиновничьих должностях²³. Во время одного из своих путешествий он не знал, где найти брод, и вынужден был спрашивать об этом других людей; не знал он и того, что люди, к которым он обратился с вопросом, обманут его и не объяснят ему дорогу, — ведь если бы он все это знал, то не стал бы никому задавать вопросов²⁴. Когда он сходил с колесницы, чтобы подойти к человеку, певшему о фениксе, то не знал, что тот не остановится поговорить с ним²⁵. Он был на аудиенции у Нань-цзы, но не знал, что от встречи с ней не будет проку²⁶. Вообще же, всех примеров такого рода даже нельзя и перечислить, так

почему же надо удивляться только тому, что Конфуций не знал способов обретения состояния бессмертия?

И еще конфуцианцы-обыватели говорят: „Если совершенные мудрецы чего-то не могли, то другие люди тем более не смогут“. Народ данов живет в воде²⁷, лянская матушка превратилась в огонь²⁸, Бо-цзы выдерживал крайнюю степень жара²⁹, Чжун-ду терпел самый жестокий мороз³⁰, Цзо Цы совершил освобождение от трупа посредством меча и обрел бессмертие³¹, Гань Ши целый год выдерживался от пищи³², Фань И ударили топором, но не причинили ему никакого вреда³³, Бе Лин трупом плыл по реке, но воскрес³⁴, Шао-цянй держал в повиновении сотню демонов³⁵, Чан-фан сокращал расстояния во время своих странствий³⁶, Чжун-фу умел прикинуться дикой уткой³⁷, а Чжан Кай одним выдохом создал облака и туман³⁸. Но никто не слышал, чтобы Чжоу-гун и Конфуций могли сделать что-либо подобное».

Некий обыватель сказал: «Чжоу-гун и Конфуций могли сделать все это, но не делали, вот и все».

Я сказал ему в ответ: «Об этом не найти ничего в мудрых сочинениях, но можно узнать из пустой болтовни. Ведь и я могу взять и сказать, что Чжоу-гун и Конфуций умели летать, паря в небесной выси, что они могли облететь все восемь пределов мироздания или же что они могли изливать дождь из облаков, передвигать горы, чтобы вырыть колодцы, да, что они были способны на все это, но просто этого не делали. Каков же, по-вашему, порог достоверности, если мы отказываемся считать ее критерием факты, сообщенные в авторитетных текстах? Так ведь и я могу заявить, что Чжоу-гун и Конфуций стали бессмертными и вознеслись на небо. Но я думаю, что это не способ для наставления мира. Я боюсь, что если все люди будут твердо знать, что бессмертие можно обрести, то они перестанут заботиться о пропитании, откажутся служить государству и отправятся жить среди горных пиков и глубоких потоков, чтобы там совершенствоваться в практике этого пути; боюсь, что в таком случае семьи лишатся сыновей и внуков, а государство — чиновников и министров, преданность и сыновняя почтительность будут забыты и

великие принципы морали спутаны. Поэтому, могу я сказать, Чжоу-гун и Конфуций и скрыли то, что они стали бессмертными, ничего не сказав об этом людям. Они сделали вид, что умерли, а на самом деле вознеслись ввысь как бессмертные. Если я начну заявлять такое, то каким образом вы сможете опровергнуть меня? А ведь в этом нет ничего невероятного!

В „Каноне Духовной Драгоценности“³⁹ есть три главы, называющиеся „Истинный механизм“, „Равновесие“ и „Передача способа летящей черепахи“. Все они посвящены искусствам бессмертных. Когда в скале вырубали камни на строительство дворца царя государства У⁴⁰, то за одним из камней обнаружили золотые таблички с текстом пурпурного цвета, который никто не мог прочитать. Тогда их передали гонцу, которого отправили к Чжун-ни, Конфуцию. Гонец, однако, обманул Чжун-ни, сказав ему: „Царь У на досуге отдыхал во дворце. Вдруг в покое появилась красная птица⁴¹, державшая в клюве эту книгу, а потом она улетела, оставив текст царю. Государь не понял ее содержания и послал меня в дальнюю дорогу, чтобы просить вас объяснить, что к чему“. Конфуций взглянул на текст и сказал: „Это способы одухотворенной драгоценности и методы продления жизни. Ее скрыл от любопытных взоров великий Юй, который отшельничал в местности, где много разных вод. Он по своему возрасту сравнился с Небом и Землей, и тогда его призвали к небесному двору в Пурпурный Дворец. Юй преобразился в бессмертного и спрятал этот текст, запечатав его камнем в славных горах. Ныне красная птица принесла его, что, видимо, означает, что Небо даровало ее вам“.

Если порассуждать об этих словах, то нам станет понятно, что сяский⁴² Юй обрел бессмертие и что Конфуций знал об этом. Как знать, не совершенствовался ли тайно и сам Конфуций в практике этого пути? Если в связи с этим мы вернемся к вашему утверждению, что совершенномудрые не делали ничего такого, то мы уже не сможем сказать, что они поступали так из-за недейственности. То, что люди любят или ненавидят, отличается в зависимости от личности человека: одному нравится одно, другому — другое,

но когда нечто предъявляют людям прямо в лицо, то как им не поверить в это? Если некая идея соответствует представлениям человека, то он охотно принимает ее, сколь бы ничтожной она ни была. Если же идея не соответствует духу человека, то он не станет изучать ее, сколь бы великой она ни была. Ведь бывают даже люди, которые любят горькое и терпеть не могут сладкого, а уж число тех, кто ради выгоды отбрасывает долг, вообще неизмеримо. „С точки зрения совершенных мудрецов драгоценностью является высокое положение, но подавляющее большинство простых людей назовут самым ценным богатство“. И еще говорится: „Богатство и знатность — вот чего желают люди“⁴³. А вот в древности цари и императоры передавали престол посторонним, и те отказывались принять его, предлагали людям величайшие сокровища среди четырех морей, и они не брали их, а уж тех, кто отказывался от должностей трех герцогов и девяти министров или поворачивался спиной к нефриту и шелку, предпочитая уединение в горной выси или лесной глуши или простые радости жизни рыбака, и вообще не счесть. И еще говорится: „Мужчины, женщины, еда, питье — вот в чем заключаются великие желания рода человеческого“⁴⁴. А значит, если удовлетворены плотские влечения, то люди не будут поносить власти, а если они получают вкусную еду, то забудут все невзгоды. Но ведь трудно перечислить и все до одного имена тех, кто отказался от сладкой еды и прекрасных вещей, отверг улады с женами и наложницами, предпочитая удалиться в уединение, пестовать свою безбрежную мысль⁴⁵, находить радость в созерцании собственной тени и, забывая об изысканных вкусах, наслаждаться бегом прозрачных потоков. Человеческие чувства стремятся к румяным лицам и смазливой внешности, легким и мягким женским телам и статным фигурам, но император Хуан-ди взял в жены уродливую Мо-му, а чэньский маркиз пожалел презираемую Дунь-ся⁴⁶.

Поскольку все люди ценят благоуханные запахи, то они считают драгоценностями благовонную серу, благоухающее золото, грибную орхидею, сапотовое дерево, темную желчь, су-цзяо, цзян-ли, цзе-чэ, бледную весеннюю

орхидею и осеннюю орхидею⁴⁷. Эти вещества и растения ценятся людьми наравне с нефритом и яшмой, но женщины, живущие в приморских землях, обожают своих провонявших мужей и никогда не стремятся расстаться с ними.

Чжоуский Вэнь-ван любил непритязательные сушеные овощи и не соглашался заменить их на изысканный вкус мясных блюд. Вэйский император Мин-ди любил звук молотков и резцов и не собирался менять их на гармоничную мелодию инструментов из нитей и бамбука. У каждого человека свои вкусы и пристрастия, и разве можно найти нечто, относительно чего все люди были бы едины в их мнении?

Случилось так, что Чжоу-гун и Конфуций не верили в путь бессмертных. Но ведь и солнце с луной освещают не все, и даже для совершенномудрых остается нечто неизвестное. Так разве из того, что совершенномудрые чего-то не делали, можно заключать, что в Поднебесной нет бессмертных! Ведь это все равно что обвинять солнце, луну и звезды в том, что они не могут осветить место под опрокинутой плошкой!»

Примечания

¹ Имеются в виду конфуцианские Каноны поэзии и истории («Ши цзин» и «Шу цзин») как основа основ конфуцианской культуры и конфуцианского учения о государстве.

² Имеются в виду Хэту и Лошу, таинственные схемы, содержащие тайны порядка триграмм и гексаграмм «Канона Перемен» (подробнее см. выше). Здесь о них говорится как о символе учения о переменах, основе основ традиционного для Китая учения о мире.

³ Оды и гимны (*я сун*) — разделы «Канона поэзии»: великие оды (*да я*), малые оды (*сяо я*) и гимны (*сун*).

⁴ Янь Цзы-цин (Янь У) — человек из царства У (III в.), прославившийся своим умением играть в облавные шашки (*вэй ци*).

Ма Су-й-мин — имеется в виду или Ма Хэ (Ма Сян-хоу), или свитский цзиньского Чжао-вана Луна по имени Ма Лан. Оба жили в III в. и славились своей игрой в шашки.

⁵ Хуан Сян (Хуан Сю-мин) — знаменитый каллиграф из царства У (III в.).

Ху Чжао (Ху Кун-мин) — земляк Гэ Хуна (из Чжичуаня), был искусен в каллиграфии и картографии.

6 Вэй Се — художник начала IV в., писал портреты даосов и буддийских монахов. Знаменитый живописец V в. Гу Кай-чжи считал его своим учителем. Его картины не сохранились.

Чжан Мо — известный художник того же времени.

7 Чжан Хэн (78–139) — выдающийся ученый-астроном, математик и поэт эпохи Поздней Хань. Был также искусным резчиком по дереву.

Ма Цзюнь (III в.) — выдающийся инженер эпохи Троецарствия. Прославился своими работами в области оружейного дела, оборонной техники и судостроения. Один из предшественников в изобретении компаса.

8 Хуэй из-под Ив (лю ся Хуэй; Чжань Цинь) — сановник из княжества Лу эпохи Чунь-цю, прославившийся своей верностью и преданностью и сравниваемый за это с древним Бо И. Его поведение неоднократно одобряли Конфуций и Мэн-цзы.

И-инь — преданный советник и верный помощник основателя государства Шан-Инь Чэн-тана и его преемников (XVI–XV вв. до н.э.).

⁹ См. коммент. 80 к гл. 8.

Юй Фу, Цинь Юэ-жэнь, Хэ и Хуань — знаменитые врачи древности Юй Фу, Бянь Цюэ, И-хэ и И-юань. Подробнее см. коммент. 29 к гл. 5.

Цзы-вэй и Гань Цзюнь — астрономы древности. Оба жили в период Чжань-го: Цзы-вэй в царстве Сун и Гань Цзюнь (Гань-гун, Гань Дэ) в царстве Ци.

Ши Су и Синь Ляо — знаменитые гадатели и сановники государства Цзинь в эпоху Чунь-цю. Упоминаются в «Цзо чжуань» и «Го юй».

Ся Юй и Ду Хуэй — знаменитые силачи древности. Первый из них жил в царстве Чжоу, а второй — в Цинь (эпохи Чжань-го и Чунь-цю).

Цзин Кэ — знаменитый мститель древности, предпринявший по предложению яньского принца Дая попытку убить Цинь Шихуан-ди (III в. до н.э.).

Не Чжэн — храбрец эпохи Чжань-го, убивший министра царства Хань по имени Куй.

Фэй Лянь — знаменитый бегун эпохи последнего шан-иньского царя Чжоу Сня (XII–XI вв. до н.э.). Был казнен чжоуским У-ваном.

Куа-фу — мифический бегун времен императора Яо; соревновался в беге с солнцем.

Цзы-е (он же Ши Куан) — см. коммент. 3 к гл. 9.

Янь Чжоу (Цзи Чжа; Янь Чжоу-лай) — знаменитый музыкант и знаток музыки из княжества У (эпоха Чунь-цю).

Сунь У (VI–V вв. до н.э.) и У Ци (V–IV вв. до н.э.) — знаменитые древнекитайские полководцы, стратеги и теоретики военного искусства, мыслители военной школы (*бин цзя*).

Хань Синь — хуайиньский маркиз (*хоу*), сподвижник основателя династии Хань Лю Бана. Одержал победу над его главным соперником Сян Юем (III–II вв. до н.э.).

Бай (Бо) Ци — полководец эпохи Чжань-го (царство Цинь). Одержал победу над войсками царств Чжао, Вэй и Хань.

¹⁰ Чжуан Чжоу — имеется в виду даосский философ Чжуан-цзы.

Здесь Гэ Хун приводит цитату из гл. 10 «Чжуан-цзы» «О взымании сундуков», где разбойник Чжи сравнивает принципы «морали» бандитской «субкультуры» с пятью постоянствами конфуцианской этики, устанавливая их полный параллелизм.

¹¹ Янь Юань (Янь Хуэй) — любимый ученик Конфуция, живший в бедности и умерший молодым.

¹² Здесь обыгрывается значение слова «образ» (*сян*): облик, внешний вид, соответствующий ритуальным нормам древности, и образ как синоним *гуа*, триграмм и гексаграмм «Канона Перемен».

¹³ Здесь присутствует характерная для китайской культуры оппозиция «гражданский—военный» («вэнь—у»), причем слово «вэнь» (гражданский) означает также литературу, письменность, культуру, литературный талант. Китайская цивилизация всегда отдавала предпочтение гражданскому перед военным.

¹⁴ Чжан Чэ-цзы (Чжан Тележник) — персонаж «рассказов о чудесном» современника Гэ Хуна Гань Бао («Записки о поисках духов», «Соу шэнь цзи», цзюань 10); они доступны на русском языке в переводе Л. Н. Меньшикова (см. примеч. 1 на с. 9). Имя Чжан Чэ-цзы здесь употреблено как синоним рока и предопределенности: еще до своего рождения он давал в долг деньги, потому что такова была его судьба, также получение от него денег было написано на роду его должников.

¹⁵ Данный сюжет рассказывается в произведении Лю Сяна «Шо юань» и в ханьском апокрифе «Кун-цзы цзя юй» («Речения семьи Конфуция»). Однажды Конфуций услышал странные звуки, но не понял их природы. Его ученик Янь Хуэй (Янь Юань) сказал, что кто-то плачет, прощаясь навеки со своими детьми, ибо эти звуки напоминают ему крик птицы с горы Ваньшань, птенцы которой навсегда покидают ее, улетая за море. И действительно, оказалось, что это был плач человека, вынужденного из-за нищеты продать своего единственного сына, чтобы иметь средства на похороны отца.

¹⁶ Сюжет из конфуцианской канонической книги «Записи о ритуале» («Ли цзи»; гл. «Тань гун», ч. 2).

¹⁷ Сюжет из сочинения «Шо юань». Ловец воробьев сказал Конфуцию, что желторотого птенца не поймает благодаря высокому титулу, а вот высокий титул благодаря желторотому птенцу получить можно.

¹⁸ Сюжет из «Записей о ритуале» (гл. «Тань гун», ч. 1).

¹⁹ «Весны и осени господина Люя» («Люй ши чунь-цю», гл. 17). Янь Хуэй ответил Конфуцию, что подобное жертвоприношение неуместно и будет неблагоприятным. Конфуций убедился в невинности своего любимого ученика.

20 См. «Суждения и беседы» («Лунь юй»), гл. X, 12: «Когда сторела конюшня, то Учитель, вернувшись из дворца, спросил: „Есть ли пострадавшие люди?“, но не спросил про лошадей».

21 «Суждения и беседы», гл. IX, 5; XI, 22. В последнем случае между Конфуцием и Янь Хуэем произошел такой разговор: Конфуций сказал своему ученику, что он боялся, что тот погиб. Янь Хуэй ответил: «Если вы живы, то как бы посмел я умереть?».

22 Версия о том, что Конфуций во время путешествия в царство Чжоу беседовал там с Лао-цзы о ритуале и расспрашивал его об этом предмете, восходит к «Жизнеописанию наследственного дома Конфуция» из «Исторических записок» Сыма Цяня.

23 Об этом говорится в летописи «Цзю чжуань» (17-й год Чжао-гуна).

24 «Суждения и беседы», гл. XVIII, 6. Данный пассаж интересен и тем, что два человека отказываются сообщить Конфуцию, где бродит через реку, по принципиальным соображениям: первый — из-за того, что если Конфуций — совершенный мудрец, то должен и сам знать это, а второй — из-за неприятия учения Конфуция как суетного и направленного на вмешательство в естественный ход событий.

25 «Суждения и беседы», гл. XVIII, 5. Конфуций услышал, как Цзе Юй, «безумец из Чу» (видимо, один из «протодаосов», носитель отразившейся в «Чжуан-цзы» чуской шаманистической и отшельнической традиции «юродства»), пел песню о фениксе, и хотел поговорить с ним, но тот ускорил шаг и ушел.

26 «Суждения и беседы», гл. VI, 26. *Нань-цзы* — наложница вэйского князя Лин-гуна, фактически узурпировавшая престол. Некоторые ученики Конфуция роптали, что Конфуций нашел возможным пойти к ней на аудиенцию.

27 *Даны* — фантастический народ, живущий за южными морями в воде, словно рыбы.

28 Лянская матушка — персонаж «Жизнеописаний бессмертных» («Ле сянь чжуань»), жизнеописание Сяо-фу.

29 *Бо-цзы* (или *Ю Бо-цзы*) — подробнее см. гл. 15 «Баопу-цзы», где говорится, что он мог летом в шубе стоять у раскаленной печи и не чувствовать жара.

30 *Чжун-ду* (Ван Чжун-ду) — даос эпохи Хань. Император Юань-ди (48–33 гг. до н.э.) проверил его нечувствительность к холоду, приказав ему в морозный зимний день ездить на колеснице по замерзшему дворцовому озеру Куньминху. Он также нагим лежал на льду этого озера. См. коммент. 84 к гл. 8.

31 *Цзо Цы* — даосский маг и бессмертный (II–III вв.), один из предшественников Гэ Хуна. Совершил «освобождение от труп» (*ши цзе*): умерев и воскреснув, когда диктатор Цао Цао пытался казнить его. См. также коммент. 33 к гл. 2.

32 *Гань Ши* — даос из Тайюаня (III в.). Овладев искусством дыхательных упражнений, мог вообще обходиться без еды.

33 *Фань И* — человек, наделенный паранормальными способностями из государства Линьго, расположенного в южных морях.

О Фань И сообщается также в главе «Описание Линьинго» («Линьинго чжуань») «Истории Цзинь» («Цзинь шу»).

34 О Бе Лине см. коммент. 69 к гл. 8 (история, связанная с началом правящего дома царства Шу и воцарением императора Ван-ди, увидевшего плывущий по реке труп Бе Лина).

35 Шао-цзянь — см. коммент. 64 к гл. 8.

36 Чан-фан (Фэй Чан-фан) — даосский маг конца правления династии Хань. Его биография имеется в «Истории Поздней Хань» («Хоу Хань шу») и в «Жизнеописаниях святых-бессмертных» («Шэньсянь чжуань»).

37 Чжун-фу (Ли Чжун-фу) — в «Жизнеописаниях святых-бессмертных» о нем рассказывается, что он лишь немного учился даосским искусствам, но уже умел становиться невидимым и превращаться в животных.

38 Чжан Кай (Чжан Ба) — даосский маг и чудотворец. Его жизнеописание есть в «Истории Поздней Хань».

39 «Канон Духовной Драгоценности» («Лин бао цзин») — один из важнейших даосских текстов, на основе которых позднее (около 380 г.) потомок Гэ Хуна Гэ Чао-фу создал даосскую школу «Линбао» («Духовной Драгоценности»), хотя ее номинальным основателем адепты этой школы полагали двоюродного деда Гэ Хуна, знаменитого даосского мага, считающегося в даосизме бессмертным Гэ Сяо-сянь (Гэ Сюань, Гэ Сянь-гун).

40 Царство У — одно из государств чжоуского Китая эпох Чунь-цю и Чжань-го. Располагалось на юге тогдашнего Китая (территория провинций Чжэцзян и Цзянсу).

41 Красная птица (*чи цяо*) — сакральный символ юга и первоэлемента «огонь».

42 Ся — полулегендарная династия, первое государство в Китае, основанное на династийном принципе. Его создателем считается усмиритель потопа Великий Юй, получивший престол от Шуня и передавший его своему сыну (до 216 г. до н.э.).

43 См. «Суждения и беседы» («Лунь юй»), гл. IV, 5.

44 См. «Записи о ритуале» («Ли цзи»), гл. «Ли юнь».

45 Намек на знаменитое высказывание Мэн-цзы о необходимости возражать безбрежную пнелю (*ян хао жань чжи ци*). См. коммент. 15 к гл. 1.

46 Мо-му (Матюшка Мо) — четвертая наложница мифического императора Хуан-ди, которую тот выбрал за добродетель, а не за красоту лица.

Дунь-ся. — Вельможа из Чэнь (Чэнь-хоу) времен Чжань-го взяла в жены уродливую Дунь-ся за ее добродетель (см. «Весны и осени господина Люя», «Люй ши чунь-цю», гл. «Юйхэ»).

47 Здесь перечислены различные экзотические благовония, по большей части ввозимые в Китай из дальних мест, включая Римскую империю (страна Да Цинь), откуда, например, ввозили стиракс (смола дерева ликвидамбар) и некоторые другие вещества.

ГЛАВА 13

Предельные речи

Некто спросил: «Что касается бессмертных древности, то они достигали бессмертия благодаря обучению или благодаря тому, что обладали особой пневмой?»

Баопу-цзы сказал в ответ: «И почему только вам приходит в голову говорить такое? Никто из них не отказывался от того, чтобы нести на спине груз из книг, следуя за учителем. Все они усердно трудились, страдая от инея в стужу, обдуваемые ветрами и орошаемые дождями. Все они исчерпывали свои силы, самостоятельно трудясь над овладением искусства бессмертных, начиная свои подвиги с веры и заканчивая их в опасностях и невзгодах. Когда же их природная сущность твердо устанавливалась на стезе добродетели, а их сердца освобождались от сомнений и страха, им позволялось входить в жилище учителя и уединяться в келье для созерцания.

Однако некоторые начинали лениться и утомляться, останавливаясь на полпути, другие же начинали испытывать разочарование и неудовлетворенность, отступая назад. Третьи соблазнялись славой и выгодой и возвращались к делам обывателей, кое-кто был совращен лжеучениями, теряя незапятнанную чистоту и пресноту своей воли, иные утром начинали заниматься практикой, а вечером уже ждали результата или же, сидя, занимались практикой, а вставая, забывали о пользе совершенствования. И на все множество мужей, начинавших практиковать методы обретения бессмертия, были, самое большее, только единицы таких, которые глядели бы на богатство или красивых женщин — и их сердце не совращалось, слушали бы речи обывателей — и их воля оставалась непоколебимой. Начавших практику было столько же, сколько шерстинок на теле коровы, а закончивших столько, сколько рогов у единорога.

Стрелок из лука должен применить силу, чтобы натянуть тетиву и хорошо пустить стрелу. Переправляющийся через широкую реку чувствует себя в безопасности, только оказавшись на другом берегу. Если бы колодец не распо-

лагался вблизи подземного ключа, то его бы не стали рыть, и если бы первый шаг был не нужен для того, чтобы дойти до нужного места, никто бы не отправлялся в путь.

Ведь путь нельзя одолеть, просто следя за тенью солнечных часов, а строение, устремляющееся в небо, нельзя возвести с одной корзиной строительных материалов. Поэтому совершающие восхождение на горные пики боятся, что перед самой вершиной у них не останется сил, а практикующие Дао-Путь опасаются, что им не хватит силы воли перед самым завершением их практики. Тысячи полных амбаров и мириады нагруженных сундуков не могут появиться после одного урожая, и дерево, достигающее небаветвями, не вырастет за одну неделю. Неизмеримая водная пучина начинается в болотах и тонях, а богатство Тао Чжу¹ было собрано благодаря трудам сотен тысяч людей. Вот почему Инь-цзы² достиг успеха в практике Дао-Пути, тогда как другие отступали, едва приступив. Цена конец так же, как и начало, Сяньмэнь³ вознесся в небо на парящем в облаках драконе. Если я искренен и моя воля крепка, что мне за дело до других людей?»

Баопу-цзы сказал: «Обыватели неспособны обеспечить сохранение и пестование жизни⁴ и делают все возможное, чтобы губить жизнь. Ведь с помощью исчерпавшегося не обеспечить и грана непреходящего, и всех великих рек не хватит, чтобы наполнить бездонный кувшин. Обычные люди получают пользы мало, а тратят много; они отнюдь не те, кто что-то получает. А тем более это справедливо, когда расходуются сотни и тысячи, а доходы не составляют и жалкой крохи, не так ли?

Среди людей, будь они молоды или стары, нет таких, которые бы не были больны, и разница между ними состоит лишь в степени легкости или тяжести недуга. Кроме того, каждый получает свою меру пневмы, кто много, а кто мало. У тех, кто получил много пневмы, она истощается медленнее, а у тех, кто получил мало пневмы, — быстрее. Знающие истинный Путь-Дао как можно раньше начинают восполнять растрату пневмы, спасая себя, но даже они очень медленно начинают чувствовать пользу от восполнения пневмы, получаемую ими потём.

Если можно было бы один день принимать лекарства, и на следующий день тело стало бы способно к полету, а мышцы и кости так бы укрепились, что и старец запрыгал бы, если можно было бы одно новолуние попрактиковать гимнастику дао инь, а на следующий день уже выросли бы перья и крылья, то тогда в мире совсем не осталось бы людей, не верящих в Дао-Путь. Но я боюсь, что для получения ложки пользы надо без видимых результатов потратить массу усилий. Корни и листья не успевают найти защиту, как лед и иней уже губят зелень листьев. Не успев понять, что корень беды в них самих, люди уже утверждают, что практика Дао-Пути бесполезна, и бросают принимать пилюли и порошки, а также перестают заниматься упражнениями вдоха и выдоха. Поэтому и говорится: „Не продлить жизнь трудно, а услышать о Дао-Пути трудно. Не услышать о Дао-Пути трудно, а осуществлять его трудно. Не осуществлять его трудно, а довести практику до конца трудно“.

Искусный мастер может научить людей пользоваться циркулем и угольником, но он не может научить людей таланту. Мудрый учитель может научить людей тому, что написано в книгах, но он не может научить вести себя так, как в этих книгах советуется. Практика Дао-Пути подобна обработке поля, а достижение успеха в практике подобно сбору урожая. И земля может быть плодородной, и воды вдоволь, но погода выдается плохой или плуг с мотыгой не применяют правильно, — вот и получится так, что посеяли горы зерна, а не взошло ничего; и земли было вдоволь, а урожая никакого.

Обычные люди не понимают, что польза производит пользу. Не знают они и того, что ущерб тоже производит ущерб. А ведь об ущербе проще узнать и легче устранить, а о пользе труднее узнать, и требуются усилия, чтобы ее получить. Если люди ни за что не могут сделать того, что легко, то как требовать от них, чтобы они делали то, что трудно. Ущерб напоминает процесс пожирания масла огнем светильника: никто не замечает, как это происходит, а вот уже масла и нет. А польза подобна тому, как всходят ростки на полях: никто не замечает этого, а поле вдруг оказывается густо покрыто зеленью.

Поэтому работа по поддержанию тела в порядке и по пестованию природной сущности должна быть тщательной и усердной: нельзя пренебрегать даже малой пользой и не стремиться получить ее; нельзя допустить появления даже крохотного ущерба и не стремиться защититься от него. Ведь малое собирается вместе, и получается большое, единицы слагаются друг с другом, и получаются миллиарды. И посему тот, кто умеет ценить малое и достигать успеха в мельчайшем, близко подходит к познанию Дао-Пути».

Некто сказал, задав вопрос: «Бывало ли в древности так, чтобы кто-нибудь, ничего не делая, достиг продления жизни?»

Баопу-цзы сказал в ответ: «Такого никогда не бывало. Одни люди следовали за мудрым учителем, накапливали заслуги, усердно трудились, чтобы получить от своего наставника в дар секрет изготовления снадобья. Другие получали тайные наставления и сами делали все, о чем им сообщалось, занимаясь работой по самоисправлению. Они не оповещали об этих делах мир и не вели бесед с обывателями. Поэтому авторам книг известны только их имена, но неизвестны досконально те способы, благодаря применению которых они стали бессмертными. Вот и создается впечатление, что их как бы не было. В древности было такое, что Хуан-ди умел говорить уже от рождения, и он сразу же смог заставить служить себе множество одухотворенных существ. Потому можно сказать, что эти его способности естественным образом были получены им от Неба. Но и он не мог, ничего не делая и лишь восседая с прямой спиной, обрести Дао-Путь. Он отправился на гору Ванъушань и обрел там каноны эликсиров киновари, пошел к озеру Динху и выпарил там текучий жемчуг⁵, поднялся на гору Кундун и вопрошал там Гуан Чэн-цзы⁶, направился в Цзюйцы и служил там Давэю⁷, прибыл к склонам горы Восточная Дай и получил там наставления Чжун Хуана⁸, вступил в Цзиньгу и советовался там с Цзюань-цзы. Когда же Хуан-ди рассуждал о Дао-Пути и искусстве пестования жизни, то ему помогали две божественные девы — Сокровенная Дева и Чистая Дева⁹. Чтобы ускорить свое продвижение вперед, он советовался с Шань Цзи и

Ли Му¹⁰, а когда вставал вопрос о предсказаниях, он обращался к божеству ветра. Когда ему надо было научиться диагностике по пульсу, он просил наставлений Лэй-гуна и Ци-бо¹¹, а когда он занялся изучением военного искусства, то ему пришлось осваивать сочинения о пяти звуках¹². Когда Хуан-ди надо было постичь хитрости божеств, он стал слушать слова, произносимые чудесным зверем с Белого болота¹³, а чтобы овладеть познанием земных принципов, он начал записывать речи волшебной Синей птицы¹⁴. Чтобы быть способным оказывать помощь увечным и раненым, Хуан-ди овладел искусством Плавильщика Металла¹⁵, — другими словами, он всегда советовался со всеми знающими и учился у всех умелых. Именно поэтому Хуан-ди смог обрести все тайные наставления; исчерпать понимание Дао-Пути; до конца постичь истинное; сидя на драконе, вознестись ввысь и сравняться с Небом и Землей по беспредельности своего долголетия. И если уж про Хуан-ди и Лао-цзы, этих двух величайших мужей, в канонах святых-бессмертных говорится, что они взойшли в чертоги Изначального Государя Великого Первоединого, чтобы получить от него тайные наставления, то можно ли думать, будто стать бессмертными самостоятельно способны люди, во много раз уступающие им? Никто о таком никогда и не слышал».

Некто спросил: «Если Хуан-ди действительно стал бессмертным, то как же может его могила находиться на горе Цяошань?»¹⁶

Баопу-цзы сказал в ответ: «Согласно „Канону горы Цзиншань“ и „Записям о Драконовой Главе“¹⁷, получается, что после того как Хуан-ди принял божественную киноварь, к нему прилетел дракон, на котором он и умчался вдаль. Но все его сановники и министры продолжали горевать о нем и всегда помнили о своем государе. То они брали его стол и посох, строили для этих вещей храм и начинали там совершать жертвоприношения. То они брали его одежду и шляпу, хоронили их и начинали оказывать почести месту их захоронения. В „Жизнеописаниях бессмертных“ говорится, что Хуан-ди сам назначил день своей смерти. На семидесятый день он ушел, а через семьде-

сят дней снова вернулся. Тогда его и похоронили на горе Цяошань. Когда же могильный курган обрушился, то оказалось, что гроб Хуан-ди пуст и трупа в нем нет. В нем вообще ничего не было, кроме меча и башмаков. Хотя имеющиеся у нас источники и расходятся в деталях, все они согласны в том, что Хуан-ди стал бессмертным. Сведений, что Хуан-ди стал бессмертным, чрезвычайно много как в даосских книгах, так и в сочинениях представителей всего множества философских школ. Только одни конфуцианцы, не желая подтверждать и распространять сведения об удивительном и ходить по дорогам странного, не говорят об этом. Они проповедуют лишь доктрину ритуала и считают, что о делах, касающихся святых-бессмертных, не следует сообщать простым людям. Поэтому конфуцианцы и говорят, что Хуан-ди умер. Так они вводят в заблуждение умы народа.

В благодарность за оказанные добродейния все множество простых семей воздвигали храмы и кумирни Чжу И, Луань Ба и Юй-гуну, когда те были еще живы¹⁸. В древности, когда умирал человек обширной добродетели, его подданные и потомки выгравировывали записи о его деяниях на неразрушаемых сосудах. И доньше сохранились стелы, возвеличивающие деяния добродетельных государей и начальников прошлого, думавших о народе с любовью и насаждавших милосердие и добро. Такие стелы есть повсюду, и именно к памятникам этого рода относятся храм и гробница Хуан-ди. Разве может данное обстоятельство служить доказательством того, что он умер?»

Некий человек спросил: «Пэн-цзу прожил восемьсот лет, Ань Ци прожил три тысячи лет. Их долголетие во много раз превосходит срок жизни обычных людей. Но если тем не менее существует и путь полного избавления от смерти, почему же они не стали бессмертными? Это можно объяснить только тем, что они получили конкретную судьбу, выразившуюся в определенном запасе жизненной энергии — пневмы-ци. Хотя жизнь этих двух людей и имела границы, им удалось максимально использовать имевшиеся у них возможности. Однако принципы жизни нельзя изменить, и продлить жизнь больше пред-

определенных границ им не удалось. Не поэтому ли они в конце концов все-таки не сумели избежать кончины?»

Баопу-цзы сказал в ответ: «В „Каноне Пэн-цзу“ говорится, что начиная с того времени, когда Владыка Ку¹⁹ был помощником императора Яо, Пэн-цзу был великим сановником, занимая свою должность от эпохи правления династии Ся и до прихода к власти династии Инь²⁰. Тогда иньский царь отправил к нему гетеру, чтобы она научилась у Пэн-цзу технике искусства „внутренних покоев“. Царь начал с хорошими результатами практиковать это искусство, но задумал убить Пэн-цзу, чтобы пресечь распространение этого пути среди людей. Пэн-цзу почувствовал это и скрылся. Тогда ему было семьсот или восемьсот лет, но это не значит, что он умер.

В „Записях Господина Желтого Камня“²¹ говорится, что более чем через семьдесят лет после ухода Пэн-цзу один из его слуг встретил его к западу от Текучих Песков²². Из этого становится совершенно ясно, что он не умер. Кроме того, известно, что семь или восемь учеников Пэн-цзу, такие как Господин Ворон в Зеленых Одеждах, Господин Пещера Туши, Господин Прекрасные Брови, Господин Сын Белый Заяц, Господин, Покинувший Жену, Государь Великого Достатка, Мудрец Высокого Холма и Не Могу Прийти, — все они прожили по несколько сотен лет, а после стали бессмертными и ушли от мира. И если это так, то как же сам Пэн-цзу мог умереть?

Кроме того, Лю Сян в своем труде „Жизнеописания бессмертных“ также говорит, что Пэн-цзу является бессмертным.

Что же касается господина Ань Ци²³, то он продавал снадобья на берегу моря, и все население Ланье²⁴ регулярно, из поколения в поколение, видело его там. Можно подсчитать, что ему к тому времени уже исполнилась тысяча лет. Цинь Шихуан призвал его для беседы и проговорил с ним три дня и три ночи. Его речи были возвышенны, а их суть далека от обыденного. Он обнаружил широкую образованность и владел доказательствами истинности своих слов. Цинь Шихуан отличил его и одарил золотом и регалиями из нефрита. Эти дары оценивались в сотни

тысяч или миллионы монет. Потом Ань Ци роздал все эти богатства в городах и весях, так как считал, что пара башмаков, украшенных красным нефритом, вполне хорошая награда для него. Он оставил письмо, в котором говорилось: „Через следующую тысячу лет ищите меня на горе Пэнлай“. Это свидетельствует о том, что ко времени беседы с Цинь Шихуаном ему уже исполнилась тысяча лет, но отнюдь не свидетельствует о том, что он умер. Кроме того, известно, что Цинь Шихуан был человеком жестоким, твердым и горделивым. А такие люди в Поднебесной как раз не склонны верить в святых-бессмертных, а тем более если бы на его вопросы отвечали неискренне, он никогда бы не поверил. Но задавая Ань Ци вопросы о делах продления жизни, император получал от него исчерпывающие и обоснованные ответы. И Цинь Шихуан прозрел и уразумел, что в Поднебесной непременно должен быть путь бессмертных. Поэтому он проявил такую милость к Ань Ци и столь щедро наградил его, а сам от всего сердца решил заняться изучением дел обретения бессмертия. Но поскольку у императора не было мудрого учителя, он оказался введенным в заблуждение Лу Ао и Сюй Фу. По этой причине он и не смог обрести бессмертие. Если бы слова Ань Ци были лживыми или недостоверными, то за три дня и три ночи беседы с императором это вполне бы обнаружилось, и тогда Шихуан непременно сварил бы господина Ань Ци живьем или убил бы его другим способом, и тот не избежал бы мук в кипящем масле котла, а отнюдь не получил бы богатых даров и других милостей».

Некто спросил: «В мире так много людей, принимающих лекарственные снадобья, практикующих регулярно пненьмы и гимнастику дао инь, но все равно умирающих. Почему это так?»

Баопу-цзы ответил: «Если не обрести золотой раствор и перегнанную киноварь, а только принимать растительные снадобья и практиковать малые искусства, то можно продлить годы жизни и отдалить смерть, но нельзя стать бессмертным. Точно так же если применять растительные снадобья, но игнорировать необходимые искусства возвращения лет жизни, то в конце концов не удастся овладеть

принципом жизни. Если не носить на поясе божественные амулеты, не следовать запретительным заповедям, не созерцать духов, живущих в теле, и не практиковать хранение Одного, то можно будет лишь предотвращать возникновение внутренних болезней и вред, приносимый ветром и сыростью. Если же на такого человека нападут злые бесы или наделенная силой нечисть, если ему причинят вред оборотни гор или ядоносы вод, то он все же умрет.

Если он не будет владеть методами вхождения в горы, то ему достанется много горя от горных духов: нечистые нави обрушатся на него, хищные звери станут нападать на него, водяные гады станут жалить его, змеи и прочие гады будут язвить его, так что у него будет много возможностей умереть, не от одного, так от другого.

Иногда методы продления жизни начинают практиковать слишком поздно, когда ущерб, понесенный организмом, уже слишком велик и его нельзя восполнить. Или бывает и так, что польза от восполнения еще не стала окончательной, а человек снова делает нечто вредное и сводит все на нет; в таком случае что можно предпринять, чтобы преодолеть последствия такого вреда, и на основании какого резона можно ожидать тут продления жизни?

Бывает и так, что человек в старости начинает практиковать Дао-Путь и становится бессмертным, а бывает и так, что человек с молодости практикует Дао-Путь и не становится бессмертным. Почему? Иногда человек уже стар, но поскольку полученной им при рождении пневмы много, то и ущерб, понесенный его организмом, невелик. А раз ущерб невелик, то его легко восполнить. А раз его легко восполнить, то можно и обрести состояние бессмертного.

Но бывает и так, что человек молод, а полученной им при рождении пневмы мало. Раз пневмы мало, то и нанесенный ей ущерб велик. Раз ущерб велик, то его трудно восполнить. А раз его трудно восполнить, то нельзя и стать бессмертным.

Ведь гибискус и ива таковы, что когда их выращивают, то они прекрасно растут: пригнут их к земле — они растут, пустят параллельно земле — они тоже растут. И в жизне-способности ничто не превосходит эти деревья. Но вот вы

сажаете их в землю очень неглубоко, лишь едва прикрыв корни землей. Тогда очень скоро их кора начнет трескаться, листва опадет, они накренятся и упадут. Даже если их пестуют плодородной землей и поливают родниковой водой, они не могут не засохнуть и не погибнуть, ибо их корни не укрепились как следует. Поскольку им в таком случае не удастся произвести новые ростки и побеги, их соков не хватает, чтобы получить новый запас жизненной силы.

Тело, которое человек получает при рождении, таково, что ему легко нанести ущерб, но трудно вскормить и выпестовать. В этом отношении оно далеко уступает тем двум деревьям. А симптомов болезней человека во много раз больше, чем трещины на коре, увядание, потеря листвы и падение. Средств заботиться о теле так мало, а средств причинить ему вред так много! И насколько же легче человеку умереть!

Принципы дыхательных упражнений основываются на том, чтобы выдыхая старое, вдыхать новое и таким образом возвращать пневму при помощи пневмы. Но если пневма уже сильно истощена, то ее трудно взрастить. Принципы приема снадобий таковы, что принимая их, люди используют кровь, чтобы восполнять кровь. Но если кровь уже сильно обеднена, то ее ущерб трудно восполнить.

Когда человек бежит стремглав, его дыхание становится прерывистым и его легкие то совсем пустеют, то вновь наполняются. Когда человек насильственно изматывает свое тело, то дыхание его мало-помалу укорачивается и его пневма несет ущерб. Лицо тогда теряет свой цвет и лоск, кожа становится сухой и шершавой, губы бледнеют и вены обесцвечиваются. Все черты сглаживаются, и тело слабеет и увядает. Это признак уменьшения крови. Два этих типа признаков относятся к тому, что вовне. Но они свидетельствуют о том, что и духовный корень вянет внутри. И если человек не обретет наивысшего снадобья, то спастись ему не удастся.

Таким образом, положение, при котором человек начинает практиковать Дао-Путь, но не завершает практику, заботится о жизни, но все равно умирает, обусловлено от-

нюдь не тем, что человеку не хватает жизненной силы крови и пневмы. На самом деле в таком теле погибли сам корень и сам источник, производящий и пневму, и кровь: корень засох, остались одни ветки. Это все равно что окунуть факел в воду — огонь погас, но факел продолжает дымиться. Или это подобно тому, как дерево срубают, но его побеги и листья продолжают расти. Горение прекращается и дерево засыхает не потому, что нет дыма или листьев, а потому, что уже раньше погибло то, благодаря чему только и возможны и дым, и листья. Мирские люди обычно считают первый день недомогания за день начала болезни. Точно так же день, когда пресеклось возрастание пневмы, может считаться первым днем гибели тела.

Люди боятся только ветра и стужи, жары и сырости. Но они не понимают, что ни ветер и сырость, ни стужа и жара не могут причинить никакого вреда крепкому и здоровому организму. Следует опасаться только того, что организм уже опустошен и пневмы осталось мало. И если это так, то человек не сможет устоять против вредных воздействий, и они непременно скажутся на здоровье его внутренних органов.

Что здесь можно привести в качестве примера? Представим, что есть несколько человек одинакового возраста и одинакового состояния здоровья. Количество имеющейся у них еды также одинаково. И вот все они зимой попадают в пустыню. Стоят трескучие морозы. Ночь. С неба падает белый снег, под ногами скрипит темный лед. Пронизывающий ветер продувает насквозь, завывая в ночи. На губах нарастает льдистая корка, и они стынут и мерзнут. Среди этих людей непременно найдется один, чувствующий внутренний холод. Но отнюдь не обязательно оттого, что он болен. И не потому, что пневма холода сосредоточилась именно там, где стоял он, а не другие. Просто в его теле присутствовала некая непереносимость холода.

Бывает и так, что несколько людей едят одну и ту же пищу, а потом один из них отравляется. И это не потому, что в пище был яд именно в том куске, который съел он. Или все пьют одно и то же вино, но кто-то остается трезвым, а кто-то пьянеет. И это не потому, что вино, которое

они пили, было разной крепости. Многие страдают от непереносимой жары, но только некоторые умирают от солнечного удара. И это не потому, что жар небес имеет какие-то пристрастия и делит людей на своих и чужих. Все принимают некое снадобье, но одни от него впадают в отупляющую вялость, а другие испытывают головокружение, и все. И это, конечно, не потому, что яд снадобья кого-то любит, а кого-то ненавидит.

Когда в лесу дует сильный ветер, засохшие деревья падают первыми. Когда река выходит из берегов, то щели и трещины вода заливает первыми. Когда свирепствует пожар, то сухая трава загорается раньше, чем зеленая. Когда миски летят на пол, то разбиваются только самые хрупкие из них.

Из этого видно, что если в человеке отсутствует Дао-Путь, то он легко становится жертвой болезней и ветер, холод, зной, сырость легко губят его. Если же добиться того, чтобы пневма поддерживалась на одном уровне и не несла бы ущерба, а тело и дух защищали друг друга, то ничто не могло бы принести вред организму.

Ведь человек, следующий Дао-Пути, испытывает страх, когда стареет, а не когда молодеет. Люди в молодости беззаботны, полагаясь на крепость своего тела и силу своих налитых мускулов. Но именно в этой беззаботности они перенапрягают себя, и тут-то и появляются зародыши всего множества болезней.

Жизнь быстротечна и нежна, словно утренняя роса, и если не обрести великое снадобье, а принимать одни лекарства растительного происхождения, то хотя и можно продлить жизнь на срок больший, чем у обычных людей, но нельзя отдалить сам великий рубеж своего существования. Поэтому канон бессмертных гласит: „Пестование жизни заключается в непричинении себе вреда — вот главное“. Это очень правильные слова. Шэнь-гун говорил: „Если не исцелиться от всего множества болезней, то как можно продлить жизнь?“ О, сколь верны эти слова!»

Некто спросил: «То, что вы назвали вредящим организму, не разврат и чувственные влечения ли это?»

Баопу-цзы сказал в ответ: «Как же можно говорить только об этом одном? Ведь то, что необходимо для про-

дления жизни, непосредственно связано с путем возвращения молодых лет, с омоложением. Мужичи высших способностей, зная этот путь, могут продлить годы своей жизни и избавиться от болезней, а кроме того, они отнюдь не станут причинять себе вред. Если человек еще молод и крепок и к тому же знает принципы омоложения, то он может принимать киноварный эликсир силы *инь* и питать им мозг, собирать «нефритовую жидкость» в «длинной долине»²⁵, но если при этом он не принимает снадобий, то, хотя и проживет триста лет, все-таки не станет бессмертным. Тех же, кто не обладал этим искусством, древние сравнивали с людьми, варящими суп в ледяной посуде или хранящими огонь в плетенке из шерстистого тростника.

Стремиться к недостижимому и в мыслях мучиться из-за этого — вот, что вредно.

Направлять свои силы на то, что превосходит их, и тщетно пытаться поднять такой груз — вот, что вредно. Тоска и печаль, горькие воспоминания — вот, что вредно. Чрезмерные радость и веселье — вот, что вредно. Долгая болтовня и смех — вот, что вредно. Валяться в постели и даром терять время — вот, что вредно. Напиваться до беспамятства, а потом блевать — вот, что вредно. Наседаться до отвала, а потом ложиться спать — вот, что вредно. Задыхаться, будучи утомленным бегом и прыжками, — вот, что вредно. Длительное отсутствие соединения *инь* и *ян* — вот, что вредно.

Эти приносящие вред поступки, когда они все присутствуют, приводят к ранней смерти. Ранняя смерть не есть Дао-Путь²⁶. Таким образом, если говорить о способах пескования жизни, то они заключаются в том, чтобы не спать чрезмерно много, не ходить чрезмерно быстро, не утомлять слух напряженным вслушиванием, не утомлять зрение долгим всматриванием, не ложиться спать в чрезмерном утомлении, не кутаться до прихода холодов и не раздеваться до наступления тепла, не доводить себя до крайнего голода, не есть больше, чем нужно, чтобы насытиться, не доводить себя до крайней жажды и не пить больше, чем нужно, чтобы утолить жажду.

Ведь если чрезмерно много есть, то получается излишнее скопление²⁷, а если пить слишком много, то появляются мокрота и несварение желудка.

Не надо слишком утруждаться и слишком много пребывать в праздности, не надо вставать поздно и не надо изнурять себя до того, чтобы пот лился ручьями. Не надо слишком много спать и не надо мчаться на колесницах и галопом скакать на конях. Не надо утомлять зрение, вглядываться в дальние дали и не надо слишком объедаться, ибо от этого родится холод. Не надо пить вино, ибо от этого обязательно будут ветры, не надо без числа совершать омовения, не надо расширять сферу деятельности воли и пределы распространения желаний, не надо изыскивать способы создания хитроумных и изощренных вещей.

Не следует слишком греться зимой и слишком охлаждаться летом, не следует лежать под открытым небом звездными ночами, не следует во сне обнажать плечи; и если выполнять все это, то ни мороз, ни жара, ни ветер, ни туман — ничто не нанесет вреда. Пять вкусов входят в рот, но не следует увлекаться излишне только каким-то одним из них, ибо избыток кислого вредит селезенке, избыток соленого вредит сердцу, избыток сладкого вредит почкам. Это естественный принцип пяти первоэлементов²⁸.

Если говорить о вредном, то следует неизменно сознавать, в чем оно заключается: когда вредное воздействие длится долго, то жизнь сокращается. Именно поэтому хорошо умеющие держаться за жизнь²⁹ определяют время между отходом ко сну и пробуждением как четыре двухчасья³⁰, их деятельность и покой основываются на постоянстве и порядке предельной гармонии, их кости и сочленения пребывают в добром согласии. Владея способом взгляда вниз и вверх, они преграждают дорогу болезням и входы для всего дурного. Владея искусством вдоха и выдоха, они распространяют процветание и защищенность. Владея способом сдерживания излишнего семя, они достигают гармонии в регулировании пневмы.

Сдерживанием гнева восполняется пневма *инь*, подавлением радости пестуется пневма *ян*. Также нужно сначала принимать растительные снадобья, чтобы избавиться от

недостатков и изъянов, а затем принимать золотой раствор и перегнанную киноварь, чтобы утвердиться в безграничном долголетии. Этим и исчерпывается принцип продления жизни. Если человек хочет претворять в жизнь свои чаяния и исполнить свои заветные стремления, которые сам называет достижением знания и постижением предопределенности, то он должен не привязываться к крайностям, а положить предел своим чувствам и из всех сил стараться достичь цели. Для тех же, кто не хочет работать во имя продления жизни, сказанные здесь слова не более чем шум ветра в ушах или вспышка молнии перед глазами, да и этих сравнений недостаточно, чтобы передать их отношение к изложенному.

Хотя тело иссыхает в житейском коловращении, а пневма исчерпывается в роскоши тонких шелков, они услаждают свое сердце всем этим, и как же можно поведать таким людям дела, связанные с пестованием жизни? Они ни о чем не задумываются и ничего из упомянутого не берут — это и называется бесовским заблуждением. Надеяться, что они уверуют в этот путь, — все равно что выставлять светлое зеркало перед бельмами слепца или струнами и бамбуком музыкальных инструментов очаровывать глухого».

Примечания

¹ Тао Чжу — см. коммент. 43 к гл. 2.

² Инь-цзы — имеется в виду Инь Чан-шэн (Инь — Долгая Жизнь), ученик даоса Ма Мин-шэна; один из предшественников Гэ Хуна. Считается, что он обрел бессмертие и постиг Дао-Путь.

³ Сяньмэнь — имеется в виду Сяньмэнь Цзы-гао, легендарный даосский бессмертный времени правления Цинь Шихуан-ди (III в. до н.э.).

⁴ Выражение «шэн шэн» — «сохранение и пестование жизни» (перевод достаточно условен) восходит к «Дао-Дэ цзину» (50) и имеет отрицательный смысл «жадного хватания за жизнь» (*шэн шэн чжи хоу*), что противопоставляется истинно даосскому «охватыванию жизни» или «держанию за жизнь» (*шэ шэн*). Позднее выражение «шэ шэн» приобрело значение жизнелюбия и жизнеспорождения в самом широком смысле (вплоть до обозначения сексуального либертинизма).

⁵ Озеро Динху — см. коммент. 39 к гл. 6.

О мистическом путешествии Хуан-ди повествуется также в гл. 18 «Баопу-цзы», где оно одновременно оказывается и странствием адепта-даоса по своему тонкому (энергетическому) телу — микрокосму.

6 Учитель Хуан-ди, Гуан Чэн-цзы, считающийся в даосизме одним из воплощений Лао-цзы, до встречи с Желтым Императором жил как отшельник в пещере на некоей горе Кундун (гора Пустого Грота). Об этом сообщается в «Жизнеописаниях святых-бессмертных» («Шэнь сянь чжуань»).

7 Цзюй-цзы — название горы.

Давэй — имя или божества, или древнего мудреца. О встрече Хуан-ди с Давэем впервые говорится в гл. 24 «Чжуан-цзы» («Сюй У-гуй»).

8 Восточная Дай — местонахождение этой горы неизвестно. Скорее всего, это мифическое место.

Чжун Хуан (Срединная Желтизна) — древний даосский бессмертный, которому приписывается ряд сочинений по даосской практике (они упоминаются в гл. 19 «Баопу-цзы»).

9 См. коммент. 8 к гл. 6.

10 Шань Цзи и Ли Му — мудрые министры Хуан-ди.

11 Лэй-гун — божество грома.

Ци-бо — мифический врач и знаток лекарственных трав эпохи Хуан-ди.

12 Во время войны Хуан-ди с мятежным монстром Чи-ю Сокровенная Дева научила его тайной магии звуков пентатонической гаммы, благодаря чему Хуан-ди разбил Чи-ю и убил его.

13 Во время своих странствий Хуан-ди однажды встретил Божественного зверя с Белого болота (*бай цзэ шэнь шоу*), который умел говорить и который ответил на все вопросы Желтого Императора о духах, бесах, оборотнях и других чудесных явлениях.

14 Синяя птица (*цин няо*) — в китайской мифологии — проводник на гору Куньлунь и в другие обители бессмертных. Функция проводника предполагала знание землеописания. Поэтому в мифах о Хуан-ди она выступает в качестве его наставницы в области космографии.

15 Плавильщик Металла (*Цзинь е*) — мифологический персонаж с неясными функциями. О его беседах с Хуан-ди сообщается также в разделе «Основные анналы Сюань-юаня» («Сюань-юань бэнь цзи») даосской антологии XI в. «Семь грамот из облачного книгохранилища» («Юнь цзи цзи цань»). Сюань Юань — Хуан-ди.

16 Гора Цюшань расположена на территории, занимаемой современной провинцией Шэньси (уезд Хуанлинсянь).

17 Эти тексты упоминаются и в гл. 19 «Баопу-цзы», но до нас не дошли. В современном даосском каноне («Дао цзане») имеется текст под названием «Канон императора Хуан-ди о Драконовой Главе» («Хуан-ди лун шоу цзин»; в 2-х цзюанях).

18 Чжу И — чиновник, ведавший сельскохозяйственными работами и очень заботившийся о крестьянах, которые обожествили его

и стали воздвигать ему храмы. Жил в период правления Ранней Хань (206 г. до н.э. — 8 г. н.э.).

Луань Ба — уроженец Шу (Сычуань). Обладал властью над духами и способностями целителя. Был обожествлен своими односельчанами.

Юй-гун (герцог Юй — государственный канцлер Юй Дин-го, умер в 40 г. до н.э.) — проявил себя как исключительно честный и неподкупный судья и тюремный смотритель. Был обожествлен своими земляками.

¹⁹ Владыка Ку (Ди-ку) — один из божественных первопредков китайцев, потомок Хуан-ди. Помогал императорам Чжуань-сюю и Яо.

²⁰ То есть, по традиционной китайской хронологии, между XXI и XVI вв. до н.э.

²¹ В гл. 19 «Баопу-цзы» перечисляется несколько текстов с аналогичными названиями.

Господин Желтого Камня — один из последователей Пэн-цау. Кроме этого имени (Хуан ши-гун) он также называется Государем Желтой горы и Мудрецом с Желтой горы (Хуаншань-цзюнь; Хуаншань-цзы). О нем сообщается и в «Жизнеописаниях святых-бесмертных».

²² Текучие Пески (*лю ша*) — мифологизированный образ пустынь северо-запада Китая. Иногда ассоциируются с пустыней Гоби.

²³ Ань Ци (Ань Ци-шэн, Учитель Ань Ци) — даосский маг III в. до н.э., оказывавший значительное влияние на Цинь Шихуанди. О нем сообщается также и в исторических источниках. См. также коммент. 42 к гл. 3.

²⁴ Ланье — местность на территории провинции Шаньдун.

²⁵ Речь идет о даосской сексуальной практике. «Нефритовая жидкость» (*юй е*) — сперма. «Длинная долина» (*чан гу*) — женский половой орган, видимо, влагалище. Одна из даосских техник предполагала эякуляцию с последующим втягиванием пенисом спермы и смешанных с ней женских выделений внутрь тела.

²⁶ Измененная цитата из «Дао-Дэ цзина» (55): «Если существо в расцвете сил, то за этим следует старость. Неследование Дао-Пути ведет к ранней смерти».

²⁷ Из текста неясно, о скоплении чего идет речь.

²⁸ Высказанная здесь теория соответствует учению о взаимопорождении и взаимопреодолении пяти первоэлементов. Последние, выступая в качестве универсальных классификационных схем, соотносятся с определенными вкусами и внутренними органами: дерево — печень — кислое, огонь — сердце — горькое, земля — селезенка — сладкое, металл — легкие — острое, вода — почки — соленое. При этом, согласно порядку преодоления (*сян кэ*), вода преодолевает огонь, земля преодолевает воду, дерево преодолевает землю, металл преодолевает дерево, огонь преодолевает металл. Соответственно, возникают оппо-

зиции: вода—огонь (соленое—горькое, почки—сердце), земля—вода (сладкое—соленое, селезенка—почки), дерево—земля (кислое—сладкое, печень—селезенка), металл—дерево (острое—кислое, легкие—печень), огонь—металл (горькое—острое, сердце—легкие); каждому органу вредит вкус, соответствующий антагонистическому первоэлементу данного органа.

Порядок перечисления первоэлементов у Гэ Хуна (в их соотношении с органами) таков: селезенка (земля), легкие (металл), печень (дерево), сердце (огонь), почки (вода). Это так называемый космологический порядок (впервые дан в главе «Великий план», «Хун фань», конфуцианского классического текста «Канон истории», «Шу цзин»), но в обратной последовательности (прямая: вода, огонь, дерево, металл, земля).

29 Реминисценция на «Дао-Дэ цзин» (50): «Поэтому я слышал, что хорошо умеющие держаться за жизнь (*шэ цзи* — см. также коммент. 4 к данной главе. — Е. Т.) на суше не встретят носорога, не встретят тигра; в войсках они могут не опасаться оружия: носорогу некуда вонзить свой рог, тигру некуда вцепиться когтями, оружию некуда вонзить свой клинок».

30 Дословно: «Для того, чтобы ложиться спать и вставать, есть четыре двухчасья для определения раннего и позднего», то есть предписывается восьмичасовой сон.

ГЛАВА 14

Усердные поиски

Баопу-цзы сказал: «Сказано: „Великая благая сила Неба и Земли есть жизнь. Порождение жизни — это выражение любви ко всем существам и вещам“¹. Вот что последователи даосизма считают наивысшей тайной, и вот что они чтут превыше всего. И поэтому нет для даосов ничего важнее способов продления жизни. Лишь скрепив союз кровью жертвенного животного, они передавали эти тайны, и если они передавали их неподходящему человеку, то совершали преступление перед лицом Неба. Учители прошлого не смели легкомысленно передавать тайные способы кому попало, они требовали, чтобы люди усердно искали этих наставлений, и только после многих искусов они отбирали наиболее способных и энергичных и обучали их. Нужно ли говорить, что они и не смотрели на тех,

кто не любил эти тайны и не искал их или искал, не отдаваясь этим поискам всем своим сердцем; разве можно предположить, чтобы даосы купились на посулы таких людей и дали им наставление?

Если полученная человеком судьба не предполагает возможности стать бессмертным, то пусть даже он каждый день своими глазами видит прямо в миру толпы бессмертных, он или сочтет их странными и необычными людьми, или решит, что они образуют особый тип живых существ Поднебесной, или вообразит, что это демонические бесовские наваждения, или заявит, что они просто некое странное исключение из естественного порядка вещей. Так разве можно представить себе, что такой человек захочет заниматься практикой, чтобы достичь того же состояния, что и бессмертные? Даже если сами Чисун и Ванцяо станут объяснять им этот путь, они сочтут их речи ложным оболещением поганой нечисти.

Однако бывают и достойные верящие и понимающие люди, которые, несмотря на усердные и неустанные изнурительные поиски, так и не смогли найти мудрого учителя. Это вполне естественно, ибо люди, постигшие высшие методы, необходимые для обретения истинного Дао-Пути, исключительно редки, а поэтому их можно искать до конца своих дней, но так и не найти. Знающих высшие методы чрезвычайно мало, и они всегда полностью порывают все связи с миром. Ищущие учителя не усердно и не преданные этому делу всем сердцем никогда не найдут его, даже если они и наделены судьбой бессмертного, а встреча с учителем и получение наставлений от него совершенно необходимы для достижения цели. Короче говоря, бывали люди, которые усердно искали учителя, но не находили его, но никогда не было никого, кто не искал бы учителя, но обретал его.

Среди мирских людей встречаются такие, которые ради денег занимаются обманом и шарлатанством, присваивая себе звание мужа Дао-Пути. И имя таким людям — легион. Я не хочу утверждать, что они вообще ничего не знают. Обычно они имеют грубое представление о предмете, знают, так сказать, где рога у быка, но все они торгуют своей

фальшивой славой и используют ее, чтобы скрыть лживость своих учений и приукрасить свое вранье. А люди, любящие дела даосов, но не умеющие отличить истинное от поддельного, толпами стекаются к ним и испрашивают их наставлений. Эти горе-учители обманывают своих учеников, держа их на привязи, и отнюдь не советуют им идти искать более выдающихся и незаурядных мужей, заявляя, что все великое Дао-Путь целиком и полностью исчерпывается их наставлениями. И об этом можно только вздохнуть и пожалеть, ибо и среди достойных и целеустремленных людей немало таких, кто совершает подобные ошибки.

Если такие проходимцы узнают, что некто разбирается в том, как размельчать пять видов слюды, или искусен в применении восьми летучих минералов, или может изготовить девятикратно перегнанную киноварь, или может выплавлять желтое золото и белое серебро, или способен растворить агат и нефрит, или знает способ, как трансформировать красный нефрит, или умеет в духовной печи сгустить алхимические иней и снег, или одарен способностью собрать одухотворенные грибы-чжи на горе Суншань, то они сразу же начинают из всех сил поносить таких людей и, клевета на них, говорят: „Только Чисун и Ван-цяо знали такие способы, а если в наше время кто-нибудь заявляет, что знает их, то он нагло врет и говорит пустое“. А недалекие ученики не понимают лживости и злонамеренности подобных утверждений и поступают в соответствии с ними, отбрасывая даже самую мысль о возможности поиска другого учителя. О, сколь же печально все это! Увы, остается только скорбеть о таких напастях!

Словно тень солнечных часов, мгновенно минующая полдень, или как мгновенный порыв ветра, быстротечна жизнь человеческая. Вот человек молод, и вдруг уже стареет. Молниеносно приходит дряхлость, и уже кажется, что на свете никогда не было такого существа. Ведь даже долголетие в сотню лет — это всего лишь немногим больше, чем тридцать тысяч дней! Вот перед вами дитя. Оно слабо и ничего еще не знает. Мгновение — и это уже дряхлый старик, забывший о том, что существуют радость и

веселье. Вот перед вами отрок. Он незрел и юн. Прошло всего несколько десятилетий, и он уже обременен всеми скорбями и недугами. Время младенческого неразумия и старческих немощей отнимает половину нашей жизни. Человек намеревается прожить сто лет, он весело смеется и живет в гармонии и мире, но умирает в пятьдесят или шестьдесят лет. Вот он уже ушел от нас, и жизнь его закончилась. Из всей его жизни шесть-семь тысяч дней ушло на печали, болезни и скорбное прозябание. Глазом не успеешь моргнуть, а жизнь уже кончилась. Да и достигает ли столетнего возраста больше людей, чем один человек из десяти тысяч? Так остаются ли у нас основания смеяться над летней поденкой или утренним грибом, что живут столь мало? Поэтому человек, не знающий великого Дао-Пути, испытывает одни лишь страдания.

Деревенские люди говорят, что каждый день, потраченный впустую, делает человека подобным быкам или баранам, которых ведут на убой: с каждым шагом такой человек все ближе и ближе подходит к смерти. Это сравнение хотя и кажется грубым, но по своей сути оно совершенно верно. Умные люди, однако, не скорбят о неизбежной смерти, но делают они это не потому, что не хотели бы избавиться от смерти, а потому, что не зная искусства спасения от смерти, они здраво считают, что горевать попусту бессмысленно и бесполезно. Поэтому и речение „тот, кто радуется Небу, познает свою судьбу и поэтому никогда не печалится“² совсем не означает, что люди не хотят долго жить. Герцог Цзи просил умереть вместо У-вана³, а Чжун-ни, скорбя, волочил посох по земле⁴. А отсюда мы узнаем, что и совершенномудрые отнюдь не радуются преждевременной смерти.

Обыватели, прочитав у Чжуан Чжоу притчу о великом сне, делают вывод, что Чжуан-цзы придерживался теории о равенстве жизни и смерти⁵. Потому призывы к следованию опасным учениям и слова, неспособные положить конец необоснованным претензиям, Чжун-ни почитал разрушающими законы и установления и заслуживающими смертной казни⁶. Ныне же я замечаю, что люди, болтающие о таких теориях, бегут за лечебными иглами и при-

жиганиями, едва заболеют, и при малейшей опасности жутко бояться умереть. Но толпа из последних обывателей любит подобные теории. Ведь обыватели не имеют истинной веры; они отворачиваются от классических текстов и учения этих текстов и высоко почитают разных сомнительных философов с их сочинениями. Они не способны изрыгнуть прочь их противоречащие здравому смыслу теории и красноречие, вместо этого величая подобные доктрины учением о простоте и безыскусности, не понимая, что это вовсе не учения Лао-цзы и Чжуан-цзы⁷. У этих людей нет подлинного стержня, и они готовы бежать за любым прохожим и плыть по течению безответственной болтовни, которой они никоим образом не могут противостоять.

Ведь Лао-цзы считал великим делом продление жизни и вечное видение, а Чжуан Чжоу предпочитал живым волочить хвост по грязи, а не быть черепахой, пойманной в сети⁸. Он также предпочитал быть живым и бедным, чем уподобиться разукрашенному быку, которого ведут приносить в жертву⁹. Когда он был на грани голодной смерти, то попросил зерна у маркиза Цзяньхэ¹⁰. Из этих примеров видно, что он никак не мог уравнивать жизнь и смерть. Разве такие умозаключения не следствие того, что люди начинают учиться поздно и не могут в результате отличить сущностное от пустого; разве не потому это, что они вычленили одну фразу из контекста и невежественно истолковывают ее?

Долгая ночь без конца в мрачном подземном мире, что ниже девяти истоков¹¹, во время которой человек становится пищей муравьев и червей, а потом смешивается воедино с пылью и прахом, вызывает ужас и скорбь в человеческом сердце, и человек не может не горевать, думая о ней.

Если в сердце живо стремление к поиску способов продления жизни, то почему бы не отбросить прочь всякие докучные дела и не предаться сокровенно-таинственному деланию? Те, кто не верит в него, люди конченные. Но если человек верит, то ему следует покончить с мирскими привязанностями, поскольку иначе он не сможет сосредото-

чить свою волю на пестовании жизни, ему недостаточно будет того времени, что окажется свободным после всех мирских дел. Поэтому такие люди, даже занимаясь практикой, постоянно сокрушаются, что они начали это слишком поздно и что им не удастся достигнуть успеха.

То, о чем пекутся и заботятся заурядные люди, это власть, выгода и удовлетворение желаний. Однако если мое тело не пребывает в добром здравии, то даже если я сделаюсь высокопоставленным чиновником с широкими полномочиями и золото с нефритом будут вздыматься у меня, словно горы, а соблазнительные красавицы мирадами будут принадлежать мне, все это для меня станет безразличным, как если бы я не имел ничего вовсе. Поэтому мужи наивысших талантов вначале занимаются делами продления жизни, а когда они уже устанавливаются на пути долголетия, то позволяют себе делать и все прочее, что им хочется.

Ведь если не удастся подняться в сокровенную высь неба и окончательно покинуть мир, то можно стать и земным бессмертным, живя среди людей. Даже Пэн-цзу и Лао-цзы оставались среди людей в течение нескольких сотен лет, не отказываясь от нормальных радостей человеческой жизни. Только после этого они удалились от людей и покинули мир, завершив дело обретения бессмертия. Совершенно необходимо любить и почитать учителя, ибо если учителя не чтут в должной мере, то и никакого успеха не будет.

Некогда великая вдовствующая императрица династии Хань получила от Сяхоу-шэна „Канон истории“ и одарила его сотней цзиней желтого золота, а также другими ценными вещами без числа¹². А когда Сяхоу-шэн умер, она послала его семье два миллиона монет и носила по этому господину траур в течение ста дней.

В то время, когда император Чэн-ди жил в восточном дворце, Чжан Юй передал ему текст „Рассуждений и бесед“ Конфуция¹³. Тогда император усадил его на почетное место и пожаловал ему титул маркиза земель внутри застав. Кроме того, он получил на кормление поселение в тысячу дворов. Ему было даровано звание сиятельного са-

новника и подарено сто цзиней желтого золота. Позднее он был назначен канцлером с почетным титулом Аньчанского маркиза. Когда он состарился и испросил отставку, ему была подарена удобная повозка с четверкой лошадей, сто цзиней желтого золота и несколько десятков тысяч монет. Когда Чжан Юй заболел, Сын Неба лично навестил его и почтительно склонился перед ложем этого мужа.

Когда император Чжан-ди жил в восточном дворце, Хуань Жун вручил ему текст „Канона сыновней почтительности“¹⁴. Тогда император поднялся со своего трона и назначил Хуань Жуна главным министром — смотрителем церемониала. Однажды государь соблаговолил посетить присутствие Хуань Жуна. Император усадил его лицом к востоку, отставив в сторону свой посох и стол. Затем при большом стечении народа — множества чиновников, членов свиты и многочисленных людей Хуань Жуна (всего насчитывалось несколько сотен человек) монарх лично взял на себя труд произнести речь. Он даровал Хуань Жуну титул маркиза земель внутри застав и отдал ему на кормление селение в пять тысяч дворов. Однажды Хуань Жун занемог, и император сподобил его семью своим визитом. Он подъехал прямо к его дому, сошел с колесницы и подошел к досточтимому мужу, держа в руках книги, словно простой ученик, совершающий ритуал почитания своего учителя. Когда же Хуань Жун скончался, император носил по нему траур.

Таким образом, все эти господа были почтены высочайшими наградами, но не потому, что они умели осаждать города и вести сражения, прорывать оборону противника, увеличивать протяженность границ, не потому, что, заболев, отказывались от должности, возносили молитвы о создании союзов, использовали свои прежние заслуги или обладали способностью отсекал все преграды. Нет, все эти почести были оказаны им только потому, что они профессионально знали тот или иной канонический текст и распространяли его учение, излагая его по стихам и главам. Именно за это они пользовались уважением и почетом, именно за это их превозносили и возвышали, — они знали речения давно умерших и преданных погребению

людей. Цари и императоры не только ценили их, но и нисходили до того, чтобы, смиряя свою гордыню, почтительно служить им.

Ныне в мире есть довольно много людей, стремящихся попробовать практику пути продления жизни, но не умеющих умерить свои амбиции и склониться перед достойным учителем. Хотя они и идут прямо к учителям и спрашивают их о делах величайшей важности, но разве смогут при таком отношении к учителю получить искомое? А какую же пользу приносит процессу учения почтительное уважение учащегося к учителю и прибавляет ли оно хоть грамм ценности получению знаний? Если не будет почтения и уважения, то сердца учащихся не будут целиком и полностью преданы делу. Если сердца не будут полностью преданы делу, то ученики не станут усердно следовать полученным наставлениям. Если же ученики не станут усердно следовать наставлениям, то как же передать им тайные наставления?! В таком случае учитель сможет дать ученикам только самые поверхностные и легковесные наставления, которые разве же могут считаться достаточными, чтобы ученики обрели совершенное благо бессмертия?

Но бывают и такие люди, которые кажутся любящими учение и радующимися ему, но в действительности искренность их веры в Дао-Путь не укоренена в духе их сердца. Они хотят достигнуть успеха и поначалу явно выражают почтительное уважение своему учителю, но с течением времени они утомляются и постепенно становятся все ленивее и ленивее. Буде такие люди встретят действительно просветленного и мудрого учителя, который намерен тщательно изучить все возможные трансформации характера своих учеников, то он станет долго испытывать и проверять их и поэтому поначалу не сообщит им ничего важного, чтобы узнать, сколь сильна их воля. Если окажется так, что их чувства лживы, а поведение изменчиво, учитель вовсе не будет наставлять их. А если и станет наставлять, то так и не сообщит им самого важного и не научит их исчерпывающим образом тому, что составляет суть его знаний. А если его словесные наставления не будут исчерпывающими, то и выполнять их совершенно бесполезно.

Чэнь Ань-ши в возрасте тринадцати лет казался всего лишь сыном клиента Гуань Шу-бэня¹⁵. Однако он первым обрел Дао-Путь бессмертных. И хотя Гуань Шу-бэню было семьдесят лет и его волосы были седы, он каждое утро и каждый вечер кланялся Чэнь Ань-ши и говорил: «Дао-Путь досточтим, а Дэ-Благо высокоценимо. Тот, кто первым обрел Дао-Путь, должен считаться учителем. Поэтому я не могу осмелиться пренебречь совершением ритуала, предписанного для ученика». Тогда Чэнь Ань-ши сообщил ему самые важные методы, и он тоже вслед за Чэнем стал бессмертным и покинул мир.

Когда человек рождается, то он получает сущностную энергию и дух от Неба и Земли¹⁶, а позднее наследует кровь и пневму от своих отца и матери. Но если человек не встретит мудрого учителя, который преподаст ему путь спасения через преодоление мирского, то ему ни за что не удастся избавиться от смерти. Просверленный камень уже отдал свой огонь с избытком, а годы жизни с каждым днем стремятся к увяданию и гибели. Если мы будем исходить из этого рассуждения, то окажется, что милость мудрого учителя превосходит милость Неба и Земли, и ее следует ценить много больше, чем любовь родителей. Так не достоин ли учитель нашего преклонения? Так не следует ли неустанно искать его?»

Баопу-цзы сказал: «Древние считали важным правду, высоко ценили поступки и презирали слова. Поэтому в делах правления они не придавали значения изящным словам и красноречивым выражениям, а в делах совершенствования в Дао-Пути они пренебрегали краснобайством и велеречивостью. Когда же нравы пришли в упадок, внешнее украшательство стало набирать силу. Изложенные на письме планы и проекты начали горами громоздиться среди последователей конфуцианского учения, а эзотерические тексты в огромном количестве выходили из-под кисти адептов тайных искусств¹⁷. В результате человеку, начинающему учиться, практически невозможно выбрать наиболее важное из всего этого необозримого количества текстов. Кроме того, сердца людей стали наслаждаться многословием и в делах о корне, и в делах о верхушке, в результате

чего даже такие познавшие Дао-Путь люди, как Гань Цзи, Жун Чун, Гуй Бо¹⁸ и другие, принялись писать книги по тысяче глав каждая, причем в основном эти книги посвящались вопросам морали и соблюдения обетов и в них мало ценного для человека, вступившего на путь великого делания и стремящегося получить указания относительно своей практики. Поэтому истинные наставления ныне можно получить или непосредственно из уст учителя, или в виде надписи на куске небеленого шелка в восемь чи длиной; такой шелк носят как галстук на шее либо как пояс вокруг талии, и его нельзя получить иначе, чем пройдя длительную проверку и искус у учителя, показав при этом себя человеком усердным и трудолюбивым. Каждый из всего множества учеников в конце концов получает свое в соответствии с утонченностью и способностью своего разума, мерой выказанного им усердия в перенесении долговременных трудностей, степенью его чуткости и прозорливости и проявленной им силой воли в желании овладеть учением. За прошедшие столетия и тысячелетия только в редчайших и исключительнейших случаях бывало такое, чтобы важнейшие и насущные указания находили в мешке или в изголовье, а то вдруг обнаруживали соответствующие записи у локтя или под мышкой. Эти предписания обычно касались лишь методов изготовления снадобий. Изготовленные снадобья в таком случае могли только поддерживать жизнь принимающего их, не давая ему умереть, и все. Но когда изготовитель все же умирал, то оказывалось, что он никому не передал текст своего рецепта.

Среди мужей Дао-Пути, живущих ныне в мире, есть разве что один на десять тысяч, разбирающийся в делах золотого раствора и перегнанной киновари. Это не мешает, однако, людям, смотрящим на мир через бамбуковую трубку, утверждать, что все необходимое на пути обретения состояния бессмертного содержится во множестве книг и в совершении многочисленных молений, жертвоприношений и коленопреклонений, и все. Но на самом деле продолжение жизни зависит исключительно от приема великого снадобья, а не от молений, жертвоприношений или богослужений.

Прежде, при династиях Цинь и Хань, были чрезвычайно распространены все виды молений и жертвоприношений, которые были обращены к духу Великого Первоначала — звезде Тай-и и божествам пяти планет¹⁹; тогда совершали драгоценные подношения восьми божествам²⁰, жертвуя им коров и баранов, зерно и шелк. Траты на эти жертвы исчислялись в миллионах и миллиардах, но пользы от них не было ни на грош. А тем более сомнительно, чтобы оказали пользу жертвы простонародья. Ведь у простолюдинов добродетелей недостаточно, их сущность не выпестована, а они хотят, принося в жертву три вида скота и поклоняясь демонам и духам, продлить годы своей жизни. Ну не нелепо ли это? А бывает и так, что достойный человек совершает много-много добрых дел и искренне желает обрести Дао-Путь, но никак не ищет с усердием мудрого учителя. Он готовит разные сомнительные снадобья, дни и ночи напролет читает и скандирует бесполезные книги и прочитывает сотни и тысячи свитков таких сочинений, но до самой смерти не получает и грана блага от всего этого. А потом говорят, что в Поднебесной не существует никаких способов обретения состояния бессмертного.

А то и целая группа умников бьет поклоны перед пустым местом, варит жертвенное мясо, возжигает благовония, молится о счастье, но недуги у этих людей не проходят, а смерти и похороны поджидают их на каждом шагу. В результате они растрачивают все свое имущество, пускают на ветер деньги, но ничуть не удивляются своим бедам и до конца не раскаиваются и не прозревают. Они лишь говорят, что не были достаточно усердны.

Если бы все это усердие направить на поиски мудрого и знающего должные способы учителя, а потраченные впустую средства использовать на покупку ингредиентов для снадобий, то состояние святого-бессмертного было бы непременно обретено, жизнь была бы продлена и спасение от мирского было бы достигнуто. Чему же тут удивляться, если вся жизнь тратится на вспашку поля из камней в надежде наполнить дарами урожая тысячу амбаров. Все силы уйдут на это, а результата вовсе не будет никакого. Это, как говорится, отправиться в Чу, а ехать в сторону

Янь²¹; даже если и кони хороши, то все равно не приедешь туда, куда нужно, — ведь дело не в том, что едешь медленно, а в том, что сбился с правильного пути!

Бывают также люди, преданные по природе своей вере и радующиеся вере, но им недостает ума и проницательности, чтобы отличить истинное от ложного. Они не способны разобраться, где широкий брод, а где узкая долина, где глубоко, а где мелко. Поэтому они не могут принести существу никакой пользы. Глупцы позднейших поколений были привлечены одним таким человеком, неким, с позволения сказать, мудрецом, который нахваливал сам себя и говорил: „У меня есть тайная книга, которую я храню и учение которой я практикую“. Сколько заурядностей ребячливо хвастались, что достойны имени обладателя Великого Дао-Пути! Однако это имя явно превосходило их подлинную суть: их заявления были просто позерством и враньем. На самом же деле их переполняла грязная алчность и единственным, что их влекло к себе, была выгода. Когда их просили поделиться своим методом, они лицемерно вздыхали, возводили очи горе и кланялись до земли, давая этим понять, что хранимая ими тайна настолько глубока и драгоценна, что ее никак нельзя никому открыть. Когда же они получали то, чего им хотелось, то кланялись и загадочно улыбались, обещая научить всему в ближайшее время. Потом же, когда они чему-то учили своих невежд-почитателей и те начинали заниматься, но у них, само собой разумеется, ничего не получалось, те люди говорили, что их ученики или не усердны, или же их отношение слишком скромно и жалко. Тогда сердца этих доверчивых поклонников еще сильнее укреплялись в вере, они становились еще почтительнее, а их дары делались все разнообразнее. Наконец они вообще превращались в слуг и рабов этих проходимцев и служили им, не отказываясь даже нести на спине их тяжелую поклажу во время дальних странствий. Они не боялись никаких возможных опасностей, будучи уверены, что чем больше они трудятся, тем больше заслуг обретают. Они терпели страдания и сами искали невзгод в надежде узнать нечто чудесное. Но впус- тую проходили месяцы и годы, без попечения были остав-

лены родители, жена и дети брошены на произвол судьбы, жизнь протекала в стуже и холоде, ноги скользили по льду. Так год проходил за годом, и вот уже все средства потрачены и силы исчерпаны, но никаких успехов и свершений как не было, так и нет. Я сам видел немало таких несчастных, человек десять, а то и более. Все они величали себя разными высокодостоинными титулами и заявляли, что живут в мире уже не одно поколение, а то и вообще триста-четырееста лет, но конечно, под разными именами. Они называли себя совершенными мудрецами, всячески превозносили себя перед людьми, и многие следовали за ними. Мне, однако, не хочется называть здесь их имена.

Множество обывателей следуют за такими мошенниками, и простые люди, не различая хорошее и дурное, всю прославляют их и создают им добрую репутацию, способствуя росту широкой популярности бесовщины и шарлатанства и распространяя их лживые, но искусные речи. Так распускаются пустоцветы дутой славы, которая расходится вширь и вдаль и которая мешает распознать их истинную суть. В результате подлинно достойные люди или вовсе не обращают внимания на них и ни во что не вменяются, или слушают их во все уши. Ошибки во взглядах ученых часто проистекают из внимания именно к данному типу людей, и это не может не вызывать искреннего сожаления. Тем не менее я заметил, что люди, непрестанно сеющие ради власти и выгоды ложь в Поднебесной, рано или поздно получают по заслугам и не остаются не наказанными. Хотя небесная сеть и с крупными ячейками, но она ничего не пропускает. И те, кто вводит людей в заблуждение и сознательно дурачит их, всегда должны помнить об этом.

Мирские люди обыкновенно следуют пустым речам, и очень редко кто-нибудь из них способен проникнуть в подлинную суть дела. Когда они слышат, что некто имярек имеет сотню учеников, то сразу же делают из этого заключение, что этот некто должен непременно обладать знанием чего-то чудесного. И вот они уже мчатся на колеснице или верхом на коне к этому шарлатану, чтобы пополнить собой толпу его учеников, но только понапрасну тратят

свою энергию и свое драгоценное время, почитая тех глупцов. Они не пытаются усердно искать лучшего учителя и, по существу, расходуют силы, превращаясь в домашнюю прислугу своего наставника. Бывает, конечно, что те шарлатаны весьма богатеют, если их умелый обман продолжается достаточно долго. Однако их ученики не могут научиться у них совершенству в Дао-Пути, а глупые простолюдины не понимают, что такие люди недостойны того, чтобы служить им. Отчего же им всем никак не удастся прозреть? Не прискорбно ли это?!

Если на холме в несколько чи вышиной ищут дерево, достигающее своими ветвями небес, а по следам буйвола идут за глотающим корабль морским чудищем, то как же можно надеяться найти искомое, даже если и заниматься поисками день-деньской? Увы! Но ведь и ученым будущего придется искать истинных учителей, и они не смогут не посчитать вопрос тщательнейшего выбора самым насущным в этом деле. У людей низкого положения поступки ничтожны, а добродетель скудна, их успехи и достижения минимальны, и они отнюдь не подходят для того, чтобы обучать людей обретению совершенства в Дао-Пути, они не наделены заслугами и благими качествами, достойными уважения, проявления милости со стороны других людей, а значит, и учиться у них нечему. Я столь глубокомысленно рассуждал об этом, чтобы другие люди не утруждали себя понапрасну».

Баопу-цзы сказал: «Все, являющиеся мужами Дао-Пути лишь на словах, а на деле — пустыми болтунами, любят только врать и обманывать своих же учеников, а к тому же стремятся получше скрыть свое невежество и глупость. Сами они стыдятся своего невежества, но во всеуслышание заявляют, что широко образованы, а потому они чванятся попросить наставлений у людей, превосходящих их по своему уровню. Они спесиво скрывают свою ограниченность, стоят, уткнувшись в стену. К сожалению, они не довольствуются молчанием, а бесстыдно набрасываются с обвинениями против людей, действительно обладающих Дао-Путем, понося их и клевета на них, опасаясь, что славное имя тех затмит их дутую славу. Я сомневаюсь, а

есть ли вообще у подобных людей стремление практиковать методы продления жизни. Похоже, что они хотят просто набрать побольше учеников, чтобы присвоить себе их силы, их состояние, теша себя, удовлетворяя свои влечения и желания, и все. Но им невдомек, что Небо, которое высоко, внимает всему и знает все без исключения, и рано или поздно они дождутся возмездия. Ведь бедному не пристало говорить: „Я богат“, а плебею не пристало говорить: „Я благороден“. А тем более это верно относительно дел Дао-Пути и его Благой Силы-Дэ и того, что в этих делах подлинно, а что нет. Но если ты ничего не знаешь, то можно ли брать учеников, взыскующих искусства пестования жизни? Если уж обывателям не пристало быть завистливыми и отрицать чужое превосходство, то насколько же это справедливее относительно мужей Дао-Пути, которые должны искренне и преданно радоваться всем проявлениям жизни. Как же зависть и подобные чувства вообще могут гнездиться в их груди?

Люди сами по себе не могут видеть и слышать проявления божественного разума, но божественные существа очень легко видят человеческие дела и слышат человеческие голоса. Это не отличается от ситуации, когда человек, отделенный занавесями от комнаты, не может видеть того, что в ней происходит, но было бы оплошностью утверждать, что и его никто не видит из той комнаты. Удивляться этому все равно что уподобиться вору, прикинувшему к балке, к которой подвешен колокол, и удивляющемуся, почему все люди слышат звук колокола, тогда как он не слышит ничего: у него заложены уши. Между тем именно люди, слепые и глухие в духовном отношении, хотят приукрасить себя дутой славой и собрать толпу учеников, чтобы снаружи наслаждаться купленной славой и молвой, а внутри стремиться к богатству и силе. Сколь велико это бедствие! И ведь такие люди борются за власть и могущество еще яростнее, чем простые обыватели. Движением их уст делаются ножи и копья, они создают группировки и клики для восхваления одних и клеветы на других. Их речи кажутся дружелюбными, но их сердце далеко не таково. Их облик и поступки разительно отличаются друг от

друга. Открыто они будут говорить с тобой как единомышленники, а за глаза их уста будут источать яд пчел и скорпионов. Они равно ненавистны и Небу, и людям, и на них следует смотреть как на предвестие беды и предзнаменование несчастья.

Благодаря изучению «Пяти канонов» мы знаем, что нет ничего постыдного в том, чтобы обращаться с вопросами к низестоящим, дабы наш успех в занятиях с каждым днем увеличивался, а вместе с ним росла бы и наша добродетель. И это касается даже таких занятий, как стрельба из лука и управление колесницей, таких дел, как искусство письма и счета, таких профессий, как выращивание шелковицы и работа на полях, таких умений, как работа с угольником и циркулем, — все эти простые дела требуют получения наставлений от учителя, чтобы изучающий их смог достичь совершенства в своей области. А насколько же наставления учителя важнее для желающих овладеть методами продления жизни и спастись от мира. Ведь эти дела ничем не отличаются от избавления человека от опасности, угрожающей его жизни. Как же в таком случае невежественный и абсолютно необразованный человек может объявлять себя учителем, к которому следует обращаться за наставлениями? Но такие люди не меняются даже в старости и не раскаиваются даже на краю могилы. Поистине, именно они загоняют во мрак невежества порожденный Небом народ. Такие люди представляют собой угрозу всему народу, но в конце концов им не удастся выдать тень за вещь.

Среди конфуцианцев принято, чтобы благородный муж хранил простоту и естественность. В отношениях с людьми он должен держаться непосредственно и скромно. Он знает, но делает вид, что не знает, он имеет, но делает вид, что у него ничего нет. Он ничем не выделяется среди прочих людей, пока его не позовут. Если позовут, но не зададут вопроса, он не станет говорить. Если он станет отвечать на вопрос, то вначале он поблагодарит за то, что его спросили, и только потом выскажет свое мнение. Почему же среди даосов, наоборот, принято выдавать незнание за знание, отсутствие за наличие? Почему среди них много

людей, которые, обладая пустотой, строят планы получения незаслуженной выгоды? Человек, который заблудился и не знает, как ему вернуться назад, становится бесстыдным, если он начинает указывать дорогу другим людям, оказавшимся в таком же положении.

Я не от нечего делать говорю все это — я должен искренне высказаться по поводу нынешнего положения дел, поскольку, как говорится, если проблема приобрела такую остроту, то я никак не могу молчать. Я просто сочувствую наивным и доверчивым глупцам и не могу спокойно смотреть на то, как ребенок падает в колодезь, и все. Умение смотреть и понимать — это одно из растений сада бессмертных, и как же я могу отказаться от него! Если не взять на себя труд сказать горькие слова, то опасность возрастет чрезвычайно, а ведь это не тот случай, когда можно узнать, в чем дело, только пощупав пульс для того, чтобы поставить диагноз».

Баопу-цзы сказал: «Если некий человек находится в смертельной опасности, а другой может спасти его, то ему, конечно, не надо тратить время на выражение извинений, скромности и застенчивости, ибо деяние по спасению жизни есть высшая заслуга перед жизнью.

И ныне совершенно ясно, что те даосы, которые не обрели способа великого эликсира золотого раствора и перегнанной киновари, не могут обрести и подлинного продления жизни. А значит, эти даосы — разномастная толпа мошенников. Ведь умение лечить болезни и воскрешать мертвых, отказываться от пищи и несколько лет не испытывать голода, подчинять своей воле духов и демонов, то являть свое тело, то становиться невидимым, видеть происходящее на расстоянии в тысячу ли, знать причины расцвета и упадка в судьбах людей, знать о грядущем счастье и бедах еще до их появления — все это совершенно бесполезно для продления лет жизни. Те, кто готов обращаться с неблагоприятными прошениями и совершать предосудительные поступки в надежде за день стыда получить вечную сладость вместо вечной горечи, не понимают взаимосвязи вещей одного рода. Древние говорили: „Нет у меня иного блага, которое было бы больше, чем благо жиз-

ни⁴. Поэтому если мы будем судить о том, что ценно, а что презренно, то даже титулы царей и императоров не сравнятся по ценности с методом обретения бессмертия. Если мы будем судить о том, что весомо, а что легковесно, то даже имей мы столько богатств, что они заполнят всю Поднебесную, и они не заменят собой ценность искусства освобождения от смерти. Потому и существует притча, как мертвый царь завидовал судьбе живой крысы²².

Если упорядочивать государство, то оно пребудет в равновесии-процветании, а если приводить в порядок собственное тело, то тело сохранит свою жизнь²³. И если не ты сам добьешься этого, то кто же это сделает за тебя? Поэтому если вы скажете мне, что человек, предпочитающий мгновенную тщету пустой славы и стыдящийся кратковременного труда под руководством учителя, который передаст ему тайну бессмертия, не глуп, я не поверю вам. Ведь человек, которому смертную казнь заменили другим наказанием, радуется, что он вместо тяжелого получит легкое, а бедняк, спасшийся во время пожара и сохранивший дыхание жизни, с восторгом переживет все лишения и горести, радуясь тому, что остался жив. Человек не страшится постоянно кончины только потому, что не знает заранее дня своей смерти. Но если бы человек знал, что ценой потери своего носа он спасется от смерти, то он, несомненно, немедленно отрезал бы свой нос. Так неужели же ученик, служащий своему учителю, во всем превосходящему его, подметая его комнаты и держа перед ним полотенце, сочтет это слишком большими тяготами, которых не стоит обучение пути бессмертия, и в неразумии откажется от исполнения этих обязанностей? Если человек не постарается убежать от лесного пожара и стогрит заживо или не предпримет попыток спастись от урагана и сгинет в бездонной пучине вод, то все в мире сочтут его неразумным простофилей. Так почему же люди будут смеяться над человеком, не искавшим спасения от стихийного бедствия, но не станут удивляться тому, что человек не боится самой существенной и неотвратимой беды? О, как это нелепо!»

Баопу-цзы сказал: «С древности было написано чрезвычайно много даосских книг, которые не жалеют краси-

вых и изящных слов, чтобы потолковать о пустотно-сокровенной сущности, но среди них совсем нет произведений, исчерпывающе освещающих все пути и тропы практики продления жизни, и многие люди, искренне преданные Дао-Пути, глубоко сокрушаются об этом. Что же касается меня, то я готов проявить усердие и настойчивость, ибо поистине хочу помочь заблудшим вернуться на правильный путь. Потерянное на восходе можно вернуть на закате, и лучше бросить человеку, упавшему в колодезь, веревку, чем самому последовать за ним и тоже утонуть. Я же только сожалею о тех людях, которые подобны больным, лежащим в лихорадке, но отказывающимся принимать горькое лекарство. Кто из людей не делает ошибок, но сделанные ошибки всегда можно исправить. Ведь даже Солнце и Луна подвержены затмениям! И тут надо вспомнить об ученике Конфуция Янь Хуэ, который никогда дважды не повторял одной и той же ошибки²⁴. Я также призываю тех людей будущих поколений, которые возлюбят Дао-Путь, внимательно рассматривать и тщательно оценивать тех людей, которым они до конца вверят свою преданность, и не опасаться избыточно красивых речей. Такие речи появляются и разрезают истину, такие писания ложатся из-под кисти на бумагу, и их слова причиняют боль. Как жаль, что исправить это положение вещей я могу лишь в области учения о продлении жизни, но где только не обнаружишь подобное!»

Баопу-цзы сказал: «Глубокие и серьезные люди, стремящиеся изучать искусство пути пестования жизни, часто, несмотря на поиски, не могут найти человека, который соответствовал бы уровню настоящего учителя. Но без учителя они не могут достойно завершить свою практику. А потом находятся доброхоты, которые, указывая на тех людей, говорят, что раз они не обрели долгой жизни, то, значит, в Поднебесной вообще нет никаких способов обретения состояния святого-бессмертного. К сожалению, люди, которые самостоятельно практикуют путь спасения жизни, не в состоянии достаточно жестко приучить себя к суровой дисциплине и лишениям, необходимым для совершенствования в области сокровенно-тайного. Такие люди в конце

концов соблазняются занятиями, приносящими высокое жалование, и отступают прочь с пути, ведущего к благу от горестей старости. Таким образом, внутри они губят самих себя, а вовне создают соблазны для тех, кто придет после них. Обретению состояния бессмертного можно научиться. Но подобно тому как ячмень и просо не дадут урожая, если землю не перепахать, их зерна не посеять, не заботиться о них и не собрать созревшую жатву, — подобно этому и практика продления жизни и спасения от мира окажется безрезультатной, если не совершать ее усердно и упорно».

Примечания

¹ Здесь объединены цитаты из двух памятников: первая фраза — цитата из комментирующего трактата к «Канону Перемен», «Сици чжуань» (ч. 2), вторая — из летописи «Цзо чжуань» (25-й год Чжаогуна).

² Распространенное высказывание, часто встречающееся в конфуцианских текстах. Его смысл — мудрец радуется любому предопределению (*мин*) как проявлению воли Неба.

³ Герцог Цзи (Дань) — младший брат основателя династии Чжоу У-вана. Когда У-ван заболел, он начал поститься и молиться о том, чтобы ему умереть вместо царя.

⁴ Сыма Цянь в жизнеописании Конфуция приводит следующий эпизод: «Конфуций заболел. Цзы-гун (ученик Конфуция. — Е. Т.) попросил разрешения повидать его. Конфуций как раз вышел из дверей, опираясь на посох, чтобы немного побродить. Он сказал ученику: «Сы, почему ты пришел так поздно?» Вздохнув, он запел: «Гора Тайшань рушится, колонны падают, и балки трещат, мудрый человек дряхлеет!» И у него полились слезы из глаз» (*пер.* Р. В. Вяткина).

⁵ Знаменитый пассаж в гл. 2 «Чжуан-цзы» («Об уравнивании сущего»), в котором Чжуан-цзы, рассуждая об относительности сна и бодрствования, жизни и смерти, сравнивает жизнь с великим сном, а смерть с великим пробуждением.

⁶ В «Записях о ритуале» («Ли цзи», гл. «Ван чжи») говорится, что порочные и мятежные речи заслуживают смерти. Комментатор Чжэн Сюань (127–200 гг.) считает, что порочные и мятежные речи — это призывы к нарушению законов и установлений, они суть изощренные речи, вводящие людей в заблуждение.

⁷ Здесь Гэ Хун возвращается к критике философского учения сюань-сюэ (подробнее см. коммент. 15 к гл. 8).

⁸ Когда чуский царь прислал к Чжуан-цзы посланца с приглашением на должность министра, тот ответил, что, подобно черепахе,

предпочитает живым волочить свой хвост по грязи, а не мертвым быть объектом поклонения в храме («Чжуан-цзы», гл. 17).

9 Когда Чжуан-цзы был приглашен неким человеком на службу, то он сразу же отказался, сравнив пребывание на государственной службе с положением быка, которого всячески разукрашивают и ведут в храм предков приносить в жертву. Бык в этот момент с удовольствием стал бы простым вольным теленком («Чжуан-цзы», гл. 32).

10 Семья Чжуан-цзы была крайне бедна, и он однажды просил зерна у маркиза Цзяньхэ (Хэ-хоу). См. «Чжуан-цзы», гл. 26 («Внешние вещи»). В переводе В. В. Малявина «Хэ-хоу» — «Смотритель реки».

11 Девять истоков или девять ключей (*цзю цюань*) — источники девяти важнейших рек Китая, находящиеся в подземном царстве мертвых; синоним мира мертвых (аналог — Желтые истоки, *хуан цюань*).

12 После уничтожения конфуцианских книг при Цинь возникла необходимость их восстановления, эта работа активно велась при династии Хань.

Сяхоу-шэн (второе имя Чан-гун) — конфуцианец-каноновед и сановник (I в. до н.э.), знаток «Канона истории» («Шу цзин»).

13 Чэн-ди — император династии Хань (32–7 гг. до н.э.).

Чжан Юй (второе имя Цзы-вэнь; ум. 5 г. до н.э.) — выдающийся конфуцианец-каноновед ханьской эпохи, знаток «Суждений и бесед» и «Канона Перемен».

14 Чжан-ди — император династии Поздняя Хань (76–88 гг.).

Хуань Жун — конфуцианский ученый. Согласно «Истории Поздней Хань», он наставлял наследника престола, будущего императора Мин-ди (58–75 гг.), в правление его отца императора Гуан У-ди (25–57 гг.) и преподавал ему «Канон истории», а не «Канон сыновней почтительности» («Сяо цзин») — см. «Жизнеописание Хуань Жуна в „Хоу Хань шу“».

15 Чэн Ань-ши — даосский бессмертный, обретший высшую мудрость еще в отроческом возрасте.

Гуань Шу-бэнь — мудрый и добродетельный старец, даос, ставший, несмотря на преклонный возраст, учеником Чэн Ань-ши, о чем рассказывается в «Жизнеописаниях святых-бессмертных» («Шэнь сянь чжуань»).

Клиент (*кэ* — букв.: «гость») — служащий, получающий от своего патрона жалованье и пропитание. Аналогичное явление имело место в Древнем Риме, из реалий которого и заимствован термин «клиент».

16 Энергия и дух (*цзин шэнь*). — Из данного утверждения Гэ Хуна следует, что дух и энергетика человека единосущны аналогичным началам Вселенной.

17 Адепты тайных искусств (*шу цзя*) — имеются в виду различные адепты магии, нумерологии и мантики.

18 Гань Цзи (или Юй Цзи) — даос II в. н.э., предполагаемый автор фундаментального даосского текста «Тай пин цзин» («Канон

Великого Равновесия-Благоденствия»), содержащего информацию по всем основным аспектам даосской религии. Поскольку доктрина этого текста оказалась связана с учением «еретических» даосских сект, подготовивших восстание Желтых повязок в 184 г., Гэ Хун оценивает творение Гань Цзи весьма прохладно.

Жун Чун (Гун Чун) — ученик Гань Цзи, которому приписываются многочисленные даосские тексты, до нас не дошедшие.

Гуй Бо (Бо Хэ; Чжун-ли) — даос III в. н.э., практиковавший дыхательные упражнения и алхимию в горах Сичэншань.

¹⁹ Звезда Тай-и (Великое Единое) — см. коммент. 63 к гл. 2 и коммент. 19 к гл. 4.

Пять планет — Меркурий, Венера, Марс, Юпитер, Сатурн; обычно обозначались названиями пяти первоэлементов.

²⁰ Восемь божеств, которым, согласно Сыма Цяню («Трактат о жертвоприношениях фэн и шань»), поклонялся Цинь Шихуан-ди, таковы: Небо, Земля, Оружие, сила Инь, сила Ян, Луна, Солнце, Четыре Сезона.

²¹ Царство Чу располагалось в Южном Китае (бассейн Янцзы), а царство Янь — на севере (его столица Цзи приблизительно соответствует по местоположению современному Пекину).

²² Слова о том, что мертвый царь хуже живой крысы, встречаются в различных текстах, но все они более позднего времени, чем «Баопу-цзы» (самый ранний из них — «Суй чжи», «История династии Суй», VII в.), и их первоисточник неизвестен.

²³ Учение о гомоморфизме тела и государства характерно для даосизма и подробно излагается в гл. 18 «Баопу-цзы».

²⁴ Поскольку Конфуций учил, что механизм ошибки заключается в повторении уже совершенной ошибки, его любимый ученик Янь Хуэй всегда делал выводы из своих ошибок и никогда не повторял их дважды.

ГЛАВА 15

Ответы на вопросы о разном

Некто спросил: «Осмелюсь спросить, можно ли продлить жизнь благодаря отказу от употребления в пищу злаков?¹ Ведь здесь существуют разные способы. Какой же из них наилучший?»

Баопу-цзы сказал в ответ: «Благодаря отказу от злаков человек может сэкономить средства, не покупая зерно, но не сможет продлить жизнь. Когда я спрашивал людей, которые давно отказались от злаков, об их результатах, то

они говорили мне, что теперь у них меньше болезней, чем было, когда они ели злаки. Но если есть стоголовник, употреблять облатки из желтой эссенции или пилюли зерна юева остатка², принимая все это каждый день, то уже через три дня сила пневмы человека резко возрастет, он сможет носить большие тяжести и ходить на большие расстояния и его тело станет легким и перестанет уставать. Каждый прием снадобья из трав и минералов сохраняет десять лет жизни, а если принимать их в течение пяти лет, а заодно еще глотать пневму, принимать амулеты и пить божественную воду³, то чувство голода исчезнет, а телесные силы никогда не будут иссякать. В даосских книгах говорится, что человек, который хочет продлить жизнь, обязательно должен очищать кишечник, а человек, который хочет обрести бессмертие, должен добиться того, чтобы в кишечнике не было никаких масс. И еще в них говорится, что тот, кто ест растительную пищу, хорошо бегают, но глупеет; тот, кто ест мясо, силен и отважен; тот, кто ест зерновую пищу, мудр, но недолголетен; а тот, кто ест пневму, наделен божественным разумом и бессмертен.

Однако что касается регуляции пневмы, то каждая школа стремится лишь свой односторонний метод выдать за единственно верный, но никто не имеет права единолично присваивать это искусство.

Если человек собирается принимать великое снадобье золотого раствора и перегнанной киновари, а перед этим воздерживался от пищи около ста дней, то ему следует действовать как можно быстрее. Если человек не может так долго поститься, то он может сразу же принимать эликсир: от этого большого вреда не будет, но потребуются больше времени, чтобы стать бессмертным. Если человек спасается в горной глуши и дремучих лесах от междоусобиц и смут, то он не умрет от голода, если знает метод отказа от злаков. Но если таких обстоятельств нет, то не следует слишком увлекаться этим методом, так как увлечение им не дает большой пользы. Если же человек хочет отказаться есть мясо, живя среди людей, то у него ничего не получится, так как чуть только он почувствует его свежий питательный аромат, как в его сердце непременно воз-

никает желание поесть мясной пищи. Короче говоря, если вы не готовы отказаться от мирского образа жизни, покинуть семью и жить в уединении среди горных пиков, то вам не удастся отказаться от улады пяти вкусов, ибо вы будете только мучить себя. Поэтому лучше не отказываться от употребления злаков, а уравновесить свое питание.

Ныне существует сотня с лишним способов сбалансированного питания. Иногда можно принимать по несколько десятков минерально-растительных пилюль — тогда дней сорок-пятьдесят не будет возникать чувство голода. Хвоя сосны, кипариса и стоголовник также способны поддерживать внутренние органы, но эти растения уступают великому снадобью, и срок их действия не превышает десяти лет, после чего цикл надо повторять. Или же надо принимать их в течение ста или двухсот дней подряд либо вообще принимать их постоянно, день за днем. Тогда чувства голода не будет. Иногда можно до отвала наесться самой вкусной еды, а потом принять снадобье, чтобы оно способствовало усвоению съеденной пищи; если снадобье не измельчать, то оно сохранит свою действенность в течение трех лет. Если после поста человек вновь решит вернуться к употреблению в пищу злаков, то ему следует вначале поесть свиного жира, добавляя в него мальву, то есть семена мальвы, тогда любая изысканная пища окажется хорошо переваренной. Если поступать таким образом, то никакого вреда для организма не будет.

В Лояне живет один даос по имени Дун Вэй-нин, который, находясь в Белой Общине, вообще ничего не ел⁴. Чэнь Цзы-суй помогал и прислуживал ему, долго обучаясь под его началом искусству Дао-Пути. После этого Дун передал ему свой метод, заключающийся в том, что надо растолочь в порошок больше десяти видов семян таких растений, как сладкая трава лакрица, череда и олений плод⁵. Вначале нужно принимать этот порошок по одной квадратной ложке со стороны в цунь, а затем, приняв порошок, проглотить двенадцать камешков гальки размером с воробьиное яйцо. Благодаря этому можно ничего не есть сто дней, а потом надо снова принимать порошок. Ни энергия пневмы, ни внешний вид от этого не пострадают. Если после этого че-

ловек хочет снова начать есть злаки, ему следует приготовить отвар из семян мальвы, чтобы галка вышла. Тогда можно снова питаться, как обычно. От также брал кровь красного дракона и жир синего дракона⁶ и использовал киноварный порошок и малахит, делая из них раствор. В этот раствор он клал камни. Через некоторое время камни становились мягкими, и их можно было есть. Однако камни надо вовремя вынуть из жидкости, в противном случае они растворятся полностью и исчезнут. Если есть камни, то человек будет чувствовать себя сытым и станет сильным и стройным. У этого даоса также был порошок для размягчения камней. Надо добавить к одной мере камней одну квадратную ложку со стороны в цунь этого порошка, а потом варить камни в воде. Когда камни дойдут до готовности, они станут похожи на таро, клубни сладкого картофеля. Тогда их можно употреблять в пищу вместо злаков.

Чжан Тай-юань со всей своей семьей и несколькими десятками учеников удалился в уединение на гору Линь-люйшань, где они десять с лишним лет питались камнями в соответствии с этим методом. Благодаря этому все они стали упитанными и крепкими. Однако этот способ уступает методу с применением крови красного дракона и жира синего дракона, поскольку они пригодны для размягчения любых камней, а не только белой галки. Любые камни можно использовать, варя их вместе с этими субстанциями, и единственное неудобство этого способа — возня с хворостом и огнем во время варки.

Можно также применять амулеты, либо воду, либо и амулеты и воду вместе. Можно также использовать сушеные финики жужуба, каждый день принимая по девять плодов, запивая их одним-двумя шэнами вина. Можно также питаться пневмой двенадцати часов живой энергии. Дыхательные упражнения следует начинать в полночь и делать девять циклов по девять вдохов, восемь циклов по восемь вдохов, семь циклов по семь вдохов, шесть циклов по шесть вдохов, пять циклов по пять вдохов. На этом следует остановиться.

Весной следует выполнять дыхательные упражнения по питанию пневмой, сидя лицом к востоку и вдыхая си-

не-зеленую пневму планеты Юпитер. Надо представлять себе, что эта пневма входит в печень. Летом вбирают в себя пневмы планеты Марс, которые красного цвета. Они должны входить в сердце. В последний месяц каждого сезона следует вбирать в себя желтую пневму Сатурна, которая должна входить в селезенку. Осенью надо вбирать в себя белую пневму планеты Венера, заставляя ее входить в легкие. Зимой следует глотать черную пневму планеты Меркурий так, чтобы она входила в почки.

Кроме того, даос со Срединного пика по имени Чи Юань-цзе глотал эссенциальную энергию шести циклических знаков „у“⁷. Это было весьма эффективным приемом. Начинать надо в декаду, начинающуюся со знаков „цзя—цзы“. Пятым днем этой декады будет день под циклическими знаками „у—чэнь“. Соответственно, в течение этой декады можно поглощать эссенциальную энергию знака „у“, для чего надо сидеть, повернувшись лицом в направлении, обозначаемом знаком „чэнь“, то есть в направлении юго-востока, и глотать пневму. Так можно делать до шестого дня декады, помеченной знаком „цзя“. Это есть день знака „у“ как середины декады.

Есть еще способ Гань Ши, заключающийся в вызывании нефритовых дев шести знаков „цзя“ и шести знаков „дин“. У каждой из этих дев есть свое имя. Следует заговорить воду и выпить ее. Если именами дев заговаривать воду для коров и лошадей, то и у них исчезнет чувство голода. Можно еще сосредоточиться на имени божества селезенки. Его зовут Хуаншан-цзы, Господин, Облаченный в Желтое. Тогда можно, лишь сжав губы, питаться внутренней пневмой. Все эти методы поистине весьма эффективны.

Я много раз видел людей, воздерживавшихся от вкушения злаков больше двух или трех лет. Их тело было легким и внешний вид хорошим. Они прекрасно переносили сильный ветер, мороз, жару и сырость, и среди них в основном не было тучных людей. Я встречал людей, которые воздерживались от вкушения злаков по несколько десятков лет. Но те, кто переставал есть злаки лишь на срок, не превышающий десяти дней, все преждевременно

умерли, тогда как первые продолжали жить, как они и жили. Разве из этого нельзя сделать несомненный вывод, что посты можно продолжать чрезвычайно долго? Многие, отказываясь от злаков, вначале ощущают упадок сил и нарастающую слабость. Они все время думают о пище и начинают бояться, что долго не проживут. Я расспрашивал об этом и узнал, что первоначально все отмечают ослабление сил и упадок энергии пневмы, но постепенно здоровье укрепляется и человек становится стройным и сильным. Силы возрастают месяц от месяца и год от года. Это совершеннейшая истина, а значит, посты можно продолжать неограниченно долго.

Среди тех, кто продлил свою жизнь и обрел Дао-Путь, не бывало таких, которые, практикуя прием снадобий или глотание пневмы, достигли бы в этом успеха, ни разу не ошибившись. Так, при приеме снадобий и отказе от вкушения злаков почти никогда дело не обходится без начального кризиса. Однако все, кто принимал воду, освященную амулетами, или пил снадобья, или поглощал пнеуму, утверждали, что все болезни и недуги сопровождали их практику только на протяжении первых сорока дней. Потом же их здоровье полностью восстанавливалось.

Господин Чжэн говорил: „По своей природе я не склонен пить много вина. Но однажды, когда я более двух лет практиковал воздержание от злаков на горе Туншань, Медной горе, я пил меру за мерой и не становился пьяным“. Из этого можно сделать предположение, что голодание заставляет организм человека лучше сопротивляться воздействию ядов, а повышение сопротивляемости ядам очень важное условие при лечении тяжелых болезней. Я спросил его, откуда же он брал на горе вино? Господин Чжэн ответил, что он вначале доводил до брожения собранную им облачную влагу и не фильтровал ее. Затем он добавлял в воду корицу, аконит, лакрицу и еще пять-шесть составляющих, делал из них пилюли и как следует просушивал их. Каждая пилюля была размером с куриное яйцо. Пилюлю он растворял в шэне воды, и получалось превосходное вино.

Кроме того, есть еще способ источника облачной влаги Хуан-ди. Рисовый солод смешивается с семью-восемью

снадобьями, после чего добавляется в шэн воды. Это все равно что добавить в воду винный уксус тысячелетней выдержки. Вино оказывается готовым мгновенно, его вкус очень хорош и никогда не меняется. Его употребление весьма полезно для здоровья.

Хотя отказ от злаков и употребление освященной амулетами воды вначале и может ослабить организм, их лучше использовать одновременно. Когда наступают голодные годы, а человек не успел изготовить снадобья, то освященная амулетами вода оказывается наилучшим подспорьем.

Был такой Фэн Шэн, который только глотал пневму и воздерживался от злаков в течение трех лет, но я видел, как он проворно взбирается в горы с большим грузом за спиной; при этом он весь день не ведал усталости. Он постоянно натягивал луки, но почти ничего не говорил, а если говорил, то только самым тихим голосом. Я спросил его, в чем дело. Он сказал, что во время воздержания от злаков очень опасно расходовать семя и тратить пневму⁸.

Я встречал невежественных, ничтожных даосов, которые, желая создать себе дутую славу и вызывать изумление, присваивали себе имя постников и говорили, что ничего не едят, хотя на самом деле они совсем не знали правил постничества. Они всем лгали, а сами просто не ели такой еды, как похлебка или вареный рис. Тем не менее они каждый день выпивали больше чем по доу вина, а сушеное мясо, клейкий рис, жужубы, орехи и яйца были их постоянной пищей. Иногда они объедались мясом, пили его сок, а то, что им не нравилось, — выплевывали. За один день они съедали по несколько десятков цзиней каждый. И это мясо было для них изысканным лакомством.

Любители выпить могут пить вино и есть сушеное мясо, но им следует воздерживаться от злаков, тогда полгода или даже год они будут ходить, не спотыкаясь и не падая, но их никак нельзя назвать постниками, воздерживающимися от вкушения злаков.

Во времена царства У жил некий даос по имени Ши Чунь. Он регулярно практиковал контроль над пневмой, леча с ее помощью болезни других людей. После того как больной поправлялся, даос-целитель переставал есть и на-

чинал питаться снова только через месяц или через сто дней. Уский император Цзин-ди⁹, услышав об этом, сказал: „Этак он совсем скоро умрет от голода“, после чего приказал доставить даоса к себе и запереть его в комнате, держа под замком. Кроме того, он поставил стражника охранять дверь. Чунь же лишь просил ежедневно два-три шэна воды. Так продолжалось больше года, причем внешность даоса становилась все лучше, его лицо посвежелело, и он сделался даже крепче, чем раньше, а энергия его пневмы возросла. Тогда император Цзин-ди спросил его, сколько долго так может продолжаться. Чунь ответил, что практически бесконечно, во всяком случае несколько десятков лет. Он добавил, что боится в таком случае умереть от старости, но отнюдь не от голода. Тогда император прекратил опыт и отпустил его. Из слов Ши Чуня становится, между прочим, совершенно ясно, что отказ от злаков и голодание не могут продлить годы жизни. В наше время также есть люди, владеющие методом Чуня».

Некто спросил о том, если ли способ, избавляющий от страданий при морозе.

Баопу-цзы ответил ему: «В день начала сезона установления зимы¹⁰ следует проглотить амулеты шести знаков „бин“ и шести знаков „дин“. Или можно, закрыв рот, регулировать пневмы пяти огней. Если проделать это тысячу двести раз, то до середины двенадцатого месяца не почувствуешь холода. Можно также пить вино великой силы *ян* или принимать пурпурный камень-аметист и порошок, составленный из киновари и лака. Можно также принимать по одной пилюле петушиного снадобья, а после него — еще по две пилюли куриного снадобья¹¹. Тогда в течение одного дня и одной ночи не почувствуешь холода. Куриное снадобье делается из аурипигмента — куриной, или женской, желтизны, малахита, квасцов, магнетита. Петушиное снадобье готовится из реальгара — петушиной, или мужской, желтизны, киноварного порошка и каменной желчи-сернистой меди. Но все это бесполезно относительно задачи по продлению лет жизни».

Некто спросил о способе, избавляющем от страданий от зноя.

Баопу-цзы сказал: «Надо в день начала сезона установления лета¹² принять амулеты шести знаков „жэнь“ и шести знаков „гуй“. Можно также регулировать пневму шести знаков „гуй“ или принимать пилюли сокроенного льда¹³. Можно также принимать порошок летучего инея¹⁴. Но поскольку приготовление последнего требует таких составляющих, как кора дерева с холма Сяоцю и кровь черной змеи, ползущей к северу в полдень пятого дня пятого месяца, то мало кому удавалось приготовить его. Вероятно, только потому, что Ю Бо-цзы и Ван Чжун-ду¹⁵, эти два человека, использовали такие методы, они могли даже в жаркие летние дни носить тяжелые одеяния, и когда они стояли около десяти пылающих печей, во рту у них не было сухости, а по их телам не тек пот. Вот почему имеет смысл использовать эти методы».

Некто спросил о том, как можно спастись от воздействия пяти видов оружия.

Баопу-цзы сказал в ответ: «Я слышал, что Великий Император государства У получил от господина Цзе¹⁶ важнейший из подобных способов, который сводился к следующему. Можно просто написать знаки „Большая Медведица“, „Солнце“ и „Луна“ и не бояться никакого оружия¹⁷. Император решил проверить этот способ и поставил вокруг себя несколько десятков человек, пометив их этими знаками. Сколько бы атак против них ни предпринимали, они так и остались неуязвимы, и никто не смог ранить их в течение всей их жизни.

Господин Чжэн говорил: «Если произносить нараспев названия пяти видов оружия, то это уже может быть полезным». Нож имеет собственное имя Дафан, Великий Чертог; им управляют звезды созвездия Водолея. Лук называется Цюйчжан, Согнутый и Длинный; он управляется звездами созвездия Весы. Стрела называется Панхуан, Стремящаяся Вперед; ей управляет планета Марс. Меч называется Шишан, Наносящий Раны; им управляет созвездие Девы. Арбалет называется Юаньван, Глядящий Вдаль; им управляет созвездие Гидры. Копье называется Дацзян, Великий Полководец; им управляет созвездие Орион. Во время сражения надо только непрерывно тихим голосом произносить эти имена как заклинания.

Можно также в пятый день пятого месяца изготовить амулет Красной Одухотворенности, Чилинфу. Его следует прикрепить к одежде в области сердца. Можно также в дни, обозначенные знаками „бин—у“, делать амулет трех мешков государя-ласточки и амулет дракона и тигра. Годовые амулеты следует менять каждый год, месячные амулеты надо менять каждый месяц, суточные амулеты следует менять каждые сутки.

Можно также делать такие амулеты, как висячий амулет Матери-Царицы Запада¹⁸, которому верит оружие, также годится амулет красного феникса планеты Марс, также висячий, или висячий амулет золотой руды южного предела, или амулет, уничтожающий силу клинка, или амулет моления о гармонии. Можно также взять порошок нефритовых писем и посыпать им тело или совершить омовение в луковом отваре, отвращающем зло. Можно также взять растение витекс и амулет божественного полководца шести сил мрака-инь и направить этот амулет на противника. Можно также начертать на оружии письма кроваво-красной жабой, на горле у которой есть иероглиф „восьмерка“. Кровь надо взять в день лунного затмения или когда луна на ущербе перед новолунием. Можно также привязать к поясу пилюлю огня планеты Марс амулета военной мощи¹⁹. Весьма хорошие результаты дает также такой способ: перед тем как скрестить клинки, нужно подпрыгнуть, подскокить, провозгласив себя владыкой всех четырех сторон света. Вообще же повсюду есть люди, владеющие запретительными способами, предотвращающими воздействие пяти видов оружия».

Некто спросил о том, как можно исчезнуть и стать невидимым.

Баопу-цзы сказал: «Существует пять божественных путей, благодаря которым можно сидя — быть здесь, а встав — исчезнуть. Однако все они бесполезны для дела продления жизни. Кроме того, к таким способам среди людей не следует прибегать без особой нужды, просто для того, чтобы вызвать изумление и породить разговоры и толки; не следует делать это попусту. Можно, например, прибегать к таким методам во время смут и войн, когда

никак иначе не скрыться от врагов, если оказался в опасности, и когда нет другой надежды на избавление.

Господин Чжэн говорил: «Надо десять дней принимать амулет великого сокрытия и носить его. Когда хочешь скрыться, поверни его налево, когда хочешь появиться, поверни его направо. Можно также принимать внутрь пилюли из нефритовой пасты, или использовать порошок «змеиные ноги», или применять растение «скорбь разлуки с матерью»²⁰, или делать подстилки из травы сине-зеленого дракона и лежать на ней под шестью знаками «дин», или, войдя в бамбуковую рощу, держать в руке горсть земли «небесная ось», или делать для себя каменную пещеру Дракона из Хуанхэ²¹ и скрываться там в тени «облачного покрывала», или лежать ничком на берегу чистого прозрачного омута, чтобы таким образом обрести тропу прохождения через башню мрака. Можно также оседлать коня Небесного Единого и отправиться на нем в Пурпурный Покой²². Можно также проникнуть в зал Пресветлого Престола²³, или войти в Золотой Ларец нефритовой девы, или, повернувшись спиной к опоре и лицом к «чиновнику», стоять под тремя покрывалами, или, сняв головную повязку и обувь...²⁴ отвар из желчи и амулет одежды ребенка.

Вы можете жить в образе человека, но если взять отца и мать шести знаков «цзя», клей «пи-це», пилюлю «глины пегих коней», «дитя древесного демона», полынь золотого купца²⁵, то можно превратиться в ребенка, дряхлого старика или стать птицей, зверем или даже растением, деревом, одним из шести домашних животных²⁶. Можно будет, опершись на дерево, стать деревом, опершись на камень, стать камнем, опершись на воду, стать водой, опершись на огонь, стать огнем. Вот что называется изменением тела и трансформацией облика, не ведущими, однако, к полной невидимости».

Некто спросил: «Некогда вэйский император У-ди приказал схватить Цзо Юань-фана²⁷ и заключить в колодки, но тот совершенно естественным образом освободился. Благодаря какому способу он добился этого?»

Баопу-цзы сказал: «Я не знаю точно, какой именно метод использовал в данном случае господин Цзо. Тем не

менее если посмотреть различные книги многих эпох, то окажется, что в них описываются такие приемы. Например, при наступлении третьего месяца надо взять семена растения невлева слеза²⁸, смешать их с темной киноварью трех и пяти или со светлой двузубой оболочкой²⁹; можно также в седьмой день седьмого месяца поймать кузнечика, скачущего на восток; можно в пятый день пятого месяца взять сброшенную на камень шкуру сына дракона — ядовитой змеи; можно также использовать вишневое дерево, в которое в день солнцестояния ударила молния; можно также сделать амулет с начертанными на нем изображениями двадцати одного созвездия; можно использовать добровольно данную отцовскую кровь, можно — оставленные зерна нефритового сына, или око господина объединенных гор³⁰, или оставленные зерна речного князя Хэ-бо³¹, или мазь плывущих облаков³² (ей надо мазаться). Все это должно быть собрано непременно самостоятельно. Поскольку превращения господина Цзо были поистине беспредельны, нет никакой гарантии, что он использовал именно эти методы. Он мог использовать и превращения шести знаков „цзя“, тогда его подлинное тело никто не смог бы задержать».

Некто спросил: «Может ли человек, следующий Дао-Путем, не болеть?»

Баопу-цзы сказал: «Предельный принцип пестования жизни — это использование одухотворенного снадобья. Также следует неустанно практиковать регуляцию пневмы, утром и вечером заниматься гимнастикой дао инь ради активизирования жизненной энергии „жун“ и „вэй“, делая так, чтобы она не застывалась. Если же добавить к этому искусство „внутренних покоев“ и отрегулировать количество потребляемых еды и питья, а также не подвергаться воздействию ветра и сырости и не страдать из-за того, чего нельзя избежать, то тогда никаких болезней не будет.

Вместе с тем, живя среди людей, трудно избежать такой беды, как недостаточная сосредоточенность воли и несбалансированность практики совершенствования. Также всегда есть опасность поддаться лени и утратить должное

усердие. Поэтому, живя в миру, нельзя не болеть. Поэтому, даже если сердце ученика и исполнено веры в Дао-Путь, но он обременяет себя бесполезными делами, годы предопределенной ему жизни с неизбежностью будут приближаться к концу, над его телом нависнет опасность ущерба и убывания сил, а тогда „три трупa“ непременно воспользуются этим и будут делать так, чтобы старение и дряхление убыстрялись с каждым месяцем и с каждым днем. Они станут подрывать жизненность человека и навлекать на него болезни, призывая злоторную пневму и вредоносных для жизни бесов и демонов, чтобы они навредили человеку, используя для этого неблагоприятные для его судьбы дни и месяцы.

Особенно опасно для человека, если эти шесть бед объединяются в период трех наказаний³³, которые, в свою очередь, сойдутся вместе в одно время. Беда тогда грозит человеку поистине великая. Чем дольше продлится такое стечение обстоятельств, тем больше будет поражающих человека болезней и недугов. Но всему этому предшествуют страхи и скорби, которые приводят механизм болезни в действие.

По этой причине истинные последователи Дао-Пути в древности никогда ни в малейшей степени не пренебрегали искусством медицины, чтобы спастись от ближайших опасностей. Ныне же вульгарные и ничтожные даосы не понимают этого искусства, они опираются только на то, что слышали, и не придают никакого значения методам лечения болезней. Более того, не умея порвать с мирской жизнью и начать жизнь в уединении, они применяют лишь внутренние методы для лечения недугов, и когда заболевают сами, то и самих себя вылечить не могут. И в этом они уступают даже обывателям с их лекарственными отварами. Вот об этом и говорят: еще не пришел в Ханьдань, а уже потерял то, что имел в Шоулине³⁴. Я лично читал такие сочинения, как „Золотой ларец“ и „Зеленый мешок“, написанные Дай Ба и Хуа То, а также их же книги „Рецепты из текстов Цуй Чжуна, касающиеся желтого и постного“³⁵. Я также знаком с сочинением „Смешанные рецепты ста школ“ и с другими аналогичными книгами общим

объемом более чем в пятьсот свитков. Имеется еще сводный текст сочинений врачей Гань Ху, Люй Фу, Чжоу Ши, Гань Тан-гун и Жуань из Наньхэ³⁶ под общим названием „Неотложные средства, до конца прекращающие опасные болезни“. Существуют варианты этого сочинения, содержащие сто десять, девяносто четыре, восемьдесят пять или сорок шесть рецептов. Все мирские люди считают эти книги абсолютно полными и законченными, утверждая, что к ним уже нечего добавить. Я прочитал и исчерпывающе изучил их, обнаружив, что многие версии этих книг неполны и средства против ряда серьезных болезней описаны в них отнюдь не всесторонне. Кроме того, в эти списки вкралось много ошибок и путаницы. Поэтому когда в них срочно начинают искать рецепт для предотвращения острого приступа, то ничего сразу не могут найти из-за отсутствия единого принципа их композиционного строения. К тому же эти тексты предлагают для лечения острых и опасных приступов очень дорогостоящие лекарства, и если человек не богат и не живет в столице, то ему не достать ингредиенты и не приготовить их, а значит, и приступ до конца излечить не удастся.

Есть также много людей, призывающих лечиться иглоукалыванием и прижиганиями, но их способы отнюдь не ясны и не классифицированы должным образом. Они только повторяют названия точек, полостей, каналов и потоков жизненной энергии, протекающих в теле, но не разбираются в наставлениях врачей старого времени, не обладают глубоким знанием сочинений, изыскующих учение о зале Пресветлого Престола, и ничего не понимают в схемах и планах расположения боковых каналов и точек. Как же можно рассчитывать на ясное понимание ими того, что они практикуют?

Я сам составил сочинение в сто свитков под названием „Рецепты из нефритовой шкатулки“³⁷ и четко классифицировал и назвал там все болезни, разделив их по категориям и не допустив путаницы и ошибок. В трех свитках „Спасение при внезапных приступах“ этого сочинения все изложено чрезвычайно ясно, доходчиво и просто, рецепты, дающиеся там, надежны, и их легко применить на практи-

ке. В этих ста свитках можно найти полные и исчерпывающие сведения о всех лекарствах и описания всех острых заболеваний. В сочинении нет ничего неполного или незаконченного, и если в семье имеются эти рецепты, то можно не обращаться к врачам. Ведь среди врачей много таких, которые неустанно вмешиваются во все мирские дела, у них славы много, но в действительности она дутая, они распространяют прославляющую их пустую молву, чтобы с ее помощью стать обладателями богатства и прочих выгод. К таким врачам не следует обращаться седовласым мужам, удалившимся от дел. Люди избегают обращаться к таким врачам, а если обращаются, то они вводят их в заблуждение. Поэтому гораздо лучше самому овладеть самыми важными лечебными приемами, чем обращаться за помощью к невежественным лекарям. Кроме того, часто нельзя найти сразу же во время приступа врача для неотложной помощи, а если его удастся найти, то он может отказаться идти к больному немедленно.

Если рисунок кожи начал сглаживаться, то это означает, что недуг проник глубоко в организм человека, и больного уже не спасти, поскольку болезнь вошла в жизненно важную область под сердцем. Если же во время приступа приходится пускаться в дальние поиски врача, чтобы проконсультироваться с ним, то смерти больного не придется долго ждать».

Некто спросил: «Существует ли способ, чтобы заранее знать, какие удачи или беды ждут нас в будущем, мир или опасности таятся в грядущем, потери или приобретения скрыты от глаз, чтобы, предвидя все это, всегда оставаться в безопасности?»

Баопу-цзы сказал: «Есть много способов предвидения будущего: можно, поднимая голову вверх, созерцать небесные узоры, а опуская голову вниз, обозревать ландшафты, можно гадать по ветрам и пневмам, можно использовать нумерологические процедуры, можно передвигать три фишки, можно практиковать шаги по девяти дворцам, можно использовать восемь триграмм, можно гадать по полету птиц и крадущимся шагам зверей, можно предвидеть беды, анализируя и распознавая роды вещей и су-

ществ, можно делать предсказания на основе гаданий по черепаховому панцирю или по тысячелистнику³⁸. Все эти низшие искусства достаточно широко распространены, но они весьма сложны для выполнения, а результаты их мало достоверны. Поэтому для того, чтобы видеть всю Поднебесную, не поднимая полога и занавесок, надо вступить в духовный мир. Для этого можно использовать Небесные письма Трех Августейших³⁹ и при их помощи вызвать Повелителя Судеб и Владык пяти священных гор, а также Повелителя опасностей. Можно также вызвать Начальников дорог и божественные силы шести знаков „дин“. Все они явятся и позволят человеку увидеть их, а если начать расспрашивать их о разных делах, то они все расскажут о грядущих удачах и невзгодах, и все станет таким же ясным, как если бы лежало прямо на вашей ладони, ибо для них нет различий между далеким и близким и им ведомо глубокое и сокровенное. Вот как можно достичь предвидения.

Иные вызывают нефритовых дев шести сил *инь*, но этот способ требует для его подготовки шестидесяти дней. Когда все подготовлено, их можно вызвать, и они будут служить магу длительное время. Некоторые люди вызывают восемь письмоводителей, совершая для этого жертвоприношения. Восемь письмоводителей — это проявления эссенции восьми триграмм⁴⁰. Этого тоже достаточно, чтобы получить сведения о том, что еще не сформировалось. Можно также взять цветы пуэарии⁴¹, конопли осенней дымки на кончике ножа и принять этот состав в количестве квадратной ложки со стороны в цунь. Тогда сразу же захочется лечь спать и будут слышаться человеческие голоса, рассказывающие о еще не решившихся делах, и из этого можно со всей определенностью узнать о грядущих удачах и бедствиях.

Можно взять также ясное зеркало размером более десяти цуней и смотреться в него, сосредоточив свою мысль на желаемом⁴². Если делать так в течение семи дней и семи ночей, то увидишь святого-бессмертного мужского или женского пола, молодого или старого. После того, как он на мгновение покажется, в сердце появится знание того, что делается на расстоянии в тысячу ли и что должно слу-

читься в будущем⁴³. Иногда используется одно зеркало, а иногда два, которые в таком случае обозначают солнце и луну. Можно также взять четыре зеркала и расставить их по четырем углам. Тогда во время гадания можно смотреть, по выбору, в любое из этих угловых зеркал, хоть направо, хоть налево, — результат будет один и тот же. В случае использования четырех зеркал наугольника и божеств в них появится много. Кто-то из них будет выглядеть необычным образом, кто-то появится верхом на драконе или тигре, на них будут разноцветные яркие шляпы и одежды, причем совсем не такие, к каким мы привыкли в повседневной жизни. Обо всем этом написано в канонических книгах, а изображения есть на различных схемах и планах. Если вы хотите практиковать данный способ, то сначала надо тайно выведать имена и прозвания всех этих божеств, их положение и должность в небесной иерархии, а также надо знать, как они одеты и какие носят головные уборы. Иначе когда они появятся, человек забудет, что это за божество. Он также может испугаться, что неминуемо причинит тому человеку зло. Совершая этот ритуал, стремятся, как правило, удалиться в уединенное тихое, спокойное, удаленное от суеты место в горных лесах, где никакие посторонние образы не будут отвлекать зрение, а посторонние звуки не будут тревожить слух. В таких местах этот метод, несомненно, можно применять с полным успехом.

Три божественных отрока, девять чудесных дев и Государь, распределяющий долголетие, а также божества, имеющие девять голов и тело змеи, а с ними — сто двадцать божественных чиновников внезапно явятся к совершающему ритуал, но на них нельзя смотреть без должного уважения. Если они будут спрашивать о чем-либо или разгневаются, то не надо отвечать им. Если они явятся в сопровождении блестящей свиты из сильных мужей и закованных в латы воинов, сидящих на драконах или едущих верхом на тиграх, которые будут маршировать под звуки флейт и барабанов, ни в коем случае нельзя ни смотреть на них, ни говорить с ними. Следует только искренне сосредоточиться на истинном облике Лао-цзюня, Престарелого Государя, и, когда он явится, нужно поклониться ему.

Что касается истинного облика Престарелого Государя, то его мысленно следует представлять себе так: надо думать, что его фамильный знак — Ли, что его имя — Дань; его тело должно иметь рост в девять чи, его цвет желтый, у Государя большой нос, как птичий клюв, у него длинные кустистые брови в пять цуней и длинные уши в семь цуней. У него на лбу есть три вертикальные морщины, а на его ногах есть знаки восьми триграмм. Он возлежит на божественной черепахе. Он живет в золотых палатах и нефритовых залах с украшениями и ступенями из белого серебра. Его одежда соткана из пятицветных облаков, его шляпа подобна многослойной тиаре, у него в руках обнаженный меч. За ним следует свита из двадцати золотистых отроков, слева от него — двенадцать сине-зеленых драконов, справа от него — двадцать шесть белых тигров, перед ним двадцать четыре киноварно-красных феникса, за ним семьдесят два Сокровенных Воина⁴⁴, перед всеми ними шествуют двенадцать божественных животных цюн-ци, за всеми ними следуют тридцать шесть благовещих существа би-е⁴⁵. Над ним — гром и молния, сияющие и блистающие, гремящие и грохочущие.

Сведения обо всем этом содержатся в канонических книгах бессмертных. Если удастся увидеть Престарелого Государя, Лао-цзюня, то годы жизни непременно продлятся, разум станет таким же ясным, как солнце и луна, и на свете не останется ни одного неведомого дела».

Некто спросил о методах укрепления зубов.

Баопу-цзы сказал: «Следует питать зубы „цветочным прудом“ — винегаром⁴⁶ и полоскать их молодым вином. Если по утрам делать так в течение трехсот дней, то зубы станут чистыми и крепкими, тогда они никогда не выпадут. На втором месте стоит использование щавеля земной желтизны, который надо жевать. Можно также использовать отвар из темной печени⁴⁷, пилюли из змеяного жира, пилюли из квасцов и порошок из девяти жужубов. Тогда каждый шатающийся зуб закрепится на своем месте, а дуплистые зубы исцелятся. Если же принимать порошок одухотворенного полета⁴⁸, то и выпавшие зубы вновь вырастут».

Некто спросил о том, как добиться острого зрения и чуткого слуха.

Баопу-цзы ответил: «Тот, кто умеет двигаться вперед, как дракон, и вести за собой, как тигр, ходить медвежьей походкой и дышать, словно черепаха, подражать полету ласточки и умеет извиваться, как змея, и вытягиваться, как птица в полете, тот, кто регулярно поднимает голову горе и опускает долу, — тот, кто умеет все это, не допустит, чтобы красно-желтое излучение покинуло „пещерный покой“⁴⁹. Если человек подражает лазанию обезьяны или прыгает, как заяц, тысячу двести раз, то его слух не притупится. Глухому следует использовать душистую траву темной черепахи или горсть жужубов, бараний помет, коричный пух либо воробынью корицу. Этими веществами следует заклепывать уши. Можно также взять волчий яд и разукрашенную пуэрарию и добавить к ним аконит и луковый сок, перемешать все это и закапывать в уши. Можно также промывать уши отваром мозга карпа. Все эти методы приносят исцеление».

Некто спросил о том, как улучшить зрение.

Баопу-цзы сказал: «Тот, кто умеет поднимать вверх блеск излучений „тройного обогревателя“⁵⁰, способен овладеть великим огнем юга-ли⁵¹ и оттереть его камнем света⁵², совершая омовения; тот, кто прижигает глаза светом силы *ян*⁵³ и сжигает амулеты знаков „бин“ и „дин“ пещеры зрения, кто омывает глаза вином, тот сможет писать даже по ночам, как это делали древние, применявшие этот способ. Можно также взять брюкву (семена брюквы), отварить ее в горьком вине, потом высушить на солнце, растереть в порошок. Затем этот порошок следует принимать по квадратной ложке со стороны в цунь три раза в день. Всего надо принять один доу порошка. Тогда и ночью человек сможет свободно видеть все, словно днем. Можно также сварить в собачьей желчи баранью зелень-люцерну, морских моллюсков-рапан, растения кассию и пустырник, а также порошок из ста⁵⁴ цветов. Кроме того, можно закапывать в глаза сок „аромата куриного язычка“, аквиларии — желтого лотоса, а также молоко. От этих методов не только исчезнут все имеющиеся глазные болезни, но и острота зрения навсегда возрастет во много раз».

Некто спросил, можно ли предпринимать неограниченно далекие путешествия, связанные с восхождением в горы и переправами через реки, и не устать.

Баопу-цзы сказал: «Если только принимать великое снадобье, то тело станет легким и сильным. Тогда можно много трудиться и не чувствовать изнурения. Если вы собираетесь предпринять поход в горы и леса, а ваше тело полностью не подготовлено должным образом, то следует омыть перед этим ноги в растворе порошка облачного жемчуга-слюды, нектара ста цветов-меда и рассоле „сокровенного дитяти“. Если регулярно в течение одной декады принимать пилюли из тигриной желчи, летнее вино, пилюли из жира самца небесного журавля, сока чертополоха, хмельную полынь, подорожник, порошок болотистого папоротника⁵⁵, то не только будешь без утомления совершать дальние переходы и переправы через реки, но и всегда будешь ходить в три раза быстрее, чем обычные люди.

Если научишься ходить, касаясь земли только кончиками пальцев⁵⁶, то можно будет обойти всю Поднебесную вокруг, не обращая никакого внимания на горы и реки. Есть три способа овладения искусством хождения на цыпочках. Первый называется хождением на цыпочках подражающим бегу дракона, второй называется хождением на цыпочках подражающим бегу оленя. Если использовать правильные амулеты и уметь правильно сосредоточивать сознание, то можно, поддерживая транс сосредоточения в течение одного двойного часа, пройти тысячу ли. Если предаваться сосредоточенному трансу в течение всех двенадцати двойных часов суток, то можно будет за один день и за одну ночь пройти двенадцать тысяч ли. Однако это расстояние нельзя превзойти. Если хочется превзойти его, то надо повторить практику сосредоточения по изложенному выше методу еще один раз.

Можно также сделать летающую повозку, используя сердцевину ствола дерева жужуба. Полосы бычьей кожи крепятся к вращающимся лопастям, подобным клинкам мечей, и ими этот механизм приводится в движение⁵⁷.

Можно также при помощи мысленного сосредоточения и визуализации создать упряжку из пяти змей, шести драконов и трех быков, чтобы ездить на ней. Она сможет взлететь на сорок ли в область, которая называется миром Великой Чистоты⁵⁸. Пневма мира Великой Чистоты очень прочная, и она может выдержать вес человека. Мой учитель говорил мне, что когда коршун или ястреб спиралью поднимается все выше и выше, то ему больше не нужно махать крыльями, чтобы лететь, так как он постепенно достигает уровня крепкой пневмы, на которую может опереться, распластав крылья, и просто парить в пространстве. Точно так же и дракон поднимается над облаками на расстояние в сорок ли, а затем движется уже чисто автоматически. Эти знания пришли к нам от бессмертных, но они никогда не передавали их мирским людям. Поэтому обыватели ничего об этом не знают.

Кроме того, если вы хотите овладеть одним из методов хождения на цыпочках, надо долгое время поститься, отказавшись от скоромных блюд и перестав употреблять в пищу кровь. Так нужно поститься год, и только после этого появится возможность овладеть одним из этих трех методов хождения на цыпочках. Даже если применять амулеты, то все равно метод визуализации пяти драконов является наилучшим, поскольку он позволяет перемещаться на самые дальние расстояния, хотя путешествие и не может превышать тысячи ли. Для того, чтобы подняться или спуститься, тронуться в путь или остановиться, существуют особые приемы. Здесь нельзя действовать по своему произволу. Если не следовать указанным запретам, то путешествие на цыпочках не состоится, так как непременно случится беда: вы упадете и разобьетесь».

Некто спросил: «В „Записях срединных глав Лао-цзы“ и „Каноне черепаховых писем“⁵⁹ говорится, что если в годы под эгидой первоэлементов металла и дерева случаются большие войны, то после них обязательно начинаются страшные эпидемии, после которых едва выживает и один человек из десяти тысяч. Осмелюсь спросить вас о способе, позволяющем избежать этого».

Баопу-цзы сказал: «Тайный запретительный способ бессмертных, позволяющий входить в зачумленные местности, заключается в том, чтобы представлять свое тело как бы сделанным из пяти кусков нефрита. Цвет кусков нефрита, которых пять, зависит от символического цвета четырех сезонов: цвет весны сине-зеленый, цвет лета красный, месяц середины сезонов имеет желтый цвет, осень имеет белый цвет и зима имеет черный цвет⁶⁰. Кроме того, следует представлять себе, что на голове повязка из золота, а сердце подобно пылающему огню размером с ковш, вмещающий доу. Если принять эти предосторожности, то бояться нечего.

Есть и другой способ. Можно представить себе, что ваши волосы распущены и ниспадают по спине, окутывая собой все тело, причем на конце каждой пряди сияет большая звезда.

Можно также представить себе, что семь звезд Большой Медведицы опустились на вашу голову так, что четыре звезды ковша покоятся на темени, а ручка ковша из трех звезд указывает прямо вперед.

Можно еще представить себе, что пять пневм ваших главных пяти внутренних органов исходят из ваших глаз, окружая тело как облако или туман. При этом из печени должна исходить сине-зеленая пневма, из легких — белая пневма, из селезенки — желтая пневма, из почек — черная пневма, а из сердца — красная пневма. Когда все эти пневмы пяти цветов перемешаются, вы сможете даже лежать на одной постели с человеком, больным чумой, без опасности заразиться от него.

Можно практиковать юев шаг и читать заклинания нефритовой девы, отвечающей за тот конкретный день. Можно также, задерживая дыхание, представлять себе могучих мужей, работающих металлическими молотами, каждый из которых весит тысячу цзиней. Сто двадцать таких мужей достаточно для защиты от заразы. Можно также использовать пилюли, поражающие демонов, пилюли посланника на красной повозке, пилюли военного шлема, порошок эссенции из нефритовой шкатулки, порошок старшего министра Сюя, пилюли даоса на сине-зеленом быке, окурывающие

тело, желтый порошок Цуй Вэня, вино из трав и нефрита, пилюли желтого двора, амулеты Августейшего, амулеты Лао-цзы, вводящего управление над серединой, и амулеты персиковых цветов Красноусого Мудреца, Чисюй-цзы. Все эти средства исключительно действенны».

Примечания

¹ В даосской терминологии выражение «отказ от злаков» (*дуань гу*) обычно означает пост или полное голодание вообще безотносительно к употреблению в пищу зерновых.

² Стоголовник — вид чертополоха (семейство Сложноцветные). В научной медицине не используется.

Упомянутые здесь и ниже алхимические термины комментируются только в том случае, если их удалось определить и если они не комментировались выше.

³ Глотать пневму (*тунь ци*) — то есть заниматься дыхательными упражнениями.

Принимать амулеты (*фуфу*) — имеется в виду распространенная даосская практика, заключающаяся в том, что вначале на шелке или на бумаге рисуются тушью амулеты, а потом рисунок смывается в воду, эту воду выпивает человек, для которого амулет был сделан. Эту практику для привлечения сторонников активно применял лидер восстания Желтых повязок Чжан Цзюэ, использовавший амулеты для целительства.

⁴ Здесь речь идет о Дун Цзине (второе имя Вэй-нин), практиковавшем даосские методы в 80-е годы III в. н.э. Его биография имеется в «Истории династии Цзинь» («Цзинь шу»).

Белая Община (*Байшэ*) — местность на территории, занимаемой современным уездом Яньшисянь провинции Хэбэй. Получила свое название благодаря расположенному там большому храму, который здесь, видимо, и имеется в виду.

⁵ Лакрица (*Glycyrrhiza glabra*) — растение семейства Бобовых. Сладкий корень лакрицы (солодки) обладает отхаркивающими свойствами, положительно влияет на водно-солевой обмен, используется при лечении язвы желудка и двенадцатиперстной кишки, оказывает послабляющее действие.

Черёда (*Bidens tripartita*) — однолетнее травянистое растение семейства Сложноцветных. Оказывает благотворное воздействие на обмен веществ, улучшает пищеварение и оказывает легкое мочегонное действие. Отвары из череды используются для обмываний при золотухе, экссудативном диатезе и чесотке у детей.

Олений плод — имеется в виду бархатник (петушинный грёбешок, семейство Амарантовых). В научной медицине не используется.

6 Имеются в виду некие неопределяемые химические вещества.

7 Речь идет о шести комбинациях циклических знаков шестидесятичного цикла, в которые входит знак «у». В китайском календаре циклическими знаками обозначаются годы, месяцы, дни и часы (двухчасья, стражи).

8 То есть допускать эякуляцию во время полового акта и расстраивать энергетический потенциал организма.

9 Цзин-ди — император (258–265 гг.) южнокитайского царства У эпохи Троецарствия.

10 Сезон установления зимы (*ли дун*) — один из 24 малых сезонов традиционного китайского сельскохозяйственного календаря (приблизительно с 7–8 по 22–23 ноября).

11 Петушиное (*сюн*) и куриное (*цы*) здесь выступают как эквиваленты мужского и женского.

12 Сезон установления лета (*ли ся*) — один из малых сезонов (приблизительно с 7–8 по 22–23 мая).

13 Сокровенный лед (*сюань бин*), или черный лед — алхимический препарат, содержащий ртуть.

14 Летучий иней (*фэй шуан*) — алхимический кристаллический неустойчивый порошок; его состав неизвестен.

15 См. коммент. 84 к гл. 8 и коммент. 30 к гл. 12.

16 Великий Император государства У — имеется в виду Сунь Цюань (Да-ди) — основатель южнокитайского царства У (222–252 гг.).

Господин (Учитель) Цзе (*Цзе сяньшэн*) — даосский бессмертный Цзе Сян.

17 В начертания китайских даосских амулетов очень часто входят контуры созвездий и другие астральные символы. Но здесь могут иметься в виду и тайные (окультные) имена (*мин-цзы*) небесных светил.

18 Мать-Царица Запада (*Сиван-му*) — древняя богиня, видимо, южного, чуского происхождения. Ее резиденцией считалась западная мировая гора Куньлунь. Она почиталась как подательница эликсира бессмертия.

19 Интересно, что обычно в китайской астрологии (в отличие от европейской) Марс не ассоциировался с войной. Такая ассоциация была связана с Венерой (планетой Металла), поскольку она соотносилась с началом *инь* (коррелировавшим со смертью) и первоэлементом «металл».

20 Возможно, имеется в виду растение семейства Орхидных *Gastrodia*.

21 Видимо, имеется в виду дракон (драконолошадь), явивший Фу-си начертания графических символов «Канона Перемен».

22 Пурпурный Покой (*цзы фан*) — здесь название звезды (в других контекстах может обозначать один из энергетических центров тела).

23 Зал Пресветлого Престола (*мин тан*) — в древности сакральнейший покой дворца государя, воспроизводивший в себе об-

раз всего универсума. Здесь, видимо, имеется в виду созвездие Сердца (*синь су*), образуемое тремя звездами: альфой (Антарес), сигмой и тау Скорпиона. Располагается в восточной части неба.

²⁴ Здесь имеет место очевидный пропуск в тексте. Видимо, соответствующий ему фрагмент был утрачен еще в древности.

²⁵ Здесь можно определить только два последних названия.

«Дитя древесного демона» (*му гуй чжи цзы*) — авраамово дерево, витекс священный (*Vitex agnus-castus*, семейство Вербеновые). Является сильным тонизирующим средством, антидепрессантом (спиртовая настойка спелых плодов). Его плоды, семена и листья используются при хронических заболеваниях печени и селезенки, женских болезнях и для лечения малярии.

Полынь золотого купца (*цзинь шан чжи ай*) — один из видов полыни (*Artemisia*). В «Баопу-цзы» (гл. 16) упоминается также магический гриб-чжи золотого купца (видимо древесный).

²⁶ Шесть домашних животных (*лю чу*) — это коровы, лошади, овцы, свиньи, куры и собаки. Эта классификация восходит к эпохе Чунь-цю (VIII–V вв. до н.э.), поскольку впервые упоминается в летописи «Цзо чжуань» (5-й год Чжао-гуна).

²⁷ Вэйский император У-ди — полководец Цао Цао (см. коммент. 33 к гл. 2).

Цзо Юань-фан — даос Цзо Цы (II–III вв. н.э.).

²⁸ Иевлева слеза (*и-и*) — *Coix lacryma*, лекарственное растение семейства Злаковых.

²⁹ Светлая двузубая оболочка (*оу я ян бао*) — видимо, оболочка какого-то растения, соотносимого с мужским началом *ян*.

³⁰ Око господина объединенных гор (*хэ шань цзюнь му*) — полудрагоценный камень тигровый глаз. Господин объединенных гор — тигр.

³¹ Хэ-бо — древнее божество, хозяин реки Хуанхэ, которому в народных непристойных культах (*инь сы*) даже приносились человеческие жертвы (обряд «божественной свадьбы»). Под зернами Хэ-бо имеется в виду особый тип камня гематита.

³² Мазь плывущих облаков (*фу юнь цзы*) — мазь на основе слюды.

³³ Три наказания (*сань син*) — астролого-календарный термин, означающий или неблагоприятное в трех аспектах сочетание циклических знаков, или схождение вместе трех неблагоприятных знаков двенадцатеричного набора при обозначении месяца, дня и часа.

³⁴ Сюжет из гл. 17 «Чжуан-цзы»: «...однажды какой-то парень из Шоулина вздумал подражать ходам из Ханьдана. Тамошнее искусство он не перенял, а по-своему ходить тоже разучился, так что пришлось ему ползти домой на локтях и коленях» (*пер.* В. В. Малявина).

³⁵ Здесь Гэ Хун называет сочинения выдающихся китайских медиков III в., самым известным из которых является Хуа То. О знаменитых медиках китайской древности подробнее см. коммент. к гл. 5.

36 Из перечисленных здесь медиков в настоящее время известен только Жуань (Юань) из Наньхэ. Это живший в III в. в государстве Вэй Жуань Бин (Жуань Шу-вэнь), врач и фармаколог.

37 «Рецепты из нефритовой шкатулки» («Юй хань фан») — этот текст утрачен.

38 Имеются в виду древнейшие формы гадательной практики, известные еще на заре китайской цивилизации, когда гадателем мог выступать только царь (*ван*). Гадание по черепаховому панцирю заключалось в раскаливании панциря на огне с последующей интерпретацией рисунка образовавшихся трещин. О гадании на стеблях тысячелистника см. коммент. 23 к гл. 3.

Остальные типы гаданий, перечисленные Гэ Хуном, менее древние, не столь овящены традицией и в настоящее время в деталях неизвестны.

39 По-видимому, имеются в виду амулеты и тексты, описывающие амулеты и сопровождающие их.

40 Восемь триграмм (*ба гуа*) — восемь графических символов «Канона Перемен» из трех линий — непрерывных (*ян*) и прерывистых (*инь*). Парные комбинации восьми триграмм образуют 64 гексаграммы.

41 Пуэрария — вьющееся лианообразное растение, сок которого обладает слабым наркотическим и анестезирующим воздействием; он иногда используется для приготовления опьяняющих напитков (например, в Японии). Иероглиф «гэ», означающий «пуэрария», образует фамильный знак Гэ Хуна.

42 Сосредоточение мысли (*сы цунь*) — здесь это технический термин, обозначающий один из видов даосской созерцательной медитации, предполагающий визуализацию (актуализацию) тех или иных образов (например божеств даосского пантеона).

43 Подобного рода магическое и мантическое использование зеркал характерно для самых разных культур (ср. традиционные русские святочные гадания с зеркалом).

44 Здесь перечисляются существа, символизирующие стороны света и первоэлементы. Сине-зеленый (*цин*) дракон — символ востока и дерева; белый тигр — запада и металла; красный феникс — юга и огня; Сокровенный Воин (*сюань у*) — космологический символ севера и первоэлемента воды, иногда изображается в виде черепахи, оплетенной змеей (черного цвета).

45 Цюн-ци — фантастический монстр, описывающийся в «Каноне гор и морей» и в «Хуайнань-цзы». В первом тексте про него говорится, что это зверь-людоед, похожий на крылатого тигра, во втором — также это людоед, но с телом быка, покрытым иглами ежа или дикобраза.

Би-е — также фантастический монстр, упоминаемый в разделе «Основные анналы императора Лин-ди» (168–189) «Истории Поздней Хань», но благовещий, что отражено в его другом названии — *тянь лу* — «небесное пожалование».

46 Винегар — винный уксус. Совет Гэ Хуна относительно его использования для ухода за зубами с точки зрения современной медицины является совершенно ошибочным.

47 Имеется в виду или отвар из змеиного желчного пузыря (змеиной желчи приписывалось множество целебных свойств, и она высоко ценилась), или один из растворов, содержащий слюду.

48 Порошок одухотворенного полета (*лин фэй сань*) — его состав неизвестен.

49 Здесь описываются различные методы даосской гимнастики *дао инь*, зачастую воспроизводящей походку и игры животных. Наибольшей известностью из подобных упражнений пользуются «игры пяти зверей» (*у цинь си*) выдающегося медика III в. Хуа То, но сами методы подражания животным при занятиях гимнастикой восходят к эпохе Чжань-го (V—III вв. до н.э.). Во всяком случае, в «Чжуан-цзы» (гл. 15) говорится о знатоках *дао инь*, стремящихся к долголетию Пэн-цзу и для этого подражающих карабкающимся на деревья медведям и сгибающим и расправляющим в полете ноги птицам.

«Пещерный покой» (*дун фан*) — одна из структур верхнего «киноварного поля» (*дань тянь*); расположена в двух цунях выше межбровья.

50 «Тройной обогреватель» (*сань цзяо*) — видимо, проходы в пищевод, желудок и мочевой пузырь.

51 Триграмма «Книги Перемен» «ли» понимается как «огонь».

52 Или «сияющим камнем», «камнем мудрости», «камнем прозорливости» (*мин ши*).

53 Возможно, имеется в виду солнечный свет.

54 Слово «сто» (*бай*) здесь имеет символическое значение «все», «множество» и т. п.

55 Отождествление большинства из перечисленных растений носит достаточно предположительный характер.

56 Здесь речь идет не о хождении на цыпочках, а о своего рода левитации.

57 Здесь мы встречаемся с исключительным по своему научно-техническому значению предвидением Гэ Хуна или его предшественников-даосов. По существу, Гэ Хун описывает здесь принцип устройства летающего аппарата тяжелее воздуха типа планера, работающего с помощью винта (в Европе подобного рода проекты возникают лишь в XIX в.). Дж. Нидэм предполагает даже, что данный фрагмент «Баопу-цзы» через посредство миссионеров-иезуитов стал известен в Европе, где в XVIII в. популярной была игрушка «китайский волчок» с небольшим винтом, которая навела воздухоплавателей на аэростатах конца XVIII в. использовать винт для увеличения скорости воздушного шара.

58 Мир Великой Чистоты (*тай цин*) — низшее из трех небес миров бессмертных даосской космологии; на достижение этого неба ориентировалась даосская традиция, представленная Гэ Хуном.

Расстояние в сорок ли, указанное Гэ Хуном (по случайному совпадению?), соответствует высоте полетов в стратосфере.

⁵⁹ Эти тексты были утрачены еще в древности. Их китайские названия — «Лао-цзы пянь чжун цзи» и «Гуй вань цзин».

⁶⁰ Здесь перечисляются символические цвета первоэлементов, соответствующих сезонам: сине-зеленый (*цин*) — дерево, красный — огонь, желтый — промежуток времени между летом и осенью («середина года»), соответствующий первоэлементу «земля», белый — металл, черный — вода. Эти же цвета (и коррелирующие с ними первоэлементы) соответствуют и пяти базовым внутренним органам (*у цзан*) — печени, сердцу, селезенке, легким и почкам, о чем и говорится ниже.

ГЛАВА 16

О желтом и белом

Баопу-цзы сказал: «Описание методов изготовления белого и желтого, содержащееся в „Канонической книге святых-бессмертных“, составляет двадцать пять цзюаней-свитков и более тысячи глав. Желтое — это золото. Белое — это серебро. Древние чрезвычайно ценили эти методы и считали их тайными. Поэтому они избегали открыто говорить о них и использовали только особый секретный язык. Например, в некоторых сочинениях говорится о циклических знаках „гэн—синь“, но знаки „гэн—синь“ здесь обозначают золото¹. Таким образом, эти методы весьма глубоки, утонченны, секретны и о них очень трудно узнать, а возможностей получить их разъяснение и истолкование чрезвычайно мало. Мирские люди по большей части сомневаются в этих делах и считают повествования о них пустыми враньями. Их отношение к этому искусству вполне тождественно их неверию в святых-бессмертных.

Ранее я получил от господина Чжэна способ девяти киноварей и „Каноническую книгу золотого и серебряного растворов“. Позднее я искал и получил „Срединную каноническую книгу о желтом и белом“ в пяти свитках. Господин Чжэн говорил мне, что он вместе с господином Цзо проверил описанные в них методы в пещере горы Туншань в Луцзяне и у них все получилось. Все посты, омо-

вения, ритуалы, запреты и ограничения, которые следует усердно исполнять, несмотря на их трудность, в этом случае точно такие же, как и при изготовлении золотого раствора и перегнанной киновари — великих снадобий священных-бессмертных.

Обыватели часто критикуют и порицают меня за то, что я полюбил занятия такими странными и необычными делами. Они говорят, что я безрассудно пожелал постигнуть в Поднебесной, что постижению не поддается. Почему же я занялся всем этим? Я занялся изучением этих дел вовсе не потому, что хочу через описание их достичь литературной славы в грядущих поколениях. Того, что я написал в экзотерических главах и в других многочисленных сочинениях по различным предметам, составляющих более двухсот свитков, вполне достаточно, чтобы передать мои мысли и донести их до людей будущего, и мне нет никакой надобности вновь стремиться к этой цели. Поэтому в экзотерических главах я говорю совершенно прямо и откровенно, избегая каких-либо украшений и выпендривностей.

Я также вполне осознаю, что темы, которых я касаюсь здесь, все мирские люди считают слишком далекими от дел практической жизни и бесполезными. Так что если бы я хотел всеобщей известности и единогласного восхищения, то мне следовало бы обратиться к темам, более близким для мирян-обывателей. Однако я не могу отказать от обсуждения этих дел. Пусть даже мои слова не достигнут ушей обывателей, но все же люди рассудительные, прочитавшие их, смогут оценить действенность того, о чем я говорю, и будут знать, что мои учителя, передавшие мне эти тайны, отнюдь не лгали и не обманывали.

Я человек бедный и убогий, нет у меня ни богатства, ни власти. На своем жизненном пути я столкнулся со многими трудностями, и мне не к кому было обратиться за поддержкой. Пути мои пресеклись, и я не смог собрать ингредиенты тех снадобий, о которых говорю, а значит, не смог я изготовить и сами эликсиры. Я понимаю, что когда в своем положении человека, страдающего от голода и холода, я рассказываю людям о том, как изготовить золото и серебро, то я становлюсь похожим на торговца лекарст-

вом от паралича, который сам не может ходить. Я ищущу веры своим словам, но, увы, поистине не могу добиться ее. Тем не менее если принцип и не соответствует тому, чего бы нам хотелось, не следует все-таки с легкостью, одним махом отвергать его. Я так усердно и неустанно работаю тушью и кистью в надежде, что мужи грядущих эпох, любящие необычайное и устремленные к истине, прочитают мою книгу и соберут всю свою волю, дабы обрести Дао-Путь.

Что неспособно содействовать искусству превращений? Человеческое тело по своей природе видимо, но его можно сделать невидимым. Демоны и духи по своей природе невидимы, но есть способы, делающие их видимыми. О, сколь многое можно сотворить благодаря этому искусству! Вода и огонь сокрыты в небе, но их можно низвести вниз и овладеть ими при помощи особых орудий². Свинец по своей природе белый, но он может покраснеть так, что его будут принимать за киноварь. Киноварь по своей природе красна, но она может побелеть так, что ее будут принимать за свинец. Облака и дождь, иней и снег — все это виды небесной пневмы. Но можно сделать и их искусственные подобию, которые ничем не будут отличаться от настоящих. И так вплоть до существ, обладающих способностью к полету и бегу, ползанию и прыжкам. Их тела также можно подвергнуть превращениям, и они станут неподвижными. Всего же способов, посредством которых можно старое тело заменить на новое, преобразовать тело так, что оно воспримет облик совершенно другого существа, — таких способов тысячи и десятки тысяч, и нечего даже пытаться их здесь перечислить.

Человек по своей природе таков, что он превосходит все живые существа по своему достоинству и своей одухотворенности. Но и в роде человеческом бывает так, что мужчины и женщины меняются полом, люди превращаются в журавлей или камни, а также в тигров, обезьян, в песок или черепахи. И примеров таких метаморфоз немало. Чудесность подобных превращений доходит до того, что высокие горы превращаются в бездонные пучины, а глубокие долины — в крижистые пики, — вот каковы превращения вели-

ких вещей. Превращения и трансформации проистекают из самоестественной спонтанности Неба и Земли, так к чему же утверждать, что только золото и серебро нельзя сделать из других субстанций? Разве отличаются огонь, добытый от солнца при помощи зеркала, и вода, добытая при помощи конденсации на зеркальной поверхности, от обычных огня и воды? Змеи превращаются в драконов, а из конопляного зерна получают масло — и это ничем не отличается от процесса естественного самопорождения. Ведь причина, лежащая в основе и того, и другого, — воздействие естественного фактора. Пока не исчерпаешь полностью принципы сущего и не постигнешь до конца природную сущность явлений, не сможешь познать суть подобного рода фактов. Если не иметь всеохватного видения, позволяющего прозревать начала и концы, то никогда не сможешь постичь характер таких превращений. Ведь зашоренное восприятие и близорукий ум подобны путам на руках и на ногах, не дающим выбраться из гнездовища в пещере. А когда человек такого ума погружается в неисповедимые тайны безмерного, то он сразу же объявляет божественные превращения пустыми выдумками, о которых ничего не говорили Чжоу-гун и Конфуций и о которых ничего не написано в авторитетных сочинениях, а значит, все совсем не так. Ну не дикость ли это?

Еще обыватели любят ссылаться на пример Лю Сяна и говорить, что раз ему не удалось сделать золото, то в Поднебесной вообще нет способа его изготовления. Это же все равно что утверждать, будто раз урожай погиб от наводнения или засухи, то ни один из пяти видов злаков вообще не может произрастать, будучи посаженным в землю.

В Чэнду жил некий государственный советник по имени У Да-вэнь, и был он человеком обширнейшей эрудиции и глубоких знаний. Про него говорят, что в свое время он служил своему учителю, даосу по имени Ли Гэнь³. Однажды он увидел, как Гэнь варит свинец и олово, добавляя в треножник немного какого-то снадобья размером с большой боб и непрерывно помешивая расплавленные металлы черпаком. Когда получившееся вещество остыло, то оно превратилось в серебро. Да-вэнь обрел этот тайный способ

и хотел сам применить его, сто дней постился, но, оставаясь на чиновничьей должности, так и не смог добиться этого. Потом он все время сожалел об этом и говорил, что оставаясь в миру, нельзя создать условий, достаточных для совершения этого делания.

Господин Хуань Цзюнь-шань также рассказывает⁴, что ханьский царедворец Чэн Вэй любил искусство желтого и белого. Он взял в жены девушку из семьи, владевшей знанием алхимических методов. Вэй часто участвовал в официальных выездах, не надевая на них одежды по сезону. Его жена чрезвычайно переживала из-за этого и однажды сказала: „Пожалуйста, пусть здесь появятся два отреза плотного шелка“. Никакого шелка перед ней не было, и вдруг он появился откуда ни возьмись. У Вэя никак не получалось изготовить золото в соответствии с предписаниями „Лебяжьей драгоценности из изголовья“. Однажды к нему пришла жена. В это время Вэй как раз раздувал огонь, чтобы раскалить ртуть, находящуюся в цилиндрической трубе. Жена сказала ему: „Я хочу показать тебе одну вещь“. Тогда она вынула из мешочка некое снадобье и бросила самую крошку его в ртуть. Вэй попробовал, что получилось. Оказалось, что это серебро. Вэй сильно рассердился и закричал на жену: „Оказывается, этот метод тут поблизости, в твоих покоях, а ты так долго ничего не говорила о нем. Почему?“ Жена ответила ему: „Получить этот способ может лишь тот, кому это предопределено“. С того момента Вэй днем и ночью умолял ее открыть ему тайну. Он продал земли и строения, чтобы обеспечить жену наилучшей одеждой и самыми изысканными яствами, но она так и не открывала метод Вэю. Тогда Вэй сговорился с приятелем отнять у нее рецепт силой. Однако женщина проведала об этом и сказала, что этот метод может быть передан только подходящему человеку. Если же подходящий человек найдется, то ему следует передать рецепт, даже если он будет первым встречным с большой дороги. Если же подходящий человек не появится или же появится такой, который на словах будет хорош, а в сердце плох, то она не передаст рецепт, даже если ее будут резать на части. Вэй, однако, не переставал давить на нее. В кон-

це концов несчастная женщина сошла с ума и ушла из дому, раздевшись догола и вымазавшись грязью. Вскоре она умерла.

Совсем недавно губернатор Луцзяна по имени Хуа Лин-сы⁵, будучи человеком высоких талантов и обширной учености, проявлял большой скептицизм относительно всего, что не сообщается в канонических книгах конфуцианских классиков, и не верил ни во что, выходявшее за их рамки. Потом он познакомился с даосом, сообщившим ему метод желтого и белого. Губернатор решил испытать его. Рецепт гласил, что нужно расплавить свинец в железном сосуде и добавить в него снадобье. Тогда свинец превратится в серебро. Если же это серебро вновь расплавить и добавить в него другое снадобье, то оно сразу же превратится в золото. Кроме того, он научился у того же даоса методу всепроникающего зрения. С начала его практики не прошло и ста дней, как однажды, лежа ночью в постели, он вдруг оказался на небе среди окружавших его со всех сторон созвездий. Не успел он проснуться, как стены, потолок и кровля его дома вновь появились на своем обычном месте. У него была наложница по имени Яо Хуа. Она умерла незадолго до этого. Теперь Хуа Лин-сы мог видеть ее и беседовать с ней, как если бы она была жива. Когда он отправлялся в храм для совершения жертвоприношения, то мог слышать, как храмовое божество отвечает на его поклоны, и чувствовал, как скамья, на которой он сидел, как бы двигалась и издавала некий звук. После всего этого Лин-сы вздохнул и сказал: „Поистине, чего только нет в мире! И на том основании, что в Пятиканонии о чем-то не говорится, отнюдь нельзя делать однозначный вывод, что данное явление не существует“. Что же остается, как не поражаться и не дивиться тем людям, которые никогда ранее не слышали о таких магических способах, а теперь услышали?

Как и в случае с изготовлением божественного киноварного эликсира, при работе по получению желтого и белого также надо предварительно поститься и омыться более ста дней. Прежде чем передавать письма таинственного метода, надо найти достойного преемника, мысли и воля

которого находятся в гармонии с поставленной целью и который способен достичь ее. Это не должен быть человек с грязными делами и мыслями, и он не должен быть глупцом. Ему также следует быть достаточно сведущим в оккультных и магических искусствах. В любом случае передача должна сопровождаться устным наставлением, получаемым непосредственно от учителя. Очень хорошо для занятий алхимическим делом уединиться в глухих чащобах лесов, в чистых землях, чтобы всякие глупцы и обыватели ничего не знали об этом. А Лю Сян продолжал оставаться при дворе, позволяя придворным знать о том, что он делает. Конечно, там он не мог совершать положенные омовения и не мог полностью отрешиться от всех мирских человеческих дел, а из-за этого вынужден был постоянно отвлекаться, то приходить, то уходить. Разумеется, в подобных условиях у него ничего не могло получиться, не так ли?

Хуань Тань в своем сочинении „Новые рассуждения“ говорит: „Ши Цзы-синь, будучи помощником канцлера, на правил своих подчиненных, солдат и государственных рабов, на строительство своей чиновничьей резиденции, чтобы делать в ней золото. Однако у него ничего не получилось. Канцлер, считая, что у него недостаточно сил, чтобы разобраться с этим, обратился непосредственно к императрице Фу. Императрица не видела пользы в златоделии, но когда она услышала, что из изготовленного алхимического золота можно изготавливать продлевающее жизнь снадобье, ее сердце прониклось любовью к этому начинанию. Тогда Ши Цзы-синь получил придворную должность и был поселен в северном императорском дворце, где ему была дана свита из гонцов и курьеров. Но разве можно заниматься этим божественным методом во дворце? И разве можно позволять обычным людям вмешиваться в столь тайные дела? Даже в мирских делах часто блюдетсся тайна, и шелководы не позволяют всем и каждому смотреть на секреты своего ремесла, считая, что если посторонние будут смотреть, то шелк испортится. А уж тем более это относится к превращениям и метаморфозам желтого и белого!“⁶

В любом деле, касается ли оно грубого или утонченного, человек должен стремиться постичь самую его суть.

А если суть не схвачена и методу не следуют, то не получается даже вино, соусы, уксус, супы и приправы, не говоря уж о таком великом деле, как алхимические занятия.

Однажды я осведомился у господина Чжэна, спросив его: „Государь Лао говорил, что не надо ценить труднодоступные товары⁷. Он также говорил, что в условиях достижения высшего порядка люди уносят золото обратно в горы, а нефрит обратно в долины⁸. В таком случае непонятно, почему же древние так ценили золото и серебро и оставили нам эти рецепты?“ Господин Чжэн сказал мне в ответ: „Смысл слов Государя Лао состоит в том, что он осуждает положение вещей, при котором люди неустанно просеивают песок и разбивают камни, забираются в горы и опускаются в водные пучины, не считая за труд ради золота и нефрита проделать путь в десять тысяч ли. При этом они отнюдь не боятся свалиться вниз или утонуть — стремление найти драгоценности и редкие предметы роскоши затмевает для них все остальное. Такое поведение приводит к пустой трате времени, незнанию меры достаточного и к преклонению перед бесполезным. Когда человек хочет обрести Дао-Путь и устремляет свою волю к продлению жизни, но одновременно занимается и торговлей, вряд ли его вера искренна и глубока. Купцы, бесстрашно пересекающие моря и опасные земли, думают и на воде, и на суше только о выгоде. Они не стремятся к защите и поддержанию жизни своего тела, они не совершенствуются в отказе от желаний. Если же истинный человек Дао-Пути делает золото, то цель его состоит в том, чтобы готовить из него пилюли и облатки для обретения состояния святого-бессмертного, а совсем не в том, чтобы разбогатеть. Поэтому канонический текст гласит: „Золото можно сделать, мирскую суету можно преодолеть, из серебра также можно сделать лекарственные облатки, однако по своему качеству они уступают золотым“.

Я, ставя его в затруднение, воскликнул: „А почему бы не взять обычные мирские золото и серебро и не наделать из них облаток? Ведь алхимические золото и серебро будут не естественными, а сделанными, а все сделанное — фальшиво, а не подлинно“.

Господин Чжэн тогда ответил мне так: „Обычные мирские золото и серебро вполне хороши, да вот подлинные мужи Дао-Пути всегда бедны. Потому-то пословица и гласит, что не бывает толстых бессмертных и богатых даосов. Если у учителя десять или пять учеников, как же им собрать нужное количество золота и серебра? Кроме того, у них нет возможности отправляться в дальние странствия в поисках их. Алхимически сделанное золото к тому же есть эссенция-семя всех снадобий, и по своим качествам оно превосходит естественные благородные металлы. Каноническая книга бессмертных гласит: «Семя-эссенция киноварного эликсира рождает золото». Здесь говорится о возможности создания золота из киновари. Посему в тех горах, где много киновари, много и золота, залегающего прямо под киноварью. И когда удастся изготовить алхимическое золото, оно оказывается подлинной субстанцией. Внутри и снаружи оно одинаково, его количество не уменьшится и после сотни переплавок. В рецепте говорится, что из такого золота можно делать гвозди. А это свидетельствует о твердости и крепости алхимического золота. Его можно сделать, только овладев Дао-Путем самоестественной спонтанности. Таким образом, из факта, что его можно сделать, разве следует, что оно будет фальшивым? Фальшивым называется то вещество, которое получается, когда вещество цэнцин покрывают железной пастой и железо приобретает такой же цвет, как медь. Фальшивым также называют такое золото, которое получается оттого, что серебро натирают белком куриного яйца: серебро тогда желтеет и становится похожим на золото. Но в этих случаях происходит только внешняя метаморфоза, а внутреннего превращения нет.“

Грибы-чжи рождаются естественным образом, но в канонических книгах бессмертных рассказывается о пяти видах каменных и пяти видах деревянных грибов-чжи. Когда такой гриб родился — бери и принимай его внутрь; никакого отличия от естественного гриба-чжи ты не почувствуешь и увидишь, что они в такой же степени способны продлевать жизнь. Точно то же самое относится и к вещам, аналогичным искусственному золоту. Ведь когда

фазан превращается в улитку, а воробей в устрицу, то их никак нельзя отличить от настоящих, которым они в полной мере тождественны. Поэтому в канонических книгах бессмертных говорится:

Если девять раз перегнуть „текучий жемчуг“⁹,
О чем отец не расскажет и сыну,
То он превратится в желтое и белое,
Ибо так действует посланец самоестественности.

И еще там говорится, что тот, кто принимает золото, сделанное из киноварного порошка, является высшим из бессмертных, возносящихся на небо. Тот, кто принимает грибы-чжи, практикует гимнастику дао инь и занимается дыхательными упражнениями для продления жизни, является мужем средних способностей. Тот, кто питается лишь травами и растениями и достигает долголетия только в тысячу лет, является мужем низших способностей. И еще там говорится, что те золото и серебро, которые можно создать, являются естественными по своей сути, а продление жизни можно обрести, научившись их создавать.

„Записи листа из нефрита“ гласят: „Все множество людей, живущих в Поднебесной, легко могут продлить жизнь, и единственная причина, по которой этого не происходит, заключается в том, что из-за своих сомнений люди попадают в беду и не действуют. Сгусты водяное серебро-ртуть и получишь золото, и даже гвозди у тебя будут золотыми“.

„Канон медного столпа“ гласит:

Из киноварного песка можно сделать золото,
Из „речной повозки“¹⁰ можно сделать серебро.
Если процесс установится, то дело можно свершить,
Если дело свершено, то соделается истинное.
Если вы, господин, обретете этот Дао-Путь,
То вы сможете сделать ваше тело бессмертным.

Бессмертный Хуаншань-цзы говорил: „Раз Небо и Земля имеют золото, я тоже могу сделать его: возьмем два желтых и одно красное¹¹, процесс установится, и делание свершится, в этом нет сомнений“.

„Письмена на черепащем панцире“ гласят: „Моя судьба зависит от меня самого, а не от Неба. Если из перегнутого

ной киновари сделать золото, то можно продлить жизнь на десятки и сотни миллиардов лет“.

Так неужели все эти древние обманывают нас? Но боюсь, что среди мужей, знающих этот путь, большинство составляют бедняки, а ингредиенты, образующие эликсиры, хотя и могут быть весьма дешевы, но имеются только в далеких краях, откуда их непросто достать в наше смутное время. Например, грубая соль жунов и простая озерная соль — самые простые вещи, которые в дни мира и покоя почти ничего не стоят, но в наше время они чрезмерно дороги, да и купить их негде. В краю варваров-цзинов¹² имеется каменная желчь, то есть соединение меди и серы, но достать это вещество совсем невозможно, даже если предлагать тысячи и десятки тысяч монет¹³ за цзинь. В этом отношении и знающие этот метод, и вовсе не знающие его совершенно одинаковы: всем нам остается только грустить и вздыхать.

Человек, знающий этот способ, обыкновенно беден и страдает от холода и голода, и у него нет возможности собрать необходимые составляющие. Человек же богатый и знатный наверняка профан и не знает этого способа. Даже если такому богатею позволить узнать способ, то он все равно ни на каплю не поверит в него. А буде вдруг случится такое и он сильно уверует в способ, то всяко не станет расходовать уже имеющееся у него богатство на приобретение необходимых ингредиентов для снадобья, ибо он и так имеет немало золота и серебра. Никто из богачей не поступит иначе, ибо не захочет раскаиваться в том, что променял синицу в руках на журавля в небе. Они сперва подсчитают, но даже если покупка необходимых вещей окажется весьма выгодной, а изготовление снадобья не оставит их без прибыли, они тем не менее не смогут преодолеть своей неспособности переносить трудности и неудобства постов и исполнения заповедей. Кроме того, к этому деланию нельзя относиться легкомысленно и приступать без получения устных наставлений мудрого наставника.

Даже снадобья лекарей, жалкие и ничтожные по своей сути, порой оказываются очень даже действенными при

постоянном применении, поэтому лекари скрывают рецепты, делая их тайными. Можно назвать такие лекарства, как „гуляющие женщины из дворцовых покоев“¹⁴, „клей, применяемый с двух сторон“, „глиняные шарики государственной печати“¹⁵, бесовское дерево, „грибы-чжи золотого купца“, „корень летающего государя“, „печень затаившегося дракона“, „пот белого коня“, „влага плывущих облаков“¹⁶, „киноварное облачение драконова сына“, „кость ночного света“, „вино из ста цветов“, „зимний пост господина Цзоу“; все они обозначают субстанции вполне доступные, и вещества, из которых они сделаны, — вполне обычны, но и эти рецепты сообщаются лишь через устное наставление. А тем более это понятно в случае искусства желтого и белого. Ныне те, кто способен изготовить их, хранят тайну не только из-за высокой цены золота и серебра, но и потому, что даже один раз свершивший дело и прошедший путь до конца обретает способность продлевать жизнь. Ведь путь продления жизни — вершина Дао-Пути и его высшее проявление. Именно поэтому древние так ценили его.

Лекарства и снадобья, перечисляемые в обычных медицинских книгах, часто имеют то же название, что и общепотребительные вещества и субстанции, но по сути своей ими не являются. Например, „красавица с речного берега“. Это название отнюдь не обозначает какую-нибудь даму. А название „сияние господина с солнечного утеса“ отнюдь не обозначает какого-нибудь мужчину¹⁷. „Зерна, оставшиеся от Юя“ — это не рис, а „напиток Яо“ — это не вода¹⁸. А обыватели, увидев в рецепте такие слова, как „драконова желчь“, „тигриная лапа“, „куриная голова“, „утиная лапа“, „конское копыто“, „собачья кровь“, „крысиный хвост“ или „бычье колено“, — все без исключения считают, что речь идет о субстанциях из плоти и крови¹⁹. Когда же они слышат, что для лечения надо использовать такие вещи, как „разбитая чаша“, „накрытая чаша“, „тигель“, „длинное копье“, „бесовская стрела“, „небесный крючок“, — все они думают, что речь идет об орудиях из глины или железа²⁰. Когда они читают о „посланнике царя северных варваров“, „новой жене, полагающейся на свекровь“, „мужчине с по-

лей“, „господине, блюдущем поле“, „омовении Дай Вэня“ или „старшем министре Сюе“, то все они считают, что речь идет о людях, наделенных именами и родовыми знаками. Если обыватели находятся в подобном неведении относительно обычных растений, то чего вообще от них можно ждать? То, что Лю Сяну не удалось сделать золото, вовсе неудивительно. Ведь если не сохранять важнейшие сведения об этом способе в тайне, то любой обыватель, отнюдь не обладающий великим талантом совершенномудрых и мудрецов, мог бы сделать его. Разве можно считать Лю Сяна глупцом? Просто он практиковал искусство, не получив устных наставлений, и все.

Ныне я предпринимаю краткий очерк этого искусства в расчете на то, что привлеку внимание единомышленников грядущих поколений. Вначале надо взять мужскую желтизну-реальгар с горы Удушань²¹. Реальгар должен быть использован вместе с киноварью, красной, словно гребешок петуха. Она должна быть чистой и испускающей блеск, в ней не должно быть никаких примесей. Количество этих веществ произвольно, их можно брать столько, сколько хочется. Но их все же не должно быть меньше пяти цзиней. Их надо растереть в порошок, смешать с бычьей желчью и прожаривать, пока они не станут сухими. Потом взять большой керамический тигель, вмещающий в себя не меньше доу. Надо сперва засыпать в тигель грубую соль варваров-жунов и сернистую медь — каменную желчь так, чтобы наполнить тигель на три фэня. Затем засыпать реальгар слоем в пять фэней, а поверх этого слоя насыпать грубую соль жунов. Это следует повторить еще раз в том же порядке. Потом положить слой раскаленных углей; его толщина — два чи. Угли по размеру должны напоминать косточки плодов жужуба. Затем следует приготовить раствор из почвы с выделениями дождевого червя и грубой соли жунов и довести его до консистенции глины, которой запечатать тигель снаружи. На него надо поставить другой тигель и все обмазать полученной глиной так, чтобы ее слой составил три цуня; при этом не должно быть никаких трещин, через которые содержимое могло бы просачиваться наружу. Тигели сушить в тени в течение одного месяца.

После этого их следует прокалить на огне на конском навозе, делая это три дня и три ночи. Когда тигели остынут, можно их открыть, заставляя содержимое течь вниз, и холодная медь потечет из тигеля, словно только что расплавленные медь или железо. Тогда из этой меди выплавить трубу, и эту трубу наполнить раствором киноварного песка²². Снова нагреть трубу на огне на конском навозе. В такой печи надо держать трубу тридцать дней, потом открыть ее и достать металл, а трубу опять наполнить раствором киноварного песка. Снова тридцать дней нагревать ее на огне на конском навозе. Потом содержимое достать и истолочь. Две части будут представлять собой заново полученный киноварный порошок, а одной частью будет ртуть. Ртуть — это водяное серебро. Если все это сразу же сгустить, то получится золото. Оно будет сверкать, прекрасное на вид. Из него можно делать гвозди.

Способ изготовления раствора киноварного песка

Приготовьте один цзинь киноварного порошка, вложите его в бамбуковую трубку, добавьте каменной желчи—сернистой меди и каменной соли, каждого вещества по два лян. Положите их над киноварью и под ней. Закройте отверстия трубки и запечатайте их куском затвердевшего лака, который должен хорошо высохнуть. Все это надо поместить в крепкий винный уксус-vineгар, закопать в землю на глубину в три чи, и через тридцать дней содержимое трубки превратится в раствор красного цвета и горького вкуса.

*Способ изготовления золота, полученный
господином Цзинь Лоу от Мудреца Зеленого Леса,
Цинлинь-цзы*

Вначале возьмите олово и отлейте слитки с длиной каждой стороны в шесть цуней и толщиной в один цунь и два фэня. Эти слитки надо обмазать красной солью

и раствором извести, по своей консистенции напоминающим глину. Они должны быть запечатаны этим составом. Затем положите слитки в тигель из красной глины. Если вес олова равен десяти цзиням, то красной соли должно быть четыре цзиня. Тигель надо закрыть и тщательно залепить все трещины. После того тигель разогревать над огнем на конском навозе в течение тридцати дней. Затем погасите огонь и посмотрите содержимое. Внутри все олово станет похожим на известь, а в ней будут отдельные вкрапления размером с бобы. Это золото. Соберите их вместе и положите в керамический тигель, где десять раз следует очищать их переплавками с использованием огня на углях при сильной тяге. Тогда золото будет готово. Из десяти цзиней олова можно получить двенадцать лянгов золота. Для этого процесса можно использовать керамические тигели из Чанша, Гуйяна, Юйчжана и Наньхая. Люди в тех местах чрезвычайно гордятся керамическими изделиями, которые они делают для приготовления пищи.

Способ приготовления красной соли

Возьмите один цзинь морозной соли-аметистов, а также приготовьте один цзинь камней замороженной воды²³. Затем сделайте черноту замороженных перьев²⁴ в количестве одного цзиня. Кроме того, сделайте один цзинь белых квасцов²⁵. Соедините все это в железном тигеле. Раскаляйте тигель на огне до тех пор, пока все содержимое тигеля не расплавится и не покраснеет. Тогда его можно вынуть и использовать.

Метод трансмутации золота, полученный господином Цзюэли от Цзи Цю-цзы

Вначале возьмите две части раствора квасцов и поместите их в железный тигель. Добавьте огня, чтобы раствор закипел. Огонь должен быть на углях. Затем налейте внутрь ртути, ее количество определите на свое усмотрение.

Перемешивайте все, пока не получится однородная масса. Шесть-семь раз доведите эту смесь до кипения и выливайте состав на землю. Он превратится в серебро. Затем возьмите раствора киноварного песка, раствора вещества цэнцин, по одной части каждого из них, две части раствора мужской желтизны-реальгара и налейте все это в сосуд, под которым разожгите огонь, чтобы смесь закипела. Несколько раз перемешайте ее до получения однородной жидкости и прибавьте огня на углях, чтобы раствор вновь закипел. После этого положите в него полученное ранее серебро, количество которого определите по своему усмотрению. Содержимое сосуда надо прокипятить шесть-семь раз и вылить все на землю, чтобы раствор загустел. Тогда он превратится в пурпурное порошковое золото высшего качества²⁶.

*Метод изготовления раствора
мужской желтизны-реальгара*

Положите один цзинь мужской желтизны-реальгара в бамбуковую трубку. Перед этим возьмите два лян каменной соли и положите в трубку под реальгар, а затем засыпьте ей реальгар и сверху. Запечатайте бамбук куском твердого, как кость, лака. Поместите все это в крепкий винный уксус-винегар и заройте в землю на глубину в три чи на двадцать дней. После этого реальгар станет жидким.

Что касается метода изготовления раствора квасцового камня, а также раствора вещества цэнцин, то он вполне тождествен описанному выше, только в бамбуковую трубку вкладываются соответствующие вещества.

Способ „маленький мальчик делает золото“

Сделайте большую железную трубку диаметром в один чи два цуня и длиной тоже в один чи два цуня. Сделайте также маленькую железную трубку диаметром в шесть цуней и отполируйте ее так, чтобы она заблестела.

Возьмите один цзинь жира красного камня — красной глины, каменную соль, тоже один цзинь, один цзинь облачной матери-слюды, один цзинь красного гематита, половину цзиня серы, четыре лян пластинчатого малахита, один цзинь камня сгустившейся воды — кальцинированного угля. Все это надо перемешать, смешать с винным уксусом-винегаром и сделать пасту. Эту пасту надо положить в маленькую трубку слоем в два фэня.

Затем возьмите цзинь ртути, половину цзиня киноварного песка и половину цзиня амальгамы „лян фэй“. Способ изготовления амальгамы „лян фэй“ таков: взять десять цзиней свинца и положить его в железный тигель, который надо нагревать в печи, не накрывая его. Когда свинец расплавится, добавить три лян ртути. Скоро на поверхности покажется накипь. Ее надо снять железной ложкой. Это и есть амальгама „лян фэй“.

Все перечисленные выше ингредиенты надо перемешать до получения однородной массы так, чтобы ртуть не было видно. Затем эту смесь заложить в маленькую трубку и сверху положить облачную мать-слюду. Трубку закрыть железной крышкой. Большую трубку надо поместить в печь, и когда свинец расплавится, вылить его в большую трубку так, чтобы он залил вставленную в него маленькую трубку и поднялся над ее концом на половину цуня. Когда расплавленный свинец будет залит, нужно прокалывать трубку на сильном огне три дня и три ночи, пока не получится пурпурный порошок. Потом взять десять цзиней свинца и расплавить его в железном сосуде, продолжая плавление в течение приблизительно двадцати дней. Затем перелейте свинец в медный сосуд и добавьте в него ложку пурпурного порошка. Ложка должна быть квадратной, со стороной в семь цуней. Перемешайте как следует порошок, и тогда у вас получится золото.

Если вы хотите сделать серебро, то возьмите ртуть и поместите ее в железный сосуд. Добавьте в нее одну квадратную ложку со стороной в три цуня или несколько более пурпурного порошка. Разогрейте смесь на огне до однородности и добавьте воды. Тогда у вас получится серебро.

Способ У Чэн-цзы

Сделайте железную трубку длиной в девять цуней. Ее диаметр должен составлять пять цуней. Поместите в нее три цзиня растолченной мужской желтизны-реальгара, а также почву, удобренную экскрементами дождевых червей. Смешайте все это до получения пасты. Сделайте из нее цилиндр диаметром три цуня и поместите его в трубку так, чтобы у ее входного отверстия оставались свободными четыре цуня. Добавьте по две части киноварного порошка и воды. Содержимое следует лучше просушить на огне на конском навозе. Когда оно станет совершенно сухим, переложите его в медную трубку и покрепче закройте медной крышкой. Сверху крышку залепите желтым песком и как следует обмажьте почвой, удобренной экскрементами дождевого червя. Ничего из содержимого не должно сверху просачиваться. Потом цилиндр нужно поместить на угли в печь; угли должны лежать слоем в три цуня. Когда входное отверстие трубки покраснеет, ее можно остудить и вынуть из печи. Весь реальгар окажется прилипшим к стенкам медного цилиндра. Удалите его и повторите весь процесс еще раз, в точности так же, как и раньше. Когда эссенция всех трех цзиней реальгара окажется прилипшей к стенкам трубки и затем будет удалена, смешайте ее с желтым песком и используйте для изготовления печи. Печь может быть любых размеров, как вы захотите.

Если вы захотите использовать эту печь, разожгите в ней огонь на углях и, когда печь нагреется докрасна, поместите в нее водяное серебро-ртуть. Как только водяное серебро задвигается, добавьте свинца. Когда желтая окраска,двигающаяся от краев, соединится в центре, вылейте состав на землю, и он превратится в золото. После изготовления тысячи пятисот цзиней золота возможности печи будут исчерпаны.

Если полученное золото вымачивать в соке витекса или вине из красного проса в течение ста дней, то оно станет мягким и будет смешиваться с другими веществами. Если лепить из него маленькие шарики величиной с маленькие

бобы и принимать их три раза в день, то когда будут использованы шарики в количестве одного цзиня, „три червя“ в теле исчезнут и все множество болезней покинет такого человека, слепой снова сможет видеть, а глухой слышать, старец снова помолодеет и станет как тридцатилетний мужчина. Можно будет войти в огонь и не сгореть; к такому человеку не приблизится никакая нечисть, и ему не страшны никакие яды. Он может не страшиться ни холода, ни ветра, ни жары, ни сырости.

Когда вы примете три цзиня снадобья, то сможете ходить по поверхности воды и все божества гор и рек станут служить вам, а ваше долголетие сравняется с долголетием Неба и Земли. Если одну из таких пилюль сварить в мандариновом соке или в отваре киноварно-красной травы, а потом принять ее, то ваши глаза приобретут способность видеть навей, а также вещи, находящиеся под землей, вы сможете писать ночью. Если такую пилюлю растереть с кровью белого барана, сделать новую пилюлю и бросить ее в воду, то все рыбы и драконы сразу же выплзут на сушу и их можно будет легко поймать. Если сделать то же самое, используя кровь горала — горной антилопы — и кровь красного петуха, а потом повесить пилюлю на городских воротах, то чума не подойдет к городу ближе чем на ли. Если натирать пастой из этого золота головы коровам, овцам и всем из шести видов домашнего скота, то скот будет всегда здоров и не будет страдать от язвы и иных болезней; ни тигры, ни леопарды не смогут напасть на него.

Если эту пасту смешать с тигриной желчью или жиром змеи, сделать одну пилюлю и в день, соответствующий циклическим знакам текущего месяца, подбросить ее во вражеский лагерь, то все солдаты безо всякой видимой причины придут в смятение, начнут наносить друг другу раны и убивать друг друга, а потом убегут прочь. Если смешать пасту с бычьей кровью, сделать из нее одну пилюлю и бросить ее в колодец, то вода в колодце закипит, а если бросить ее в водный поток, то вода потечет вспять и протечет так сто шагов. Если пасту смешать с кровью белой собаки и сделать одну пилюлю, а потом подбросить

ее в общинный храм, то духи и демоны этого храма явятся перед вами и ими можно будет повелевать. Если смешать эту пасту с заячьей кровью и сделать одну пилюлю, а потом положить ее в место, где господствуют силы шестерки-инь, то перед вами появятся самоходная кухня и нефритовые девы. Блюдами этой кухни можно накормить шестьдесят—семьдесят человек. Если слепить пилюлю из пасты, смешанной с желчью карпа, и, держа ее, войти в воду, то вода расступится на один чжан. Кроме того, благодаря этому способу можно дышать, даже плавая под водой; если иметь такую пилюлю, то можно ходить прямо под дождем и одежда не промокнет.

Если одну такую пилюлю сварить с пурпурным амарантом, а потом задержать во рту глоток этого отвара, то сто дней не почувствуешь голода. Если сварить такую пилюлю с магнитом, а потом завязать ее в шиньоне²⁷, то ни клинок кинжала, ни стрела не смогут поранить такого человека, и если в него начнут стрелять из лука, то стрела вернется и поразит того, кто послал ее. Если смешать пасту с землей шести знаков „дин“ и шести знаков „жэнь“, сделать пилюлю и натереть ей точку „жэнь чжун“ между верхней губой и носом²⁸, то можно стать невидимым. Если взять такую пилюлю в рот, повернуться лицом к северу и подуть на огонь, то огонь сразу погаснет. Если в день „гэн-синь“, в час „шэнь-ю“ повернуться лицом к западу и бросить пилюлю в дерево, то дерево сразу же засохнет²⁹. Если во время хождения юевым шагом вы подойдете к тигру, волку, змее или кайману и бросите в них такую пилюлю, то они сразу же сдохнут. Если такой пилюлей начертать знак на камне, то он останется выгравированным на камне, если же начертать его на металле, то он выгравивируется и на металле, если начертать на дереве, то выгравивируется и на дереве. То, что вы начертаете, войдет в самую структуру вещества, и поэтому надпись не исчезнет, даже если вещество будет расплавлено.

Если с момента смерти человека не прошли еще сутки, то бросьте одну пилюлю в воду, которая была собрана в первый день, находящийся под циклическими знаками, обозначающими данный месяц, влейте часть этой воды в

глотку покойника, а часть возьмите в рот и опрыскайте ей лицо умершего. Тогда он воскреснет.

Если смешать пасту с кровью лисицы или с кровью аиста, а затем сделать пилюлю и положить ее на ноготь, то стоит тогда пальцем указать на любую вещь из всего множества сущего, а устно повелеть этой вещи во что-то превратиться, она тотчас изменит облик. Можно даже сделать так, что люди будут видеть передвигающиеся горы и ходящие деревья, хотя никакого реального движения не будет.

Когда желтое и белое уже созданы, необходимо совершить богослужение божеству звезды Великого Первоначала, Сокровенной Деве и Лао-цзы, а также совершить им возлияние вином. Как и в случае с применением методов изготовления киноварного эликсира, необходимо возжигать пять благовоний и непрерывно воскуривать их. Кроме того, когда золото готово, прежде всего следует бросить три цзиня его в воду на глубоком месте, а один цзинь бросить на базаре. Только после этого можно будет в полной мере овладеть сутью данного метода и научиться правильно применять его, вот и все».

Примечания

1 Соответствующие золоту циклические знаки «гэи-синь» по своему первоначальному значению соответствуют седьмому и восьмому дням традиционной китайской декады-«недели», которые находятся под эгидой первоэлемента «металл». Но по-китайски слова «золото» и «металл» записываются одним и тем же иероглифом «цзинь».

2 Имеются в виду зеркальные линзы (металлические, а не стеклянные), которые могут быть использованы как для получения огня, так и для сбора росы.

3 Об этом подробно рассказывается в «Жизнеописании Ли Гэня» из «Жизнеописания святых-бессмертных» («Шэнь сянь чжуань»), автором которых был, возможно, сам Гэ Хун.

4 Этот сюжет заимствован из «Новых суждений» («Синь лунь») ханьского философа-скептика Хуань Тяня (43 г. до н.э. — 28 г. н.э.).

5 Хуа Лин-сы (Хуа Тянь) — крупный чиновник эпохи Цзинь, современник Гэ Хуна. Ему приписывается утраченный ныне трактат, названный, как и известное сочинение Хуань Тяня, «Новые суждения». Его биография имеется в официальной «Истории династии Цзинь» («Цзинь шу»).

6 Словосочетание «бянь хуа», означающее в современном языке (именно как бином) «перемена», «изменение», «превращение», переведено здесь двумя словами, поскольку, как это видно из самого текста Гэ Хуна, слова «бянь» и «хуа» имели для него разный смысл: первое означает поверхностную, акцидентальную трансформацию, тогда как второе — сущностное субстанциальное изменение (превращение).

7 См. «Дао-Дэ цзин» (3): «Не цените труднодоступные товары, и тогда люди из народа не будут уходить в разбойники».

8 Данное высказывание восходит к «Чжуан-цзы» (гл. 12).

9 «Текущий жемчуг» (*лю чжу*) — имеется в виду ртуть.

10 «Речная повозка» (*хэ чэ*) — одна из метафор ртути.

11 Два желтых — реальгар и аурипигмент, красное — видимо, киноварь.

12 Цяны — прототибетский народ, проживавший к западу и северо-западу от Китая, а также в пограничных районах самого Китая.

13 Слово «монет» добавлено по смыслу. В оригинале говорится только о «тысячах и десятках тысяч».

14 «Гулящие женщины из дворцовых покоев» (*хоу гун ю нюй*) — насекомое светлячок.

15 «Глиняные таблички (точнее — шарики) государственной печати» (или — государева пожалования — *фэн цзюнь ни вань*) — вещество определить не удалось; интересен здесь термин «ни вань» («глиняные шарики»), обычно в даосской терминологии обозначающий верхний энергетический центр — «киноварное поле» (*дань тянь*) в области головного мозга.

16 Бесовское дерево (*му гуй цзы*) — витекс священный, авраамово дерево.

«Печень затаившегося дракона» (*фу лун гань*) — особый вид почвы, сажи или золы, собранной под котлом в очаге. Называется также «тушью из-под котельного пупа» (*фу ци ся мо*).

«Влага плывущих облаков» (*фу юнь цзы*) — один из растворов слюды.

17 «Красавица с речного берега» (*хэ шан ча нюй*) — еще одно название ртути.

«Сияние господина с солнечного утеса» (*лин ян цзы мин*) — также ртуть.

18 «Зерна, оставшиеся от Юя» (*Юй юй лян*) — некое зернистое лекарственное вещество минерального происхождения (кварц?).

«Напиток Яо» (*Яо цзян*) — это вещество определить не удалось.

19 Драконова желчь (*лун дань*) — лекарственное растение с очень горькими листьями.

Тигриная лапа (*ху чжан*) — лекарственное растение, горько-острое на вкус; употребляется при сердечных болях и ознобе.

Куриная голова (*цзи тоу*) — растение семейства Кувшинковых эвриала (*Euryale ferox*), ее плод формой напоминает куриную голову. Лекарственное растение; из семян этой «водяной лилии» также делают муку, которую употребляют в пищу.

Утиная лапа (я чжи) — лекарственное растение горького вкуса; используется при ознобах, малярии, перемежающейся лихорадке и других болезнях.

Конское копыто (ма ти) — ароматное растение, листья которого напоминают конские копыта (подлесник, копытень, *Asarum europaeum*).

Собачья кровь (цзоань сюэ) — это растение определить не удалось.

Крысиный хвост (шу вэй) — по-видимому, трава жань цзао («окрашенное мыло»). В китайской медицине это растение использовалось для лечения дизентерии.

Бычье колено (ню си) — лекарственное растение, используемое для лечения ревматических и иных болей в суставах.

20 Разбитая чаша (цзоэ пэнь) — лекарственное растение (или вид диких ягод, или лишайник).

Накрытая чаша (фу пэнь) — вид колючего кустарника.

Тигель (фу ли) — это растение определить не удалось.

Длинное копье (да цзи) — лекарственное растение, используемое при лечении укусов ядовитых насекомых; шпорник, *Delphinium* (?).

Бесовская стрела (гуй цзянь) — лекарственное растение горных долин; другое его название — «защитное копье» (вэй мао); *Euonymus* (?).

Небесный крючок (или «небесный пес»; тянь гоу) — возможно, женьшень.

21 Удушань — гора на территории, занимаемой современной провинцией Сычуань. Но возможно, здесь имеется в виду не гора, а округ Удучжунь или уезд Удусянь (современная провинция Ганьсун).

22 Раствор киноварного песка (дань ша шуй) — метод его приготовления подробно описывается Гэ Хуном ниже.

23 Здесь названы аметисты (хань янь) и кальцинированные кристаллы точно не определенного вещества (хань шуй ши).

24 Квасцовые соединения (хань юй не).

25 Чистые квасцы (бай фань).

26 По всей видимости, китайские алхимики называли искусственным золотом вещества совершенно различного типа, а не только мозаичное золото (окисел олова).

27 Древние китайцы отпускали волосы до плеч, их потом закручивали в шиньон, к которому шпилькой крепилась шляпа.

28 Точка «жэнь чжун» — важная акупунктурная точка между серединой верхней губы и носовой перегородкой.

29 Этот метод предполагает обращение лицом в сторону света, противоположную той стороне, первоэлемент которой (коррелирующий с ней) стремятся подчинить себе: так, север — сторона первоэлемента «вода», противоположного первоэлементу «огонь», а запад — первоэлемента «металл», противоположного первоэлементу «дерево» (восток).

ГЛАВА 17

О восхождении в горы и переправе через реки

Некто спросил о пути вхождения в горы.

Баопу-цзы сказал: «Для того, чтобы готовить снадобья и избавиться от суеты благодаря отшельнической жизни, нет ничего лучшего, чем уход в горы. Но если не знать правил вхождения в горы, можно столкнуться со многими бедствиями и напастями. Поэтому поговорка гласит: „Под горой Тайхуашань волки объедают белые человеческие кости“. Ведь обладающий односторонним знанием не может подготовиться всесторонне. Хотя его воля направлена на поиски продления жизни, он вынужден идти прямо навстречу смерти.

В горах, независимо от того, каких они размеров, большие или маленькие, имеются демоны и духи; если горы большие, то и духи в них большие, а если маленькие, то и духи в них маленькие. Если подняться в горы, не зная магического искусства, то непременно окажешься в беде. На такого человека могут обрушиться хвори и недуги, его может объять беспричинный ужас и надолго лишить покоя, он может увидеть странные светящиеся явления и тени, он может услышать удивительные звуки, или вдруг при полном безветрии согнется и сломается большое дерево, или безо всякой причины валун сорвется со скалы и упадет вниз, или во время прогулки такой человек заблудится и, обезумевший, напрасно будет искать дорогу обратно, или он сорвется и упадет в пропасть, столкнется с тиграми, волками, ядовитыми гадами либо разбойниками. Нельзя легкомысленно относиться к уходу в горы.

Следует знать, что третий месяц и девятый месяц — это время, когда горы открыты. Поэтому для ухода в горы надо выбрать счастливый день и час в один из этих месяцев. Если же обстоятельства не позволяют уйти в подходящий месяц, то достаточно ограничиться днем и часом. Прежде чем идти в горы, человеку следует семь дней поститься и совершать омовения, так, чтобы не вхо-

дить в горы, будучи нечистым. Выходя из дому, следует прикрепить к поясу амулет восхождения в горы и окружить все тело защитой в соответствии с методом тройной пятерки.

Кроме того, у каждой горы есть свои годы благоденствия и годы бедствий, подобно тому, как у каждой земли в девяти областях есть свои периоды расцвета и упадка. Если носить „летающие амулеты“ и задерживать дыхание¹, то старший из божественных государей той или иной земли не сможет причинить никакого вреда.

В соответствии с „Записями названий городов, составленными Чжоу-гуном“, Поднебесная разделена на особые территории. Если на какой-то из этих территорий наступило время бедствий, то от них можно бежать, но нельзя вымолить избавления от них. Это справедливо и относительно любого жилища. Это же справедливо и относительно любой горы. Во избежание великих несчастий нельзя входить в горы, расположенные на востоке, в годы под циклическими знаками „цзя“, „и“, „инь мао“, в первый и второй месяцы этих годов. В горы, расположенные на юге, не следует входить в годы под циклическими знаками „бин“, „дин“, „у“, „сы“, в четвертый и пятый месяцы этих годов. В горы, расположенные на западе, не следует входить в годы под циклическими знаками „гэн“, „синь“, „шэнь“, „ю“, в седьмой и восьмой месяцы этих годов. В горы, расположенные в центре, не следует входить в годы под циклическими знаками „у“, „сы“, в течение промежуточного месяца четырех сезонов². В горы, расположенные на севере, не следует входить в годы под циклическими знаками „жэнь“, „гуи“, „хай“, „цзы“, в десятый и одиннадцатый месяцы этих годов³. В пять священных гор Тайхуашань, Хэшань, Хэншань, Тайшань, Сунгаошань нельзя входить ни в один из годов бедствий, в такие годы все они одновременно находятся под запретом.

Самые старые вещи из всего множества сущего благодаря особенностям своей сперматической энергии обладают способностью принимать людской облик. Когда человек смотрит на них своими глазами, те воспринимают эти существа как людей, но в зеркале они не могут не отра-

зиться в своем подлинном облике. Вот почему в древности даосы, уходя в горы, обязательно привязывали на спину ясное зеркало диаметром более девяти цуней, тогда вся эта старая нечисть не смела приближаться к ним. Если к ним приближались бессмертные или добрые божества и смотрелись в божественное зеркало, то они отражались в нем как люди. Если же это были бесовские оборотни зверей и птиц, то зеркало отражало их истинный облик. Если некая нечисть подходила к ним и, увидев свое отражение в зеркале, сразу же уходила и не преследовала даоса, то, значит, это был оборотень из числа старых существ; если же она продолжала преследовать его, то, значит, это горное божество. Некогда Чжан Гай-та и Оу Гао-чэн, эти два человека, занимались практикой созерцательного сосредоточения в каменных пещерах, расположенных в горах Юньтайшань, что в Шу. Вдруг они увидели человека, одетого в одеяние из желтого шелка, с головной повязкой цвета пуэрарии. Он подошел к ним, встал перед ними и сказал: „О трудолюбивые даосы! Сколь тяжка и горька отшельническая жизнь!“ Тогда те два мужа подставили ему зеркало и увидели, что это олень. Они спросили его, говоря: „Ведь ты старый горный олень. Как же ты смеешь прикидываться человеком?“ Они еще не успели закончить эту фразу, как тот человек превратился в оленя и ушел прочь.

Под горой Линьлюйшань есть беседка, в которой завелись бесы, и всякий, кто останавливался переночевать там, или умирал, или заболел. Иногда ночью там появлялись несколько десятков человек, одетых в желтое, белое или черное, мужчин и женщин. Однажды Чжи Бо-и⁴ остановился там на ночлег, зажег яркий светильник и стал скандировать канонические книги. Наступила полночь, и вдруг в беседке появились десять с лишним человек. Они уселись напротив Бо-и и стали беззаботно развлекаться и веселиться. Бо-и украдкой повернул к ним зеркало и увидел, что это стая собак. Тогда Бо-и взял светильник и бросил в них горящих угольев. Сразу же по беседке разнесся запах паленой шерсти. Бо-и достал маленький ножик, выбрал одного „человека“ и ударил его этим ножом. Тот вначале кричал как человек, а когда умер, то сразу же пре-

вратился в собаку. Остальные собаки тотчас убежали и более туда не возвращались. Вот какова сила зеркал.

Когда мужи наивысших способностей уходят в горы, то они берут с собой „Внутренние письма Трех Августейших“ и „Схему истинного образа пяти горных пиков“. Имея эти письма, даос может созвать горные божества, а имея записи с именами демонов, он может созвать правящих духов общинных храмов и гор и вопрошать их. Тогда ни чудесные деревья и камни, ни призрачные порождения гор и рек не посмеют прийти и прикинуться людьми.

К следующей категории относятся мужи, обладающие семьюдесятью двумя амулетами, побеждающими оборотней. На этих амулетах стоят печати управления всей нечистью, оттиски киноварно-красного чиновника и двенадцать оттисков божеств, объемлющих Первоначало. Они как бы запечатывают место, где живет отшельник, с четырех сторон, и никакая нечисть тогда не смеет приблизиться к нему.

Следом за ними идут мужи, наделенные звеньями восьми могуществ нефритовых писем Лао-цзы. Эти талисманы наделены способностью управлять горными духами. Разве же осмелятся те в таком случае причинить какой-либо вред?

Я слышал обо всем этом наставления господина Чжэна, а иначе откуда бы я узнал о существовании всех этих дел? Мой учитель часто говорил своим домашним: „Если человек взывает Дао-Пути, но грустит из-за того, что его семья бедна, и печалится из-за того, что его должность низка, то разве он добьется чего-нибудь? Если воля обременена заботами и лишена целостности, занята служением тому, что близко, и забывает о том, что далеко, услышав о мирских делах, радуется, а человек крепко цепляется за право сидеть на почетном месте, то вскоре получится так, что внезапно он лишится и самой малой крупинцы пользы еще оставшейся у него, не говоря уж о восполнении ее. Если бы уединение среди гор и холмов не полагало конец этим потерям, то как можно было бы достичь понимания предельных речений об утонченнейших тайнах и обретения безгранично возвышенного состояния?“».

Баопу-цзы сказал: «Наиболее опасные дни вхождения в горы дни следующих знаков: „у“ в начальный месяц года, „хай“ во втором месяце, „шэнь“ в третьем месяце, „сюй“ в четвертом месяце, „вэй“ в пятом месяце, „мао“ в шестом месяце, „цзя—цзы“ в седьмом месяце, „шэнь—цзы“ в восьмом месяце, „инь“ в девятом месяце, „чэнь—вэй“ в десятом месяце, „цзи—чоу“ в одиннадцатом месяце и „инь“ в двенадцатом месяце. Хорошие дни для вхождения в горы: дни под знаками „цзя—цзы“, „цзя—инь“, „и—хай“, „и—сы“, „и—мао“, „бин—сюй“, „бин—у“, „бин—чэнь“ — во все эти дни человека ожидает великий успех».

Баопу-цзы сказал: «Согласно „Тайным записям девяти небес“ и „Книге Великого Первоначала о днях календаря, которых следует избегать“, самые опасные дни месяца для вхождения в горы суть следующие: третий, одиннадцатый, пятнадцатый, восемнадцатый, двадцать четвертый, двадцать шестой и тридцатый дни. Дни малой опасности: первый, пятый, тринадцатый, шестнадцатый, двадцать шестой и двадцать восьмой. Если человек войдет в горы в эти дни, то он будет искушаем горными духами, не найдет того, чего он искал, и не сделает успешно то, что он хочет сделать. Не только даосам, но и простым людям в эти дни не следует ходить в горы, ибо они непременно попадут в беду и окажутся в опасности, встретившись с волками, тиграми или ядовитыми гадами».

Баопу-цзы сказал: «Характер чувств Вселенной — Неба и Земли — и принципы чередования сил *инь—ян*, счастья и горя, загадочны и туманны и их трудно познать в полной мере. И вовсе не обязательно, что я обладаю этим знанием, хотя я и не посмею утверждать, что оно мне полностью недоступно. Это то знание, которому в древности верили Хуан-ди и Цзян Тай-гун и которого в близкие к нам времена придерживались Янь Цзюнь-пин Сыма Цянь. Это знание передается и в канонических книгах, сообщающих о нормах календаря и постижении времен с позиций учения о днях „твердого“ и „мягкого“⁵. Древнее изречение гласит: „Только день под знаком «у» всегда счастливый“⁶. С ним счастье приходит само собой. Когда монархи, с одной стороны, устанавливают чиновничью должность вели-

кого астролога⁷, награждая назначенного на нее наделами и высоким положением, молясь в храмах своих царственных предков и совершая жертвоприношения Небу и Земле, стремясь обрести благорасположение приносящего счастье созвездия, а с другой стороны, приближают к себе в качестве талантов посредственностей, стремятся освободиться от обывателей, а сами поддерживают то, что те делают, и стыдятся возложить свои надежды на счастливый день, — то не глупо ли и не пошло ли все это?

Любой человек, отправляющийся в горы, не имея опыта нахождения там, никак не может пренебрегать наукой о сочетании счастливых часов и дней и не должен легкомысленно относиться к вхождению в горы. Согласно „Канонической книге нефритового замка“, любой человек, желающий войти в славные горы, не может не знать тайного искусства следования календарю; он не должен также легкомысленно или искаженно рассказывать об этих делах другим людям. „Канон Духовной Драгоценности“⁸ гласит: „Желающий войти в горы должен непременно избрать для этого день защиты или день справедливости, и в эти дни он обретет великое счастье. Если же такой человек сосредоточит свое внимание на дне управления или на дне нападения, то непременно погибнет; таков единый Дао-Путь не-единого“⁹.

Я с юных лет имел стремление уйти в горы и поэтому обратился к изучению книг по искусству следования календарю. Всего существует более шестидесяти свитков подобных сочинений, и совершенно невозможно освоить их до конца. Потому из них было сделано извлечение, включившее в себя самое важное и получившее название „Установление совершенства на основе извлеченного из мешка“, но это знание нельзя произвольно передавать другим в письменном виде. Ныне я в своем рассуждении в самой общей форме излагаю содержание этого текста, дабы мужи, любящие подобные дела и стремящиеся к уходу в горы, знали, к чему надо обратиться в поисках знания, до конца не раскрываемого миру.

„Срединная каноническая книга следования календарю“ гласит: „Желающий обратиться к поискам Дао-Пути

должен в установленный Небом день и в установленный Небом час применять различные методы, дабы избавиться от ужасных бесов и демонов. Такой человек должен применять против них амулеты и магические письма. Когда человек в день определенного небесного животного и в час определенного небесного животного входит в славные горы, он должен уметь делать так, чтобы всевозможная нечисть, тигры, волки, ядовитые гады, разбойники и бандиты не могли причинить ему вреда и даже не осмеливались бы приближаться к нему. Нужно выйти из Небесного Вместилища и войти в Земной Двор. Шесть знаков «гуй» — это Небесное Вместилище, шесть знаков «цзи» — это Земной Двор⁹. И еще там говорится: «Если во время смуты и междоусобицы бежать от мира и скрыть следы стоп своих в славных горах, то там можно обрести жизнь без печалей и скорбей. Надо выбрать день Верховного Первоначала под циклическими знаками «дин—мао» и час, называемый «сокрытая Благая Сила-Дэ», который также зовется «сердце Неба». Это время благоприятствует отшельничеству и сокрытию. Про него говорится, что это время, когда белый день тонет во мраке, солнце и луна не светят и ни людей, ни демонов нельзя встретить¹⁰. И еще там говорится: «Человек, взыскующий пути бессмертных и для этого уходящий в славные горы, должен выбрать для своего ухода день шести «гуй» и час шести «гуй». Такой день называют также «днем Небесного Князя». Он неизменно благоприятен для ухода от мира¹¹. И еще там говорится: «Когда уходишь в горные леса, следует в левой руке держать верхнюю часть травы зеленого дракона, согнуть ее пополам, встать прямо под Звездой Встреч, пройти через Зал Пресветлого Престола, войти во мрак Великого Инь¹², идти юевым шагом и три раза произнести такое заклинание: «О Пятый месяц! О Полководец мрака Великого Инь! Лишь мне одному откройте внучатый царственный знак „цзя“! Не открывайте его другим людям! Пусть человек, который увидит „цзя“, станет как связка хвороста, а тот, кто не увидит „цзя“, окажется не-человеком». После этих слов надо согнуть пополам траву, которую держишь в руке, положить ее на землю, левой рукой взять немного земли и

натереть ей акупунктурную точку «жэнь чжун» под носом, а правой рукой нужно продолжить держать траву, защищая себя. Выставив левую ногу вперед, надо начать идти юевым шагом. Пройдя расстояние, равное шести знакам «гуй», надо задержать дыхание и остановиться. Тогда ни люди, ни демоны не смогут увидеть тебя. Ведь шесть знаков «цзя» будут для тебя зеленым драконом, шесть знаков «и» будут для тебя Звездой Встреч, шесть знаков «бин» буду для тебя Залом Пресветлого Престола, а шесть знаков «дин» будут для тебя пребыванием тени Инь. Следует сделать гексаграмму «Уже конец»¹¹. С первого шага одной ноги и первого шага другой ноги пройти расстояние, не превышающее девяти шагов, считая при этом за один шаг семь чи". Книга также гласит: „Когда пройдешь один чи, и еще один чжан, и еще один чи, то оглянись назад — и увидишь девять своих следов“.

Правила юева шага таковы: надо встать прямо, правая нога впереди, левая нога сзади; потом левая нога впереди, правая нога сзади; потом обе ноги, левая и правая, соединяются вместе. Это один шаг. Потом впереди правая нога, затем левая нога, потом правая нога подтягивается к левой ноге, и они оказываются наравне. Это второй шаг. Потом левая нога впереди, затем правая нога впереди, потом правая и левая ноги сводятся вместе. Это третий шаг. В этом и заключается метод хождения юевым шагом¹². Все множество магических искусств Поднебесной вмещает в себя хождение юевым шагом, который применяется отнюдь не только для того дела, о котором говорится сейчас».

Баопу-цзы сказал: „Каноническая книга Духовной Драгоценности“ гласит: „Драгоценный день — это день, который, рождаясь из высшего сочетания ветвей и корней, опускается вниз. Это дни, которые помечаются циклическими знаками «цзя», «у», «и», «сы». «Цзя» — это первоэлемент «дерево»; «сы» — первоэлемент «огонь». Поэтому и утверждается, что огонь рождается из дерева. Что касается «дня справедливости», то о нем говорится, что это день, который, рождаясь из нижнего сочетания небесных ветвей и корней, поднимается вверх. Это дни, отмеченные циклическими знаками «жэнь», «шэнь», «гуй» и «ю». «Жэнь» —

это первоэлемент «вода»; «шэнь» — это первоэлемент «металл»; «гуй» — первоэлемент «вода»; «ю» — первоэлемент «металл». Поэтому и утверждается, что вода рождается из металла. Днями управления называются такие дни, когда верхнее сочетание ветвей и корней преодолевает нижнее сочетание. Это дни, отмеченные циклическими знаками «суй», «цзы», «цзи» и «хай». «Суй» — это первоэлемент «земля»; «цзы» — это первоэлемент «вода»; «цзи» — тоже первоэлемент «земля»; «хай» — тоже первоэлемент «вода». Принципом чередования пяти первоэлементов является то, что земля преодолевает воду. Днями нападения называются такие дни, когда нижнее сочетание ветвей и корней преодолевает верхнее сочетание. Это дни, отмеченные циклическими знаками «цзя», «шэнь», «и» и «ю». «Цзя» — это первоэлемент «дерево»; «шэнь» — это первоэлемент «металл»; «и» — тоже первоэлемент «дерево»; «ю» — тоже первоэлемент «металл». Поэтому и утверждается, что металл преодолевает дерево. Если твердо придерживаться этих принципов, руководствоваться ими и возвращать их, то непременно будет обретено познание их».

Баопу-цзы сказал: «Если человек, ушедший в горы, с наступлением дня под знаками „цзя—цзы“ возьмет полосы пятицветной шелковой ткани (каждая длиной в пять цуней) и подвесит их к верхушке большого камня, то он непременно найдет все, что ищет. И еще сказано, что входя в горы, следует знать тайное заклинание „шести цзя“. Это заклинание гласит: „О ратоборствующие воины! Приблизьтесь и маршируйте шеренгами передо мной. Все девять знаков, постоянно налагайте на них тайное заклятие. Пусть ничто не сможет затруднить мои поиски насущного Дао-Пути“. Вот что следует произносить».

Баопу-цзы сказал: «Среди горных духов-оборотней бывают такие, которые по своему облику похожи на маленьких детей. Они ходят-бродят туда-сюда, и если, обернувшись, увидят человека, то им доставит радость напасть на него. Если, уйдя в горы, ночью услышишь звуки громкой человеческой речи и гул голосов, то знай, что эти звуки издает гадина по имени „ци“. Распознай ее и прикрикни на нее, тогда она не посмеет напасть на человека. Неко-

торые считают, что эта тварь называется „жэнэй“, „жар внутри“, но все равно на нее тоже надо прикрикнуть. В горах также живет оборотень, красный, как барабан, и к тому же одноногий. Он называется „солнечный свет“, „хуэй“. Встречается также существо, похожее на человека. Оно ростом в девять чи, носит одежду и головной убор. Оно называется „металлическая связка“, „цзинь лэй“. Можно встретить также тварь, похожую на дракона; она пятицветна и имеет красные рога. Ее называют „фэй-фэй“¹³. Если отшельник встретит этих тварей, надо выкрикнуть им их имя, тогда они не посмеют причинить вред».

Баопу-цзы сказал: «В горах встречаются большие деревья, которые могут разговаривать. Но на самом деле разговаривают не деревья, а некий дух, называемый „облачный свет“, „юнь ян“. Прикрикни на него и обретешь удачу. В горах в полуночную пору можно видеть огненные блики и отблески огня. Это делают засохшие деревья, и этого не надо бояться. Если вы ночью в горах встретите человека, похожего на северного варвара-ху, то знайте, что это дух меди и железа. Если встретите человека из Цинь, то знайте, что это дух столетнего дерева. Не бойтесь этих существ, и они не причинят вам никакого вреда.

В горных водах можно увидеть существо, похожее на чиновника. Оно называется „четыре границы“, „сы цзяо“. Выкрикните ему его имя и обретете удачу. В горах также водится большая змея с шапкой или повязкой на голове. Она называется „восходящий министр“, „шэн цин“. Прикрикните на нее и обретете удачу.

Если в горах вы вдруг повстречаете чиновника или услышите человеческий голос, а говорящего не увидите и если вы крикнете ему, а он не остановится, то бросьте в него белый камешек — тогда он встанет, чтобы передохнуть. Есть и такой способ: нужно взять стебель тростника и, используя его как копьё, уколоть это существо — тогда обретешь удачу.

Если какой-нибудь горный бес явится и будет кричать, непрестанно требуя пищи, надо бросить в него белый камыш, и тогда он умрет. В горах встречаются бесы, которые

сбивают путников с пути, и они блуждают, не зная дороги. Если в такого беса бросить посох из тростника, то он умрет. В дни под циклическим знаком „инь“ в горах появляется существо, которое само называет себя „начальником промысловцев“. На самом деле это тигр. Существо, называющее себя „хозяином дорог“, — волк; называющее себя „начальником приказа“ — старый дикий кот. Существо, в дни под циклическим знаком „мао“ называющее себя „достойным мужем“, — заяц; называющее себя „Отцом-Царем Востока“ — кабарга; называющее себя „Матерью-Царицей Запада“ — олень. Существо, в дни под циклическим знаком „чэнь“ называющее себя „божеством дождя“, — дракон; называющее себя речным богом Хэ-бо — рыба; называющее себя „Чан гун-цзы“ — краб. Существо, в день под циклическим знаком „сы“ называющее себя „я, одинокий“¹⁴ — змея из общинного храма; называющее себя „господином времени“ — черепаха. Существо, в день, отмеченный циклическим знаком „у“, называющее себя „третьим господином“, — лошадь; называющее себя бессмертным — старое дерево. Существо, в дни под циклическим знаком „вэй“ называющее себя „повелителем“, — баран; называющий себя „чиновником“ — сайга. Существо, в дни под циклическим знаком „шэнь“ называющее себя „государем“, — обезьяна; называющее себя „одним из девяти министров“ — человекообразная обезьяна. Существо, в дни под циклическим знаком „ю“ называющее себя „генералом“, — старая курица; существо, называющее себя „грозой разбойников“, — фазан. Существо, в дни под циклическим знаком „сюй“ называющее себя человеческим именем, — собака; называющее себя „чэньянским князем“ — лисица. Существо, в дни под циклическим знаком „хай“ называющее себя „божественным государем“, — свинья; называющее себя „благородной дамой“ — золото и нефрит. Существо, в дни под циклическим знаком „чоу“ называющее себя „книжником“, — буйвол. Если знать имена этих существ, то никакого вреда от них не будет».

Некто спросил: «Есть ли у отшельника, живущего в уединении среди гор и озер, способ защититься от змей и прочих гадов?»

Баопу-цзы сказал: «Некогда на Круглых холмах было много больших змей, но, получив хорошее снадобье, Хуан-ди взошел на них. Гуан Чэн-цзы научил его повесить там мужскую желтизну-реальгар, и тогда все змеи уползли прочь. Ныне можно использовать мужскую желтизну-реальгар из Уду. Она должна быть по цвету как петушинный гребешок. Если взять немного больше пяти лянов этого реальгара и уйти в горные лесные чащобы, то можно не бояться змей. Если же змея укусит человека, то достаточно немного реальгара приложить к ране, и пострадавший сразу же исцелится. Существует очень много разнообразных видов змей. Но только укус ехидны и зеленовато-золотой змеи настолько ядовит, что человек умирает через день после укуса, если не лечить. Если человек не знает методов лечения, а одна из этих двух змей укусила его, то следует ножом вырезать плоть на месте укуса и бросить ее на землю. Тогда пораженное место покроется волдырями как после ожога, но человек останется жив и выздоровеет, когда пройдет воспаление. Эти змеи наиболее ядовиты в седьмом-восьмом месяцах, и если в это время не удалось избежать укуса, а яд не удален из организма, то нужно тлеющим концом бамбуковой трости или маленькой деревянной палочки выжечь место, в которое вонзились ядовитые зубы змей.

Ныне даосы, уходящие в горы, серьезно относятся только к знанию великих методов магии, игнорируя способы защиты от опасностей, а ведь они тоже отнюдь не последнее дело. Прежде чем уходить в горы, надо, чтобы защитить свое тело, еще оставаясь в семье, тщательно изучить все защитно-запретительные способы, сосредоточенно созерцать солнце и луну, а также божества сторон света и первоэлементов — Красную Птицу, Сокровенного Воина, Зеленого Дракона и Белого Тигра¹⁵. Когда вы идете в горных лесах среди трав и деревьев, то сделайте левой ноздрей три вдоха и задержите дыхание, а потом выдохните воздух в направлении горных трав. При этом сосредоточьтесь сознание на образе вашей пневмы и представляйте ее себе как имеющую красный цвет и подобную облакам и туману. Представляйте также, что она при выдохе на-

полняет собой пространство в десять ли. Если вас будут преследовать люди и вы выдохнете на них пневму, то независимо от того, много их или мало, все они остолебенеют и выстроятся в шеренгу. Если вы наступите на змею и также выдохнете пневму, то она не посмеет даже шелохнуться, а скорее всего, вы вообще не встретитесь со змеями. Если вы все-таки увидите змею, то станьте лицом к солнцу, вдохните левой ноздрей три раза воздух и задержите дыхание. Колонной языка упритесь в небосвод, руками массируйте „столичную заставу“, а также закройте „небесные врата“ и перегородите „земной двор“¹⁶, используя какую-нибудь вещь, поднимите голову змеи, обмотайте ее вокруг руки. Потом начертите на земле рисунок темницы и поместите туда змею — вот способ подшутить над гадиной. Если скрутить змее шею, то она больше не посмеет кусать людей, и до тех пор, пока вы сами не освободите змею, выдохнув на нее вобранную вами ранее пневму, она не сможет выбраться из созданной вами для нее темницы. Если другой человек будет укушен змеей, вдохните три раза пневму левой ноздрей и выдохните ее на пострадавшего — он сразу же выздоровеет и перестанет страдать. Если вас отделяют от пострадавшего несколько десятков ли, ему все равно можно передать пневму. Передавая ему, выкрикните его имя и фамилию; если пострадавший мужчина, то заговаривайте свою левую руку, а если женщина, то заговаривайте свою правую руку. Тогда и этот пострадавший исцелится.

Существует также способ господина Цзе, предназначенный для живущих в горах. Он заключается в следующем: мысленно представьте себе пятицветную змею, причем у нее должно быть пять голов, каждая из которых окрашена в один из пяти цветов. Затем задержите дыхание и представьте себе, что вы как бы колете эту змею зеленым бамбуком или маленькой веткой. Потом идите налево юевым шагом и мысленно создайте несколько тысяч сколопендр. Потом как бы накройте тело змеи „одеждой“ из сколопендр, и змея исчезнет. В таком случае вы никогда не встретитесь со змеями. Можно также перевязать локоть высушенным аконитом или окурить тело дымом от подпа-

ленных рогов быка, барана или оленя. Можно также привязать к телу пилюли из реалъгара, изобретенные бессмертным Ван Фан-пином. Можно еще взять серу из ушей дикой свиньи, смешать ее с пилюлями из мускуса кабарги и натереть этим составом ноги вплоть до кончиков ногтей, защитив их, словно латами. Все эти методы весьма эффективны. Поскольку и мускусная кабарга, и дикая свинья едят змей, их запах вызывает отвращение у гадов. Кроме того, соколы — птицы облачного дня и хищные черепахи также едят змей. Поэтому когда южане идут в горы, они привязывают к поясу хвост сколопендры и клюв сокола, чтобы отпугнуть змей. Если же змея кусает человека, они отвязывают эти два предмета и натирают ими язву на месте укуса — тогда пораженный быстро поправляется. «Птица облачного дня» — это другое название сокола¹⁷. Кроме того, когда южане идут в горы, они берут бамбуковую трубку и сажают в нее живую сколопендру. Сколопендры всегда знают о местах, где есть змеи, так что когда сколопендра в трубке начинает шевелиться и пытаться вылезти, можно быть уверенным, что в этом месте в траве скрывается змея. Даже когда сколопендра видит крупную змею, длиной больше чжана при ее развороте во всю свою длину, то все равно она начинает смотреть на нее и даже может, используя свою пневму, заколдовать змею, которая от этого сразу же сдыхает. Если же змея видит сколопендру на берегу канавы, то когда это большая змея, она пытается скрыться, нырнув поглубже в поток, текущий в долине. Но сколопендра тогда пускает свое заклятие по поверхности воды, и можно видеть, как нечто темно-синего цвета плывет по воде к тому месту, где скрылась змея, и вскоре змея всплывает на поверхность и подыхает. Поэтому южане натирают сколопендрой язву на месте змеиного укуса, чтобы исцелить пострадавшего».

Некто спросил: «В горных долинах земель, расположенных к югу от реки Янцзы, много всяких ядовитых зловредных тварей. Существует ли какой-нибудь способ, чтобы защититься от них?»

Баоцу-цзы ответил: «На великой равнине центральной части страны пневмы земли чисты и гармоничны, там на-

ходятся славные горы нашего государства, и там вовсе нет такой напасти. Ныне же в землях У и Чу жара и влажность вызывают обильные испарения и миазмы. И хотя здесь также есть истинные горы Хэншань и Хошань, в них много разных ядовитых тварей. Например, здесь водится „лисичка“, которую также называют „ядовитой жабой“, или „стрелком“, или „стреляющим в тень“, но на самом деле это водяное насекомое, напоминающее цикаду, а по размеру сходное с тройной чаркой. У него есть крылья, и оно может летать. У этого насекомого нет глаз, но оно наделено острым слухом. Во рту у него есть особая пластина, напоминающая рог или лук. Как только это существо услышит человеческий голос, так эта пластина во рту, напоминающая рог или лук, немедленно выстреливает особой пневмой, которая вылетает из воды и жалит человека так, что на его коже появляется язва. Если выстрел попадет в тень человека, то человек все равно заболевает, хотя язва и не появляется. Если человека не лечить от этого недуга, то он непременно погибнет. Эта болезнь похожа на сильное обморожение, и человек умирает ранее, чем пройдет десять дней с момента укола.

Есть также песчаный сверчок. Он живет и в воде, и на суше. Он особенно часто встречается после дождя, а также в предутренние и предвечерние часы. И только в период большого зноя, когда травы иссушены солнцем, он достаточно редок, и все. По размеру он не более кончика волоска. Когда он попадает на человека, то пробирается под кожу, пробуравливая ее, словно шило, и хотя он и мал, но причиняет огромные страдания. Его можно вытащить из-под кожи, зацепив иголкой, — тогда окажется, что он красен, словно киноварь. Если посадить его на ноготь, то он попытается двигаться. Если же не вытащить этого паразита из-под кожи, то он пробуравит всю плоть до кости и потом начнет делать в плоти ходы, обойдя все тело человека по кругу. В этом отношении он похож на „стрелка“, и тот и другой губят человека до смерти.

Если люди едут в земли, где водится это насекомое, и возвращаются в свои места, пострадав от него, то в таком случае следует найти его в теле и выжигать там огнем до

тех пор, пока оно не упадет на землю. Если привязать к поясу пилюли ароматов мускуса восьми существ, пилюли спасения от мирского, пилюли, сохраняющие жизнь, пилюли нефритового чайника, пилюли из рога носорога, пилюли семи звезд и пастушью сумку, то можно избежать такой напасти, как укус песчаного сверчка и „лисички“. Если вы не сможете достать все эти снадобья, то достаточно привязать к поясу что-нибудь, хорошо пропитавшееся ароматом мускуса. Это тоже отличное средство. Если смешать растертые в порошок реальгар и чеснок, а потом скатать из этой смеси пилюлю размером с куриное яйцо и носить ее на поясе, то это тоже хорошо. Если же укус этих насекомых уже произошел, то следует натереть этими средствами ранку от укуса, тогда можно излечиться. Очень хорошо также сосать сок красного бархатника¹⁸; если пить его или мазаться им, то тоже можно вылечиться. Корень баклажана пяти видов, трава висящего кючка и лианафу — эти три вида растений должны применяться по отдельности; можно выжимать и пить их сок в количестве одного-двух шэнов. Насекомое „стрелок“ зимой впадает в спячку в горных долинах, а во время больших снегопадов оно замерзает; если же снега набирается немного, то оно сохраняет в себе свою горячую пневму. Тогда его можно выкапывать, поскольку оно не зарывается в почву глубже, чем на чи. В холодную и сухую погоду этого насекомого можно не бояться, но летом необходимо принимать меры для защиты от „стрелка“.

Если даос хорошо умеет применять один запретительный метод, владея сотней запретов, если он постоянно занимается запретительными видами визуализации, хранит Истинное Одно, то никто из всего множества ядоносцев не посмеет приблизиться к нему и ему не придется применять никаких снадобий».

Некто спросил: «Ведь когда даосы живут в горах, убежищем им служат пещеры и горные склоны, где вряд ли есть избыток тепла. Осмелюсь спросить об искусстве, которое позволит мне не бояться ветра и сырости».

Баоцу-цзы сказал: «Если ряд лекарственных снадобий принимать в течение десяти дней, а потом прекратить, то

можно в течение десяти лет не бояться ветра и сырости. Это такие средства, как порошок золотой облатки, раствор трех видов силы *ян*, пилюли изобильной горечи, прожаренные пахучие травы, способствующие превозмоганию зимы, паста одинокого раскачивания, порошок из полыни, сладкого картофеля таро и сокровенных цветов и пилюли желтой крови из осенней земли. Прием этих семи снадобий называется только начальным этапом изучения Дао-Пути¹⁹. Господин Яо принимал раствор трех видов силы *ян* и мог, ни капли не дрожа от холода, спать голым, лежа на льду. Благодаря этому методу господа Цзе и Лян Юдао могли спать, лежа на камнях. Он также испытан при ветреной и морозной погоде осенью и зимой. Это тайный способ».

Некто спросил о способе переправы через реки и моря, позволяющем избежать нападения водяных гадов и драконов.

Баопу-цзы сказал: «Даосы, которым предстоит переправляться через большие реки, должны, прежде чем вступить в воду, разбить одно куриное яйцо, смешать малый порошок с ароматной пылью, размешать все это в воде и совершить омовение. Тогда можно не бояться ветра, волн, водяных гадов и драконов. Можно также повесить на себя амулет младшего отрока из Восточного моря и амулет контроля над водами или дощечку острова бессмертных Пэнлай. Эти амулеты отводят все беды, могущие случиться на воде. Существуют также такие способы, как применение амулета шести „цзя“ и трех металлов или запретительные заклинания первозлемента „дерево“. Есть и такой способ. При приближении к реке надо сначала прочитать заклинание, которое гласит: „Я, бедный и несчастный, с полной искренностью взываю к тебе, речной царь Хэ-бо, и молю избавить меня впредь от водяных гадов и драконов. Пусть все мириады возможных бедствий сгинут прочь, а небо надо мной пусть сияет чистотой и ясностью“. Кроме того, „Записи на золотых табличках“ гласят: „В дни пятого месяца, отмеченные циклическим знаками «бин» и «у», надо растолочь пять минералов и превратить их в медь. Пять минералов — это мужская желтизна-реальгар, киноварный

порошок, женская желтизна-аурипигмент, квасцы и вещество цэнцин. Их надо растереть в порошок, промыть в «пруде золотых цветов»-винегаре и поместить в печь божества шестерки и единицы в барабаноподобном сосуде. Затем печь надо раскалять, сжигая коричневое дерево. Когда получится медь, следует сплавить ее с твердым древесным углем. Тогда пусть отрок и отроковица войдут в огонь, и пусть отрок возьмет медь самца, чтобы сделать мужской меч, а отроковица возьмет меч самки, чтобы сделать женский меч. Каждый меч должен быть длиной в пять цуней и пять фэней. Если взять определенное количество земли и коснуться ее этими мечами, то она сгустится и превратится в эссенцию воды — хрусталь. Если взять с собой эти мечи на время путешествия по воде, то ни водные гады, ни драконы, ни огромные рыбы, ни водяные духи не посмеют приблизиться к такому человеку. Человек, который хочет познать медь-самку и медь-самца, должен велеть отроку и отроковице сообща поливать медь водой; поливать медь водой нужно тогда, когда она раскалена в огне, и до тех пор, пока она не станет красной. Тогда медь сама собой распадется на две половины, одна из которых, выпуклая, станет медью-самцом, а другая, вогнутая, станет медью-самкой. На каждой из этих половинок можно вырезать их названия, чтобы так знать их. Когда человек собирается войти в воду, ему следует повесить мужскую половину на пояс слева, а женскую половину на пояс справа. Если же человек плывет на лодке и его тело непосредственно не соприкасается с водой, то по нечетным дням силы *ян* следует носить на пояс мужскую половину, а по четным дням силы *инь* следует носить женскую половину“.

Можно также использовать большие некроглифы небесных узоров — созвездий и письма Императора Севера, которые следует написать на шелке и носить на пояс. С их помощью также можно спастись от ветра, волн, водяных гадюк, драконов и прочих водных тварей».

Некто спросил о способе защиты от сонмища демонов из храмов и кумирен в горах и у рек.

Баоцун-цзы сказал: «Даосы обычно носят на своем поясе амулеты неба и воды и амулеты Бамбукового посланца

Верховного Августейшего, а также левую половину договорной бирки²⁰ Лао-цзы. Если такой человек при этом хранит и блюдет Истинное Одно и сосредоточивает свою мысль на созерцании божественного Генерала Трех Войск, то никакие демоны не осмелятся приблизиться к нему. Если же говорить о том, что можно применить во вторую очередь, то следует обратиться к рассуждениям о реестрах всего множества демонов. Если знать истинные имена всех демонов Поднебесной, содержащиеся в „Записях Девяти Треножников о планах Белого болота“²¹, то любой из демонов немедленно сгинет. Следующим по очередности является прием пилюль красного камня птенцов перепела, порошка ночного света вещества цэнцин, пилюль глаза ворона, содержащих сущность лука, и заглатывание порошка матери цветущего духа белого камня, — все эти средства помогут человеку увидеть воочию демонов, а демоны тогда испугаются этого».

Баопу-цзы сказал: «Существует сорок девять истинных тайных амулетов, скрытых, подобно зародышу, в „желтом дворе“ Государя Лао, Лао-цзюня. Уходя в горы и леса, следует в день под циклическими знаками „цзя—инь“ начертать эти амулеты киноварью на белом небеленом шелке, а ночью разложить его и посвятить его созвездию Большой Медведицы, обратившись в его сторону; потом надо самую малую малость окропить амулеты вином, назвать свое имя и фамилию, а потом с поклоном взять амулеты. Их следует носить под одеждой — тогда они защитят владельца от всего множества демонов, мириад оборотней, тигров, волков и всевозможных ядовитых тварей и гадов, живущих в горах и лесах. Разве не должен любой даос, стремящийся скрыться в горах и лесах от тягот и треволнений мирской суеты, знать в полной мере этот способ?»

Амулеты для вхождения в горы

Баопу-цзы сказал: «Все показанные ниже пять амулетов — это амулеты Государя Лао, Лао-цзюня, для вхождения в горы. Их следует писать киноварными пись-

менами на доске из персикового дерева. Содержащиеся в них иероглифические знаки нужно писать большими, чтобы они заполняли всю доску сверху, подобно надписи над воротами дома, и были бы направлены во все четыре основные и четыре дополнительные стороны света, — тогда, через какие бы места вы ни проходили и в каких бы местах ни останавливались, на расстоянии пятидесяти шагов вы будете защищены от любых горных оборотней, демонов и бесов. Эти амулеты также можно использовать на балках и столбах дома для защиты и безопасности жилища. Очень хорошо применять их, когда люди живут в горных лесах, ненадолго заходя в горы. Тогда никакие твари не смогут причинить человеку никакого вреда. Можно также соединить три амулета вместе на одной доске. Но можно сказать, что это не метод нашей семьи Гэ».

Баопу-цзы сказал: «Это также амулеты Государя Лао, Лао-цзюня, для вхождения в горы. Их также можно использовать на столбах и балках дома для защиты жилища. Их удобно применять, если люди живут в горных лесах, ненадолго заходя в горы».

Баопу-цзы сказал: «Это амулеты, переданные бессмертным Чэнь Ань-ши и предназначенные для защиты от тигров и волков при вхождении в горы. Эти два амулета надо начертать письменами киноварного цвета на шелке, каждый на отдельном куске. Они должны постоянно висеть в четырех углах вашего жилища. Когда же вы собираетесь переправиться через реку, их надо снять и взять с собой; это великая божественная тайна. Что касается амулетов, открывающих горы, то они на тысячу лет раскрывают сомкнутые врата славных гор; они пишутся письменами, раскрывающими сокровища, древним почерком гу-вэнь, при помощи золота и нефрита. Они позволяют увидеть все сокрытое и тайное. Они похожи на амулеты, изображенные справа, — сходства много, а отличий мало».

Баопу-цзы сказал: «Это амулет, который носил сам Государь Лао, Лао-цзюнь. Это печать, запечатывающая все множество демонов, а также змей, гадов, тигров, волков и духов. Амулет надо вырезать до глубины в два цуня на

древесине сердцевинны дерева жужуба, поклониться ему и носить его. Он обладает божественной силой. Это также амулет бессмертного Чэнь Ань-ши».

Амулеты для вхождения в горы, носимые на поясе

«Эти три амулета можно надевать на скот — коров и лошадей, вешать в любом месте жилища — справа, слева, спереди, сзади, а также в загонах и свинарниках. Они защищают от тигров и волков».

Некто спросил: «Я раньше слышал, что Тань Чан умел ходить по поверхности воды и мог жить под водой. Благодаря какому способу это было возможно?»

Баопу-цзы сказал: «Для этого можно использовать сок лука и корицу, а также принимать большие пилюли в семи частях из семян утуна. Все это надо принимать три раза в день в течение трех лет. Тогда можно будет ходить прямо по поверхности воды. Господин Чжэн также говорил, что следует тренироваться в умении задерживать дыхание — надо научиться задерживать дыхание на время тысячи вдохов; если сумеешь это, то постепенно-постепенно можно будет оставаться под водой в течение всего дня. Очень хорошо также достать подлинный рог носорога, пронзающий небеса. Он должен быть длиной более трех цуней. На нем надо вырезать рыбу и взять ее в рот перед тем, как войти в воду. Тогда вода разойдется перед вами на квадрат со стороной в три чи; благодаря этому рогу можно также получать пневму, находясь под водой, и дышать там. Бывает, что на роге есть красные прожилки, напоминающие нити, пронизывающие рог с одного конца до другого. Если такой рог растолочь, смешать его с рисом и дать курам, то сначала куры начнут клевать его, но не успеют склевать и нескольких цуней, как чего-то испугаются и убегут. Поэтому южане называют рог носорога, пронзающий небеса, рогом, пугающим кур. Если такой рог истолочь и смешать с зерном, то никакие из всех существующих птиц не посмеют собраться там. В ночь, когда стоит густой туман и выпадают обильные росы, можно положить такой рог во

дворике, и тогда в нем совсем не будет никакой сырости. Это животное, носорог, живет в горных дебрях, и в вечер перед новолунием, когда все погружено во мрак, оно сияет и светится, словно пылающий костер. Проверить чудесные свойства носорожьего рога можно, положив его в суп, в который добавлено некое ядовитое снадобье. Если такой суп как следует перемешать, то он как бы вскипит и запузырится, а яд утратит свою силу. Если же в супе не было яда, то после перемешивания он не запузырится. Таким образом и можно узнать о наличии яда. Если вы находитесь в чужих землях, где распространены яды и отравы, или если вы едите и пьете в чужом доме, то вначале проверьте еду, перемешав ее с рогом носорога. Иногда в войне люди применяют для убийства отравленные стрелы. Приложите в таком случае рог носорога к ране: тогда яд вскипит и выйдет из раны, а раненый исцелится. Поскольку носорожий рог обладает способностью уничтожать яды, его следует использовать при употреблении в пищу мяса животных, всех трав и растений, которые могут быть ядовиты, при ранении колючками растений, а также не следует забывать о нем при употреблении в пищу мягких и скользких частей различных трав и деревьев.

Раз в год носорог сбрасывает свой рог среди горных камней. Тогда человек может найти и использовать его. Но вначале следует взять кусок дерева, по виду, форме и прожилкам напоминающий рог, и подменить его этим куском. Тогда носорог ничего не заметит и на следующий год снова придет на это место сбрасывать рог. Рога носорогов других видов также обладают способностью защищать от зла и спасать от воздействия ядов, но по своим таинственным свойствам они не могут сравниться с рогами носорога, пронзающего небо²².

Можно также в течение тысячи дней принимать внутрь амулет шести циклических знаков „у“ или снадобья из яркого красного паука и мяса водяной лошади-бегемота (их насчитывается семь видов). При этом их надо смешивать с пилюлями из утонченной сути „водяного бессмертного“-нарцисса и принимать вместе с ними — тогда тоже можно приобрести способность жить под водой. Если смазывать

этими снадобьями ступни ног, то можно будет ходить по поверхности воды. Разве же таинственнее этого способ, когда „грязи с головы“²³ считается достаточно, чтобы смазывая ей золото и железо, делать их способными плыть по воде?»

Некто спросил: «Многие люди, взыскивающие Дао-Путь, живут в горах и лесах, но в горах и лесах существует много опасностей, связанных с тиграми и волками. Как избежать их?»

Баопу-цзы сказал: «Когда в древности люди входили в горы, они обязательно носили с собой оттиск совершенной печати желтого божества. Его ширина четыре цуня, он включает в себя сто двадцать знаков и оттиснут на глине. Если держать его при себе, то его действие охватит квадрат со стороны в сто шагов, и не один волк или тигр не посмеет войти в него. Если же человек увидит свежие следы тигра, то достаточно приложить вдоль этих следов оттиск той печати, и тигр сразу же уйдет. Если же ее приложить против следов, то тигр сразу же вернется. Если носить этот оттиск на поясе, ходя по горам и лесам, то можно не бояться тигров и волков. Но он защищает не только от тигров и волков. Среди гор и рек существуют храмы и кумирни злобных духов-кровососов, которые могут дать счастье или принести горе. Если носить с собой этот амулет, оттиснутый на глине, то он пресечет их пути, и они не смогут более проявлять свои сверхъестественные свойства.

Некогда в водах Шитоу жила большая черепаха, и часто она плавала в глубокой заводи, поэтому люди стали называть ту заводь заводью большой черепахи. Это существо владело различными дьявольскими силами и умело насылать на людей болезни. В царстве У жил тогда даос по имени Дай Бин. Он однажды увидел эту тварь и потом сделал несколько сотен оттисков на глине той печати. Затем он сел в лодку и побросал оттиски в водоем. Прошло много времени, и вот огромная черепаха всплыла на поверхность; ее длина составляла чжан с лишним. Черепаха была неподвижна, и ее убили. Тогда все больные исцелились. Потом на поверхности появилось еще и много ма-

леньких черепах, которые тоже все были выловлены сетями или сами передохли на островках в той заводи.

Если в горах вдруг встретится тигр, то можно также применить запретительные заклинания тройной пятерки, и тигр сразу же уйдет. Способ запретительных заклинаний тройной пятерки должен передаваться только изустно; письменная запись не может не исказить их. Первый способ таков: сосредоточьте сознание на собственном теле и, визуализируя, представьте его себе в виде тела киноварно-красной птицы, ее рост должен составлять три чжана, и она должна встать на голову тигра²⁴. Потом следует задержать дыхание, и тигр тотчас же уйдет. Если вы остаетесь ночевать в горах, то украдкой выньте из волос шпильку, задержите дыхание и представьте себе, что вы колете ей белого тигра. Тогда вам нечего будет бояться.

Есть также такой способ: надо в левую руку взять нож и задержать дыхание. Затем следует начертить на земле квадрат и произнести заклинание, которое гласит: „О сила *инь* горы Хэншань; о сила *ян* горы Тайшань! Да не появятся разбойники и грабители, да не придут тигры и волки, да будут несокрушимы городские стены и укрепления, да будет замкнута Золотая Застава; вот этим ножом в день завершения декады я провожу горизонтальную черту по белому тигру, и мне больше нечего бояться!“

Можно также использовать заклятие великого запрета. Для этого надо триста шестьдесят раз вдохнуть пневму, повернуться слева направо и громко прикрикнуть на тигра. Тогда тигр не посмеет прыгнуть. Если, владея этими способами, входить в горы, то можно не бояться тигров.

Можно также использовать тигриный шаг семи звезд, амулет нефритового божества, амулет восьми могуществ и пяти превосходств, амулет Великого равновесия Ли Эра²⁵, оттиск писмен срединной желтизны цветочного зонта, желтый порошок каменной влаги²⁶, а также подожженные бычьи или бараньи рога. Можно также использовать налагающий на горы запретительное заклятие амулет Господина, Стоящего на Западном Пике. Все эти способы основательно испытаны. Таковы основные четыре амулета для этого.

Эти амулеты суть амулеты Государя Лао, Лао-цзюня, для вхождения в горы. Их письмена соответствуют письменам, разъясненным выше²⁷. Их также можно писать на столбах и балках для защиты жилища. Люди, которые постоянно живут в горах и лесах или только на короткое время уходят в них, могут равным образом использовать их».

Примечания

¹ Задерживать дыхание — букв.: «убивать пневму» (*ша ши*). Многие даосские методы дыхательной гимнастики предполагают практику длительной задержки дыхания (как правило на вдохе). Аналогичные приемы хорошо известны и психотехнической практике других культур (пранаяма индийской йоги; Иисусова молитва восточнохристианских исихастов и т.д.).

² Имеется в виду средний промежуточный период года между летом и осенью (ему соответствует центральный первоэлемент «земля»).

Приводимые здесь рекомендации Гэ Хуна основываются на соотношении сезона, первоэлемента и маркирующих месяцы циклических знаков со сторонами света.

³ Север коррелирует с первоэлементом «вода» и зимой (10-й и 11-й месяцы соответствуют зимнему сезону); указанные циклические знаки соотносятся с последними месяцами года и последними часами суток.

⁴ Чжи Бо-и — это внук губернатора округа Чанша Чжи Цзюнь-чжан, который жил в конце правления династии Поздняя Хань (II в. н.э.).

⁵ Разделение на дни «твердого» (*ган*) и «мягкого» (*жоу*) связано с китайской космологической и календарной магией. Дни «твердого» благотворны для внешних дел, а «мягкого» — для внутренних. При этом дни «твердого» — нечетные, а «мягкого» — четные (в китайской космологии *ян* — нечетное, а *инь* — четное). К внешним делам относятся военные акции, а к внутренним — религиозно-ритуальные.

⁶ Об этом говорится в «Каноне поэзии» («Ши цзин»), раздел «Малые оды» (*сяо я*), ода «Счастливый день» («Цзи жи пянь»).

⁷ Великий астролог (*тай ши*) — важная государственная должность Древнего Китая, сочетавшая обязанности астронома, метеоролога, составителя календаря, астролога и историографа. Должность великого астролога занимал и крупнейший древнекитайский историк Сыма Цянь.

⁸ «Канон Духовной Драгоценности» («Лин бао цзин») — см. коммент. 39 к гл. 12.

⁹ День управления (*чжи*) и день нападения (*фа*) — термины из китайской астролого-календарной магии и мантики, свя-

занной с соотношением пяти первоэлементов и их порядков порождения и преодоления с циклическими знаками «небесных пней» и «земных ветвей». Так, день управления — это день, когда «мать преодолевает свое дитя» (то есть когда циклические знаки «ветвей и корней», «верха» подавляют таковые, расположенные «ниже»); это дни, в обозначение которых входят знаки «у», «цзы», «цзи», «хай». День нападения — это день, когда «дитя преодолевает свою мать»; это дни с циклическими знаками «цзя», «шэнь», «и», «ю».

Не-единое (*бу и*) — имеется в виду множественность первоэлементов и состояний пневмы (коррелирующих с циклическими знаками), следующих тем не менее единому Пути (Дао).

¹⁰ Звезда Встреч (*Пэн син*) — ее определить не удалось.

Зал Пресветлого Престола (*мин тан*) — см. коммент. 23 к гл. 15.

Мрак Великого Инь (*Тай инь*) — антипод или тень Юпитера, а также зона неба севернее беты Скорпиона.

¹¹ «Уже конец» (*цзи цзи*) — предпоследняя (63-я) гексаграмма «Канона Перемен» с полной уместностью черт: все черты *ян* в ней занимают нечетные позиции, а все черты *инь* — четные. Символизирует полноту и завершенность процесса трансформации.

¹² Схема юевых шагов (*юй бу*) дается Гэ Хуном и в гл. 11, см. также коммент. 23 к гл. 11.

¹³ Горный бес, называемый также «летающим драконом» (*фэй лун*).

¹⁴ Я, одинокий (*гуа*) — так в Древнем Китае говорил о себе в первом лице правитель.

¹⁵ Символы первоэлементов перечисляются здесь в таком порядке: огонь, вода, дерево, металл (земле, как центральному элементу, не соответствует зооморфный символ, и поэтому она здесь не имеется в виду).

¹⁶ Небосвод — нёбо.

«Столичная застава» (*ду гуань*) — возможно, точка на границе спины и шеи.

«Небесные врата» (*тянь мэнь*, также «небесный двор», *тянь тин*) — точка немного выше межбровья, на которой, видимо, следует сосредоточить внимание.

«Земной двор» (*ди ху*) — видимо, нижняя часть живота, на которой надо сосредоточить внимание во время задержки дыхания.

Не исключено, что здесь имеются в виду и «три запора», аналогичные *бандхам* индийской йоги: следует прижать кончик языка к нёбу, прижать подбородок к груди, втянуть диафрагму и мышцы анального сфинктера (все это при задержке дыхания).

¹⁷ Речь идет о мифическом соколе *чжэнь*, птице с ядовитым оперением.

¹⁸ Бархатник (*сянь*) — или петушинный гребешок, растение семейства Амарантовых.

¹⁹ Для Гэ Хуна высший этап даосской практики — алхимия и изготовление «великих эликсиров» из искусственного золота и киновари.

²⁰ См. коммент. 12 к гл. 18.

²¹ Китайское название этого текста — «Бай цзэ ту цзю дин цзи»; этот текст не сохранился, последнее упоминание о нем относится к эпохе Суй (581—616 гг.). Название этого памятника связано с легендой о Хуан-ди, изложенной в «Основных анналах Сюан-юаня» даосской антологии XI в. «Семь грамот из облачного книгохранилища» («Юнь цзи ци цянъ», цзюань 100). Там рассказывается, что Хуан-ди встретил волшебного зверя с Белого болота (*бай цзэ шэнь шу*), который умел говорить и помог Хуан-ди составить карту Поднебесной. После этого на горе Шоушань Хуан-ди собрал медь, из которой под горой Цзиншань отлил девять сакральных треножников (*цзю дин*).

²² Носорог, пронзающий рогом небо (*тун тьянь си цзяо*) — видимо, имеются в виду особенно крупные носороги с длинным рогом. Чудодейственные свойства, подобные описанным Гэ Хуном, приписывались носорожьим рогам и в средневековой Европе.

²³ Грязь с головы (*тоу гоу*) — видимо, это выражение следует понимать буквально.

²⁴ Киноварно-красная птица (*цзю цяо*) — символ огня и юга; тигр (*ху*) — символ металла и запада (согласно порядку преодоления первоэлементов, огонь преодолевает металл).

²⁵ Ли Эр — собственное имя Лао-цзы.

²⁶ Видимо, имеется в виду какое-то вещество на сернистой основе. Сера — «текучая желтизна» (*лю хуан*).

²⁷ В тексте: «описанным ниже» (*ся шо жу вэнь*). Видимо, это ошибка, должно быть: *шан шо жу вэнь*.

ГЛАВА 18

Земная истина

Баопу-цзы сказал: «Я слышал, что учитель говорил: „Если люди могут познать Одно, то все мириады дел завершены. Для познавшего Одно не остается ни одной не познанной им вещи, а для незнающего Одного нет ни одной познанной им вещи“¹. Дао-Путь восстает в Одном, и нет ничего, парного ему по достоинству. Все пребывает в Одном, им порождаются образы Неба, Земли и Человека. Посему и говорится, что Три есть Одно. Небо обретает Одно и становится ясным. Земля обретает Одно и успокаивается. Человек обретает Одно и оживотворяется. Дух обретает Одно и одухотворяется². Металл тонет,

а перья плывут, горы вздымаются, а потоки текут. Люди смотрят на него, но не видят, слушают его, но не слышат³. Созерцают его — и живут, пренебрегают им — и гибнут. Идут к нему — и обретают счастье, отворачиваются от него — и страдают от горя. Сохраняют его — и долгое благоденствие не имеет предела, теряют его — и жизнь затухает, а пневма исчерпывается.

Лао-цзюнь сказал: „О, как оно неясно и смутно, но в его сердцевине есть образы. О, как оно неясно и смутно, но в его сердцевине есть вещи“⁴. Назову его Одним. По той же причине в каноне бессмертных сказано: „Если ты стремишься к долгой жизни, то храни Одно и станешь просветленным. Думай об Одном, как если бы ты испытывал сильнейший голод, и Одно станет твоей пищей. Думай об Одном, как если бы ты испытывал сильнейшую жажду, и Одно станет твоим питьем“.

Одно имеет как бы фамильный знак и образ, у мужчин величиною в девять фэней, а у женщин — шесть фэней; в двух цунях четырех фэнях ниже пупа оно находится в „киноварном поле“ или же ниже сердца оно пребывает в „киноварном поле“ середины, и это „золотая башня вишнево-красного дворца“. Оно действует также в пространстве межбровья, цунем же выше находится „Пресветлый Престол“⁵, двумя цунями выше — „пещерный покой“, тремя цунями выше — верхнее „киноварное поле“. Это именно то, что даосы считают очень важным. Из поколения в поколение они, скрепив жертвенной кровью клятву, передают друг другу эти имена, и все.

Одно может, доведя до завершения *инь*, породить *ян*, оно осуществляет чередование холода и зноя. Весна обретает его — и начинается, лето обретает его — и взращивает, осень обретает его — и собирает, зима обретает его — и сохраняет.

Его величие нельзя передать и через уподобление мировой шестерице, его малость нельзя передать и через сравнение с тончайшим волоском.

Некогда Хуан-ди путешествовал на восток к Лазоревым холмам. Он прошел через Ветряные горы и там встретил Господина из Фиолетово-пурпурного покоя и получил

от него „Внутренние письма Трех Императоров“, благодаря которым он призвал и подчинил себе всех духов⁶.

Затем он отправился на юг и прибыл к Круглой насыпи, укрытой в тени деревьев цзяньму. Там он созерцал восхождение ввысь сотен душ. Там он собрал цветы Неба-Цянь и пил воду, обузданную киноварью⁷.

Затем он отправился на запад, где он встретил Чжун Хуан-цзы и обрел от него метод девяти добавлений. Прошел мимо озера Дунтин и там от Гуанчэн-цзы получил „Канон самоестественности“⁸.

Затем он отправился на север, поднялся на дамбу Хуанди, взошел на Цзюйцы и увиделся с государем Давэй-цзюнем и отроком Хуан-гаем. От них он получил „Канон схемы божественных грибов“. Повернул в сторону и прибыл в Ванью, где обрел „Тайные записи о божественных золоте и киновари“. Потом он прибыл на гору Эмэйшань и в нефритовом зале узрел Небесного Августейшего. У него Хуан-ди почтительно спросил о принципе Истинного Одного. Августейший муж ответил ему: „Ведь вы властитель всего, что среди четырех морей, и вы взыскуете долгой жизни. Не слишком ли вы алчны? Образ Одного сокрыт, и нельзя о нем рассказать в полной мере. И грубо стремиться однобоко постигать его. Способ обретения долгой жизни и бессмертия становится доступен только тогда, когда есть золотой раствор и перегнанная киноварь. Блюдите тело и отвратитесь от зла, и лишь тогда вы станете обладателем Истинного Одного. Поэтому люди древности особенно серьезно относились к этому. Канон бессмертных гласит: „Книга девятикратно перегнанной киновари и золотого раствора“ и „Наставления по блюдению Одного“ хранятся за пятью стенами Куньлуня, они лежат в нефритовых футлярах, вырезаны золотыми письмами, запечатаны пурпурной глиной с проставленными срединными печатями“⁹.

Я слышал, что древний учитель говорил: „На крайнем севере, на Полярной звезде, в великой бездне есть Пресветлый Престол, а за ним — Вишнево-красный Дворец. Высоко-высоко цветочные покрывала, золотой терем возносится ввысь, бушует пустота, сокровенные грибы покрывают обрывы, все поросло красной травой, и это утончен-

но-прекрасно. Горы белого нефрита, подобные кряжу Цоэ, высятся там, а солнце и луна изливают свое сияние. Нужно пройти через огонь и преодолеть преграду воды, пройти через сокровенное — Небо и через желтое — Землю. Крепостные стены и башни следуют одна за другой, повсюду завесы и пологи, слышен мелодичный звон драгоценных камней. Ряды драконов и тигров охраняют все это, по сторонам стоят рядами божественные люди. Не действуя и не сближаясь ни с чем, Одно умиротворяет эти покои. Не опаздывая и не спеша, Одно умиротворяет эту обитель. Можешь быть в праздности или можешь быть в радости: Одно тогда никуда не уйдет от тебя.

Если ты сможешь блюсти Одно и созерцать истину, то сможешь проникнуть в область божественного.

Если уменьшишь желания и ограничишь себя в еде, то Одно останется в твоём дыхании.

Клинок уже приблизился к горлу: подумай об Одном и обрешь жизнь.

Нетрудно знать Одно, трудно довести это до конца.

Храни его и не теряй его, тогда обрешь бесконечную жизнь.

На суше укротишь диких зверей, на воде дашь отпор водяному дракону.

Не убоишься бесов и демонов, не устроишься источающих яд гадов.

Демоны не посмеют приблизиться к тебе, оружие не сможет войти в твою плоть“.

Вот что можно вкратце сказать самого главного об этом Истинном Одном».

Баопу-цзы сказал: «Я слышал, что учитель говорил: „Если размышлять и памятовать об учении всех даосских канонических книг, то можно более чем тысячами способами отвратить зло и защитить свое тело, применяя методы таких даосских искусств, как медитация, визуализация и памятование¹⁰. Можно скрывать тень, делать невидимой плоть и хранить тело в безжизненном, применять методы девяти перемен, двенадцати изменений и двадцати четырех периодов жизни¹¹, мысленным усилием созерцать всех духов, живущих в теле, и использовать другие способы

внутреннего видения, которых даже счесть нельзя, — все эти методы действенны каждый по-своему.

Если размышлять о тысяче вещей и их все применять для самоохраны, то это окажется слишком хлопотным и затруднительным. Достаточно и одного большого дела, занимающего все помыслы человека. Если познан принцип хранения Одного, то все прочее можно уже считать отброшенным и оставленным позади. Потому-то и говорится, что если обретоно знание Одного, то познавший его исчерпывает мириады дел⁴.

Для получения устных наставлений об Истинном Одном необходимо вначале освоить мудрые писания, а затем скрепить жертвенной кровью клятву верности. В день царственного знака получают наставление, шелком и серебром скрепляют договор, берут золотую бирку и делают ее¹². Если же легкомысленно дать эти наставления и недолжным образом осуществить передачу традиции, то их божественность останется бездействующей.

Люди могут хранить Одно, но и Одно может хранить людей. Поэтому и оружие не сможет найти применение своему острию и сотни зол не смогут проявить себя в бедствиях. Пребывающий в упадке сможет вновь обрести расцвет, а находящийся в беде почувствует себя в безопасности. Где бы ни находился человек: в демонском храме, в горном лесу, в местности, где свирепствуют страшные моры, среди могил и погребений, в болотистых местах, где обитают тигры и волки, или среди скопища ядовитых гадов, — он должен неустанно хранить Одно, и тогда всякое зло удалится от него и сгинет.

Когда человек забывает о необходимости хранить Одно, он, страдая от демонских наваждений или от ночных кошмаров, покидает свой дом и смотрит на Звезду Помощи¹³. Но стоит только начать крепко держаться за хранение Одного, как все демоны убегут прочь.

И даже когда идет затяжной дождь, то такой человек может, направив сосредоточенную мысль на север и оставаясь в доме, узреть Звезду Помощи. Если он окружен вооруженными бандитами и ему некуда спрятаться, чтобы спасти свою жизнь, то пусть он вступит в тень „шести

цзя"¹⁴, укрывается там и продолжает хранить Одно. Тогда и все пять видов оружия¹⁵ не смогут причинить ему вреда.

Умеющий хранить Одно не нуждается в гадании о выборе счастливого дня перед тем, как отправиться в путешествие за десять тысяч ли, вступить в войско или переправиться через великую реку. Переселяясь в другое место или меняя жилище, он не считается с правилами геомантии и звездного календаря и не бежит прочь от армий Полководца Великого Мрака Великого Года¹⁶. И ни порождаемый луной дух гибели и истощения, ни чувство приближающегося конца жизни не приносят им никаких несчастий и никакого зла. Мудрецы прошлого испробовали этот проверенный Путь».

Баопу-цзы сказал: «Принцип Сокровенного Одного также следует брать за образец. Нет ничего, чему оно не положило бы начало, и с Истинным Одним его благие качества одинаковы. Оно в первой главе эзотерической части названо мною Всепроникающим Сокровенным. Как раз о нем и идет здесь речь. Хранить Сокровенное Одно легче, храня Истинное Одно.

Истинное Одно имеет фамильный знак, размеры, цвет и облик. И само Сокровенное Одно взирает на него. Те, кто взыскует его день за днем и называет это „знанием белого и сохранением черного“¹⁷, и есть люди, стремящиеся избежать смерти. Прежде следует сто дней очищаться, омываться и поститься, и только после этого можно надеяться обрести его. Порой не проходило и трех-четырех дней, как обретали его. Если обрести его и хранить его, то оно более никуда не уйдет.

Хранящие Сокровенное Одно могут, сосредоточив мысль, направляя внимание на свое тело, разделяться, превращаясь одновременно в трех людей. Достигнув утроения, они вновь могут изменить свое количество вплоть до удесятерения. Похоже это на то, как если бы тело то скрывалось, то вновь являлось. Об этом есть устное наставление, и называется это путем разделения телесной формы. Цзо-цзюнь и Цзи-цзы Сюнь¹⁸ наставили в этом Гэ Сяньгуна так, что он мог одновременно пребывать в десяти местах. Когда приходили гости, он, как хозяин, одновре-

менно занимал их беседой, приветствовал вновь приходящих и, склонившись над водой, ловил рыбу. Гости же не могли распознать, который из хозяев настоящий. Учитель также говорил, что хранящий Одно совершенствуется и в изготовлении магических зеркал. Когда зеркало воспримет совершенство Дао-Пути, тогда он может удесятить свое тело. Одежда и облик — все будет одинаково».

Баопу-цзы сказал: «Учитель говорил, что желающий продлить свою жизнь должен усердно создавать великое снадобье, а желающий обрести проникновение к духам должен благодаря „золотой воде“ разделить свое тело. Когда тело разделено, тогда человек может сам зреть в своем теле три разумные души-хунь и семь животных душ-по. Он также может созерцать одновременно небесных божеств и земных духов, а духов гор и рек такой человек может вызывать и заставлять служить себе».

Баопу-цзы сказал: «О жизни можно сожалеть, а смерти можно страшиться. Так, среди стремящихся продлить жизнь, напитать природную сущность и уничтожить смерть нет никого, кто-бы, начав упорно трудиться, не достиг в конце концов совершенства в долговечности. После обретения совершенства Дао-Пути совсем не остается ничего, что нужно еще свершать, но до обретения этого совершенства нет ничего, чего не надо свершать. Добывать снадобья из трав и деревьев, с прилежанием трудиться в горах и болотах, готовить пилюли — все это требует огромных усилий. Для этого поднимаются в горы и переправляются через опасные пропасти и не предаются праздности ни днем, ни ночью. Не имеющий совершенной воли не может стать долговечным. А тем более это касается желания изготовить золотой раствор и перегнанную киноварь и подняться к небесам! Великое снадобье не может быть изготовлено только благодаря деньгам и ценностям. Нужно или трудом на полях, или работой пастуха, или торговлей накопить средства для него и многие годы самозабвенно трудиться. Только тогда можно собрать все необходимое. После того как средства будут собраны, нужно поститься и очищаться, отречься от всех людских дел, хотя все это и нелегко. Потом следует присовокупить сюда мысленное сосредоточе-

ние на духах и хранение Одного. Отвержение зла и охрана тела часто подобны действиям государя, упорядочивающего страну, или полководца, охраняющего границу и готового дать отпор врагу.

Если все это выполняется, то можно обрести благо долгой жизни. Используя разум и великую мудрость, следует пройти мимо мирских выгод и обывательских орудий и совершенствоваться в иных делах — тогда непременно будет достигнута цель. Поверхностные и заурядные люди хотя и имеют волю, направленную на добро, но все же не могут преодолеть кончину.

Известно, что тело человека уподобляют образу государства. Грудь и живот подобны дворцам и покоям, четыре конечности похожи на пограничные области. Кости и сочленения напоминают сотни чиновников, а дух соответствует государю. Кровь подобна сановникам, а пневму-ци можно сравнить с народом. Поэтому умеющий контролировать свое тело может управлять и государством. Ведь если заботиться о своем народе, то и государство умиротворяется. Если пестовать свою пневму, то и все тело тоже пестуется. Когда народ разбегается, то государство гибнет, когда пневма-ци истощается, то тело умирает. Мертвое не может жить, а погибшее не может существовать. Посему совершенный человек уничтожает беды еще до их появления и лечит недомогания, когда болезнь еще не проявилась, исцеляя ее до начала, не гонясь за ней после ее ухода. Народ трудно напитать, но легко запугать, пневму трудно очистить, но легко загрязнить. Поэтому милость-дэ и грозное величие-вэй — это то, чем защищаются родные пенаты, храмы земли и злаков, а уничтожением пристрастий и влечений укрепляются жизненная сила, кровь и пневма.

Потом Истинное Одно визуализируй в теле,

Тройку и семерку храни в теле¹⁹,

Тогда сотни бед покинут тебя

И годы жизни твоей продлятся».

Баопу-цзы сказал: «Учитель говорил, что если принимать великое снадобье золотого раствора и перегнанной киновари, то пусть и не уйдешь от мира, а сотни бедствий и наваждений не смогут приблизиться к тебе. Если при-

нимать снадобья растительного происхождения и поне­многу пилюли из восьми минералов²⁰, то это может спо­собствовать лишь обретению власти над недомоганиями и уничтожению стремлений к выгоде в жизни, но этих средств явно недостаточно, чтобы отвратить приходящую извне беду. Только хранение Одного может защитить от бесчинств демонов, нападений духов больших гор или от вторжений бесовских оборотней и сделать человека бес­страшным в этих обстоятельствах.

Следующими по действенности являются божествен­ные талисманы. Если же не зная этих двух способов, ис­кать обретения долгой жизни, то не будет ли это слишком опасным?! Когда есть четыре двери, но заперты только три из них, то разбойники легко проникнут внутрь. Так что же говорить, когда открыты все они!»

Примечания

¹ Первая часть этой фразы восходит к «Чжуан-цзы» (гл. 12) и «Канону Великого Равновесия-Благоденствия» («Тай пин цзин»), гл. «О таинственной сущности совершенномудрого государя» («Шэнь цзюнь би чжи»), а вторая — к «Хуайнань-цзы» («Об эссенции и духе», «Цзин шэнь пянь», гл. 7).

² Намек на «Дао-Дэ цзин» (39).

³ «Дао-Дэ цзин» (14).

⁴ «Дао-Дэ цзин» (21).

⁵ Пресветлый Престол (Зал Пресветлого Престола, *мин тан*) — в данном случае название одного из парафизиологических энергетических центров тела-микрокосма. Коррелирует с одноименным созвездием и сакральной палатой — моделью макрокосма древних государей (см. коммент. 23 к гл. 15).

⁶ Лазоревые холмы (*Цин цю*) — место, где живут бессмертные; другое его название — Длинный материк (*Чанчжоу*). Он находится в Южном море. Это один из десяти материков даосской космологии; покрыт лесами. На нем много волшебных трав и деревьев.

Фиолетово-пурпурный покой (*цзы фу*) — дворец на Лазоревых холмах. В «Каноне божественного и необычайного» («Шэнь и цзин») говорится: «На Лазоревых холмах находится Пурпурный дворец. Небесные совершенные — бессмертные девы во множестве совершают прогулки по нему».

«Внутренние письма Трех Императоров» — види­мо, имеется в виду один из эзотерических текстов южнокитайской даосской традиции.

Другие мифологические реалии и персоналии, связанные с путешествием Хуан-ди, комментировались выше.

7 Один из киноварных эликсиров, точный состав которого неизвестен.

8 В редакции Ван Мина вместо «Дунтин» (озеро Дунтинху в провинции Хунань) стоит «Кундун» (Пустой грот); в данном переводе предпочтение отдано ранним редакциям «Баопу-цзы».

«Канон самоестественности» («Цзы жань чжи цзин») — содержание этого текста в настоящее время неизвестно. В некоторых редакциях «Баопу-цзы» здесь говорится о «Каноне самосвершения» («Цзы чэн чжи цзин»).

9 Установить конкретный источник данного цитирования не удалось.

Здесь и ниже в метафорической и символической манере описываются парафизиологические энергетические структуры человеческого тела-микрокосма. Например, «пять стен» (или «Пятиградие» — *у чэн*) — пять основных внутренних органов (*у цзан*). Кунь-лунь — макушка головы и т. д.

10 Здесь Гэ Хун употребляет термины «сы» (думание, медитация), «цунь» (визуализация, актуализация, ментальное конструирование и проецирование вонне определенного образа) и «нянь» (памятование).

11 Девять перемен (*цзю бянь*) — выражение восходит к «Чжоуским ритуалам» («Чжоу ли») и «Канону поэзии», где означает просто множество возможных перемен и превратностей.

Двенадцать изменений (*ши эр хуа*) — скорее всего, двенадцать месяцев года.

Двадцать четыре периода жизни (*эр ши сы шэн дэн*) — видимо, двадцать четыре «малых» (сельскохозяйственных) сезона года.

12 Царственный знак (*ван сянь*) — признак счастливого дня.

Деление бирки (*фу*) было характерным для Древнего Китая ритуалом заключения договора: бирка ломалась пополам, и каждая договаривающаяся сторона брала себе свою половину. Совмещение половин (например в случае приезда посла или гонца с половинкой бирки) заменяло предъявление верительных грамот.

13 Звезда Помощи (*Фу син*) — Алькор, звезда 4-й величины, составляющая с Мицаром (звезтой Большой Медведицы, второй звездой с конца ручки ее ковша) двойную звезду — физическую пару с угловым расстоянием 11.8R.

14 «Шесть цзя» — очень распространенная магия с использованием символики циклических знаков, о которой неоднократно говорилось выше. Здесь речь идет о вызывании божеств, соответствующих шести сочетаниям циклических знаков, в комбинацию которых входит «цзя» — первый знак из «небесных пней» — десятиричного набора.

15 Пять видов оружия (*у бин*) — копье (*гэ*), пика (*шу*), рогатина или специфическое копье (*цзи*), пика-цоумоу и колющий дротик (*имоу*).

¹⁶ Великий Мрак (*Тай инь*) — воображаемая планета, приносящая бедствия, антипод Юпитера, Противояupiter.

Великий Год (*Тай суй*) — Юпитер, божество Юпитера; см. коммент. 26 к гл. 6.

¹⁷ См. «Дао-Дэ цзин» (28), где белое и черное соотносятся с мужским и женским.

¹⁸ Цзи-цзы Сюнь — даос рубежа II–III вв., современник Цзо Цы (Цзо Юань-фана).

¹⁹ Тройка и семерка (*сань ци*) — имеются в виду разумные души *хунь* и животные души *по*.

²⁰ Пилули из восьми минералов (*ба ши*) — точный состав этого эликсира неизвестен.

ГЛАВА 19

Обозрение удаленного

Некто сказал: «Отвернувшись от общения с людьми и обратившись лицом к стене ради учения, я устремился лишь к конфуцианской доктрине и изучил лишь тексты Пятиканония, труды трех историков и сочинения философов ста школ. Кроме этого, конечно, я отдал дань плывущим цветам стихов и од, а также бесполезности короткой прозы. И многие годы я истощал свою мысль ради всего этого. Но случилось так, что с самого рождения я оказался втянут в трудные обстоятельства нашего смутного времени, которые и доньше не нашли своего разрешения, а для использования щитов, копий и боевых топоров отнюдь не нужна изящная словесность, и никакой выгоды нельзя извлечь в бою из горьких раздумий и предельного напряжения мысли, из утонченных рассуждений и изысканий в области загадочного и сокрытого; все это не имеет никакой ценности и чуждо этой области жизни. Потому мои способности к сосредоточению сознания и размышлениям уменьшились в еще большей степени, и так без какой-либо пользы годы уходили за годами. Появление двух седых волосков засвидетельствовало мое вступление в возраст вечерних сумерек, и сила моей воли начала слабеть и угасать. И ныне единственным моим желанием является отказ от блужданий в неведении и возвращение на путь

жизни. Я словно попал в водоворот и не знаю, как выбраться из него; мне как будто надо перейти через большую реку, но я не знаю, где брод. Вы же, учитель, всесторонне изучили соответствующие тексты и прочли все каноны, а также проникли во все их удивительные тайны. Я ничего не знаю о даосских книгах и даже не представляю себе их объем в свитках. Не могли бы вы удовлетворить мое желание и перечислить даосские книги и другие сочинения?»

Баопу-цзы сказал: «У меня были те же самые проблемы, что и у вас. Но мне повезло раньше, и мне посчастливилось встретиться с таким мудрым учителем, как господин Чжэн. Он как раз переживал, что у него нет достаточно мудрых учеников, чтобы постичь наиболее глубокие и возвышенные доктрины его учения. В то время мне было дозволено лишь мыть и подметать жилище моего учителя, но я уже скорбел, что мой талант мелок, а мои знания ничтожны, что я молод и неразумен, а мои мысли неспособны к сосредоточению, что я все еще не порвал с мирскими чувствами по своей глупости и по большей части не могу уразуметь того, чему меня учат, — все это в огромной степени огорчало меня. Господину Чжэну же в ту пору было восемьдесят лет. Его волосы к тому времени были седые, но потом вновь почернели, цвет его лица вновь стал живым и ярким, и он в своем возрасте мог натянуть тяжелый лук и пустить из него стрелу на сто шагов; он мог проходить в день по несколько сотен ли, а также выпить два доу вина и не опьянеть. Когда он поднимался в горы, то всегда обнаруживал телесную силу, легкость и выносливость. Он поднимался на такие высоты и спускался в такие пропасти, которые заставили бы и более молодых людей отступить; очень немногие могли соревноваться с ним. Ел же и пил он точно так же, как и обычные люди; я никогда не замечал, чтобы он постился, отказываясь от злаков.

Однажды я спросил о причинах такого питания учителя его давнего ученика Хуан Чжана, и он рассказал, что однажды, когда господин Чжэн возвращался из Юйчжана, где рыли канал, начался сильный ветер. Тогда также рас-

пространились слухи о разбойниках, бесчинствовавших в тех местах. Сопровождавшие господина Чжэна люди волновались и наконец уговорили его присоединиться к большой группе путников. Поскольку все в этой группе беспокоились из-за того, что у них мало еды, господин Чжэн отказался от риса ради блага других людей и в течение пятидесяти дней вообще ничего не ел, не испытывая при этом никакого голода. И если бы Чжан сам не был свидетелем поступка учителя, он так бы никогда и не узнал, что тот способен на такое. Господин Чжэн мог писать мелкие знаки при свечах лучше, чем молодые люди. У него был прекрасный музыкальный слух, и он превосходно играл на цитре. Бывало, что он отдыхал, играя на цитре, а несколько людей, сидевших возле него, спрашивали его о разных делах, он отвечал им, не отрываясь от инструмента. Одновременно его уши чутко внимали звучанию струн других музыкантов, игравших рядом с ним, определяя их достоинства и недостатки; при этом его внимание и на мгновение не ослабевало. Я поздно стал учеником, служащим в доме господина Чжэна, и когда я спросил его показать мне книги с описанием различных магических методов, господин Чжэн так ответил мне: „Не нужно читать много даосских книг, ибо даже одного свитка шелка длиной в чи может оказаться достаточно, чтобы овладеть насущным Дао-Путем и спастись от мирского. Но тем не менее лучше быть широко начитанным, нежели не читать книг вообще. Если разум и воля человека только пробуждены знанием, лучше начать с простых и мелких искусств, дабы защитить от беды еще не сформировавшийся ум новичка-ученика“.

Затем он начал учить меня второстепенным даосским текстам, содержащим наставления относительно соблюдения обетов и следования заповедям. Всего это составило приблизительно сто свитков; большинство из этих текстов мне уже ранее попадалось. Но и относительно того, что мне уже попадалось, у меня появлялись сомнения, по поводу которых я задавал вопросы своему учителю. Господин Чжэн тогда говорил мне: „У вас, сударь, есть талант к пониманию этих дел, и вас можно учить, но хотя вы,

сударь, и знаете много, ваши знания еще не касаются предметов утонченных и ваша воля еще направлена на изучение внешнего, вы не можете сосредоточить ее на одном-единственном; вы еще не проникли вглубь и не ушли далеко, а поэтому нам надо познакомить друг друга с лучшими сочинениями“.

Он также позволил мне постепенно начать собирать даосские сочинения, написанные на шелке, и за многие годы я собрал у себя сочинения, совокупный объем которых составил более двухсот свитков, однако я отнюдь не исчерпал всех текстов. Другие ученики служили учителю таким трудом, как сбор хвороста и обработка полей, но я был слаб и хил и не мог обременять себя таким трудом. Поэтому, чтобы не быть бесполезным, я подметал полы, прибирал постели, убирал со столов, растирал тушь и следил за светильниками, а также переписывал для господина Чжэна даосские тексты на шелке, вот и все.

Тогда я заметил однажды, что учитель обращается со мной как с одним из старших учеников, пришедших прежде меня. Он сказал мне: „Хотя во всем множестве свитков даосских сочинений непременно найдется что-нибудь хорошее, следует распознавать, что в них тонко, а что грубо, и отбирать только то, что достойно практики. Вам не надо читать и заучивать все подряд, обременяя свой ум в течение многих дней и месяцев. Ведь когда достигнут успех в одном только деле изготовления золотого эликсира и перебранной киновари, то все остальное становится совершенно бесполезным. Конечно, в процессе передачи знаний при обучении, когда необходимо постичь начала и концы, иногда приходится начинать с мелкого, чтобы воодушевить новичков-учеников, но этот метод постепенного обучения не всегда одобряется мной“.

Господин Чжэн также был не склонен позволять ученикам сразу же начинать переписывать его собственные сочинения, и им приходилось отбрасывать подобные намерения. Бывало, они в течение длительного времени брали читать эти сочинения, но никто не осмеливался тайком переписать даже один иероглиф из них. Первоначально господин Чжэн был знающим конфуцианцем, это

впоследствии полюбил он Дао-Путь, и поэтому учитель не переставал наставлять своих учеников в доктринах „Записей о ритуале“ и „Книги истории“. Его внешность была внушительной и величественной, а манеры поведения достойными и благородными. Всякий, увидавший его, сразу же проникался к нему глубоким уважением. Если кто-то собирался задавать ему вопросы, надо было подождать, когда его лицо станет теплым и приветливым; никто не смел легкомысленно и несерьезно относиться к этому.

Обычно я брал к себе книги на месяц: как правило, этого было достаточно, чтобы переписать их. Я никогда не смел переписывать их тайком, поскольку если бы господин Чжэн узнал об этом, то я потерял бы его благорасположение и лишился бы великого ради приобретения малого. И только в самом начале моих устремлений к получению его наставлений я осмелился (чего больше не осмеливался никогда), выбрав подходящий момент, попросить его об этом. В результате я узнал, как можно выпить всю реку и не наполнить желудок. Но из всех его учеников, которых было более пятидесяти человек, только мне одному было позволено читать канонические книги по искусству золота и киновари, „Внутренние письма Трех Августейших“ и „Записи о пяти первоэлементах, извлеченные из изголовья“. А другим ученикам он не разрешал и одним глазом заглянуть даже в заглавия этих книг. Что касается прочих книг, то хотя мне и не удалось приобрести их все, однако я переписал целиком их названия и сейчас сообщу их вам, дабы любители книг из грядущих поколений имели возможность расширить этот список.

Среди этих даосских текстов были такие: „Внутренние письма Трех Августейших, выражающие суть Неба, Земли и Человека“ (три свитка); „Изначальные письма“ (части первая, вторая и третья; всего три свитка); „Канон завершенного в Хаосе“ (два свитка); „Записи о Сокровенном“ (два свитка); „Канон девяти рождений“ и „Канон двадцати четырех рождений“; „Канон девяти бессмертных“; „Канон бессмертных о духовном гадании“; „Канон двенадцати трансформаций“, „Канон девяти превращений“; „Истинный

канон нефритового календаря Государя Лао“; „Записи Мо-
цзы о пяти первоэлементах, извлеченные из изголовья“
(пять свитков); „Канон теплой драгоценности“; „Канон упо-
коения народа“; „Канон самоестественности“; „Канон сил
инь—ян“; „Книга пестования жизни“ (сто пять свитков);
„Канон Великого Равновесия-Благоденствия“ (пятьдесят
свитков); „Канон девяти почитаний“; „Канон циклических
знаков цзя-и“ (сто семьдесят свитков); „Канон сине-зелено-
го дракона“; „Канон срединной желтизны“; „Канон Великой
Чистоты“; „Канон проникновения в светозарность“; „Канон
точечного массажа“; „Канон гимнастики дао инь“ (десять
свитков); „Канон Мудреца Изначального Ян“; „Канон Со-
кровенной Девы“; „Канон Чистой Девы“; „Канон Чжан
Сюя“; „Канон Мудреца Небесных Врат“; „Канон Жун-чэ-
на“; „Канон вхождения в горы“; „Канон внутренней драго-
ценности“; „Канон четырех угольников“; „Канон ясных зер-
кал“; „Канон зеркал, собирающих солнце и луну“; „Канон
пяти слов“; „Канон из столпа“; „Канон сердца августейше-
го царевича Духовной Драгоценности“; „Канон драконовых
стоп“; „Канон истинной пружины“; „Канон уравновешен-
ности“; „Канон взлета летучей черепахи“; „Канон стоп оле-
ня“; „Записи приплясывающего тела“; „Схема сохранения
тела“; „Схема сидения в невидимости“; „Схема созерцания
и гимнастических занятий лежа“; „Схема вбирания светов“;
„Схема созерцания Неба“; „Схема древесных грибов-чжи“;
„Схема грибов-чжи“; „Схема плотяных грибов-чжи“; „Схе-
ма каменных грибов-чжи“; „Схема разнообразных грибов-
чжи великой животной души-по“; „Канон пяти горных вер-
шин“ (пять свитков); „Записи отшельнического блюдения“;
„Схема восточного колодца“; „Канон Пустого Изначально-
го“; „Срединный канон ведомого на привязи буйвола“; „За-
писи о царственном восполнении“; „Записи о совершенном
проведении праздничных дней-ла“; „Записи о шести уми-
ротворениях“; „Записи журавлиного крика“; „Записи о
Пинду“; „Записи о сосредоточении сердца“; „Канон черепа-
ховых писем“; „Записи о Шаньяне“; „Записи нефритовых
планов“; „Схема восьми историй“; „Канон вхождения в па-
латы“; „О воссоединении левого и правого“; „Канон нефри-
тового календаря“; „О восхождении к небесным рядам“;

„Канон девяти чудес“; „Канон повторного обретения жизни“; „Канон четырех поясов“ (десять свитков); „Канон вкушения эссенций солнца и луны“; „Канон вкушения шести пневм“; „Единый канон киноварного эликсира“; „Канон зародышевого дыхания“; „Канон регуляции пневмы для лечения болезней“; „Срединный канон превосходства“ (десять свитков); „Канон ста видов сохранения, охватывания и возношения“; „Канон чайника с киноварным эликсиром“; „Канон горы Миньшань“; „Внутренний канон Вэй Бо-яна“; „Канон кухни вкушения солнца и луны“; „Канон шести записей хождения по трем звездам Большой Медведицы“; „Канон вступления в войско“; „Канон нефритовой девы шести сил инь“; „Канон насущного, использовавшийся четырьмя государями“; „Канон золотого дикого гуся“; „Канон тридцати шести видов вод“; „Канон семи превращений белого тигра“; „Канон бессмертных, описывающий земли, пригодные для даосской практики“; „Канон важнейших сведений о желтом и белом“ (пять свитков); „Канон превращений и трансформаций Белого Мудреца“; „Канон избавления от стихийных бедствий“; „Канон преодоления несчастий“; „Канон ученых мужей“; „Канон Цзюань-цзы о Небе, Земле и Человеке“; „Канон Цуй Вэнь-цзы о болезнях суставов“; „Канон методов гадания и вызывания божественного света“; „Канон водяных бессмертных“ („Канон нарцисса“); „Канон освобождения от трупа“; „Канон укрывания в середине“; „Канон о том, как Государь Ли объемлет Небо“; „Канон, объемлющий Первоначало“; „Канон желтого двора“; „Канон субстанции пучины“; „Канон Великой Простоты“; „Канон цветочного зонта“; „Канон самоприходящей кухни“; „Тонкие речи“ (три свитка); „Канон внутреннего видения“; „Канон Господина Начала Письмен“; „Канон продолжения жизни и вместилища календаря“; „Записки из южного портала“; „Записки Се Лун-цзы“ (семь свитков); „Девять дворцов“ (пять свитков); „Срединный канон тройной пятерки“; „Канон провозглашенного постоянства“; „Канон постепенного освобождения“; „Канон Цзоу Ян-цзы“; „Канон сокровенного вместилища“ (десять свитков); „Канон, показывающий Сокровенное“ (десять свитков); „Канон горы Цзишинь“ (десять свитков); „Канон платформы для

олений"; „Канон малолетнего отрока“; „Эзотерические записки о схеме из реки Хуанхэ и плане из реки Лошуй“ (семь свитков); „Канон вознесения плоти и обретения совершенства в Дао-Пути“ (пять свитков); „Канон пружины Дао-Пути“ (пять свитков); „Записки о встречах с демонами“; „Канон Беспредельного“; „Канон господина Гуна“; „Канон нефритового зародыша истинного человека“; „Канон корня Дао-Пути“; „Схема периодов судьбы“; „Канон о возвращении в утробное состояние зародыша“; „Чистые записки из изголовья“; „Канон иллюзорных превращений“; „Канон вопрошания о превращениях“; „Канон горы Золотых Цветов — Цзиньхуашань“; „Канон уловления силками феникса“; „Канон призывания жизни“; „Записки об охраняющем божестве“; „Канон из Долины Демонов“; „Записки Линсяо-цзы об умиротворении духа“; „Записки Мудреца, Идущего к Холму, и Господина с Желтой горы“; „Канон важнейших сведений о пяти первоэлементах, составленный бессмертным царевичем Цзы-цяо“; „Канон малых облаток“; „Канон лебединой драгоценности“; „Канон продления жизни господина Цзоу“; „Записки об умиротворении разумных душ-хунь“; „Канон Августейшего Дао-Пути“; „Канон девяти сил инь“; „Записи из смеси разнообразных книг“; „Записки из серебряного короба и нефритового ларца“; „Канон золотой доски“; „Записи о бессмертных Хуан-ди и Лао-цзы“; „Канон из Юаньду“; „Канон Сокровенного Первоначала“; „Канон эссенции солнца“; „Канон свершившегося в Хаосе“; „Свод сведений о «трех трупах»“; „Канон лечения всех болезней через призывание духов, живущих в теле“; „Канон исправления вредоносного воздействия нечисти: горных демонов и старых бесов“ (три свитка); „Записки о попадании в тело яда пяти видов ядовитых тварей“ (три свитка); „Канон прекращения использования зерновых“ (три свитка); „Тайный способ собирания божественного снадобья для лечения“ (три свитка); „Способы отдания приказов духам земли, способствующим восхождению на славные горы и переправе через реки и моря“ (три свитка); „Насущные сведения из мешка Чжао Тай-бо“ (пять свитков); „Великие запретительные заклатья для ввода теплой пневмы при эпидемиях“ (семь свитков); „За-

писки об управлении всеми демонами и вызывании духов пяти вершин, служащих владыке горы Тайшань“ (три свитка); „Способ обретения счастья обитателя дворцовых палат и чиновничьих покоев“ (пять свитков); „Записки о том, как отразить нападения тигров и волков, применяя запретительные заклинания, воздействующие на горные леса“; „Записки о том, как созвать змей и других гадов с расстояния в сто ли“; „Мириады исчерпывающих способов Учителя с Высокого Холма“ (три свитка); „Канон Ван Цяо о пестовании природной сущности и лечении болезней тела“ (три свитка); „Канон приема внутрь текстов запретительных заклинаний“; „Канон подсчетов установления заслуг и обретенной пользы“; „Правила подсчетов, совершаемых мужами Дао-Пути“ (три свитка); „Записки И Мэнь-цзы“; „Способы применения оружия демонов“; „Искусство видимости и невидимости“; „Записки о телесной тренировке“ (пять свитков); „Важнейшие наставления о Дао-Пути господина Це“; „Собрание сочинений о продлении жизни учителя Цзюэ Ли“; „Суждения Младшего Господина о смысле Дао-Пути“ (десять свитков); „Письмена на стенах из квасцов и голубого известняка“ (три свитка); „Канон созерцательно-сосредоточенной одухотворенности“ (три свитка); „Канон головы дракона“; „Канон гор Цзиншань“; „Пучины мудрости бессмертного Кун Аня и великое обозрение Мудреца Красной Секиры“ (семь свитков); „Записки о наиболее важных способах предотвращения старения земного бессмертного господина Дуна“; „Устные наставления учителя Ли о болезнях суставов“ (два свитка).

В тех случаях, когда число свитков не указано, объем сочинения ограничивается одним свитком¹.

Далее следует перечисление описания амулетов, которые таковы: „Самоприходящий амулет“; „Амулет золотого блеска“; „Амулет Великого Сокровенного“ (три свитка); „Амулет проникновения в Небесное“; „Амулет пяти эссенций“; „Амулет каменных палат“; „Амулет нефритового плана“; „Амулет, извлеченный из изголовья“; „Амулет малолетнего отрока“; „Амулет девяти одухотворенностей“; „Амулет шести государей“; „Амулет Города Мрака“; „Амулет Хуан-ди“; „Малый амулет тысячи трехсот шестидесяти

военачальников“; „Божественный амулет продления жизни“; „Божественный амулет небесных вод“; „Сорок девять истинных амулетов“; „Амулет небесных вод“; „Амулет си-не-зеленого дракона“; „Амулет белого тигра“; „Амулет красной птицы“; „Амулет Сокровенного Воина“; „Амулет киноварно-красного зародыша“; „Амулет семи пружин“; „Амулет оружия, явленного девятью Небесами“; „Амулет девяти Небес“; „Старый амулет канонов“; „Семь амулетов“; „Амулет, отражающий опасности“; „Амулет Сюань-цзы“; „Три мешка, защищающих от оружия амулетов дракона и тигра, переданных Сыновнепочтительным императором У-ди госпоже Ласточке“; „Амулет, объемлющий Первоначало“; „Амулет юевых лаптей“; „Амулет, уничтожающий стихийные бедствия“; „Амулет восьми триграмм“; „Амулет надзирания над триграммой «Небо»“; „Амулет грома и молнии“; „Амулет мириад завершений“; „Амулет восьми могуществ и пяти превосходств“; „Амулет могущества и радости“; „Амулет огромного превосходства“; „Амулет собирания женского начала“; „Амулет сокровенной эссенции“; „Амулет нефритового календаря“; „Амулет северной террасы“; „Амулет великого подавления сил инь—ян“; „Амулет из изголовья“; „Амулет лечения множества болезней“ (десять свитков); „Амулет, насыщающий диковинных существ“ (десять свитков); „Амулет господина Ху“ (двадцать свитков); „Амулет девяти террас“ (девять свитков); „Амулет шести знаков «цзя», проникающий в одухотворенное“ (десять свитков); „Предотвращающие конец амулеты шести сил инь самоприходящей кухни драконова зародыша из каменных покоев, связанные с тройкой первоэлемента «металл» и пятеркой первоэлемента «дерево» (всего в совокупности пятьсот свитков); „Амулет, вызывающий помощь при военных невзгодах и пожарах“; „Амулет нефритовой секиры“ (десять свитков)².

Все это — великие амулеты. Что же касается малых и ничтожных, которые есть помимо них, то эти амулеты просто невозможно перечислить».

Баопу-цзы сказал: «Господин Чжэн говорил, что амулеты берут свое начало от самого Государя Лао, Лао-цзюня, и они представляют собой небесные письма — со-

звездия. Государь Лао мог проникнуть в божественный разум, а амулеты — это то, что божественный разум передает нам. Ныне у людей мало опыта в их использовании, и за длительное время передачи в их написание вкралось много ошибок. Если вера сердца не всецелостна, то и применение амулетов не принесет никакой пользы. Если же просто списать их начертание с книги, то они не только не принесут никакой пользы, но могут причинить и вред. По книгам люди, конечно, знают амулеты, но при их написании они делают много ошибок. Поэтому поговорка и гласит: „Напишешь всего три неправильные черты, и иероглиф «рыба» превратится в иероглиф, обозначающий царство Лу, а иероглиф «пустота» превратится в иероглиф «тигр». Вот в чем суть. А иероглиф «семь» отличается от иероглифа «муж» только тем, что у этих двух знаков разный размер промежутка в элементе «крюк», и все“. Ныне мы не в состоянии прочесть иероглифы, вписанные в амулет, а потому не можем осознать, где появилась ошибка. Вот никто и не поймет, что амулет не получился. В мире есть люди, которые, обретя суть этого искусства, умеют применять амулеты, но только в их исполнении они будут действенны. Это вроде того, как человек, ощущающий запах мускуса, может наслаждаться его ароматом, но не в силах передать свое ощущение другим людям. И все-таки нам следует непременно стремиться получить амулеты, написанные без ошибок, и потом с праведным сердцем использовать их. Правда, и в таком случае действенность наших амулетов не сравнится с действенностью амулетов, написанных людьми, обладающими пониманием истинной сути этого искусства, поскольку амулеты у них уже сами по себе наделены благотворными качествами. Если даос взывает долгой жизни и вся его воля направлена на изготовление снадобий, применение им меча, изготовленного из амулетов, способно отсечь демонические влияния и бесовские козни. Иногда говорят, что все великие амулеты могут использоваться для обретения состояния бессмертного, но исключительно на них в этом деле полагаться ни в коем случае нельзя. В свое время в царстве У жил некий человек по имени Цзе Сян, который умел читать письмена,

записанные в амулетах, и всегда знал, есть ли в амулетах ошибки или же нет. И когда однажды какой-то человек решил проверить у Цзе Сяна правильность написания амулетов для излечения множества болезней и амулетов, изгоняющих нечистую силу, и показал ему их начертания, то Цзе Сян перечислил все их названия, проверил их один за другим и, если в амулете были ошибки, исправил их для того человека. Но с того времени больше не появилось ни одного человека, который обладал такими же знаниями».

Некто спросил: «Среди великих снадобий бессмертия нет ни одного, превосходящего золото и киноварь. Ныне же, слушая ваши рассуждения о судьбе, я хотел бы осмелиться спросить вас о том, какие из амулетов и даосских текстов в наибольшей степени наделены божественными свойствами».

Баопу-цзы сказал: «Я слышал, как господин Чжэн говорил, что из даосских книг нет более важных, чем „Внутренние письма Трех Августейших“ и „Схема истинного облика пяти пиков“. Древние бессмертные, имеющие небесный чин, и совершеннейшие люди больше всего почитали и считали тайным путь этих книг, и нельзя назвать ни одного бессмертного, не получившего их. Получившие их передавали эти тексты только через сорок лет одному человеку, который скреплял обещание хранить тайну жертвенной кровью и подкреплял договор подношением дара. Эти тексты имеются на каждой славной горе из числа пяти пиков, но они сокрыты в глубине пещер каменных покоев. Даосы, которым предназначено обрести их, входят в горы, пребывая в состоянии созерцательного сосредоточения мысли, и тогда горные божества открывают для них тайны горы, и даосы получают возможность найти те книги.

В свое время Бо Чжун-ли³ обрел эти тексты в горах. Затем он сразу же воздвиг алтарь и совершил подношение шелком, сделал с найденных текстов одну копию и тогда ушел. Для хранения подобных книг надо приготовить чистое место. Если человек собирается что-то делать с ними, то следует заранее сообщить им об этом с той

же почтительностью, как при обращении к отцу или государю.

В их каноне говорится, что если в доме есть текст „Письмен Трех Августейших“, то никакая нечисть не посмеет угрожать этому дому. Он также будет защищен от злых бесов, мора, распространяющегося в жару, и всяческих приходящих бед и невзгод. Если больной, лежащий при смерти, всем сердцем своим безгранично уверует в Дао-Путь и возьмет в руки эти книги, то он ни за что не умрет. Если женщина, мучительно рожаящая и находящаяся на грани испускания духа, возьмет в руки эти тексты, то она немедленно благополучно разрешится от бремени сыном. Если взыскующий продления жизни даос войдет в горы, держа в руках эти тексты, то к нему не осмелятся приблизиться ни тигры и волки, ни горные оборотни и пять ядовитых тварей⁴, ни всевозможная нечисть. Тогда можно будет благополучно переправляться через реки и моря, будучи защищенным от драконов и гадов и обладая способностью умирять ветер и волнение вод.

Обретя этот способ, можно начинать любое предприятие, не заботясь о выборе места или счастливого дня, семья же такого человека будет полностью избавлена от бед и забот. Если вы хотите построить новый дом или сделать гробницу, то приготовьте несколько десятков копий текста „Письмена земного Августейшего“ и разложите их на земле в выбранном месте. Если на следующий день посмотреть на них, то окажется, что они пожелтели. В таком случае над ними можно начинать работу, и семья непременно будет счастливой и процветающей. Если хоронят кого-либо, то перепишите „Августейшие человеческие письма“, сложите бумагу несколько раз, впишите в нее ваши собственные фамилию и имя и украдкой положите ее в ту могилу так, чтобы другие люди ничего не знали об этом. Тогда вам не будут угрожать никакие внезапные беды и горести и никакие воры и разбойники не причинят вам никакого вреда. Если же кто-нибудь будет злоумышлять против вас, то задуманное им зло обернется против него самого. Но следует знать, что прежде, чем переписы-

вать этот текст, надо сто дней поститься и совершать омошения; только тогда можно будет призвать небесных божеств и Повелителя Судеб. Если, соблюдая эти условия, вы пойдете в дни Великого Года на один из пяти священных пиков или к одному из четырех потоков⁵, то все божества общинных алтарей и храмов появятся перед вами в человеческом облике и вы сможете задать им вопросы об ожидающих вас счастье и горе, мире и опасностях, а также о том, что хорошо, а что плохо для лечения ваших недугов. Если написать особые восемнадцать иероглифов и скрыть их под одеждой, то можно будет совершенно перестать думать о ветре и волнах при путешествиях по рекам и морям. Если в доме есть „Схема истинного облика пяти пиков“, то можно не бояться никаких опасностей, связанных с применением оружия, и других бедствий. Если же кто-нибудь задумает причинить зло такой семье, то оно непременно обратится против самого злоумышленника. Но если получивший эти тексты даос не сможет действовать только в соответствии со стремлением к гуманности, справедливости и милосердию и не будет усерден и праведен, то несчастья могут обрушиться на его семью и уничтожить ее. Поэтому к этим книгам нельзя относиться легкомысленно.

Что касается искусства различных превращений и трансформаций, то среди текстов, повествующих о нем, нет большего, чем „Записки Мо-цзы о пяти первоэлементах“, которые насчитывают пять свитков. Некогда государь Лю Ань⁶, пока он еще не стал бессмертным и не ушел из мира, выбрал из этого текста самое важное, что составило один свиток. Его способ заключается в том, что если использовать снадобья и амулеты, то появятся способности летать повсюду вверх и вниз, скрываться и становиться невидимым, сколько захочется, и менять свой облик: улыбнешься — и станешь дамой; нахмуришься — и станешь старцем; пригнешься к земле — и станешь маленьким мальчиком; возьмешься за посох — и станешь лесным деревом. Стоит человеку, овладевшему этим искусством, бросить в землю семена, как сразу же появятся тыквы или плоды, пригодные для употребления в пищу. Он начертит линию на зем-

ле — и она превратится в реку, насыплет кучку земли — и она превратится в холм. Он сядет — и к нему тотчас явится самоходная кухня; он может возноситься к облакам и взлетать с языками пламени, — нет ничего, чего бы он не мог сделать.

Следующим по значению является текст „Тончайшее сокрытие Нефритовой Девы“ в одном свитке. Он посвящен искусству превращения в летающих птиц и бродячих животных, а также в металлы, деревья, нефрит и камни. Человек, овладевший этим искусством, может взмыть к облакам и вызвать дождь, который омоет сто квадратных ли; может он вызывать также и снег. Он наделен способностью без лодки или корабля переправляться через великие воды, он может разделять свое тело и превращаться в тысячу людей. Он может взлетать ввысь с ветром, становится невидимым, а потом видимым неограниченное число раз, он может выдыхать семицветную пневму, сидя на одном месте, созерцать все восемь пределов⁷ и вещи, находящиеся под землей. Он также способен испускать сияние, распространяющееся на десять тысяч чжанов, и освещать своим светом темное помещение. Это поистине великое искусство! Я лишь вкратце упомянул здесь несколько десятков разделов, посвященных тайнам составления астрологических гороскопов, которые так трудно постигнуть. Даже „Исчерпывающий мириады тайн трактат лебединой драгоценности из Хуайнани“⁸ не может сравниться с этой книгой.

Существует также „Способ семи превращений белого тигра“: надо взять „голову и шкуру белого тигра“, убитого в третий день третьего месяца, „кровь живого верблюда“, „кровь тигра“⁹, морскую траву „пурпурная нить“, растение „обувная тесьма“, плавающую ряску и посадить все это в третий день третьего месяца. Вначале прорастет трава, по виду напоминающая сезам. У нее будет семя; возьмите это семя и посадите его в землю, — то, что взойдет, будет иметь необыкновенные свойства. Посадите семена всех семи растений и потом используйте одновременно их семена — тогда вы сможете трансформировать свое тело и менять свой облик, взмывать вверх или погружаться в глубь вод, как

это вам будет угодно. По своему содержанию „Мо-цзы“ и „Тончайшее сокрытие Нефритовой Девы“ приблизительно одинаковы, и больше к сказанному выше я ничего прибавить не могу.

В этой главе „Обозрение удаленного“ я хотел всем, любящим Дао-Путь, дать каталог книг, повествующих о чудесном. Господин Чжэн не только постиг учение Пятиканония конфуцианцев и знал не только Путь бессмертных. Он также обладал глубокими познаниями в области науки о девяти дворцах, трех видах шашек¹⁰, искусстве небесных писем — созвездий и в гадательных оккультных текстах о Плане из реки Хуанхэ и Письменах из реки Лошуй. Более того, никто не мог превзойти его в глубоком проникновении в тончайшую суть этих наук. В первый год под девизом правления „Великий мир“, как вы знаете, началась смута нашей эпохи, и вся Цзяннань, земли к югу от Янцзы, закипела, словно котел с кипятком¹¹. Тогда он, забрав короба со снадобьями бессмертных, ушел на восток, к горе Хошань, взяв с собой наиболее близких к нему учеников. И ныне никто не знает, где он находится».

Примечания

¹ Уже названия книг из библиотеки учителя Гэ Хуна вполне характеризуют их содержание. Совершенно очевидно, что их тематика полностью совпадает с тематикой «Баопу-цзы» и охватывает такие аспекты, как алхимия, магия, медицина, сексуальные, гимнастические, дыхательные и иные методы даосской практики, методы беспрепятственного ухода в горы для уединения и т. п.

Обращает на себя внимание присутствие в каталоге Гэ Хуна такого текста, как «Тай пин цзин» («Канон Великого Равновесия-Благоденствия»). На рубеже III–IV вв. этот «Канон», окончательно сформировавшийся к VI в., уже насчитывал 50 цзюаней («свитков»). Характерно упоминание текста, связанного с именем Вэй Бо-яна, даоса конца Хань, который считается автором важнейшего сочинения по методологии алхимии — «Трактата о единении триады» («Цань тун ши»), практически не цитирующегося в текстах до X в., что дало повод предполагать его неаутентичность. Любопытно упоминание «Канона Господина Начала Писем» (*вэнь ши*): это обычный титул легендарного Стража Границы и первоученика Лао-цзы Инь Си (Гуань Инь-цзы; см. коммент. 2 к гл. 4). Возможно, что на-

зываемый Гэ Хуном текст является историческим предшественником ныне существующего текста «Гуань Инь-цзы», созданного не ранее конца VIII в. (скорее — позднее). Показательно упоминание имени Кун Аня — конфуцианского каноноведа рубежа н. э. и потомка Конфуция Кун Ань-го, которому приписывались даосские увлечения, занятия алхимией и даже обретение бессмертия.

Каталог Гэ Хуна имеет огромную ценность, поскольку подавляющее количество перечисленных в нем текстов были утрачены еще в древности и мы можем судить о даосской литературе раннего Средневековья только по относительно небольшому числу сохранившихся памятников. Кроме того, составив данный каталог, Гэ Хун как бы положил начало процессу собирания даосских текстов, приведшему к появлению в V в. благодаря трудам линбаоского даоса Лу Сю-цзина «Сокровищницы Дао», даосского канона («Дао цзана»), уникального свода всех даосских и околодаосских текстов.

Вместе с тем перечень Гэ Хуна включает в себя по преимуществу тексты южной оккультной традиции «письмен Трех Августейших» (*сань хуан вэнь*) и практически игнорирует литературу других формирующихся направлений даосизма. Так, в нем полностью отсутствуют тексты традиции «Небесных Наставников» (*тянь ши дао*), впоследствии образовавшие четвертое, общее для всех основных разделов, приложение к «Дао цзану» («Чжэн и бу» — «Раздел истинного единства»; название *чжэн* и становится позднее официальным обозначением этой традиции). И все-таки ценность каталогизаторской работы Гэ Хуна как свода сведений о даосских письменных памятниках раннего Средневековья трудно преувеличить; велика ее роль и в истории формирования даосской литературы как таковой.

2 О сущности и функциях даосских амулетов в «Баопу-цзы» говорится много. Подробнее всего они рассматриваются в гл. 17 трактата Гэ Хуна. Из других текстов конца древности и раннего Средневековья большое внимание амулетам уделяет «Канон Великого Равновесия-Благоденствия» («Тай пин цзин»). Процветала вера в амулеты также и в более поздних маошаньской и линбаоской традициях, но особое значение этой форме даосского экзорцизма стали уделять «Небесные Наставники».

3 Бо Чжун-ли (Бо Хэ) — о нем см. коммент. 18 к гл. 14.

4 Пять ядовитых тварей (*у ду*) — змеи, скорпионы, ящерицы, пауки и многоножки.

5 Дни Великого Года — имеются в виду дни, находящиеся под эгидой планеты Юпитер.

Пять священных пиков — горы, соотносящиеся со сторонами света (опоры мироздания), на которых в древности государи совершали жертвоприношения *фэн* и *шань*, и ставшие позднее центрами даосского отшельничества, — Тайшань, Хуашань, Хэшань, Хэншань и Хошань.

Четыре потока — видимо, реки Хуанхэ, Янцзы, Вэйхэ и Хуайхэ.

6 Лю Ань — хуайнаньский удельный царь (II в. до н.э.), инициировавший написание даосского компендиума «Хуайнань-цзы» и, возможно, участвовавший в нем лично. Покончил жизнь самоубийством после раскрытия заговора с целью узурпации императорской власти. Даосы считали версию о заговоре клеветой и утверждали, что Лю Ань стал бессмертным. О нем много говорилось и выше.

7 Восемь пределов (*ба цзи*) — то есть весь мир (четыре основные и четыре промежуточные стороны света).

8 Это сочинение по алхимии и магии превращений («Хуайнань хун бао вань би») приписывается хуайнаньскому Лю Ань (в одной цзюани), но было утрачено после VI–VII вв. (последнее упоминание в «Истории династии Суй», «Суй шу»).

9 Под «шкурой» и «кровью» здесь имеются в виду растения, определить их не удалось; «убитый» — здесь: видимо, «собранный».

10 Девять дворцов (*цзю гун*) — девять делений небесной сферы: восемь пунктов горизонта и центр.

Вместо «трех шашек» (*сань цзи*) некоторые редакции текста дают «три удивительных» (*сань цзи*), то есть дух (*иэнь*), пневма (*ци*) и сперматическая эссенция (*цзин*).

11 В первый год под девизом правления «Великий мир» (*тай ань*) (302 г.) цзиньского императора Хуэй-ди (290–306 гг.) началась длительная полоса смут и междоусобиц (например мятеж восьми удельных царей, *ба ван чжи луань*), приведших к бунту вассальных племен гуннов (сюнну), захвату ими и другими кочевниками столицы империи Чанъань и всего Северного Китая и бегству двора на юг, в Цзяннань (316–317 гг.), где была создана империя Восточная Цзинь (до 420 г.).

Если в сочетании *цзи ши* («наша эпоха») иероглиф «цзи» заменить на сходный знак «ли», то получится: «смута Ли Ши». В таком случае можно предположить, что здесь речь идет также об имевшем место в 302 г. на юге восстании Чжан Чана (он же Ли Чэнь и Ли Чан).

ГЛАВА 20

Отсечение сомнений

Баопу-цзы сказал: «Если искать сияющую жемчужину, то надо знать, что нигде, кроме пучин у Хэпу¹, нельзя найти рассеивающую ночной мрак драконо-ву черную жемчужину². Если искать прекрасный нефрит, то надо знать, что нигде, кроме кряжей гор Цзиншань³, нельзя найти черную регалию стоимостью в десятки горо-

дов⁴. Точно так же, если вы спрашиваете о подлинном учителе Дао-Пути, но не можете найти такого человека, то и прекращая временами его поиски, вы все-таки не утратите надежду найти его. Но если вы укрепитесь в бездействии, то уже никогда не достигнете успеха в этом деле и все ваши труды окажутся пустыми и бесплодными, а силы — растраченными впустую. И тогда, даже если вы будете горько раскаиваться в вашем бездействии, вам все равно не наверстать упущенного. Ведь даже мелкие мирские дела нельзя познать, сидя сложа руки, так что уж говорить о делах святых-бессмертных! Сколь бы совершенным в своей мудрости и просветленности ни был человек, ему не достичь познания дел святых-бессмертных ни долгой тренировкой ума, ни при помощи чувственного восприятия, если он только не будет просвещен изнутри. Истинный учитель настолько глубоко и широко образован, что беседа с ним покажется вам путешествием по необъятному морю за глотком воды или вхождением в дебри Чанчжоу⁵, чтобы срубить дерево. И вам останется беспокоиться только о том, что ваших сил может не хватить, а не о том, что воды или деревьев будет недостаточно, не так ли? Из-за остатков от пиршества тигра или леопарда дерутся потом барсуки и крысы, а Тао Чжу выбрасывает с легкостью то, чего никогда не имели Юань Сянь и Янь Хуэй⁶.

Если человек, у которого вы учитесь, не наделен обширными познаниями, глубокими, как водная пучина, а является человеком отрывочных знаний и ограниченного кругозора, то вы скоро исчерпаете его образованность, поток его наставлений иссякнет и течение его поучений прервется. Как только он опустошит кошель своих знаний для других, то сам уподобится нищему, у которого ничего не осталось. Поскольку же знания, передаваемые им, частичны и фрагментарны, то они к тому же мелки и ничтожны и не обладают никакими чудесными свойствами. И тогда уже не будет никакой необходимости задерживаться в его драгоценном жилище. Если же вы захотите питаться скудным зерном его наставлений, то разве сможете вы добиться какого-нибудь успеха? Какой смысл просить еду у дома

Бо-и и Шу-ци или жаловаться на холод семье Цянь Лоу?⁷ Если вы и получите что-нибудь, то оно не будет лучше, чем желуди, конские каштаны или холщовое рубище. И уж конечно, вам не предложат мяса трех жертвенных животных, шелковые облачения и меховые наряды.

Некоторые люди внимают наставлениям посредственного учителя, так до конца и не понимая этого. Но есть и такие люди, которые счастливо обрели знающего учителя, но неспособны усердно учиться; то, что они теряют, несравненно превосходит то, что теряют люди, не понявшие заурядности своего учителя. Конечно, никогда не бывает легким делом понять, глубок или мелок ваш учитель. И неудивительно, что древние прекрасно понимали эту трудность и искренне говорили о ней. Любой белый камень может напоминать нефрит, и любой развратный оболъститель может напоминать мудреца. Но подлинный мудрец живет в тиши уединенного сокрытия; он есть, но его как бы нет. Оболъститель же будет превозносить себя и выставлять себя напоказ все больше и больше; он пуст, но будет изображать наличие у него достойной сути. И если человек недостаточно прозорлив, то как ему распознать, где правда, а где фальшь? Те ученики, которые продолжают учиться у заурядного учителя, не прекращают делать это просто потому, что они не знают об отсутствии знаний у их наставника; они вполне искренне считают, что у него можно учиться. Те же, которые встретили выдающегося человека, но не могут возвыситься до его уровня, не делают этого потому, что не знают его внутренней глубины и не могут задать ему нужные вопросы; они вполне искренне считают, что их учитель ничем не отличается от всех прочих.

Тот, кто способен познать насущнейшее Дао-Путь, не имеет влечения к вещам. Он не стремится к мирским почестям. Так как же он может самовосхваляться, рекламируя себя перед толпой обывателей? Напротив, ничтожные посредственности непомерно превозносят и восхваляют сами себя, внушительной внешностью и вкрадчивым голосом приукрашивая свою внутреннюю пустоту и соблазняя простаков, начавших учиться поздно; и всю эту болтовню

они еще смеют называть великими речами! Они говорят: „Мы восходили на славные горы и там встречались с бессмертными“. Люди же, которые слушают их, как правило, неспособны четко и ясно разобраться в их претензиях и поэтому редко понимают, что они врут.

Я прежде несколько раз встречал таких бесстыдных даосов. Они втирались в доверие к знатым людям, соби-
рали вокруг себя толпы последователей и создавали себе пустую славу, делая вид, например, что им уже четыреста или пятьсот лет. Если же кто-нибудь прямо осведомляется об их возрасте, то они или предпочитают не слышать заданного им вопроса или, кивая головой, с усмешкой отвечают, что им восемьдесят или девяносто лет. Затем вдруг они, как бы между прочим, начинают рассказывать, что пятьдесят лет постились на северном склоне горы Хуашань, потом еще сорок лет в пещерах Шаоши горы Суншань, потом еще шестьдесят лет на горе Тайшань, а потом еще с группой других людей пятьдесят лет на горе Цзишань. После этих слов человек, который хотел узнать их возраст, начинает, конечно, складывать сообщенные ими числа, а в результате и получается, что им уже по несколько сотен лет. И тогда люди, падкие до таких историй, уже не могут отказать им в том, чтобы они, как говорится, ставили свои колесницы и повозки, многочисленные, как клубящийся дым или туман, у ворот своих жилищ, вот и все.

Что касается разных магов и оккультистов, то они подчас наделены природной способностью видеть демонов и духов, предсказывать будущее, исходя из своего внутреннего видения, и знать прошлое и будущее других людей, но они никоим образом неспособны хоть на малость изменить судьбу, прибавляя счастье и уменьшая горести. И в этих своих способностях они вполне подобны палочкам тысячелистника и черепаховым панцирям⁸. Но когда люди видят проявления их малых способностей, то тотчас начинают величать их „божественными людьми“ и говорить, что для тех, конечно же, нет ничего неведомого. Кроме того, они иногда достигают успеха в применении таких способов, как приготовление воды со смытыми в нее аму-

летами и использование запретительных заклинаний, которые полезны, когда нужно избавиться от воздействия нечистой силы, но это вовсе не означает, что они сведущи в пути бессмертия. Люди, практикующие множество магических приемов, могут видеть чудесные демонические явления, но эта их способность абсолютно бесполезна для продления жизни. Если начать расспрашивать таких людей о пути золота и киновари, то вскоре выяснится, что они ничего о нем не знают. Поэтому наиболее умелые из них не останавливаются ни перед чем, обманывая народ и мороча людям голову ради собственного обогащения и извлечения выгоды. Их вполне можно сравнить с ворами, пробирающимися тайком в наши жилища, — хотя они и идут разными путями, но приходят к одной и той же цели. Гораздо лучше, нежели доверять их пустым речам, взять да и вынести их деяния на всеобщее обозрение, дабы те из них, что придут позднее, могли бы извлечь из этого хороший урок. Через сравнение их поступков можно будет убедиться в том, что все они лжецы и притворы.

В прежние годы был такой Гу Цян, который знал методы приема внутрь растительных снадобий, а также широко распространял приемы Жунчэна и Чистой Девы⁹. Ему уже было за восемьдесят, но его ум оставался острым, а чувства — чуткими, что никак не соответствовало его столь преклонному возрасту. Его современники стали повсеместно говорить, что это бессмертный, а кое-кто даже стал звать его „тысячелетним старцем“. Тогда янчжоуский наместник господин Цзи¹⁰ решил проверить, что это за человек, и навел на него в Иду. Когда господин Цзи пришел к Гу Цяну, тот напустил поначалу на себя загадочный и многозначительный вид, давая понять, что ему известна суть многих сокровеннейших тайн, которые он и не думает сообщать другим людям. В это время собрались поклонники Гу Цяна, столь же неотступно следовавшие за ним, как эхо следует за звуком, тень сопровождает тело и тучи сопутствуют дождю, а собравшись, начали восхвалять и превозносить его. Эти же люди в изобилии снабжали его пищей и деньгами, и то и другое у него всегда было в избытке. Даже почести, которых сподобились Луань Да и Ли

Шао-цзюнь при династии Хань, ничуть не превосходили оказываемого ему почета. Хотя он постоянно принимал „зиму небесных врат“-спаржу, мы доподлинно знаем, что в его теле никогда не было великих эликсиров — золотого раствора и перегнанной киновари. Тем не менее он был достаточно начитан и прекрасно знал дела древности. Гу Цян утверждал, что ему четыре тысячи лет от роду, и рассказывал разные пустые побасенки, без тени смущения уверяя, что он был лично знаком с Яо, Шунем, Юем и Чэн-таном, и сообщая всякие подробности о них, как если бы действительно встречался с ними.

Он говорил, например: „В мире распространено предствление, что у Яо были восьмицветные брови, но это не так. Просто концы его бровей резко поднимались вверх, напоминая по форме иероглиф «восемь», и все. Яо был крупным, высоким человеком с прекрасными усами и бакенбардами. Он каждый день пил вино и выпивал больше двух доу. Поэтому люди называли его Тысячепудовым, но это, конечно, не заслуживающее доверия преувеличение. Я сам несколько раз видел его чрезвычайно пьяным. Хотя он и был совершенным мудрецом, в старости он вершил дела правления гораздо хуже, чем когда он был молод и силен. Когда он разделался с «четырьмя бедствиями» и превознес восьмерых достойных¹¹, то передал все дела в руки Шуня, а Шунь был просто сиротой из семьи низкого происхождения.

У Шуня, однако, были особые природные таланты. Он незаметно распахал горы Лишань, рыбачил в Лэйцзэ, озере Громов, и работал как гончар на морском берегу. Прежде чем его современники распознали его удивительные способности, я заметил, что он обладает удивительным свойством преобразовывать народ своей Благой Силой-Дэ. У него в каждом глазу были двойные зрачки, что я воспринял как признак его великого благородства. Я постоянно вдохновлял и подбадривал Шуня в его трудах, говоря, что следует всегда заботиться о благом и возвышенном и не горевать об отсутствии богатства и знатности. Я напоминал ему, что сила первоэлемента «огонь» близка к своему истощению, а эссенция желтого вот-вот должна

проявиться¹². «Поскольку именно вы родились под счастливой звездой, то кто же, если не вы, предназначен для верховной власти!» — сказал я ему.

Его отец, однако, из крайней глупости, а его младший брат из-за смертельной ненависти задумали убить Шуня. Я же постоянно увещевал и критиковал их, говоря: «Этот мальчик должен возвыситься до государева трона, и все в пределах четырех морей ждут, когда он одарит их своими благодеяниями. И ведь не может же ваша благородная семья помешать ему выполнить его предназначение!»

Затем Яо внезапно передал ему престол, и таким образом все мои предсказания целиком исполнились¹³.

И еще Гу Цян говорил: «Когда матери Конфуция было шестнадцать или семнадцать лет, я предсказал ей, что она родит сына, отмеченного печатью благородства, и она родила Чжун-ни, поистине необычайного человека. Он был ростом в девять чи и шесть цуней¹⁴; его лоб был как у Яо, его шея была как у Гао Яо, его плечи были как у Цзы-чаня; если считать от талии до ступней, то он был на три цуня ниже, чем Юй¹⁵. Он был бедным и несчастным сиротой. Еще будучи мальчиком, он проявлял живейший интерес ко всему, связанному с различными ритуальными сосудами. Я знал, что он непременно добьется успехов и свершений. Когда он подрос, то начал приводить людей в изумление своими мудрыми речами, и отовсюду, из далеких и близких мест, к нему стали стекаться люди, чтобы учиться у него. И таких, как гласит их перечень, набиралось до нескольких тысяч человек. Я сам с наслаждением слушал его речи и не раз посещал его занятия. Он только сетовал на то, что я необразован и не могу быть его постоянным учеником и соратником. Он неоднократно побуждал меня читать «Канон Перемен», говоря: «Это превосходная книга. Я, Цю, глубоко люблю ее и постоянно читаю, отчего кожаные завязки, скрепляющие мой экземпляр этой книги, три раза рвались, но благодаря ее изучению я достиг великого прозрения»¹⁶. В четырнадцатый год правления луского Ай-гуна¹⁶ охотники поймали в западной части страны благовещего единорога, причем единорог

вскоре умер. Конфуций спросил меня, что это значит. Я ответил ему, что это нехорошее предвестие. Конфуций тогда опечалился и заплакал. После этого он увидел дурной сон и снова захотел увидаться со мной. Шла середина четвертого месяца, и уже было очень жарко. Поэтому я не смог пойти к нему и вскоре узнал, что он проболел семь дней и скончался. Мне кажется, что и теперь он стоит перед моими глазами, как живой“.

И еще Гу Цян рассказывал: „Цинь Шихуан послал меня в город Пэнчэн, чтобы извлечь на свет чжоуский треножник¹⁷. Я обратился к Цинь Шихуану и сообщил ему, что этот треножник — божественная вещь. Когда в Поднебесной царит Благая Сила-Дэ, он появляется, а когда она не следует Дао-Пути, то он исчезает. «Если вы, государь, займетесь самосовершенствованием, то он сам придет прямо к вам в руки, но принудить его силой принадлежать вам нельзя», — так сказал я ему. Император только весьма подивился моей позиции и все же приказал доставить ему треножник. Конечно же, он потерпел неудачу. Тогда император поблагодарил меня и сказал: «Поистине, вы, государь, дальновидный и принципиальный муж»“.

И еще Гу Цян рассказывал о ханьском императоре Гао-цзу и Сян Юе¹⁸, а также о других исторических деятелях с большими подробностями, но я не имею возможности все это пересказывать здесь. Знавшие цену его историям смеялись над ними, но простые люди, слушая их, верили всему тому, что он говорил. Со временем Гу Цян стал обнаруживать признаки старческого помутнения рассудка, его память резко ухудшилась, и он начал забывать многие вещи. Тогда господин наместник Ци подарил Гу Цяну нефритовый кубок, а через некоторое время Гу Цян возьми и скажи Ци, что этот кубок ему в древности подарил сам господин Ань Ци¹⁹. Потом Гу Цян заболел, находясь в доме Хуан Чжэна из Шоучуя, и умер. Чжэн же подозревал, что тот преобразился, а не умер. Приблизительно через год Чжэн вскрыл гроб Гу Цяна, чтобы проверить, не воскрес ли он, но его тело все так же покоилось в гробу. Вот пример того, как совершенно недостойный и пустой человек добился славы, а ведь именно из-за таких обман-

щиков люди и перестают верить, что в Поднебесной есть бессмертные. Я обвиняю таких людей в том, что они своей ложью позорят истину.

Губернатор Чэнду²⁰ по имени У Вэнь рассказывал, что в городе Уюань жил некий Цай Дань, который любил Дао-Путь, но не получил должных наставлений от достойного учителя. Он полностью забросил все свои домашние дела и дни и ночи напролет только рецитировал и распевал такие тексты, как „Желтый двор“, „Срединный канон Великой Чистоты“, „Подробное и постатейное описание созерцания Неба“²¹ и другие, подобные им. Он также неустанно читал совершенно не необходимые сочинения представителей всех философских школ, причем его язык ничуть не уставал. Более того, Цай Дань был уверен, что всем этим Дао-Путь и исчерпывается. Он не имел ни малейшего представления о надлежащей даосской практике и только красноречиво и витийствовал, своими выспренними и пустыми речами мороча голову глупцам. Он также учил людей, что достаточно прочесть эти тексты по тысяче раз, чтобы все их желания исполнились. И настолько Цай Дань укрепился в таком образе жизни, что домашние стали уже всерьез беспокоиться о его состоянии. Чем дольше он сидел, поглощенный своим делом, тем меньше были его потребности в одежде и еде, но больше ничего необыкновенного с ним не происходило. А он столь самозабвенно продолжал заниматься своей практикой, что уже не мог избавиться от этой своей одержимости. Он совсем отдалился от семьи и стал утверждать, что свершил путь бессмертных и достиг цели. По этой причине Цай Дань покинул людское общество и ушел в глубь горных массивов. Однако он совершенно не был знаком с правильным собиранием трав и изготовлением растительных снадобий для отказа от злаков и длительного поста. Он только и мог, что продавать собранный хворост, чтобы покупать еду и одежду. Так прошло три года. Цай Дань очень страдал от голода и холода, и когда встречал знавших его людей, то делал вид, что не знаком с ними. Прошло немного времени, и его страдания стали непереносимы; тогда он вернулся в свою семью. Он был весь черен,

покрыт струпьями и был похож на ходячий скелет, а отнюдь не на человека. Его домашние спросили его, откуда он пришел и почему он в конце концов так и не стал бессмертным? Цай Дань же обманул их и сказал: „Я не смог взойти на небеса, но я стал земным бессмертным. Ведь вначале надо удовольствоваться низким положением и служить тем, кто стал бессмертным раньше меня. И только постепенно я смогу достичь всего остального. Я пас нескольких драконов Государя Лао, Лао-цзюня, и один из этих драконов, дивное пятицветное существо, был особенно хорош. Сам Государь Лао постоянно ездил на нем. Он и повелел мне следить за этим драконом и заботиться о нем. Однако я не был усерден и все только развлекался с бессмертными, обретшими это состояние позднее меня. И поэтому я внезапно упустил этого дракона из виду, и больше уже никто не знал, где он находится. За этот проступок я был наказан и отправлен к подножию горы Куньлунь пропалывать растущую там густую-прегустую траву, перемежающуюся всюду с вредными сорняками; всего мне надо было регулярно пропалывать три-четыре цина²² этой земли. К тому же там было множество всевозможных мелких камней, пыли и прочих признаков запустения. Невозможно рассказать, сколь тяжким был мой горький труд на этой земле, но потребовалось целых десять долгих лет, чтобы я был помилован.

Тогда бессмертные Во Цюань-цзы и Ван Цяо пришли проверить мое поведение. Я же почтительно и искренне умолял их приложить все усилия, чтобы выручить меня оттуда. Именно поэтому меня освободили от наказания и разрешили вернуться домой. Теперь же я должен усердно самосовершенствоваться, чтобы получить возможность вернуться обратно к бессмертным“.

Вскоре он умер от старости.

Когда Дань только что вернулся домой и сказал, что вернулся с Куньлуня, все близкие стали расспрашивать его, каков Куньлунь.

Он отвечал им так: „Никто не может спрашивать о высоте небес, на них можно только взирать, подняв голову; так вот, гора Куньлунь не достает до неба всего только на

несколько десятков чжанов. На ней растут злаки, подобные деревьям; их высота составляет четыре чжана и девять чи. Зернами с одного колоса этих деревьев можно наполнить целую телегу. Там растут также драгоценные деревья из жемчуга и нефрита, из сапфиров, агатов и лазурита. На них растут нефритовые сливы, нефритовые тыквы и нефритовые персики; по виду они напоминают те плоды, которые есть и в нашем мире, но они испускают сияющий свет, разгоняющий мрак, и на ощупь тверды. Если же их помыть в воде из нефритового колодца, то они станут мягкими, и их можно будет есть. Когда поднимается ветер, деревья из жемчуга и нефрита, их ветви, цветы и листья начинают соприкасаться друг с другом и издавать звуки пяти нот, исполненные пленительного совершенства и трогающие сердце чистой и нежной грустью.

Когда я узнал о предстоящем мне наказании, моя воля ослабела и я впал в отчаяние, но услышав музыку деревьев, я понял, что никто не сможет остаться равнодушным или скорбеть, внимая ей.

На вершине горы Куньлунь есть четыреста сорок врат, каждые врата шириной в четыре ли; за ними располагаются Пять Стен²³, на которых есть по двенадцать башен. Под каждой башней имеются зеленые драконы и белые тигры, а также ядовитые аспиды и ехидны, их длина составляет по сто с лишним ли, а зубы в их пастьях — словно мачты корабля водоизмещением в триста тонн; там есть также гигантские пчелы длиной в чжан, яд же их жала убивает даже слона. Там есть и другие божественные животные, такие как лев, изгоняющий нечисть, небесный олень, пылающий овен. У них медные головы, железные лбы и длинные зубы, причем их клыки похожи на шила. Всего их тридцать шесть видов, и если знать все их имена, то никакие злые демоны или хищные звери Поднебесной не посмеют приблизиться к такому человеку.

Имена божеств, которые пребывают там, таковы: Безголовый Мудрец, Государь Сияния, Приходящего Снизу, Господин-Держатель Всех Стягов, Учитель Срединной Желтизны; все они являются великими сановниками у шести врат. Бессмертный Чжан Ян²⁴ (второе его имя Цзы-

юань) охраняет Нефритовые Врата, и если бы у меня не было с собой соединяющихся друг с другом правой и левой половины амулета Бамбукового посланника Государя Лао, то мне не удалось бы войти туда.

Пять рек стекают по склонам горы, а окружают ее слабые воды: в них не может удержаться на поверхности даже лебяжий пух, и даже птицы не могут перелететь их, только бессмертным дано преодолеть их.

На горе живут божественные птицы и божественные кони, такие существа, как ю-чан, цзяо-мин, тэн-хуан и испускающий сияние конь²⁵. Все они умеют говорить человеческим языком и обладают бессмертием. Таким образом, это поистине благое и спасительное место, истинная обитель радости бессмертных. Увы! Как жаль, что мне не удалось обойти по кругу всю эту цитадель!"

В то время из людей, слушавших повествования Цай Дая, очень многие верили ему.

И еще в городе Пубане, что в Хэдуне, жил некий человек по имени Сян Вань-ду. Однажды он со своим сыном ушел в горы, чтобы учиться там пути бессмертных. Через десять лет они вернулись домой, и их близкие спросили их, почему они так поступили. Вань-ду сказал: „Мы в течение трех лет занимались в горах сосредоточенным созерцанием. После этого один бессмертный пришел к нам и приветствовал меня, а потом мы вместе сели верхом на дракона и унеслись в небесную высь. Прошло уже порядочно времени, когда я наклонил голову и взгляделся в Землю, но увидел не ее, а только мрак и бездну: мы еще никуда не прилетели, но поднялись над Землей чрезвычайно высоко. Дракон летел с необычайной скоростью, его голова поднималась вверх, его хвост опускался вниз, и мы, люди, сидевшие на его спине, очень боялись и трепетали от ужаса. Когда мы прилетели на Небо, то вначале прошли в Пурпурный Покой, где стояли ложа из золота и столы из нефрита; все там так и блестело, так и сияло! Поистине, это было место подлинного благородного величия. Бессмертные угостили нас чашкой небесной влаги, мы выпили ее и тотчас же избавились от голода и жажды. Внезапно мы вспомнили о доме, и когда на Небе нас привели на

аудиенцию к Верховному Императору, то мы, совершая коленопреклонения, допустили ошибку в церемониале, и нам было велено вернуться обратно, чтобы мы продолжали самосовершенствоваться и накапливать заслуги, дабы получить возможность вновь вернуться туда.

Некогда хуайнаньский удельный царь Лю Ань взошел на Небо и был принят Верховным Императором. Лю Ань сидел в тронном зале в свободной позе и громко говорил, называя себя «нашим величеством». За это его наказали и заставили в течение трех лет охранять созвездие Небесная Уборная. А что мы за люди, чтобы не понести наказание?!“

В Хэдуне поэтому стали звать Вань-ду „приговоренным бессмертным“.

В мире очень много разных обманщиков, и все они отнюдь не одинаковы, а потому нельзя без должного внимания относиться к этой проблеме. Ведь рассказанное выше представляет собой откровенную ложь, но люди не понимают, что все это вздор, так что уж тогда говорить о лжи утонченной и изощренном обмане, возводящихся на малой крупице подлинного факта, который всемерно искажается и извращается за счет добавленного вранья? Если человек недостаточно мудр, то как сможет он распознать такую ложь?

Есть также случаи, когда обманщики просто придумывают личности знаменитых даосов прошлого. В качестве примера можно привести историю Бай Хэ. Предание гласит, что ему было восемь тысяч семьсот лет, когда он внезапно появился среди людей, а потом вновь бесследно исчез, и никто не знает, где он находится. В свое время в Лояне был один даос, чрезвычайно образованный и осведомленный во всех подобающих делах. Местные алхимики и маги устремлялись к нему со своими вопросами и сомнениями. И тогда Бай Хэ, а это был он, все им досконально объяснял и показывал, и все их сомнения рассеивались, поскольку он намного превосходил их своими знаниями. Соответственно, он стал широко известен. Никто, правда, не знал, каков его возраст, но верили, что ему лишь немногим меньше тысячи. Внезапно он ушел, и никто не знает, где он скрылся. Вскоре в Хэбэе появился человек,

называвший себя Бай Хэ. Отовсюду, из дальних и ближних мест, к нему стали стекаться почитатели, подносившие ему богатые дары, так что и он вскоре разбогател. Тогда ученики Бай Хэ, услышав, что Хэ пришел туда, сильно обрадовались и пошли повидать его, однако сразу же убедились, что это не он. А тот человек после разоблачения тотчас ушел из этих мест.

Пять конфуцианских канонов и творения, расположенные по четырем разделам²⁶, — лишь ритуальная „соломенная собака“²⁷, лишь плевелы и шелуха, оставшиеся от прошедших времен. Их называют также „следами“, поскольку нога, оставившая их, ушла, а сами они — не нога²⁸. Книги — это то, что написали совершенные мудрецы, но сами они — не совершенные мудрецы. Конфуцианцы готовы пройти десять тысяч ли с книгами на спине в поисках учителя, так не заслуживает ли этого еще в гораздо большей степени путь продления жизни! Разве не достойно усердных поисков то, к чему столь серьезно относятся истинные люди, чтобы иметь возможность получить правильные ответы на свои вопросы? Но нельзя не стремиться досконально отличать правду от лжи! Я боюсь, что все эти Гу Цяны, Цай Дани, Сян Вань-ду и Бай Хэ отнюдь не перевелись в мире, и потому надеюсь, что эта моя книга поможет людям, всерьез полюбившим дела, о которых она повествует, разобраться в том, что есть благо, а что нет. Каноническая книга бессмертных гласит: „У всех бессмертных зрочки квадратные“²⁹. Вот и про Бай Чжун-ли³⁰, который жил в Лояне, мне рассказывали, что зрочки у него и в самом деле были квадратными, а значит, он поистине был необычным мужем».

Примечание переводчика: На этом заканчиваются внутренние (эзотерические) главы «Баопу-цзы». Перевод закончен Е. А. Торчиновым 4 марта 1997 года в 18 час. 34 мин. (г. Санкт-Петербург).

Примечания

¹ Место в уезде Хэпусянь (современная провинция Гуандун), на побережье крайнего юга Китая. В древности славилось своим жемчугом.

2 Имеется в виду мифическая сияющая черная жемчужина, хранящаяся за подбородком дракона.

3 Горы в округе Цзинчжоу (современная провинция Хубэй, Центральный Китай). В ее пещерах в древности находили много особенно ценного нефрита.

4 В древности за нефрит из Цзиншаньских гор, полученный чжаоским Хуэйвэнь-ваном от чусца Хэ, циньский Чжао-ван предлагал пятнадцать укрепленных городов.

5 Чанчжоу — мифический континент, заросший дремучими лесами. На нем расположены Лазоревые холмы даосских бессмертных (см. гл. 18 «Баопу-цзы»). Об этом континенте впервые сообщается в «Записках о десяти континентах» («Ши чжоу цзи»), приписываемых даоскому бессмертному мудрецу-юродивому Дунфан Шо (II в. до н.э.).

6 Тао Чжу — известный богач древности.

Юань Сянь — ученик Конфуция.

Янь Хуэй (Янь Юань) — любимый ученик Конфуция, живший в бедности.

7 Бо-и и Шу-ци (XII—XI вв. до н.э.) — «великие старцы Поднебесной», настолько преданные легитимной династии Шан-Инь, что после ее падения отказались есть чжоускую пищу и умерли голодной смертью.

Цянь Лоу — бедняк, живший в древности; он не имел даже достаточно одежды, чтобы прикрыть свою наготу.

8 Имеются в виду наиболее важные и «респектабельные» виды древнекитайской мантики, о которых неоднократно говорилось выше.

9 То есть методы даосской сексуальной практики (*фан чжун чжи шу*).

Жунчэн — один из древних даосских бессмертных, которому приписываются эротологические тексты.

Чистая Дева (*Су-ной*) — божественная наставница в этом виде даосской практики.

10 Господин Цзи — имеется в виду Цзи Хань, друг Гэ Хуна, в канцелярии которого как губернатора Гуанчжоу Гэ Хун некоторое время служил секретарем после своего неудачного путешествия на север за даосскими текстами. После его убийства Гэ Хун вернулся в Нанкин (Цзянь, Цзянькан), где вскоре и приступил к написанию «Баопу-цзы» (между 317 и 320 гг.). Цзи Хань также увлекался даосизмом и занимался даосской практикой.

11 «Четыре бедствия» (*си сюн*) — четыре враждебных племен, беспокоивших Поднебесную в период правления Яо: *хуньдунь*, *цзонци*, *таоу* и *таоте*. Иногда они описываются как звероподобные монстры. См. «Цзо чжуань» (18-й год Вэнь-гуна).

Восемь достойных (*юань кай*; *ба юань*; *ба кай*) — восемь достойных мужей и мудрых сановников времен Яо (см. «Цзо чжуань», 18-й год Вэнь-гуна).

12 Первоэлемент «земля» (желтый цвет) сменяет «огонь» в соответствии с порядком взаимопорождения (*сян шэн*) первоэлементов.

13 То есть около 230 см. О таком росте Конфуция говорится в главе «Речи о затруднениях» («Кунь юй») ханьского апокрифа «Речи семи Конфуция» («Кун-цзы цзя юй»). Чрезвычайно высокий рост Конфуция, однако, подтверждается и другими источниками.

14 Об этом сообщается в жизнеописании Конфуция в «Исторических записках» Сыма Цяня и в главе «Гу сянь» «Весов суждений» («Лунь хэн») философа-скептика I в. н. э. Ван Чуна.

15 В «Суждениях и беседах» («Лунь юй», версия «старых писем», *гу вэнь*, гл. VII, 16) Конфуций восхваляет «Канон Перемен» и мечтает иметь возможность всю оставшуюся жизнь посвятить его изучению.

16 Это соответствует 481 г. до н. э.

17 Сыма Цянь сообщает («Исторические записки», «Основные анналы Цинь Шихуана»), что в 28-м году своего правления Цинь Шихуан-ди предпринял попытку в городе Пэнчэнь извлечь затонувшие сакральные символы легитимной власти — чжоуские треножники. Во время этого мероприятия утонули тысяча человек, но треножники так и не извлекли.

18 Гао-цзю (Лю Бан) — основатель династии Хань, ставший императором благодаря участию в восстании против деспотического режима Цинь (правил в 206—195 гг. до н. э.).

Сян Юй — вначале соратник Лю Бана, а потом его главный соперник в борьбе за власть (имел титул царя Чу). Победа над ним позволила Лю Бану создать империю Хань.

19 Ань Ци (Ань Ци-шэн) — известный даос времен Цинь (III в. до н. э.). Подробнее о нем см. в гл. 13 «Баопу-цзы» и коммент. 23 к этой главе.

20 Чэнду — большой город на юго-западе Китая. В настоящее время — столица провинции Сычуань.

21 Из этих текстов известен только «Канон желтого двора» («Хуан тин цзин»), важный даосский текст, посвященный созерцательной практике блюдения Одного (см. гл. 18 «Баопу-цзы» и коммент. 40 к гл. 5). Этот текст есть и в библиографическом каталоге Гэ Хуна.

22 Цин — мера земли в 100 *му*, для эпохи Гэ Хуна равная около 5 га. Следовательно, Цай Даню приходилось пропалывать 15—20 га.

23 Пять Стен (или Пятиградие — *У чэн*) — см. коммент. 26 к гл. 1.

24 Об этом бессмертном в даосской агиографической литературе сведений нет.

25 Ю-чан и цзяо-мин — божественные птицы. Цзяо-мин — общее название всех божественных птиц пяти сторон света (включая центр); ю-чан — название волшебных птиц севера. Тэн-хуан и светоносный цзе гуан — божественные кони. См. коммент. 9 к гл. 3.

26 Вся традиционная китайская литература подразделялась на четыре раздела (*сы бу*) — конфуцианские каноны (*цзин*), философы (*цзы*), историки (*ши*) и смешанные тексты (*цзи*).

27 Намек на «Дао-Дэ цзин» (5): «Небо не гуманно и ко всему сущему относится как к соломенной собаке» (то есть Небо абсолютно бесстрастно и беспристрастно, не зная ни симпатий, ни предубеждений, ни иерархий). Соломенная собака — чучело, сжигавшееся после праздника в ритуальных целях. Подобным же образом должен относиться ко всем людям и совершенный мудрец.

28 Аналогичные рассуждения и образы характерны для философов школы легистов (*фа цзя*), особенно — Ханьфэй-цзы (III в. до н. э.), и для «Весов суждений» ханьского философа-скептика Ван Чуна (I в. н. э.).

29 Источник этого цитирования установить не удалось.

30 Речь здесь идет о том же Бай Хэ, что и выше (осуждает же Гэ Хун лишь проходимца, выдававшего себя за Бай Хэ). Бай Чжунли и Бай Хэ, видимо, тождественны даосу Бо Хэ, о котором говорилось в гл. 14 и 19 «Баопу-цзы».

Меры длины, веса и емкости для эпохи Гэ Хуна*

Меры длины

жэнь	— 2,56 м
ли	— 440 м
сюнь	— 2,24 м
фэнь	— 2,4 мм
цунь	— 2,4 см
чжан	— 2,4 м
чи	— 0,32 м

Меры емкости

гэ	— 0,02 л
доу	— 2 л
ху	— 20 л
шэнь	— 0,2 л

Меры веса

лянь	— 30 г
цзинь	— 222 г
чжу	— 0,62 г

* В таблице приводятся округленные значения.

Научно-популярное издание

Торчинов Евгений Алексеевич

ПУТИ ОБРЕТЕНИЯ БЕССМЕРТИЯ

Даосизм в исследованиях и переводах

Редакторы *И. Сологуб, Т. Бугакова*

Художественный редактор *Е. Саламашенко*

Корректоры *Т. Никонова, С. Кучепатова*

Верстка *А. Соколова*

Подписано в печать 20.01.2017.

Формат издания 84×108 1/32. Усл. печ. л. 31,92.

Издательство «Пальмира».

197022, Санкт-Петербург,

Инструментальная ул., д. 3, лит. К.

Отпечатано: Акционерное общество

«Т8 Издательские Технологии».

109316, Москва, Волгоградский пр., д. 42, корп. 5.

Тел.: 8 (499) 322-38-30.

www.letmeprint.ru

12+ | Издание не рекомендуется детям младше 12 лет